

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИ

**ЎЗБЕКИСТОН ТАРИХИ
МОДДИЙ МАДАНИЯТ
ВА ЁЗМА МАНБАЛАРДА**

**ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ**

Масъул мухаррир А.А. Анорбоев

Тошкент
Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси
«ФАН» нашриёти
2005

ISBN—5-648-03309-5

Редакционная коллегия: А.А. Анарбаев (ответственный редактор), А.А. Аскарлов, К.А. Абдуллаев, А.Х. Атаходжаев, У.И. Исламов, М.Х. Исамиддинов, Дж. К. Мирзаахмедов, Т.И. Лебедева, Р.Х. Сулейманов, В.Д. Рузанов, Т.Ш. Ширинов, Е.И. Баданова (зав.редакцией)

Рецензенты:

Академик А.Р. Мухамеджанов,
К.и.н. М.Х. Пардаев.

Ўзбекистон тарихи моддий маданият ва ёзма манбаларда, «ФАН», 2005 й. 300 саҳифа.

Ушбу тўпламга академик Аҳмадали Аскарловнинг кўп қиррали фаолиятига алоқадор бўлган илмий мақолалар киритилган бўлиб, улар археология, нумизматика ва тарих фанларининг у ёки бу соҳадаги долзарб муаммоларига бағишланган. Мақолалар мавзуси ва даврий санаси ибтидоий жамият то сўнгги ўрта асрларгача бўлган узоқ даврни қамраб олади. Ўзбекистон халқларининг қадимги моддий-маданиятига тегишли барча жабҳалар-меъморчилик тарихи, кўхна яшаш маконларининг лойиҳаси, топографияси хусусиятлари, хунармандчилик, санъат, нумизматика, антропология, ирригация, маълум тарихий даврининг маънавий , мафкуравий ҳаёт масалалари очиқ берилган.

Тўплам тарихчилар, археологлар, этнографлар, Олий ўқув юртларининг ўқитувчилари, талабалари ва қадимги давр моддий - маданияти билан қизиққан кенг ўқувчилар оммаси учун мўлжалланган.

В сборник вошли статьи и заметки по археологии, нумизматике и истории, проблематика которых так или иначе связана с многогранной деятельностью академика А.А. Аскарлова. Хронологически охватывается широкий диапазон - от памятников эпохи неолита до позднего средневековья: планировка и топография поселений, история архитектуры, ремесло, нумизматика, искусство, ирригация, а также вопросы развития идеологических воззрений и результаты антропологических исследований.

Сборник предназначен для историков, археологов, студентов гуманитарных ВУЗов и широкого круга читателей.

© ЎзР ФА Археология институти, 2005 й.
ЎзР ФА «ФАН» нашриёти, 2005 й.

А.А. АСКАРОВ – КРУПНЫЙ УЗБЕКСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ОРГАНИЗАТОР АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ

В сентябре 2005 г. исполняется 70 лет со дня рождения известного узбекского исследователя древнейшей истории Центральной Азии и организатора археологической науки в Узбекистане – Ахмадали Аскаревича Аскарова, академика, доктора исторических наук, профессора.

Ахмадали Аскаревич родился в 1935 году в с. Учтепа Нарынского района Наманганской области. После окончания исторического факультета Ташкентского Госпединститута им.

Низами (1957 г.) работал учителем в средней школе, затем в 1958-1961 гг. учился в аспирантуре ЛОИА АН СССР под руководством известного археолога профессора М.П. Грязнова. Он специализировался по истории первобытной археологии. В 1963 году (январь) защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Низовья Зеравшана в эпоху бронзы». В 1977 году (апрель) – докторскую на тему: «Бронзовый век Южного Узбекистана (к проблеме развития локальных очагов древневосточных цивилизаций)».

Ахмадали Аскаревич с 1961 г. – научный сотрудник, а с 1966 г. – заместитель директора Института истории и археологии АН УзССР.

В связи с организацией самостоятельного научно-исследовательского Института археологии в системе Академии наук Республики Узбекистан в октябре 1970 г. он становится его директором. С марта 1980 года – зав.отделом эпохи бронзы и раннего железа, а с сентября 1983 года вновь назначается директором Института археологии АН Республики Узбекистан.

В 1987 г. он становится академиком-секретарем отделения истории, литерату-

ры и языкознания АН Республики Узбекистан, а в 1990-1994 гг. как депутат Верховного Совета участвовал в решении ряда вопросов, связанных с культурной и научной жизнью Республики.

За период руководства институтом А. Аскарovich осуществлена огромная научная и научно-организационная работа, он является одним из активных организаторов Института археологии, им создан стабильный научный коллектив, достигнуты большие успехи в области археологических исследований памятников древнейшей, древней и средневековой истории республики с крупными открытиями первостепенного научного значения, значительно расширена научная и материально-техническая база института, подготовлена в тесном контакте с учеными Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга) большая группа специалистов высокой квалификации, как кандидатов, так и докторов наук. Под его руководством защищено 12 кандидатских, 3 докторских диссертации.

Научные интересы А. Аскарова связаны с изучением первобытной археологии – истории древнейших племен эпохи бронзы и раннего железа. Он, активно участвуя в

работах ряда крупных экспедиций (Байкальской, Красноярской, Махандарьинской, Южно-Туркменистанской), руководимых такими учеными, как М.П. Грязнов, Я.Г. Гулямов, В.М. Массон, глубоко овладевает методикой полевых исследований; с 1963 года руководит самостоятельным отрядом, а с 1970 г. возглавляет Сурхандарьинскую комплексную экспедицию.

Огромен вклад А. Аскарлова в изучение истории материальной и духовной культуры древних степных племен Средней Азии, в частности, западных районов Узбекистана, где он, продолжая полевые работы академика Я.Г. Гулямова, выявил целый ряд памятников. Им разработана археологическая периодизация развития культуры степных племен эпохи бронзы и раннего железа низовьев Зарафшана, воссоздана целостная история племен, обитавших в этой зоне во II тыс. до н.э.

А.А. Аскарлов уже четыре десятилетия вплотную занимается разработкой проблемы протогородской и раннегородской цивилизаций, вопросами ранней урбанизации, исследованием закономерностей разложения первобытно-общинного строя и формирования раннеклассового общества на материалах Узбекистана. По этой проблеме А. Аскарловым подготовлено и опубликовано более 300 научных трудов, в том числе 12 монографий и два учебных пособия.

Целый ряд работ А. Аскарлова издан за рубежом, одна монография, посвященная древнеземледельческой культуре юга Узбекистана «Kuchuk-Тере» опубликован издательством Института археологии в Берлине. Он является одним из авторов шеститомника «История цивилизации Центральной Азии», выпускаемого по линии ЮНЕСКО. Под его редакцией вышли в свет 13 томов сборника «История материальной культуры Узбекистана», 10 монографий и целый ряд брошюр на узбекском языке.

Многолетние стационарные планиграфические раскопки памятников старины позволили А. Аскарлову доказать сложение и развитие ранее неизвестного южноузбекского центра древнебактрийской

цивилизации. Выявленный и всесторонне охарактеризованный А. Аскарловым древнебактрийский очаг высокоразвитых культур бронзового века рассматривается в тесной связи с соседними культурами и цивилизациями, выявляется его историческое место в культурной системе Древнего Востока.

Исследования А. Аскарлова позволили выявить этапы внутреннего развития южно-узбекского центра высокоразвитых культур древневосточного типа. Сплошные раскопки поселения Сапалли-тепа с богатейшим материалом могильника, широкомасштабные раскопки некрополя Джаркутан, Бустан и многие другие (Сурхандарьинская область), показали, что южно-узбекский центр древнебактрийской цивилизации, представленный сапаллинской культурой, прошел в своем развитии пять последовательных этапов. Для характеристики каждого этапа культуры имеется чрезвычайно богатый и разнообразный археологический материал; в целом же для нее характерно наличие развитой монументальной архитектуры, фортификации, жилищного строительства и квартальное членение жилых массивов с уличной планировкой.

Полученный богатейший материал позволил А. Аскарлову дать развернутую культурно-хозяйственную характеристику периода II-нач. I тыс. до н.э. Доказано, что для всех этапов развития южно-узбекского центра древнебактрийской цивилизации характерен необычайно высокий уровень ремесел – бронзовой металлургии с элементами ювелирного искусства, ткачества, керамического производства, обработки кости, камня.

Уникальными открытиями первостепенного значения явились находки шелковых, лубяных и хлопчатых тканей, позволяющие удревнить процесс производства натурального шелка, хлопка типа гузы, джута в Узбекистане на два тысячелетия и поставить вопрос о том, что территория Узбекистана была одной из прародин шелкоткачества и хлопководства.

Исследования А. Аскарлова дали в руки специалистов важные антропологические

материалы в крупных сериях для изучения этнического состава древнейших земледельцев Узбекистана, позволяющие также судить об изменениях социального порядка, происшедших в больших патриархальных семьях, о появлении элементов социального неравенства. Так, вскрыто захоронение родового вождя второго (джаркутанского) этапа культуры Сапалли с богатейшим погребальным инвентарем, установлены факты возведения жилых и культовых комплексов на высоких кирпичных платформах, открыты остатки раннегородского храма огня с многочисленными алтарями и монументального высотного здания на поселении Джаркутан, получены совершенно новые материалы о сложении зороастрийского культа в эпоху поздней бронзы с главными характерными элементами зороастризма.

Проведенными А.А. Аскарковым исследованиями доказано, что южные районы Узбекистана, Таджикистана и севера Афганистана были охвачены процессом урбанизации еще с эпохи бронзы (со второй четверти II тыс. до н.э.), раскрыта социально-экономическая база этого процесса, на которой развивалась местная архаичная культура и тем самым опровергнуто прежнее представление о внедрении урбанизации в эти районы извне со второй половины VI в. до н.э.

На богатейшем археологическом материале, добытом автором путем многолетних исследований удревнена история орошаемого земледелия в Узбекистане почти на тысячу лет, детально освещена богатая духовная и материальная культура, характер застройки, быт, искусство и идеология оседлоземледельческого населения. Тем самым создавалась возможность не только открыть новые страницы истории республики поры разложения первобытно-общинного строя, но и пересмотреть основные вопросы зарождения и развития городской цивилизации в Центральной Азии в целом.

Немалая заслуга А. Аскарова в изучении культуры поздней лепной расписной керамики, носителями которых являются местные степные племена, переходившие

в начале I тыс. до н.э. к земледелию под влиянием более развитых древнеземледельческих общин юга.

Несколько работ А. Аскарова посвящены изучению каменного века, архаичного периодов, им подготовлены и опубликованы статьи научно-методического, общепалеонтологического характера, отдельные его работы посвящены вопросам этногенеза народов Средней Азии. В некоторых из этих работ освещено состояние археологических исследований в республике.

Многочисленные разработки и публикации А. Аскарова признаны мировой научной общественностью, неоднократно доложены им ученому миру как в бывшем Союзе, так и за рубежом. Результаты исследований А. Аскарова широко используются не только как теоретические работы, но и вошли в научно-педагогические программы университетов. В 1980-х годах им разработаны специальные курсы, читаемые в Самаркандском госуниверситете им. А. Навои и опубликовано учебное пособие на узбекском языке «Средняя Азия в эпоху энеолита и бронзы» для историков-археологов. Опубликовано учебное пособие на узбекском языке «История Узбекистана» для учителей истории 5 класса средних школ.

Широкое внедрение получили результаты его исследований и в культурном строительстве. Эти материалы вошли в экспозиции музеев Ташкента, Самарканда, Термеза, Бухары и др. Им впервые в Средней Азии создан специальный археологический музей в Сурхандарье, посвященный истории ранней урбанизации, что способствует широкой пропаганде новых достижений археологической науки и использованию их в воспитательных целях.

Ахмадали Аскарров проводил и проводит большую научно-организационную работу. Он являлся членом Научного Совета по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана при Институте археологии АН СССР, членом комиссии АН СССР по использованию данных исторических наук для практики народнохозяйственного строительства в СССР, членом советской части комиссии по реализации со-

ветско-индийского проекта по сравнительному изучению археологии и древней истории и культуры Средней Азии и Индии при Отделении истории АН СССР. Начиная с 1989 г., он являлся членом редакционной коллегии журнала «Советская археология» (ныне «Российская археология»).

В настоящее время А. Аскарлов является активным исполнителем работ по теме становления и развития раннегородской цивилизации, исследования закономерностей разложения первобытно-общинного строя и формирования раннеклассового общества на материалах Узбекистана. На него возложена организация работ по разработке проблем этногенеза узбекского народа по данным археологических и антропологических исследований. Как руководитель по составлению свода археологических памятников Узбекистана, он вел

большие организационные и научно-исследовательские работы.

Заслуги А. Аскарлова в развитии науки и подготовке научных кадров отмечены высокими правительственными наградами. Он награжден Почетными грамотами Верховного Совета Узбекистана. В 1985 г. за изучение проблемы «Истоки и развитие урбанизации Центральной Азии по материалам археологических исследований» ему присуждена Государственная премия УзССР им. Беруни в области науки и техники, а в 1995 г. он удостоен звания «Заслуженного деятеля науки».

Горячо поздравляя Ахмадали Аскарловича Аскарлова с юбилеем, коллектив Института археологии им. Я.Г. Гулямова, желает ему долгих лет жизни, крепкого здоровья, счастья и новых творческих успехов.

А.А. Анарбаев

Н.А. Аванесова

О КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ КОЛЕСНОГО ТРАНСПОРТА ДОИСТОРИЧЕСКОЙ БАКТРИИ

(по материалам сапаллинской культуры)

Изучение колесного транспортного средства раннебактрийской цивилизации является сложной задачей из-за отсутствия документальных остатков полноразмерных повозок, колесниц или колес к ним, прямо свидетельствующих об одном из величайших изобретений человечества¹. Сказанное, однако, вовсе не исключает, а, напротив, предполагает привлечение отдельных, быть может, косвенных артефактов, касающихся средств передвижения и транспортировки, которые позволили бы говорить о характере последних с целью оценки их места в экономической, социально-политической и культурной системах бесписьменного периода Бактрии. Отсутствие фактических средств передвижения в археологических комплексах объясняется особенностью погребального обряда и использованием на протяжении длительного периода деревянных или других органических конструкций, не сохранившихся из-за почвенных условий.

Настоящую статью следует рассматривать как попытку дать примерную картину бытования средств передвижения, представленных в материалах сапаллинской культуры, честь открытия которой принадлежит нашему юбиляру – академику Аскарору Ахмадали Аскарновичу. Археологические реалии, отражающие проблему древнебактрийского колесного транспорта, представлены небольшой, но очень выразительной коллекцией – прежде всего это щитковый псалий, миниатюрные модели колес от вотивных повозок, а также изображения колес на керамических кольцевых подставках. Они образуют типологический ряд разновременных артефактов.

¹ Колесо – не только средство передвижения, но и средство передачи и преобразования вращательного движения. В последнем качестве оно возникло значительно раньше первого (гончарный станок, веретено и др.) вызванные к жизни потребностями общества.

Находки представлены предметами, изготовленными из разных материалов: большая часть из глины, одна поделка из камня и одна из кости, а также продукция гончарного производства. Для идентификации их с реальными прототипами, были проанализированы погребения с повозками и колесницами эпохи палеометалла Евразии, изобразительные источники Средней Азии и Ближнего Востока, которые освещены с разной степенью тщательности в работах М.В. Горелика, П.М. Кожина, Е.Е. Кузьминой, В.Ф. Геннинга, Г.Б. Здановича, В.А. Новоженова, Н.А. Черденченко, Я.А. Шера, Г. Чайлда, С. Пигготта, М. Литтауэр, Д. Кроувэл и др. Литература обширна и по мере изложения нашего материала мы не раз будем обращаться к ней, что избавит нас от необходимости останавливаться на историографии вопроса о времени и месте рождения путей распространения колесного транспорта, который остается объектом оживленных дискуссий более двух столетий². Важность

² Первые свидетельства о колесном транспорте появились в литературе в первой половине XVIII в. Проблема была инициирована этнографическими исследованиями Л. Брукмана и Б. Линне. Начало археологического изучения средств передвижения было положено в 1830 г. находками в Друммонде при разработках торфа, трех фрагментов деревянных колес, и в Дьебьбергском болоте в 1880 г. целой повозки. Параллельно исследованию непосредственных остатков колес и повозок изучались и древние наскальные изображения повозок и изображения последних на шумерской печати и делаются первые попытки их сопоставления. В конце XIX – начале XX столетия появляются первые теоретические работы (библиографию см. Berg, 1935; Piggot, 1959). Пионером в истории исследования сухопутного транспорта вообще и колесного в частности является Г. Берг. Впоследствии Г. Чайлд, опираясь на работу Г. Берга «Сани и колесный транспорт», вышедшую в 1935 г. в Стокгольме, создал свою знаменитую моноцентрическую концепцию происхождения колесного транспорта (Child, 1954), к которой неизбежно обращаются все археологи, занимающиеся проблемой колесного транспорта.

изучения заявленной темы определяется не только выявлением времени и появления в Бактрии, (которая занимает уникальную геополитическую позицию в Центральной Азии), первых видов колесного транспорта вообще и колесницы в частности, но и тем, что наше исследование могло бы подойти к решению одной из интереснейших и дискуссионных проблем истории расселения индоариев.

Несмотря на широкие систематические раскопки по изучению сапаллинской культуры (открытие которой является одним из самых значительных достижений узбекской археологии второй половины ушедшего столетия), количество находок, связанных с транспортными средствами, представлено незначительными артефактами. Для количественной оценки нами была осуществлена репрезентативная выборка на основе четырех монографических работ А.А. Аскарлова (1973; 1977), А.А. Аскарлова, Б. Абдуллаева (1983), А.А. Аскарлова, Т.Ш. Ширинова (1993) и ряда статей Д. Хуффа, Ш.Б. Шайдуллаева (1999; 2000; 2001; 2002; 2005). Наряду с этим мы привлекли коллекцию такого рода свидетельств из некрополя Бустон VI. В результате по совокупности всех данных мы выявили: один псалий и три экземпляра модели колес, которые зафиксированы в джаркутанском слое. Показатели меняются в конце II тыс., так, в некрополе Бустон VI обнаружено более 10 колес от моделей двухколесных повозок и колесниц³. Увеличение количества находок моделей колес, вероятнее всего, связано с возросшим значением колесного транспорта, изменениями форм хозяйствования и образа жизни, произошедшими в сапаллинском обществе с проникновением и, возможно, переселением групп северного населения. Показательным в этом отношении является остеологический материал Джаркутанского комплекса, который дает объективную информацию о возрастных ролях ло-

³Малочисленность находок моделей колес в сапаллинской культуре обусловлена отчасти недостаточным вниманием археологов к дисковидным глиняным поделкам, которые иногда принимают за пряслица. Функциональное определение последних условно и требует специального рассмотрения.

шади в составе стада (Батыров, 1974; 1983; 1990).

Обратимся к характеристике деталей транспортных средств.

Непосредственное отношение к колесному транспорту имеет *псалий*, который зафиксирован в закрытом комплексе джаркутанского слоя предбашенного помещения восточной стены (R-13) храма Джаркутан (Хуфф, Шайдуллаев, 1999, с. 25).

Костяные псалии трудно отнести к числу предметов, часто встречаемых в памятниках эпохи бронзы Евразии, вот почему интерес исследователей к ним традиционно высок. Что касается юга Средней Азии, то до недавнего времени (1997 г.) подобного типа изделий здесь не было известно.

Итак, джаркутанский щитковый псалий с четырьмя монолитными шипами, имеет большое округлое центральное отверстие и два (?) меньших, расположенных в одной плоскости на периферии щитка⁴ (рис.1). Форма псалия в плане дисковая, поверхность имеет слабую дуговидную изогнутость. По толщине наружной окружности диска проходит каннелюра с «П» - образным сечением, образуя по боковой грани щитка рельефные пояса. Центральное отверстие оформлено в форме выступающего усеченноконического утолщения и образует рельефную втулку. Размеры диска 7,4x7,7 см, толщина 0,9 см, диаметр втулки 1,5 см, высота выступающей втулки – 0,8 см, диаметр малого отверстия 0,6 см. Сохранившаяся наибольшая длина конусовидной формы шипа 0,9 см, наименьшая – 0,3 см. Псалий изготовлен из спиля основного ствола рога взрослого копытного млекопитающего рода оленей⁵. Современные и древние изломы позволяют видеть губчатую структуру рога. Следы изготовления, эксплуатации и сработанности, зафиксированные на пса-

⁴Предложенный Г.Б. Здановичем термин – щитковые псалии (1985) представляется удачным, т.к. соответствует основному функциональному признаку псалия.

⁵Определение происхождения материала произведено палеозоологом Самаркандского университета Б.Х. Батыровым.

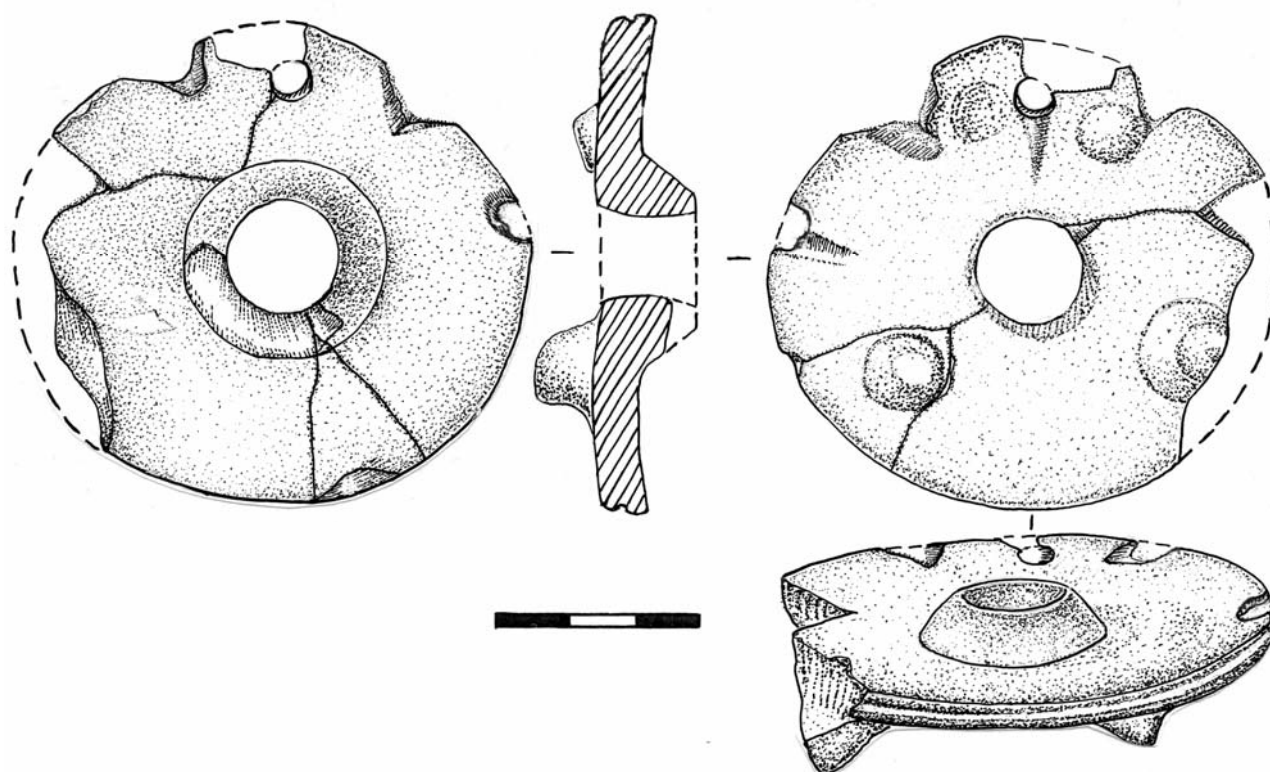

Рис. 1. Роговой псалий. Джаркутан - храм

лии, определены Г.Ф. Коробковой⁶. Согласно результатам трасологического анализа, псалий изготовлен с использованием комплекса технических приемов – это сверление, раскалывание, состругивание, стесывание, распиловка, шлифование на абразивах. Использовали два типа абразива – один с плоской поверхностью, второй – с узким краем, типа абразивной пилы. Следы абразивов читаются на внешней, внутренней и на боковой желобчатой поверхностях. Центральное втульчатое отверстие просверлено с внутренней стороны щитка цилиндрическим станковым сверлом. Сверление малого отверстия проводилось ручным сверлом. Втулка и шипы вначале были размечены ножом (следы от прямолинейных и пересекающих движений лезвия кремневого ножа). Окончательная доводка изделия осуществлялась лощилом. Внешняя сторона заполирована для придания ей блеска. Все операции выполнялись в основном каменными орудия-

ми.

Степень изношенности.

По всей видимости, псалий был в длительном употреблении. На дугообразном отрезке имеется остаток небольшого круглого отверстия, поврежденный в древности и, кроме того, современным сколом. По обеим сторонам от него хорошо фиксируются вырезы, оформившие выемки. Последние выполнены металлическим лезвием (следы срезов в виде коротких рисок различной глубины и ширины). На боковых искусственных выемках и на отверстиях видны следы износа от перетирания шнурком или ремешком. Они отчетливо прослеживаются с внутренней стороны изделия в виде линейных бороздок, которые протягиваются до втулки центрального отверстия. Характер изношенности последнего определяет линейные следы, направленные наклоном в бок, отражающие процесс возвратно-поступательного и вращательного движения. Наружная поверхность валикового бортика втулки (со следами современного излома) имеет заполированные участки следов истирания ремешков шириной до 1,2 см. Изучение еще одного (сломанного в древности) малого отверстия у кромки диска показало нали-

⁶Выражаю огромную благодарность заведующей экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН Коробковой Г.Ф. за макро-трасологическое изучение псалия и консультацию.

чие заглаженности, что соответствует следам трения ремешка. На месте сломанного отверстия видны следы ремонта, в виде дополнительно просверленного неудачного отверстия. Наблюдается сильная изношенность верхних шипов между малым отверстием. Концы шипов закруглены и залощены. По краям щитка имеются очень четкие мелкие заломы, фиксируемые невооруженным глазом.

Технико-трасологический анализ позволяет выяснить способ и характер крепления псаля. Назначение центрального отверстия – для вывода конца мягких удил и прикрепления повода к фиксирующей петле удил. Картина разной сработанности шипов (верхние шипы представлены почти полностью истертыми залощенными бугорками) и расстояние между ними свидетельствует о том, что верхнее малое отверстие служило для скрепления нащечного ремня. Второе небольшое крепежное отверстие, расположенное у кромки щитка, служило для фиксации подгубного ремня. Крепился ли наносный ремень к псалию (и существовал ли?) определить сложно, т.к. следов сработанности для этой части на изделии не наблюдается. Интересны наблюдения В.А. Новоженова, считающего, что для устойчивого положения псаля, при наличии нащечного ремня дополнительные элементы крепления псаля к носовому и подбородочному ремням оказались функционально необязательными (Новоженов, 1994, с. 174). Зафиксированные боковые выемки (являются вторичными), возможно, использовались как перехваты для крепления ремней оголовья, когда стенки отверстия для нащечного ремня сломались или же они свидетельствуют о раздваивании нащечного ремня. Можно допустить, что выемки (в несформированном виде) позже трансформировались в боковые выступы, известные широко на планках щитковых и желобчатых псалиев.

Расположение следов износа, наблюдения за характером сработанности, морфология позволяют реконструировать способ функционирования псаля как вариант южноуральского типа по А.Д. Пряхину и

В.И. Беседину (1998, с. 30-31, рис. 6). Особенностью джаркутанского псаля является способ крепления фиксирующих ремней оголовья к удилам, с внутренней стороны псаля (аргумент – по линейным следам бороздок, см. рис.1), что сближает его со схемой крепления псалиев (в плане прикрепления нащечного и надгубного ремней к удильной петле с внутренней стороны) применительно к желобчатым псалям I типа по К.Ф. Смирнову (1961, с. 50-51, рис. 1).

На морфологическом уровне прослеживается большая близость джаркутанского псаля с идентичными изделиями, известными в Зарафшанской долине – погребение Зардчахалифы (Бобомуллаев, 1999, рис. 2-5) и погребение в староречье Сазагансая (Аванесова, 2002, с. 20-21). Конструктивное сходство и общность формы наблюдается с псалями потаповско-синташтинских культурных типов (Васильев и др., 1994. Рис. 28-15; рис. 33-1-1; Генинг и др., 1992. Рис. 57-8). Следует отметить очень важное на наш взгляд обстоятельство: это типологическое родство перечисленных псалий по моделировке выступающей втулки центрального отверстия. Надо полагать, что фигурное утолщение вокруг втулки увеличивает прочность и уменьшает износ от трения удил и повода, (функциональная обусловленность), но нельзя исключить и декоративный фактор. В связи с последним стоит отметить, что аналогичные конструктивные особенности характерны в основном для неорнаментированных псалиев периода средней бронзы. Чаще, чем с желобчатыми псалями, выступающая втулка доминирует в серии щитковых псалиев с монолитными шипами с памятников синташтинско-потаповского культурного ареала, причем показателен тот факт, что между формой щитка и выступающей втулки нет жесткой связи. Особенно выразительно конструктивное сходство оформления центрального отверстия с джаркутанским у псаля из могильника Большекараганский (Боталов и др., 1996, рис. 17-10; рис. 18-4), Синташтинского большого грунтового могильника (Генинг и др., 1992, рис. 75-1,2; рис. 79-9,

10), могильников Солнце II (Епимахов, 1996, рис.12-1), Каменный Амбар-5 (Костюков и др., 1995, рис.22-1-4; рис.24-23), Потаповский (Васильев и др., 1994, рис.28-15, рис. 33-1)⁷. Продолжая этот ряд, отметим, что таким же образом оформлялись втулки металлических псалиев Передней Азии (по К.Ф. Смирнову, 1961, рис.6). Стилистические особенности оформления центрального отверстия свидетельствуют об определенной синхронности (на каком-то отрезке времени сосуществования) в бытовании роговых, костяных и металлических псалиев. Не исключено, что их типологическая взаимосвязь обусловлена не спецификой исходного материала, а скорее, функциональными особенностями и декоративным оформлением⁸.

Следует остановиться еще на одном структурном элементе декоративного характера джаркутанского псалия. Это наличие каннелюры по боковой поверхности щитка, которая образует рельефные горизонтальные двурядные пояски, охватывающие внешнюю окружность диска, зрительно создающие своего рода орнамент. Аналогичный “орнамент” отмечен на псалиях Зардчахаалифа и Сазагансая. Данные, которыми мы сейчас располагаем⁹, позволяют говорить, что псалии с каннелюрой на боковой поверхности не встречаются нигде, кроме Зарафшанского и Амударьинского оазисов – эта новация отражает локальную (среднеазиатскую) особенно-

сть. В псалиях этой группы (7 цельных экземпляров и их фрагментов) четко проявляются их своеобразные черты: все роговые, дисковидной формы с монолитными шипами; с двумя или тремя разновеликими отверстиями; втулка завершается с внешней стороны рельефным декором; оригинальным оформлением боковой поверхности каннелюрой; и наконец, общими пропорциями – не более 8 см. Среднеазиатские псалии демонстрируют однородную серию, вместе с тем, даже в рамках одного региона наблюдается сочетание различных, но характерных декоративных элементов, оформляющих центральное отверстие. Так, выступающая втулка у псалий из Зардчахаалифа – цилиндрическая, у псалиев из Сазагансая – уплощенноконическая, а у джаркутанского псалия – усеченноконическая. Отмеченные особенности частных различий, возможно, отражают характер местной этнокультурной специфики. Обращает внимание тот факт, что среднеазиатские псалии, обладая ярко выраженным своеобразием, сохраняют типологическую близость с архаичными щитковыми псалиями с памятников Поволжья и Урала. Их распространение маркирует пути проникновения ранних андроновцев на юг. Джаркутанский псалий известен как самая южная находка древнейшего приспособления для колесничной запряжки коней. Проведенные наблюдения и отмеченные особенности псалиев, привязанные к определенному региону, позволяют считать среднеазиатские экземпляры вариантом местного развития южноуральского типа. В целом, псалий из храма Джаркутан и упомянутые экземпляры из погребений Зарафшанской долины оказываются в одном культурном блоке с изделиями из памятников синташтинско-петровского круга древностей, что позволяет их синхронизировать.

Таким образом, исследования последних лет значительно расширили представление о границах распространения щитковых псалиев - своеобразного хронологического индикатора эпохи средней бронзы Евразии. Датировка и происхождение щитковых псалиев по-прежнему находят-

⁷Из-за схематических рисунков и фрагментарности самих псалиев в авторских публикациях псалиев, их не всегда можно достаточно уверенно отнести к определенному типу. Нам представляется очень справедливым замечание А.Д. Пряхина и В.И. Беседина по этому поводу, где также отмечается отсутствие подробного описания псалиев (1998, с. 22).

⁸Если оформление выступающей втулки различными фигурными элементами в силу природных свойств костяного и рогового материалов можно считать целесообразным, то исполнение этого технического приема в металле не может быть функционально оправданным. Зависимость костяных псалиев от переднеазиатских или наоборот пока сложно аргументировать.

⁹Малотиражные и редкие зарубежные издания, к сожалению, автору не доступны, поэтому мы не претендуем на исчерпывающую сводку подобных типов.

ся в сфере активных научных дискуссий. Новое поле для размышлений открывают находки среднеазиатских псалиев¹⁰. Они датируются комплексом сопровождающих древнеземледельческих артефактов, (характерных для джаркутанской фазы сапаллинского этапа), хронология которых опирается на хронологию Ближнего Востока, определяемую началом II тыс. до н.э. Следует заметить, что по Джаркутанскому памятнику имеется серия (23 пробы) радиоуглеродных дат (в том числе из закрытого комплекса, где находился псалий – пробы 5010, 5011), которые уточняют хронологическую позицию джаркутанской фазы в калиброванных интервалах календарного возраста 18-16 вв. до н.э. (Görsdorf, Huff, 2001, p. 85), что совпадает с последним определением археологического возраста джаркутанского периода¹¹. Если исходить из распространенного в науке представления о том, что дисковидные или щитковые псалии появились в степях Евразии в начале II тыс. до н.э., то среднеазиатская коллекция псалий хорошо согласуется с этим. Вместе с тем, на сегодняшнем уровне изученности раннеандроновских петровских древностей Средней Азии (синхронных периоду Саразм IV, что соответствует Намазга V), вряд ли стоит рассматривать эту хронологическую позицию, как единственно возможную¹². Признаваемые

¹⁰Хронология степных псалиев установлена по аналогии формы диска и орнамента псалиев с шахтной гробницей IV Микен. Она многократно обсуждалась в печати, в связи с чем нет нужды повторять вновь. Безусловно, правы исследователи, считающие, что микенские псалии являются поздним дераватом раннеандроновских.

¹¹Здесь нет места развернутой аргументации существующих расхождений хронологических систем традиционных дат и калиброванных дат древнеземледельческих комплексов. Вопрос этот выходит за рамки настоящей публикации и заслуживает специального рассмотрения.

¹²Имеющиеся (4 образца проб угля) калиброванные радиоуглеродные даты раннеандроновского поселения Тугайное (Зарафшанская долина) в интервале 2250-1950 (что близко согласуется с периодом Саразм IV, керамика которой зафиксирована вместе с петровской на полу жилища) допускает значительное удревание петровского горизонта. Выражаю огромную благодарность Б. Лионне за помощь в проведении анализов по радиоуглеродному датированию.

ныне древнейшим типом псалии относятся к переднеазиатским образцам. В свете упомянутых данных, их среднеазиатское происхождение нельзя считать полностью исключенным, тем более, что в Зардчаха-лифа, по нашему мнению, вместе с псалиями обнаружены одночастные бронзовые удила, подобные сиро-палестинским. Однако нельзя исключить и одновременного функционирования однотипных вещей в синхронных культурных образованиях.

Освещение вопроса о наличии и времени появления псалиев степного типа на юге Средней Азии важно не только для проблемы хронологии, но и как средство синхронизации культурных явлений, о чем будет сказано ниже.

Подводя итоги этой части исследований, можем сделать некоторые предварительные выводы: 1) обнаружение псалия в значительном удалении от его основного ареала (Волго-Уральский регион) служит свидетельством транскультурных связей, имевших место в начале II тыс. до н.э.; 2) если следовать тезису, что псалий (деталь конской упряжи) является адекватным соответствием колесницы, то наличие псалия важно как свидетельство присутствия элитарной боевой колесницы, что подразумевает существование военной знати в джаркутанском обществе; 3) джаркутанская находка (вместе с зарафшанскими) является важным вещественным доказательством в пользу концепции о миграции индоариев через Среднюю Азию в Индию.

Задача следующего этапа нашего исследования - анализ **колес** от макета воитивных колесниц, фургонов, повозок или тележек. Каковы были колесные устройства последних, мы можем судить только по конструктивным данным транспортных моделей колес. Большинство описываемых изделий можно условно разделить на две разновидности: колеса со спицами и без. Особый вариант представляет **каменное колесо** с имитацией шин, прикрепленных к ободу гвоздями. Единичность и уникальность данного предмета для территории Центральной Азии придает исследованию особую актуальность. Поделка проис-

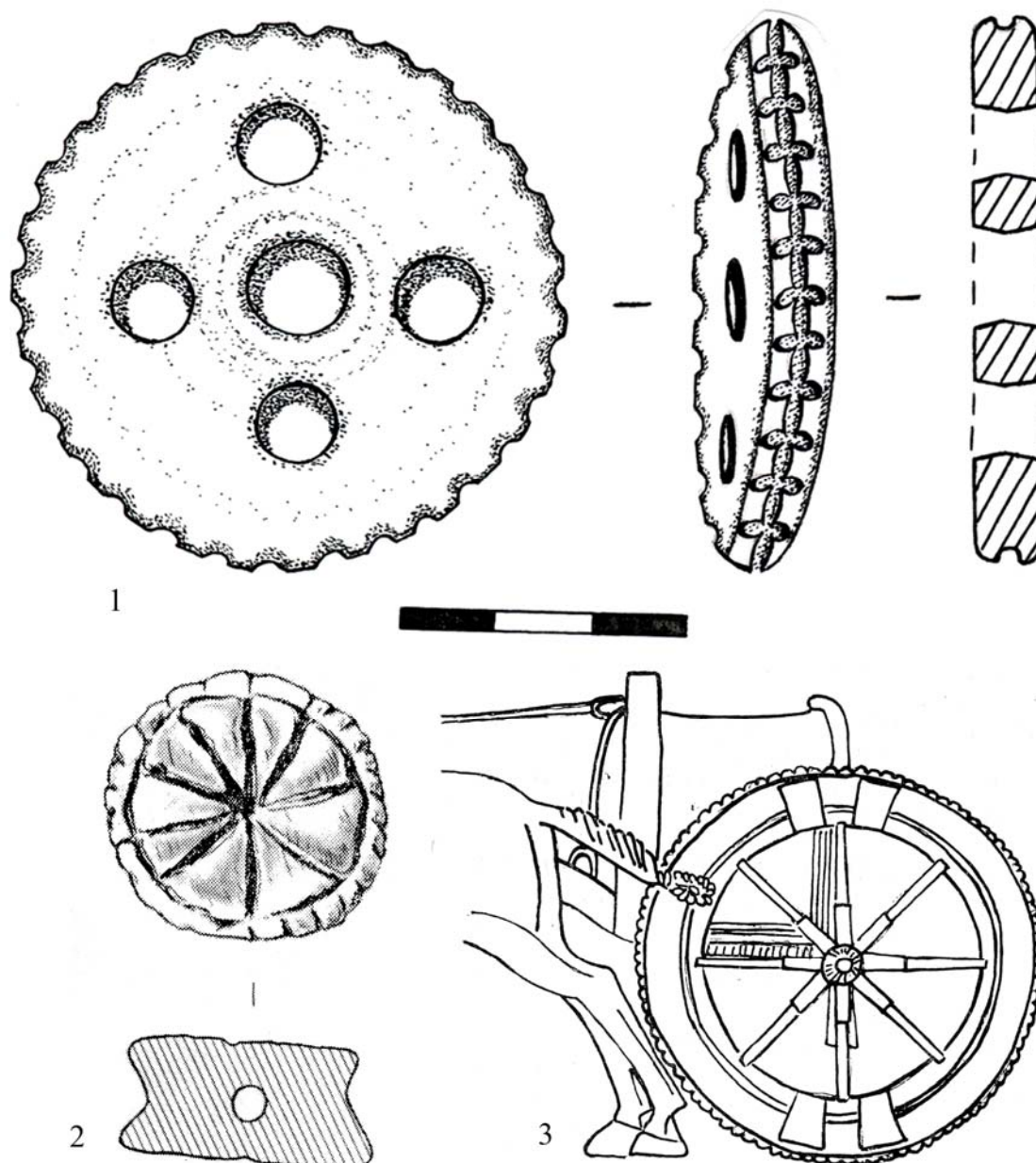

Рис. 2. 1-каменная модель колеса. Джаркутан – храм; 2-Дашлы-1. Алебастровая печать; 3-фрагмент изображения колесницы древней Ассирии. По Н.Н. Чередниченко.

ходит из помещения дохрамовой постройки (холм VI, S-5) Джаркутана. Обнаружена в закрытом комплексе с керамикой, свойственной раннеджаркутанскому периоду (Huff, Šajdullaev, 2004, p. 173-175).

Обратимся к описанию:

Колесо представляет собой диск правильной округлой формы с просверленными круглыми отверстиями – большим центральным и симметрично отходящими от него в форме креста четырьмя меньшими. По краю окружности диска через опреде-

ленный интервал идут с двух сторон выступающие зубчатые нарезки. Изготовлен из темно-зеленого талька – хлоритово-сланцевого камня¹³. Размеры: диск диаметром 5,7 см, толщиной 0,6 см, диаметр центрального отверстия 1,0 см, - малых

¹³Автор выражает признательность за помощь в определении породы камня и консультацию по вопросам месторождения породы заведующей Минералогической лаборатории «Самгеология» Карповой О.К. Месторождение и проявление хлоритовых пород обрабатывались в древности в горах Султануиздаг (рудник Казгантау); на северных склонах Нуратау (рудники Каракан, Бибикион); в горах Кугитангтау (Мачайлы) и т.д. Сведения о выработках содержатся в ряде геолого-археологических отчетов партии по изучению древнего горного промысла Узбекистана 1963-1974 гг., хранящихся в фондах Министерства геологии.

0,7-0,8 см, размеры шипов – 0,2x0,4 см (0,3) см (рис. 2-1).

Трасологический анализ изделия не проводился, однако сохранились следы изготовления и износа, фиксируемые визуально. Примером сказанного служат отверстия, которые делались встречным сверлением. Обе стороны диска оформлены техникой шлифования. Наиболее интересной и сложной в изготовлении является боковая поверхность, представленная глубокой «П»-образной в сечении каннелурой, опоясывающей диск по толщине¹⁴ и формирующей двурядный рельеф, покрытый симметрично оформленными (пропиленными подквадратной формы) выпуклыми зубьями. Диагностирующим признаком износа являются отбитые концы некоторых зубьев. Кроме того, на поверхности одной из сторон центрального отверстия просматриваются следы, отражающие кинематику кругового движения (вероятно, от чеки, которой фиксировали бесступичное колесо на оси).

Для оценки и интерпретации описанного изделия как модели колеса важное значение имеет такая деталь, как зубчатые края, напоминающие типичные для ближневосточных памятников изображения колес колесниц, снабженных шиной с гвоздями. Данный технический прием засвидетельствован в основном изобразительными источниками искусства Месопотамии (парадные рельефы, глиптика, настенная роспись и роспись на сосуде, бронзовая модель повозки и др.), включая и реаль-

¹⁴Это обстоятельство имеет, на наш взгляд, особое значение, т.к. оформление желобка на внешней поверхности воспроизводит каннелюру на среднеазиатских псалях, что позволяет рассматривать их как элемент, принадлежащим колесному транспорту

¹⁵Чтобы уменьшить сопротивление силы трения, скольжения и увеличения прочности, обод колеса стягивали сыромятной кожей. Ее надевали на готовое колесо в сыром виде, когда кожа высыхала, шина стягивалась и прочно охватывала деревянный обод колеса, затем ее обивали гвоздями с высокими шляпками. Формирование подобного рабочего края колеса способствовало устойчивой проходимости повозки и колесницы в заболоченной местности месопотамской низменности (Childe, 1951, p. 192-193).

ные колесницы IV-III тыс. до н.э. (Флиттер, 1958, с. 115; Ковалевская, 1977, с. 27; Горелик, 1985, табл. 1-2, 3. табл. 2-2, 3, 8, 18; Чайлд, 1956, с. 224, 230. Рис. 84)¹⁵. Сходство настолько очевидное, что не оставляет сомнений в правильности интерпретации – выпуклые зубья моделируют шину с гвоздями. Интерес к оформлению последней вызван еще и тем, что близкое конструктивное решение укрепленного обода фиксируется в могильнике петровской культуры центрального Казахстана – Сатан. Как отмечает В.А. Новоженев, «под ободом сохранились: небольшой кусок сыромятной кожи красного цвета и 4 конусообразных костяных гвоздя длиной от 8 до 17 мм, которые крепили кожаную шину на ободу с внутренней стороны» (Новоженев, 1994, с. 158-160, рис. 97). Это единственное, известное нам, самое раннее достоверное свидетельство появления в степной Евразии кожаной шины у колес со спицами. Известно, что к концу III тыс. до н.э. обод колеса для увеличения прочности стали стягивать металлическим кольцом-шиной (Горелик, 1985, с. 187; Новоженев, 1994, с. 14). Реальное подтверждение знакомства с этим изобретением и практическое использование подобных шин в доисторической Бактрии зафиксировано в материалах из Северного Афганистана (Teufer, 1999, Abb. 10A).

Напомним, что характерной особенностью джаркутанского колеса является наличие просверленных отверстий. По размещению четырех отверстий на диске, через пересечение которых проходит ось, оно соответствует кроссбаровой (crossbar-wheel) модели колес¹⁶.

В эволюционном ряду развития колес кроссбаровый тип предшествует колесам со спицами (Шер, 1980, с. 200; Кожин, 1985, с. 178, табл. 1-1Б; Новоженев, 1994, с. 10). Джаркутанская находка представляет собой разновидность упрощенной передачи конструкции моделей кроссбарового

¹⁶Кроссбаровое колесо – колесо с ободом и пересекающимися брусками, через пересечение которых проходит ось. В широком смысле – облегченное за счет выемок дисковое колесо (терминология М.А. Литтауер и Дж. Крауэл, цитирую по Новоженеву, 1994, с. 253).

колеса, многочисленные модификации которого встречаются в конце III- начале II тыс. до н.э. Обращает на себя внимание специфика материала и отсутствие идентичных колес в синхронных или в более ранних памятниках ближневосточного ареала. Вместе с тем, по меньшей мере два примера близкого типа колес нам известны. По расположению на диске круглых отверстий наиболее близкое соответствие обнаруживается с терракотовой моделью колеса из раскопок в Сирии – Телль Брака (Oats, 2000, p. 284; p. 592-593; fig. 488-38). Сходная форма колеса представлена на изображении рельефа из Имам-Кули в Анатолии (Горелик, 1985, табл. 2-38).

Вопрос о происхождении каменного колеса не может быть полностью решен на той источниковедческой базе, которой мы располагаем. Однако, несомненно, что подобные колеса типологически восходят к месопотамским дисковидным колесам, оббитым гвоздями и встречающимся с IV тыс. до н.э. Судя по исчерпывающей сводке колесниц Переднего Востока, представленной М.Г. Гореликом, наблюдается большая вариабильность передачи форм кроссбарового колеса и устойчивость колес, снабженных шиной с гвоздями (Горелик, 1985, табл. 1-3)¹⁷. Джаркутанское бесступенчатое колесо, по характеру изображения обода (шины), по размещению отверстий генетически восходит к древневосточной (месопотамский прототип) традиции, то есть, оказывается в одном культурном блоке с последней. Вместе с тем, при бесспорном хронологическом приоритете древневосточных типов, нельзя ис-

ключить и местную принадлежность (использование местного сырья), возникшую под ближневосточным влиянием. Отсутствие подобных колес на промежуточной территории вынуждает предполагать существование непосредственных прямых контактов между Нижней Месопотамией и древней Бактрией (изготовил иммигрант?), что, конечно, не исключает и опосредованных связей. Хронологическая позиция каменной модели колеса четко определяется раннеджаркутанской керамикой. Стоит вспомнить, что псалий обнаружен в комплексе с относительно поздней джаркутанской керамикой, где чернолощенная керамика отсутствует.

Переходим к характеристике небольших *глиняных моделей колес*. Подчеркнем, что подавляющее большинство монофункциональны, встречаются в культовых сосудах и в могиле попарно, представлены вотивными имитациями колес разной степени реализма. Все они сформованы от руки, изготовлены из тщательно промытой глиняной массы с примесью органических отошителей (солома или трава). Представлены обожженными (несут следы хорошего обжига) и необожженными изделиями, в большинстве случаев имеют лощение. Различаются не только размером (от 1,6 до 4,8 см), но и формой. Среди них преобладают уплощенно-биконические, есть и чечевицевидной формы. Имеют общую черту – в центре диска сквозное цилиндрическое отверстие; покрыты красной охрой. Форма передачи – упрощенная трактовка реальных деталей колеса (обод, ступица, спицы). При общих чертах сходства почти каждое колесо имеет какие-нибудь особенности, что затрудняет их классификацию (рис. 3).

Наиболее показательными в коллекции являются необожженные колеса, имитирующие спицы, хотя количественно они значительно уступают обожженным поделкам. Самая ранняя находка этой серии обнаружена в джаркутанском слое цитадели Джаркутан (Аскарлов, Ширинов, 1993, рис. 24-1). Она заслуживает подробного описания, так как отличается по форме и размерам от остальных.

Колесо характеризуется дисковидной

¹⁷Заслуживает внимания тот факт, что только в месопотамских памятниках, независимо от типа колеса, с IV по начало I тыс. до н.э. прослеживаются укрепленные обода, сначала кожаной шиной гвоздями с большой шляпкой, затем металлической шиной, снабженной ребристыми, валиковыми или шариковыми «гвоздями» - шипами, как у модели колесницы Амударьинского клада (Зеймаль, 1979, рис. 7). По существу этот прием оформления обода вернулся к началу развития колеса (см. Littauer, Stouwel, 1979, fig. 186). Оно привело к утяжелению колеса со спицами и способствовало поражающей силе (ребристые шипы-шины наносили физические увечья противнику, попавшему под колеса).

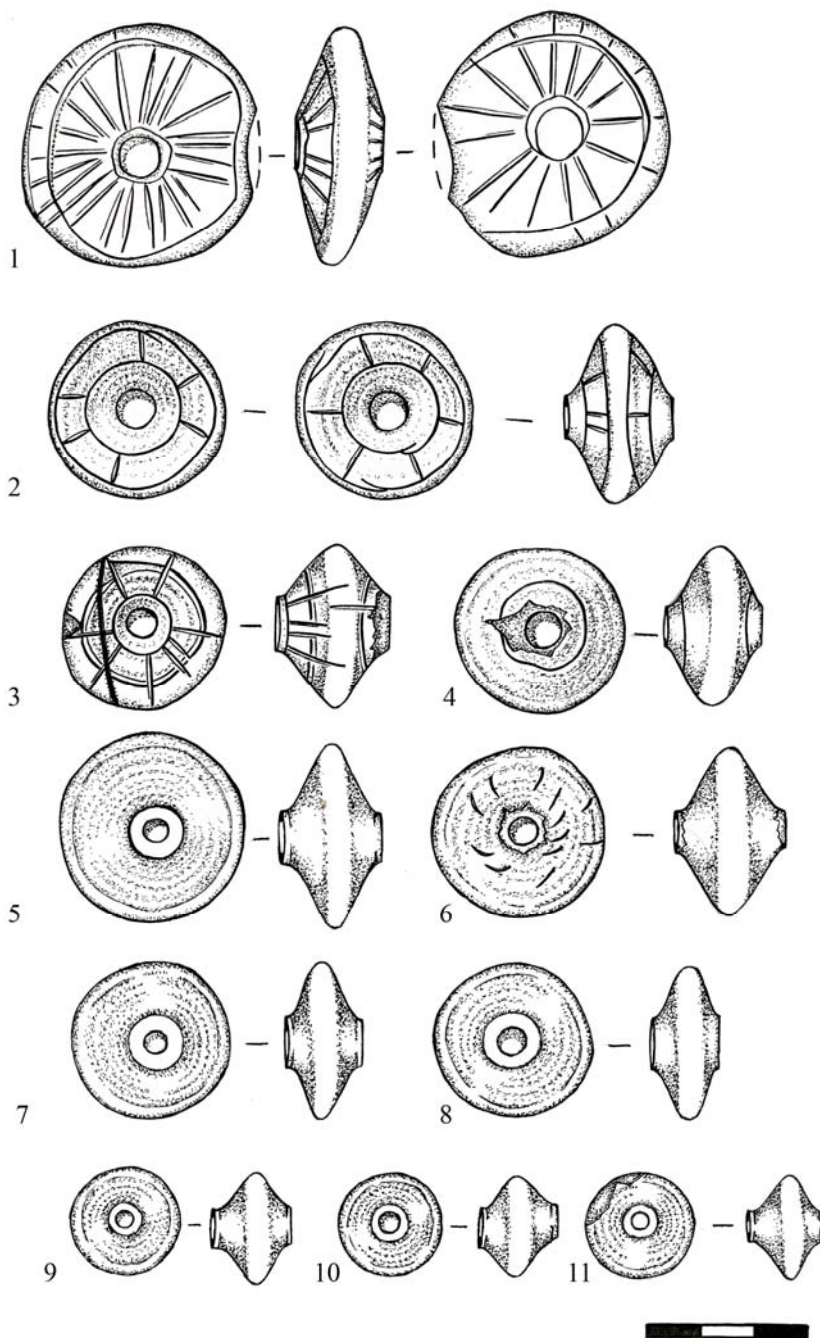

Рис. 3. Глиняные модели колес. Джаркутан. 1-Цитадель, 7-Могильник, М-328; 2-6, 8-11-Некрополь Бустон VI.

формой с утолщением от центра отверстия к рабочему краю - ободу. Острой палочкой (придающей двойной контур) прочерчено изображение обода, радиально расположенные спицы с двух сторон, втулка обозначена кругом. Количество спиц не одинаково (23 и 15 ед.), не имеет четко выделенной ступицы. (Размер диска – 4,8х4,6 см, толщина по центру – 1,6 см, рабочего края колеса – 0,8 см, диаметр отверстия втулки – 0,6 см (рис.3-1). Описан-

ная находка является ранним свидетельством появления колес со спицами в бактрийско-маргианском археологическом комплексе (БМАК). Особое сходство фиксируется с многоспицевым колесом из Телль Брака (уровень 1в, фаза N, в зоне FS), датированным Дж. Оутс постакадским временем, что приблизительно соответствует Уру III – 2050-1800 (Oats, 2000, p. 284-285, fig. 488-41). По внешнему виду джаркутанская находка органично вписывается в образительную традицию приемов отображения колес повозок и колесниц в глиптике, каменных рельефов, петроглифов Центральной Азии и Ближнего Востока (см. Новоженев, 1994 рис. 7, 9, 10, 12, 15; Нефедкин, 2000, рис. 2-3 и др.). Отмеченный аспект может быть усилен аналогиями синташтинского комплекса Южного Урала, где зафиксированы остатки боевых колесниц и колес со спицами (Генинг и др., 1992, с. 162, рис. 80; с. 182, рис. 93 и др.). В данном контексте интересны и образцы необожженных колес из некрополя Бустон VI. От джаркутанского экземпляра их отличает форма колес и характер обозначения спиц. В основе их формы - фигура из двух уплощенных конусов, соединенных основанием. Спицы, ступица и обод показаны крайне схематично, прочерченными тонкими линиями. Колесо снабжено шестью или восемью спицами с обеих сторон, воспроизводит в упрощенном варианте чрезвычайно разнообразные формы колес со спицами (рис.3-2, 3). Подобные изображения более полно представлены в наскальном искусстве (Шер, 1980). Наряду с реально узнаваемыми колесами с изображением спиц, выявлен ва-

соединенных основанием. Спицы, ступица и обод показаны крайне схематично, прочерченными тонкими линиями. Колесо снабжено шестью или восемью спицами с обеих сторон, воспроизводит в упрощенном варианте чрезвычайно разнообразные формы колес со спицами (рис.3-2, 3). Подобные изображения более полно представлены в наскальном искусстве (Шер, 1980). Наряду с реально узнаваемыми колесами с изображением спиц, выявлен ва-

риант условной передачи многоспицевого колеса ногтевыми вдавлениями (рис.3-6). Близкий образец такого рода обнаружен нами на Елькен депе (Кузьмина, 1980, с. 27) и в коллекции Телль-Брака¹⁸ (Oates, 2000. Fig. 488-40). Несомненно, колеса со спицами употреблялись наряду с дисковыми, о чем свидетельствуют совместные находки в одной могиле (рис.3-2, 4). В исторической действительности происходило сосуществование более прогрессивных форм с пережиточными.

Для нашего исследования представляют интерес редкие образцы изображений колес со спицами на керамических кольцевых подставках джаркутанского периода, которые отличаются значительными своеобразием. На поверхности бортика подставки резными линиями нанесено изображение круга, внутри которого вписаны радиальные линии (рис.4).

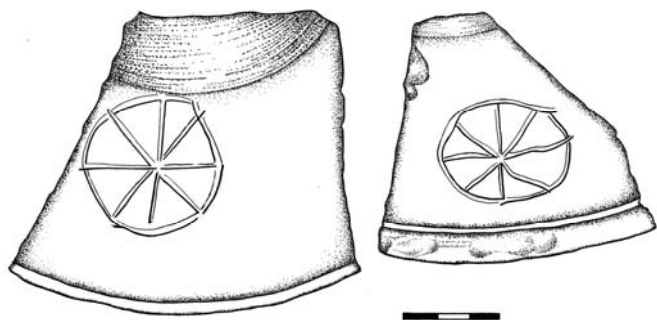

Рис. 4. Джаркутан. Изображение колес со спицами на керамических подставках.

Возможно, они далеки от реальных колес, но сходство (стиль и манера трактовки) с изображением на срубно-андроновской керамике и наскальных рисунках (См. Кузьмина, 1994. Рис. 34) позволяет трактовать их как знаки колесного транспорта. Мы имеем подобные аналогии на цилиндрических печатях (см. Новоженев, 1994. Рис. 112-116). Яркий образец такого рода свидетельства представлен в Дашли 1 (Сарианиди, 1976. Рис. 27-1, рис. 1977, рис. 50-1). Печать найдена в помещении 17 и изготовлена из алебастрового камня белого цвета, имеет цилиндрическую фор-

му со сквозным отверстием по длинной оси. С обеих сторон сохранились процарапанные рисунки, причем внешние ободки украшены вертикальными насечками. На лицевой стороне нанесен схематический орнамент в виде девятилучевой розетки с неглубоким отверстием в центре (Сарианиди, 1976, с. 39-41). Наше предположение о колесном знаке (имитация колеса) основано не только на формальном сходстве, но и изобразительной передаче такой детали колеса, как оформление обода – ребристой шиной (рис. 2-2, 3).

Выразительную группу в нашей коллекции образуют вотивные обожженные колеса. Подавляющее большинство моделей происходит из некрополя заключительной фазы сапаллинской культуры Бустон VI. Наиболее ранний единичный случай отмечен в комплексе джаркутанского этапа (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, табл. XXXIII-2). Колеса характеризуются специфической формой оформления. В основе их лежит диск с зеркально расположенными от центра двумя уплощенно или округло-усеченными конусами с цилиндрическим отверстием (рис.3-7)¹⁹. Внешний вид этих колес (при всем схематизме изображения) поразительно напоминает очертания деревянных колес с выступающими ступицами Лчашенских повозок и колесниц (Мнацеконян, 1960, рис. 9-10; 1961, рис. 23). Остатки реальных колес и модели повозок с аналогичными колесами обнаруживают полное морфологическое единство в целом ряде памятников Евразии и Древнего Востока, что позволяет достаточно доказательно интерпретировать сапаллинские модельки как символы транспортных средств доисторической Бактрии. Принципиальное значение имеет наблюдение, сделанное нами в могильнике Бустон VI (исследование мог. 327), позволяющее полагать наличие ритуала погребения с вотивной повозкой. При расчистке дна могильной ямы глиняные модели двух колес стояли на ободьях параллельно на рас-

¹⁸Перечисленные аналогии Тель Брака различны по своему историческому содержанию. Можно говорить о стадийном сходстве, возникшем на одном уровне развития экономики, тем более, что они хронологически близки с джаркутанскими.

¹⁹Не случайным совпадением в этом плане является близкая моделировка выступающей втулки щитковых псалив Южного Урала и Средней Азии, которые, в свою очередь, перекликаются с оформлением и стилем выступающих ступиц колес.

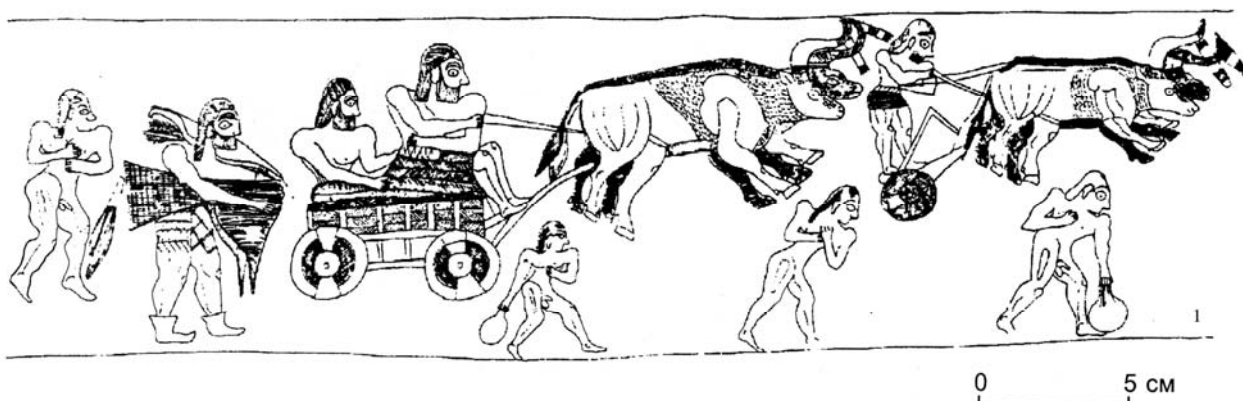

Рис. 5. Бактрия. Серебряный сосуд из Лувра. 1-Развернутая прорисовка сосуда по П. Амье; 2-Сосуд по Ж.-Ф. Жарриджу

стоянии 5 см друг от друга. Между ними и на некотором расстоянии от них четко отмечен древесный тлен, означающий то, что колеса скреплялись деревянной осью. Почти наверняка здесь находилась двуколка с деревянной платформой (рис. 6).

Совершенно очевидно, что вотивные колеса имитируют типы реальных колес, которые бытовали в то время. Судя по находкам, в дописьменной Бактрии господствовал транспорт, колеса которого имели массивную двустороннюю ступицу. Функциональная нагрузка ступицы – прочно удерживать колесо на оси и передавать поступающее давление на ось. Чем больше площадь соприкосновения ступицы с осью, тем устойчивее колесо. Форма ступиц (их массивность) также подчиняется тенденции облегчения колеса. Удлинение ступицы увеличивает вес колеса. При попытке облегчить колесо посредством уменьшения объема ступицы, происходят частые поломки ступиц. Использование вставных ступиц ликвидирует этот дефект. Нам представляется, что в исследуемом регионе пользовались колесом со вставной ступицей, в то время как глиняные модели повозок Алтын-депе демонстрируют колеса со ступицей на оси (Массон, 1981, табл. XIX-1; Удемурадов, 1993, рис. 22-6).

Желание улучшить основные технические характеристики колесного транспорта – маневренность, проходимость, скорость – требует дальнейшего уменьшения веса повозок (колесниц), в то время как

диаметр колеса все увеличивается. Модернизация достигается за счет появления колес со спицами. Не останавливаясь на проблеме появления и распространения последних, которая уже нашла достаточно широкое отражение и получила оценку в целом ряде работ, отметим, что появление их в древней Бактрии мы связываем с раннеандроновским населением.

Имеются основания думать, что вотивные колеса сапаллинской культуры вобрали в себя все элементы реальных атрибутов колес. Разные их типы отображают многообразие транспортных средств.

Наши сведения о состоянии колесного транспорта Бактрии позволяют полагать, что традиция сапаллинских колес восходит к намазгинским. Это отчетливо прослеживается по древнейшим копиям колес, засвидетельствованным в 13 строительном горизонте Ак-депе, в слое, синхронизирующемся со средним этапом развитого энеолита – времени Намазга II, что соответствует середине IV тыс. до н.э. (Кирчо, 1999, с. 114-115, рис. 22-1). В конце позднего энеолита (Намазга III - рубеж

IV-III тыс. до н.э.)²⁰ на Алтын депе и Кара депе обнаружены глиняные колеса уже с выделенным ободом и ступицей (Кирчо, 1991, рис. 8-5,8; Массон, 1982, с. 55, табл. XXI-19). Важным источником по истории колесного экипажа Средней Азии являются находки моделей повозок с протомами верблюдов из Алтындепе, фиксируемые с периода Намазга IV и широко представленные не только на Алтындепе, но и других памятниках доисторической Парфии с эпохи Намазга V (См. сводку Кузьмина, 1980, с. 16-18; Удеумурадов, 1993, рис. 22). Как отмечает Е.Е. Кузьмина, на юге Средней Азии в период Намазга IV-V господствуют повозки со сплошными колесами в верблюжьей запряжке, появление колес со спицами фиксируется только в эпоху Намазга VI (Кузьмина, 1980, с. 28-29).

Обращает на себя внимание малочисленность свидетельств о колесном транспорте в других регионах бактрийско-маргианского комплекса. Так, несмотря на

²⁰Г. Чайлд в моноцентрической концепции происхождения и распространения колесного транспорта, центром изображения последнего считал Нижнюю Месопотамию (конец тыс. до н.э.). Отсюда около середины III тыс. до н.э. повозка распространяется в центральноазиатские степи и Индию, в Северную Сирию и Верхний Ефрат. На Крит и в Центральную Анатолию транспорт проникает в самом начале II тыс. до н.э., на Кавказ, в калмыцкие степи, в Центральную и Северную Европу, это изобретение попадает в середине II тыс. до н.э. (Child, 1951, p. 193). Три года спустя Г. Чайлд несколько удревняет датировку некоторых памятников в связи с появлением новых находок, в частности, раскопками «Сторожевой могилы» А.И. Тереножкиным (1951). Теперь появление повозки и колеса в Восточной Европе он относит к концу III тыс. (2400-2000 гг. до н.э.), а самая поздняя дата изобретения колесного транспорта в Нижней Месопотамии – 3500 г. до н.э. (Child, 1954). Все последующие исследователи, занимавшиеся историей колесного транспорта принимали положение Г.Чайлда о моноцентрическом происхождении как аксиому, многочисленные же дискуссии сводились к спору о путях и времени распространения повозок. Для нашей темы интересна статья Кузьминой (1974), которая пытается возродить незаслуженно забытую полицентрическую теорию М.И. Артамонова (1933). Е.Е. Кузьмина считает непосредственным источником появления колесного транспорта в степях Восточной Европы три центра: юго-восточную Европу, Кавказ и юг Средней Азии (Кузьмина, 1974, с. 75).

крупномасштабные исследования на землях доисторической Маргианы, только в Гонуре I зафиксировано одно керамическое колесо с выделенной ступицей (Сарианиди, 1990, с. 31, табл. III-23). В пределах древнебактрийского ареала, кроме Северной Бактрии (сапаллинская культура), только в Восточной Бактрии (Шортугай – этап А) достоверно известны глиняные модели повозок (с невысоким бортиком) и колеса (с односторонней ступицей), но они признаются характерной чертой носителей хараппской культуры (Francfort, 1989, pl.62,5-11; pl.XXXIV-2; pl.18,17-20). В этой связи необходимо отметить, что в постхараппских слоях Шортугая подобных находок, одновременных периоду БМАК нет.

В Южной Бактрии (Дашлинский оазис) единственные сведения, которые могут способствовать разрешению изучаемой проблемы, - это каменная печать с имитацией многоспицевого колеса (Дашлы 1), описанная выше и случайные, беспаспортные находки в Северном Афганистане²¹. В контексте нашей темы можно привести серебряный сосуд (купленный Лувром в 1985 г.) с сюжетной композицией (спортивное состязание и охота), где изображены упряжные быки в легкой двуколке и четырехколесной повозке на массивных дисковидных колесах (рис. 5). Луврский сосуд неоднократно был объектом культурно-хронологического анализа (Amiet, 1986, 1990; Jarrige, 1995; Teufer, 1999; Francfort et al., 2002). Несмотря на ряд расхождений во взглядах, все исследователи отмечают, что в системе переднеазиатского прикладного искусства подобные изображения (повозки, быки, одежда, убранство волос и бороды людей) как иконографически, так и стилистически соответствуют эламомесопотамским канонам, запечатленным в торевтике рубежа III-II тыс.

²¹Мы не можем игнорировать факт, что подавляющая часть находок из Северного Афганистана не происходит из бесспорного комплекса добытых в результате археологических раскопок и поэтому вызывает особую настороженность. Некоторые исследователи даже не исключают наличия среди высокохудожественных предметов

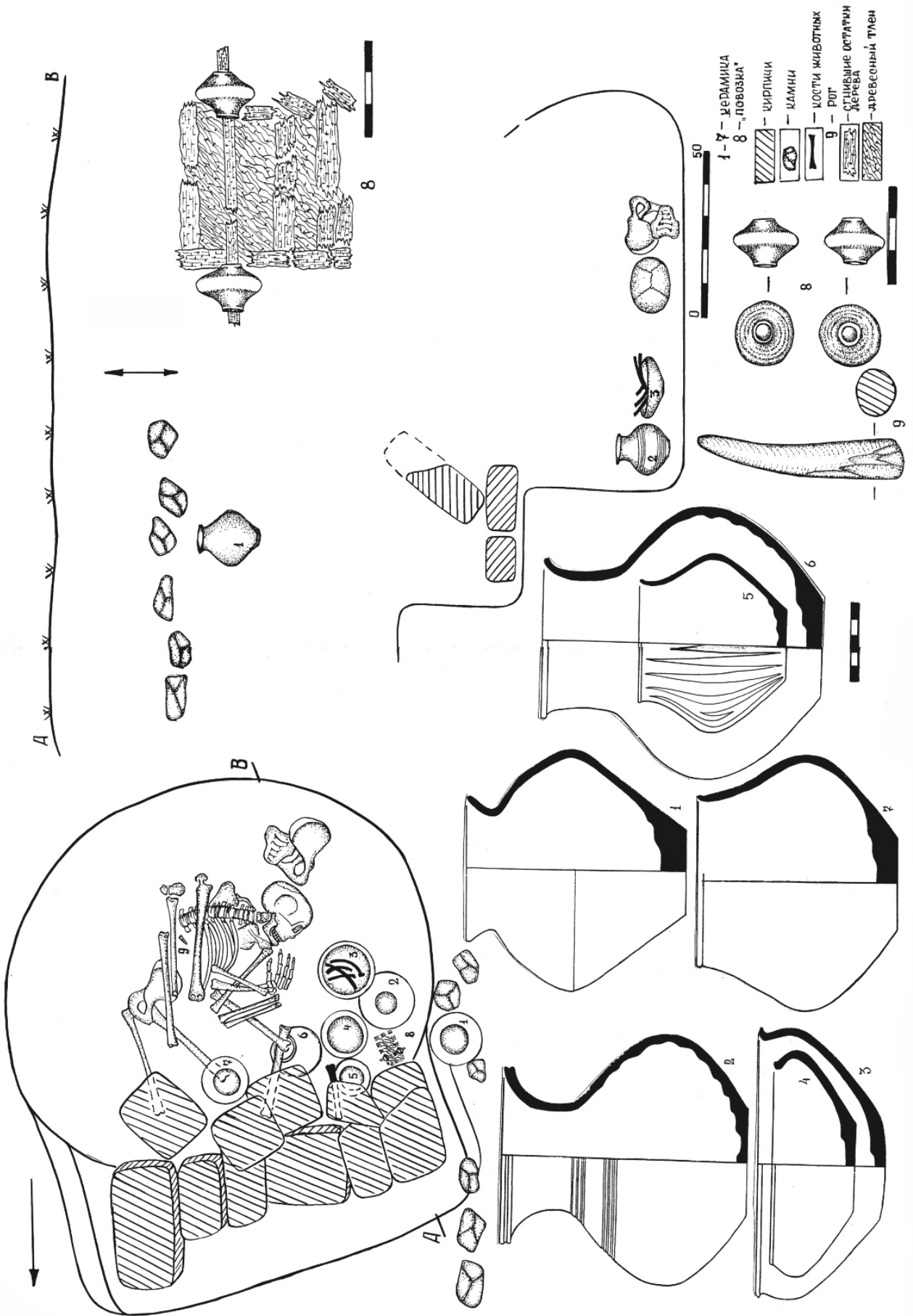

Рис. 6. Бустон VI. Общий план и инвентарь погребения № 327

до н.э. В этом ключе следует рассматривать и колеса изображенных экипажей, из чего следует, что они относятся к соответствующей временной ступени. Определяющим признаком являются колеса повозки (тип колеса двуколки не просматривается, изображение слишком схематично), которые по техническим характеристикам – диск с лунообразным отверстием или выемками, относятся к так называемым кроссборовым колесам. Последние, с точки зрения эволюции и хронологии древних колес, представляют переходный тип от сплошных колес к колесам со спицами.

Наши сведения о состоянии колесного транспорта в доисторической Бактрии позволяют сделать вывод о существовании здесь двуколки, четырехколесной повозки и колесницы. Колесные экипажи широко применялись: в торжественных и культовых церемониях, в военной, бытовой и хозяйственной деятельности.

Итак, на данном этапе изучения вопроса о древнебактрийском колесном транспорте можно констатировать, что южно-туркменистанский субстрат послужил той основой, на которой протекало развитие колесного экипажа. При этом формирование транспортных средств происходило под влиянием ближневосточных импульсов и в тесной связи (но в меньшей мере) со степной традицией. Это тот культурно-исторический фон, в условиях которого происходило развитие урбанистической бактрийской цивилизации. Рассматривая анализируемые колесные средства с позиций общей историко-культурной ситуации, необходимо обратить внимание на некоторые внутренние процессы, имевшие место в сапаллинском обществе, фиксируя изменения, произошедшие в хозяйстве и материальной культуре. Для северобактрийского варианта БМАК, как региона, относящегося к очагу высокоразвитого земледелия (который характеризуется целым рядом устойчивых и взаимосвязанных признаков), этот вид хозяйственной деятельности играл решающую роль в жизнеобеспечении населения. Здесь культивировался ячмень, мягкая и карликовая пшеница, просо, виноград и другие куль-

туры (Аскарлов, 1977, с. 116-118; 145-147). Уборка урожая производилась на раннем этапе с помощью ножевидного серпа (представленного литейной формой), на позднем – серповидной косой (Хуфф, Шайдуллаев, 1999, рис. 4; Аванесова, 1991, рис. 3-3). О большом удельном весе земледелия в экономике населения свидетельствуют многочисленные находки каменных зернотерок, ступок, пестиков и терочников-мотыг.

Важным экономическим показателем, свидетельствующим о хозяйственной деятельности (в том числе, о средствах передвижения) являются археологические исследования, которые получили Б.Х. Батыров и А.Р. Батыров при обработке фаунистических коллекций с поселенческих комплексов Сапаллитепа и Джаркутан. Основу остеологического материала составляют кости домашних животных (в Сапаллитепе 70,2%, Джаркутане 90%), однако имеются в большом количестве и остатки диких животных – в Сапаллитепе – 29,8%, Джаркутане – 10% (Батыров, 1983, с. 52-54).

Весьма представительны остеологический материал с поселения Сапаллитепа, где было найдено 16 тыс. костных остатков. Определению подверглись 6906 костей, из них: 6 видов домашних (крупный и мелкий рогатый скот, осел, свинья, верблюд, собака) и 11 видов диких (кулан, кабан, бухарский олень, бык-тур, джейран и др.) животных (Батыров, 1974, с. 135-136; Аскарлов, 1977, с.119-120). Значительная коллекция была получена и на Джаркутане. Определенных костей 3045 фрагментов, из них: 7 – домашних видов (мелкий и крупный рогатый скот, лошадь, осел, свинья, верблюд, собака) и 16 диких (кулан, кабан, олень, джейран, волк, грызуны, птицы и др.) видов (Батыров, 1983, с. 49-51; 1990, с. 228). При несомненном сходстве состава стада, Джаркутанский комплекс дает нам информацию несколько иного плана. Самое заметное в облике стада домашних животных состоит в том, что: 1. в Сапаллитепе костей лошади нет, тогда как на Джаркутане они имеются, причем поголовье лошади в общем составе стада занимает третье место (52 кости

19 особей), уступая только крупному рогатому скоту²².

2. Соотношение крупного (43 особи) и мелкого (65 особей) рогатого скота в Сапаллитепа весьма близки, чего не скажешь по Джаркутану, где доля мелкого рогатого скота в три раза выше (158/46). Характеристика и анализ следов хозяйственной деятельности показывает, что, несмотря на преобладающий земледельческий характер экономики, скотоводство (пастушеско-стойловое) занимало важное место.

Существенные различия в составе стада сложились в силу удачного наложения и сочетания многих составляющих, где важную роль сыграли сбалансированные природно-климатические и социально-экономические факторы имевшие место в первой четверти II тыс. до н.э. в степной и земледельческой зонах Евразии. Археологические данные в сочетании с фаунистическими характеристиками позволяют считать, что поворотным моментом в развитии экономики сапаллинского общества стало появление лошади и последующее возрастание роли колесного транспорта. Джаркутанцы занимались разведением лошади не для мяса. Это подтверждают возрастные особенности останков взрослых особей, где преобладают лошади 5-10 лет, которых использовали в разных качествах, в зависимости от хозяйственных, социальных и военных нужд сапаллинского общества (Батиров, 1990, с. 232-233).

Наличие коневодства в Северной Бактрии предполагает присутствие останков этого вида домашних животных в других регионах БМАК (при постоянных и тесных контактах). Однако находки костей в этих памятниках минимальны. Отметим потревоженное захоронение лошади в

Дашли 19 (Сарианиди, 1977, с. 148). Вне Бактрии интерес представляет захоронение жеребенка первого года жизни (без головы) в некрополе Гонур (Сарианиди, 2001, с. 62-63). По одному костному остатку лошади обнаружено на поселениях Келлели и Тант I (Ермолова, 1986, с. 116). Дополняют этот ряд новые материалы из поселений Намазга депе (слой Н. VI) и Теккем депе, где впервые встречены кости (15 экз.) двух особей лошади (Щетенко, 2001, с. 28). Упомянутые археологические памятники подтверждают тезис Н.М. Ермоловой (длительное время изучавшей проблемы археозоологии региона) о том, что «появление лошади в Средней Азии следует связать с периодом развитой бронзы, видимо, концом его, так как среди костных остатков этого времени на Алтын депе лошади нет» (Ермолова, 1986, с. 117). Существенно важным в этой связи является то, что материалы Джаркутана свидетельствуют о знакомстве населения с лошадью и о наличии раннего коневодства (начало II тыс. до н.э.) в древнебактрийском обществе. Без сомнения, лошадь была известна населению доисторической Бактрии и Маргианы, но вопрос о ее использовании в колесничной конной запряжке оставался открытым до находки псаля из храма Джаркутан. Появление псаля совпадает с изменением состава стада сельскохозяйственных животных, что позволяет достаточно доказательно судить о характере транспортных средств. Распространение коневодства в пределах раннеурбанистической Бактрии мы связываем со степной зоной Южного Урала и Казахстана. Подвижность степного населения (раннеандроновского) резко усилилась в связи с аридизацией климата и поиском новых источников, вызванным кризисом стратегического сырья, необходимого в связи с возросшими потребностями колесничной элиты. Они привели к определенным интеграционным явлениям во всем ареале. В каждой конкретной области распространения степной общности эти интеграционные факторы сочетались с целой суммой местных особенностей. Степное население было весьма малочислен-

²²К сожалению, выборка костей животных в публикациях не дана по культурным горизонтам, представлена усреднено. Во время консультации с палеозоологом А.Р. Батыровым (одного из соавторов раскопок), мы получили некоторые уточненные данные. Кости лошади обнаружены при изучении жилищных кварталов внутри «цитадели» (джаркутанский слой) и жилого массива на холме 5. В последнем они преобладали в кузалинских слоях. Выражаю благодарность А.Р. Батырову за соответствующую консультацию.

ным и не представляло серьезной политической угрозы. Стремление к источникам сырья, прежде всего олова, породило раннеандроновскую экспансию для материализованного выражения власти. Нам уже приходилось высказываться по этому поводу (Аванесова, 2002, с. 17-18; 2003, с. 3-6).

Картина, реконструируемая на основе данных палеозоологов, находит подтверждение в археологических источниках. В материалах джаркутанского этапа фиксируются не очень многочисленные, но достаточно выразительные артефакты, маркирующие петровско-синташтинский круг древностей. К наиболее значимым находкам мы относим: 1-роговой щитковый псалый с монолитными шипами; 2-лепную керамику, представленную в андроновской традиции – в ее петровской модификации; 3-металлическое оружие и орудия – пластинчатые ножи и кинжалы без ребра жесткости (листовидные черенковые и бесчеренковые ножи с выемкой, кинжал с выделенной рукоятью), однолезвийные бесчеренковые ножи, ножевидный серп; 4-особо следует отметить бронзовый черешковый орнаментированный наконечник стрелы синташтинского типа; 5-серия кремневых черешковых наконечников стрел треугольной формы пера с выраженными шипами опускающимися ниже основания пера²³; 6-каменное навершие булавы сферической формы.

Увеличение в материальной культуре артефактов степного происхождения сопровождается появлением практики новых обрядов и ритуалов, связанных с возжиганием огня и жертвоприношением животных. Мы полагаем, что использование нескольких типов могильных сооружений и сосуществование неадекватных друг другу способов захоронений свидетельствует не

только о социальной неоднородности погребенных, но и принадлежности их к разным этническим группам. Вместе с тем для джаркутанского этапа нельзя говорить о массовом проникновении пастушеских обществ. Новые исследования позволяют поставить вопрос о расширении раннеандроновской ойкумены до амударьинского оазиса.

Тенденция нарастания доли степных артефактов и инородные обрядовые действия выявляются с кузалинско-могалинским временем, что хронологически совпадает с ассимиляцией андроновского (федоровского) населения. Наличие андроновского антропологического типа подтверждает это (Мустафакулов, 1997, с. 11) на археологических, палеозоологических и антропологических источниках прослеживаются следы значительной подвижности с севера на юг. Материалы сапаллинской культуры второй половины II тыс. до н.э. располагают целым рядом общих стадийных признаков, характерных для культур андроновско-срубно-тазабагъябской общности, что, по всей видимости, и объясняет ее многокомпонентность.

Своеобразие северобактрийского варианта БМАК состоит в том, что в нем как бы отразилась вся гамма переднеазиатских культурных генотипов и степных евразийских традиций. Это усиливает версию о распространении индоариев через древнюю Бактрию в Индию.

Завершая нашу статью, хотелось бы отметить, что мы сознаем дискуссионный характер затронутых в ней вопросов и надеемся, что их обсуждение будет способствовать решению общей историко-культурной ситуации не только раннеурбанистической Бактрии, но и для культур сопредельных территорий.

Литература:

1. Аванесова Н.А. Результаты исследований могильника эпохи бронзы Джаркутан-4ВІ // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Сборник науч. статей Самаркандского госуниверситета. - Самарканд, 1991.
2. Аванесова Н.А. Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины // Археологические исследования в Узбекистане в 2001 г. - Ташкент, 2002.

²³Выражаю искреннюю благодарность Ш.Б. Шайдуллаеву за предоставленную возможность знакомства и публикацию каменных наконечников стрел.

3. Аванесова Н.А. Межкультурные взаимодействия степного населения Евразии и урбанизированных земледельцев Средней Азии // *Цивилизации Центральной Азии: земледельцы и скотоводы. Традиции и современность*. ТД Межд. науч.конф. Самарканд, 2002.
4. Аванесова Н.А. Степной пласт доисторической Бактрии // *Центральная Азия – источники, история, культура*. ТД конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. М., 1983.
5. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
6. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура юга Узбекистана. Ташкент, 1973.
7. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
8. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Ташкент, 1993.
9. Артамонов М.И. К истории средств передвижения // *Проблемы истории материальной культуры*. 5-6. М.-Л., 1933.
10. Батыров Б.Х. Фауна поселения Сапаллитепа // *ИМКУ*, вып. 11. Ташкент, 1974.
11. Батыров А.Х. Фауна диких и домашних животных из памятников эпохи бронзы и раннего железа на юге Узбекистана // *ИМКУ*, вып. 18. Ташкент, 1983.
12. Батыров А.Х. Фаунистические остатки млекопитающих поселения Джаркутан // *ИМКУ*, вып. 24, Ташкент, 1990.
13. Бобомуллаев С. Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зеравшане // *От Балкан до Гималаев: время цивилизаций*. Stratum plus, № 2. СПб., Кишенев, Одесса, 1999.
14. Боталов С.Г., Григорьев С.А., Зданович Г.Б. Погребальные комплексы эпохи бронзы Большекараганского могильника (публикация результатов археологических раскопок 1988 года) // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим*. Челябинск, 1996.
15. Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.
16. Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992.
17. Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III-II тысячелетий до н.э. // *Древняя Анатолия*. М., 1985.
18. Зеймаль Е.В. Амударьинский клад // *Каталог выставки*. Л., 1979.
19. Ермолова Н.М. Материалы к изучению скотоводства и охоты в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // *Древние цивилизации Востока. Материалы II Советско-американского симпозиума*. Ташкент, 1986.
20. Епимахов А.В. Курганный могильник Солнце II – некрополь укрепленного поселения Устье эпохи средней бронзы // *Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Труды музея-заповедника Аркаим*. Челябинск, 1996.
21. Кирчо Л.Б. Изучение слоев эпохи позднего энеолита на Алтын-депе в 1984-1989 гг. // *Новые археологические открытия*. Вып. 1. СПб., 1991.
22. Кирчо Л.Б. К изучению позднего энеолита Южного Туркменистана. СПб., 1999.
23. Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. Новый памятник средней бронзы в Южном Зауралье // *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья*. Самара, 1995.
24. Кожин П.М. К проблеме происхождения колесного транспорта // *Древняя Анатолия*. М., 1985.
25. Ковалевская В.Б. Конь и всадник. М., 1977.
26. Кузьмина Е.Е. Этапы развития колесного транспорта Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // *ВДИ*, № 4. М., 1980.
27. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии ? // *Материальная культура племен андроновской общности и происхождения индоиранцев*. М., 1994.
28. Массон В.М. Алтын-депе // *Труды ЮТАКЭ*, т. XVIII. Л., 1984.
29. Массон В.М. Энеолит Средней Азии // *Энеолит СССР*. М., 1982.
30. Мнацаканян А.О. Древние повозки из курганов бронзового века на побережье оз. Севан // *СА* № 2. М., 1960.
31. Мнацаканян А.О. Лчашенские курганы (раскопки 1956 года) // *КСИА*, вып. 85. М., 1961.
32. Мустафакулов С.И. История формирования населения Бактрии-Тохаристана // *Автореф. канд. дисс.* Ташкент, 1997.
33. Нефедкин А.К. Основные этапы развития боевых колесниц в древности // *Взаимодействие культур и цивилизаций*. СПб., 2000.
34. Новоженев В.А. Наскальные изображения повозок Средней и Центральной Азии (к проблеме миграции населения степной Евразии в эпоху энеолита и бронзы). Алааты, 1994.
35. Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи // *РА*, № 3. М., 1998.
36. Сарияниди В.И. Исследования памятников Дашлинского оазиса // *Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской экспедиции*. 1969-1973 гг. М., 1976.
37. Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы советско-афганской экспедиции 1969-

1974 г. М., 1977.

38. Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш . Ашхабад, 1990.
39. Сарияниди В.И., Дубова Н., Васильев С. Одомашнивание лошади в Южном Туркменистане (новые палеозоологические и антропологические данные // Роль ахалтекинського коня в формировании мирового конезавода. Материалы междунаучной конференции. Ашхабад, 2001.
40. Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА, № 1. М., 1961.
41. Удемурадов Б.Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. Ашгабад, 1993.
42. Хуфф Д., Шайдуллаев Ш.Б. Некоторые результаты работ узбекско-германской экспедиции на городище Джаркутан // ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999.
44. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
45. Щетенко А.Я. Археологические данные о появлении лошади на юге Средней Азии (по остеологическим материалам Южного Туркменистана) // Роль ахалтекинського коня в формировании мирового конезавода. Материалы междунауч. конф. Ашгабад, 2001.
46. Флиттнер Н.Д. Культура и искусство Двуречья и соседних стран. Л.-М., 1958.
47. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
48. Чередниченко Н.Н. Колесницы Евразии эпохи поздней бронзы // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
44. Amiet P., Au-dela d'Elam // *Archaeologische Mitteilungen aus Iran*, 1986.
45. Amiet P., Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre collection // *Bactria and ancient oasis civilization from the sand of Afganistan*. Rom, 1990.
46. Berg G. Sledges and Wheeled Vehincls. Stockolm, 1935.
47. Childe V.G. The First Waggons and Carts from the Tigris to the Severn // *Proceedings of the Prehistoric Society*, new ser., v. XVII, N 8.
48. Childe V.G. The Diffusion of Wheeled Vehicles // *Ethnographisch-archaologische Forshungen*. Vol. 2. Berlin, 1954.
49. Francfort H.P. Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique, vol. I-II. Paris, 1989.
50. Francfort H.P. Images du Char en Evrasie oriental des origins a' la fin du I er millenaire av. J-C // *Первобытная археология. Человек и искусство. Сб. научных трудов, посвященных 70-летию со дня рождения Я.А. Шера*. Новосибирск, 2002.
51. Gorsdor J., Huff D. C-Datierungen von Materialien aus der Grabung Dzarkutan. Uzbekistan // *Archaologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. Band 33, Berlin, 2001.
52. Jarrige J.-F. Du neolithique a la civilization de l'Inde ancienne: contribution des recherches archeologiques dans le nord-ouest du sous-continent indo-pakistanais // *Arts Asiatiques*. Tome L, Paris, 1995.
53. Littaner M.A., Crouwer J.H. Wheeled vehicles and ridden animals in the ancient Near East. Lenden/Köln, 1979.
54. Oates Joan. Equid Figurines and 'Chaviot' Midels // Oates D., Oates J., Donald H. Excavations at Tell Brak, vol. 2: Nagar in the third millennium BC. Cambridge, 2000.
55. Piggolt S., A Tripartite Disc Wheel from Blair Drum – monde, Perthshire Proce of the Socie of Antiq of Scot., V. XC, session 1956-1957. Edinburg, 1959.
56. Teufer Mike Ein Scheibenknebel aus Dzärkutan (Süduzbekistan) // *Archäologische mitteilungen aus Iran und Turan*, band 31, Berlin, 1999.
57. Huff D., Šajdullaev Š. Dzarkutan Arcaologische Anzeiger 2003 // DAI, Berlin, 2004.

Karol Szymczak, Mukhiddin Khudzhanazarov, Frédérique Brunet

SOME NEOLITHIC AND EARLY BRONZE AGE FINDS FROM MAKHANDARIA REGION

We would like to devote this paper to Professor, Academician Akhmadali Askarovich Askarov on His 70th birthday, and to present a part of an archaeological material we gained during our survey in Makhandaria and the Tuscan Lakes region – a region where Professor A. A. Askarov has started His successful professional career.

In August 2004 an international team of Uzbek, Polish and French archaeologists carried on a field research in Southern Kyzylkums. One of the main aims of this work was to establish the accurate positions of the Stone and Bronze Age sites, including their altitude, with the use of GPS devices. The region of Makhandaria and Tuscan Lakes was chosen as a territory of a dense concentration of the sites interesting for us. This concentration is well known thanks to the splendid research completed in the sixties of the twentieth century by the Makhandaria Expedition, directed by Ya. G. Gulyamov, and in which also U. I. Islamov and A. A. Askarov played an important role /Gulyamov, Islamov, Askarov, 1966, p.22, ris.4/.

To describe the archaeological material we found during our field works, we use a typological list elaborated by us in our previous publications /Szymczak, Khuzhanazarov, eds., 2003, 2004/. A detail information about the activity and goals of Polish-Uzbek Archaeological Expedition could be found in our General Report /Szymczak, Khudzhanazarov, eds. 2005/. This description is completed by some technological aspects, particularly about the debitage, noted by F. Brunet during this expedition.

During the very short time we had at our disposal /six days/ we managed to survey the following areas: between Bukhara and Gazli, some 40 km before the latter /Map 1:C/, South-West of Bukhara, between the town Karakul and the Great Tuscan Lake /Map 1:B/, and a sand quarry in the Karakul suburbs documented and studied from geomor-

phological and sedimentological point of view /Map 1:A/.

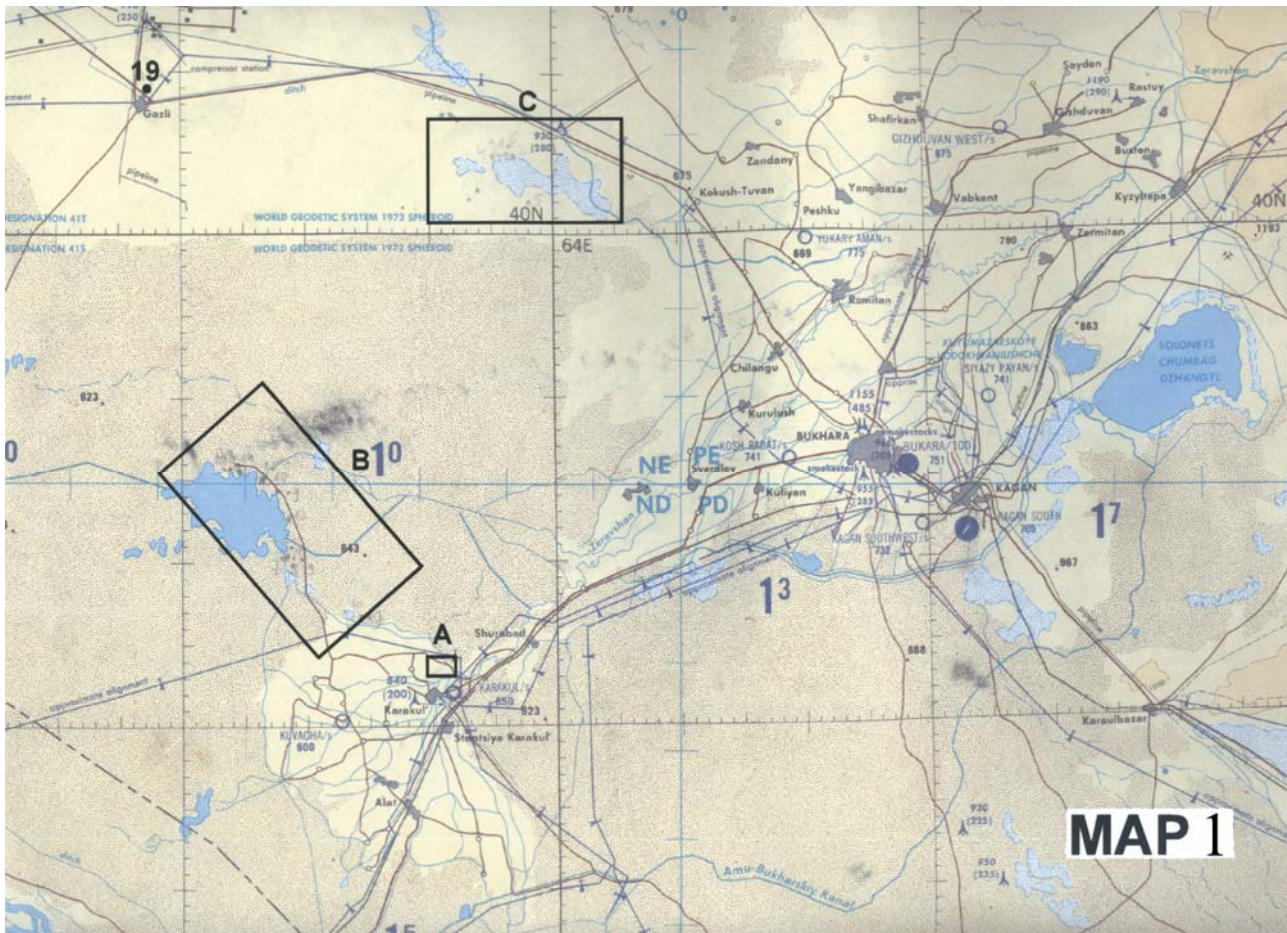
On the area marked on Map 1 as 'A', covering both the northern and the southern side of the Bukhara – Khiva highway, there are two quite vast 'solanchaks', which edges, according to the 1:50000 map, have an altitude ca 200 m above msl; according to our GPS measurements, they are even some 10 m higher. At first we had surveyed a 'solanchak' near Kokchi sheepfold, to the North of a highway, driving along an artificial channel. An edge of a 'solanchak' is built mainly of fine gravel, with diameters of pebbles not exceeding 2 cm. In other part the grey, very fine grained, wind blown material could be observed, together with the large pieces of limestone or conglomerate. No archaeological materials were noted.

To the South of a highway, in the area of the Kurbonaly and Gishkur sheepfolds, in the landscape there could be observed the small hills 2–3 m high covered with gravels, while the lower parts are built of loose, very fine grained wind blown sand. On the tops of such hills, destroyed by water and wind the flint artefacts rarely appear – only in one case we found some dozen or so items on one place. A GPS altitude of the points with flint finds were always ca 210 m above msl.

During the survey completed on the 16th of August 2004 in the region of Kurbonaly sheepfold, the following archaeological material was found:

Point 1 – GPS coordinates: 40°07'.688"N, 63°51'.240"E.

We picked up: a regular microblade core /preparation by a dorsal crest, exploitation with an unipolar modality, technique of pressure knapping/, 3 retouched blades, a blade fragment with traces of retouch, a borer/ perforator on a proximal part of a blade, a fragment of a microlith with 'pearl' retouch on a ventral face of a bladelet, accompanied by 9 flakes and 9 blade fragments /in that number

Map 1. Southern Uzbekistan, West of the city Bukhara. A, B, C, 19—areas of detail archaeological and geological survey. A—location of a sand quarry near the town Karakul, B—area of the Little and Great Tuscan Lakes, where finding points 7–18 are located, C—area near Kurbonaly and Gushkur sheepfolds, where finding points 1–6 are located, 19—location of a finding point 19.

1 made of grey flint. If no other remarks, all the lithic artefacts were made of a porcelain white chalcedonite/opal raw material /Michniak, 1998/.

Point 2 – ca 350 m South-East of point 1.

2 blade fragments made of a white, chalcedonite/opal raw material.

Point 3 – ca 800 m West of pint 1.

A fragment of a retouched blade /Pl. 1:2/, and a rhomboid insert /Pl. 1:1/, accompanied by 6 flakes and a fragment of a blade. All the artefacts were made of a white, chalcedonite/opal raw material.

Point 4 – ca 1 km West of the Kurbonaly sheepfold.

A single find of a microlithic truncated piece made of a reddish flint raw material, slightly patinated white was noted /Pl. 1:3/.

In the same area on the 21st of August 2004 on our way back to Gazli, we additionally found two poor sites:

Point 5 – GPS coordinates: 40°25'.390''N, 63°54'.852''E, some 4.5 km of Kaldari sheepfold; altitude – 210 m above msl.

A flake end scraper /Pl. 1:5/, and a flint flake, together with a fragment of historical pottery.

Point 6 – 0.5 km North of Kurbonaly sheepfold, altitude – 210 m above msl.

A fragment of quartz bifacial point /Pl. 1:4/, and 3 white chalcedony/opal flakes.

On the 18th of August 2005 we continued our archaeological survey in the region of the Tuscan Lakes /Map 1:B, photos 1–3/. We managed to localize the following sites:

Point 7 – GPS coordinates: 39°41'.511''N, 63°38'.137''E; the south-eastern edge of the Great Tuscan Lake.

On the north-eastern part of a hill we picked up a flake and a blade fragment, both made of a white chalcedony/opal raw material. On the northern slope of the same hill we

Photo 1. Southern Uzbekistan, West of the city Bukhara. Landscape of a surveyed area near the Little, and Great Tuscan Lakes as shown on Map 1:B.

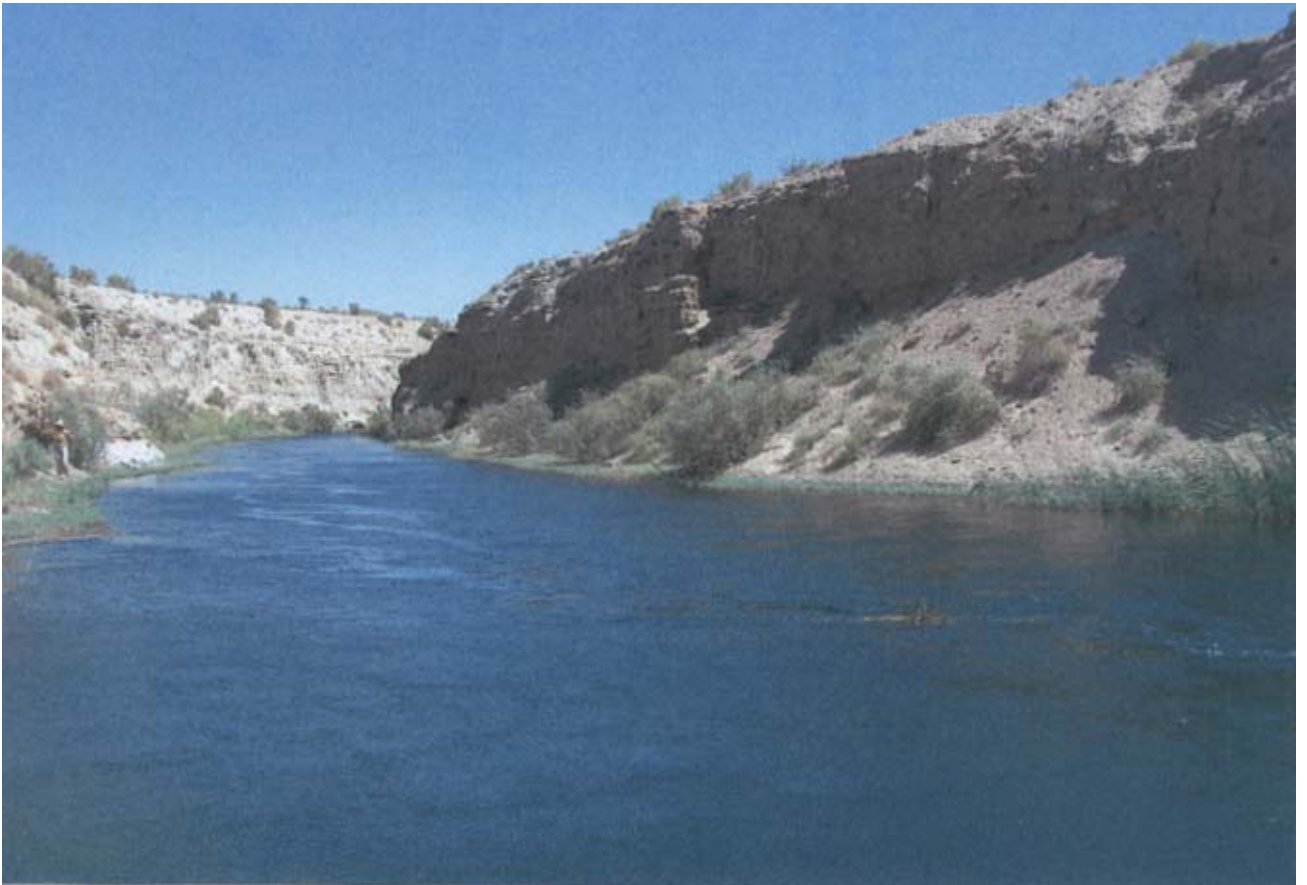
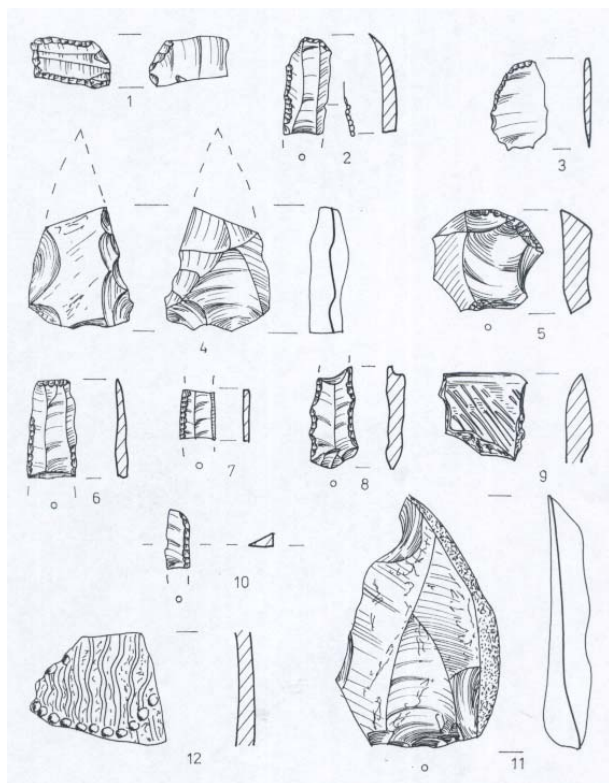

Photo 2. Southern Uzbekistan, West of the city Bukhara. An artificial channel supporting the Great Tuscan Lake, cutting the deposits of the Early Holocene Zeravshan deltas.

found: 4 flakes and 6 blade fragments /in that number 2 made of brown yellow flint/; the remaining part of the lithic artefacts is made of a white chalcedony/opal raw material. Addi-

tionally, 6 fragments of thin walled, relatively well fired prehistoric pottery appeared, all of black or reddish colour; in that number one sherd richly ornamented /Pl. 1:12/. One uni-

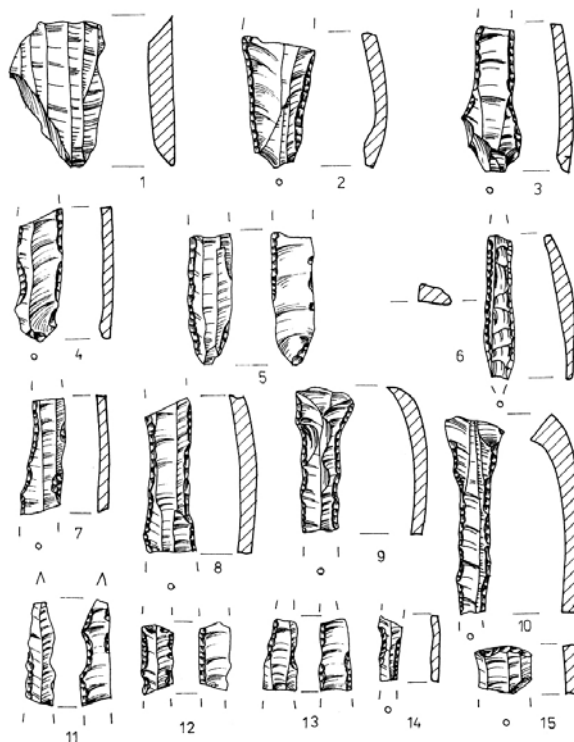

Pl. 1. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1–rhomboid insert, 2–distal fragment of a retouched blade /Point 3/; 3–microlithic truncated piece /Point 4/; 4–fragment of quartz bifacial point /Point 6/; flake end scraper /Point 5/; 6–regularly retouched insert /Point 18/; 7–fragment of regularly retouched insert /Point 15/; 8–proximal fragment of a retouched blade, 9–decorated brim fragment of pottery /Point 16/; 10–microlithic backed piece, 11–basalt flake or triangular point?? /Point 12/; 12–fragment of decorated pottery /Point 7/.

identified fragment of a bronze product.

Point 8–GPS coordinates: 39°42'.262''N, 63°38'.654''E; altitude – 200 m above msl.

2 regular microblade and bladelet cores with double striking platform used alternatively, a dorsal preparation, and facial and side debitage /one made of a white chalcedonite/opal raw material and exploited by the technique of pressure knapping – Pl. 11:7, the other one, natural back, made of a grey brownish flint raw material – Pl. 11:6/, a blade insert with 'pearl' retouch and a flake, both made of a white, chalcedonite/opal raw material. Together with the lithic items, 10 ornamented and 31 not ornamented fragments of pottery were found. These are hard, perfectly fired

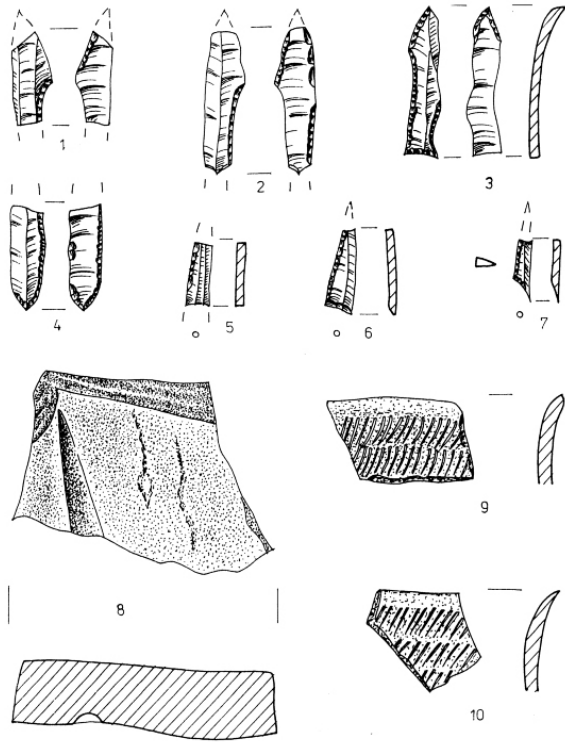
Pl. 2. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1–regular blade core, 2–10–fragments of variously retouched blades, 11–13–microlithic insert with regular 'pearl' retouch, 14–nighed bladelet, 15–blade end scraper transversally broken /Point 13/.

products, relatively thin walled with minor / only one piece with more coarse/, mineral admixture, generally light dark grey /single reddish fragment/. Neither brims nor bottoms. The rich ornamentation consists of pressed lines, waves or differently shaped stamps combined with the series of pressed or scratched bands /Pl. 12/. Such pottery seems to be characteristic for the local Early Bronze Age Andronovo culture. Also documented was a stone implement made of grey sandstone, with one flat, polished working surface, slightly shaped around the edges; dimensions – 10X6X3.5 cm /Pl. 13/.

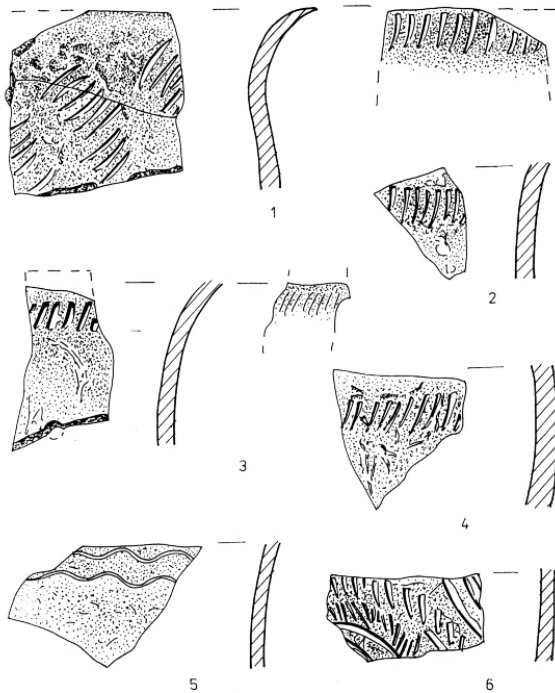
Point 9 – ca 2.5 km East of point 10; altitude – 200 m above msl.

A flint flake was found, together with 5 fragments of thick walled pottery with coarse admixture, hard, well fired, of dark grey /3 pieces/, or reddish /2 pieces/ colour, remaining the Andronovo type. In that number one brim fragment.

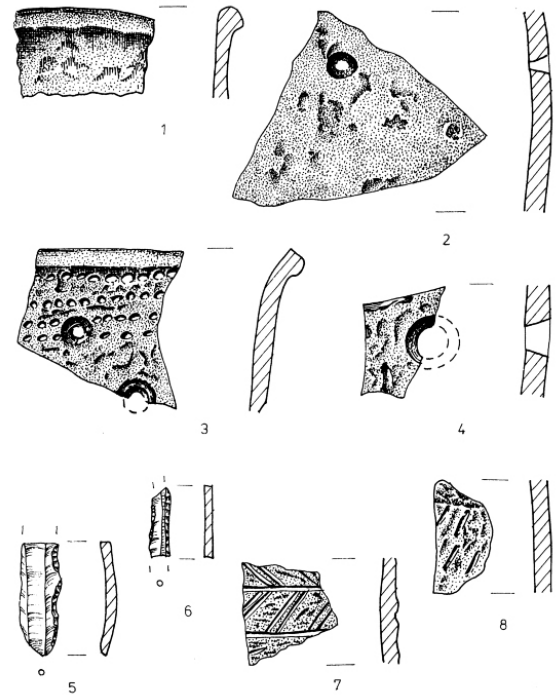
Point 10–GPS coordinates: 39°44'.860''N,

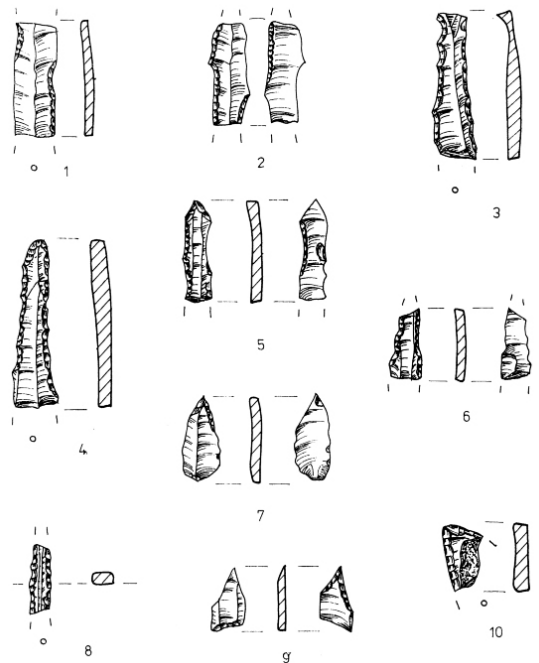
Pl. 3. South eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1-3-Kelteminar points and their variations, 4- other blade point, 5,6-Dariasai triangles, 7- Ayakagytna triangle, 8-fragment of grey sandstone slab with artificial U-shaped groove, 9,10-ornmented brim fragments of pottery /Point 13/.

Pl. 4. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. Fragments of ornmented pottery /Point 13/.

Pl. 5. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1-undecorated brim pottery fragment, 2, 4-pottery fragments with artificial repairing holes, 3-ornmented brim fragment of pottery with a pair of artificial repairing holes / Point 13/; 5-proximal fragment of a retouched blade, 6-unidentified fragment of a microlith, 7,8-ornmented pottery fragments /Point 14/.

Pl. 6. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1 - 3 - retouched blades, 4 - 9 - perforators and their fragments, 10 - fragment of a small side scraper /skrobach - Point 10/.

63°35'.221''E; altitude – 180 – 199 m above msl. Most probably in the vicinity /some kilometers/ of the famous, excavated site Darbazakyr /Islamov, 1963/.

From this very rich site we gained:

20 variously retouched regular blades and bladelets /14 made of brown to yellow or greyflint raw materials – Pl. 6:1 – 3, Pl. 9:6/, 3 blades with traces of retouch /2 made of brown yellow flint raw material/, a fragment of a small side scraper /skrobach/, made of patinated flint /Pl. 6:10/, 7 blade perforators or their fragments /one made of yellow flint – Pl. 6:4 – 9; at least one of them could be probably treated as some variation a point – Pl. 6:5, see also Pl. 6:2/, a rectangular blade insert /Pl. 7:7/, 4 middle fragments of microliths, remaining the wide triangles of Dariasai type /3 made of a yellow brownish flint raw material - Pl. 7:1, 2/, 2 other middle fragments of microliths remaining the thin triangles with blunt edge of Ayakagytna type /one made of brownish flint raw material -Pl. 7:3, 4/, a fine triangle made of patinated white flint raw material /Pl. 7:5/, a bladelet insert shaped with 'pearl' retouch along both edges and faces, a wide Kelteminar point /Pl. 7:9/, a bladelet transversally broken cross-wise a niche /Pl. 7:8/, an unidentified fragment of a microlith.

The lithic items, unless described the other way, were made of a white chalcedonite/opal raw material. About 10% of them were patinated to light yellow colour. The collection is completed by an artificially perforated pendant made of a natural, white quartzite, oval pebble /Pl. 7:10/, and 2 fragments of thin walled, perfectly fired, grey or black reddish pottery, which seems to be characteristic for the younger phases of the Kelteminar culture /Pl. 7:11/.

In three places, on the edges of the material concentrations we tried small, /0.5 X 0.5 m/ sounding trenches. Unfortunately, it seems that the site was completely destroyed by wind, and all the archaeological material lies exclusively on the surface, with no cultural layer preserved. Under 10 – 20 cm of loose, very fine grained surface sand, the light yellow green clayey material with red, rusty spots appear. There is no archaeological finds

in the latter deposit.

During the survey conducted on the 19th of August 2004, the following archaeological sites were recovered:

Point 11 – a hill near the left shore of an artificial channel, not far /some hundred of meters/ from its mouth at the Great Tuscan Lake /photos 4, 5/.

On the northern slope of a hill we found: a small, regularly rounded end scraper made of patinated yellow flint /Pl. 8:5/, a light grey sandstone implement /small slab/ with one flat, polished surface and traces of shaping around the edges /dimensions: 7.8X6.2X2.8 cm – Pl. 9/, together with 26 fragments of relatively not too thick walled, hand made pottery with coarse, white mineral admixture, mainly of grey or reddish colour; in that number one brim ornamented piece /Pl. 8:3/. A character of a pottery suggests its Early Bronze Age, or even later chronology.

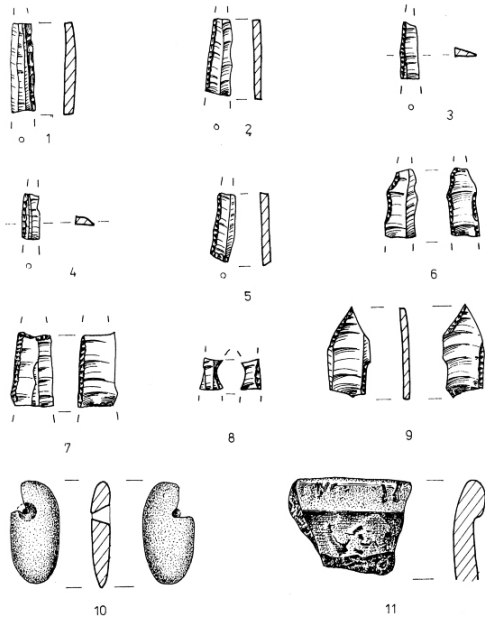
On the western slope of the same hill we found exclusively a rich pottery material in quite large fragments. A documented collection consists of 31 pieces of not too thick walled pottery, mainly of grey or reddish colour with black sections, well fired, with coarse, mineral admixture; in that number 3 bottom and 3 brim fragments; the ornamented pieces are shown on Pl. 8:1 – 3. Besides the prehistoric material described above, which could probably dated to the Early Bronze Age or later, a few fragments of ancient and modern pottery were also noted.

Point 12 – along the south-eastern shore of the Little Tuscan lake the single lithic artefacts were found /Photo 1/.

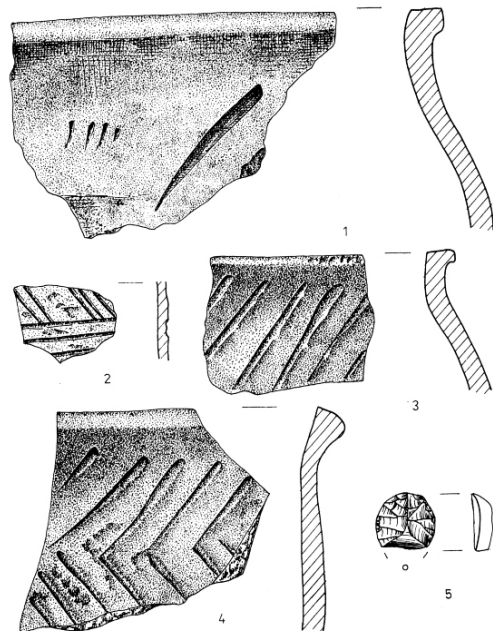
An implement remaining a Middle Palaeolithic triangular flake point made of deep black basalt /Pl. 1:11/, a fragment of a flint microlithic backed piece /Pl. 1:10/, with 3 flint flakes and 2 flint blades.

During our survey on the 20th of August 2004 we found following seven archaeological sites and places with the prehistoric material:

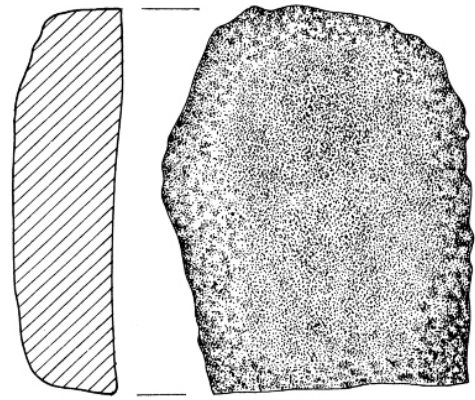
Point 13–GPS coordinates: 39°45'.035''N, 63°34'.909''E; altitude: 180 – 200 m above msl. An elongated, two dozen or so meters high hill on the northern shore of the Great Tuscan Lake, not far from point 10.

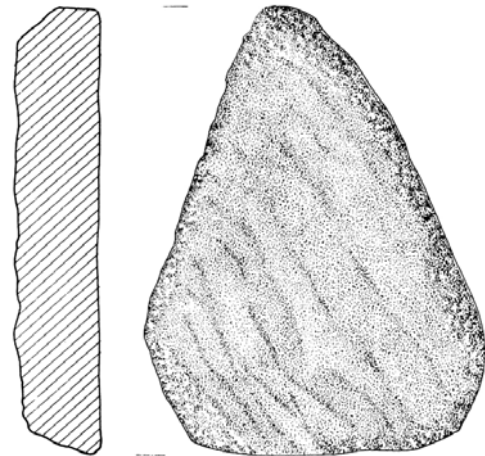
Pl.7. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1,2—middle fragments of Dariasai triangles, 3, 4—middle fragments of Ayakagytna triangles, 5—other fine triangle, 6—middle fragment of a retouched blade, 7—rectangular insert, 8—bladelet broken crosswise a niche, 9—wide Kelteminar point, 10—white quartzite pendant with artificial perforation, 11—brim fragment of pottery /Point 10/.

Pl. 8. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1,3—brim fragments of decorated pottery, 2— fragment of pottery with an ornament /Point 11, western part of a hill/; 4—brim fragment of decorated pottery, 5—rounded end scraper /Point 11, northern part of a hill/.

Pl. 9. South-eastern Kyzyl-kums, surface find. White sandstone implement with traces of heavy polish on one of the faces /Point 11, northern part of a hill/.

Pl. 10. South-eastern Kyzyl-kums, surface find. White grey sandstone implement with traces of heavy polish on one of the faces /Point 17/.

The richest Neolithic site found in the 2004 season. A material concentrated in three places: on a lower, wind blown terrace on the south-western foot of a hill /ca 180 m above msl/, on a little higher terrace on the western slope of the same hill /some 190 m above msl/ and near a hill's top /about 200 m above msl/. Because the borders between the particular concentrations were not evident, we documented the whole surface material from this point as one collection.

A regular bladelet core /facial exploitation, unipolar modality, lateral preparation by a crest/ made of a brownish flint raw material /Pl. 2:1/, 22 variously, mainly nice retouched regular and technical blades and bladelets /

some of them were obtained by the technique of indirect percussion/, all transversally broken /7 made of a grey yellow to brown flint raw material /Pl. 2:2 – 10/; it is not excluded that single specimens represent fragments of points /Pl. 3:3, 4/, a blade with traces of re-touch, a small blade end scraper transversally broken /Pl. 2:15/, 2 wide triangles of Dariasai type /one made of a brown yellow flint raw material /Pl. 3:5, 6/, a thin triangle of Ayakagytma type made of a yellow brownish flint raw material /Pl. 3:6/, 4 bladelet inserts with 'pearl' retouch on both edges and faces /one of them could be counted as a point – Pl. 2:11 – 13/, 2 Kelteminar points /one made of a yellow brownish flint raw material – Pl. 3:1, 2/, a microretouched bladelet with a pre-microburin niche /Pl.2:14/, 3 unidentified fragments of the microliths, all made of brown yellow flint raw material, together with 13 flakes /2 made of a brown or brown grey flint raw material, 3 technical spalls /one made of a brown flint raw material, and 34 blades and their fragments /13 made of a grey yellow to brown flint raw material.

If not described in the other way, all the artefacts mentioned above were made of a white chalcedonite/opal raw material, in single cases with black/dark blue veins.

A collection is completed by a fragment of a grey sandstone implement with a U-shaped groove /'arrow shaft straightened' – Pl. 3:8/, and 41 chosen pottery fragments. All are thin walled, light grey, sometimes with reddish shade, with very fine grain mineral admixture, generally well fired. In that number 17 pieces are decorated /Pl. 3:9, 10, Pl. 5:1 – 6/, sometimes with artificial repairing hole or a pair of holes /Pl. 5:3/, 2 undecorated brim fragments /Pl. 5:1/, 12 undecorated sherds with artificial repairing hole or holes /Pl. 5:2, 4/, and 10 ordinary fragments. A character of these finds seems to be typical for the later phases of the local neolithic Kelteminar culture.

Also in case of this site we tried two /1X0.5 and 0.5X0.5 m/ sounding trenches beside a lower and an upper artefacts concentration, but again with no good results; right under a surface we noticed a deposit of loose, grey sand without any archaeological finds. It seems that the site is all destroyed by

wind, and that the material lies on a surface only.

Point 14 – ca 500 m to the North of point 13, on the slopes of the next prominent hill, on more less the same altitude.

A collection consists of: 2 nice retouched blades /pl. 5:5/, a middle fragment of a microlith, probably a wide triangle of Dariasai type /Pl. 5:6/, 5 flakes, a both sided trimming blade, and 8 blades or their fragments /2 made of a grey flint raw material. If no other comments all the lithics were produced of a white chalcedonite/opal raw material. In addition 8 pottery fragments, thin walled /not exceeding 5 mm/ of black, grey or reddish shade, with no admixture visible; in that number 2 ornamented pieces /Pl. 5:7, 8/.

Point 15 – GPS coordinates for a hot spring where we stopped for a while: 39° 45'.106''N, 63°36'.618''E, in a vicinity of Makhandaria dry stream bed; a described finding point is about 1 km South-West of it.

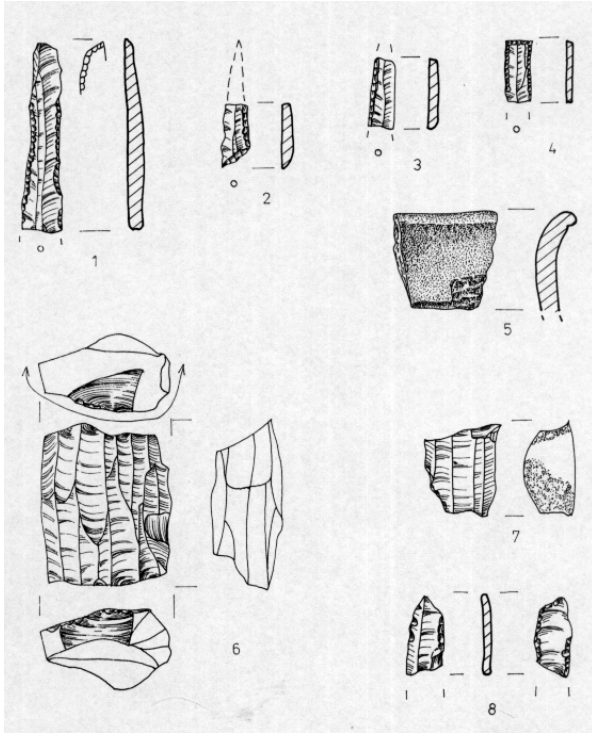
A single fragment of bladelet, regularly retouched insert made of a white chalcedonite/opal raw material was picked up /Pl. 1:7/.

Point 16 – on a slope of a hill, ca 400 m North-West of a hot spring mentioned in point 15.

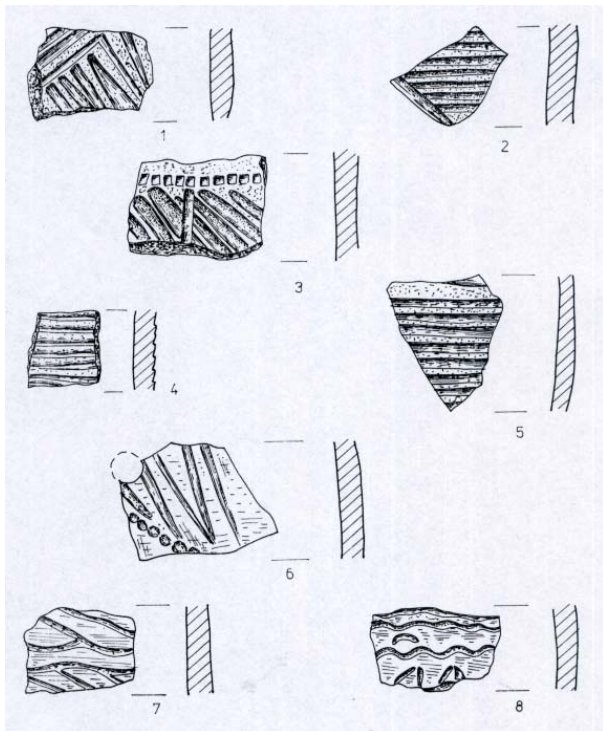
Not too numerous series of artefacts was found: a flake, a blade next to a trimming blade, 2 blade fragments, 2 fragments of retouched blades /only one of the was produced of a white chalcedonite/opal raw material – Pl. 1:8, while the rest of the collection was made of grey to brownish flint. On the same place 3 pottery sherds were noted, relatively coarse, black inside, grey or reddish outside; in that one decorated brim fragment /Pl.1:9/. A character of these items, together with their ornaments closely remains the Early Bronze Age pottery of Andronovo type.

Point 17–GPS coordinates: 39°45'.030''N, 63°34'.924''E; altitude – 180 m above msl. Edge of a Great Tuscan Lake depression.

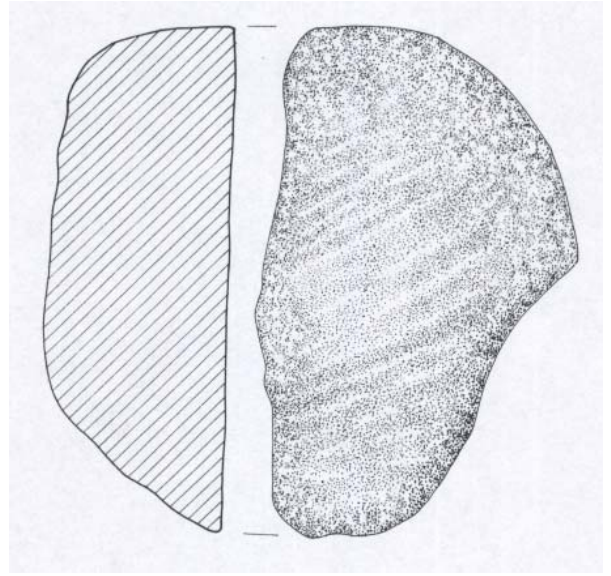
The collection consists of: a blade with traces of retouch, 2 fragments of the microliths, most probably the wide triangles of Dariasai type /one made of a yellow grey flint raw material – Pl. 11:2, 3/, a rectangular insert with extremely fine, regular retouch on a dorsal face /Pl. 11:4/, accompanied by 2 flakes of tiny sizes made of a yellow grey

Pl. 11. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1—distal fragment of a retouched blade /or perforator?—Point 18/; 2,3—fragments of microliths, most probably of *Dariasai* triangles, 4—rectangle, 5—brim fragment of pottery /Point 17/; 6,7—regular blade cores, 8—blade insert with regular ‘pearl’ retouch /Point 8/.

Pl. 12. South-eastern Kyzyl-kums, surface finds. 1 – 8 – variously decorated fragments of pottery /Point 8/.

Pl. 13. South-eastern Kyzyl-kums, surface find. Light grey sandstone implement with worked edges and traces of heavy polish on one of the faces /Point 8/.

flint raw material and 14 blades and their fragments /4 made of a yellow grey or brownish flint raw material. If no additional description, all the items were produced of a white chalcedonite/opal raw material. Together with the lithics, 26 fragments of pottery were found with the walls thick from 5 to 9 mm, with coarse mineral, sometimes white admixture, hard, well fired, of black or grey colour, sometimes with reddish shade; in that number 2 brim fragments /Pl. 11:5/, and one piece with an artificial repairing hole.

Point 18—GPS coordinates: 39°45'.098''N, 63°34'.949''E; altitude – 200 m above msl.

Artefacts found: 2 retouched blades /one could be counted as a perforator - Pl. 11:1/, both made of a white chalcedonite/opal raw material, one with black inclusions, together with a white grey sandstone implement with one face intensively polished; dimensions: 11X8.1X2.1 cm /Pl. 10/.

Point 19—some 1.5 km West of the town Gazli, ca 30 m North of a Khiva highway /Map 1:19/.

On a grave surface a single find of a finely retouched rectangular insert made of a white chalcedonite opal raw material was documented /Pl. 1:6/.

Our archaeological survey fully confirmed a presence of a dense Neolithic and Bronze Age settlement in the region of Makhandaria

and the Tuscan Lakes. The settlement, especially the neolithic one, was concentrated in certain areas of the prehistoric Zeravshan delta zone, always situated more-less along the 200 m contour line. The character of the lithic materials closely resembles the one coming from the Chorbakhti cluster of sites / North-East of Gazli/, elaborated lately by N. U. Kholmatov, and dated by him to the middle, Dzhanbas stage of the Kelteminar culture /Kholmatov N. U., 2004/. Indeed this material shows all the technological features / preparation and exploitation of cores for the production of blades, bladelets and micro-blades, techniques of pressure knapping and indirect percussion/ known for this Neolithic culture in the upper stream of Zeravshan / Vinogradov, 1981/. But we can note some typological differences (type of Kelteminar points, the rarity or lack of geometrics and the presence of grinding or polished stone) which point out the middle /the last?/ stage of this culture and may be a regional variant of

it /Brunet, 2006/.

Most of the archaeological materials found during our survey was probably transported by water, and was found in its secondary position, while other sites were strongly damaged by the long term, active eolian processes.

Worth noting is a fact that a huge number of the neolithic artefacts was produced of a white chalcedony/opal raw material, which reported by A. Vinogradov in the region of Lyavlyakan /Vinogradov, Mamedov, 1975/. Today we confirm that natural outcrops are probably located not less than some 600 km North of the Zeravshan deltas, in the Central Kyzyl-kums uplands /Szymczak, Khudzhazarov, 2003/.

The problems of the neolithic prehistory of the described region, with a special attention paid to the human settlement – natural environment relations, are going to be subjected to further research.

LITERATURE:

1. Brunet F., 2006 (under press) - Pour une nouvelle étude de la culture néolithique de *Kel'teminar*, Ouzbékistan, *Paléorient* n°31/2, CNRS Editions, Paris.
2. Gulyamov Ya. G., Islamov U., Askarov A., 1966, *Pervobitnaya kultura i vozniknovenie oroshaemovo zemledeliya v nizovyakh Zaravshana*, Tashkent.
3. Islamov U. I., 1963, *Mnogosloinaya stoyanka kelteminarskoi kultury v nizovyakh Zeravshana*. *IMKU- The history of material culture of Uzbekistan*, n°4, Samarkand, pp. 31-45.
4. Kholmatov N. U., 2004, *K khronologii kelteminarskikh materialov starorechya Zaravshana*, *IMKU - The history of material culture of Uzbekistan*, n°34 /T. Sh. Shirinov ed./, Samarkand, pp. 17 – 25.
5. Michniak R., 1998, Petrographic expert's opinion on a spotless white, imported raw material, [in:] *Polish-Uzbek Archaeological Expedition, Season 1997, General Report, Excavation in Ayakagytm The Site, SE Kyzyl-kums, Uzbekistan*, /K. Szymczak, S. Mustafakulov, eds./, Warsaw – Samarkand, pp. 19 – 24.
6. Szymczak K., Khudzhazarov M., 2003, *Polish-Uzbek Archaeological Project, Season 2002, General Report, Survey in Bukantau Mountains, NW Central Kyzyl-kums; excavation in Ayakagytm The Site and Ayakagytm The Mine, SE Kyzyl-kums, Uzbekistan*, Warsaw - Samarkand.
7. Szymczak K., Khudzhazarov M., 2004, *Polish-Uzbek Archaeological Project, Season 2003, General Report, Excavation in Ayakagytm The Site and The Mine, archaeological and geological survey in Central Kyzyl-kums*, Warsaw – Samarkand.
8. Szymczak K., Khudzhazarov M., 2005, *Polish-Uzbek Archaeological Project, Season 2004, General Report, Archaeological and geological survey in S Kazakhstan and SE Kyzyl-kums, Uzbekistan*, Warsaw – Samarkand 2005.
9. Vinogradov A.V., 1981, *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo Mezhdurechiya*, Nauka, Moscow.
10. Vinogradov A.V., Mamedov E. D., 1975, *Pervobytnyj Lyavlyakan, etapy drevneishego zaseleniya i osvoeniya Vnutrennikh Kyzylkumov*, Nauka, Moscow.

БАКТРИЯНИНГ БРОНЗА ВА ИЛК ТЕМИР ДАВРИ МАДАНИЯТЛАРИ ХРОНОЛОГИЯСИ

Ўрта Осиёнинг бронза ва илк темир даври ёдгорликларини даврлаштириш масаласи археология фанида энг долзарб муаммолардан бири ҳисобланади. Бу масалада тадқиқотчиларнинг фикрлари ҳам ҳар хил. Узоқ йиллар фанда В.М. Массоннинг Номозгоҳ ва Яз депе ёдгорликлари асосида ишлаб чиқилган хронологик жадвал Ўрта Осиёнинг бронза ва илк темир даври ёдгорликларининг хронологиясини аниқлашда асосий «дастури амал» сифатида қўлланилиб келинди (Массон, 1959). Ушбу хронологик жадвал асосида Ўрта Осиё худудидаги кўплаб бронза ва илк темир даври ёдгорликларининг даврий санаси аниқланган.

Албатта, ҳар бир ёдгорликнинг хронологик даврини аниқлашда унинг ички стратиграфияси бош ролни ўйнайди. Бу археология амалиётида кенг қўлланиб келинаётган энг ишончли усулдир. Сополли, Кучуктепа ва қадимги Бактрия маданиятларининг хронологияси худди шу усулда аниқланган (Асқаров, 1977; Асқаров, Абдуллаев, 1983; Раҳманов, 1987; Асқаров, Ширинов, 1993, Асқаров, Альбаум, 1979; Шайдуллаев, 2000).

Қадимги маданиятларнинг хронологиясини аниқлашда радиоуглерод анализ усули (C/14) кенг қўлланилмоқда. Маданиятлар аро тарқалган ашёлар ёрдамида ёдгорлик хронологиясини аниқлаш ҳам ишончли усуллардан ҳисобланади. Масалан, қадимги Шарқ маданиятларида кенг тарқалган хлорид (стеотит), лазурит, аргелит тошлардан ясалган бежирим буюмларни айтиб ўтишимиз мумкин. Ушбу усул Сополли маданияти хронологияси учун биринчи марта қўлланилмоқда. Негаки, шу сингари идишлар Жарқўтон ёдгорлигидан сўнгги йилларда топилди.

Маълумки, Сополли ва Кучуктепа маданиятлари ёдгорликларининг хронологик даврини аниқлашда Номозгоҳ ва Яз депанинг хронологик даври асос қилиб олинган эди. Биз Шимолий Бактриянинг брон-

за ва илк темир даври учун ўзига хос хронологик жадвални таклиф этганмиз. Бу даврлаштириш жадвалига кўра Сополли маданияти 5 та босқичга бўлинган: сополли, Жарқўтон, кўзали, мўлали ва бўстон (Асқаров, 1977. С. 89-101; Асқаров, Абдуллаев, 1983; Раҳманов, 1987; Асқаров, Ширинов, 1993. С. 81-92). Давр жиҳатидан бу хронологик жадвал мил.ав. XVII-X асрларни ўз ичига олади.

Ўз навбатида Шимолий Бактриянинг илк темир даври 4 та босқичга бўлинган, яъни Кучук I-IV (Асқаров, Альбаум, 1979; Шайдуллаев, 2000). Давр жиҳатидан илк темир даври мил.ав. X-IV асрларни ўз ичига олади. Бронза ва илк темир даври ёдгорликларининг икки хил - горизонтал ва вертикал стратиграфияси ўрганилган ва шу асосда юқоридан даврий саналар олинган.

Сополлитепа ёдгорлиги учун 3 та, Жарқўтон ёдгорлигининг жарқўтон босқичига оид 3 та, кўзали, мўлали ва бўстон босқичларига тегишли биттадан қурилиш даври хослиги кузатилган. Маълумки, А.С. Сагдуллаев илк темир даврида бир қурилиш даври 75-100 йил давом этган деб ҳисоблайди (Сагдуллаев, 1977). Бундан ташқари Алтин-депанинг юқори 10 та қурилиш босқичи мил.ав. 3000-2000 йиллар оралиғида фаолият этгани, яъни ҳар бир қурилиш босқичининг хронологик даври 100 йил атрофида давом этганлиги қайд этилган (Кирчо, Попов, 1999. С.350-361). Агар мана шу ҳисоб Сополли маданияти учун қўлланилса, унинг умумий давом этган вақти 9 та қурилиш босқични, яъни тахминан 900 йилни ташкил этади.

Биз таклиф этган хронологик даврга кўра Сополли маданияти 800 йил давом этган. ҳар бир босқичнинг давом этган вақтини аниқлашда шу даврда давом этган қурилиш даври сонини инобатга олманлигимиз ҳам маълум бўлмоқда. Агар қурилиш даври бўйича ҳисоблайдиган бўлсак, сополли даври 225-300, Жарқўтон

Сополли маданияти ёдгорликларида қайд этилган қурилиш босқичлари

Сополли маданиятининг хронологик даври	Ёши (мил.ав.)	Давом этган қурилиш даври	қайд этилган қазилма
Сополли босқичи	1700-1500 йиллар	3	Сополлитепа
Жарқўтон босқичи	1500-1350 йиллар	3	Жарқўтон, Тепа № 5, 6.
Кўзали босқичи	1350-1200 йиллар	1	Жарқўтон, Тепа № 6, 8
Мўлали босқичи	1200-1050 йиллар	1	Жарқўтон, Тепа № 6
Бўстон босқичи	1050-900 йиллар	1	Жарқўтон, Тепа № 7

даври 225-300, қолган даврлар эса бир қурилиш давридан, яъни 75-100 йилдан давом этган.

Қурилиш даври қанчалик кўп давом этган бўлса, олинган маълум бир қабристонда шу даврга оид шунча кўп қабрлар учраган. Масалан, тўлиқ ўрганилган Жарқўтон IVa қабристониди жами 719 та қабр очилган бўлиб, шундан 350 таси Жарқўтон, 161 таси кўзали, 220 таси мўлали даврига оидлиги аниқланган (Аскарлов, Абдуллаев, 1983. С. 8-13.). Шунини айтиб ўтиш жоизки Жарқўтон IVa қабристониди ўрганилган вақтда бўстон даври мўлали давридан ажратилмаган эди. Шунинг учун мўлали даври қабрлари статистик жиҳатдан кўзали даври қабрларидан биров кўпроқ учраган. Демак, Жарқўтон IVa қабристониди энг узок давом этган Жарқўтон даври қабрлари сон жиҳатдан энг кўп, қолган даврлар қабрлари сони ҳам қурилиш даври сонларига монанд равишда учрайди.

Маълумки, сўнгги йилларда Америка ва Европа олимлари Ўрта Осиёнинг бронза даври ёдгорликларини 300-400 йилга қадимийлаштириш ғояси билан чиқдилар. Бу ғоя асосида Ўрта Осиё ёдгорликларидан олинган радиокарбон анализлари натижалари ва моддий маданият намуналарини қадимги Шарқнинг ривожланган маданият марказлари моддий маданиятлари билан таққослаш ётади (Kohl Ph.L, 1984; Hiebert, 1993. P. 136-148; Hiebert, 1994; Salvatori, 1995. P. 38-54.).

Ўрта Осиёнинг қадимги давр археологияси билан шуғулланаётган тадқиқотчилар ўртасида ушбу ғоя, яъни маданиятларни «қадимийлаштириш» ғояси тарафдорлари ҳам пайдо бўлган бўлса (Массон,

1999. С.265-297; Сариниди, 2002; Долуханов, Щетенко, Тоси, 1985. С.118-123), айрим тадқиқотчилар энг аввал ички стратиграфияга таяниш кераклиги хусусида гапириб, C/14 анализларини қабул қилишда эҳтиёт бўлиб ёндашишга, C/14 усулини янада такомиллаштиришга, бу борада археологлар билан аниқ фанлар вакилларини ҳамкорликка чақиради (Кирчо, Попов, 1999. С.352).

Ўз вақтида Сополли маданияти ёдгорликларидан олинган органик қолдиқлар радиокарбон (C/14) анализи қилинган эди (Аскарлов, 1977. С.101). Сополлитепадан олинган анализ мил.ав. 1690 йилни, Жарқўтондан олинган анализ эса мил.ав. 1560 йилни ташкил этган. Шундан сўнг C/14 усули такомиллашиб, олинган санани калибрлаштириш бошланди. Ф. Колл Сополлитепанинг ёшини калибрлаштириш бўйича мил.ав. 2190-1880 йиллар (Kohl Ph.L. Vol. I: 179-195; Vol. II: 154-162), Ф. Хиберт эса мил.ав. 2277-1745 йиллар оралиқи деб ҳисоблайди (Hiebert, 1994).

Ўзбек-Олмон Бактрия экспедицияси Жарқўтон ёдгорлиги ёшини аниқлаш учун 23 та радиокарбон (C-14) анализи ўтказилди. Радиокарбон анализлар Германия археология институти Евроосиё бўлими қошидаги лабораторияда амалга оширилди. Анализлар учун ашёлар Жарқўтоннинг «арк», № 4 ва № 6 тепаликларидан олинди (Gürsdorf, Huff, 2001.).

Таъкидлаш жоизки, олинган 23 та анализнинг 18 таси Жарқўтон олов ибодатхона жойлашган № 6 тепаликдан олинди. Негаки шу тепаликда 5 та қурилиш босқичи аниқланган ва бу ерда Жарқўтон ёдгорлигининг барча даврида ҳаёт узлук-

Ушбу анализларнинг хулосаси қуйидагилар:

№	қазишма жойи	Анализ олинган вақт	Лаборатория анализ №	қатламнинг хронологик даври	С14 анализ натижаси ва Калибрашиши
1.	Жарқўтон Тева № 4 қазишма 1	12. 5. 2000	Bln-5303	Жарқўтон	3590+29 BP; 2010-2000 cal BC; 1980-1970 cal BC; 1960-1880 cal BC
2.	Жарқўтон Тева № 4 қазишма 1	5. 4. 2000	Bln-5302	Жарқўтон	3529+33 BP; 1920-1900 cal BC; 1890-1720 cal BC
3.	Жарқўтон Тева № 4 қазишма 1	10. 5. 1997	Bln-5008	Жарқўтон	3505+37 BP 1890-1740 cal BC
4.	Жарқўтон Тева № 4 қазишма 1	30. 4. 1998	Bln-5017	Жарқўтон	3474+29 BP; 1880-1840 cal BC; 1820-1790 cal BC; 1780-1740 cal BC
5.	Жарқўтон «арк» қазишма 4	8. 4. 1997	Bln-5009	Жарқўтон	3465+37 BP; 1880-1840 cal BC; 1820-1884 cal BC; 1780-1730 cal BC
6.	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 16а	15. 5. 2000	Bln-5290	Жарқўтон	3636+32 BP 2110-2100 cal BC 2040-1940 cal BC
7.	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 12с	4. 4. 2000	Bln-5300	Жарқўтон	3494+29 BP 1880-1740 cal BC
8	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 5X	17. 5. 2000	Bln-5301	Жарқўтон	3323+47 BP; 1690-1670 cal BC; 1660-1650 cal BC 1640-1520 cal BC
9	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 5X	16. 5. 2000	Bln-5304	Жарқўтон	3459+29BP; 1880-1840 cal BC; 1810 -1800 cal BC; 1780-1730 cal BC; 1710-1690 cal BC
10	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 14а	14. 5. 1999	Bln-5140	Жарқўтон	3544+31 BP; 1940-1870 cal BC; 1850-1810 cal BC 1800-1770 cal BC
11	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 13f	30. 4. 1999	Bln-5146	Жарқўтон	3505+29 BP 1890-1770 cal BC
12	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 11с	26. 4. 1998	Bln-5012	Жарқўтон	3274+33 BP 1620-1510 cal BC
13	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 13b	17. 4. 1997	Bln-5010	Жарқўтон	3336+31 BP 1690-1600 cal BC 1570-1520 cal BC
14	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 13b	24. 4. 1997	Bln-5011	Жарқўтон	3418-37 BP; 1860-1840 cal BC; 1770 -1680 cal BC; 1670-1660 cal BC; 1650-1660 cal BC
15	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 13d	9. 5. 1998	Bln-5013	Жарқўтон	3414+29 BP 1750-1680 cal BC 1670-1660 cal BC
16	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 13е	30. 4. 1999	Bln-5141	Жарқўтон	3510+35 BP 1890-1750 cal BC
17	Жарқўтон Тева № 6 қазишма 13е	1. 5. 1999	Bln-5142	Жарқўтон	3433+29 BP 1860-1840 cal BC 1770-1680 cal BC

18	Жарқўтон Тепа № 6 қазишма 12с	24. 4. 1998	Bln-5015	Жарқўтон	3322+32 BP; 1680-1670 cal BC; 1660-1650 cal BC; 1640-1520 cal BC
19	Жарқўтон Тепа № 6 қазишма 12с	19.5.1998	Bln-5016	Жарқўтон	3375+33 BP 1740-1710 cal BC 1700-1610 cal BC
20	Жарқўтон Тепа № 6 қазишма 12d	16. 4. 1999	Bln-5145	Жарқўтон	3388+32 BP 1740-1620 cal BC
21	Жарқўтон Тепа № 6 қазишма 14а	23. 4. 1998	Bln-5014	Кўзали	3285+39 BP 1620-1510 cal BC
22	Жарқўтон Тепа № 6 қазишма 5 р	18. 4. 1999	Bln-5143	Кўзали	3337+29 BP 1690-1600 cal BC 1570-1530 cal BC
23	Жарқўтон Тепа № 6 қазишма 15	15. 5. 1999	Bln-5144	Кўзали	3256+34 BP; 1610--1560 cal BC; 1540-1490 cal BC; 1480-1450 cal BC

сиз давом этган. Жарқўтон даврида учта қурилиш босқичи, кўзали, мўлалли давриларида биттадан қурилиш босқичи кузатилган. Ўтказилган радиокарбон анализлар бўйича энг қадимги даврни Bln-5303 номерли анализ берди. Анализ учун ашё №6 тепалик, яъни Жарқўтон олов ибодатхонаси жойлашган тепаликнинг энг қуйи қатламидан олинган. Анализ олинган қатлам илк Жарқўтон даврига оид бўлиб, калибрлашган ҳисоб бўйича мил.ав. 2010-2000, 1980-1970 ва 1960-1880 йилларни кўрсатди. Умуман, №6 тепаликдан Жарқўтон даврига оид 15 та анализ ўтказилди. Жарқўтон даврига оид учта қурилиш даври қатламларидан олинган 15 та анализ мил.ав. 1950-1600 йилларни, яъни 300-350 йил ораллиғидаги вақтни кўрсатди.

Жарқўтон олов ибодатхонаси жойлашган VI тепаликдан, аниқроғи кул қатлами жойлашган катта суфали хонадан Ф. Хиберт ҳам C/14 анализи учун ашёлар олган ва Америкада C/14 анализини ўтказган (Hiebert, 1994). Анализ учун ашё Жарқўтон даври маданий қатламидан олинган бўлиб калибрлашган ҳисоб бўйича мил.ав. 1950-1750 йилларни берган.

Юқорида таъкидлаб ўтганимиздек, бронза даври ёдгорликлари хронологиясини аниқлашда маданиятлараро тарқалган предметлар ҳам ёрдам беради. Жарқўтон «арк»ининг марказий қисмида ўтказилган археологик тадқиқотлар натижасида, Жар-

қўтон даври қатламидан хлорит тошдан ясалган идишлар намуналари қўлга киритилди (Расм 1). Булар кичик ҳажми бўлиб, ташқи тарафида чизиб ишланган безаклар намуналари жойлашган (Huff, Pidaev, Chaydoullaeв, 2001. Fig.10; Шайдуллаев, Хуфф, 1999. Рис.5). Шу идишлар ёрдамида Жарқўтон даври хронологиясини қадимги Шарқ манбалари асосида ёритиш имконияти туғилди.

Хлорид тош - юмшоқ таркибли яшил ва кулрангтоб бўлиб, шу тошдан ясалган ашёлар ташқи тарафидан чизиб ва ўйиб ишланган безакларнинг мавжудлиги билан характерланади. Ҳозирги кунгача Месопотамиядан то Ҳинд ўлкасигача бўлган 30 та ёдгорликдан 300 дан ортиқ шундай топилмалар топилган. Бу идиш шакллари ва уларда ифодаланган тасвирларнинг бири-бирига яқинлиги билан характерланади. Тош идишларда ифодаланган тасвирлар тадқиқотчилар томонидан 12 та мотивга бўлинган: жанг қилаётган реал ва фантастик ҳайвонлар, антропоморф тарзда ифодаланган мифологик персонажлар, меъморий кўринишлар, пиллапоая кўринишли ва ўсимликлар дунёсига оид тасвирлар ифодаланган (Frankfort, 1977. P. 39-40; Kohl Ph, 1975, v.18). Шаклан ва тасвирий ифода жиҳатидан бири-бирига айнан ўхшайдиган хлорид тошдан ясалган идишларнинг пайдо бўлиши тўғрисида фанда анча тортишувлар бўлиб ўтган. Г. Франкфорт бу

идишларни Месопатамия усталари ясаган, - деган бўлса, Л. Вулли жануби-шарқий Эронни, С. Пиготт эса Белижистонни ушбу идишларнинг ясалган жойи сифатида эътироф этган (Frankfort, 1977. P.40; Woolley, 1935. P.96; Piggott, 1950. P.119.).

Г. Франкфортнинг фикрича, Месопатамияда хлорид тошдан ясалган идишлар илк династиялар (I, II, III) даврида учрайди ва вақт ўтган сайин тасвирий ифодалар камбағаллашиб борган (Frankfort, 1977. P.41). Сўнгги тадқиқотлар натижасида ушбу идишларнинг хронологик даври ҳам аниқланди (Amiet, 1986. P.133.).

Ф. Колл Эроннинг Керман вилоятида, Тепа Яхья ёдгорлиги яқинида хлорид тошларнинг захира макони ва идишлар ясаладиган устахонасини топганидан сўнг, археология илмида хлорид тошларнинг «ватани» масаласи ҳам ўз ечимини топди (Kohl Ph, 1975, v.18). Ламберг-Карловскийнинг фикрича, хлорид тошдан ясалган идишлар фақат экспорт учун таёрланган (Lamberg-Karlovsky, 1975. P.358.).

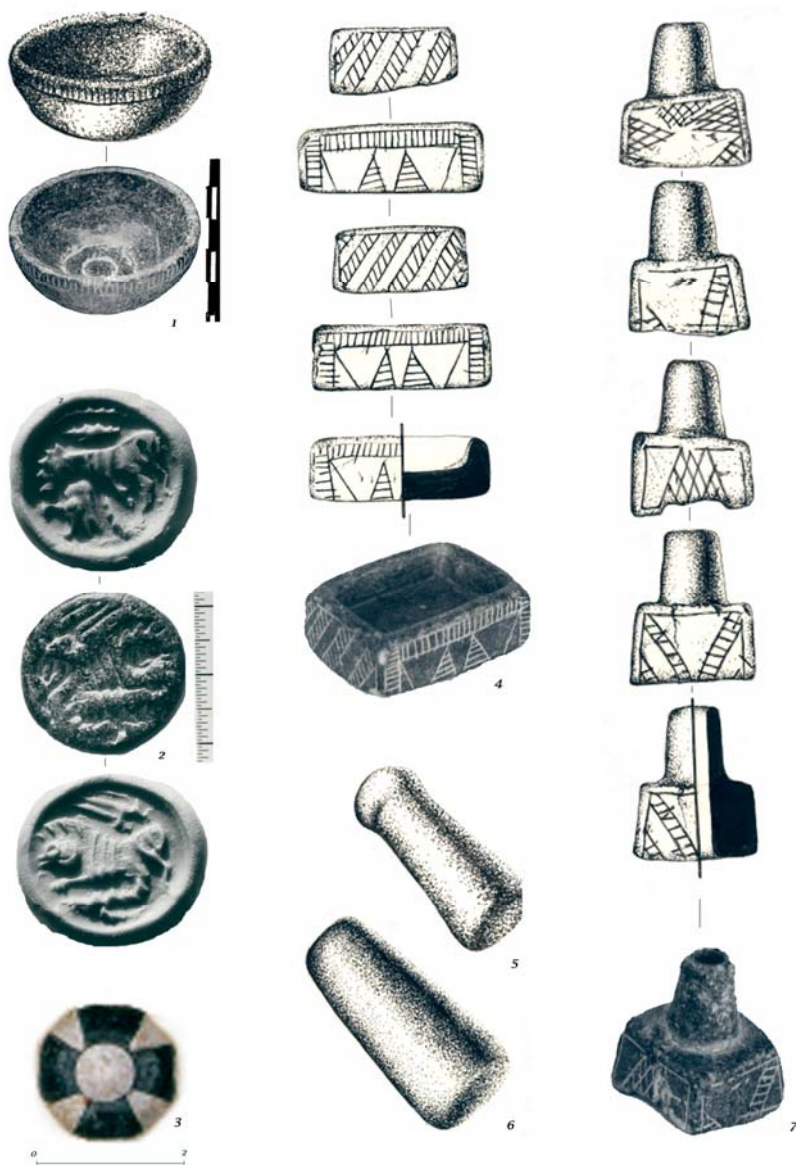
Қадимги Шарқда тарқалган хлорид тошларнинг хронологик жадвалига кўра, Жарқўтондан топилган ва хлорид тошлардан ясалган идишларнинг хронологик даври мил.ав. XIX-XVIII асрларга оид эканлигига шубҳа қолмади.

Хлорид каби бронза даврида маданиятлараро кенг тарқалган минерал манбалардан бири - аргелитдан ясалган ашёлардир (Расм 2). Бундай ашёлар мил.ав. III минг йиллик охири II минг йиллик бошида Месопатамия (Киш, Телло, Ур), Эрон (Суз, Тепа Мусиян, Тепа Али-Абад, Тепа Хиссар, Шахдод, Шахри Сўхта), Жанубий Туркманистон, Афғонистон ёдгорликларида кенг тарқалган (Casanova, 1991. P. 73-74). Аргелит миниралининг макони Эрон, Афғонистон, Покистон ва Ўрта Осиё ҳисобланади (Casanova, 1991. P.39). Аргелитдан ясалган тақинчоқлар, муҳрлар, аёллар косметикасида ишлатиладиган митти идишлар, олтин сирғаларнинг кўзлари алебастр билан тўлдирилганлиги Жарқўтон ёдгорлигида кўплаб кузатилган (Шайдуллаев, Аванесова, 2000, 8 бет). Алебастрдан ясалган топилмалар, уларнинг тарқалиши, типологияси ҳамда хронологияси М. Каса-

нова томонидан ишлаб чиқилган. У ишлаб чиққан хронологик жадвалга кўра Бактриянинг алебастрдан ясалган ашёлари мил. ав. II минг йиллик бошларига оид (Casanova, 1991. P.49).

Маданиятлар аро тарқалган яна бир ашё фаянсдан ясалган топилмалар бўлиб, буйрак шаклидаги «илоҳий» идишлар, кичик ҳажмли коса шакли идишлар, ҳар хил тақинчоқлар мажмуасидан иборат. Жарқўтон ёдгорлигининг илк даврига оид қатламларидан ушбу идишлар ва тақинчоқлар кўплаб топилганки, бу топилмалар ҳам ёдгорликнинг хронологиясини аниқлашда катта рол ўйнайди (Расм 1; 2; 3). Буйрак шаклидаги фаянсдан ясалган идишлар Месопатамиядан кўра Хараппа ёдгорликларида кўпроқ учрайди. Шунинг учун Дюринг Касперс бу идишларни Хараппа маданиятига хос деб ҳисоблайди (During Caspers, 1970. P.112-114.). Олимнинг фикрини Жарқўтондан топилган фаянс идиш ва унда ифодаланган «*ripal*» дарахтининг ифодаси ҳам исботлайди. Маълумки «*ripal*» дарахти фақат Ҳиндистон ва Покистон худудларига хос бўлган ўсимликлар дунёсига киради. Фаянсдан ишланган ва «*ripal*» тасвирланган идишлар Ҳинд-Месопатамия худудларидаги Асмара (Frankfort, 1933. P.52. Fig.32.), Теллодаги Иштар ибодатхонасидан (Parrot, 1956. Fig.93), Телл Брак ёдгорлигидан (Malloyan, 1947. P.39-40), Ҳиндистоннинг деярли барча бронза даври ёдгорликларидан топилган (Маккей, 1951; Маскау, 1948). Эслаб ўтилган ёдгорликлардан топилган фаянсдан ясалган идишлар Жарқўтондан топилган идишларга ўхшаш бўлиб, мил.ав. XIX-XVIII асрнинг биринчи ярми билан даврлаштирилган.

Бронза даврида маданиятлараро жуда кенг тарқалган, фил суягидан ясалган предметлар бўлиб, улар квадрат, доира, таёкча шакларида ясалган. Юза ва ён томонларига айлана кўринишидаги «циркульный» безакнинг чизилиши характерлидир. Таёкча кўринишли фил суягидан ясалган предметларга энг кам, 1-3 та айлана чизилган бўлса, квадрат шакли предметларда 5-11 тагача, айлана шакли предметларда эса 9-11 тадан айлана чизилган.

1 расм

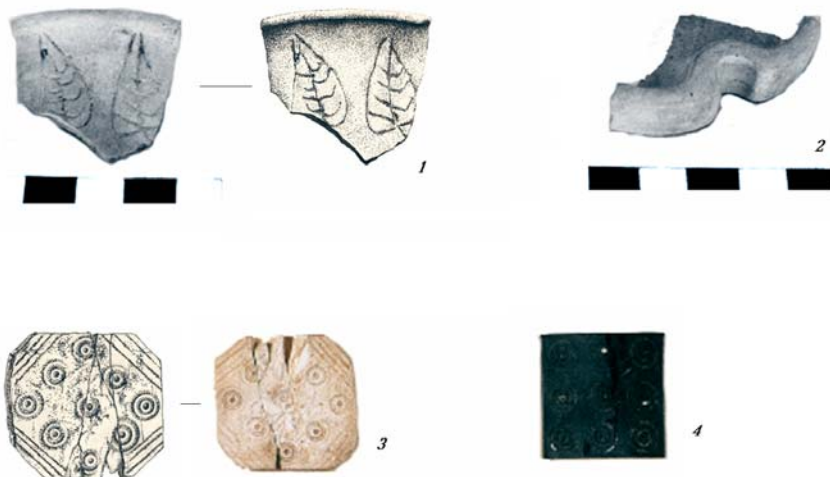
Ушбу предметларнинг вазифаси хусусида савдога бағишланган қисмда алоҳида тўх-таламиз. ҳозир эса унинг тарқалиш географияси ва ёши хусусида ўз фикримизни баён этамиз. Ушбу предметларнинг тарқалиш географияси Хараппа маданиятининг тарқалиш географиясига мос келади ва ишонч билан айтиш мумкинки у Хараппа маданиятининг таъсир доирасидаги ҳудудларда тарқалган. Жарқўтон ёдгорлигининг №4 тепалигидан, Жарқўтон даври қатламидан фил суягидан ясалган иккита квадрат шаклидаги предмет топилган бўлиб, худди шундай предметлар Алтын-депе (Ганялин, 1967. С.216, Рис.6.), Хараппа,

Махенждаро, Чанхударо (Gupta, 1979. С. 167, Рис. 3.17.), Ироқ худудида Жамдет Наср (Matthews, 1992, Рис12) каби кўплаб ёдгорликларда қайд этилган ва мил.ав. II минг йиллик бошлари билан даврлаштирилган. Демак, С/14 анализлари бўйича Сополли маданиятининг Жарқўтон даврини 1950-1600 йиллар оралиғи деб ҳисоблайдиган бўлсак, худди шу даврларни маданиятлараро тарқалган - хлорид тошдан, фаянсдан, гипсдан ясалган археологик топилмалар ҳам тасдиқлайди. Жарқўтон ёдгорлигининг №6 тепалигидан, Кўзали даврига оид маданий қатламдан олинган учта С/14 анализи мил.ав. 1620-1510 йиллар оралиғидаги вақтни кўрсатди (қаранг 21, 22, 23 анализлар), яъни 100 йил оралиғидаги вақт. Маълумки, Жарқўтон ёдгорлигида кўзали даври ашёлари фақат бир қурилиш вақти

давомида қузилади. Шундан хулоса қилиш мумкинки, кўзали даврини саналашда С/14 ҳамда маданий қатламлар стратиграфияси бир-бирини тўлдираяпти.

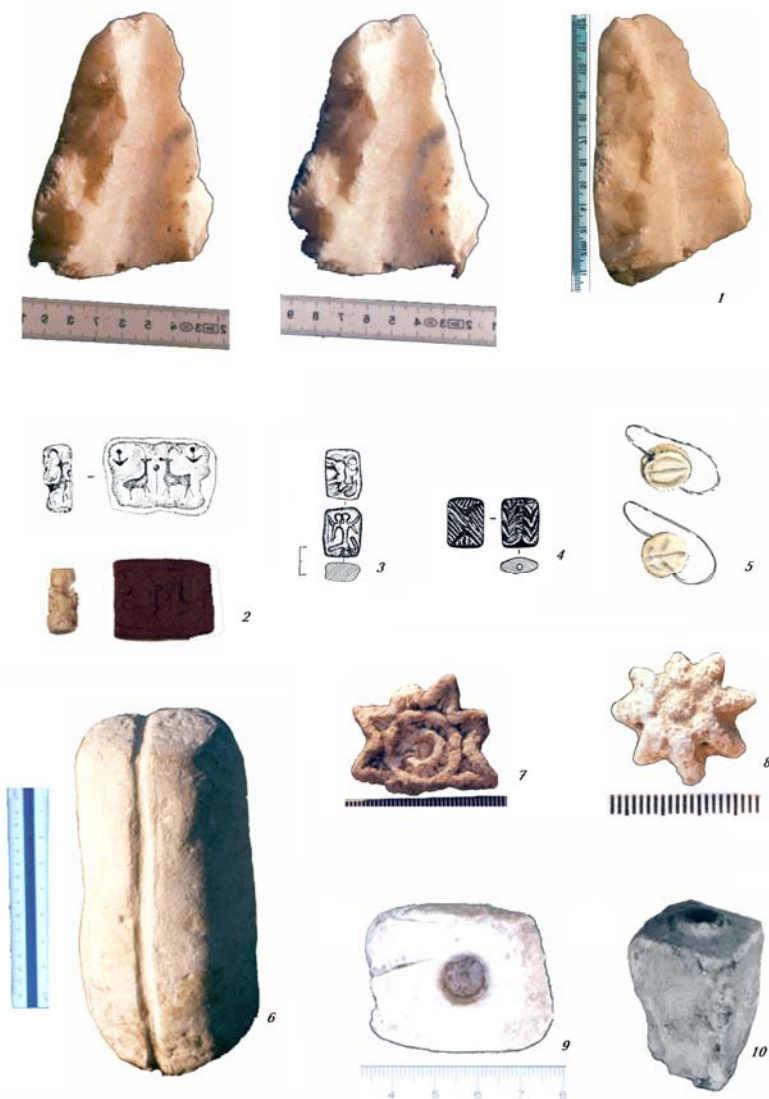
Ўзбек-Олмон Бактрия археологик отряди аъзолари Майк Тойфер ва Кай Канютлар Сополли маданиятининг хронологик давриларининг кетма-кетлиги хусусида янги фикрга келишган (Kaniuth, Teufer, 2001. С.89-115). Эслаб ўтганимиздек тадқиқотчилар Сополли маданиятини давр жиҳатидан 5 та босқичга бўлинишини тан олишган: сополли, Жарқўтон, кўзали, мўлали ва бўстон. Аммо, Германиялик олимлар Жарқўтон давридан сўнг мўлали, бўстон ва ундан сўнг кўзали даври келади деган, -хато фикрга келишган. Уларнинг бун-

дай фикрга келишига асосий сабаб Жарқўтон 3 қабристонини қазиб давомида стратиграфик жиҳатдан кўзали даври қабри мўлали даври қабридан тепада учраганлигини биринчи фактор деб ҳисобласалар, иккинчи фактор қилиб, Н.А. Аванесова тадқиқотлар олиб бораётган Бўстон 6 қабристонини Жарқўтон ва мўлали даври сополларининг бир

2 расм

қабрда учрашидир (Аванесова, Ташпулатова, 1999. Погр. 230; Avanesova, 1997. С. 147-178 Grab. 148). Учинчи фактор қилиб, Жарқўтон даври сополлари билан мўлали даври сополларининг шакл жиҳатдан ўхшашлиги (вазалар) ва қизил ангобнинг илк Жарқўтон ва мўлали давриларида учраши ва кўзали даврида учрамаслиги аломатлари асос қилиб олинган. Фикримизча бу олимлар шошқолоқлик билан фикр юритган. Негаки, бир ёки бир нечта қабр асосида хронологик даврга ўзгартириш киритиш мумкин эмас. Жарқўтон ва мўлали даври сополларининг шакл ва ясаиш услубларидаги ўхшашликлар хусусида А.А. Асқаров ўз асарларида тўхталиб ўтган ва бу ҳолатга кулолчилик аъёнларида эски урф-одатларга қайтиш деган фикрга келган. А.А. Асқаров ва унинг шогирдлари яратган Сополли маданияти

3 расм

хронологияси босқичлари минглаб қабр ва кенг кўламли қазилмалар натижасида яратилгандир.

Ҳозирча, Жарқўтон ёдгорлигида олиб борилган тадқиқотлар давомида мўлали ва бўстон даврига оид маданий қатламлардан С/14 анализи учун ашёлар олишга муваффақ бўлинмади. Ёдгорликнинг маданий қатламлари бўйича фикр юритадиган бўлсак, мўлали ҳамда бўстон босқичлари бир қурилиш даври давомида фаолият этган. Демак, 200 йил давомида, яъни мил. ав. 1300 йилгача. Биз Сополли маданиятининг инқироз даврини ҳам шу давр билан белгилашни таклиф этамиз.

Ўрта Осиё археологиясида Номозгоҳ - Яз I, Сополли - Кучук I, Даштли - Тилла I маданиятлари ўртасидаги давомийлик хусусида ҳам илмий адабиётларда янги фикрлар пайдо бўлди. Бу борада шуни айтиб ўтиш жоизки, бевосита шу маданиятлар билан шуғулланувчи, археологик қазув ишлари олиб бораётган олимларнинг ҳаммаси хронологик жиҳатдан бу маданиятлар узлуксиз давом этган деб ҳисобласалар (Массон, 1988., С. 13-26), бошқа тадқиқотчилар, хусусан бу ҳудудларда археологик қазув ишлари билан муттасил шуғулланмаган айрим олимлар эса, бу маданиятлар ўртасида бўшлиқ, «хаос» борлиги хусусида фикр юритадилар (Baratov, 2001. С.161-179). Бошқа олимлар, жумладан Б. Лионнет ва Ф. Хибертлар эса Яз I маданиятини мил.ав. XV асргача қадимийлаштириш ғояси билан чиқдилар ва бутун қадимги Шарқдаги айрим муаммоли саволларни, яъни Хараппа маданиятининг инқирози масаласини ҳам «ешиб» қўйишни ўз олдларига мақсад қилиб қўядилар.

Улар Ўрта Осиё археологлари билан янги маданиятнинг ёши масаласида ҳам, пайдо бўлиши масаласида ҳам келишмайдилар. Яз I маданиятини мил.ав. II минг йиллик ўрталари - XV аср билан белгиладилар, этник жиҳатдан Яз I маданияти ақлини индо-арийлар деб атайдилар. Индо-арийларнинг Ўрта Осиё орқали Ҳиндистонга тарқалиши масаласини ва Хараппа маданиятининг инқирози масалалари билан боғладилар (Хиберт, 1997).

Кези келганда шуни таъкидлаб ўтиш жоизки, ҳақиқатдан ҳам улар таклиф этаётганлари каби Яз I маданиятининг ёшини қабул қилсак тарихда ўз ечимини кутаётган кўп масалалар ойдинлашади. Масалан, улар ва Е.А. Кузьмина таклиф этаётгандек Андронова маданиятини Арийлар деб, Андронова маданиятининг (Арийларнинг) Ўрта Осиё орқали Ҳиндистонга ёйилиши ва Хараппа маданиятини инқирозга учратганлигини тан олсак, шунда Марказий Осиё ва Ҳиндистонда қўлда ясалган сополлар мажмуасининг тарқалиши масалалари ўз ечимини топади.

Лекин, Яз I маданиятлари туркумига кирувчи ёдгорликларнинг стратиграфияси бунга қарши фактлар беради. Улар Шимоллий Бактриядаги Бандихон I (Сағдуллаев, 1978. С.5), Бўйрачи I (Сағдуллаев, 1989. С.62), Жарқўтон ёдгорлиги аркида (Аскарров, 1979. С.34-37), Жанубий Туркменистон ҳудудидаги Анау (Pampelly, 1908. С. 52-53), Елкен дипе (Қачурис, 1967. С.335-336), Улуг дипе (Сарианиди, 1971. С.443) ёдгорликларида Сополли ва Намозгоҳ маданияти ашёларининг бевосита Кучук I ва Яз I ашёлари билан алмашишига эътибор бермайдилар.

Яз I даври энг узоғи билан тўртта қурилиш даври давомида фаолият этган. Шу давр ашёлари Бандихон I ёдгорлигида 3,1-3,6 м, Тилла тепада 3 м, Кучук тепада 3 м, Сангиртепада 1-2,7 метрни ташкил этади (Сағдуллаев, 1989. С.8). Яз I даврининг ёши масаласида ҳам фанда кўплаб тортишувлар давом этмоқда. Чет эл археологлари Ўрта Осиё археологияси билан шуғулланаётган тадқиқотчиларни ушбу давр маданиятини бир хил давр билан, яъни мил.ав. II минг йиллик охири ва I минг йиллик бошлари билан саналашда айблайдилар (Lyonnet, 1997). Ваҳоланки, шу давр маданиятларининг ёшини белгилашда олимлар ўртасида тортишувлар борлигини европаликлар эслашмайди. Хусусан, А.А. Марущенко Елкен II ашёларини Яз I моддий-маданияти билан солиштириб, уни мил.ав. XII-VII асрлар билан саналаган (Марущенко, 1959. С.65).

Айтиб ўтиш лозимки, илгари нашр қилдирган мақолаларимиз ва монография-

ларимизда Кучук I даврининг бошланиш даврини В.М. Массон, В.И. Сарияниди ва А.А. Аскарларнинг изидан бориб, мил. ав. X аср билан белгилаган эдик (Ширинов, Шайдуллаев, 1988. С.13-26). Жаркўтон ёдгорлигидан олинган С/14 анализлари, Шимолий Бактриянинг сўнгги бронза ва илк темир даври ёдгорликларининг ички стратиграфиялари бу масалага янгича ёндашишга мажбур этмоқда. Таъкидлаш лозимки В.М. Массон ва В.И. Сариянидилар ҳам Яз I даврини қадимийлаштириш тарафдори бўлдилар (Sarianidi, 1985).

Шимолий Бактрияда Кучук I даври энг узок давом этган ёдгорлик Кучуктепа бўлиб, А.А. Аскарлар бу ерда учта қурилиш даврини кузатган (Аскарлар, Альбаум, 1979). ҳар бир қурилиш даврини 100 йил оралиғида вақт билан ҳисоблайдиган бўлсак, Кучук I даври 300 йил вақтни, яъни мил.ав. XII-X асрларни ўз ичига олади.

Мил.ав. IX асрдан бошлаб қадимги Бактрия маданияти шаклланган ва у Ахамонийлар империясига қадар 300 йиллик даврда мустақил ривожланиш даврини бошидан кечирган (Кучук II-III). Кучук II даврига оид маданий қатламлар Шимолий Бактриянинг Кучуктепа (Аскарлар., Альбаум, 1979), Қизилтепа (Сагдуллаев, 1978.) Жанубий Бактриянинг Тиллатепа (Сарияниди, 1972) ёдгорликлари орқали ўрғанилган. Кучук II даври моддий маданияти фақат Бактрия ва Марғиёна ҳудудларидагина, яъни бронза даврида қадимги деҳқончилик маданиятлари тарқалган ҳудудларда учрайди. Шу давр моддий маданияти Кучуктепада 1,5 метрлик маданий қатламда учраган (Аскарлар., Альбаум, 2000. С.102). Кучук II даврини 150 йиллик вақт билан, яъни мил.ав. IX аср ва VIII асрнинг биринчи ярми билан саналашни таклиф этамиз.

Кучук III даври моддий-маданияти Шимолий Бактриянинг Кучуктепа, Пшактепа, Талашқонтепа, Хаитободтепа, Қизилтепа, Ғозимулла, Бандихон II (Шайдуллаев, С.103-104), Жанубий Бактриянинг Тиллатепа, қумли, Қутлуғтепа (Сарияниди, 1972. С.15,17,46), Жанубий Туркманистоннинг Мерв, Шимолий Парфия, Серахс ўлкала-

ридаги кўплаб ёдгорликларда учраса (Марущенко, 1959. С.65), биринчи маротаба Сўғдиёнанинг Даратепа (Сагдуллаев, 1984), Кўктепа (Исамиддинов, 2002) ва Афросиёб (Кабанов, 1969. С.65) каби ёдгорликларда ҳам тарқалганлигини кузатиш мумкин. А.С. Сагдуллаевнинг кузатувларига хараганда, Жанубий Сўғдиёнанинг шу давр ёдгорликлари Бактрия билан чегарадош ҳудудларда ёки Бактрия билан маданий алоқа йўллари устида жойлашган (Сагдуллаев, 1984. С.64). Демак, қадимги Бактрия моддий маданияти Кучук III даврига келиб, ўз сарҳадларидан ошиб, Сўғдиёнага ҳам тарқалганини кузатишимиз мумкин. Кучук III даври моддий маданияти Кучуктепада икки метр қалинликдаги маданий қатламда кузатилса, Талашқонтепанинг асосий иншоотлари шу даврда қурилган. Икки метр маданий қатламни 200 йил оралиғидаги вақт билан белгилаш ҳақиқатга тўғри келади деб ўйлаймиз ва Кучук III даврини мил.ав. VIII асрнинг иккинчи ярмидан VI асрнинг ўртасигача бўлган вақт билан белгилашни таклиф этамиз.

Кучук IV даври маддий маданияти Шимолий Бактриянинг Кучуктепа (Аскарлар., Альбаум, 1979), Талашқонтепа I (Шайдуллаев, 2000), Қизилтепа (Сагдуллаев, 1978), Бандихон I (Сагдуллаев, 1978), Хаитобод (Шайдуллаев, 2000), Жондавлаттепа (Huff, Pidaev, Chaydoullae, 2001.) ва яна жуда кўплаб ёдгорликларда қайд этилган. Шимолий Бактрия ёдгорликлари орасида шу давр моддий маданияти энг узок давом этган ёдгорлик Ғозимулла тепа ҳисобланади. Э.В. Ртвеладзенинг ёзишича, унда учта қурилиш даври давомида шу давр ашёлари кузатилган (Ртвеладзе, 1987). Кучуктепада эса Кучук IV даври сополлари 2 метрга яқин қалинликдаги маданий қатламда учрайди (Шайдуллаев, 2000. С.105). Тарқалиш жуғрофияси жуда кенгайиб, шимолда қуруқлик йўли орқали Бухора воҳасигача ва сув йўли бўйлаб Хоразмгача, жанубда Эрон ҳудудларигача кенгайди (Chirshman, 1958; Вайнберг, 1979).

Кучуктепада кузатилган 2 метр маданий қатлам ва Ғозимуллада кузатилган учта қурилиш даври мисолида Кучук IV дав-

Шимолий Бақтриянинг бронза ва илк темир даври хронологик босқичлари	Даври
Сополли даври	мил.ав. 2150 - 1900 йиллар
Жарқўтон даври	мил.ав. 1900 - 1600 йиллар
Кўзали даври	мил.ав. 1600 - 1500 йиллар
Мўлали даври	мил.ав. 1500 - 1400 йиллар
Бўстон даври	мил.ав. 1400 - 1300 йиллар
Кучук I	мил.ав. 1300 - 1000 йиллар
Кучук II	мил.ав. 1000 – 850 йиллар
Кучук III	мил.ав. 850 – 650 йиллар
Кучук IV	мил.ав. 650 – 450 йиллар
Илк антик даврга ўтиш даври	мил.ав. 450 – 350 йиллар

рини VI асрнинг ўртасидан V аср охиригача бўлган вақт билан саналашни таклиф этамиз. қадимги Бақтрия маданияти кулолчилик буюмларининг шундай кенг ҳудудда тарқалишини Бақтриянинг қўшни ҳудудлар ўртасида нуфузи баланд бўлганлиги билан изоҳлаймиз. Бу ўринда Бақтриянинг нафақат кулолчиликда, балки ҳарбий соҳадаги ютуқларига Аҳамонийлар империясининг бошқа ҳудудлари ҳам эришганлиги ёзма манбаларда сақланиб қолган (Гафуров, 1971. С.24).

Илк антик даврга ўтиш даври моддий-маданияти намуналари ва хронологияси масаласи биринчи маротаба ўтган нашрларимизда ёритилган эди (Шайдуллаев, 2000. С.106-107). Шу давр моддий-маданияти Термиз шаҳри ҳудудидаги Номсизтепа, Хаитободтепа, Бобуртепа каби ёдгорликларда кузатилган бўлиб, 0,5-0,6 метр қалинликдаги маданий қатламдан олинган. қўлга киритилган моддий маданият намуналари Хоразмдаги Дингилжи кўрғони, Жанубий Тожикистондаги Болдайтепа, Туркменистондаги Эрк қалъа, Афғонистондаги Ойхоним ёдгорликлари моддий маданиятлари намуналари билан таққосланган ва мил.ав. IV асрнинг биринчи ярми билан белгиланган (Шайдуллаев, 2000. С.106-107). Шу давр моддий маданиятини

ёшини аниқлашда ўша фикримизда қоламиз.

Шундай қилиб, сўнгги йилларда Жарқўтон ёдгорлиги бўйича 23 та радиокарбон анализи ўтказилди. Бу анализларнинг даврий хронологияси Германия археология институти радиокарбон анилизлари лабораториясида аниқланди. Бу анализлар Сополли маданиятининг умумий ёшини қадимийлаштириш учун янги маълумотлар берди.

Қадимги Шарқ ёдгорликларида маданиятлараро тарқалган археологик манбалар, яъни хлорид тошлардан, алибастрдан, фил суягидан ясалган топилмалар ёрдамида ҳам Сополли маданияти ёшини қадимийлаштириш имконияти туғилди.

Сополли маданияти мил.ав. XIII асрда инқирозга юз тутгани ва шу даврдан бошлаб бу ерда Кучуктепа маданиятининг тарқалганлиги янги археологик манбалар асосида тасдиқланди. Кучук I даври учта қурилиш даври давомида фаолият кўрсатади. Мил.ав. X асрда қадимги Бақтрия маданиятининг тўлиқ шаклланганлигини кўраемиз. Кучук II, Кучук III ва Кучук IV даврлари ҳам янги стратиграфик маълумотлар асосида кўриб чиқилди ва Шимолий Бақтриянинг бронза ва илк темир даври ёдгорликлари учун қуйидаги хронологик жадвални таклиф этамиз.

Адабиётлар:

1. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, 1959, №.73.
2. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
3. Аскарлов А.А, Абдуллаев Б.Н. Джаркутан. Ташкент, 1983.

4. Рахманов У.В. Керамическое производство эпохи бронзы южного Узбекистана. Автореф. дисс. ... к.и.н. Самарканд, 1987.
5. Аскарлов А.А., Альбаум Л.И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
6. Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Ташкент, 2000.
7. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
8. Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1977.
9. Кирчо Л.Б., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии. *Stratum plus*. №2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. С-Пб., Кишинёв, Одесса, 1999.
10. Kohl Ph.L. Central Asia. Palaeolithic Beginnings to Early Iron Age. Paris, 1984.
11. Kohl Ph.L. Central Asia (Western Turkestan): Neolithik to the Early Iron Age // *Chronologies in Old World Archaeology*. Ed. by Ehrich R.W. Chicago. Vol. I: 179-195; Vol. II: 154-162.
12. Hiebert F.T. Chronology of Margiana and Radiocarbon Dates // *Information Bulletin of IASCCA*. Moskov, 1993.
13. Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia // *American School of Prehistorik Research Bulletin*. 42. Cambridge, 1994.
14. Salvatori S. Protohistoric Margiana: on a Recent Contribution. Review of: «IASCCA. Information Bulletin», 19. Moskov 1993//*Revista di Archeologia*. Venice, 1995.
15. Массон В.М. Древние цивилизации востока и степные племена в свете данных археологии. *Stratum plus*. №2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. С-Пб., Кишинев, Одесса, 1999.
16. Виктор Сарианиди. Маргуш (Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб). Ашгабад, 2002.
17. Долуханов П.М., Щетенко А.Я., Тоси М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе // *СА*. 1985, №4.
18. Кирчо Л.Б., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии. *Stratum plus*. №2. От Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. С-Пб., Кишинёв, Одесса, 1999.
19. Gürsdorf J., Huff D. C/14-Datierungen von Materialien aus der Grabung Dharkutan, Uzbekistan. *AMIT*. Band 33, Berlin, 2001.
20. Dietrich Huff, Chakir Pidaev, Chapulat Chaydoullaev. Uzbek-German archaeological researches in the Surkan Darya region. //*La Baktriane au carrefour des routes et des civilisations de l'Asie centrale*. Paris, 2001.
21. Шайдуллаев Ш.Б., Дитрих Хуфф. Некоторые результаты работ Узбекско-Германской экспедиции на городище Джаркутан // *ИМКУ*, вып.30, Самарканд.
22. Frankfort H. The Art and Architecture of the Ancient Orient. L., 1977.
23. Kohl Ph. Carved chlorite vessels: a Trade in Finished Commodities in the Mid-Third Millennium. Expedition, 1975.
24. Woolley L. The Development of Sumerian Art. N.Y., 1935, P.96; Piggott S. Prehistorik India. L., 1950.
25. Amiet P. L'age des echanges inter-iraniens 3500-1700 avant. P., 1986.
26. Lamberg-Karlovsky. Third Millennium Models of Exchange and Models of Production. *Ancient Civilizations and Trade*. Albuquerque, 1975.
27. Casanova M. La vaisselle d'albatre de Mesopotamie, d'Iran et d'Asie Centrale aux III et II Millenaires avant J.-C. *MMAFAC - Memoires de la mission archeologie orientale*, T. IV, Paris, 1991.
28. Шайдуллаев Ш.Б., Аванесова Н.А. Қадимги Бактрия олтинлари // «Фан ва турмуш» журнали. 2000, 1-сон.
29. During Caspers E. Some Motifs as Evidence For Maritime Contact Between Sumer and Indus Valley. «*Persica*», V, 1970.
30. Frankfort H. Tell Asmar, Khafadje and Khorsabad. *OIP*, 16, 1933.
31. Parrot A. Le Temple D'Ishtar. Paris, 1956.
32. Malloy M. Excavations at Brak and Chagar Bazar. Iraq, IX, 1947.
33. Маккей Э. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
34. Mackay E. Early Indus civilizations. London, 1948.
35. Ганялин А.Ф. Раскопки в 1959-1961 гг. на Алтын-депе. *СА*. 1967.
36. Gupta S.P. Archaeology of Soviet Central Asia and the Indian Border lands. Vol.II. B.R. Publishing corporation, Delhi, 1979.
37. Matthews R.J. Defining the style of the period: Jemdet Nasr 1926-28. *IRAQ*, Volume LIV, 1992.
38. Kaniuth K. und Teufer M. Zur Sequenz des Gräberfeldes von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien. *AMIT*. Band 33, Berlin, 2001.
39. Аванесова Н.А., Ташпулатова Н. Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры. *ИМКУ* Вып. 30, Ташкент, 1999.
40. Avanesova N.A. Spätbronzezeitliche Kulturkontakte in der baktrischen Flussoase nach den Befunden der Nekropole Bustan 6. *AMIT* 29, 1997.
41. Сагдуллаев А.С. Оседлые области на юге Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика). Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1989.
42. Сарианиди В.И. Раскопки Тилля-тепе в северном Афганистане. Вып. I. М., 1972.
43. Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
44. Ширинов Т.Ш., Шайдуллаев Ш.Б. К вопросу о хронологической периодизации Кучуктепа // *ИМКУ*, Вып.22. Ташкент, 1988.

45. Sergej Baratov. Fergana und das Syr-Darja-Gebiet im späten 2. und frühen 1. Jahrtausend v Chr. Migration und Kulturtransfer. Der Wandel vorder-und zentralasiatischer Kulturen im Umbruch vom 2. zum 1. Vorchristlichen Jahrtausend. (Berlin, 23. bis 26. November 1999), Bonn, 2001.
46. Хиберт Ф. Хронология Маргианы и радиоуглеродные данные. Информационный бюллетень МАИКЦА, 1994. Вып.19.
47. Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolitique a la conquete arabe. (Prospections archeologiques en Bactriane orientale (1974-1978). Soes La direction de Jean-Claude Gardin. V.2), Paris, 1997.
48. Сагдуллаев А.С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по материалам памятников района Шурчи-Байсуна). Автореф. дисс. ... к.и.н. Л., 1978.
49. Сагдуллаев А.С. Некоторые аспекты проблемы происхождения Среднеазиатских комплексов типа Яз I // СА, 1989, №2.
50. Аскарлов А.А. К вопросу о происхождении культуры племен с расписной керамикой эпохи поздней бронзы и раннего железа. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979..
51. Pampelly R. Explorations in Turkestan. V.1, Washington, 1908.
52. Качурис К. Раскопки на Елкен-депе в Южной Туркмении. //АО, 1966, М. 1967.
53. Сарияниди В.И. Исследование слоев раннежелезного века на Улуг-депе // АО, 1970 г. М., 1971.
54. Lyonnet B. Ceramique et peuplement du chalcolitique a la conquete arabe. Prospections archeologiques en Bactriane orientale (1974-1978). Soes La direction de Jean-Claude Gardin. V.2), Paris, 1997.
55. Марущенко А.А. Елкен-депе (Отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.). Труды института истории, археологии и этнографии. Ашхабад, 1959.
56. Sarianidi, V.I. Seal-Amulets of the Murgab Style. The Bronze Age Civilization of Central Asia. Recent Soviet Discoveries. Ed. by Kohl P. L., New York, 1981.
57. Masson V. M. La dialectique des traditions et des innovations dans le developpment culturel de la Bactriane. L archeologie de ia Bactriane ansienne. Actes de colloque Ffanco-Sovietique. Paris, 1985.
58. Сагдуллаев А.С. Поселение раннежелезного века в бассейне Кашкадарьи. СА, №3. 1984.
59. Исамидинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда (проблемы взаимодействия культурных традиций в эпоху раннежелезного века и в период античности). Ташкент, 2002.
60. Кабанов С.К. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА, №1, М., 1969.
61. Шишкина Г.В. О местонахождении Мароканды //СА №1, 1969.
62. Ртвеладзе Э.В. Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. Вып.21, Ташкент, 1987.
63. Chirshman R. Recherches prehistoriques dans la partie Afghane du Seistan. MDAFA, XVIII, Paris, 1959.
64. Antonine C.S. Swat and Central Asia. East and West. Vol.19, Rome, 1969.
65. Воробьева М.Г. Керамика с городища Кюзели-Гир // ТХЭ, Том II, М., 1958.
66. Вайнберг Б.И. Памятники Куюсайской культуры. Кочевники на границах Хорезма // Тр. ХАЭЭ, XI, М., 1979.
67. Гафуров Б.Г. К 2500 летию Иранского государства. История Иранского государства и культуры. М., 1971.

К ВОПРОСУ О ИСТОКАХ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА

Археологические раскопки, проведенные в конце 60-70-х годов прошлого столетия в верхнем бассейне правобережья р. Амударьи, открыли новую страницу в истории материальной культуры племен Узбекистана эпохи раннего металла. Благодаря этим исследованиям в Средней Азии стала известна еще одна самобытная земледельческая культура древневосточного типа, названная в литературе сапаллинской. Ее поселения и могильники дали богатый и разнообразный материал, свидетельствующий о высоком уровне развития этой культуры и потому по праву занявшей одно из центральных мест среди известных ныне древностей, существовавших в среднеазиатском регионе в эпоху бронзы, и сыгравшей важную роль в развитии цивилизации Северной Бактрии.

Исследователи (Аскарлов, 1973; 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Аскарлов, Ширинов, 1993) относят сапаллинскую культуру к эпохе поздней бронзы и датируют XVII-X вв. до н.э. Ее происхождение связывают с расселением анауско-намазгинских племен из подгорной полосы Копет-Дага на восток – в Мургабский оазис и на юг Узбекистана. По убеждению В.И. Саррианиди (1990), сапаллинский комплекс вместе с другими высокоразвитыми проторгородскими культурами – келлелинско-гонурской в Мургабском оазисе в Южном Туркменистане (Масимов, 1979, 1981; Саррианиди, 1990) и дашлинский в Северном Афганистане (Саррианиди, 1977), выделенные им в южнотуркменистанский вариант бактрийско-маргианского археологического комплекса, являются звеньями одной цепи и их появление связано с крупными миграциями земледельческих племен из Северо-Восточного Ирана, происходившими в начале II в. до н.э. По мнению других исследователей (Кузьмина, 1972; Алексин, 1980), истоки нового комплекса, появившегося на юге Средней Азии в эпоху Намазга VI, следует искать на севере этого

региона в зоне распространения степного населения. Этот процесс мог быть связан с большими передвижениями племен, зафиксированными в евроазиатских степях в конце III–начале II тыс. до н.э.

Несмотря на радикально противоположные определения исходных районов и направлений импульсов, приведших к сложению указанных выше культур, независимо от того, откуда – с юга или севера – шли эти импульсы, при участии в этом процессе культурно и, видимо, этнически родственных племен, следовало бы ожидать если не полного сходства, то много общего в их материальном облике, в том числе и в металлообрабатывающих производствах. Действительно, при изучении металлических изделий выявляется близость металлообработки сапаллинской культуры к металлу мургабской и дашлинской групп памятников. Эта близость довольно хорошо проявляется в типологическом и химическом отношении. Вместе с тем имеет место и весьма выраженное отличие технологического характера сапаллинской металлообработки от маргианской и южнобактрийской традиций употребления типов сплавов.

Металлургическое своеобразие фиксируется уже на начальной стадии становления металлообработки сапаллинских племен. Оно проявляется в количественном соотношении образцов «чистой» меди и оловянистых бронз. Так, в металлообработке копетдагских и мургабских племен в эпоху поздней бронзы доминирует «чистая» медь (соответственно 64,7% и 65,2% от общего числа изделий коллекций), а оловянистые сплавы использовались очень редко (5,9% и 12,5%). Незначительна доля оловосодержащих сплавов (9,8%) и в дашлинском комплексе Северного Афганистана, где также господствовала «чистая» медь (75,3%). В то же время в коллекции металлических изделий сапаллинской культуры фиксируется иная ситуация:

здесь преобладают оловянистые бронзы (44,4%) над прочими типами сплавов, в том числе над «чистой» медью (36,4%).

Своеобразие в рецептурном сочетании сапаллинского металлообрабатывающего очага, выраженное преобладанием оловянистых бронз, вероятно, можно объяснить или использованием своих оловорудных источников или связями с культурами, в которых оловянистые сплавы были ведущим рецептом или воздействием иного импульса. Рассмотрим эти варианты.

Рудная база Южного Узбекистана представлена различными месторождениями, среди которых встречаются полиметаллические, содержащие касситерит. Таких рудопроявлений здесь известно немного и все они, скорее всего, разрабатывались в средневековье и, возможно, в античном периоде (Рузанов, Буряков, 1997). К тому же данные анализов свидетельствуют, что ранний металл южноузбекистанских памятников, в частности, поселения Сапаллитепа, химически близок к металлу памятников Мургабского и Дашлинского оазисов. Следовательно, маргианско-бактрийские литейщики на ранней стадии использовали сырье одних и тех же рудных источников. Вряд ли ими могли служить полиметаллические месторождения юга Средней Азии, несущие небольшие запасы меди и олова. Поэтому скорее всего, производства южносреднеазиатских очагов в эпоху поздней бронзы базировались на импортном сырье. Значит, южносреднеазиатские источники сырья и перечисленные металлообрабатывающие центры мы связать не можем.

Конечно, нельзя отрицать возможности импорта изделий из оловянистых бронз, попавших населению сапаллинской культуры во время их контактов с носителями других культур. Однако за очень короткий период вряд ли это могло привести к значительным металлургическим переменам. К тому же предшествующие металлоносные памятники на юге Узбекистана отсутствуют. Не можем мы сослаться и на заимствования технического характера. Технологическая традиция зачастую бывает очень устойчива в течение длительного

периода и, если предположить, что в сапаллинском, также как в мургабском и дашлинском очагах, традиционным и ведущим типом сплавов была «чистая» медь, то вряд ли сапаллинские кузнецы-литейщики за короткий промежуток времени могли освоить медно-оловянистые рецепты. Ярким тому примером служат результаты металлографического анализа металлических изделий из памятников Юго-Восточной Туркмении эпохи бронзы, полученные Н.Н. Тереховой, отметившей низкую долю оловянистых предметов в продукции местных мастеров, по мнению которой, оловянистые бронзы были новыми сплавами для указанной зоны и вопрос их малого употребления был «не столько в нехватке редкой лигатуры, сколько в силе тысячелетиями складывающихся традиций» (Терехова, 1982).

Стало быть, исходные центры, с которыми была связана металлообработка сапаллинской культуры, с одной стороны, и, с другой – производства мургабских и дашлинских племен – были разные. Но, скорее всего, импульсы для сапаллинской металлообработки исходили из нескольких центров и один из них, судя по химической близости металлического инвентаря и отчасти по рецептурному сходству (оно проявляется в качественном составе типов сплавов), мог оказать влияние на сложение и бактрийских, и маргианских комплексов.

Для проверки последней нашей версии мы провели наблюдения за распределением металла на поселении Сапаллитепа, материалы которого характеризуют начальную форму становления культуры Сапалли. Поскольку значительные различия материалов проявляются в металлургическом аспекте, то свое внимание мы уделили распределению образцов типов сплавов, расположив их в том планиграфическом и хронологическом порядке, который был установлен исследователями этого памятника.

Вкратце напомним опубликованный А.А. Аскарковым (1977, рис. 4, 5, 6) топографический план поселения Сапаллитепа. Обследованный участок, расположенный

в центре памятника, представляет собой квадратную в плане крепость, окруженную стеной и пристроенными к ней обводными помещениями (рис. 1:А). Внутри крепости, где располагались жилые дома, зафиксированы 8 кварталов, разделенные между собой улицами. Стратиграфические наблюдения позволили выделить три строительных периода обживания крепости (Аскарлов, 1977). Основная застройка крепости проведена в первом периоде, когда были возведены фортификационные сооружения и освоена под жилье и хозяйственные помещения большая площадь крепости. Уже в тот период территория крепости была поделена на 8 кварталов. Во втором и третьем периодах жителями крепости проводилось расширение кварталов, производилась их перепланировка и перестройка обводных помещений. Последние стали использоваться в качестве жилых помещений.

Учитывая стратиграфические и планиграфические данные, мы расчленили металлическую коллекцию на три группы комплексов. Первая группа объединяет изделия, обнаруженные в помещениях и погребениях первого строительного периода. Во вторую группу вошли предметы второго, а в третью – находки третьего строительного периода. Первая и вторая группы включают в себя по восемь комплексов в соответствии с наличием числа жилых кварталов. К сожалению, не все комплексы представлены достаточно полно. Некоторые из них, например, комплексы 1 и 4 кварталов первого строительного периода представлены небольшими сериями из 3 находок. Данное обстоятельство вносит условность в заключение о соотношении металлургических групп в этих комплексах. Из-за недостатка материалов неясна картина распределения изделий по металлургическим группам в комплексах 2 и 8 кварталов соответственно первого и второго строительного периодов¹. По этой же причине мы не будем проводить по квар-

тального разбора металлургических характеристик металла третьего строительного периода и ограничимся лишь общими рецептурными данными этого комплекса.

Как мы уже отмечали, ведущее место в металлообработке Сапаллитепа занимали оловянистые бронзы и «чистая» медь. Исходя из соотношения этих типов сплавов, в первом строительном периоде можно наметить две группы комплексов (рис. 1:Б-1). Первая группа включает металлические находки (16 экз.) из 1, 3 и 8 кварталов и характеризуется отсутствием оловянистых сплавов или незначительной их долей в комплексах (всего 6,3%). Ведущим компонентом металла здесь является «чистая» медь. Возможно, что к этой группе также относится металл второго квартала, представленный, правда, одним предметом, сделанным из той же «чистой» меди.

Вторая группа комплексов первого строительного периода объединяет 36 изделий из 4, 5, 6 и 7 кварталов. Здесь мы наблюдаем совершенно иные пропорции между оловянистыми бронзами и «чистой» медью, а именно, уменьшение доли «чистой» меди и увеличение числа изделий из оловянистых бронз. Более того, в некоторых комплексах (5 квартал) сплавы с добавками олова доминируют (70%) над «чистой» медью (рис. 1:Б-1).

Как видим, между 1 и 2 группами комплексов первого строительного периода существует большое различие, выраженное неравнозначным распределением оловянистых бронз: в первой группе доля данного сплава в 7 раз (!) ниже, чем во второй (рис. 1:Б-II).

Металл второго строительного периода, представленный 122 изделиями, становится богаче оловянистыми бронзами. В этом периоде сплавы с оловом встречаются в комплексах практически всех кварталов (рис. 1:Б-I). В большинстве из них доля оловянистых бронз велика и варьирует от 39% до 69,7%. Исключение составляют 1 и 8 кварталы. В коллекции изделий первого квартала доминирующим типом сплавов по-прежнему является «чистая» медь (42,8%). Значительно уступают ей оловянистые бронзы (14,3%). В помеще-

¹Металлические комплексы из этих кварталов включают лишь по одной находке. На рис. 1 они отмечены вопросительным знаком.

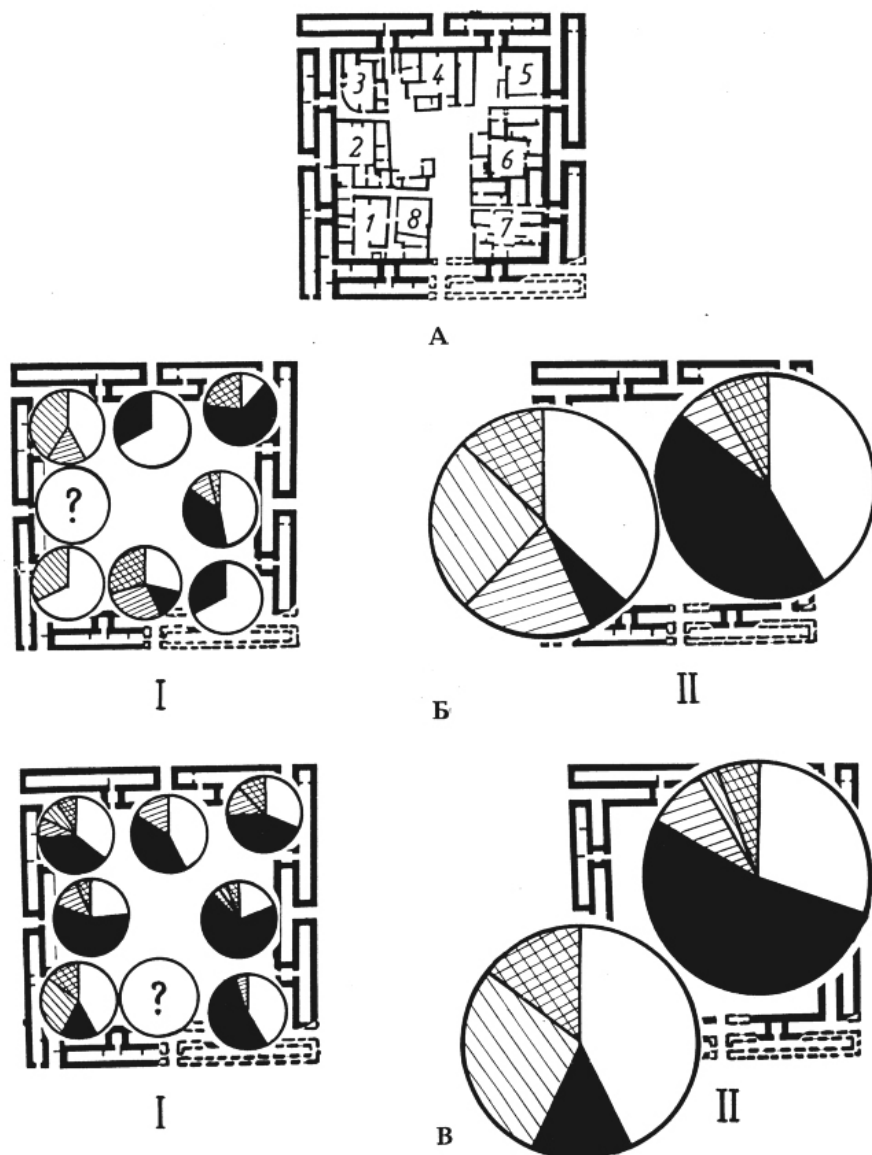

Рис. 1. Распределение образцов металлургических групп в коллекции поселения Сапаллитепа. А—План крепости поселения Сапаллитепа, 1-8 — кварталы (по А.А. Аскарову). Б—диаграммы распределения образцов типов сплавов в комплексах первого строительного периода: I—по кварталам; II—сводные (1-3, 8 и 4-7 кварталы). В — диаграммы распределения образцов типов сплавов в комплексах второго строительного периода: I—по кварталам; II—сводные (1 и 2-7 кварталы).

- Чистая медь - Оловянистая бронза
- Свинцово-мышьяковистая бронза
- Мышьяковистая бронза
- Свинцовистая бронза

ниях 8 квартала второго строительного периода металл не найден.

Серия металлических находок третьего строительного периода мала (всего 10 изделий) и по этим материалам трудно судить о количественном соотношении типов сплавов в комплексах. Поэтому мы не будем делать каких-либо суждений на этот счет. Отметим только, что на долю оловянистых бронз здесь приходится 30%, «чистой» меди — 40% находок.

Каковы причины металлургических различий между группами комплексов первого строительного периода Сапаллитепа? Можно предположить следующие версии решения данного вопроса. Возможно, что изделия вышеуказанных групп могли быть изготовлены в двух производственных мастерских, имевших различные технологические традиции.

А это значит, что в начальном процессе формирования металлообработки сапаллинских племен принимали участие два импульса. Вместе с тем это различие могло произойти случайно, в связи с небольшой выборкой металлических находок (16 экз.) и ограниченностью аналитического материала 1 и 4 кварталов первой группы комплексов первого строительного периода. В таком случае, начало деятельности приамударьинских литейщиков в Южном Узбекистане могло быть связано лишь с одним импульсом, характеризующимся рецептурными показателями вещей второй, более полно изученной, группы комплексов данного периода, в которой преобладают оловянистые бронзы.

Мы полагаем, что из этих версий наиболее вероятной является первая, указывающая на синкретический характер сложения металлообработки на юге Узбекистана. К этой мысли нас склоняет внешняя планиграфическая компактность двух зон, выделенных рецептурными показателями на территории крепости поселения Сапаллитепа, и значительная металлургическая разница между комплексами, составляющими эти зоны (рис. 1:Б-I, II). В связи с изложенным большой интерес приобретает сравнительный анализ антропологического материала, который был поднят на Сапаллитепе. Не менее важными могут быть результаты металлографического исследования изделий раннего строительного периода памятника, которые установят особенности технических приемов обработки металла вещей в выделенных комплексах и их соотношение.

Один из импульсов, участвовавших в формировании сапаллинской металлообработки, был связан с производством племен Мургабского оазиса. Именно с металлом памятников этой культурно-исторической области металлургически сходны изделия первой группы комплексов (1-3, 8 кварталы) первого строительного периода поселения Сапаллитепа. В ней на удивление близким к мургабскому оказывается соотношение образцов типов сплавов, которое характеризуется резко выраженным господством «чистой» меди над оловянистыми бронзами. Вместе с тем нельзя отрицать участие еще одного компонента, слагавшего этот импульс, связанного уже с металлургией Северного Афганистана.

Другой импульс исходил из центра с иной, существенно отличавшейся от мургабо-бактрийской традицией употребления типов сплавов. В металлообработке данного центра, как мы полагаем, оловянистые бронзы были типичными сплавами и широко использовались в практике. Точная локализация этого центра нам неизвестна. Можно лишь сказать, что он функционировал где-то за южными пределами Маргианы и Бактрии, на территории Афганистана или Ирана².

Полагают, что на севере и юге Афганистана в эпоху бронзы существовали два металлургических центра (Сарианиди, 1975). Североафганистанский центр, о котором мы упоминали выше, входил в состав Ирано-Туркменистанской металлургической провинции. Производство второго центра сегодня характеризует в основном металл Мундигака. К сожалению, мы не имеем сведений о химическом составе металлических изделий этого и других памятников, составляющих Кветский археологический комплекс, что не позволяет с помощью химико-металлургических материалов подтвердить или опровергнуть причастность металлургии Южного Афганистана к формированию сапаллинской металлообработки. Однако мы не можем не обратить внимания на благоприятные условия для оловянной индустрии в этом регионе: в западной (Сеистан) и центральной зонах горной системы Афганистана известны многочисленные полиметаллические месторождения, обогащенные оловом и другими примесями (Геология и полезные ископаемые..., 1980). На некоторых из них (рудопоявление Мирзака) зафиксированы следы древней эксплуатации, топонимы других (Мисгарон – медное производство, Искан – следы рудника) позволяют прогнозировать наличие древних разработок.

Аналогичные месторождения встречаются, правда, значительно реже, на юго-востоке Ирана (иранский Сеистан) (Мочев, 1985; Vatandoust, 1999). Косвенным свидетельством разработки местных оловянных месторождений может служить

²Как известно, оловянистые бронзы широко использовались в степных культурах Средней Азии в эпоху бронзы. И по этому показателю сапаллинский металл проявляет родство к металлообработке степных, например, андроновских племен. Однако по типологическим и химическим признакам, качественному составу рецептуры и другим показателям металлический инвентарь ранней фазы сапаллинской культуры отличается от комплексов евразийских культур и версия о их генетической связи представляется маловероятной. Поэтому центр, давший импульс для сапаллинской металлообработки, вряд ли мог находиться на севере среднеазиатского региона.

широкое использование иранскими литейщиками оловянистых сплавов в эпоху поздней бронзы. Судя по результатам анализов, опубликованных А. Ватандустом (Vatandoust, 1999, table 2), во второй половине II тыс. до н.э. в Иране 4/5 изделий изготавливалась из оловянистых бронз. В связи с ограниченностью аналитического материала, к сожалению, остается неясной ситуация в этом плане в иранской металлообработке в первой половине II тыс. до н.э. В III тыс. до н.э., как показывает металл Суз (Berthoud, Francaix, 1980, table suse D), оловянистые бронзы играли второстепенную роль (11,6%) в металлообрабатывающем производстве на территории этого региона.

Анализ соотношения типов сплавов в комплексах изделий второго строительного периода Сапаллитепа вскрыл другую важную черту развития металлообработки на этом поселении. Теперь оловянистые бронзы становятся преобладающим типом сплавов практически во всех (за исключением двух, см. выше) комплексах Сапаллитепа (рис. 1:В-І). Это изменение, вероятно, свидетельствует о возросших контак-

тах между сапаллинскими и ирано-южно-афганистанскими (?) литейщиками и о возможных миграциях новых групп племен с территории Ирана и Южного Афганистана на юг Узбекистана.

Итак, проведенный анализ химико-металлургических показателей свидетельствует о сложном характере становления металлообработки на поселении Сапаллитепа. В ее формировании принимали участие два импульса с несколькими слагающими компонентами. Их исходные центры находились в Южной Туркмении, Афганистане и, видимо, в Иране. Синкретизм, проявившийся в начале становления сапаллинского очага металлообработки, сохраняется и в последующих периодах его развития, но теперь уже с участием импульсов, связанных с воздействиями северных культур. Как показывают материалы, эти взаимодействия внесли не только существенные изменения в металлообработку сапаллинской культуры, но и привели к ее трансформации и появлению новой культуры с лепной расписной керамикой на юге Узбекистана в конце II тыс. до н.э.

Литература:

1. Алексин В.А. К проблеме генетической связи южнотуркменистанских комплексов эпохи бронзы // КСИА, вып. 161. М., 1980.
2. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
3. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
4. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (к проблеме протогородских цивилизаций на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
5. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
6. Геология и полезные ископаемые Афганистана. Книга 2. М., 1980.
7. Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культур Северной Бактрии // ВДИ, № 1. М., 1972.
8. Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА, № 1. М., 1979.
9. Масимов И.С. Новые находки печатей эпохи бронзы с низовий Мургаба // СА, № 2. М., 1981.
10. Рузанов В.Д., Буряков Ю.Ф. Древние рудники и памятники металлургии в горах Кугитангтау // ИМКУ, вып. 28. Самарканд, 1997.
11. Сарианиди В.И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1975.
12. Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
13. Терехова Н.Н. Медно-оловянистые сплавы в технике металлообработки древних земледельцев Южной Туркмении // Естественные науки и археология в изучении древних производств (материалы совещания 27 марта 1981 г.) М., 1982.
14. Berthoud J., Francaix J. Contribution a l'etude de la metallurjie de Suse aux IV eme et III eme millenaires // Commissariat a l'Energie Atomique. Paris, 1980.
15. Moorey P.R.S. Materials and Manufacture in Ancient Mesopotamia // The evidence of Archaeology and Art. Oxford: Internat Series 237. 1985.
16. Vatandoust A. A view on prehistoric iranion metalworking: Elemental analyses and metallographic examinations // The boor: The Beginnings of Metallurgy. Bochum, 1999, pp. 121-140.

С.И. Мустафакулов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ ИЗ ДЖАРКУТАНА

Исследования в южных областях Узбекистана позволили установить существование на этой территории во второй половине II тыс. до н.э. крупного протогородского центра древнеземледельческой культуры (Аскарлов, 1986 с. 16-18). За последние годы на Джаркутане были вскрыты уникальные объекты - храмовый комплекс, цитадель, жилой массив, ремесленные мастерские, несколько городских могильников.

Шерабадским отрядом Института археологии АН РУз был раскопан холм, условно названный Джаркутан 4В, он расположен на самом южном участке в пределах Джаркутана. Раскопки были начаты осенью 1982 г. и возобновлены весной 1985 г. В течение 1985 и 1989 годов на могильнике Джаркутан 4В вскрыто 268 захоронений, результаты археологического и антропологического исследования были опубликованы (Ионесов, 1988, с. 3-13; Мустафокулов, Халилов, 1991).

По хронологической принадлежности все могилы Джаркутана делятся на 4 группы. Периодизация основана на изучении новейших керамических комплексов сапаллинской культуры. Она была предложена А.Аскарловым, Б.Абдулгазиевой, У.Рахмановым (Рахманов У.В., 1987, с. 18).

В могильнике Джаркутан - 4В доля погребений джаркутанского этапа незначительна (6,8 %), вместе с тем резко возрастает доля погребений молалинско-бутанского времени (67,2 %), холм Джаркутан - 4В наиболее интенсивно использовался как могильник с середины кузалинского этапа. На этом этапе резко возрастает и число кенотафов (35,0 %). Заметно усиливается в погребальном обряде и роль огня, что, возможно, связано с усилением контактов между населением Джаркутана и северо-восточных регионов на завершающих этапах сапаллинской культуры (Ионесов, 1990 с. 8-12). Кроме культа огня

и ритуальных жертвоприношений на усиливающиеся контакты Джаркутана с населением Бишкентской культуры указывают и другие атрибуты материальной культуры (глиняная посуда, металлические изделия и др. (Пьянкова Л.Т., 1982).

Взрослых и детей в основном хоронили в одном могильнике. Захоронения были преимущественно подбойно-катакомбными и в простых ямных захоронениях. Основную массу могил составляли три типа захоронений - одиночные, парные и совместно человека с бараном. Многие могилы были ограблены, в результате чего кости были беспорядочно разбросаны по всей площади погребальной камеры. Все скелеты лежали в скорченном положении, на боку. Можно считать твердо установленным, что имеется связь между положением скелета в могиле и половой принадлежностью погребенного. Так, определение пола по морфологическим особенностям черепа и тазовых костей показало, что в подавляющем большинстве случаев положение костяка в могиле и половая принадлежность совпадали.

Таким образом, мужчины были погребены на правом боку, а женщины - на левом. На основе этого удалось установить также пол детей, что довольно сложно сделать антропологическими методами. Это важно при подсчете палеодемографических показателей, то есть при определении соотношения полов в поселении (Сысак, 1960. С. 98-110).

Мужская и женская краниологические серии из Джаркутана 4В существенно не различаются. Сравнение стандартных коэффициентов полового диморфизма с аналогичными показателями серии из Джаркутана 4В не выявляет резких различий между двумя сериями, что дает основание отнести мужчин и женщин из этого погребения к одной морфологической группе.

Как уже было отмечено, в пределах

функционирования могильника Джаркутан 4В выделены четыре хронологических этапа. Однако при попытке разделения антропологического материала по этим этапам выяснилось, что количество черепов, принадлежащих определенным этапам, недостаточно, поэтому полученные результаты будут пока довольно приблизительными, необходимо дальнейшее пополнение коллекции. Межгрупповой анализ необходимо провести на нескольких уровнях. Во-первых, на уровне самого города. Известно, что крупные города древности и средневековья, а также протогорода состояли из очень разных по происхождению жителей, которые обосновались здесь в разное время и приходили из различных мест. Поэтому начнем анализ с самого протогорода Джаркутан.

Джаркутан - холм 4, цитадель занимает северную часть поселения и представляет собой квадратную в плане возвышенность площадью 4 га. В 1981 г. вскрыто одно, а в 1987-1989 гг. десять погребений. Могилы раскопаны под полами и под стенами у входа в здание. Большинство могил не ограждено. По данным археологов, сопровождающий инвентарь погребений и их стратиграфия показывают, что могилы единовременные, синхронные с Джаркутанским комплексом Джаркутан 5 и верхним слоем Сапаллитепа. Они датируются третьей четвертью II тыс. до н.э. (Аскаров, Ширинов, 1993, с. 54-56).

К сожалению, антропологический материал представлен только двумя группами, полученными из парного погребения. Костяки принадлежат мужчинам зрелого и старческого возрастов. Два костяка из цитадели являются единственным палеоантропологическим материалом, из которого можно получить информацию, хоть и неполную, о морфологическом и расовом типе погребенных. Учитывая это, постараемся привести подробное описание их. Забегая вперед, отметим, что близость многих морфологических и метрических данных этих двух черепов создаёт впечатление, что они связаны родственными узлами. Оба черепа характеризуются ультрадолихокранией, то есть исключительно удлин-

ненной черепной коробкой при абсолютно большом продольном и исключительно малом поперечном диаметрах. Наружный рельеф черепа - надпереносье и надбровные дуги, сосцевидный отросток развиты выше среднего. Черепа отличаются овоидной формой при вертикальном его рассмотрении. Лоб средне наклонный, сравнительно узкий. Лицевая часть, судя по средней ее ширине (к сожалению, не удалось измерить скуловой диаметр) исключительно узкая, средней высоты, визуально сильно профилирована в горизонтальной плоскости. Наблюдается некоторая мезогнатность, то есть в вертикальной плоскости лицевая часть выступает вперед. Орбиты очень широкие и сравнительно высокие. Нос исключительно узкий, визуально сильно выступающий по отношению к профилю лица. Таким образом, перед нами комплекс признаков, характерный для большой европеоидной расы. Долихокrania, сопровождающаяся узким и средневысоким, сильно профилированным лицом, характерна для представителей восточно-средиземноморской расы. Проведенный сравнительный анализ показал, что эти два черепа мало отличаются от других черепов Джаркутана, полученных из различных объектов. Своеобразие этих черепов заключается в наличии исключительно удлиненной формы мозговой коробки.

Краниологическая коллекция из поселения Джаркутан 5 долихокранная, при большом продольном, малом поперечном и среднем высотном диаметрах мозговой коробки. Лоб средненаклонный, средней ширины со средне развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо ортогнатное, встречаются и мезогнатные формы, очень узкое и невысокое с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты среднеширокие и средневысокие. Нос узкий, средневысокий. Он сильно выступает по отношению к профилю лица. (Мустафакулов, Халилов, 1991, с. 214-221).

Мужская и женская группы каких-либо различий по морфологическим и расовым особенностям не имеют. Изучаемую се-

рию можно отнести к восточной ветви средиземноморской расы. Для погребенных в помещениях Джаркутана характерны грацильное строение черепа, небольшие размеры свода черепа и высоты лица. Эти признаки более всего сближают их с населением Сапаллитепа (Ходжайов, 1977 с. 22-23).

Могильник Джаркутан 4 Б, расположенный к югу-западу от могильника Джаркутан 4. В 1983 г. на могильнике был заложен шурф. Весной 1988 г. были произведены археологические раскопки при участии автора. В результате раскопок было вскрыто 7 погребений. К сожалению, из-за плохой сохранности был изучен лишь один череп кузалинского этапа. Череп долихокраний с большим продольным и малым поперечным диаметром. Лоб среднеширокий, средненаклонный со средне-развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо ортогнатное, узкое, средневысокое с сильной горизонтальной профилировкой. Орбиты средневысокие, нос узкий, сильно выступающий. Весь комплекс признаков дает нам основание отнести расовый тип данного индивидуума к восточной ветви средиземноморской расы. Каких-либо особенностей, отличающих его от черепов из других объектов джаркутанского комплекса, не обнаруживается.

Характеристика краниологической серии из могильника Джаркутан 4А следующая: череп долихокраний, длинный, узкий, высокий. Лоб среднеширокий, почти прямой. Лицо ортогнатное, средневысокое, узкое, сильно профилированное в горизонтальной плоскости. Орбиты низкие и среднеширокие. Нос и переносье сильно выступающие (Халилов, 1980, 1980а; Ходжайов, 1981, Алексеев, Ходжайов, Халилов, 1984). Это классические представители восточной ветви средиземноморской расы. В пределах этой расы серия однородная. Вычисленные коэффициенты корреляции, квадратического отклонения и вариации по основным краниометрическим признакам свидетельствуют об относительной гомогенности джаркутанской популяции. В составе населения Джаркутана 4А можно отметить отдельные инди-

виды с крупными размерами мозговой коробки и лицевого скелета, которые более всего сходны с синхронным скотоводческим населением Биш-кентской долины (могильник Ранний Тулхар) (Кияткина, 1968 с.171-173). Это дало исследователям основание предполагать в составе населения Джаркутана 4А присутствие представителей бишкентской скотоводческой культуры Северной Бактрии. Отмеченные археологами культурные связи населения сапаллинской и бишкентской культур подкреплены антропологическими наблюдениями (Алексеев, Ходжайов, Халилов, 1984, с. 177).

Предположение о наличии в составе населения Джаркутан 4А представителей бишкентской культуры находит подтверждение на достаточно представительном материале. Подтверждено существование тесных связей в материальной культуре между населением Бишкента и позднего этапа культуры Сапалли. Данные антропологии позволяют предполагать существование между скотоводческими и земледельческими племенами древней Бактрии также этнических связей, относительно взаимосвязей населения Сапаллитепа и Джаркутана отметим следующее. Антропологический анализ в целом подтвердил родство населения, оставившего Джаркутан, с популяцией Сапаллитепа, обнаруживается совпадение линий генетических связей с направлением миграций древнего населения с юго-запада на северо-восток, реконструируемых с помощью археологических и историко-культурных данных. Случаи таких совпадений довольно часты, равно как и случаи несовпадений. Это еще раз подтверждает сложность взаимоотношений социальных (археологическая культура) и биологических (популяция) общностей на ранних этапах развития человечества.

Памятники Бустанской группы, условное название Бустан 1-8, расположены вдоль правого берега высохшего русла Бустаная. Археологические работы на объектах Бустана начались в 1974 г. и продолжались с перерывами до настоящего времени (Аванесова, 2001 с.31-36, 2002

с.20-25). За несколько полевых археологических сезонов на разных объектах вскрыто более 400 погребений, относящихся к молалинскому этапу культуры Сапалли. Бустанские комплексы непосредственно связаны с Джаркутунским и образуют вместе с ним общую этнокультурную систему.

Могильники Бустан расположены на естественных холмах к югу от Джаркутана. Основная масса могил была сильно разрушена, в результате чего костяки оказались потревоженными и разбросанными по всей площади могильной ямы (Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1987; Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1978). Раскопанные могилы имеют подбой, но катакомбного типа.

В целом черепа долихокранные, с очень большим продольным, высотным и поперечным диаметрами. Черепа европеоидные, восточно-средиземноморского типа, расовыми и морфологическими особенностями не отличаются от черепов близко расположенного и синхронного могильника Джаркуртан 4В (Ходжайов Т.К., Халилов Х., 1978, с.43-50).

Был сделан анализ палеоантропологического материала из разных объектов комплекса Джаркутан, а также Бустанской группы погребальных памятников. Кроме нашего собственного материала в качестве сравнительного были использованы данные из могильников Джаркутана и Бустана, полученные ранее другими исследователями. Таким образом, в нашем распоряжении имеется огромный материал, который представляет находки из различных частей Джаркутана. Известно, что огромное поселение занимает площадь более 100 га, и оно сложилось не одновременно, а в течение длительного исторического отрезка времени. Это, в свою очередь, является показателем того, что отдельные погребальные объекты использовались племенами различного генезиса, пришедшими сюда в разные исторические периоды из различных регионов.

По археологическим данным А.А. Аскаровым было высказано и убедительно аргументировано мнение о том, что фор-

мирование комплекса Джаркутан произошло в результате прямого переселения части населения из Сапаллитепа (Аскаров, 1977 с.113-115). Антропологические данные не противоречат такому суждению. Однако антропологический состав населения Джаркутана, установленный по материалам из Джаркутан 4А, Бустана и др., несколько отличается от населения Сапаллитепа гиперморфностью, то есть более массивным строением черепной коробки, более высоким ростом (Алексеев, Ходжайов, Халилов, 1984). Сейчас, кроме Джаркутана 4А, вскрыты могильники в различных частях огромного комплекса, что дает возможность изучить антропологию населения различных частей. Это позволяет определить расовый состав населения каждого могильника в пределах комплекса Джаркутан и сопоставить население из различных объектов между собой. Естественно, огромный комплекс Джаркутан был заселен в разные хронологические периоды.

Как было сказано выше, в могильниках представлены палеоантропологические материалы четырех хронологических этапов - джаркутанского, кузалинского, молалинского и бустанского. Распределение материала по этим этапам позволяет нам решить следующие вопросы. Во-первых, о времени переселения населения Сапаллитепа в Джаркутан и, во-вторых, в какой части комплекса Джаркутан расселились сапаллинцы. Анализ антропологического материала из Джаркутана 4В позволяет высказать такие соображения по этому поводу. Для сапаллинцев характерна европеоидность восточно-средиземноморского типа. Они длинноголовы. Особо характерными для них признаками остаются узкое и невысокое лицо, низкий свод черепа, слабо развитый наружный рельеф мозговой коробки, грацильное телосложение, невысокий рост (длина тела).

Материалы из Джаркутана 4В, рассмотренные в целом, показали, что они действительно очень близки с сапаллинскими. Данное мнение имеет большую историческую ценность, и до получения новых материалов из других объектов Джаркутана

может быть использовано в качестве рабочей гипотезы. Анализ всей антропологической серии из Джаркутана показывает, что в формировании его населения сыграли огромную роль оседло-земледельческие племена. Они характеризовались различными вариантами средиземноморской ра-

сы, то есть долихокранией, ортогнатностью, узким и средним или высоким лицом с сильной горизонтальной профилировкой и тенденцией к альвеолярному прогнатизму, сильно выступающим носом.

Литература :

1. Алексеев В.П., Ходжайов Т.К., Халилов К. Население верховья Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент, 1984.
2. Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
3. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
4. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
5. Аскарлов А.А. Южноузбекистанский очаг древнебактрийской цивилизации. - Древняя цивилизация Востока. (Материалы II советско -американского симпозиума). Ташкент, 1986.
6. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
7. Ионесов В.И. Новые исследования могильника эпохи бронзы Джаркутана // ИМКУ, вып. 22. Ташкент, 1988.
8. Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Самарканд, 1980.
9. Кияткина Т.П. Черепа эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана. Приложение к работе А.М. Мандельштама «Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане» // МИА, вып. 145. М., 1968.
10. Мустафакулов С., Халилов Х. Палеоантропологические материалы эпохи бронзы из могильника и поселения Шерабадского оазиса // ИМКУ, вып. 26. Ташкент, 1991.
11. Мустафакулов С.И. История формирования населения Бактрии - Тохаристана. Самарканд, 1997.
12. Сысак Н.С. Материалы для возрастной морфологии черепа человека. ТИЭ новая серия. Ташкент, 1960.
13. Рокицкий П.Ф. Биологическая статистика. 1967.
14. Ходжайов Т.К., Халилов Х. Палеоантропологические материалы из могильника Джаркутан // ИМКУ, вып. 13. Ташкент, 1977.
15. Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Рукопись док. диссертации М., 1981.

Б.Х. Матбабаев, М.Х. Пардаев, Б.М. Абдуллаев

НОВОЕ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕНАХ ГОРОДИЩА ДАЛЬВЕРЗИН (чустская культура)

В изучении формирования городской культуры Узбекистана и Средней Азии в целом центральное место занимают исследования оборонительных стен городищ архаичного периода. Среди историко-культурных регионов Узбекистана особое место занимает Ферганская долина. В данной статье будут рассмотрены результаты новых археологических раскопок на городище Дальверзин.

Впервые городище было обнаружено в 1952 году, был снят его план и заложено два шурфа (Заднепровский, 1957. С. 50-58). Стационарные раскопки на Дальверзине проходили под руководством Ю.А. Заднепровского. Они были начаты с 1956 года и продолжались в течение 16 лет (Заднепровский, 1978. С. 14). Первые материалы по фортификации городища Дальверзин были опубликованы в 1962 году (Заднепровский, 1962. С. 328). Было выявлено, что городище обнесено оборонительной стеной толщиной 4-6 м, сохранившейся на высоту 2,5 м, в середине восточной стены обнаружен вход в городище. Выявлено, что стена имела сложную конструкцию, при ее сооружении были использованы утрамбованный грунт, сырцовый кирпич и пахса (Заднепровский, 1962. С. 17-18).

В северо-западной части поселения выявлена цитадель площадью 2,2 га, отделенная от основной жилой зоны оборонительной стеной, которая была возведена из сырцовых кирпичей в перевязку. Толщина стены составляла 2,5 м, при сохранившейся высоте 3 м. Внутренняя сторона стены вертикальная, а с внешней стороны к ней пристроена глинобитная платформа толщиной 5 м и высотой 1 м (Заднепровский, 1972. С. 58). Городище состояло из трех частей: цитадели, жилой части и загона для скота, обозначенных соответственно - Д-I, Д-II, Д-III. Все три части были окружены особой оборонительной стеной, возведенной на культурном слое одновременно

(Заднепровский, 1972. С. 59), что подтверждается однородностью всего комплекса находок при раскопке стен (Заднепровский, 1978. С. 16).

Исследования городища Дальверзина и в том числе его оборонительной системы, дали возможность Ю.А. Заднепровскому выделить три периода жизни поселения и развития укреплений:

I период существования открытого поселения, без оборонительных стен. Он характеризуется нижним культурным слоем толщиной 50-80 см;

II период сооружения, функционирования и реконструкции оборонительных стен. К этому периоду относятся основные культурные напластования толщиной до 2,5 м;

III период разрушения стен - конце существования поселения (Заднепровский, 1962. С. 19).

В заключение по оборонительной системе Дальверзина у Ю.А. Заднепровского имеются два, на первый взгляд, взаимно опровергающие вывода (Заднепровский, 1978. С. 16):

Все три стены Дальверзина реально могли быть построены за 2-3, максимум 5 лет;

Эти три стены Дальверзина были построены в течение второго периода истории поселения (в широких хронологических рамках).

Эти выводы, с одной стороны, указывают на возможности древних строителей в сооружении оборонительных стен всего городища за короткий срок (максимум пять лет), с другой - на то, что все стены строились в течение второго (самого длительного) периода жизни поселения. Нам представляется, что смысл второго вывода Ю.А. Заднепровского указывает на существование определенного эволюционного развития строительной техники и строительных материалов (в широких хроноло-

гических рамках) у древних фортификаторов в течение всего второго периода истории поселения.

Тем не менее, вопрос стратиграфии памятника и недостаточное обоснование этапов возведения оборонительных стен городища Дальверзин является одной из нерешенных проблем в изучении фортификации чувстской культуры. В этом отношении особое значение имеют некоторые выводы, сделанные по результатам новых археологических раскопок на городище Дальверзин, проводившихся в 2003-2004 годах под руководством Б.Х. Матбабаева.

В эти годы экспедициями Андижанского отряда ИА АН РУз были получены качественно новые материалы по истории фортификации городища Дальверзин (Матбабаев, Абдуллаев, Иванов, Машрабов, 2004; Матбабаев, 2004). В 2003 году были произведены раскопки на северной оборонительной стене Д-II (Р-II) и на северном участке восточной оборонитель-

ной стены Д-I (Р-III). В 2004 году заложено два раскопа на оборонительной стене Д-I: один на восточной оборонительной стене (Р-IV), другой на северной оборонительной стене (Р-V). Тогда же была сделана полуинструментальная съемка плана городища (рис. 1).

Раскоп-II (Р-II). Для раскопа был выбран разрушенный участок северной оборонительной стены Д-II; первоначально предполагалось ограничиться его расчисткой, но постепенно площадь работ расширилась до раскопа размером 9,5x3 м (рис. 2, 1, 2). В результате выявлено три строительных горизонта с мощными культурными напластованиями толщиной до 2,3 м:

I строительный горизонт представлен ранним культурным слоем светло-коричневого цвета, большой плотности и толщиной 50-55 см (рис. 2,8). Он настигает материковый слой шоха. Этот слой не имел строительных остатков и керамиче-

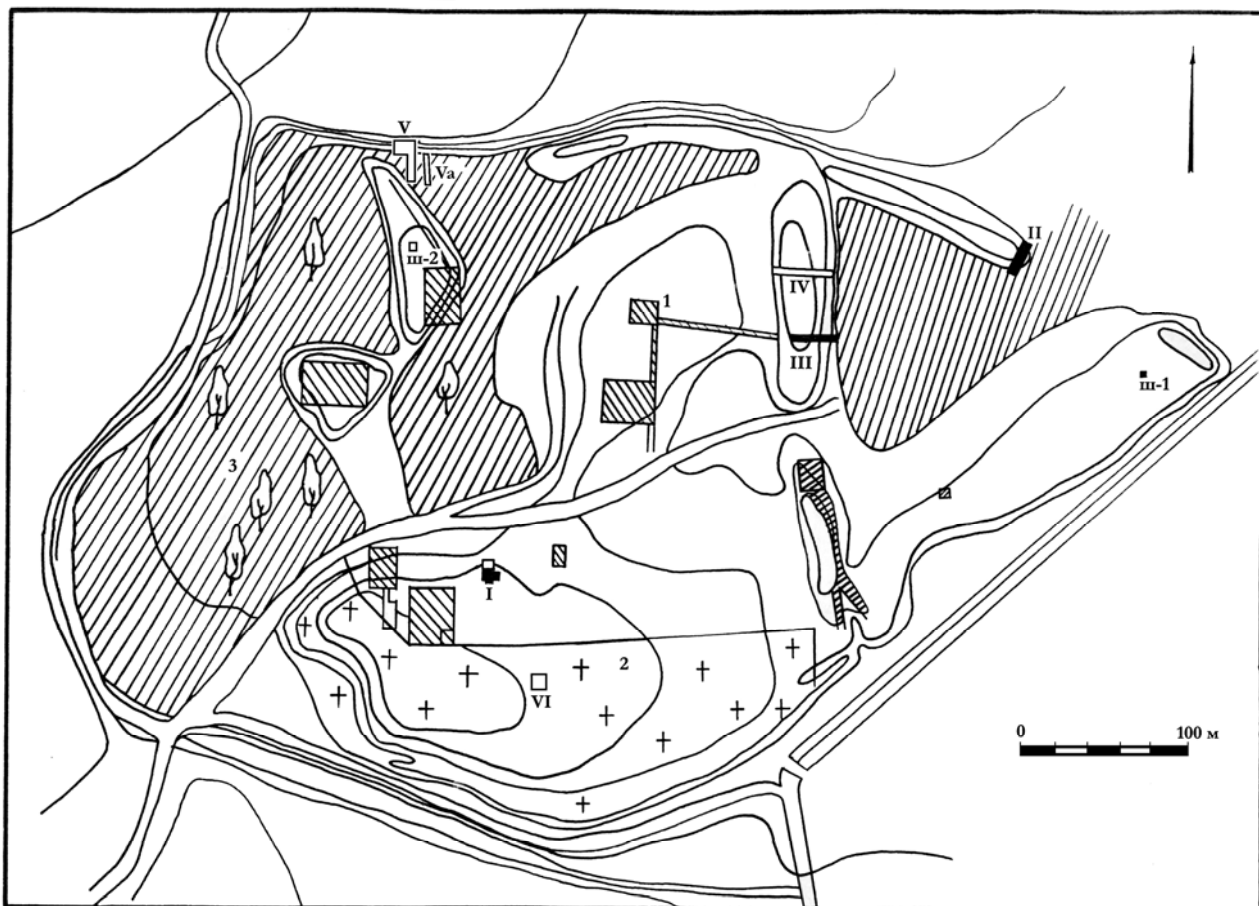

Рис. 1. План городища Дальверзин. 1-раскопы Ю.А. Заднепровкого; 2-современное кладбище; 3-фруктовый сад; I-III-раскоп 2003 г.; IV-VI-раскоп 2004 г.; III-1-III-2-шурфы 2003 г..

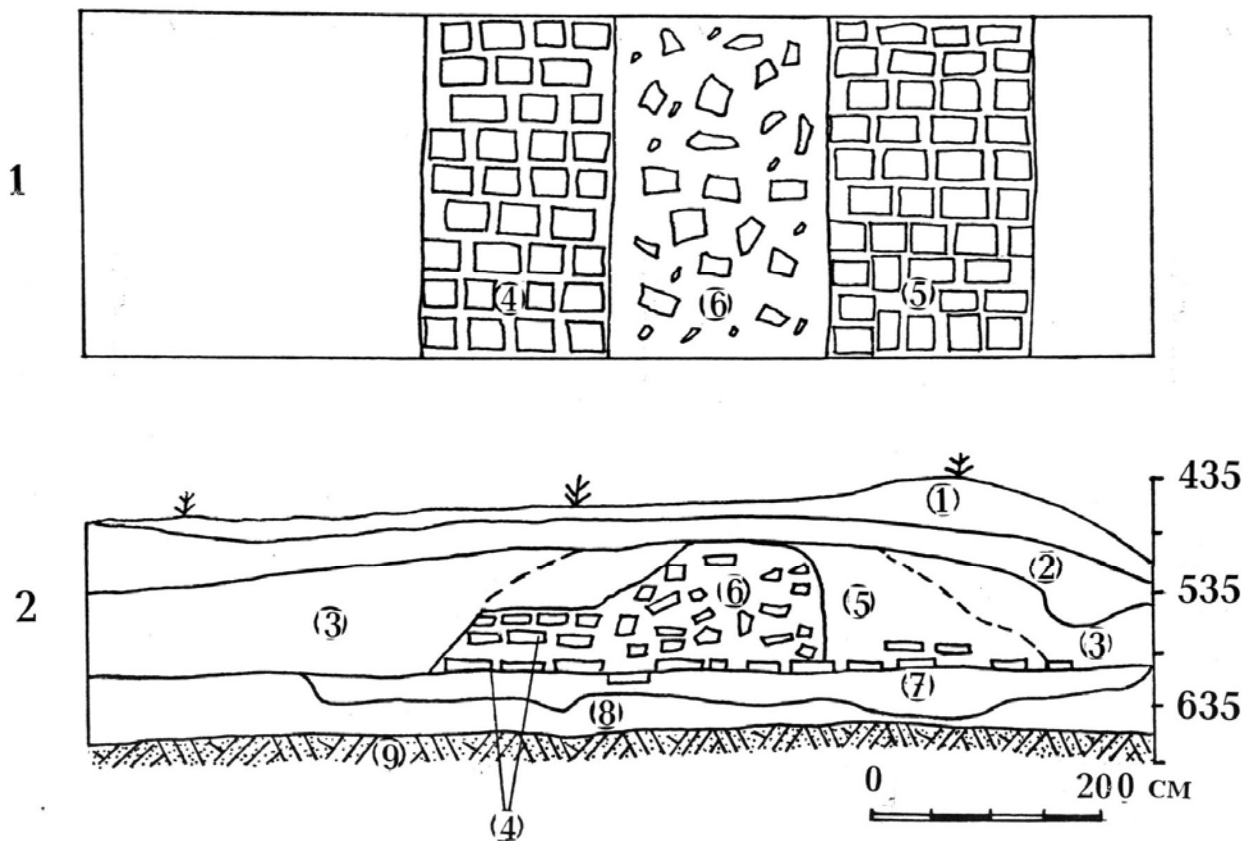

Рис. 2.

ского материала.

II строительный горизонт представлен оборонительной стеной и примыкавшим к ней культурным слоем мощностью более 1 м, с незначительными фрагментами (стенки) керамики. Оборонительная стена имела толщину 5,5 м при сохранившейся высоте 1,15 м. Стена возведена на нивелирующем слое глины толщиной 10-35 см при ширине 7,5 м (рис. 2, 7).

Стена построена методом панцирной кладки поверх основания, выложенного в один ряд сырцовых кирпичей зеленого цвета размером 41x?x13, 45x?x14, 30x?x8, 28x?x13, 50x?x12, ?x21x9 см. Кирпичи панцирных кладок отличались не только по размерам, но и по цвету - одна разновидность имела темный цвет, другая болотисто-зеленый цвет. Раствор между рядами кладки имел толщину 6-15 см. Южная панцирная стенка (рис. 2, 4) имела толщину 1,7 м при сохранившейся высоте 0,5 м. Северная стенка (рис. 2, 5) плохой сохранности, имела толщину 2 м при сохранившейся высоте 0,25 м. Пространство между

панцирными стенками было забутовано грунтом средней плотности, с включениями фрагментов и целых сырцовых кирпичей и гувалья (рис. 2, 6). Толщина забутовки составляла 1,8 м при сохранившейся высоте 1,15 м.

III строительный горизонт представлен рыхлым грунтом черного цвета с незначительными фрагментами (стенки) керамики, толщиной 15-60 см (рис. 2, 2).

Таким образом, выявленная нашим раскопом стена по своему устройству не похожа на восточную и южную стены Д-II, а также на северную оборонительную стену Д-I, вскрытую Ю.А. Заднепровским. В то же время размеры кирпичей северной стены Д-II имеют близкие соответствия с кирпичами восточной и южной стены цитадели, с верхними облицовочными кирпичами южной части восточной стены Д-I. Нам представляется, что территория Д-II длительное время не имела оборонительных стен и была, вероятно, построена (или заново отстроена) на последних этапах существования городища.

Раскоп III (Р-III) был заложен на северном участке восточной стены Д-I, который оказался неудачным, так как на этом месте в 60-70 годах XX века производились археологические работы. Нами была вскрыта лишь восточная часть вала, с мощностью культурных напластований более 2 м. Было выявлено два строительных горизонта:

I строительный горизонт представлен лишь ранним культурным слоем, толщиной до 40 см, без строительных остатков и керамики.

II строительный горизонт имел культурный слой мощностью до 2,5 м. Некоторый интерес представляет наличие мощной и плотной платформы светло-коричневого цвета, толщиной 75-80 см при длине на вскрытом участке более 11 м. Обычно под оборонительными стенами встречается лишь слой глиняного нивелирующего раствора толщиной не более 30-35 см. Особенным также является и то, что в промежутке между стеной и платформой выявлены зольные прослойки толщиной 3-5 см, видимо, остатки костра.

Оборонительная стена на вскрытом участке состояла из двух частей - восточной и западной. Восточная половина представляет собой слой утрамбованного грунта со включениями кусков гувалья. Эта часть стены имела толщину у основания более 2 м и по верху 1 м при сохранившейся высоте 1,25 м.

Западная часть стены представляла собой монолит, возведенный путем беспорядочной кладки рядов сырцового кирпича размером 22х?х8, 35х?х10, 20х?х7, 38х?х8, 41х?х10, 30х?х5, 30х?х9, 25х?х8 см. Эта кладка имела на вскрытом участке толщину, 3,25 м при сохранившейся высоте 1,3 м.

От основания стены к востоку полого спускается галечная подсыпка, толщиной до 20 см, видимо, специально вымощенная для отвода дождевой воды и т.д.

Таким образом, исследования восточной оборонительной стены Д-I показали, что она возводилась с использованием различных технических приемов и строительных материалов. Наличие мощной

платформы и тот факт, что на ней до возведения стены разводили костер, дает основания для предположения о ее повторном использовании.

Раскоп-IV (Р-IV) был заложен в 41 м к северу от Р-III. Выявлено три строительных горизонта.

I строительный горизонт. Ранний культурный слой мощностью 40-75 см утолщается к предполагаемому краю первоначального поселения, которое отмечено в пределах квадратов 1-7. Затем в квадратах 8-11 этот слой утончается от 40 до 10 см. Культурный слой темно-коричневого цвета представлен незначительным керамическим материалом; под ним находился материк.

II строительный горизонт. В 4,5 м от «края» поселения возводится восточная оборонительная стена сложной конструкции, для чего сначала была обработана площадь шириной около 10 м и заложен нивелирующий слой глины коричневого цвета толщиной 15-30 см. Стена состояла из двух (восточный и западный) мощных панцирных кладок, пространство между которыми было забутовано.

Восточная кладка возводилась из пахсы зеленого цвета с бессистемно включенными сырцовыми кирпичами размером 52х?х12, 30х?х10, 24х?х10 см. Она имела толщину у основания 2,6 м, при сохранившейся высоте 1,1 м. Панцирная кладка с обеих сторон была почти вертикальна.

Западная панцирная кладка также была возведена из пахсы с включениями сырцовых кирпичей, но имевших определенную систему кладки. Кирпичи были также разного размера - 54х?х9, 30х?х8, 17х?х8 см. Стенка сохранилась на высоту 1,45 м при толщине у основания 1,75 м. С двух сторон панцирная стенка была вертикальной, но восточная сторона имела ступенчатую форму.

Пространство между панцирными стенками имело в основании ширину 1,25 м и было забутовано (скорее, заполнено) рыхлым грунтом с включениями больших кусков пахсы и сырцового кирпича. В целом ранняя стена имела общую толщину 5,4 м.

С западной стороны к оборонительной

стене примыкал жилой комплекс, представленный суфообразным сооружением, полом и остатками очага (?) в виде обожженных до желтовато-красного цвета фрагментов кирпичей (размер не определен). Суфообразное сооружение вплотную примыкало к оборонительной стене. Оно было возведено из пахсы серого цвета с включениями горизонтально положенных сырцовых кирпичей таких же размеров. Сооружение сохранилось на высоту 70 см при ширине 90 см. Пол имел ровную поверхность с небольшим подъемом к востоку и в основном состоял из нивелировочного глиняного слоя, выложенного при строительстве оборонительной стены.

Культурный слой над полом представлял грунт средней плотности серо-коричневого цвета с включениями фрагментов керамики, кусков пахсы, сырцового кирпича и костей животных. Он имел толщину 0,75-1,3 м, с утолщением к востоку.

Культурный слой с восточной стороны оборонительной стены при мощности до 1 м имел очень незначительное включение керамического материала.

III строительный горизонт. Ранняя оборонительная стена была расширена и наращена пахсой черного цвета. В результате толщина стены достигла 6,5 м при сохранившейся высоте 1,8 м. Для этого периода жилой комплекс у оборонительной стены не отмечен, возможно, этот период был кратким. Со стороны жилой зоны для подъема на верх стены была выложена вы-

мостка из речных галек средней величины. Она прослежена на незначительном участке, так как ее основная часть уходила в северную бровку. На вскрытом участке вымостка сохранилась на длину 1,6 м при ширине 1,1 м. Западный нижний край вымостки был ровно выложен и находился на уровне верхнего пола, а восточный край уходил у гребня стены в толщу глиняного помоста, плохой сохранности.

Таким образом, результатами раскопов выявлено: наличие двух этапов в истории возведения восточной оборонительной стены Д-I и то, что ранняя стена строилась также методом двухсторонних панцирных кладок, с заполнением пространства между ними строительным мусором.

Раскоп V (P-V). Было вскрыто пять строительных горизонтов (рис. 3; рис. 4).

I строительный период. Ранний культурный слой имел толщину 40-65 см; у края поселения слой утончен до 10-15 см (рис. 3, 18). Интересна яма на северном краю поселения шириной 60 см и глубиной 40 см, дно которой было покрыто небольшим слоем гальки (рис. 3, 21). Она была врезана в слой гилы под ранним культурным слоем. Позже, видимо, в период второго строительного периода, она была забутована плотным грунтом с частичными включениями фрагментов керамики.

II строительный период. На краю поселения возводится ранняя северная оборонительная стена (рис. 3, I). Особый инте-

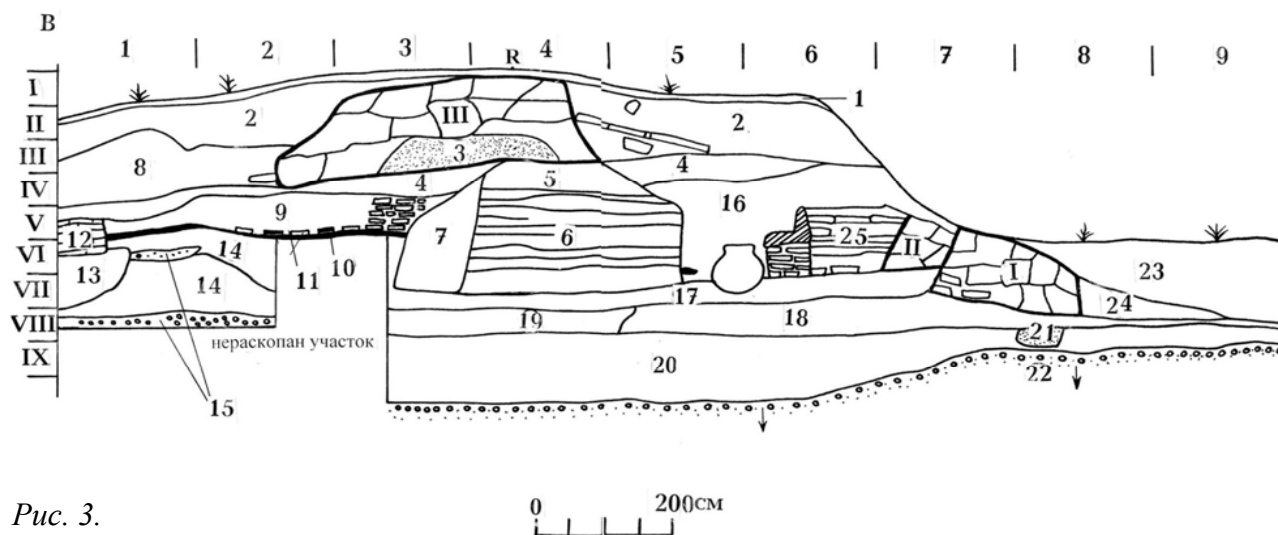

Рис. 3.

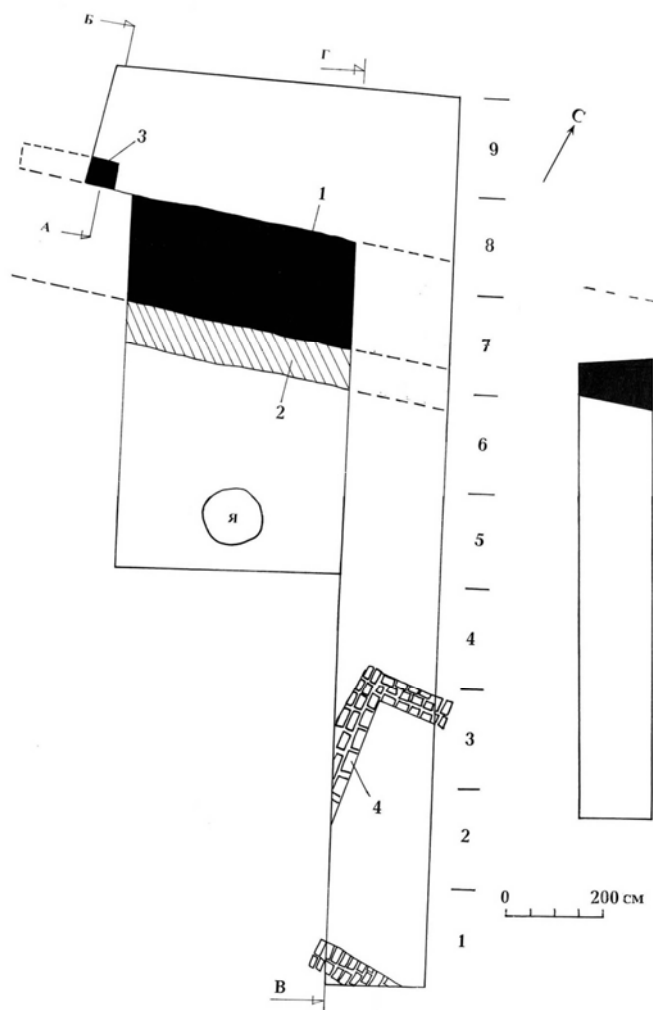

Рис. 4. Дальверзин. Раскоп V/ 1-древняя стена; 2-Стена 2 периода; 3-ремонтная рубашка; 4- жилой комплекс

рес представляет то, что, в отличие от других оборонительных стен, вскрытых нашими раскопками и работами предшествовавших исследователей, не обнаружен выравнивающий глиняный слой под стеной. Более того, стена была возведена на наклонной поверхности таким образом, что ее южное основание оказалось выше северного на 30-40 см. Нам представляется, что этот участок оборонительной стены был построен несколько раньше остальных. Стена возведена из пахсы с частичными включениями сырцового кирпича размером 46x?x10, 26x?x8, 17x?x8 см. В разрезе кирпичи отмечены у южного основания в горизонтальном положении. Стена сохранилась на высоту 1 м при ширине около 2.5 м.

К оборонительной стене примыкал жи-

лой комплекс, имевший два этапа обживания. Первый этап представлен примыкавшей к ранней стене полуземлянкой (рис. 3, 19), опущенной с пола и прорезавшей ранний культурный слой, а отчасти галечный слой с восточной стороны. Землянка вскрыта частично, так как ее основная часть уходит в западную бровку. На вскрытом участке полуземлянка выявлена на протяженности около 4 м при ширине 40-65 см, к югу несколько сужается к югу. Пол обнаружен на глубине 35-40 см, на нем сохранился слой золы с остатками древесного угля и фрагментами красноангобириванной и расписной керамики. Позже полуземлянка, видимо, во втором этапе обживания была забутована плотно утрамбованным грунтом.

Второй этап обживания характеризуется кардинальной перестройкой жилого комплекса. Площадь у оборонительной стены шириной 8 м была сnivelирована. Затем на всю эту ширину выложена платформа из черной глины толщиной 25-30 см (рис. 3, 17), которая на севере вплотную примыкала к оборонительной стене и наращена по линии наклона ее внутреннего фасада. Следовательно, была сделана внутренняя ремонтная пристройка (рис. 3, II), увеличившая толщину оборонительной стены до 3 м. Интересно, что к пристройке из черной пахсы была примкнута новая стена с суфой (рис. 3, 25), видимо, для помещения. Одновременно эта стена также с северной стороны повторяла наклонную линию оборонительной стены и потому у основания дна имела толщину 1 м, а по сохранившемуся верху 1,5 м. Пахса этой стены представляла собой чередование глиняных заливок черного и желтого цветов толщиной 6-10 см, с частичными включениями сырцовых кирпичей размером 41x?x10, 20x?x8 см, выложенных в горизонтальном порядке. Таким образом, на вскрытом участке толщина северной оборонительной стены достигла более 4 м.

Суфа, примыкавшая к стене помещения, представляла собой глиняное ложе со спинкой, покоящейся на плотном основании из сырцового кирпича (30x?x9, 26x?x8, 16x?x4 см). Верх ложа находится на

высоте 75 см и имеет ширину 35 см, высота спинки - 1,15 м, толщина около 20 см. Основание суфы имеет толщину 55 см при высоте 50 см. Рядом с суфой обнаружен вкопанный на одну четверть хум, предварительно обмазанный с внешней стороны, до середины, глиной болотного цвета, толщиной 1 см. Хум с округлым туловом и дном, имел высоту и ширину по 70 см при диаметре венчика 44 см. Возле хума сохранились остатки костра - зола и древесный уголь.

К югу выявлен глинобитный массив (рис. 3, 6), выложенный из глиняных заливок черного и желтого цветов толщиной 6-18 см. Этот массив предварительно был отмечен нами как продольная стена помещения с суфой и хумом. Она имела длину 3 м при сохранившейся высоте 1,5 м. Ее северный край вертикален, а южный несколько наклонен, что, видимо, явилось следствием обработки в последующем периоде. Некоторый интерес представляет то, что зольная линза у хума уходит под северное основание «продольной» стены. Такое положение указывает на необходимость дальнейшего продолжения раскопок, так как эта «продольная» стена могла быть новой оборонительной стеной.

III строительный горизонт. Помещение второго периода было забутовано грунтом средней плотности (рис. 3, 16), а с южной стороны «продольной» стены помещения была залита монолитная пахсовая пристройка черного цвета толщиной 1 м и сохранившейся высотой 1,75 м (рис. 3, 7). Видимо, она являлась новой внутренней пристройкой оборонительной стены (хотя могла быть и составной частью помещения III периода), так как из такого же материала была наращена и верхняя часть «продольной» стены (рис. 3, 5), сохранившаяся в толщину 2,5 м и высоту 0,5 м.

Этот период также характеризуется интенсивным обживанием территории у оборонительной стены. Здесь выявлены остатки помещения в виде двух параллельных поперечных стен, связанных между собой общим полом (рис. 3, 10). Особый интерес представляет выкладка стен, возведенных на фундаменте из черной глины

(рис. 3, 13), для чего был предварительно вырыт котлован. Южная стена (рис. 3, 12) выложена из сливок глины черного и желтого цветов толщиной 6-8 см, а северная - из сырцовых кирпичей размером 30х?х8, 24х?х8, 21х?х7 см. Южная стена на вскрытом участке выявлена на толщину 65 см при сохранившейся высоте 50 см, а северная соответственно - 80 и 60 см. Над полом помещения выявлен толстый (до 10 см) слой золы, с включениями фрагментов керамики и древесного угля (рис. 3, 11). Видимо, в конце этого периода помещение было сожжено, так как пол и северная стена имела следы обжига красного цвета. Пол, вероятно, был обмазан - ее поверхность под золой была гладкой.

По разрезу помещение имело ширину 3.5 м. Культурный слой очень богат керамическим материалом (рис. 3, 9).

IV строительный горизонт. Жилой комплекс III периода забутовывается и сверху разравнивается нивелирующим слоем глины, который имел небольшой уклон на юг (рис. 3, 4). Вероятно, верхняя часть оборонительной стены предыдущего времени была подрезана, так как нивелирующий слой примыкает к ней как с юга, так и с севера. Новая оборонительная стена (рис. 3, III) строится с большим отступом от внешнего края ранней стены - почти на 7 м. Она имела толщину по основанию более 4.5 м, а по верху около 3,5 м при сохранившейся высоте 1,25 м. Основная часть новой стены возвышалась над северной стеной помещения и оборонительной стеной III периода.

Особого внимания требует конструкция поздней стены (рис. 3, III). Она выложена из блочной пахсы, где не выявлен сырцовый кирпич. Интересно, что под серединой основания стены и над нивелирующим слоем обнаружен слой рыхлого грунта (рис. 3, 3) шириной 2,5 м и толщиной 35-50 см. Южная сторона основания стены, в отличие от ранней, находится ниже северной на 20-25 см. Культурный слой (рис. 3, 8) этого периода имеет толщину 50-70 см.

V строительный период. Характеризуется прекращением защитных функций оборонительных стен. Вскрытые культу-

ные слои (рис. 3, 2) с внешней стороны оборонительной стены выявили следы обживания: найден уровень пола с хозяйственной ямой. Культурный слой мощностью 50-70 см представлял собой рыхлый завал с включениями кусков пахсы, сырцового кирпича, а также с фрагментами керамики и костей животных.

Результаты раскопок показывают, что участок северной оборонительной стены у цитадели имел культурный слой общей мощностью до 4,5 м с пятью строительными горизонтами. Оборонительная стена имела три периода возведения с этапами периодических ремонтных пристроек. Это положение подтверждает и дополняет мнение о более длительном обживании не только цитадели, но и всего северо-западного участка городища. Однако новые материалы также дают возможность по-новому интерпретировать отдельные этапы эволюции как городища в целом, так и оборонительных стен в частности. Новые исследования оборонительных стен городища дали возможность сделать следующие выводы:

- В строительстве оборонительных стен использовались: утрамбованный грунт, пахса, сырцовый кирпич и гувалья;

- Первоначально была возведена внешняя оборонительная стена на северо-западном участке городища, так как она была построена на не выровненной поверхности и без нивелирующего глиняного слоя;

- Восточная оборонительная стена Д-I возводилась с использованием различных строительных материалов и технических приемов;

- Оборонительная стена вокруг объекта Д-II возводилась позднее, чем вокруг объектов Д-I и Д-III;

- Главным аргументом для возведения основных участков оборонительных стен Д-II из «утрамбованного грунта в основе» является то, что этот участок был отведен под загон для скота, но в конце второго периода предпринималась попытка перестроить эти стены из сырца;

- В конце функционирования оборонительных стен в жилом комплексе у соединения северной оборонительной стены с

цитаделью отмечены следы сильного пожара;

- Лишь на участках северной оборонительной стены Д-I и Д-III возводятся самые поздние оборонительные стены из блочной пахсы.

В результате проведенных работ удалось выявить некоторые различия археологических комплексов между верхними и нижними слоями памятника. Керамика в нижних слоях (рис. 5, 6) не стабильного красного ангоба, который, видимо, находился в начальной стадии формирования. В комплексе присутствуют образцы керамики с ангобом коричневого цвета и коричневым оттенком. Ангоб был не устойчивым, иногда тусклым или жидким. Для этих слоев в незначительном количестве зафиксированы также красноангобированные сосуды, внутренняя часть которых обведена жидким коричневым ангобом. Такая же картина была зафиксирована в нижнем слое (I период) Чустского поселения. Однако там, кроме коричневой керамики была выявлена керамика с беловато-серым оттенком (Матбабаев, 1985. С. 7). Наблюдается также и количественная разница при сопоставлении расписной керамики нижнего слоя с верхним: она преобладает в нижнем слое. Аналогичная ситуация была отмечена и при сопоставлении красноангобированной керамики. Мате-

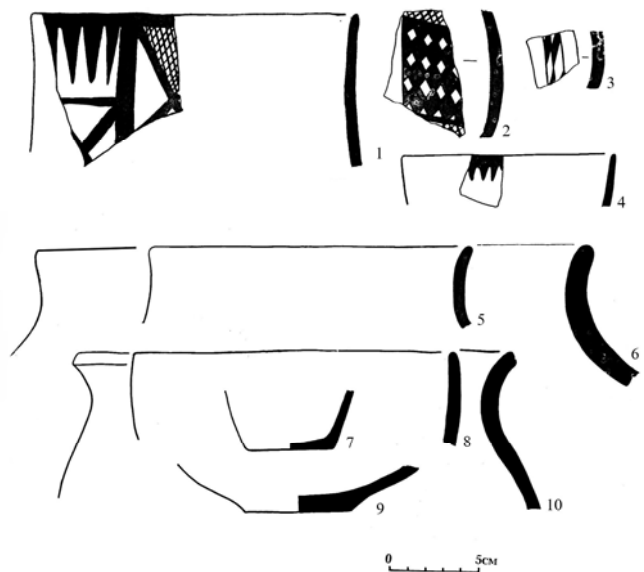

Рис. 5. Дальверзин. P-V. Керамика из полуземлянки

Рис. 6. Дальверзин. Р-V. Керамика из нижнего культурного слоя

риалы верхнего слоя характеризуются ухудшением керамического комплекса - некачественный, бледный ангоб светло-коричневых и розовых оттенков. Следовательно, налицо определенная фиксация ранних элементов комплексов чустской культуры.

Таким образом, городище Дальверзин прошло поэтапное, последовательное развитие в возведении оборонительных стен и по своей мощи и планировочной структуре (трехчастная) не имело аналогов ни в Фергане, ни за ее пределами. В целом результатами наших работ получены дополнительные материалы по древней урбанизации Ферганы, а Дальверзин являлся первогородом, выделяющимся среди ранних городов Средней Азии периода эпохи бронзы и раннего железа. Но тем не менее,

по мнению отдельных исследователей, развитие градостроительства и ранних форм государственности в Ферганской долине шло запоздало (Кошеленко, Сарияниди, 1985. С. 202-203). Однако необоснованность данного мнения подтверждается несколькими фактами:

- картографировано более 80 памятников этой культуры;

- со второго этапа (IX-VII вв. до н.э.) развития чустской культуры происходит процесс возникновения ранних городов и государств в долине (Матбабаев, 2002. С. 3-11; Он же, 2002а. С. 77-78);

- численность и масштаб памятников Средней Азии этого времени очень незначителен (Яз I, Кучук I, Тилла I, Этек I, Узункир-Сангир, Коктепа, Еркурган);

- в большинстве из перечисленных памятников не подтверждено обведение их полностью оборонительной стеной и наличие обособленной цитадели в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

В исследованных памятниках чустской культуры выявлены мощные оборонительные стены и связанные с ними керамические комплексы, которые представляют собой гончарные изделия архаического облика. Многие крупные археологи Средней Азии, наряду со всеми фергановедами (Заднепровский, Горбунова) признают за Дальверзинским памятником статус города (Сагдуллаев, 1996. С. 103; Массон, 1998. С. 16; Аскарлов, 2000).

Литература

1. Аскарлов А.А. Ўзбек давлатчилигининг илк босқичларида қадимги Фарғона // Фарғона водийси тарихининг долзарб муаммолари. Фарғона. I том.
2. Заднепровский Ю.А. Дальверзинское селище // КСИА, вып. 69, М., 1957.
3. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, вып. 118, М., 1962..
4. Заднепровский Ю.А. Отчет о работе Андижанского отряда в 1969 г. // Архив ИА АН РУ Ф. 8., О. 1., Д. 64.
5. Заднепровский Ю.А. Историческая топография Дальверзина. // УСА, вып. 1, 1972а.
6. Заднепровский Ю.А. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии. // КСИА, вып. 147, М., 1976.
7. Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии // Автореф. док. дисс. М., 1978.
8. Массон В.М. Ош и городские центры Ферганской долины // Древний Ош в среднеазиатском контексте. ТД МК. Ош, 1998. С. 15-19.
9. Матбабаев Б.Х. Локальные варианты чустской культуры Ферганы. Автореф. канд. дисс. Л., 1985.
10. Матбабаев Б.Х. Ранний город Ферганы и вопросы начального этапа государственности // Ўрта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Халқаро илмий конференция маърузаларининг тезислари. Тошкент, 2002А.
11. Матбабаев Б.Х. Древние земледельцы Ферганы. Заключительный отчет по теме: ЗИ-3-02 ЦНИТ Республики Узбекистан. Архив ЦНИТ Республики Узбекистан, Самарканд, 2004.
12. Матбабаев Б.Х., Абдуллаев Б.М., Иванов Г.П., Машрабов З.З. Отчет об археологических работах на городи-

- ще Дальверзин (с. Аим) и Сарвонтепа (г. Андижан) в Андижанской области (2003) // Архив ИА АН РУ, Ф. 08, О. 1, Д. 179. Самарканд, 2004. 112 с.
13. Матбобоев Б.Х. Кадимги Фарғонада илк давлатчилик илдизлари // Ўзбекистон тарихи. № 1, Тошкент, 2002.
 14. Сагдуллаев А. Кадимги Ўзбекистон илк ёзма манбаларда. Тошкент, 1996.
 15. Сариниди В.И., Кошеленко Г.А. Средняя Азия в раннежелезном веке. Заключение // Археология (СЭП: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

А.Асқаров

ОРИЙЛАР МУАММОСИ: ЯНГИЧА ҚАРАШЛАР ВА ЁНДАШУВЛАР

Қадимги ёзма манбалар («Ригведа» ва «Авесто»)га кўра, тарихда Эрон ва Ҳиндистонни биринчи бор истило қилган қабила-лар орийлар эди деган фикр фанда шаклланган.

Орийлар кимлар эди? - деган саволга, XIX асрдаёқ, «Ригведа» ва «Авесто» матнларининг лингвистик анализига асосланиб, тарихий тилшунослар, улар қадимда ҳинд-эроний тилли қабила-лар эдилар, улар чорвадор саҳройи турмуш кечирганлар, уларнинг маъбудлари «кенг яйловлар эгаси», «ажойиб отлар юборувчи илоҳлар» бўлган. Ҳинд-эроний қабила-лар худоларига илтижо қилиб, улардан яйловларга осмондан ёмғир юборишни, кўплаб отлар ва хўкизлар ато этишни сўрайдилар, маъбудларга атаб отлар, новвос ва кўйларни қурбонлик қиладилар. Уларда Тваштар биринчи гупчакли аравани яратувчи илоҳ ҳисобланган, деган тушунча мавжуд. Гилдиракли транспорт турининг барчаси, иккигилдиракли арава, унинг қисмлари, от абзали, даштликларнинг барча кийимбош номларигача ҳинд-эроний қабила-ларники деб ҳисоблашган (Geiger, 1882; Oldenberg, 1894). Ҳинд-эроний қабила-ларининг хўжалик ва турмуш тарзини лингвистик таҳлили асосидаги тарихий манзара Евроосиё чўл минтақаси археологик маданият материалларида ўз аксини топган (Кузьмина, 1974, с.42-45; Курпер, 1957; ўша муаллиф, 1959, р.152). Ҳатто археологлар орийларнинг археологик тавсифини ишлаб чиққанлар. Бунга кўра, орийлар ўз уруғ-аймоқлари ичида энг нуфузли, бадавлат, эркин ва озод суворийлар бўлиб, улар вафот этганда: биринчидан, ўша даврнинг урф-одатларига кўра, чуқур хурмат ва эҳтиром белгиси сифатида қабиладошлари уларга атаб маҳобатли мазорқўрғонлар бунёд этганлар (Тегискен, Солоха, Аржан, Салбик, Триалети, Кул-Обо, Синташта, Новокумак-25, Башадар, Пазирик каби мазор-қўрғонлар иккинчидан, орий жасади мазор-қўрғонга унинг ҳаётлик чоғидаги жанговар қурол-аслаҳ-

алари ва бойлиги билан кўмилади, учинчидан, марказий жасад тева-рак-атрофида марҳумнинг нуфузига кўра, 7-9 ва ундан ҳам ортиқ мажбурий ўлим излари ва эгар-жабдиқлари билан отлар жасади топилади ва ниҳоят, тўртинчидан, орий жасадининг оёқ ёки ён томонида унинг ҳарамидаги хотинларидан бирининг жасади, унга тегишли зеби-зийнат ва олтин арава (золотая колесница) ҳамда бир неча хизматкорлар жаса-длари учратилади. Мана шу орий мазорқўрғонининг археологик белгилари бўлиб, орийларнинг мазкур тавсифига кўра, нафақат лингвистлар, балки археологлар ҳам ҳинд-эроний тилли қабила-ларнинг келиб чиқиши ва уларнинг илк ватани ҳақидаги концепцияни илмий асослай бошладилар. Яъни Шимолий Қораденгиз чўллари қадимда ҳинд-эроний қабила-ларнинг илк ватани бўлганлигини тасдиқловчи топонимларни аниқлай бошладилар, гўёки, афсонавий дарё Ранха она Волганинг эроний номи бўлган; қадимги ҳинд-эроний тилларнинг финугор тилларига таъсири ҳақида тадқиқотлар олиб борилди (Vasmer, 1923; Абаев, 1949, ўша муаллиф, 1972; Топоров, Трубаев, 1962; Стрижак, 1965; Барроу, 1976; Миллер, 1987).

XX асрнинг 60-йилларида археолог ва тарихий тилшунослар орасида ҳинд-эроний қабила-ларнинг милоддан аввалги II-минг йилликнинг иккинчи ярмида Волгадан шарққа чўл минтақаларига кўчиши ва уларнинг туб жойли андронва қабила-лари билан ўхшатиш ҳақидаги (идентифицировать) қарашлар шаклланди (И. Дьяконов, 1956, с.124-125; Иванов, Топоров, 1960, с.13; М.Дьяконов, 1961, с.40-43; Грантовский, 1970, с.358-360; Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с.121-124; Гафуров, 1972, с.27-33; Смирнов, Кузьмина, 1977, с.52). Мана шу мулоҳазаларда унга қадар Дон дарёсининг куйи ҳавзаларида таркиб топган абашева ва палтавкина маданиятларининг аҳолиси Волга бўйларида пайдо бўлиб, шу жойларнинг

маҳаллий аҳолиси билан қоришиб кетадилар (Братченко, 1969, с.20-23; ўша муаллиф, 1976, с. 117-118) ва милоддан аввалги II-минг йилликнинг иккинчи чорагида янги маданий комплекслар таркиб топа бошлайди. Ана шулардан бири новокумак археология комплекси эди (Смирнов, Кузьмина, 1977, с.51-52). Ана шу субстратлар таъсирида куйи Волгадан то жанубий-шарқий Ўрол орти районларгача бўлган Евроосиё чўлларида андронива маданиятининг новокумак босқичи шаклланиган эди (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 26-33). Новокумак типигади ёдгорликлар даврий жиҳатдан андронива маданиятининг алақул босқичини генетик ўтмишдоши бўлиб, новокумак ёдгорликларида худди андронива маданияти қабилалари дафн маросимларидагидек, от ёки новвос ва кўйларни қурбонлик қилиш урф-одатлари кузатилади (Кузьмина, 1977)

Шундай қилиб, К.Ф. Смирнов ва Е.Е. Кузьминалар андронива маданиятининг новокумак комплексини ғарбий импульс таъсирида шаклланиши ҳинд-эрон муаммосини ҳал этишда жуда муҳим омилдир, (Смирнов, Кузьмина, 1977, с.52) деган хулосага келадилар. Чунки, кўпчиллик археолог-тадқиқотчилар сруб ва андронива маданиятларининг соҳиблари ҳинд-эроний қабилалар эдилар, деб ҳисоблайдилар. Бундай илмий фараз дастлаб С.П. Толстов томонидан кўтарилди (Толстов, 1948, с. 68; ўша муаллиф, 1962, с.59-60). А.Н. Бернштам Ҳиндистонни босиб олган орийлар айнан андронива маданияти соҳиблари эди, деб чиқди (Бернштам, 1957, с. 19). Археолог С.С. Черников эса бронза даврига оид Шарқий Қозоғистон материалларига асосланиб, андронива қабилаларини этник жиҳатдан турли тилли этносларга мансуб эканлигини эътироф этиш керак, деган ғояни кўтариб чиқди (Черников, 1960, с.112). Бироқ унинг қарашлари «Европацентризм» назарияси тарафдорлари томонидан тан олинмади. Аксинча улар сруб ва андронива қабилалари билан саврамаат ва саклар (милоддан аввалги VII-V асрлар) ўртасидаги генетик алоқаларни археологик материалларда кузатилиши антик ва қадимги форс ёзма

манбалари томонидан ҳам тасдиқланади, деган хулосага келадилар (Бернштам, 1957; Смирнов, 1957; ўша муаллиф, 1964; Кузьмина, 1963; Акишев, 1973, с.43-58).

Аслини олганда, Евроосиё минтақаси бронза даври дашт қабилаларининг турмуш тарзи ва ҳўжалиги асосида археологик манбаларга суяниб хулоса чиқариш мумкин, аммо уларнинг тили масаласида лингвистик фаразларга асосланиб, сруб ва андронива маданияти соҳиблари эроний тиллар оиласига мансубдир, деган қатъий хулосага келиш (И.Дьяконов, 1956, с. 124-125; Иванов, Топоров, 1960, с.13; М. Дьяконов, 1961, с.40-43; Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с.118-125; Грантовский, 1970, 359-360; Гафуров, 1972, с.27-33) ҳали кўп илмий далилларни талаб этади.

Юқорида таъкидлаганимиздек, бундай қараш ҳинд-европа тиллар системасидаги халқларнинг гўёки ирқий ва маданий жиҳатдан бир эканлигига ишора қилади. Аслида, унинг заминида Европа давлатларининг Осиё ва Африка мамлакатларини «қонуний асосда» босиб олишга қаратилган мустамлакачилик сиёсатини оқлаш этади. «Европацентризм» назариясида кўтарилган бу ғоянинг ирқчилик томони совет сиёсатида қоралансада (БСЭ, 1950, 3-саҳифа), аммо унинг ўзга юртларни босиб олиш билан боғлиқ томонларига советлар ҳам эътибор бермади. Чунки Чор Россиясининг XVI-XVII асрлардан бошлаб қадимда туркий қабилалар юрти ҳисобланган куйи Волга ва Ўрол тоғ тизмаларидан шарққа томон чўзилган чўл ва дашт минтақаларига кириб бориши, айниқса унинг XIX аср ўрталаридан бошлаб Ўрта Осиёда олиб борган мустамлакачилик сиёсати мазмунига мос тушарди.

«Орий» сўзи Ригведа ва Авестога кўра, дастлаб маҳаллий эрон забон аҳолига нисбатан «бегона», «бошқа ерлик», «босқинчи» маъносини англатиб, кейинчалик у «хўжайин», «аслзода» маъно ва мазмунини касб этган. Ригведа ва Авестода «орий» ларнинг муқаддас юрти Даития этақларидаги «Арьянам вайджа» бўлиб, у чорва ва яйловларга бой ўлка сифатида таърифланади. У ерда 10 ой қиш, 2 ой ёз бўлади. Қиш чилласида унинг сувлари, ерлари ва

майсалари совук, киш охирида дарёларида сув кўп бўлади (Вендидат, 1-боб, 2002, стр.431). Даития дарёси Волгами, Обьми, Енисейми, Ленами ёки Амударё, бу ҳақда бирор аниқ фикр айтиш амри маҳол. Аммо С.П.Толстов Даития Амударёнинг авесто-ча номи бўлиши керак, деб тахмин қилади. Агар масалага кенгроқ қаралса, бронза даврида Қадимги Хоразм ерлари чорвага ва яйловларга бой Арьянам Вайджанинг бир қисми, яъни унинг жанубий худудлари бўлиши мумкин.

Бизнинг тасаввуримизда Арьянам вайджа территорияси жуда кенг, яъни Қора денгизнинг шимолий ва шимолий-шарқий соҳилларидан то Байқол кўлигача чўзилган чўл ва тоғ олди даштлардан иборат. Унинг шимолий чегараси Авестога кўра, киши 10 ойгача чўзиладиган славян ўрмонлари билан туташиб кетган. Мана шу чорвачиликка қулай кенг чўл ва даштликларда олиб борилган археологик тадқиқотлар натижаларига кўра, милoddан аввалги II-минг йилликнинг I-ярмида кўчманчи чорвачилик хўжалиги, шунингдек, унинг базасида йилкичилик ривожланади (Синташта ва Аркаим археологик комплексларига ишора).

Йилкичилик яйлов чорвачилигидан кўчманчи чорвачилик хўжалигига ўтишда асосий омил бўлиб, у жамият ижтимоий ва иқтисодий ҳаётида туб ўзгаришлар юз беришига олиб келди. Ана шу туб ўзгаришларнинг меваси сифатида ибтидоий чорвадор жамоалар таркибида бадавлат мулк эгалари - ўнлаб кўра ҳайвонга эга жамоа сардорлари етишиб чиқади. Чорвачилик хўжалигида деҳқончиликка нисбатан жуда тез мулкый табақаланиш жараёни кечади. Бунинг натижаси ўлароқ, чорва ҳайвонларини боқиш ва қўриқлаш, тобора ривожланиб бораётган чорвачилик хўжалиги учун янгидан-янги яйловларни топиш ва кенгайтириш чорвадорлар олдида турган ҳаётий вазифа бўлиб қолади. Бу ҳол археологик изланиш натижаларига кўра милoddан аввалги II-минг йилликнинг ўрталарида юз берди, яъни чорвадор жамоалари таркибида жанговар суворийлар қўшини ташкил топди.

Улар ижтимоий ҳаётда жамоанинг эр-

кин, озод, жанговар мулкдорлар табақаси бўлиб, Авестога мана шу табақа ва унинг оила аъзолари ўз уруғ-аймоқларидан фарқли ўлароқ «озодлар» («азады»), яъни «орийлар» деб юритилган. Улар яшаган юрт орийлар ватани, орийлар кенглиги, яъни «Арьянам вайджа» деб номланди. Бу юрт халқининг асосий бойлиги чорва, яъни майда ва йирик шоҳли ҳайвонлар, от, туя ва эшак ҳисобланади. Уларнинг кундалик турмуш тарзи дашт аҳолиси хос кўчманчи чорвачилик асосида курилган.

Юқорида таъкидлаганимиздек, чорвадан келадиган бойлик деҳқончиликка нисбатан жуда тез кўпаювчан бўлади. Бадавлат мулк эгаси иштаҳасининг эса чеки бўлмайди. Ибтидоий жамоа тузумидан дастлабки синфий жамиятга ўтиш босқичи ҳисобланган ҳарбий демократия даври имкониятлари қабилалараро тўқнашувларни тез-тез содир бўлишини тақозо этади. Кўп ҳолларда кўчманчилар орасида ўзаро бўладиган ҳарбий тўқнашувлар доимий характер тусини олади. Бундай шароитда қўшинга чакқон ва абжир, бақувват ва мард ўғлонлар, ташаббускор ва тадбиркор ҳарбийлар керак. Қачонким чорвадор қабилалар ҳаётида кўчманчилик турмуш тарзи қарор топгач, жанговар ҳарбийлар тарбиялашга кенг имкониятлар очилди.

Давр тақозосига кўра, абжир ва чакқон чавандоз, моҳир мерган ва чайир ва чапдаст жангчи бўлишга интилиш ҳар бир ёшнинг кундалик ҳаракат дастурига айланиб борди. Оқибат натижада ўтиш даврининг ана шу жанговар ҳарбий руҳияти жараёнида суворий орийлар таркиб топиб, улар томонидан ўзга юртларни босиб олиш чорвадор қабилаларнинг муҳим даромад манбаига айланди. Ана шу чорвадор қабилаларнинг суворий ҳарбийлари ҳаётда ўзларини озод ва эркин, ҳеч кимга қарам ва тобъе ҳис этмас, улар ўзларини доимо ҳаётда иқтисодий ва сиёсий мустақил ҳис этувчи озодлар-орийлар эдилар. Уларнинг уруғ-аймоқлари ҳам қабиланасига кўра, ўзларини орийлар деб аташган. Чунки ўша давр чорвадор жамоаларида ҳарбий демократия тизимига хос тартиб-қоидалар ҳукмрон эди. Ҳар бир оилада туғилган фарзанд ёшлигидан қабиланасига умид-

ларига содиқлик руҳида тарбияланади. Тарбиянинг мақсад йўналиши эса ҳар бир нуфузли чорвадор сиймосида орийни шаклланиши билан яқунланади.

Демак, орийлар чорвадор қабилаларнинг иқтисодий юксалишидаги кўчманчилик ҳаёт босқичининг ижтимоий маҳсули, уларнинг ташаббускор ва тadbиркор қатлами, туғилиб келаётган дастлабки синфий жамиятнинг аслзодалар табақаси эди.

Қадимшунослик фанида эронпарастлик руҳияти (бу жойда тилшунослик назарда тутилмоқда) археологик тадқиқотларнинг илмий-ғоявий йўналишини ҳам «европацентризм» назарияси йўлига буриб юборди. Айниқса бу руҳият Евроосиё чўл минтақаси бронза даври чорвадор қабилаларидан қолган археологик ёдгорликларни ўрганишда яққол кўзга ташланади.

Совет даври тарихшунослигида қадимги ҳинд ва эроний қабилаларнинг муқаддас китоблари-«Ригведа» ва «Авесто»да орийларнинг муқаддас юрти - Арьянам вайджани чорва ва яйловларга бой эканлиги, улар милоддан аввалги II - минг йилликнинг ўрталарида шимолий-ғарбий Ҳиндистон ва Хуросон ҳудудларига бостириб бориб ўрнашиб қолганлиги, қадимги эроний ва ҳинд қабилаларининг аجدодларини Евроосиё чўл ва дашт минтақаларидан бошқа юртларга тарқаганлиги, уларнинг урф-одатлари, маданияти ва тилининг яқинлиги, диний тушунчаларининг бирлиги ва ниҳоят уларнинг асосий сўз бойлигининг умумий эканлиги қайд қилинади (Толстов, 1948; ўша муаллиф, 1962; И. Дьяконов, 1956; Бернштам, 1957; Смирнов, 1957; Иванов, Топоров, 1960; М. Дьяконов, 1961; Грантовский, 1970; Бонгард-Левин, Ильин, 1969, Кузьмина, 1963, Смирнов, Кузьмина, 1977; Акишев, 1973; Кузьмина, 1994). Шунингдек, ҳинд-эрон орийларининг маҳаллий аҳоли билан ассиляция жараёни, бу жараёнда маҳаллий аҳоли орийлар тилини ўзлаштириб, минтақада эроний тил системаси шаклланди, дейилади. Мана шу ғоя Ўзбекистонда ҳатто мустақиллик даврида чоп этилган адабиётларда ҳам ўз аксини топган (Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 6-жилд, 2003 й., 563 бет). Бундай фикрларни

мустақил Ўзбекистон тарих фанида давом этишининг боиси, тарих фанида ҳали ўз илмий ечимини кутаётган муаммолар кўплигидан далолат беради.

Аслини олганда лингвистик тадқиқотларга кўра, «европацентризм» назариясининг асосида эроний тиллар системасига кирган қадимги манбалар - «Ригведа» ва «Авесто» тили билан ҳозирги замон Европа халқлари тилларидаги баъзи бир ўхшашликлар Евроосиё бронза даври дашт қабилаларининг тили эрон забон бўлган, дейишга асос бўлган. Бу минтақада олиб борилган археологик тадқиқот натижалари эса кўп жиҳатдан орийлар ҳақидаги Авесто таърифларига тўлиқ мос тушади (орийларнинг археологик тавсифини эсланг). Бундай ҳулосага келишда ҳинд-европаларнинг илк ватани - Волга дарёсининг қуйи ҳавзаларидан шарққа томон ястаниб ётган минтақаларда, Ўрол тоғининг жанубий-шарқий ҳудудларида олиб борилган кенг кўламли археологик тадқиқотлар айниқса асқотди (Смирнов, Кузьмина, 1977; Кузьмина, 1994).

Евроосиё дашт ва чўлларининг чорвадор қабилаларини эрон забон эканлиги ҳақидаги фаразга кўра, Евроосиёнинг дашт минтақаларида Тоғли Олтой ҳудудларидан бошқа жойларда турк этносига ўрин қолдирилмайди Ҳатто унинг теварак-атроф районлар аҳолиси ва ундан то Байқолгача чўзилган минтақаларнинг дашт аҳолиси ҳам эрон забон эди, деган тасаввур давом этмоқда.

Амалда шундаймиди? Нахотки, Евроосиё даштлари аҳолисининг моддий маданияти, турмуш тарзи, ҳатто антропологик типи бир-бирларига яқин, кўп жиҳатдан ўхшаш бўлсада, уларнинг Тоғли Олтойда яшаган чорвадор жамоалари туркийда, унинг теварак-атроф ҳудудларда яшаганлари эрон забон бўлса? Ушбу саволлар ечими билан боғлиқ қандай далиллар келтириш мумкин?

Биринчидан, бу жойда гап, бундан 3,5 минг йил аввал бронза даврида Евроосиё чўлларида юз берган этнолингвистик жараён ҳақида, дашт чорвадорларининг тили ҳақида бормоқда. Тарихий маълумотларга кўра, бу минтақаларда қадимги ва ўрта

асрларда туркий забон аҳоли яшаганлиги фанда маълум. Тил албатта этносларнинг ёзув маданияти билан боғлиқ. Чунки, фанда ижтимоий-иқтисодий, сиёсий ва маданий уюшув этник консолидациянинг етакчи омилларидан бири сифатида ёзувни тан олади. Айни пайтда ёзув ўз атрофида қабила тилларини элат тилларига бирлаштиришда муҳим рол ўйнайди. Ушбу қараш остида албатта туркий халқлар этногенези ва этник жараёнлар ётади. Туркий этник бирликларнинг тарқалиш географиясини эса қадимги туркий ёзув ёдгорликларининг тарқалиш географияси орқали билиш мумкин.

Суғдшунос олим М. Исҳоқовнинг маълумотларига қараганда, ҳозирги кунда қадимги туркий ёзув ўзининг кўплаб маҳаллий вариантларига эга бўлган. Қадимги туркий ёзув ёдгорликлари нафақат Ўрхун ва Енисейда, балки Жанубий Сибир, Тоғли Олтой, Ёкутистон, Обь-Иртиш ҳавзалари, Мўғулистондан то Етгисув ўлкасигача, Талас водийси, Фарғона водийси, Қашқадарё воҳаси, Қозоғистон чўллари, Волга бўйи, Дон дарёси ҳавзаси, Шимолий Кавказ, Кубан дарёси ҳавзаси, Қрим, Молдова, Венгрия ва Болгария ҳудудларида ҳам учрайди. Қадимги туркий ёзувининг Дунай дарёси ҳавзасигача тарқалиши қадимда туркий этносни улкан тарихий-маданий, ижтимоий-сиёсий майдони қанчалар кенлигидан далолат беради Исҳоқов, 2003, с. 7-12).

Ўрта асрлар даврида славян халқларининг жануб томон силжиши туфайли Шарқий Европада туркий этник бирликлар занжирида қисман узилишлар рўй берсада, Волга бўйи, Шимолий Кавказ, Каспийнинг шимолий-ғарби, Қрим ва Молдовада туркий халқлар бугун ҳам яшаб турибди. Болгарлар кейинги минг йил ичида минтақадаги ҳукмрон тил муҳити таъсирида славянлашди. Венгерлар олтой тиллари оиласига мансуб халқ сифатида Дунай бўйларида ҳозиргача истиқомат қилмоқдалар. Дон-Кубан ёзув ёдгорликлар мажмуасини қадимги туркий ёзувининг варианты сифатида қарашни фанда тан олиниши унинг этник туркийлигига шубҳа қолдирмайди. Бу ҳақда таниқли тилшунос олим

А.М.Щербак: «Дон ҳавзасида Новочеркасдан Воронежгача кўплаб ашёларга битилган туркий ёзувларни бажанак элатига мансуб деб ҳисоблаш мумкин», деган хулосага келган (Щербак, 1971, с. 27-34).

Қадимги туркий ёзув ёдгорликларининг тарқалиш географиясини кузатган таниқли олим М. Исҳоқов хулосасига кўра, туркий ёзувни Еврооёсиё чўллари, воҳа ва водийлари бўйлаб минглаб километр масофалар оша вариантлашиб бориши маълум маънода туркий этник жараёнлар майдонининг фақат Тоғли Олтой, Шарқий Туркистон, Жанубий Сибир ўлкалари билан боғлиқ деб тушунтириш қадимда туркий халқлар тарқалган кенг ҳудудларни айрим минтақалар билан чеклаб қўйишга олиб келади. Туркий халқлар Марказий Осиёнинг ички ва энг шарқий чеккаларидан (Якутиядан) то Дунайгача, Дашти Қипчокнинг шимолдан то Жанубий Турон минтақаларигача қадимдан яшаб келган тубжой аҳоли бўлган (Исҳоқов, 2003, 7-12 б.).

Афсуски, тарихда ҳанузгача туркий халқларни бу томонларга «кўчиб келган», «босиб келган», деган иборалар ишлатилади. Бундай деб тушунтириш асосли эмас. Чунки, тарихимизнинг у ёки бу босқичида қабилалар, қавмлар ва элатларни ҳаёт тақозосига кўра кўчиши бўлди. Жуда қадим замонларда кўчишлар бобо деҳқонларни янги ерларни ўзлаштириш билан боғлиқ бўлса, кўчманчи қабилалар эса ўз чорвалари учун майсазор ўтлоқлар қидириш билан кўчиб юрди. Аммо, бу кўчишлар замида жуда-жуда қадим замонларда Ўрта Осиё ҳудудлари фақат эрон забон аҳоли юрти эди, деган сўз эмас. Бу ҳудудларда бир вақтни ўзида туркийгўй қабила ва элатлар ҳам яшаган. Бу тарихий ҳақиқат археологик материалларга кўра бронза давридан бошлаб археологик ёдгорликларда яхши кузатилади.

Тарихий бир ҳақиқат борки, - дейди суғдшунос-профессор Мирсодиқ Исҳоқов ўзининг Низомий номидаги ТДПУ илмий-назарий семинарида қилган маърузасида, - у ҳам бўлса, Қозоғистон чўллари, қуйи Волга ҳавзалари, Жанубий-Шарқий Ўралорти минтақалар, Тоғли Олтой, Шарқий Туркистон, Жанубий Сибир, Мўғул дашт-

лари туркий давлатчиликнинг бир неча босқичларида асосий рол ўйнаган. Улар бутун Евроосиё бўйлаб, жумладан Ўрта Осиёда ҳам тубжойли туркий аҳолига таяниб, ўз ҳокимиятларини ўрнатганлар. Ўрта Осиёдаги полиэтник вазият сиёсий жараёнларга жиддий таъсир этмаган. Аксинча бу заминнинг эрон забон бохтар, суғд, хоразм, фраганик, чоч аҳолиси туркий давлатлар химоясида халқаро муносабатлардан, ички маданий-хўжалик тараққиётдан манфаатдор эдилар. Келажакда ушбу қоришув ўзбек халқининг этник асосини ташкил этди; буюк ипак йўли туфайли бошланган иқтисодий, маданий-маънавий ўзаро алоқа ва таъсирлар VI-VIII асрларда турк-суғдий этномаданий симбиозига олиб келди. Пировардида, суғд ва бохтарийларнинг қатта бўлаги ҳамда барча хоразмийлар туркий этнос билан қоришиб, туркий тилни ўзлаштириб олдилар. Суғд ва бохтарийларнинг бошқа бўлаги қисман туркийлар билан қоришиб, ислом динини қабул қилиш жараёнида кучли форс тили муҳити туфайли сомонийлар даврида эрон забон тожик халқи таркибини шакллантирдилар. Суғд, бохтар, хоразмий каби этнослар тарих саҳнасидан тушиб қолди. Уларнинг тиллари амалда қўлланмай кўйилди.

Иккинчидан, яна Евроосиё чўллари қадимги аҳолисининг этник таркибига қайта-диган бўлсак шуниси аёнки, бу минтақаларда туркийлардан бошқа ўзга этник қатламларнинг аста-секин пайдо бўлиши рус подшоси Иван Грозний давридан бошланди (Бахрушин, 1927; Красинский, 1947). Унгача славянлар шарқда Ўрол тоғ тизмаларигача, жанубда эса Ўрол дарёсигача бўлган географик кенгликларда яшаганлар (Арциховский, 1946; Греков, 1946; Третьяков, 1953; БСЭ, том 39, с.291-293).

Учинчидан, бронза даврида яшаган Евроосиё чўл ва дашт минтақалар аҳолисининг археологик маданиятлари (биринчи навбатда андронов ва сруб маданиятлари назарда тутилмоқда) ашёларидаги умумийлик, кулолчилик ва металлургия хунармандчилиги маҳсулотларидаги жуда яқин ўхшашлик, аҳолининг антропологик тузилишидаги умумийлик ва ягоналик

(протоевропа типи) тадқиқотчилар олдида жиддий бир муаммони қўйган эдики, аммо ҳеч бир кимса, нахотки андронов маданиятининг Тоғли Олтойдаги соҳиблари туркийгўй бўлгани ҳолда, унинг тевақатрофларида, Волга дарёсининг куйи ҳавзаларидан то Тува автоном республикаси ҳудудларигача бўлган даштларда яшаган андронов қабилалари эрон забон бўлса, деган саволни ўртага ташламас эди. Чунки собиқ советлар даврида «европацентризм» назарияси маслақдошлари бу мавзуда шунчалар кўп асарлар тўқидиларки, уларнинг маънавий руҳий йўналиши советлар мафқурасининг мазмун ва моҳиятини ташкил қилар эди.

Совет тарихшунослигида орийларнинг келиб чиқиши ва улар дастлаб таркиб топган ҳудудлар ҳақидаги фикр-мулоҳазаларга қўшилса бўлади. Ҳақиқатда орийлар Евроосиё чўл ва дашт минтақаларида кўчманчи чорвадорлар жамоаларида шаклланган бронза даврининг ижтимоий маҳсули. Булар ҳақида биз юқорида алоҳида тўхтадик. Уларнинг милоддан аввалги II-минг йилликнинг ўрталарида жанубга томон юриши ҳақидаги фаразлар ҳам тарихий ҳақиқатни акс эттиради. Аммо, лингвистларнинг уларни эрон забон эканлиги тўғрисидаги абстракт мулоҳазалари ва уларга айрим археологларнинг эргашиши аниқ илмий далилларни талаб этади деб ҳисоблаймиз.

Маълумки, совет тарихшунослигида хуннларни туркий забон қабилалар эканлиги тан олинган. Таниқли тарихчи Л.Н. Гумилев ўзининг «Хунну» асарида хуннлар Хитой тарихида биринчи бор милоддан аввалги 1764 йилда, сўнг мил. авв. 822 ва 304 йилларда тилга олинганини эслайди (Гумилев, 1960, с. 23). Проф. А. Хўжаевнинг ёзишича, кейинги йилларда Хитой ва Япон олимлари ҳамкорликда Хитойнинг 24 жилдли тарихи («Эрши си ши») устида жиддий тадқиқотлар олиб бориб, ана шу изланишлар жараёнида турк атамаси хитой манбаларига бундан камида 4 минг йил аввал кириб келганлигини таъкидлайди (Хўжаев, 2003, 178 б.). Масалан, милоддан аввалги III-минг йилликнинг охириги чорагида Хитойнинг шимолий

ўлкаларида ташкил топган «Шия» кичик подшолиги (м.ил.авв. 2205-1766 й.) ғарбий ва шимолий-ғарбий чегараларида яшовчи туфанг, гуйфанг, куюнг қабилалари устига юриш қилади (Дуан Лянчин. 1-жилд, 124 бет). «Шия» (мил.авв.2205-1766й.), «Шонг» (мил.авв.1766-1122й.) ва «Чжоу» (мил. авв. 1122-771 й.) ҳокимликлари давридаги гуйфанглар динглингларнинг ўзи эди (Дуан Лянчин, 1-жилд, 115 бет). Йирик Хитой тарихчиси Люй Симян «Илгари динлин ёки динглинг деб номланганлар кейинчалик чиле, теле деб аталган. Ҳозир биз уларни умумлаштириб уйғур деб атаёмиз, ғарб мамлакатларида уларни турк деб аташади. Аслини олганда турк (қабиласи) ва уйғур (қабилла иттифоқи) динглинглар таркибидадирлар.... Чилеларни хитойликлар гавчэ (қангли) деб аташган. Мазкур номлар бир-бирларига ўхшамаса ҳам, уларнинг келиб чиқиши бир. Буларнинг теле ва гавчэ деб аталиб қолишининг сабаби шу бўлганки, кумликнинг жанубида яшаб Вэй хонадонига (милодий 220-260) итоат қилганлар гавчэ, кумликнинг шимолида яшаб жужанлар итоатида бўлганлар теле деб аталган (Люй Симян, 1987, 87 бет). Хитой манбаларига кўра, Шия ҳокимлиги даврида (мил.авв. 2205-1766 й.) телелар ва хуннлар «шюнгну» ёки «ху» (хун) деб номланган қабилла иттифоқи таркибида бўлган. Туфанг ва ди аталари ҳам хитой битикларида пайдо бўлган энг қадимги этник номлар ҳисобланади (Хўжаев, 2003, 179). Қадимги Хитой йилномачилари («шилар»)нинг милоддан аввалги 2205 йилдан бошлаб тошга, суякка ва хитой қамишига ёзиб борган битиклари асосида яратилган Сима Цяннинг «Тарихий хотиралар»ида Шимолий Хитойнинг «Шия» кичик ҳокимлигини ғарбий ва шимолий-ғарбий чегараларида «Ху» ёки «Хулу» деб аталган халқлар яшайди (Бичурин, 1950, с. 40). Хитойшунос олим А. Хўжаевнинг айтишича, хулар жойлашган худудларига қараб, ўз навбатида ғарбий ва шарқий хуларга бўлиниб яшашган. Кейинроқ шарқий «ху»лар хитой манбаларида «дунгху» деб аталиб, ушбу атама рус адабиёти орқали ҳозирги замон тилимизга «тунгус» талаффузи билан

кириб келган. «Ху»ларнинг ғарбий бўлаги эса «рунг» ва «ди» деб аталган икки қабиллага бўлинган. «Ди»лар ўз навбатида қизил ди («чи ди»), катта ди («жонг ди»), оқ ди («бай ди») ларга бўлинган. «Рунг»лар эса ғарбий рунг («ши рунг»), тоғли рунг («шан рунг») ва ўрмонли рунг («линг рунг») каби қисмларга бўлиниб яшаган. Хан сулоласи тарихининг «Хунлар тазкираси»нинг иккинчи қисмида «Жанубда буюк Хан мавжуд, унинг шимолида кучли «Ху» мавжуд», яъни хуннлар мавжуд дейилади. Шарқий Хан тарихчиси Чженг Шюан «ху» ҳозирги сюнну», яъни хунндир деб ёзган (Хитой иероглифлар катта луғати, 3-жилд, 1987 й., 2057 бет).

Шундай қилиб, юқорида келтирилган қадимги хитой ёзма манбалари таҳлилига кўра, шимолий Хитой ҳокимликлари «ши» ларининг хотираномаларида «Шия» (мил. авв. 2205-1766 й.), «Шонг» (мил. авв.1766-1122 й.) ва «Чжоу» (мил. авв. 1122-771 й.) кичик подшоликларининг шимолий ва ғарбий чегараларида милоддан аввалги Шиминг йилликнинг иккинчи ярми ва Пиминг йиллик давомида «ху», «ди», «хунн» ва «тиек» номлари остида бирлашган чорвадор туркийгуё қабилла жамоалари яшаганлар. Улар хитой иероглифларида, даврига қараб турлича талаффуз этилган бўлсада, уларни туркий этносга тегишли эканлиги маълум бўлди.

Худди мана шу даврда археологлар Жанубий Сибирда иккита археологик маданият шаклланганлигини қайд қиладилар, яъни жанубий Сибирнинг шарқида глазкова маданияти, ғарбида эса андронов маданияти (Окладников, 1955, с.8). Андронова маданияти Жанубий Сибирнинг ғарбидан то Қозоғистон чўллари ва Ўрол тоғ тизмаларининг жанубий-шарқий минтақаларигача ёйилган. С.В. Киселев милоддан аввалги XVIII асрда Минусинск пасттекислиги ва Енисейгача ёйилган андронова маданияти ёдгорликларининг қуйи Волга, Дон ва Донецк чўлларининг сруб маданияти билан кўп жиҳатдан яқинлигини алоҳида таъкидлаб ўтади (Киселов, 1951, с.100). Улар кенг тарқалган минтақалар қуйи Волгадан то Монголиягача, Жанубий-шарқий Уролдан то Ўрта Осиёгача

чўзилган чўл минтақалари эди (Грязнов, 1956; Кривцова-Гракова, 1955; Формозов, 1951; Черников, 1960; Мошкова, 1962; Сорокин, 1962; Фёдорова-Давыдова, 1964; Давыдова, 1964 Генинг, 1975, Стоколос, 1972; Сальников, 1967; Маргулан и др. 1966; Черных, 1970; Кузьмина, 1963; Итина, 1977; Зданович, 1984, 1988; Аванесова, 1991). Демак, қадимги хитой ёзма манбаларида тилга олинган «Ху», «Ди», «гуйфанг», «туфанг», «рунг», «хунн» ва бошқа этнослар андронова маданияти соҳиблари бўлган. Милоддан аввалги П-минг йилликнинг биринчи ярмида ана шу андронова жамоалари ичидан орийлар келиб чиқди. Демак, орийлар туркий забон бўлган.

Андронова маданияти қабилаларини туркий этносга тегишли эканлиги ҳақидаги фаразлар авваллари ҳам мавжуд эди (Черников, 1957; Аманжулов, 1971, стр. 64-66; его же, 1975; его же, 1980) Энди, уларни туркийда сўзлашганлар, деган ғоя тарафдорларининг сафи ортиб бормоқда (Асқаров, 1996, 71 бет; ўша муаллиф, 2001, 69-72 бетлар; ўша муаллиф, 2002, 55 бет; ўша муаллиф, 2004, 4-6 бетлар; Хўжаев, 2003, 176-184; Исҳоков, 2003, стр.7-12).

Орийларнинг милоддан аввалги П-минг йилликнинг ўрталарида жанубга томон юриши («варварская оккупация») ва уларнинг Ўрта Осиёни ички районларига икки босқичда (1-босқич мил.авв. II-минг йилликнинг ўрталари; 2-босқич мил.авв. II-минг йилликнинг охири чораги) кириб борганлиги археологик материаллар билан тасдиқланади (Массон, 1959, с. 116-118; Асқаров, 1962, с. 28-41; ўша муаллиф, 1989, с.160-166). Орийларнинг Турон дунёсига (Амударёгача) оммавий равишда кириб бориши археологик материалларда яхши кузатилади (Асқаров, 1962, с.35-41), улар қисман Бактрия, Марғиёнага ҳам кириб борганлар (Массон, 1959, с. 116-117). Орийларнинг бронза давридан бошлаб доимий равишда оммавий кириб борган географик кенгликда, яъни Ўрта Осиёда, илк ўрта асрларга келиб турк-суғдий ижтимоий этномаданий майдон ташкил топди. Оқибат натижада ана шу майдон дои-

расида ўзбек ва тожик халқлари шаклланди. Бунинг боиси шуки, бронза давридан бошлаб туркий қабилаларнинг гурух-гурух бўлиб кириб келиши ва уларнинг ўрнашиб қолиши муносабати билан бу заминда туркий этнос қатлами қалинлашди, секин-аста минтақада туркий тил муҳити ҳукмрон бўлиб борди. Бу тарихий ҳақиқат. Аммо, бундай этномаданий жараён Ҳиндистон ва Эрон тепаликларида кузатилмайди. Шунинг учун бронза даврида Эрон ва Ҳиндистонга кириб борган орийлар ўзларидан бир неча бор маданий-хўжалик жиҳатидан юқори турган маҳаллий аҳоли тилини ўзгартириб юборишига ақл бовар қилмайди. Аслида эроний тил тарихий тилшуносларнинг Ригведа ва Авесто тилини ҳозирги замон Европа халқлари тиллари билан қиёсий ўрганишлари натижасида қурилган «Европацентризм» назариясининг маҳсулидир. Ушбу назарияга кўра, Евроосиё чўлларининг чорвадор туркий қабилалари эрон забон эдилар деб эълон қилинди.

Қадимги ҳинд-эронийлар орасида «арья» (озод, эркин, олийжаноб) атамаси кенг тарқалган. Чорвадорларнинг шимол-ий минтақалардан келиб Эрон адирларида ўрнашиб қолган жойлар Авестода Арияна номини олган. Шунинг учун тарихий анъанага кўра, Эрон адирларининг қадимги номи Ариана бўлди. Эрон Ариананинг янги шакли. Аслида, қадимги тарихда Ариана термини нафақат ҳозирги Эрон худуди, балки қадимги эроний тиллар тарқалган географик кенглик маъносида тушунилади. Шу боис, фанда орийларнинг Эрон худудларида қолиб кетганлари эронийлар, Ҳиндистонга йўл олганлари ҳинди-орийлар номини олган.

Шундай қилиб, «орий» термини дастлаб ижтимоий маънода, кейинроқ эса улар маҳаллий аҳоли билан қоришиб кетгач, янги этник мазмун ва маъно касб этди ва улардан сон жиҳатидан бир неча марта кўп бўлган маҳаллий аҳоли тил муҳити таъсирида секин-аста ўз туркий тилларини йўқотиб эронийлашиб кетадилар.

Тарихий тилшуносликка кўра, қадимда Ўрта Шарқ минтақасида орийларнинг бу заминга келгунига қадар хуррит ва элам

тилларида сўзловчи жамоалари каби қадимги форс-дарий тили ҳам мавжуд бўлиши керак. У Эроннинг жанубида форс жамоаларининг она тили бўлган. Чорвадор орийлар дастлаб шу заминда макон топгач, улар маҳаллий форс жамоалари устидан ўз сиёсий ҳокимиятини ўрнатадилар. Бу ҳокимият қадҳудот Аҳамоний авлодлари Чишпиш давридан бошлаб нафақат иқтисодий, балки сиёсий-маъмурий бошқарув тизими таркиб топишига олиб келган, яъни жанубий Эрон доирасида маҳаллий ҳокимлик-Парсада шаклланади. Аҳамоний Кир ва Доро I даврида бу подшолик империя даражасига кўтарилди. Форс тилининг давлат тили сифатида мавқе ва ёйилиш доираси кенгайди.

Шундай қилиб, милoddан аввалги II-минг йилликнинг иккинчи ярми ва I-минг йилликнинг бошларида юз берган тарихий жараёнларнинг мантиқий ҳулосаси шуки, аҳамонийларнинг келиб чиқиши бу заминга Евроосиё чўлларидан кириб келган туркий-гўй орийлар эди. Улар кўп ўтмай маҳаллий аҳоли тил муҳити ва маданий-хўжалик таъсирида эронийлашадилар. Шунинг учун ҳам Кир II ва Доро I қоятошларга битилган китобларида ўзларини «ҳақиқий орий» эканликларини алоҳида таъкидлайдилар. Нафақат улар, ҳатто кушон подшоларининг (масалан, Рабатак битигига кўра) асли зоти орий, яъни туркий эканлигига ишора қилинади. Парс подшолари ўзларининг келиб чиқишларини эслайдилар ва алоҳида қайд этадиларки, улар «аҳамонийлар» уруғидан, Парс қабиласи (ёки қабила идтифоқи, вилояти) дан эканликлари ва уларнинг таг-томири орийларга бориб тақалади (М. Дьяконов, 1961, с.67).

Археологик адабиётларда, кейинги йилларда орийларнинг келиб чиқиши ва уларнинг илк ватани ҳақида мавжуд тасаввурларга зид ўлароқ ғайри табиий мулоҳазалар пайдо бўлиб қолди. Ана шулардан бири Бактрия ва Марғиёна археологик комплекси соҳибларининг орийларга тегишли эканлиги ҳақидаги фараздир.

Фандаги мавжуд тасаввурларга кўра, одатда археологик комплексларда от ва у билан боғлиқ асбоб-анжомларнинг учра-

ши орийни аниқловчи белгилардан бири сифатида тан олинган. Мана шу тасаввурга асосланган проф. В.И. Сарияниди Мурғоб воҳасидаги бронза даврига оид Гонуртепа шаҳар харобаси яқинидан топилган Гонур некрополи мазорлари орасидан тойча мазорини учратади. Тойча оддий мазорда худди одам жасадларидек ғужанак ҳолатда, фақат бош чаноқсиз ётар эди (Сарияниди, 2001, с.37). В.И. Сарияниди мана шу ягона тойча мазорига асосланиб, Марғиёнадан топилган тойча қабри «индоарийлар кўчманчи андронива қабилаларидир, улар дастлаб шаклланган минтақалар Волга-Дон, Ўрол орти вилоятлари ва ғарбий Қозоғистон чўллари бўлиб, улар бу ҳудудлардан милoddан аввалги II-минг йилликнинг ўрталарида отларда ва от ва хўкиз қўшилган жанговор араваларда жанубга кириб келадилар» (Кузьмина, 1994, с.169-170), деган анъанавий қарашларни қайта кўриб чиқишни тақозо этади. Агар Шимолий Покистоннинг Сват қабристонидан ярим аср аввал топилган иккита от қабрини ҳам ҳисобга оладиган бўлсак, у ҳолда Бактрия-Марғиёна археологик комплекси (БМАК) соҳиблари индо-эронийлар бўлиб чиқади (Сарияниди, 2001, с. 39-43), деган ғояни ўртага ташлайди. Афсуски, БМАК базасида орийларни қидириш ҳали кўп илмий исботни талаб қилади.

Яқуний ҳулоса: орийлар Евроосиё чўл ва дашт минтақалари чорвадор қабилаларининг иқтисодий юксалишидаги кўчманчилик ҳаёт босқичининг ижтимоий маҳсули, уларнинг ташаббускор ва тадбиркор жанговор қатлами, туғилиб келаётган дастлабки синфий жамиятнинг аслзодалар табақасидир. Улар тарихий тилшунослик ва археологик тадқиқотларга кўра, аслида эроний тил соҳиблари эмас, балки қадимги Хитой кичик подшоликлари «ши»ларининг йилномалари таҳлилига кўра (ҳеч бўлмаганда андронива қабилалари), туркийда сўзлашганлар. Уларнинг милoddан аввалги II-минг йилликнинг ўрталаридан ҳаёт тақозосига кўра жанубий ўлкаларга, айниқса Ўрта Осиё минтақаларига оммавий равишда кириб келганликлари археологик материалларда ҳам кузатилади. Улар кенг кўламда тарқалган ва доимий

кириб келиб ўрнашиб қолган ҳудудларда (Жанубий Туронда) илк ўрта асрларга келиб турк-суғдий ижтимоий этномаданий майдон таркиб топди. Оқибат натижада, бу тарихий майдон доирасида ўзбек ва тожик халқлари шаклланди. Эрон, Афғонистон, Покистон ва Шимолий Ҳиндистон ҳудудларига орийларнинг кириб бориши археологик материалларда яхши кузатилмаसाда, баъзи бир олимлар (С.П. Толстов, М.А.Итина) ҳинд водийси цивилизациясининг ҳалокатини орийларнинг хужуми билан асослашга уринадилар. Бошқа гуруҳ олимлар эса (Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин) хараппа цивилизацияси ҳалокати билан орийларнинг ҳинд водийсига кириб келиш вақти тўғри келмаслигини тақидлайдилар.

Бизнингча, милоддан аввалги II-минг йилликнинг иккинчи ярми давомида орийларнинг қайси бир бўлаги Эрон, Афғони-

стон ва шимолий Ҳиндистон ҳудудларига кириб борганлар. Буни қадимги ёзма манбалар-Ригведа ва Авесто ҳам тасдиқлайди. Аммо, орийлар на Ҳиндистон, на Шарқий Хуросон ва Эроннинг маҳаллий аҳолиси тилини ўзгартириб юбора олмаган. Аксинча, Жанубий Эрон-Парсда маҳаллий асосда таркиб топган қадимги форс-дарий тили орийларнинг маҳаллий жамоалар устидан ўрнатган хукмронлик сиёсати туфайли ўсиб ва ривожланиб борган ва унинг географик доираси кенгайишига кейинги тарихий жараёнлар кенг имкониятлар яратган.

Демак, Ариана учун эроний тил ташқаридан кириб келмади, аксинча ўзга юртнинг истилочилари тили маҳаллий тил томонидан ассимиляция қилинди.

Адабиётлар

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
2. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
3. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
4. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
5. Арциховский А.В. Культурное единство славян в средние века // «Советская этнография» №1. М., 1946.
6. Аманжулов А.С. Рунообразная надпись из сакского захоронения близ Алматы // «Вестник АН Каз.ССР» №2, Алматы, 1971.
7. Аманжулов А.С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дисс. Алматы, 1975.
8. Аманжулов А.С. Тюркская руническая графика. Алматы, 1980.
9. Асқаров А. Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962.
10. Асқаров А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
11. Асқаров А. Мустақиллик йилларида тарих, археология ва этнология // Ўзбекистонда ижтимоий фанлар, №6, Тошкент, 1996.
12. Асқаров А. Об исконной родине расселения древних тюрков // ИМКУ, вып. 32. Ташкент, 2001.
13. Асқаров А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик асослари // Ўзбекистон тарихи, №4, Тошкент, 2002.
14. Асқаров А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик масалалари. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. Тошкент, 2004.
15. Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
16. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв. М., 1927.
17. Бернштам А.Н. Спорные вопросы истории кочевых народов в древности // КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957.
18. Бичурин Н.Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1, М.-Л., 1950.
19. Большая Советская Энциклопедия, том 3. М., 1950.
20. Большая Советская Энциклопедия. Том 39. М., 1956.
21. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. М., 1969.
22. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От скифии до Индии. М., 1983.
23. Братченко С.Н. Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона. Авт. канд. дисс. Киев-1969.

24. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
25. Вендидат, 1-боб. // История древнего Востока. Тексты и документы. М., 2002.
26. Wasmer M. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig, 1923.
27. Генинг В.Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н.э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов, часть 1. Киев, 1975.
28. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 1970.
29. Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972.
30. Греков Б. Роль славян в истории мировой культуры // Славяне, №1. М., 1946.
31. Гумилов Л.Н. Хунну. Середняя Азия в древние времена. М., 1969.
32. Грязнов М.П. Племена Сибири и Казахстана в эпоху бронзы // Очерки истории СССР. М., 1956.
33. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. М.-Л., 1956.
34. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.
35. Дуан Лянчин. Динглинлар, қангқилар ва турулар. 1-жилд, Урумчи, 1996.
36. Дьяконов И.М. История Мидии. М.-Л., 1956.
37. Дьяконов И.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
38. Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урала-Казахстанских степей // Бронзовый век Урала-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
39. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урала-Казахстанских степей. Челябинск, 1988.
40. Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит. М., 1960.
41. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
42. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
43. Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории, №3, М., 1946.
44. Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963.
45. Кузьмина Е.Е. Сложение скотоводческого хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974.
46. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
47. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
48. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
49. Kupper J.R. Les nomades en Mesopotamie au temps des rois de Mari. Paris, 1957.
50. Kupper J.R., Akten des XXIV Internationalen Orientalisten Kongresses, Wiesbaden, 1959.
51. Люй Симян. Чжунгтуо минзу ши (ХХР халқлари тарихи), Шанхай, 1987
52. Миллер В. Осетинские этюды. М., 1987.
53. Mirsadiq Isxaqov. Eski turk yazitlarin cogrofiyasi ve turk etnogenez surejlarin tarihi o'rtami. Turkistan Qozok-turk universitetin «Turkologia» Jurnalın №2. Turkestan-2003. (Исхоков М. Қадимги туркий ёзма ёдгорликлар географияси ва туркий халқлар этногенетик муносабатлар масалалари. Туркистон Қозоғ-турк университети-нинг «Туркология» журналі №2. Туркистон-2003).
54. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. М., 1962.
55. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
56. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959.
57. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, часть 3, М.-Л., 1955.
58. Oldenberg H. Die Religion des Veda. Berlin, 1894.
59. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
60. Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и Иранское язычество. М., 2001.
61. Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов. СА. №3. М., 1957.
62. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
63. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
64. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тати-Бутак. М., 1962.
65. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
66. Стрижак О. С. Гидронимия среднеднепровского левобережья. Авт. канд. дисс. Киев, 965.
67. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
68. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
69. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953.
70. Топоров В.Н., Трубаев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
71. Фёдорова-Давыдова Э.А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. М., 1964.
72. Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК, вып. XXXIX, М., 1951
73. Ханной дазидян (Хитой иероглифлари қатта лугати), 8 жилдди. Сичуан, 1987.

74. Хитой тили катта иероглифлар лугати, 3-жилд, 2057 бет.
75. Хўжаев А. Қадимги Хитой манбаларидаги туркий халқларга оид айрим этнонимлар. «Ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият. Тошкент, 2003
76. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л., 1960.
77. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970
78. Щербак А.М. О рунической письменности в юго-восточной Европы // Советская тюркология. №4. М., 1971.
79. Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 6-жилд. Тошкент, 2003.

А. Аскарлов

АРИЙСКАЯ ПРОБЛЕМА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ

В исторической науке сформировалось представление о том, что, согласно древним письменным источникам (Ригведа и Авеста), Иран и Индия в середине II тыс. до н.э. были завоеваны арийцами. На вопрос «кем были арийцы?» еще в XIX в. на основе лингвистического анализа текстов «Ригведы» и «Авесты» специалисты по исторической лингвистике утверждали, что это древние индоиранские племена, которые вели пастушеский образ жизни; боги индоиранского пантеона носят эпитеты «владыка обширных пастбищ», «посылающий прекрасно конное богатство»; в обращенных к богам молитвах их просят «оросить пастбища, даровать коней и быков»; в жертву им приносят коней, быков и баранов; боги изображаются едущими на конных колесницах, бог-творец Тваштар считается первым строителем колесниц (отсюда следует, что индоиранцы были хорошо знакомы с колесницами). Общеиндоиранскими являются названия разных типов колесного транспорта: колесницы, ее частей, упряжи, названия предметов одежды кочевников-степняков (Смирнов, Кузьмина, 1987, с. 52; Geiger, 1882; Oldenberg, 1894).

Эта хозяйственно-бытовая картина индоиранских племен, охарактеризованная на основе лингвистического анализа, хорошо отражена в археологических комплексах Евразийских степей (Кузьмина, 1974, с.42-45; Kupfer, 1957; 1959, p.152). Удалось определить археологические признаки захоронения арийца, согласно которым: во-первых, могила умершего арийца должна быть отмечена огромным курганом с учетом его высокого положения в обществе (наподобие кургана Солоха, Аржана, Тегискена, Новокумак-25, Куль-Оба и др.); во-вторых, могила арийца находится под центральной частью кургана с богатым погребальным инвентарём и соответствующими военными доспехами; в-третьих, могила арийца сопровождается насильственно убитыми боевыми конями;

в-четвёртых, могила арийца должна сопровождаться насильственно умерщвленной одной из его жен, а также с богатым погребальным инвентарем и золотой колесницей.

Именно на основе этих признаков, характерных для арийца, археологи стремились обосновать научную состоятельность теории лингвистов о происхождении индоиранских племен и определить их первоначальную родину, т.е. они начали искать топонимы, подтверждающие то, что степи Северного Причерноморья в древности были прародиной индоиранских племен; что название легендарной реки Ранха было иранское название Волги; проводились исследования о влияниях индоиранских языков на финно-угорские (Vasmer, 1923; Абаев, 1949; его же, 1972; Топоров, Трубачев, 1962; Стрижак, 1965; Барроу, 1976; Миллер, 1987).

В 1960-х годах среди археологов и лингвистов укрепилась гипотеза о расселении индоиранцев во второй половине II тыс. до н.э. в степях к востоку от Волги и отождествлении их с носителями андроновской культуры (Дьяконов, 1956, с.124-125; Иванов, Топоров, 1960, с.13; Дьяконов, 1961, с.40-43; Бонгард-Левин, Ильин, 1969, с. 121-124; Грантовский, 1970, с. 358-360; Гафуров, 1972, с.27-33; Смирнов, Кузьмина, 1977, с.52). Согласно этой гипотезе, обитавшие до этого в низовьях Дона носители абашевской и палтавкинской культур (Братченко, 1969, с.20-23; его же, 1976, с.117-118) появляются на бассейнах Волги и ассимилируются с местными племенами (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 51-52), в результате чего под влиянием новых субстратов от нижней Волги до юго-восточного Зауралья образовались новые археологические комплексы, одним из которых является новокумакский комплекс андроновской культуры (Смирнов, Кузьмина, 1977, с. 26-33). Памятники новокумакского типа генетически связаны с алакульскими памятниками; они древнее ала-

кульского комплекса андроновской культуры. Обряды захоронения новокумакского этапа, как и у андроновцев, идентичны, в обоих случаях умершим состоятельным членам общества приносят в жертву коня или бычка и барана.

Таким образом, К.Ф. Смирнов и Е.Е. Кузьмина пришли к выводу о том, что в решении индоиранской проблемы огромную роль сыграл западный импульс, который способствовал формированию новокумакского археологического комплекса андроновской культуры (Смирнов, Кузьмина, 1977, с.52). Относительно принадлежности к индоиранским племенам носителей срубной и андроновской культур говорят и многие другие археологи. К такому выводу пришел первым С.П. Толстов (Толстов, 1948, с.68, его же, 1962, с.59-60), его мнению следовал А.Н. Бернштам, считая, что Индия была завоевана арийцами, т.е. носителями андроновской культуры (Бернштам, 1957, с.19). Археолог С.С. Черников считал, что носители андроновской культуры, скорее всего, относились к разноразличным этносам (Черников, 1960, с.112). Однако его взгляды по обеим версиям также не устраивали сторонников теории «европацентризма». Наоборот, его оппоненты приводили новые и новые доводы, согласно которым убедительно доказывается генетическое родство между срубно-андроновскими племенами и саврамато-саками (VII-V вв. до н.э.) на археологических материалах, что подтверждаются письменными источниками античных авторов (Бернштам, 1957; Смирнов, 1957; его же, 1964; Кузьмина, 1963; Акишев, 1973, с.43-58).

Однако такая гипотеза основана на расовом и культурном единстве народов, входящих в индоевропейскую систему языков. В самом деле, на основе археологических источников можно судить не о языке носителей срубной и андроновской культур, а лишь о хозяйственной и бытовой их деятельности, ибо окончательное решение вопроса требует подтверждения письменными источниками и многими другими дополнительными материалами. В действительности под этой гипотезой

скрывается политический аспект теории «европацентризма», согласно которому европейские страны получают «законное право» на порабощение азиатских и африканских народов. Расистская черта «европацентризма», хотя была раскритикована Советами (БСЭ, том №3, 1950, с.3), но колониальная сущность этого явления осталась в тени. Если принять во внимание, что колонизаторская политика Российской империи распространялась на восток со времени правления царя Ивана Грозного (до 16 века славяне расселились на Востоке до Уральских хребтов), не говоря уже о завоевательных походах царской России в Среднюю Азию, то становится ясным, что теория «европацентризма» пришлась по душе и политикам Советов.

Согласно Ригведе и Авесте слово «арий» первоначально относилось к местным ираноязычным племенам и означало «чужой», «иноземец», «завоеватель», потом он приобрёл смысл «хозяин», «аристократ», «господин». Ахурамазда создал страну арийцев, «Арьянам Вайджа» у Даитии, которая богата скотом и пастбищами. «Десять месяцев там зимние, два летние, и в эти [зимние месяцы] воды холодные, земли холодны, растения холодны там в середине зимы, там в сердцевине зимы; там зима, [когда] идёт к концу, там большое половодье» (Вендидад, гл. 1, с. 431). С.П. Толстов допускает, что река Даития возможно, авестийское название Амударьи. Если так, то Древний Хорезм в эпоху бронзы мог быть всего лишь южной частью «Арьянам Вайджи», богатой скотом и пастбищами.

По нашим представлениям, территория «Арьянам Вайджа» очень обширна, т.е. простирается по степям от северных и северо-восточных берегов Черного моря до озера Байкала. Ее северная граница, согласно Авесте, смыкается со славянскими лесами, где зима длится до десяти месяцев в году. Согласно археологическим исследованиям, проводимым в этих удобных для скотоводства просторных степях, в первой половине II тыс. до н.э. на базе кочевого скотоводства развивается коневодство. Коневодство является важным фак-

тором при переходе от яйлажного скотоводства к кочевому. Оно привело к коренным изменениям в социальной и экономической жизни общества. В итоге в структуре скотоводческой общины сложилась крупная частная собственность – в руках крупных скотовладельцев сосредоточились десятки загонов, полных скота.

Известно, что в скотоводческом хозяйстве по сравнению с земледельческим более интенсивно происходит процесс имущественной дифференциации. По этой причине жизненно важной задачей для скотоводов стала охрана стад и выпас скота. Для нужд интенсивно растущего кочевого скотоводства постоянно требовалось расширение и завоевание новых пастбищ, что привело к созданию боевого отряда конников в составе скотоводческих общин. Всё это произошло естественным образом в середине II тыс. до н.э.

В социальной жизни общества эти всадники составляли свободную, подвижную военную прослойку, являясь опорой крупных скотовладельцев. Эти отряды всадников и члены их семей, в отличие от простых членов общины, в «Авесте» назывались «азадами» т.е. арийцами. Отечество их – «страна арийцев», «арийские просторы», «Ариана» т.е. «Арьянам Вайджа». Основное богатство населения этой страны – многочисленные стада мелкого и крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов. Повседневная бытовая жизнь строилась на основе степных условий кочевых общин.

Как отмечалось выше, скотоводство – более доходное хозяйство, чем земледелие и быстрее способствует обогащению, а, как известно, «аппетит приходит во время еды». Возможности периода военной демократии – переходного этапа от первобытно-общинного строя к первому классовому обществу приводили к частым столкновениям, межплеменным раздорам ради захвата все новых и лучших пастбищ. Иногда эта борьба носила перманентный характер. В таких условиях требовались подвижные и ловкие, сильные и крепкие богатыри, инициативные и рассудительные военные конники. Когда в быту ско-

товодческих племен утвердился кочевой образ жизни, открылись широкие возможности для воспитания профессиональных воинов. Воспитание в духе преданности традициям предков весьма характерно для тюркоязычных племен Евразийских степей. Поэтому в древности и средневековье степные племена с малых лет воспитывали в своих детях навыки военного дела, которое стало престижным занятием; стремление к войне и подвигам стало жизненной программой для многих молодых тюрков. В конечном итоге боевой дух переходного этапа привел к тому, что завоевание чужеземных владений превратилось в важный источник обогащения скотоводческих племен. Именно эти военные конники скотоводческих племен чувствовали себя вольно и свободно в жизни, не ощущали никакой зависимости ни перед кем, кроме богов, чувствовали себя и экономически, и политически независимыми азадами-арийцами. Согласно общинных традиций того периода близкие и соплеменники арийцев также считали себя принадлежавшим к арийцам. Однако, как нам кажется, приоритеты и привилегии истинных арийцев, в первую очередь, принадлежали детям состоятельных семей. Поэтому, в конечном итоге, воспитание молодого поколения сводилось к формированию в лице каждого молодого воина истинного арийца. Это означает, что арийцы, являясь социальным явлением развития кочевого этапа жизни скотоводческих племен, составили самый инициативный и образованный слой общества, аристократический пласт только что создаваемого раннеклассового общества.

Даже в археологической науке паниризмский дух проник в научно-идейную направленность археологических исследований и повернул их в сторону теории «европацентризма». Особенно этот дух ощущается при изучении памятников скотоводческих племен Евразии в эпоху бронзы. В археологической историографии советского периода содержится информация о том, что в священных книгах Ригведы и Авесты благородная страна арийцев – «Арьянам Вайджа» богата ско-

том и пастбищами, о завоеваниях арийцами северо-западной Индии и Ирана в середине II тыс. до н.э., о распространении предков индоарийских племен в степях Евразии, об их обычаях, об идентичности культуры и языка, об единстве религиозных представлений и, наконец, отмечается общая основа словарного фонда (Толстов, 1948; его же, 1962; И.Дьяконов, 1956; Бернштам, 1957; Смирнов, 1957; Иванов, Топоров, 1960; М.Дьяконов, 1961; Грантовский, 1970; Бонгард-Левин, Ильин, 1969; Кузьмина, 1963; Смирнов, Кузьмина, 1977; Акишев, 1973; Кузьмина, 1994).

Соответственно, согласно индоевропейской теории, ассимиляция индоиранских племен с местными и освоение ими арийского языка, в конечном счете, привели к утверждению здесь иранской системы языков. Это идея продолжает жить в научных кругах даже и независимого Узбекистана («Ўзбекистон миллий энциклопедияси», том 6, 2003, с.563). Подобные гипотезы в сферах общественно-гуманитарных наук свидетельствуют о многочисленных «белых пятнах» в истории Узбекистана, которые ожидают своего научно-объективного решения.

Вопреки индоевропейской теории, принятой в былой советской науке, нами выдвигается положение о тюркоязычной принадлежности населения Великой степи, считавшегося ранее ираноязычным. В частности, речь идет о носителей андроновской культуры, широко распространенной на огромных просторах Великой степи. В древности и средневековье, как и в эпоху бронзы, тюркский этнос был широко распространен не только по Горному Алтаю, но и по Средней и Нижней Сырдарье, а на Востоке его границы простирались до Минусинской котловины. Эти регионы впоследствии не зря носили название «Дашти Кипчак». В древности современный Ташкентский оазис, вся территория Казахстана, Семиречье, Горный Алтай, Южная Сибирь и Восточный Туркестан считались родиной тюркоязычных народов, говоривших на различных диалектах.

В советской науке прошлых лет в этом

вопросе на основе выявленной ранее близости языков «Авесты», «Ригведы» и современных европейских языков преобладала точка зрения об индоиранской языковой принадлежности древних народов как Великой степи, так и Средней Азии. В результате сложилась традиционная точка зрения о том, что изначальная прародина индоевропейцев находится в районах Зауралья, к юго-востоку от Уральского хребта, и что первоначальными носителями языков арийцев были степные племена (Кузьмина, 1994). Положение об ираноязычности автохтонных степных племен, принятая на основе связи, существующей между языком «Авесты» и «Ригведы», не оставляет в степной зоне места тюркскому этносу, поэтому предполагалось, что зона расселения тюркоязычных племен ограничивалась в древности Горным Алтаем, а вся периферийная зона, вплоть до Байкала, считалась заселенной ираноязычными племенами.

Так ли это? Материальная культура, антропологический облик близки у населения Великой степи, а во многих случаях даже идентичны, неужели носители культуры Горного Алтая говорили по тюркски, а население окружающих их зон было ираноязычным? Во-первых, здесь речь идет об этнолингвистических процессах, происходивших 3,5 тысячи лет тому назад в степях Евразии и об их языках. Согласно историческим данным, в этом и последующих периодах здесь проживали тюркоязычные племена. Конечно, язык неразрывно связан с письменной культурой, одним из ведущих факторов в этнической консолидации, что ведет к социально-экономической, политической и культурной сплоченности. В то же время письменность играет важную роль в объединении родоплеменных языков в язык этноса и тесно связан с этногенезом и этнической историей тюркоязычных народов. Расселение тюркских этносов можно проследить путем изучения географического распространения древнетюркских письменных памятников.

Согласно информации согдолога М. Исхакова, древнетюркская письменность

имела множество своих местных вариантов (Исхаков, 2003, с. 7-12). Древнетюркские письменные памятники встречаются не только на Орхоне и Енисее, но и в Южной Сибири, в Горном Алтае, в Якутии, в бассейнах рек Обь и Иртыш, от Монголии до Семиречья, в долине Таласа, в Ферганской долине, в Кашкардарьинском оазисе, в степях Казахстана, Поволжье, в бассейне реки Дона, на Северном Кавказе, в бассейне реки Кубань, в Крыму, в Молдове, в Венгрии и Болгарии. Распространение древнетюркской письменности до бассейна Дуная свидетельствует о широкой арене формирования в древности тюркского историко-культурного, социально-политического пространства.

В период средневековья в связи с наступлением славян на юг в Восточной Европе в цепи тюркского этноса хотя и произошёл небольшой перерыв, то Поволжье, на Северном Кавказе, северо-западном Каспии, в Крыму и в Молдове до настоящего времени проживают тюркоязычные народы. Болгары в последнее тысячелетие под влиянием господствующей языковой среды стали славяноязычными. Мадыры, принадлежавшие к алтайской семье языков, до сих пор проживают на берегах Дуная. Признание дон-кубанского комплекса письменных памятников, вариантами тюркской письменности, не оставляет никаких сомнений в принадлежности к тюркскому этносу. В этом плане весьма важно мнение известного лингвиста А.М. Щербак, который пришёл к выводу, что «обнаруженное значительное число образцов тюркской письменности в бассейне Дона от Новочеркасского вплоть до Воронежа можно считать принадлежащим к печенегам» (Щербак, 1971, с.27-34).

Профессор М. Исхаков на основе изучения географического ареала распространения древнетюркских письменных памятников пришёл к выводу, что масштаб распространения тюркской письменности на тысячи километров, по долинам и оазисам Евразийских степей и сложение её нескольких местных вариантов не предполагает географического ограничения лишь территорией только Горного Алтая, Вос-

точного Туркестана и Южной Сибири, так как по находкам письменных памятников тюркоязычные племена с древнейших времен являлись автохтонным населением всей внутренней части Центральной Азии - от Якутии на востоке до Дуная на западе и от севера кипчакской степи до южного Турана (Исхаков, 2003, с. 7-12).

К сожалению, в исторической науке утвердилось мнение о том, что тюркоязычные племена пришли сюда как «переселенцы», «завоеватели», «оккупанты». Подобное утверждение не имеет научной основы. Действительно, в древнейшей и древней истории наших народов переселение имело место. Например, в эпоху бронзы переселение древних земледельцев было связано с освоением плодородных земель, а переселение кочевых племен было связано с захватом пастбищ для скота.

Однако эти переселения не означали, что с древнейших времен в Средней Азии жили только ираноязычные племена. Одновременно в этих территориях бок о бок с ними обитали и тюркоязычные племена и народы. Это историческая истина, начиная с эпохи бронзы, хорошо прослеживается на археологическом материале.

Как говорил на научно-теоретическом семинаре ТГПУ им. Низами согдолог профессор Мирсадик Исхаков - Есть одна историческая действительность, то, что на нескольких этапах становления тюркской государственности большую роль сыграли степи Казахстана, бассейны Нижней Волги, юго-восточные регионы Зауралья, Горный Алтай, Восточный Туркестан, Южная Сибирь и степи Монголии. По всей Евразии, в частности и в Средней Азии, опираясь на местные, ранее осевшие тюркские племена, утвердили свою власть. Однако полиэтничная ситуация в Средней Азии не повлияла серьёзно на политические процессы. Наоборот, автохтонные ираноязычные бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы, население Чача и древней Ферганы, пользуясь покровительством тюркских государств, были заинтересованы в международных связях и хозяйственно-культурном развитии.

Благодаря Великому шёлковому пути,

начавшееся бурное развитие социально-экономических и духовно-культурных взаимоотношений и влияний в VI-VIII вв. привело к турко-согдийскому альянсу, в результате чего значительная часть согдийцев и бактрийцев, а также хорезмийцев, полностью ассимилировавшись с тюркоязычными племенами, осваивала тюркский язык. Впоследствии эти ассимиляционные процессы привели к формированию узбекской народности. Другая часть согдийцев и бактрийцев ассимилировалась частично с тюркоязычными племенами. В период исламизации, под сильным влиянием персидского языка в период саманидов образовался ираноязычный таджикский народ. Этнос сугд, бахтарий, хоразмий и подобные им народности исчезли с исторической арены и их языки вышли из обихода.

Во-вторых, если вновь обратимся к этническому составу древнейшего населения Евразийских степей, то в этих регионах другие этнические пласты, кроме тюркских, постепенно начали появляться с периода правления русского царя Ивана Грозного (Бахрушин, 1927; Красинский, 1947). До этого славяне жили на востоке до Уральских хребтов, на юге - до реки Урала (Арциховский, 1946; Греков, 1946; Третьяков, 1953; БСЭ, 1956, том 39, с.291-293).

В-третьих, хорошо выявляемое на археологических материалах культур Евразийских степей эпохи бронзы (в первую очередь андроновской и срубной культур) близкое сходство и порой идентичность, близкие параллели, проходящие в керамическом и металлургическом производствах, единство и однотипность в антропологическом облике племен поставили перед исследователями серьезнейший вопрос о языковой принадлежности населения Великой степи. Однако ни один из исследователей не ставил вопроса о том, логично ли предполагать, что андроновцы Горного Алтая являлись тюркоязычным племенем, а носители андроновской культуры окружающих его территорий были ираноязычными? Потому что в период бывшего Советского Союза так много бы-

ло сочинено научной литературы сторонниками индоевропейской теории, идейно-духовное направление которой составила идеологическая политика колонизаторов.

Необходимо отметить, что можно согласиться с историко-археологической трактовкой о происхождении арийцев и научной интерпретацией об их исконной родине. В действительности арийцы – это социальная прослойка, формировавшаяся в общине кочевых скотоводов Евразийских степей. О чем говорилось выше. Вопрос наступления их на юг в середине II тыс. до н.э. также соответствует исторической действительности. Однако утверждения лингвистов, основанные, на наш взгляд, на абстрактных рассуждениях об их ираноязычности и старания отдельных археологов вслед за ними искусственно доказать правоту лингвистов, ещё требуют конкретных весомых научных доказательств.

Известно, что в советской исторической историографии принято считать, что хунны являются тюркоязычными племенами. Известный тюрколог Л.Н. Гумилев в своей монографии «Хунну» пишет, что в китайских источниках хунны как этнос впервые упоминаются в 1764 г. до н.э., потом ещё 822 и 304 гг. (Гумилев, 1960, с.23). По сообщению проф. А. Ходжаева, в последние годы китайские и японские ученые проводили серьёзные совместные исследования для 24-х томной истории Китая («Эрши си ши») и установили, что термин «тюрк» в разных вариантах встречается в китайских источниках, начиная с 2205 года до н.э., т.е. более 4-х тысяч лет назад (Ходжаев, 2003, с.178). Например, отряды северной провинции царства «Шя» (2205-1766 гг.) напали на племя «туфанг, гуйфанг, куюнг, которые обитали на западной и северо-западной границе Китая (Дуан Лянчин, том 1, с.124). Племя гуйфанг при северных царствах «Шя»(2205-1766), «Шонг» (1766-1122) и «Чжоу» (1122-771) - это и есть динглинг (Дуан Лянчин, том 1, с.115). Крупный китайский историк Люй Симян пишет, что «ранее названное динглин или динглинг - позднее именовалось как чилэ или теле. Сейчас мы их называем «уйгур»,

а на западе их называют «тюрк». На самом деле тюрк и уйгур были в составе племенного союза динглинг. Китайцы чилэ (теле) называют также «гавчэ» («Кангли»). Хотя и эти имена внешне не похожи друг на друга, но они едины по происхождению. Именуемая их причина «теле» и «гавчэ» происходила от того, что (когда их застали китайские историки-«ши» - А.А.) часть из них, обитавшая на юге Больших Песков и подчинявшая династию Вэй» (220-260 годы) называлась «гавчэ»; другая часть, обитавшая на севере тех же песков и подчинившаяся племенам жужан именовалась теле (Люй Симян, 1987, с. 87). Согласно китайским письменным источникам, во время царства «Шя» (2205-1766 годы) племена «теле» и «хунну» вошли в состав племенного союза «шюнгну» или «ху» («хун»). Термины «туфанг» и «ди» являются самыми ранними этнонимами в китайских источниках (Ходжаев, 2003, с.179). В «Исторических записках» Сыма Цяна, основанных на данных древнекитайских источников, написанных на камне, кости и китайском тростнике, начиная с 2205 года сказано, что на западной и северо-западной границе Северного царства «Шя» проживают народы «ху» или «хулу» (Бичурин, 1950, с.40). По мнению китаевода профессора А.Ходжаева племя «ху» по географическому расположению делится на западный и восточный «ху». Позднее в китайских источниках этноним «ху» назван «дунгху». Этот термин через русскую литературу вошел в наш язык как этноним «тунгус». Западное крыло «ху» делится на два племени, т.е. на «рунг» и на «ди». В свою очередь, делится на красный ди («чи ди»), большой ди («жонг ди») и белый ди («бай ди»). Племя «Рунг» делилось на западный рунг («ши рунг»), на горный рунг («шан рунг»), на лесной рунг («линг рунг»). Во второй части «антологии хуннов» истории династии Хан написано, что «на юге существует великий Хан, на севере его имеется сильный Ху» т.е. находится «хунну». Историк Восточного Хана Чженг Шюан писал, что «ху - настоящие сюнну» т.е. «хунну» (Большой словарь китайских иероглифов. Том 3,

1987 г., с. 2057).

Таким образом, на основе анализа вышеотмеченных древнекитайских письменных источников, в записках «ши» царства Северного Китая «Шя» (2205-1766), «Шонг» (1766-1122) и «Чжоу» (1122-771) на северо-западной границе во второй половине III и на протяжении II тыс. до н.э. под названиями «ху», «ди», «хунн» и «тиек» жили тюркоязычные скотоводческие племена. Хотя в китайских иероглифах они произносились по-разному, принадлежность их к тюркскому этносу не вызвала сомнений. Именно, в эти периоды на территории Южной Сибири сложились две археологические культуры: на востоке Южной Сибири - глазковская культура, а на западе - андроновская (Окладников, 1955, с.8). Носители андроновской культуры распространились с запада Казахстана вплоть до северо-восточного региона Уральских хребтов. С.В. Киселев особо подчеркивает, что памятники андроновской культуры, распространенные в XVIII столетии до н.э. в Минусинской котловине и в бассейнах Енисея во многом были близки к срубной культуре степей Нижней Волги, Донца и Дона (Киселев, 1951, с. 100). Районы широкого распространения их простирались от степей Нижней Волги до Монголии, с северо-востока Уральских хребтов вплоть до Средней Азии (Грязнов, 1956; Кривцова-Гракова, 1955; Формозов, 1951; Черников, 1960; Мошкова, 1962; Сорокин, 1962; Фёдорова-Давидова, 1964; Давыдова, 1964; Генинг, 1975; Стоколос, 1972; Сальников, 1967; Маргулан и др., 1966; Черных, 1970; Кузьмина, 1963; Итина, 1977; Зданович, 1984; его же, 1988, Аванесова, 1991 и др.). Значит, упомянутые в древнекитайских источниках этнонимы «ху», «ди», «гуйфанг» «туфанг», «рунг», «хунн» и «чилэ» означают носителей андроновской культуры. Именно из этих андроновских общин во II тыс. до н.э. вышли арийцы. Следовательно, арийцы произошли из тюркских кочевых скотоводческих племен.

Положение о принадлежности к тюркоязычному этносу носителей андроновской культуры было высказано и раньше

(Черников, 1957; Аманжулов, 1971, с. 64-66; его же, 1975; его же, 1980). Теперь ряды выступающих с такой позицией постепенно растёт (Аскарлов, 1996, с.71; его же, 2001, с.69-72; его же, 2002, с.55; его же, 2004, 4-6; Ходжаев, 2003, с. 176-184; Исхаков, 2003, с. 7-12).

На археологическом материале подтверждается проникновение арийцев («варварская оккупация») глубоко на юг двумя этапами во II тыс. до н.э. Первый этап произошел в середине II тыс. до н.э. (Массон, 1959, с.116-118; Аскарлов, 1962, с.28-41), а второй – в последней четверти II тыс. до н.э. (Аскарлов, 1989, с.160-166). Массовая миграция арийцев, начатая с эпохи бронзы в Среднюю Азию, привела к сложению здесь в эпоху раннего средневековья тюрко-согдийского социального и этнокультурного пространства; на этом пространстве постепенно увеличивался тюркоязычный этнический пласт, в результате чего последний обеспечивал здесь господство тюркской языковой среды. Это историческая правда. Однако такой социальный и этнокультурный процесс в эпоху бронзы и даже в последующих периодах не прослеживается на территории Индии и Иранских возвышенностях. Поэтому не представляется возможным, что проникшие в эпоху бронзы в Индию и Иран арийцы, находящиеся несколько ниже местных по культурно-экономическому развитию, не могли изменить язык автохтонного населения. На самом деле гипотеза об ираноязычности скотоводов евразийских степей, построенная на сравнительном анализе лингвистов между языками «Авесты» и современными европейскими языками, является плодом теории «европацентризма». Согласно этой теории, тюркоязычные скотоводческие племена Евразийских степей были объявлены ираноязычными.

Среди древних индоиранцев широко распространен термин «арья» (независимый, свободный, господин). Пришедшие из северных регионов скотоводы, которые занимали Иранскую возвышенность, в Авесте получили название Ариана. Поэтому, согласно исторической традиции,

древнее название Иранской возвышенности - Ариана. Иран новая форма Арианы. В древней истории термин «Ариана» означал не только собственно Иран, но и применялся к территориям распространения иранских языков. По этой причине в науке те арийцы, которые остались в Иране, были названы иранцами, а те, которые ушли в Индию - индоарийцами.

Таким образом, термин «арий» первоначально звучал в социальном плане, позднее, когда ассимилировался с местным населением, означал новое этническое содержание и под влиянием господствующей местной языковой среды арийцы постепенно теряли свой родной тюркский язык и в конечном счете иранизировались. Не исключено, что в регионе Среднего Востока в древности наряду хурритским и эламитским языками существовал и язык дарий - древнеперсидский. Он, по всей вероятности сложился на юге Ирана - в Персиде, как родной язык иранских парсов. Арийцы вначале, утвердившись на юге Ирана, установили свою политическую власть над персоязычными общинами. Эта власть, начиная с правителя Чишпиша - потомка военного лидера-арийца - Ахаманий, привела к формированию системы управления не только по экономике, но и в политико-административном направлении, т.е. в пределах Южного Ирана сложилось некое владение Персида. Во время царства Кира II и Дария I это владение становится мировой империей и сфера влияния языка дарий, как язык государства, охватывала широкую географическую среду.

Таким образом, логический анализ исторических процессов, происходивших во второй половине II и начале I тыс. до н.э., приводит к выводу, что происхождение династии Ахеменидов непосредственно связано с проникновением на юг тюркоязычных арийцев из Евразийских степей. Они под сильным влиянием господствующей автохтонной языковой среды и культурно-хозяйственного потенциала древнеперсидских общин иранизировались. Поэтому ахеменидские цари Кир II и Дария I, хорошо зная, что они по происхождению

арийцы, в наскальных надписях гордо заявляют, что они «истинные арийцы». Не только они, но даже Кушан (намёк на рабатакский документ) считают себя арийцами, т.е. по происхождению тюрки. Да, персидские цари подчеркивали и упоминали в своей родословной, что они из рода «Ахеменидов», из племени (или племенного союза, области) «Парса» и по происхождению «арья» (М. Дьяконов, 1961, с.67).

В последнее время в археологической литературе, вопреки существующей концепции по происхождению арийцев, появилась необычная гипотеза, согласно которой к арийцам принадлежат носители древнеземледельческих племен эпохи бронзы Бактрии и Маргианы (Сарианиди, 2001). Выдвижению такой гипотезы послужила находка одной могилы с захоронением жеребёнка в некрополе городища Гонур эпохи бронзы в Мургабском оазисе. Жеребёнок лежал в могиле в скорченном положении без черепа. В.И. Сарианиди пишет о том, что до сих пор в науке считалась, что индоарийцы - кочевые андроновские племена, сформировавшись в степях Евразии, в середине II тыс. до н.э. мигрировали на юг. Те арийцы, которые остались в Иране стали иранцами, а те, которые ушли в Индию - индоарийцами. Теперь, в связи с этой находкой создалась необходимость пересмотра вопроса о первоначальной родине арийцев. Далее, пишет автор новой гипотезы, в могильнике Сват на севере Пакистана полвека тому назад были обнаружены два скелета коня. Сложение археологических комплексов Свата и БМАК (бактрийско-маргианский археологический комплекс) имеет единое происхождение. Если учесть все это, то становится ясным, что арийцы формировались в кругах памятников эпохи бронзы Свата и БМАК (Сарианиди, 2001, с.37-43). Видимо, В.И. Сарианиди не учитывал те моменты характеристики арийца, согласно которым, могилу арийца должны сопровождать несколько конских скелетов с соответствующими предметами и т.д., о которых четко сказано в настоящей работе. Поэтому искать арийца на материалах Свата и БМАК считаем преждевремен-

ным.

Итоговое заключение: Арийцы являются социальным явлением развития кочевого этапа жизни скотоводческих племен Евразийских степей, инициативным и образованным слоем общества, аристократический пластом зарождающегося раннеклассового общества. Они, вопреки исторической лингвистике и археологическим исследованиям, не были носителями иранских языков, наоборот, согласно сопоставительному научному анализу древнекитайских источников, язык арийцев принадлежал к тюркоязычному этносу. О миграции их на юг, начиная с середины II тыс. до н.э., свидетельствуют археологические материалы, особенно среднеазиатского региона. Действительно, на территории Средней Азии наиболее широко распространены тюркоязычные народы. В этом регионе, где в эпоху раннего средневековья сложилось тюрко-согдийское этнокультурное пространство, в результате чего в пределах этого региона позже сложились узбекский и таджикский народы.

Однако в археологических материалах и материальной культуре не прослеживается следов проникновения арийцев на территории Ирана, Афганистана, Пакистана и северной Индии, несмотря на это, отдельные ученые связывают кризис цивилизации долины Инда с арийскими завоеваниями (С.П.Толстов, М.А.Итина), а другие исключают такую возможность из-за хронологического разрыва между гибелью хараппской цивилизации долины Инда и периода завоевания арийцами индийского субконтинента (Г.М. Бонгард-Левин, Г.Ф. Ильин).

По нашему мнению, какая-то часть арийцев во второй половине II тыс. до н.э. достигла Индии и Ирана, о чем свидетельствуют индоиранские письменные источники Ригведа и Авеста. Однако пришлые арийцы, по нашему убеждению, не могли изменить язык местного населения ни в Индии, ни в Иране. Наоборот, языки пришлых колонизаторов, в конечном счете, были поглощены языками автохтонных племен. В это время на юге Ирана в Парсе, на местной основе функционировал язык

фарси-дарий-древнеиранский. Утвердив свою политическую власть над Парсом, арийцы своими последующими военными походами способствовали не только расширению границ созданной им империи,

но и ареала распространения древнеперсидского языка, как языка руководимого ими государства. Значит, для территории Арианы иранский язык не чужой, а местный

Литература:

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
2. Абаев В.И. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // Древний Восток и античный мир. М., 1972.
3. Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
4. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент, 1991.
5. Арциховский А.В. Культурное единство славян в средние века // Советская этнография, №1. М., 1946.
6. Аманжулов А.С. Рунообразная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. «Вестник АН Каз. ССР» №2, Алма-Аты, 1971.
7. Аманжулов А.С. Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дисс. Алматы, 1975.
8. Аманжулов А.С. Тюркская руническая графика. Алматы, 1980.
9. Аскарлов А. Памятники андроновской культуры в низовьях Зарафшана // ИМКУ №3, Ташкент, 1962.
10. Аскарлов А. Степной компонент в оседлых комплексах Бактрии и вопросы его интерпретации // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989
11. Аскарлов А. Мустакиллик йилларида тарих, археология ва этнология. «Ўзбекистонда ижтимоий фанлар», №6, Тошкент, 1996.
12. Аскарлов А. Об исконной родине расселения древних тюрков // ИМКУ, вып. 32, Ташкент, 2001.
13. Аскарлов А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик асослари. «Ўзбекистон тарихи», №4, Тошкент, 2002.
14. Аскарлов А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик масалалари. «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги Республика илмий-назарий семинар материаллари. Тошкент, 2004.
15. Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
16. Бахрушин С.В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI-XVII вв. М., 1927.
17. Бернштам А.Н. Спорные вопросы истории кочевых народов в древности // КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957.
18. Бичурин Н.Я. (Иакинф), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1, М.-Л., 1950.
19. Большая Советская Энциклопедия, том 3. М., 1950.
20. Большая Советская Энциклопедия. Том 39. М., 1956.
21. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Древняя Индия. М., 1969.
22. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983.
23. Братченко С.Н. Периодизация памятников средней бронзы бассейна Нижнего Дона. Авт. канд. дисс. Киев, 1969.
24. Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.
25. Вендидат, 1-боб. В кн. «История древнего Востока. Тексты и документы». М., 2002.
26. Wasmer M. Die Iranier in Sudrussland. Leipzig-1923.
27. Генинг В.Ф. Хронологические комплексы XVI в. до н.э. (по материалам Синташтинского могильника) // Новейшие открытия советских археологов, часть 1. Киев, 1975.
28. Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 1970.
29. Гафуров Б.Г. Таджики. М., 1972.
30. Греков Б. Роль славян в истории мировой культуры // Журнал «Славяне», №1. М., 1946.
31. Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. М., 1969.
32. Грязнов М.П. Племена Сибири и Казахстана в эпоху бронзы. «Очерки истории СССР» М., 1956.
33. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби. М.-Л., 1956.
34. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen-1882.
35. Дуан Лянчин. Динглинлар, қангилар ва туролар. 1-жилд, Уримчи, 1996.
36. Дьяконов И.М. История Мидии. М.-Л., 1956.
37. Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
38. Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урала-Казахстанских степей // Бронзовый век Урала-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
39. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урала-Казахстанских степей, Челябинск, 1988.
40. Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит. М., 1960.

41. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.
42. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
43. Красинский Г. Покорение Сибири и Иван Грозный // Вопросы истории, №3, М., 1946.
44. Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963.
45. Кузьмина Е.Е. Сложение скотоводческого хозяйства к производящему и особенности развития общественного строя. М., 1974.
46. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культура коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977.
47. Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986.
48. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоари? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
49. Kupper J.R. Les nomades en Mesopotamie au temps des rois de Mari. Paris, 1957.
50. Kupper J.R., Akten des XXIV Internationalen Orientalisten Kongresses, Wiesbadehn-1959.
51. Люй Симян. Чжунгтуо минзу ши (ХХР халклары тарихи). Шанхай, 1987
52. Миллер В. Осетинские этюды. М., 1987.
53. Mirsadiq Isxaqov. Eski turk yazitlarin cogrofiyasi ve turk etnogenez surejlarin tarihi o'rtami. Turkistan Qozok-turk universitetin «Turkologia» Jurnalini №2. Turkestan-2003. (Исхоков М. Қадимги туркий ёзма ёдгорликлар географияси ва туркий халклар этногенетик муносабатлар масалалари. Туркистон козоқ-турк университети-нинг «Туркология» журналы №2. Туркистон, 2003).
54. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский курганный могильник близ г. Орска. М., 1962.
55. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
56. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959.
57. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, часть 3, М.-Л., 1955.
58. Oldenberg H. Die Religion des Veda. Berlin, 1894.
59. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
60. Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и Иранское язычество. М., 2001.
61. Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов. СА. №3. М., 1957.
62. Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964.
63. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
64. Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак. М., 1962.
65. Стоколос В.С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
66. Стрижак О. С. Гидронимия среднеднепровского левобережья. Авт. канд. дисс. Киев, 1965.
67. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.
68. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
69. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. Москва-1953.
70. Топоров В.Н., Трубаев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
71. Фёдорова-Давыдова Э.А. Погребения эпохи бронзы Ново-Кумакского могильника. М., 1964.
72. Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, XXXIX, М., 1951
73. Ханюй дазидян (Хитой иероглифлари катта луғати), 8 жилдли. Сичуан, 1987.
74. Хитой тили катта иероглифлар луғати, 3-жилд, 2057 бет.
75. Хўжаев А. Қадимги Хитой манбаларидаги туркий халкларга оид айрим этнонимлар. «Ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият. Тошкент, 2003
76. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л., 1960.
77. Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970
78. Щербак А.М. О рунической письменности в юго-восточной Европе. «Советская тюркология» №4. М., 1971.
79. Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 6-жилд. Тошкент, 2003.

БРОНЗА ДАВРИДА ҚАДИМГИ БАКТРИЯ ВА МАРҒИЁНА АҲОЛИСИНИНГ ЗООЛАТРИК ДИНИЙ ҚАРАШЛАРИ

Зоолатрия - ҳайвонлар культига топишиш бўлиб, дунё халқлари орасида жуда кенг тарқалган диний кўринишлардан биридир. Дастлабки зоолатрик диний қарашлар ҳинд-европа халқлари орасида кенг тарқалган (Зарубин, с. 45) бўлиб, бронза даврининг илк даврларидан бошлаб улар ўтроқ деҳқончилик маданиятларида ҳам кенг тарқала бошлайди. Ҳайвон култи уруғ ёки қабиланинг номини англатиб, уларнинг шакллари яшашган, амулет ва фетиш сифатида ифодалашган. Улар уруғ аъзолари тамғаларида, қуролларида, кийимларида ўз ифодасини топган.

Зардўштилик динининг вужудга келишида Бактрия ва Марғиёна аҳолисининг зоолатрик диний қарашлари муҳим ўрин тутиб, бу диний эътиқод ҳамма даврда ҳар бир хил кўринишга ёки тузилишига эга бўлмаган. Балки, якка худоликни вужудга келиши бу диний эътиқод шаклини ўзгаришига олиб келган. Бактрия ва Марғиёна аҳолисининг зоолатрик диний қарашлари учта муҳим тарихий жараён билан боғлиқ.

1. Ўтроқ деҳқончилик маданиятларининг минтақавий ривожланиши. Патриархал оила тотемистик қарашларининг асосий диний эътиқод сифатида сақланиб қолиши.

2. Яккахудоликнинг илк кўринишларини вужудга келиши, тотемистик қарашларнинг йўқолиб бориши ва тотемларнинг уруғ ёки қабиланинг шиори ва герби-печатида айланиши.

3. Илк синфий муносабатларнинг шаклланиши. Диннинг системаланиши ва марказлашуви. Диний маросим ва удумларда зоолатрик диний қолдиқларнинг қисман сақланиб қолиши ва тотемизм асосининг бутунлай йўқолиши.

Тотемизм асосидаги диний қарашларнинг дастлабки босқичи юқори палеолитга бориб тақалиб, илк ибтидоий уруғ жамоаларининг дастлабки диний қарашлари сифатида ифодаланган (Массон,

1964, 387 с).

Ш минг йиллик охири ва II минг йиллик бошларида Ўрта Осиёнинг Жанубий худудларида ўтроқ деҳқончилик маданиятларининг минтақавий ривожланиши ва ўтроқ деҳқончилик маданиятларида патриархал оила жамоаларида зоолатрик диний қарашлар асосий ўринни эгаллайди.

Бронза давридан бошланган зоолатрик диний қарашлар илк синфий муносабатлар ва илк давлатларнинг шаклланиб бориши билан бирга жамиятда якка худолик билан бирга турли кўринишдаги диний қарашлар ҳам сақланиб қолаверган. Қадимги Шарқда кўп худоликдан якка худолик ажралиб чиққан. Якка худолик бутун жамоани, ривожланиб бориб бутун бир жамиятнинг ягона ғоясига айланган. Уларга хизмат қилувчи ибодатхоналар ва ибодатхона хизматчилари таркиб топиб борган. Якка худолик шаклланиб, давлат даражасидаги диний кўриниш тусини олса-да, тотемлар сақланиб қолаверган. Якка худолик жамият аъзоларининг барча қатламларини тўлалигича ўз ғояларига ишонтира олмаганда, зоолатрик диний қарашлар жамият ҳаётида катта роль ўйнаган. Масалан, Мисрда цивилизация ривожланган давлат бўлишига қарамай зоолатрик диний қарашлар кенг миқёсда сақланиб қолаверган. Мисрдаги «ном» типидagi давлатлар аҳолисининг ўзларининг сиғинадиган ҳайвонлари бўлган (Соколова, 1972, 149 с).

Бактрия ва Марғиёна аҳолисининг зоолатрик диний қарашларида ифодаланган ҳайвонлар ер ости, ер усти ва осмон ҳайвонларига бўлинади. Лекин, ҳамма ҳайвонлар ҳам зоолатрик диний қарашга асос бўлмаслиги мумкин. Бактрия ва Марғиёна аҳолисининг зоолатрик диний қарашларига мафкуравий қарашлар сифатида қараш керак. Чунки, Бактриядаги Сополли, Дашли, Марғиёнадаги Гонур,

Тўғолоқ ёдгорликларидан топилган, сигир (хўкиз), туя, илонлар, девсимон илонлар, бургутлар, чаёнлар, шерларни аҳолининг тотемлари сифатида эмас, балки зардўштийлик дини шакллангунга қадар худоларнинг тимсоли сифатида қараш керак бўлади.

Зардўштийлик одатига кўра сигир муқаддас ҳайвон сифатида жуда улуғланади. Сигир ибтидоий тасвирий санъатда кенг тарқалган сюжетлардан бўлиб, унинг тарқалиш географияси жуда кенгдир (Хлопин, 1981, 26-30 с). «Авесто»да келтирилишича, Ахурамазда томонидан Арьянам-Вайджада илк маротаба сигир яратилган. Дайтия дарёси бўйида ой сингари оқ хўкиз яратилди.

Сигир (хўкиз) ўлганидан кейин, унинг ҳар бир аъзосидан 55 та донли ўсимлик, 12 хил доривор ўсимликлар ўсиб чиқди. Ерда дастлаб хўкиз ва сигир, ундан кейин эса уларни ҳар биридан яна 280 тадан хўкиз ва сигир яратилди. Қушлар учун осмон, балиқлар учун сув яратилди (Авеста, 1997).

Хўкиз (сигир) илохий ҳайвон сифатида улуғланиб, у берадиган маҳсулотлардан ташқари зардўштийлар унинг пешобидан тозаланиш маросимида кенг фойдаланганлар. Зардўштийлик динида тозаланиш удуми мажбурий бўлиб, тозаланиш маросимида юз, қўл ва оёқ ювилиб, бу ибодатдан олдин ва ибодатдан кейин ҳам амалга оширилган. Мураккаб тозаланиш маросими диний маъбудлар иштирокида амалга оширилган. Яъни, ювинишда лимон ва лавр баргларида қилинган суюқлик ишлатилган. Сўнгра муқаддас сўзлар ўқилган, ундан кейин эса тана қум ва сигир (хўкиз) пешоби билан артилган (Дорошенко, 1982, 26 с). Бундан кўриниб турибдики, сигирни муқаддаслаштирилиши зардўштийлик дини шаклланганидан анча аввал бошланган.

Зоолатрик диний қарашларнинг Бактрия ва Марғиёнада кенг тарқалган турларидан бири бу илон тимсолларидир.

Илонлар халқларнинг афсоналарида ва мифларида ҳосилдорлик, ер, аёлларнинг сирли кучлари, сув, ёмғир, уй ўчоқлари, олов тимсоллари сифатида ифодаланиб

келинган. Евросиё ва Америка космогоник мифларида илонлар ва қушлар ер ва осмон дунёсини бирлаштирувчи мавжудот сифатида улуғланган. Илонлар ҳаётига назар соладиган бўлсак, эски уйларда, дарё бўйларида, қудуқларда дарё ва кўлларда яшашган. Ҳиндларда улар ҳозиргача улуғланиб келинади. Уйларда улар учун махсус яшаш жойлари яратилган. Оила бошқа жойга кўчмоқчи бўлса илонларни ўзлари билан олиб кетганлар. Чунки илонлар Ҳиндларда оила ўчоғини қўриқчиси ҳисобланиб, сув тимсоли ҳам ҳисобланган. Илонлар Бактрия ва Марғиёна аҳолисининг печатлари ва амулетларида кенг тарқалган бўлиб, ўтроқ деҳқончилик маданияти аҳолисида жуда катта роль ўйнаган кўринади. Сополли маданиятининг сополли ва жарқўтан этапларининг бошларида илонлар тасвири учрайди (Аскаров, 1973, 162 с.). Номозгоҳ V даври Марғиёна материалларида илон тасвирлари ва аждарҳосимон ҳайвонлар тасвири жуда кўплаб учрайди (Сарианиди, 1992, 242, 245-246 с.). Илон тимсоллари дастлаб ўтроқ деҳқончилик маданияти соҳиблари ҳаётида муҳим ўрин тутган ер ва сувни, кейинчалик зардўштийлик динидаги Ахурамазда яратган худолари ер худоси - Спента Армати ва сув худоси - Харватат худоларининг илк тимсоллари бўлиши мумкин (Дорошенко, 1982). Чунки, деҳқонларга энг азиз нарса ер бўлса, иккинчи асосий манба сувдир. Шунинг учун ҳам зардўштийлик динининг шаклланишигача бўлган даврда муҳим ўрин тутган ер ва сув, кейинчалик диний асос сифатида шаклланган бўлиши керак. Скиф-эрон аънаналаридаги илон оёқли, икки қўлида илон ва елкасида илон тасвирли худолар ва ацтекларнинг Коатликуэ (нахуатль тилида илон пўстига ўралган ҳосилдорлик худоси) худолари ҳам ер ва осмон билан боғлиқ диний муносабатларни ўзларида мужассамлаштирган. Зардўштийлик дини шакллангандан сўнг илонлар ва девлар ёвуз кучлар сифатида қораланади. Бактрия ва Марғиёна маданияти аҳолисининг зоолатрик диний қарашларида илонлар кенг тасвирланишига қарамай Яштларда (Авеста,

1997, 22 с.) ва Бундахишнда уларни ёвуз кучлар сифаида талқин этилади. Бундан кўриниб турибдики, якка худолик, яъни зардўштийлик дини шаклланаётган даврда якка худоликка тўсқинлик қиладиган барча тимсоллар ёвуз кучлар сифатида талқин этилган бўлиши эҳтимолдан узоқ эмас.

Марғиёна материаларида тош ва қалайдан қилинган амuletларда илонсимон аждарҳолар тасвири учрайди. Баъзи бир тасвирларда аждарҳолар оёқли қилиб ҳам тасвирланган. Марғиёна материалларида асосий группани оқ оҳакдан қилинган амuletлар ташкил қилиб, уларда орқасида тугалланмаган тасвир, олд тарафида эса ёллари кўтарилган товуқ оёғига ўхшаш оёқли аждарҳо тасвирлаган. Шунингдек, бронза-қалайдан қилинган муҳрлар учраб, кўршапалак бошини эслатувчи, унчалик катта бўлмаган кўзли, узун бурун, катта оғизли, юмалоқ қулоқли аждарҳо тасвири учрайди. Бу аждарҳолар илон танали, одам бошли бўлиб, қадимги Элам маданияти билан параллелликда вужудга келиб, ғарбий Эрондан Бактрия худудларига кириб борганлигига ишора борлигини кўрсатиш мумкин. Илонлар эса асосан амulet ва муҳрларнинг марказларида тасвирланиб, тасвирлари билан биридан фарқ қилади.

Бактрия-Марғиёна археологик материалларида илон орқалаган куш тасвирлари ниҳоятда кенг тарқалган (Сарианиди, 2001). Бу ифода деҳқончилик маданиятида ер ва осмоннинг уйғун ифодалашга қаратилган диний қарашлари бўлиб, деҳқонларга энг керакли бўлган сув, ёмғир, ҳосилдор ерни улуғлаш ғояларидир. Авестода келтирилишича: «Тиштар (юлдузлар худоси) ёмғирларни бошқариб турган. Тиштар оқ от миниб қора ва ёвуз от минган қурғоқчилик худоси - Апаоша билан доимо курашган. Апаоша доимо ғолиб келган. Шунда Тиштар Ахурамаздага арз қилади. «Агар инсонлар менга бўйсинсалар, мени номимни доимо эслаб турсалар, ўнта от кучига, ўнта туя кучига, ўнта хўкиз кучига, ўнта тоғ кучига, ўнта дарё кучига эга бўламан» Ахурамазда одамларни унга бўйсинишга буюрди.

Шунда худо - Воракуша туманларни кўтарди, булутларни йиғди, шамолни олиб келди ва ерни ёмғир билан суғорди» (Авеста, 1997, 480 с.).

Келтирилган сюжетда қурғоқчилик худоси Апаошага нисбатан кучли тизим, худолар гуруҳи қарши кўйилган. Бу орқали деҳқончилик минтақаси ҳақида гап кетаётганлигини англашимиз мумкин. Чорвадорлар учун ҳам бу хусусият тегишли. Лекин кўчманчи маданият ўтроқ маданиятга нисбатан ҳеч қачон локал тизимга эга бўлмаган, кучли фалсафий ва диний системага эга бўлмаган. Чунки улар, қурғоқчилик бўлса бошқа худудларга бориб жонини сақлаши ёки ўтроқ аҳолига қўшилиш, ўтроқлашиши мумкин бўлган. Ўтроқ аҳоли эса ўз яшаш жойини ташлаб бошқа жойга кўчмаган. Кўчган бўлса ҳам жуда узоқ вақт истиқомат қилиб, сўнг бирор иқтисодий ёки ижтимоий омил таъсирда ўз турар жойларини ўзгартиришга мажбур бўлганлар. Шунинг учун ҳам дастлабки ўтроқ деҳқончилик манзилгоҳларида илонлар орқали ер ва осмонни муқаддаслаштиришга ундан паноҳ топишга ҳаракат қилганлар.

Бактрия ва Марғиёна ўтроқ деҳқончилик маданияти кушлар тимсолидаги зоолатрик диний қарашлар акс этган бўлиб (Сарианиди, 1992, 246 с.), уларни Ахурамазда тўртинчи бўлиб яратди. Кушлар 110 турда яратилган бўлиб, Сенмурв (эҳтимол семурғ бўлиши мумкин), Каршипт, бургут, гриф, қарға, хўроз, турналардир. Шунингдек, Чамрош куши ҳақида Ахурамазда айтадики, у Албурз (Эльбурз) тоғида яшайди. Ҳар уч йилда қўшни худудлардан эроний бўлмаган халқлар душманлик кайфиятида бузғунчилик билан келади. Шунда мабуда Бурз Аранг қўлида Чамрош қушини осмонга кўтаради. У барча тоғ ва баландликлардан учди эроний бўлмаган ерларни куш донни қандай йиғса шундай йиғиб кетади. Йима қурган бинога донни олиб келади ва ейди. Бундахишнда Ашозишт куши ҳақида ҳам ёзилиб, у қуйидагича тавсифланади: «...Авесто сўзини ўз тилида айтди. Қачонки у гапирганда, девлар шошиб қолади. Кесилган тирноқлар

кўмилмаган бўлса, дуолар ўқилмаган бўлса, девлар ва сеҳргарлар кўпаяди ва улар ёйни бу қушга қараб уни ўлдириш учун отадилар. Шунинг учун тирноқларни ейди ва дуоларни ўқийди, девлар унга хавф солмаслиги учун. Сеҳргарларни йўқ қилиш ҳақида яшларда ҳам айтилади.

Зардўштийлик динидаги одамларга кўра барча қушлар ва жонзотлар диний тасаввурга кўра зарарли бўлган маҳлуқларга қарши яратилган. Улар зарарли маҳлуқлар ва сеҳргарларга қарши яратилгандир. Улар ичида энг афзалроғи қарғадир (Авеста, 1997).

Зардўштийлик дини муқаддас китобларида илонларга нисбатан душманлик кайфияти устунлик қилади. Масалан, оқ бургут қаноти билан илонни уриб қлдиради, у шунинг учун яратилгандир.

Марғиёна материалларида хўроз тасвирларининг учраши диний муносабатларда бу жонзотларнинг ўрни борлигини кўрсатади (Сарианиди). Хўрозлар итлар билан бирга дев ва сеҳргарларга қарши яратилган. Авестода келтирилишича, ердаги ёвуз кучларни йўқ қилишда мабъуда Срош хўроз ва итлар билан ҳамкорлик қилади (Авеста, 1997.).

Марғиёна материалларида чаёнлар жуда кўп учрайди (Сарианиди, 1992, 242 с.). Чаёнлар Месопотамия маданиятларида кўплаб учраб, эротик тимсолни ўзида мужассамлаб, пуштлилик ғоясини англатган (Сарианиди, 2001, 109 с.). Чаёнлар тун ҳаёти образини ифодалаб, қуёшнинг нурларидан сояда яшириниб, табиатнинг сирли кучларини ўзида яширган. Чаёнларнинг ҳаёт тарзи асосида қоронғуликда, сояда ўтгани учун қоронғуликни унинг рамзий тимсоли сифатида олиш мумкин. Зардўштийлик динида Ахурамаздага қарши ёвуз кучлар Ахримон тимсолида намоён бўлади. Эзгу кучлар қарши Ахримон бошчилигида пайдо бўлган девлардан бири - Земака (зима-қиш) ёвуз куч сифатида қаралади. Қадимги эронликларда ёвузлик, девлар шимолдан келади, деган тасаввур бўлган. Қиш девлар томонидан яратилганлиги таъкидланади (Рак, 1997, 480 с.). Бу

кучлар Ахурамазда томонидан яратилган биринчи мамлакат Айранам Вайджани вайрон қилади. Бу жумлани келтиришимиздан мақсад зардўштий жамоларда Наврўз (янги кун)ни муҳим байрам сифатида кутиб олинган. Бу байрамни зардўштийлар қишли кунларнинг тугатиши, баҳорнинг келиши билан нишонланиб, баҳор куни. Хурмузд куни деб аташган (Дорошенко, 1982, 33 с.). Баҳор келиши билан, қишли-қиров кунлар тугайди, ҳаммаёқ гуллар, ям-яшил ўтлоқларга айланади, баҳор шамоли эсиб ўлик сукунатни, барча ёвуз кучларни олиб кетади, табиат қайтадан туғилади, деган диний тизим шаклланган. Қишнинг тугаши баҳорнинг бошланиши деҳқончилик қилиш учун қулай вақтнинг келиши, табиатнинг уйғониши, совуқ кунларнинг ортда қолиши ўтроқ деҳқончилик маданияти аҳолисида муҳим ўрин тутган. Шунинг учун бўлса керак, ўтроқ деҳқончилик соҳиблари чаённи қора тун, кун тимсоли сифатида ифодалашган. Чаённинг Ўрта Осиё чўл зонаси характерли бўлиб, марказий эрон маданиятларида ҳам гоҳ-гоҳ учрайди. Афғонистоннинг шимолий қисмида жойлашган Дашли-1 ёдгорлигидаги амuletда ифодаланиб, маданият эгаларининг рамзий-мифологик қарашларини ифодалайди (Сарианиди, 2001, 110 с.). Биринчи амuletда иккита чаён ифодаланиб, орқа тарафида одам қўли тасвири. Бошқа ҳолатда чаёнга ташланган қорнида илонли қанотли от тасвири бор. Яна бир амuletда чаён лазурит амuletда тасвирланган бўлиб, орқат томонидан томонларга марказдан тортилган тўртта чизик бор.

Марғиёна материалларида марказда чаён икки томонида бургут тасвирланган.

Юқоридагиларнинг таҳлили шуни кўрсатадики, Марғиёна ва Дашли маданияти аҳолисида ҳам зардўштийлик диний одатлари асосини тўрт унсур ташкил этганлигини кўрсатади. Чунки, бир томонида чаён ва орқа томонида тўртта чизикнинг борлиги, оламнинг асоси тўрт унсур олов, сув, ҳаво, ер эканлиги ва икки куч ёруғлик ва қоронғулик доимо курашда эканлигини англатиши мумкин.

Чаён ва от тасвири шуни кўрсатиши мумкинки, от қора тунда ерда кўринган соч толаларни кўради (Авеста, 1997). Яъни девлар ва сеҳргарлар куч олмаслиги учун кўмиб ташланган соч ва тирноқлар назарда тутилмоқда. Табиийки, Авестода илонларни қора кучлар сифатида келтирилиши ва илон кўтарган отни чаёнга ташланиши уни қора кучлар тоифасига киритиш учун асос бўлади. Чаёнларнинг ҳаётига назар солсак, улар қора тунда ов қилишади ва ҳаётининг асосий қисми қоронғуликда ўтади. Бу зардўштийлик динидаги Аҳримон бошчилигидаги ёвуз маъбуда - Земаканинг прототиби учун хос сифатдир. Чунки, зардўштийларда ёвуз кучлар қора тимсолида ифодаланган. Масалан, қиш мавсумини қора кунлар сифатида кўрсатилади. Наврўз байрамини қора кунларнинг кетиши ва янги куннинг - ёруғ куннинг бошланиши, янги куннинг туғилиши сифатида диний байрамни нишонлашган. Табиийки, деҳқончилик учун қулай вақт бу баҳорнинг келиши ва иссиқ кунлардир. Баҳорнинг бошланиши деҳқонлар ҳаётида муҳим ўрин тутиб, моддий муносабатлар диний кўринишлар тусида ифодаланишига олиб келинган.

Марғиёна материалларида қуш бошли фантастик жонзот (гриф)ларнинг ёки одам бошли қушларнинг ифодаланиши кўп кузатилади. Грифон кўринишидаги худоларнинг тасвирлари Бактрия материалларида жуда кам учрайди. Марғиёна материалларида ниҳоятда кўп учраб асосан Месопотамия худолари тимсоли асосида яратилган худолардир (Сарианиди, 1992, 111 с.). Шунингдек, Намозгоҳ VI даври материалларида Эрон, шимолий Месопотамия прототипларини акс эттириш асосий ўрин эгаллайди.

Марғиёнадан топилган маросимларда ишлатиладиган болта хўроз тасвирида берилган. Хўроз бу диний маъно-мазмун касб этиб, зардўштийлик динида муқаддас жонзот сифатида қадрланган. Хўрозлар девларни ҳайдашда маъбуда Сраоша билан ҳамкорлик қилади. У қичқирганда девлар ва ёвуз кучлар ҳар томонга

қочади, деб таъкидланади (Авеста, 1997).

Н.Аванесованинг фикрича, алтарь-қуш тимсоли ҳинд-европа халқлари мифологик дунёқарашида қуёш худоси тимсолини ифодалашган (Аванесова, 2004, 19 с.). Қуш ифодасида қуёш ва олов тимсоллари ифодаланиб, қуёш худосининг кўзи қуёш диски сифатида ифодаланган. Альтарлар ўзида ер (қуш тимсолида) ва осмон (айлана, диск тимсолида) ифодасини мужассамлаштирган.

Алтарлар ўзида осмон ва ер тушунчаларини ифодалаб, уларнинг фақатгина белгилари мавжуд бўлиб, бу ҳолат реалликдан кўра нореалликга мойилдир (Аванесова, 2004, 22 с.).

Н. Аванесова бу мифологик қараш ифодасини веда дини ва ригведа билан боғлайди. Тарихий нуқтаи назаридан олиб қаралса, Қадимги Бактриянинг бу мифологик қарашлари зардўштийлик дини билан боғланса тўғрироқ бўлади. Чунки, кўп худоликдан якка худоликка ўтиш даврида барча эски худолар Зардўшт томонидан ёвуз худолар деб эътироф этилган (Масалан, Индра, Митра, Нахатя).

Марғиёна ва Бактрия ўтроқ деҳқончилик маданияти аҳолисининг зоолатрик диний қарашлари, зардўштийлик дини Зардўшт томонидан ислоҳ қилиниб, якка худолик кўринишини олганга қадар худоларнинг тимсолини ўзида мужассам этган. Зоолатрик диний қарашларни таҳлили шуни кўрсатмоқдаки, Зардўшт яшаган давр, у ҳақдаги тасаввурлар сўнгги бронза ва илк темир даври оралиқларида бўлган бўлиши керак. Бронза даври Қадимги Бактрия ва Марғиёна материаллари асосида зардўштийлик динининг илк кўринишларидан бири, зоолатрик қарашларда ифодаланганини кўрсатишдир. Зардўштийлик динида эзгулик ва ёвузлик кучларининг бош тимсоллари сифатида Аҳурамазда ва Аҳримон шакллантирилган. Ва улар бошчилигида эзгулик ва ёвузликка хизмат қилувчи маъбудалар группаси ву-

жудга келган. Масалан, эзгуликнинг якка худоси Ахурамазда бошчилигидаги маъбудалар группаси - Амеша Спента б маъбудадан иборат: Воху-Мана (ўрта форс тилида Бахман) - чорва ҳомийси, Аша-Вахишта -(ўрта форс тилида Артвахишт) - олов маъбудаси, Хшатра-Варья (ўрта форсда Шахревар) - темир маъбудаси, Спента-Армайти (ўрта форсда Спандармат) - ер ҳомийси, Харватат ва Амертат (ўрта форс тилида Хурдад ва Амэрдад) - сув ва ўсимлик маъбудалари (Соколов, интернет материаллари). Аҳриман бошчилигидаги ёвузлик кучларини асосийси девлардан иборат. Зардўшт томонидан қораланган худолар, Индра, Нахатъялар. Зардўшт ер юзидан барча девларни ҳайдади ва уларни ер остига ҳайдади. Аҳриман бошчилигида

ёвузлар девлар зардўштийлик диний расман дин сифатида шаклландан кейин ҳам янгилари пайдо бўлиб борди. Улар, Араск ва Зурва - қарилик, Варэна - йўл, Ази - қизғанчиқлик, Апаоша - қурғоқчилик, Земака - қиш (Соколов, интернет материаллари). Қадимги Бактрия ва Марғиёна аҳолисининг зоолатрик диний қарашлари, зардўштийлик динидаги худоларнинг ифодасини ўзида акс эттириб, дастлабки оташпарастлик негизида зардўштийлик динининг илк кўринишларини шаклланишига, диний муносабатлар, жамият тараққиёти якка худоликка асосланган ҳолда ривожланиб, ибодатхоналар ва синфий муносабатларнинг вужудга келишига туртки берувчи асосий ғояга замин яратди.

Адабиётлар:

1. Зарубин Л.А. Сходные черты зоолатрии и перехода к антропоморфизму у индоарийцев и славян // Советское славяноведение». М., 1967, № 3.
2. Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., 1964.
3. Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.
4. Хлопин И.Н. Образ быка у первобытных земледельцев Средней Азии. Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
5. Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). -М., 1982.
6. Аскарлов А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
7. Аскарлов А., Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983.
8. Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959.
9. Сарияниди В. И здесь говорил Заратуштра. М., 1992.
10. Дорошенко Е.А. Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк) М., 1982.
11. Сарияниди В. Некрополь Гонура и Иранское язычество. М., 2001.
12. Авеста в русских переводах (1861-1996) /Сост.общ.ред.примеч, справ. разд. И.В.Рака. «Нева», СПб., РХГИ, 1997.
13. Рак И.В. Авеста в русских переводах (1861-1996). Журнал «Нева» - РХГИ, 1997.
14. История Таджикского народа. Т.1. С древнейших времён до V в. н.э. М., 1963.
15. Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. М., 1988.
16. Аванесова Н. Предметное письмо доисторической Бактрии // TRANSOXIANA - Ташкент, 2004.
17. Соколов С.Н. Зороастризм: Древнейшая религия иранских племен // Интернет материаллари.

А.А. Анарбаев, А.Дж. Исманов, Ф.А. Максудов

ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ЮЖНОЙ ФЕРГАНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ АНТРОПОГЕННОГО ЛАНДШАФТА

Физико-географическая характеристика региона

Ферганская долина находится в северо-восточной части Средней Азии и представляет собой своеобразную межгорную котловину, ограниченную с севера и востока Тянь-Шанской, а с юга Памирской горной системами. На западе долина соединяется с Туранской низменностью.

Длина Ферганской долины с запада на восток около 300 км, ширина в центральной части около 150 км. Площадь равнинной части равна 20,000-22,000 км². Рельеф Ферганской долины характеризуется рядом особенностей. Почти со всех сторон долину окаймляют горные хребты, достигающие высоты на юге – 5000 м, на восто-

ке – 4000 м, на севере и северо-западе – 2000-3000 м над уровнем моря (рис. 1. Карта-схема Ферганской долины).

Ниже по кругу долины начинаются предгорья и нижние части горных склонов. Далее идут низкогорные (адырные) гряды с заадырными и межадырными впадинами. Низменная Фергана начинается с внешних конусов выноса многочисленных горных рек – саев и межконусных понижений. В самой нижней части находится долина одной из крупнейших рек Средней Азии – Сырдарьи, образующейся слиянием рек Нарына и Карадарьи в пределах Ферганы, а также песчаные массивы степей Центральной Ферганы. Днище долины постепенно повышается с юго-запада на

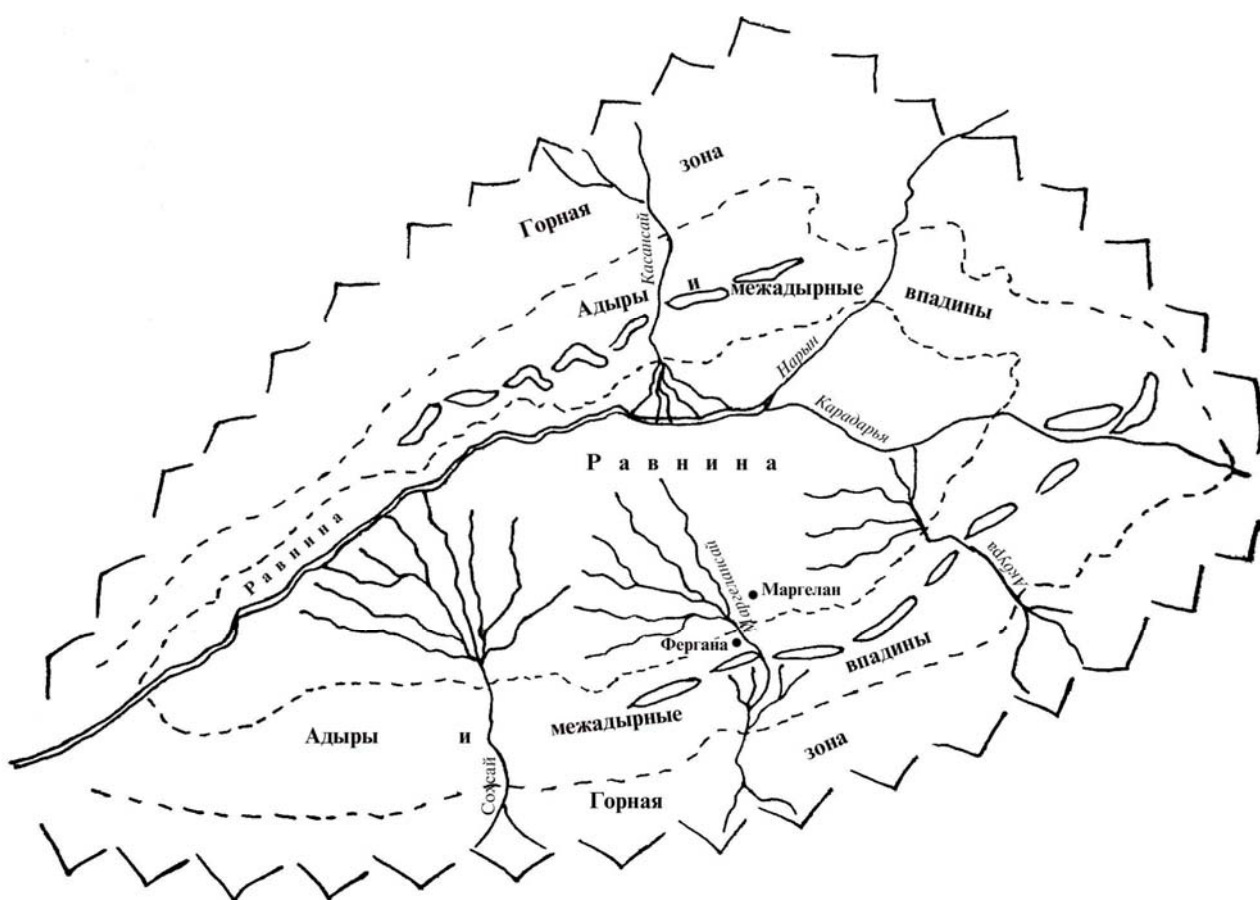

Рис. 1. Карта-схема Ферганской долины

северо-восток от 300 м до 1000 м над уровнем моря. Огромное значение в образовании рельефа и покровных отложений имеет деятельность Сырдарьи. Мощным фактором в образовании современного рельефа территории является также деятельность ветра (Шульц, 1969).

Замкнутое географическое положение Ферганской долины способствовало формированию здесь более мягкого климата по сравнению с климатом открытых равнин Средней Азии. Но удаленность от морей и океанов, незащищенность с юго-запада от воздушных масс обусловили сухость и континентальность климата. Благоприятная погода в равнинной и предгорной части сохраняется до поздней осени. Среднегодовая температура в этой зоне равна 12-13°C.

С окружающих гор в равнинную часть Ферганы спускаются многочисленные горные реки и саи, являющиеся притоками Сырдарьи. При выходе из крупных горных склонов их течение замедляется, тем самым образуются типичные для Ферганы конусы выноса рек, т.е. веерообразные дельты (Шульц, 1969).

В центральной части Южной Ферганы расположены конусы выноса рек Шахмарданской системы (рис. 1). Река Шахмардан берет начало в верховьях Алайского хребта. При выходе из горной местности течение реки замедляется и делится на несколько рукавов, таких как Алтыарыксай, Файзабадсай и Маргилансай. Эти саи (горные реки) при выходе из гор образуют свои конусы выноса.

Река Маргилансай, на примере которой проводится данное исследование, имеет конус выноса протяженностью почти в 45 км. Высотные отметки в верхней части и периферии конуса выноса колеблются в пределах от 510 до 430 м над уровнем моря.

Маргилансайский конус выноса имеет асимметричную форму, его восточная часть сливается с Исфайрамским конусом, западная – имеет правильную форму и уходит в равнину Центральной Ферганы. Для Маргилансайского конуса специфично отсутствие галечниковых образований

в верхней части. С самого начала конус покрыт мелкоземистыми наносами мощностью от 20-50 в верхней части и до 4-6 м в периферической, что, на наш взгляд, является одной из основных предпосылок появления и развития здесь орошаемого земледелия с древнейшего периода. Основная территория оазиса представлена мелкоземистыми, чаще всего глинистыми и тяжело-суглинистыми почвами на мелкоземистых тяжелых грунтах, имеющих высокое плодородие при периодическом увлажнении (Панков, 1957, с. 112-118).

Таким образом, с точки зрения орошаемого земледелия, относительно небольшой уклон местности, мягкость климата, хорошие гидрографические условия и мощные горизонты плодородных мелкоземистых отложений превратили Маргиланский оазис в один из самых благоприятных оазисов Южной Ферганы для раннего заселения и освоения под орошаемое земледелие.

История археологического изучения региона

Древней истории искусственного обводнения Средней Азии было посвящено немало работ (Гулямов, 1957; Латынин, 1956, 1960, 1961; Андрианов, 1991; Вайнберг, 1991; Левина, Птичников, 1991; Мухамеджанов, 1978; Грошев, 1985; Байпаков, Грошев, 1991; и т.д.)

Изучение динамики развития оседло-земледельческой культуры в Средней Азии в целом показывает, что на начальном этапе земледелия происходил процесс естественного расселения, во многом обусловленный природными факторами (Заднепровский, 1991, с.187; Лисицына, 1979, с.7-9; Мухаммеджанов, 1991, с.162). Поэтому при исследовании развития земледельческой культуры важно, в первую очередь, физико-географическое районирование (Бабушкин, Когай, 1964, с.40).

Одной из малоизученных, но интересных в этом отношении древних областей является Ферганская долина. Объектом нашего исследования являлась южная часть Ферганской долины или Южная Фергана. Эта территория входит в число областей с очень благоприятными для ве-

дения орошаемого земледелия природно-климатическими условиями. Археологические материалы, обнаруженные при полевых исследованиях, свидетельствуют о существовании высокой земледельческой культуры в этой области уже во второй половине I тысячелетия до нашей эры (Горбунова, Козенкова, 1974, с.92-104).

Начиная со II тысячелетия до нашей эры, прослеживается последовательное развитие культур древней Ферганы (Спришевский, 1958, 1963; Заднепровский, 1960а, 1960б, 1962; 1978; 1997). В этот период здесь существовало две культуры: чустская культура оседло-земледельского населения и кайраккумская культура скотоводческого населения. Чустская культура существовала со второй половины II тыс. до нашей эры вплоть до VIII-VII веков до нашей эры (Заднепровский, 1964, 1978; Анарбаев, 2004).

Интересен тот факт, что известные поселения чустской культуры (обнаружено более 80 поселений различных размеров) расположены в восточной и северной частях Ферганы (Заднепровский, 1962, с.11-48),

Изучению проблем возникновения и динамики развития древнеземледельческой культуры, начиная с эпохи поздней бронзы вплоть до раннего средневековья на территории Восточной и Северной Ферганы, посвящен ряд трудов (Латынин, 1956, 1960; Заднепровский, 1962; Заднепровский, 1981). Б.А. Латынин внес значительный вклад как в изучение, так и в методику изучения истории ирригации Ферганы (Латынин, 1956, 1960, 1961, 1962).

Орошаемое земледелие в истории человечества

В истории человечества возраст орошаемого земледелия насчитывает несколько тысячелетий. В развитии культур ранних обществ Востока орошаемое земледелие приобретает ведущее значение. Появление древних городов и государств было связано с организацией широких ирригационных работ, для чего были необходимы концентрация населения, централизованное управление, определенные знания

и опыт ведения орошаемого земледелия. Исторический процесс развития оазисов Средней Азии был связан с орошаемым земледелием (Гулямов, 1957, с.280).

Зарождение и развитие земледельческой культуры основывалось на ведении орошаемого земледелия, т.е. на искусственном обводнении и обработке земель, и, таким образом, культивировании на них сельскохозяйственных культур (Бартольд, 1914; Латынин, 1956, 1960, 1961; Заднепровский, 1962; Андрианов, 1970; Мухамеджанов, 1978; и др.).

Так, наблюдения показывают, что орошаемое земледелие в аридных (засушливых) зонах является одним из основных факторов высокой производительности труда (Limbrey, 1975). В засушливых регионах, несмотря на сухость климата и высокие температурные отметки в течение года, при периодическом искусственном увлажнении земель микроклимат почв изменяется в положительную сторону, с поливной водой привносится ил, содержащий минеральные и органические вещества, почвы становятся пористыми и структурными, увеличивается запас гумуса и доля тяжелого механического состава, что ведет к резкому повышению плодородия почв (Димо, 1911; Кочубей, Сучков, 1969; Дунин-Барковский, 1976; А.Максудов, 1979; Кочубей, 1982). Это свойство почв аридных зон было замечено человеком еще в глубокой древности.

Появление высокоразвитой земледельческой культуры прямо зависело от возможности ведения ирригации на тех или иных участках, т.е. от природно-экологических условий местности, которыми обладали природные ландшафты на территории ранних государств Шумера, Египта, Индии, Китая, а также Средней Азии (Renfrew, 1976; Kohl, 1981; Lamberg-Karlovsky, 1981).

В результате исследования почв, окультуренных в процессе многолетнего периодического орошения и представляющих собой определенный тип староорошаемых почв, возможно воссоздание истории орошаемого земледелия (Генусов и др., 1960; Генусов и др., 1972; Limbrey, 1975). Такие

почвы формируются под влиянием деятельности человека, в частности, искусственного орошения и входят в число антропогенных почв (Добровольский, 1968; Калюжный, 1956). Основным критерием выделения староорошаемых почв является наличие в них агроирригационных горизонтов или отложений.

Агроирригационные наносы как результат ирригации

Известно, что при периодическом увлажнении земель в почвах происходят глубокие изменения. При многовековом искусственном орошении почв образуется мощный слой так называемых «агроирригационных» или же «культурно-ирригационных» наносов. В антропогенном почвоведении известно, что агроирригационные наносы накапливаются в результате систематического многолетнего орошения и ведения мелиоративных работ на почвах засушливых (аридных) регионов.

Увеличение мощности агроирригационных горизонтов происходит следующим образом: при поливе с поливной водой привносится масса наносов - так называемые «взвешенные частицы» (т.е. горные породы, растворенные в речной воде, ил и др.), которые оседают на поля (рост вверх), затем происходит развитие и обработка подстилаемых естественных почв корнями растений и микроорганизмами, которые свободно доходят до нижних горизонтов с помощью искусственной влаги (рост вниз). Эти факторы способствуют увеличению мощности агроирригационных отложений, кроме того, важную роль играют также такие факторы, как длительность ведения земледелия, мутность оросительных вод, гипсометрическое положение (уклон орошаемых полей), методы орошения, внесение органических и минеральных удобрений и т.д.

В отличие от естественных целинных почв, в составе агроирригационного горизонта имеется определенное количество мелких частиц древесного угля, золы, обожженной глины, обломки глиняной посуды и другие антропогенные включения, т.е. следы хозяйственной деятельности человека.

Почвенные исследования показывают, что в условиях Средней Азии в результате орошаемого земледелия в год наносится в среднем от 0,5 до 1-2 мм агроирригационных наносов (Орлов, 1934), и, таким образом, при систематическом орошении в течение тысячи лет накапливается примерно один метр таких отложений.

Периодическое привнесение взвешенных частиц и хозяйственного мусора с оросительными водами в течении тысячелетий приводит к образованию агроирригационных наносов толщиной в 2-3 метра. По расчетам Н.Г. Минашиной, при накоплении агроирригационных наносов поверхность почв Мургаба поднимается в среднем со скоростью 1 мм в год (Минашина, 1962).

Влияние мутности оросительных вод на изменение (увеличение мощности) почвенного покрова подробно описано в работах почвоведов; отмечена дифференциация взвешенных частиц на орошаемых землях (Минашина, 1974, с.129).

В связи с этим необходимо учитывать степень среднегодовой мутности рек, что является одним из факторов образования мелкоземистых отложений, на которых формировались естественные почвы. Известно, что мутность речных вод в Ферганской долине колеблется в очень широких пределах и зависит от природных условий площади водосбора той или иной реки (Шульц, 1969; Щеглова, 1980).

По определению почвоведом М.А. Панкова, реки Средней Азии содержат в 1 м³ от 0,15 до 4 кг взвешенного вещества, в результате чего на орошаемые земли в один год оседает около 1-2 мм взвешенных частиц (Панков, 1957). Среднегодовая мутность воды рек Южной Ферганы составляет 0,88 кг/м³.

Принципиально важное значение в образовании агроирригационных отложений имеет гипсометрическое положение (уклон) орошаемых полей. Земли с незначительным уклоном поверхности благоприятствуют накоплению таких отложений и развитию орошаемого земледелия. В этом отношении исследуемый район – внешний конус выноса Маргиланская – входит в бла-

гоприятную зону со средним уклоном поверхности от 0,0005 до 0,04.

Археолого-географическое изучение Маргилансайского оазиса

Маргиланский оазис начинается при выходе реки из горной местности в зону адыров и делится на две части – верхний (заадырный) и нижний (равнинный) микрооазисы (Рис.1).

Верхний микрооазис длиной 25 км с максимальной шириной около 10 км имеет вытянутую форму и включает в себя территорию, простирающуюся на юге от поселка Вуадиль до селения Ярмазар. В районе селения Ауваль река Маргилансай расходится на множество рукавов, образуя верхний конус выноса, другими словами – первый дельтовый веер. А севернее, у селения Ярмазар, все второстепенные потоки реки снова соединяются в одно русло. В этом микрооазисе расположен современный город Фергана. На крайнем юге заадырный микрооазис граничит с предгорьями Памиро-Алая. С юго-запада на северо-восток микрооазис пересекает гряда Чимионских адыров, невысоких возвышенностей, типичных для предгорной зоны всей Ферганской долины, где было зафиксировано и изучено множество разновременных могильников, датированных от периода бронзового века вплоть до раннего средневековья. Вдоль дельтовых протоков расположено небольшое количество древних поселений и городищ земледельцев. Наиболее древним и многослойным памятником на территории верхнего микрооазиса считается поселение Сымтепе.

После выхода из заадырного микрооазиса, Маргилансай проходит через узкий проход в адырных поднятиях между селениями Ярмазар и Ходжа-Муаззам и затем вторично расходится на мелкие рукава. Другими словами, нижний дельтовый веер образует нижний (или равнинный) микрооазис, имеющий форму широкого конуса шириной 15 км и длиной 18 км. На территории нижнего микрооазиса расположен современный Маргилан.

На востоке микрооазис граничит с Исфайрамсайским оазисом, на западе - с малыми оазисами Файзабадсая и Алтыарак-

сая. На севере воды Маргилансая уходят в пески Центральной Ферганы. Здесь зафиксировано около десяти древних поселений и городищ. Одним из опорных памятников на этой территории считается недавно обнаруженный и полностью нами изученный памятник Кызлартепе.

Таким образом, учитывая природно-геоморфологические и гидрографические особенности и различия, Маргилансайский оазис целесообразно изучать, разделив на два микрооазиса. Именно на основе этих особенностей развиваются почвенно-экологические условия, что является одним из ведущих факторов возникновения здесь древнего земледелия, основанного на искусственном орошении.

Как и все остальные регионы древнего земледелия, в Маргилансайском оазисе освоение под орошаемое земледелие шло поэтапно: сначала осваивались наиболее плодородные участки с благоприятными условиями для ведения земледелия, позже, с ростом населения и приобретением навыков, земледельцы осваивали новые целинные земли.

Агроирригационные наносы в Ферганской долине

Ферганская долина, в силу своего географического расположения в аридной зоне, где зарождение искусственной ирригации и земледельческой культуры имеет глубокие корни, входит в число регионов, исследование которых особенно важно для реконструкции исторического процесса. Из письменных источников известно, что во второй половине I тысячелетия до нашей эры в Ферганской долине существовало одно из древнейших независимых государств на территории Узбекистана, именуемое в китайских исторических источниках как «владение Давань» (Бичурин, 1950).

Археолого-географическими исследованиями, проводившимися сотрудниками Института археологии на протяжении последних лет (1994-1999 гг.) в Маргилансайском оазисе, были получены принципиально новые данные о становлении и развитии земледельческой культуры в Южной Фергане.

С целью выявления агроирригационных слоев вокруг памятников Сымтепе (верхний микрооазис) и Кызлартепе (нижний микрооазис) были заложены многочисленные шурфы и почвенные разрезы, показавшие, что территория вокруг памятников использовалась древним населением под орошаемое земледелие задолго до их основания.

Археологические исследования свидетельствуют, что в Маргилансайском оазисе, в первую очередь, осваивалась верхняя часть, т.е. задырный микрооазис. Об этом свидетельствует когда-то находившееся здесь одно из самых древних поселений земледельцев Южной Ферганы – памятник Сымтепе, относящийся к периоду раннего железного века. Этот ранний этап интенсивного освоения датируется периодом от IV-III веков до нашей эры до рубежа нашей эры.

Основным датирующим материалом из нижних слоев поселения Сымтепе (Сымтепе-1) является светлофонная станковая керамика эйлатанского типа (периода раннего железа), найденная здесь в большом количестве (Горбунова, 1974, с.102). Так, нижние слои Сымтепе, где в закладке помещения были найдены многочисленные фрагменты белофонной станковой керамической посуды эйлатанского типа, датируются Н.Г. Горбуновой в пределах IV-III веков до нашей эры (Горбунова, Козенкова, 1974, с.103).

С целью изучения становления и динамики развития орошаемого земледелия на территории Маргиланского оазиса в полевом сезоне 1997-1998 годов нами было проведено археолого-географическое обследование Сымтепинского микрооазиса, в частности, были заложены два шурфа на территории, прилегающей к памятнику Сымтепе (Рис. 2, Рис. 3).

Разрез 12. Почва лугово-оазисная; Пункт – Фергана; Глубина разреза – 195 см; Материнская порода и подпочва – пролювиальные отложения; Глубина грунтовых вод – глубже 800 см; Глубина взятия образцов – 0-38, 38-64, 64-91, 91-124, 124-146, 146-185, 185-195 см (рис. 2).

Слой 0-38 см. Серого цвета, низкой влажности, средний суглинок, зернистой

структуры, уплотненный, развита корневая система, проработан микроорганизмами, встречается окатанная галька диаметром 1 см, мелкие обломки гончарной посуды, обожженной глины, кости животных, угольки дров и т.д. (культурный слой).

Слой 38-124 см. Темно-серого цвета, средней влажности, средней суглинок, комковатой структуры, плотный, развита корневая система растений, проработан микроорганизмами, встречается большое количество обломков керамики, местами встречается окатанная галька диаметром 2-3 см (агроирригационный горизонт).

Слой 124-146 см. Светло-серого цвета, влажный, легкий суглинок, бесструктурный, плотный, развита корневая система, проработан микроорганизмами (стерильная прослойка).

Слой 146-185 см. Темно-серого цвета, влажный, средний суглинок, комковатой структуры, слегка уплотненный, встречаются одиночные корни растений, местами следы деятельности микроорганизмов, встречаются частицы обожженной глины, угольки дров и т.д. (погребенный агроирригационный слой).

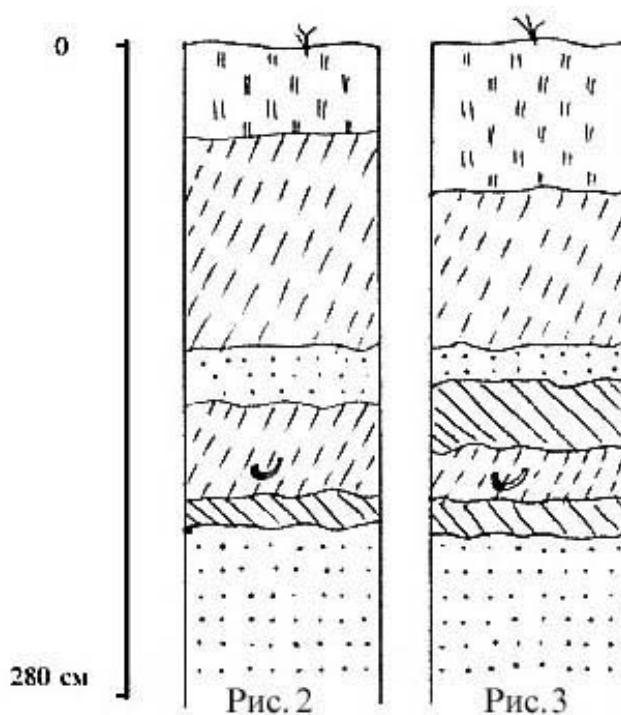

Рис. 2. Археолого-палеогеографический разрез № 12 (Сымтепе)

Рис. 3. Археолого-палеогеографический разрез № 13 (Сымтепе)

Слой 185-195 см. Темно-серого цвета, плотный, средний суглинок, комковатой структуры (погребенный мелкозем).

Слой 195 см и глубже. Серого цвета, влажный, песок (материк).

Разрез 13. Почва лугово-оазисная; Пункт – Фергана; Глубина разреза – 205 см; Материнская порода и подпочва – пролювиальные отложения; Глубина грунтовых вод – глубже 800 см; Глубина взятия образцов – 0-60, 60-132, 132-150, 150-185, 185-205 см (рис. 3).

Слой 0-60 см. Серого цвета, влажный, средний суглинок, мелкозернистой структуры, плотный, развита корневая система, проработан микроорганизмами, встречается окатанная галька диаметром 0,7 см, мелкие обломки гончарной посуды, обожженной глины, кости животных, угольки дресвы и т.д. (культурный слой).

Слой 60-132 см. Темно-серого цвета, влажный, тяжелый суглинок, крупнозернистой структуры, плотный, развита корневая система растений, проработан микроорганизмами, встречается множество фрагментов керамики, встречается окатанная галька диаметром 2 см (агроирригационный горизонт).

Слой 132-150 см. Светло-серого цвета, влажный, супесь, бесструктурный, плотный, развита корневая система, проработан микроорганизмами (стерильная прослойка).

Слой 150-185 см. Темно-серого цвета, плотный, средний суглинок, пылевато-зернистой структуры (погребенный мелкозем).

Слой 185-205 см. Темно-серого цвета, влажный, средний суглинок, крупнозернистой структуры, плотный, встречаются одиночные корни растений, местами следы деятельности микроорганизмов, встречаются частицы обожженной глины, угольки дресвы и т.д. (погребенный агроирригационный горизонт).

Слой 205-220 см. Бурого цвета, плотный, тяжелый суглинок, зернистой структуры (погребенный мелкозем).

Слой 220 см и глубже. Серого цвета, влажный, песок (материк). Как видно из описания шурфов, под нижними культур-

ными слоями памятника Сымтепе в свое время шло формирование агроирригационных наносов толщиной от 40 до 80 см. Так, результаты исследования почвенных профилей позволяют сделать вывод о том, что до заселения Сымтепе эта территория была освоена и использовалась под орошаемое земледелие. Это свидетельствует о том, что эта местность орошалась не менее чем 4-5 столетий еще до основания поселения Сымтепе, если исходить из того, что нарастание агроирригационных отложений происходит в среднем 1 мм в год (Орлов, 1934; Панков, 1957; Минашина, 1974).

Так, материалы исследований позволяют сделать вывод о том, что Сымтепе было основано в IV-III вв. до н.э. земледельцами Маргилансайского оазиса. Ведение орошаемого земледелия в этой части оазиса началось до его заселения, видимо, еще в IX-VIII вв. до н.э.

Второй этап освоения знаменуется резким увеличением количества поселений и городищ в Маргилансайском оазисе на рубеже нашей эры; среди них одним из базовых является новый, наиболее хорошо изученный памятник Кызлартепе, расположенный в нижнем микрооазисе. Археологическое исследование позволяет датировать этот (второй) этап периодом от рубежа нашей эры до V-VI веков нашей эры.

С целью дальнейшего выявления и изучения других археологических памятников проводились широкие и сплошные разведки на всей площади данного микрооазиса. В результате было обнаружено местонахождение древних культурных остатков на территории махалли Машъад, находящейся в западной части города.

Удалось выяснить, что на месте кладбища Машъад, занимающего в данный момент значительную территорию (около 3-4 га), ранее располагалось небольшое тепе, остатки городища высотой до 4 м и диаметром более 100 м, которое было спланировано при благоустройстве кладбища.

Здесь, на восточной окраине современного действующего кладбища Машъад, на расстоянии 700 м к юго-востоку от Кызлартепе был заложен один из опорных

стратиграфических шурфов обозначенный “Тепе 2” на месте бывшего тепе (холма). Размеры шурфа - 4x2 м, глубина 4 м (Рис. 4):

Слой 1 (0-5 см). Серого цвета, сухой, легко-суглинистого состава, пылеватой структурой, слабой плотности. Корневая система растений хорошо развита, сильно обработан микроорганизмами. Без включений.

Слой 2 (5-70 см). Слой потревожен при планировочных работах. Серовато-желтого цвета, сухой, среднесуглинистого состава, пылеватой структурой, средней плотности. Корневая система растений среднеразвита, обработан микроорганизмами. Здесь обнаружены фрагменты керамики античного, раннесредневекового и средневекового облика.

Слой 3 (70-300 см). Плотный однородный слой без каких-либо включений. Серо-коричневого цвета, комковатой структуры.

Слой 4 (300-340 см). Серого цвета, средней влажности, среднесуглинистого состава, пылеватой структуры, плотный. Корневая система растений хорошо развита, обработан микроорганизмами. Непотревоженный мощный однородный культурный слой. Отсутствуют архитектурные остатки, но в слое найдено небольшое количество костей крупного и мелкого рога-

того скота и несколько десятков фрагментов, в основном красноангобированной керамической посуды.

Слой 5 (340-400 см). Темно-серого цвета, влажный, средне-суглинистого состава, комковатой структуры, плотный, пористый. Корневая система растений плохо развита, обработан микроорганизмами. Редко встречается мелкая окатанная галька диаметром до 1,5 см, а также дробленые кусочки красноангобированной керамики. Агроирригационный слой.

Слой 6 (400 см и глубже). Серовато-синего цвета, имеются пятна ржавчины, увлажнен, суглинисто-песчаного состава, бесструктурный слой, отсутствуют корни растений, микроорганизмы, и следы хозяйственной деятельности. Часто встречается окатанная галька диаметром до 1 см. Материк.

Здесь был выявлен комплекс керамической посуды из культурного слоя 3, датируемый III-IV веками нашей эры. Таким образом, установлено, что в данный период на этом месте существовал крупный памятник.

К сожалению, в площадь заложенного шурфа не попали остатки архитектурных строений данного периода, однако характер отложений 5-слоя толщиной 60 см, безусловно, говорит о накоплении здесь агроирригационных горизонтов в результате земледелия в период до появления памятника.

При рекогносцировочных работах на западной окраине современного г. Маргилана особое внимание было обращено на то, что в многочисленных строительных котлованах и на могильных холмиках кладбища часто встречаются фрагменты керамики с красным ангобом и раннесредневекового облика. Так, с целью выявления археологических остатков на территории вокруг Тепе-2 и памятника Кызлартепе в махалле Машгад, было заложено множество разведочных стратиграфических шурфов (более 35). Для этого вся территория между Тепе-2 и Кызлартепе была поделена на условную квадратную сетку с длиной сторон и квадраты по 100 м. Почти в каждом квадрате площадью в один гек-

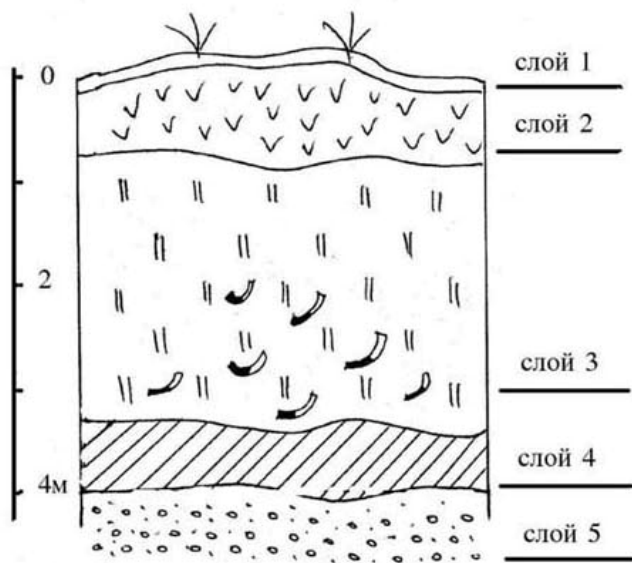

Рис. 4. Археолого-палеогеографический разрез (Тепе 2)

тар был заложен один опорный стратиграфический шурф для выявления характера культурных напластований.

Таким образом, в 13 из 35 шурфов, заложенных на этой территории, были получены археологические материалы об обживании западной части г.Маргилана (территория современной махалли Машъад) в древний период. Приводим описание некоторых из них:

Шурф-6 (рис. 5). Заложен в центральной части махалли Машъад на расстоянии 350 м к юго-востоку от Кызлартепе. Размеры шурфа - 1,5x1 м и глубина 200 см.

Слой 1 (0-5 см). Серого цвета, влажный, легко-суглинистого состава, зернисто-порошистой структуры, рыхлый. Корневая система растений развита, обработан микроорганизмами.

Слой 2 (5-120 см). Светло-коричневого цвета, средней влажности, легкосуглинистого состава, крупно-зернистой структуры, средней плотности. Корневая система растений развита, обработан микроорганизмами. Слой переотложен при новостройках. Здесь встречено множество фрагментов глазурованной и красноангобированной керамики.

Слой 3 (120-150 см). Зеленовато-серого цвета, влажный, средне-суглинистого состава, комковатой структуры, плотный, непо потревоженный культурный слой. Из слоя происходят несколько фрагментов сосудов без ангоба и с красным ангобом.

Слой 4 (150-200 см). Серо-коричневого цвета, влажный, тяжело-суглинистого состава, зернистой структуры, плотный, пористый. Развита корневая система растений, обработан микроорганизмами. Встречаются угольки дресвы и мелкие черепки керамики. Агроирригационный слой.

Слой 5 (200 см и глубже). Сизого цвета, влажный, песок, плотный, бесструктурный. Отсутствуют корни растений, микроорганизмы и следы хозяйственной деятельности. Материк.

Шурф-8 (рис. 6). Заложен в центральной части махалли Машъад на расстоянии 650 м к юго-востоку от Кызлартепе. Размеры шурфа - 1,5x1 м и глубина 210 см.

Слой 1 (0-5 см). Темно-серого цвета, влажный, легкосуглинистого состава, ком-

коватозернистой структуры, рыхлый. Корневая система растений развита, обработан микроорганизмами.

Слой 2 (5-110 см). Желтовато-коричневого цвета, средней влажности, суглинистого состава, порошистой структуры, рыхлый. Корневая система растений развита, обработан микроорганизмами. Слой переотложен при новостройках. Здесь встречено множество фрагментов глазурованной и красноангобированной керамики, костей животных.

Слой 3 (110-150 см). Серовато-коричневого цвета, влажный, легкосуглинистого состава, комковатой структуры, плотный, непо потревоженный культурный слой. Из слоя происходят несколько фрагментов красноангобированных сосудов.

Слой 4 (150-210 см). Светло-коричневого цвета, средней влажности, суглинистого состава, комковатозернистой структуры, плотный, пористый. Развита корневая система растений, обработан микроорганизмами. Встречаются угольки дресвы и мелкие черепки керамики. Агро-

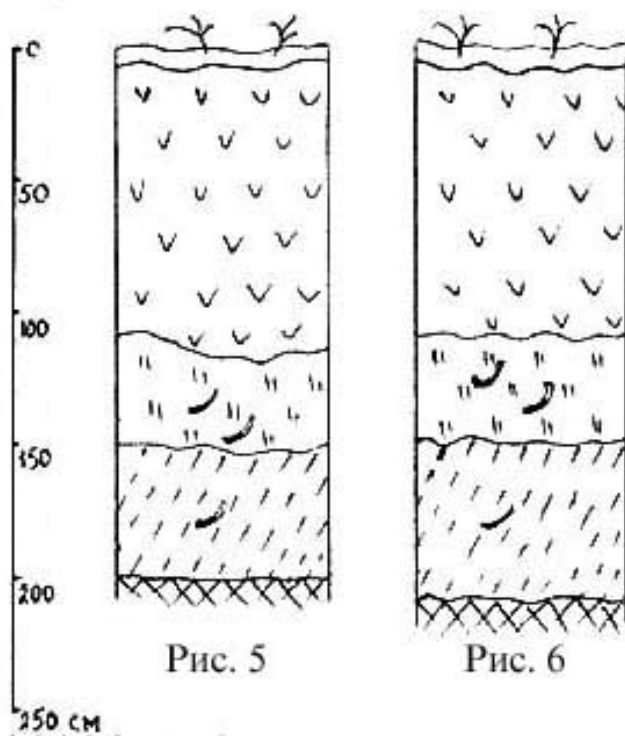

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 5. Археолого-палеогеографический разрез (шурф 6. Машъад)

Рис. 6. Археолого-палеогеографический разрез (шурф 8. Машъад)

ирригационный слой.

Слой 5 (210 см и глубже). Серого цвета, влажный, супесчаного состава, плотный, бесструктурный. Отсутствуют корни растений, микроорганизмы и следы хозяйственной деятельности. Материк.

Как видно из описания шурфов, современное густое заселение и хозяйственная деятельность на территории западной части города Маргилана сильно нарушили древние культурные напластования. Но, несмотря на это, на глубине около 1 метра сохранились незначительные остатки культурных слоев с наличием красноангобирванной керамики. Ареал непрерывного распространения этих слоев простирается на площади около 20-25 гектаров, что говорит о больших размерах существовавшего здесь поселения с интенсивным обживанием, т.е. имевшим урбанизированный характер.

Керамические материалы, происходящие из 13-ти рекогносцировочных шурфов на территории квартала Машъад, на основе сравнительно-типологического анализа датируются первыми веками нашей эры. Также следует учесть, что почти во всех шурфах в нижних горизонтах имеются агроирригационные наносы толщиной 50-60 см, что говорит об интенсивной ирригации данного участка в период до заселения изученных археологических памятников.

Итак, подводя итоги на данном этапе исследований, можно утверждать, что наиболее ранним памятником оседло-земледельческой культуры в Южной Фергане считается поселение Сымтепе (IV-III вв. до нашей эры) с керамикой эпохи раннего железа или эйлатано-актамской культуры.

В следующем периоде (II-I вв. до н.э.), кроме Сымтепе (с культурными слоями 2-го горизонта), появляются наибольшие земледельческие поселения (нижние слои Кызлартепе) (рис. 7).

К IV веку нашей эры в Маргиланском оазисе функционирует крупное поселение с центром в нижнем течении Маргилансая (Кызлартепе и Машъад) (рис. 7). Кроме того, известно еще несколько поселений и городищ (площадью от 0,1 до 4 гектаров) как в верхнем, так и в нижнем течении Маргилансая, датируемых первыми веками нашей эры.

Этапы развития орошаемого земледелия и урбанизация

Из поколения в поколение передавался опыт ведения орошаемого земледелия. Постепенно совершенствовались способы поливов, что вело к расширению ирригационного земледелия, были упорядочены ресурсы рек, саев и сезонных селевых потоков.

Известно, что одним из широко распространенных способов орошения является вывод из сая или реки самотечных водных артерий «арыков». Обводнение велось способом грядок (подпочвенное орошение), в которых оросительная вода застаивалась дольше. При таком способе ороше-

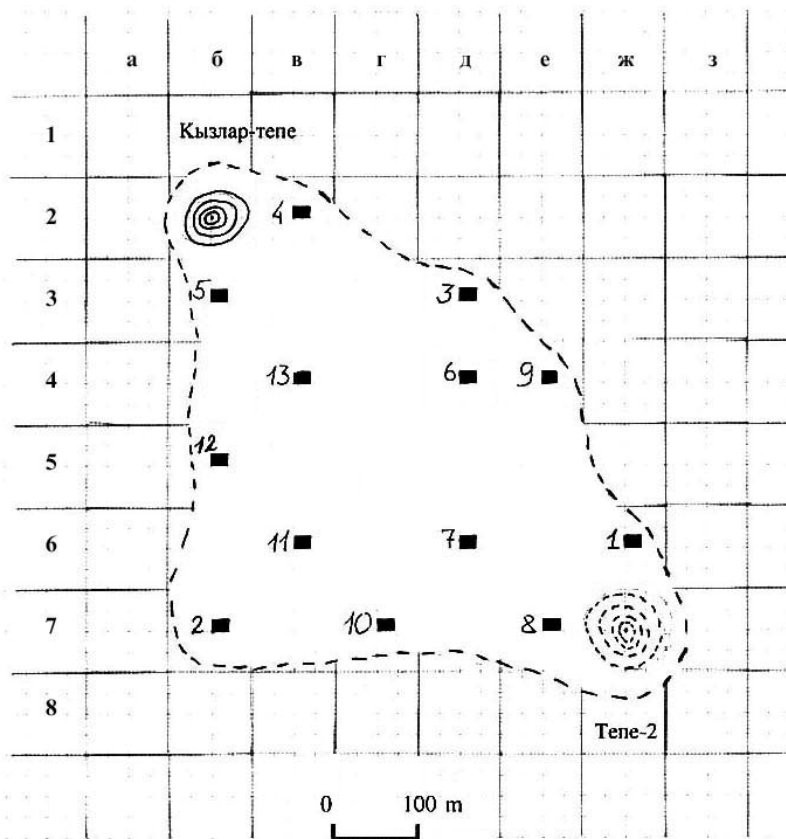

Рис. 7. Предполагаемая площадь раннего города Маргилана

ния уклон полей теряет свою значимость, все массы, принесенные оросительной водой, оседают на поле. Кроме системы грядок, использовались и другие способы – такие как лиманное, кыризное, чигирное земледелие и т.д.

В результате многолетней ирригационно-мелиоративной деятельности человека отлагаются агроирригационные горизонты – древнеорошаемые почвы антропогенного характера – свидетельство культурного земледелия, что ярко прослеживается при сплошном археолого-почвенном исследовании оазиса. Изучением этих слоев получены важные в хронологическом отношении результаты, которые могут быть привлечены именно в таких условиях, где малочисленны или совсем отсутствуют археологические материалы.

Исследователи наиболее ранней земледельческой культуры Ферганы эпохи бронзового века считают, что в чустский период (второй половины II - начало I тыс. до нашей эры) земледелие достигло значительного развития. На раннем этапе велось лиманное орошение. Орошались выборочно сначала наиболее плодородные, а затем и менее плодородные земли.

В связи с развитием общества и увеличением численности населения возрастают потребности в сельскохозяйственной продукции, в результате чего увеличивается площадь орошаемых земель, и вместе с тем увеличиваются масштабы влияния человека на природу (Беляев, 1981; Куракова, 1976; Куракова, 1983; Мильков, 1973; Чемяков, 1972).

С географической точки зрения, в условиях Ферганской долины землями первоочередного освоения под орошаемое земледелие считаются поймы и надпойменные террасы крупных рек Карадарьи, Нарына и Сырдарьи, а также верхние части мелких конусов выноса рек - в Южной Фергане это Алтыарыксай, Маргилансай, Исфайрамсай и Кувасай.

Крупные же конусы выноса рек, такие как Сох и Исфара (в Южной Фергане), были освоены позже, начиная со средней части конуса выноса далее вверх и вниз. Это обстоятельство также связано с наи-

более благоприятными в геоморфологическом отношении условиями, присущими средним частям дельт крупных рек (Максудов, 1990), о чем свидетельствуют антропогенные оазисные почвы, т.е. территории с наиболее древними формами антропогенных ландшафтов, расположенные на этих конусах выноса при выходе из адыров или предгорий, а также и археологические памятники эпохи древности (рис. 8).

Почвенно-географические и археологические исследования показывают, что взаимоотношения человека и природы в древности наиболее ярко проявлялись через влияние человека на природу в процессе ведения орошаемого земледелия. Агроирригационные отложения как форма антропогенного ландшафта формировались, в первую очередь, в наиболее благоприятных в сельскохозяйственном отношении землях.

До настоящего исследования, на территории Южной Ферганы, в частности, Маргилансайского оазиса наиболее древним археологическим свидетельством существования земледельческой культуры считалось поселение Сымтепе, датируемое IV-III веками до нашей эры (Горбунова, Козенкова, 1974, с.92). Памятники чустской культуры, характерные для периода поздней бронзы Восточной и Северной Ферганы, на территории Южной Ферганы не обнаружены, но зато здесь зафиксировано множество могильников эпохи раннего железа, таких, как Актамский, Кунгайский, Суфанский, Валикский и т.д.

Наиболее раннее поселение Маргилансайского оазиса датируется более поздним периодом – IV-III веками до нашей эры (Сымтепе I).

Нами были зафиксированы агроирригационные отложения под культурными слоями Сымтепе, свидетельствующие о ведении земледелия еще до основания Сымтепе, что подтверждает предположение Н.Г. Горбуновой о том, что население, оставившее могильники адырной зоны Южной Ферганы, занималось земледелием.

Основное количество поселений этого

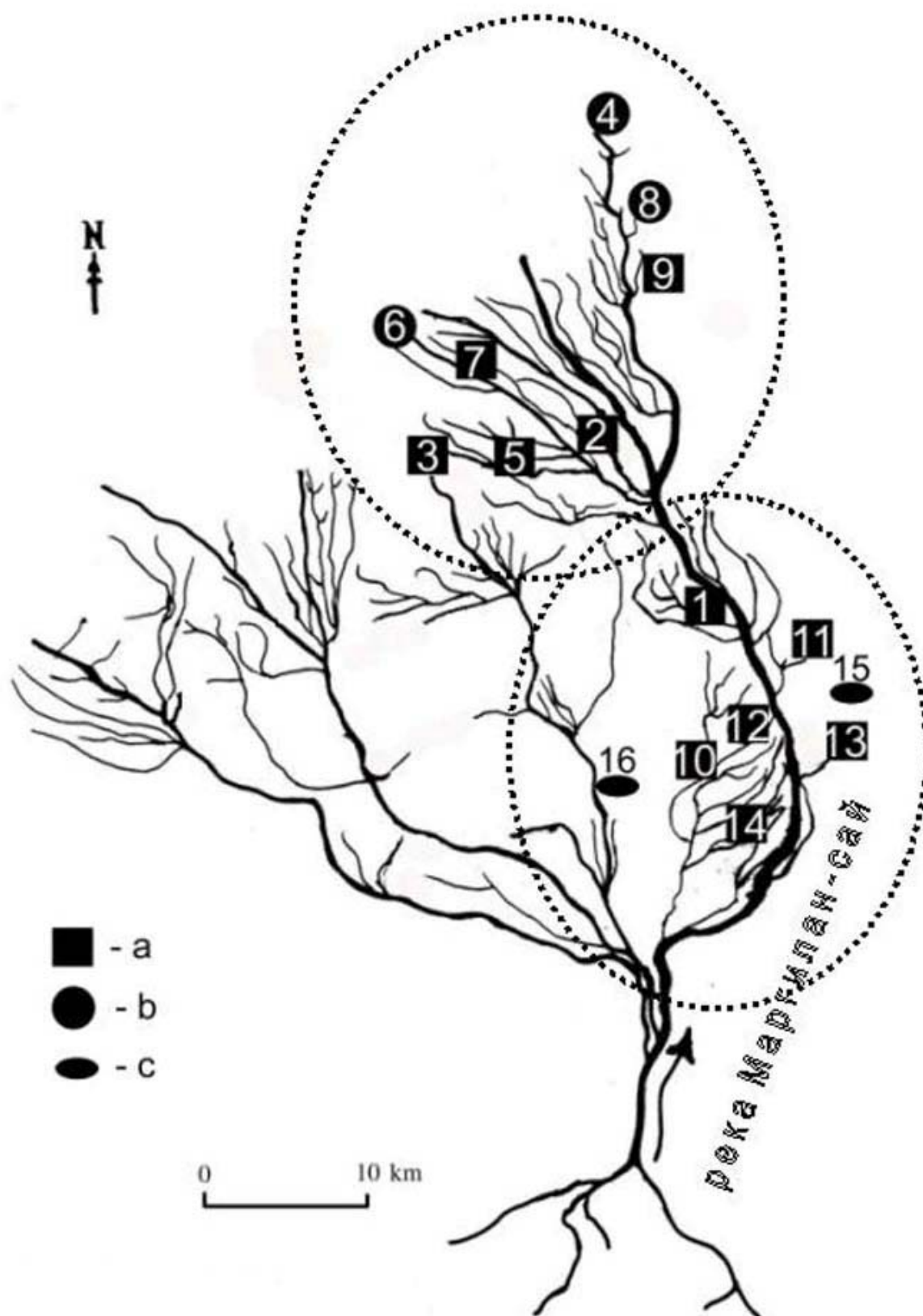

Рис. 8. Конус и вынос Маргелансая и археологические памятники: 1 - Сымтепе; 2 - Кызлартепе; 3 - Актепа (Маргеланское); 4 - Усмон тепе; 5 - Камыштепа; 6 - Корттепе; 7 - Лянгармазар тепе; 8 - Шамирзаттепе; 9 - Шахарттепе; 10 - Худжам-пошо; 11 - Актепе; 12 - Безымянное тепе; 13 - Мазарттепа; 14 - Муг-пошо; 15 - Урюкзор; 16 - Янгиабд.
a - городища; *b* - поселения; *c* - могильники

периода, возможно было, распаханно в поздний период или же хранится в погребенном виде под мощными культурными напластованиями поздних времен.

Видимо, до основания Сымтепе эта округа использовалась под орошаемое земледелие. Следовательно, в жизни населения, оставившего могильники предгорной полосы эпохи раннего железа, очевидно, земледелие занимало важное место. Более того, думается, быт этого населения имел земледельческо-скотоводческий характер с отгонным сезонным скотоводством и земледелием на естественно орошаемых лиманных (болотистых) участках междырной зоны. Такая ситуация, видимо, являлась характерной чертой экономики населения Южной Ферганы в рассматриваемый период.

В конце I тысячелетия до нашей эры в развитии земледелия Южной Ферганы наблюдается резкий скачок: появляется большое количество поселений, располагавшихся по всей длине конуса рек, идет освоение новых земель, использование которых требовало знаний и опыта по ведению искусственной ирригации (оросительные системы и т.д.)

В этом отношении особенно значительный интерес представляют исследования Керкидонских поселений на самом востоке Южной Ферганы (Горбунова, Оболдуева, 1966; Горбунова, 1977). Здесь было расположено 10 поселений, часть из них исследовалась: Мыкты-Курган, Майдате-пе, поселение 5а, тепе 5, Чунтепе, существовавших в одно время. Так, авторы исследований приходят к выводу о том, что здесь имела группа поселений. Среди них как минимум два были укреплены, причем одно из них можно считать административным центром, другое специализировалось на виноделии; крепости, защищавшей оазис и являвшейся местом укрытия для населения; культового сооружения, общего для всех поселений, и кладбища. Установить, была ли здесь ирригационная сеть в древности, не удалось из-за сильной распаханности района, но многочисленные глубокие овраги, тянущиеся от Карачатырских адыров вниз к равнине по

линии юг-север позволили геоморфологам сделать заключение о возможности существования здесь в древности небольших арыков, берущих начало в родниках Карачатыра. Эти древние оросительные арыки и стали причиной эрозии почв и появления оврагов (Горбунова, 1977, с.115).

Анализ материала из Керкидонских поселений позволяет сделать вывод о высокой земледельческой культуре населения Керкидонского оазиса в первых веках нашей эры. Благоприятные гидрографические и почвенно-экологические условия данной местности, видимо, явились предпосылкой возникновения и развития здесь культуры орошаемого земледелия. Все это еще раз свидетельствует о широких масштабах освоения новых земель на рубеже новой эры и высоком уровне земледельческой культуры.

Также интересна картина и на самом западе Южной Ферганы, в Сохском оазисе – самом крупном конусе выноса юга долины. В головной части Сохского конуса выноса рек в первых веках нашей эры, но возможно и раньше, была построена Сарыкурганская крепость, вероятно, с постоянным гарнизоном, в задачу которой входила защита представителей власти, регулировавших распределение воды Соха (Гулямов, 1951, с. 85-122). Действительно, топографическое расположение крепости Сары-Курган в головной части Сохского веера, на высоком естественном холме, а также особенности архитектуры (здание построено на высоком стилобате и имело бойницы в оборонительных стенах), позволяют согласиться с такой точкой зрения. Таким образом, крепость Сары-Курган, на наш взгляд, является уникальным памятником по истории ирригации и земледельческой культуры всей Ферганской долины, а также истории общественных отношений древних земледельцев.

Картографирование и изучение археологических памятников (по опубликованным материалам) по остальным веерам рек Южной Ферганы позволило нам пересмотреть вопрос функционального назначения некоторых памятников и выделить еще несколько таких крепостей и поселе-

ний, расположенных в головных частях верхних и нижних конусов выноса, и, вероятно, являвшихся местом пребывания представителей власти, регулировавших распределение воды. Среди них отмечаются:

- поселение Юкары-Муян, расположенное на правом берегу реки Куvasай, у выхода ее из горной зоны. Здесь имеется своеобразная задырная впадина, где река успевает развить небольшой веер – верхний конус. Памятник расположен в начале этого конуса и имеет удобное расположение для регулировки оросительных вод. Тепе диаметром 50 м, высотой 9 м, предварительно датируется первыми веками нашей эры (Горбунова, 1975, с.536-537);

городище Караултепе, расположенное на правом берегу реки Куvasай, у вторичного выхода ее из ущелья. Здесь река начинает разливаться по нижнему вееру, следовательно, это самое удобное место для регулирования оросительных вод Куvinского оазиса. Памятник овальной формы, диаметром 35x24 м, высотой 3 м, вытянут в направлении север-восток. Предварительно датируется первыми веками нашей эры (Жуков, 1940, с.22-23);

- крепость Муг-Кала, расположенная на адырной возвышенности, к северу от кишлака Хангиз, у выхода реки Алтыарыксай из последнего межадырного ущелья перед дельтовым разливом. Это место также является стратегически важным в плане управления водными ресурсами. Крепость занимает три площадки на разной высоте, верхняя размером 60x20 м. На второй площадке сохранились остатки стен угловой башни. На третьей нижней площадке сохранились наиболее высокие участки стен с бойницами. Крепость окружена рвом, предварительно датируется первыми веками нашей эры (Горбунова, 1985, с.60);

- поселение Сурхтепе, расположенное у выхода реки Маргилансай из ущелья, перед разливом нижнего веера. В стратегическом отношении тепе находится в очень удачном месте – высоком естественном холме слева от реки. Видимо, Сурхтепе также являлось крепостью, где пребывали представители власти, управляющие вода-

ми Маргилансая. Памятник обследован Маргиланским отрядом в 1997 году. Здесь был заложен стратиграфический шурф, давший материалы VII-VIII веков нашей эры (Абдулгазиева, 1997).

Таким образом, картирование памятников, учитывая географо-гидрографическое положение, а также и археологические данные, позволяют по-новому представить своеобразную картину эволюции культуры орошаемого земледелия Южной Ферганы со специфическими общественными отношениями, начавшимися в первых веках нашей эры и продолжавшимися, по крайней мере, до раннего средневековья.

В свое время Я.Г. Гулямов, исследуя Сохский оазис, отмечал, что на многочисленных земледельческих поселениях и городищах, существовавших здесь в первые века нашей эры, постепенно прекращается жизнь. Причину замиранья жизни в этих городищах и поселениях он видит в сильном искусственном разветвлении Сохского веера, в результате чего оросительная сеть сокращалась, население постепенно оставляло необеспеченные постоянным орошением местности и передвигалось в верхние, более надежные места веера. По данным наблюдений, число населенных пунктов в этом районе сокращается и в III-IV веках нашей эры жизнь здесь вообще замирает. Следующий этап экономического и культурного подъема наблюдается в IX-X веках, в эпоху Саманидов и Караханидов. Так, впервые в истории материальной культуры данного района, автор отмечает три резких подъема – в III-II веках до нашей эры, в начале нашей эры и в период домонгольского средневековья (Гулямов, 1951, с.85-122).

Действительно, в период раннего средневековья на территории Южной Ферганы отмечается незначительное количество памятников. Причиной этого, возможно, является слишком большой забор вод из рек для орошения в предыдущий период, в результате чего поселения и городища на окраинах конусов рек перестают получать достаточное количество воды. Так начинается процесс постепенного переселения, приведший к прекращению жизни на мно-

гих памятниках. В связи с этим можно предположить, что крепости, предназначенные для регулирования оросительных вод – явление сравнительно позднее, т.е. такая система управления в Южной Фергане появляется в период, когда вода становится дефицитом.

Земледелие играло важную роль в жизни населения Южной Ферганы в рассматриваемый период. Из археологических исследований прошлых лет известно, что в первых веках нашей эры здесь высевались злаки: пшеница, ячмень, просо. При раскопках на Кызлартепе были обнаружены гранитные и гранодиоритовые зернотерки и обломки ручных жерновов. Также было развито садоводство, полеводство и огородничество. Особо следует отметить виноградарство. В связи с этим большой интерес представляют исследования поселения 5а в группе Керкидонских поселений, где был обнаружен крупный комплекс здания с винодельней и примыкавшими к ней комнатами хозяйственного назначения (Горбунова, 1977б, с.113; Горбунова, 1985, с.66-68).

Заключение

Ферганская долина, обладая благоприятными геоморфолого-гидрографическими и почвенно-экологическими условиями, была заселена и освоена под орошаемое земледелие уже в эпоху поздней бронзы. Об этом свидетельствуют поселения ранних земледельцев чувской культуры, распространенные в северной, восточной и юго-восточной частях долины.

Наблюдения показывают, что поселения чувцев в основном располагались в заадырных и межадырных впадинах, так как эти участки покрыты мощными (до 2 м) мелкоземистыми (плодородными) отложениями, обладают достаточными водными ресурсами и, таким образом, очень удобны для ведения земледелия.

В Южной Фергане заадырные и межадырные впадины начинаются только в ее центральной части, у кишлака Чимион и простираются далее на восток до Керкидонского водохранилища. Наиболее мощные (до 3 м) мелкоземистые отложения имеются в районе селений Чимион, Мин-

дон, Наукент, Кафтархана, Ауваль, Муян, Суфан, Найман и Ханкыз. Это говорит о том, что Южная Фергана обладала такими же благоприятными природными условиями, которые имелись в северных и восточных районах долины. Но, к сожалению, здесь поселения чувской культуры до сих пор не обнаружены, имеются лишь единичные находки (Заднепровский, 1962, с.48-49).

Археолого-палеогеографическими исследованиями, проведенными нами на месте поселения Сымтепе и в его округе, выявлены мощные (до 50-60 см) агроирригационные (или культурно-ирригационные) отложения, погребенные под этим памятником, что дает основание предположить, что эта местность орошалась не менее 4-5 столетий еще до основания поселения Сымтепе (т.е. поливное земледелие в Маргилансайском оазисе началось не позднее IX-VIII веков до н.э.). В связи с этим привлекают внимание многочисленные могильники адырной зоны, обнаруженные в 1950-60-х годах в центральной части Южной Ферганы, которые датируются VI-IV веками до н.э. (Горбунова, 1961а, с.171-194). В материальной культуре этих могильников («актамского» типа) характерно присутствие керамической посуды эйлатанского типа. Районирование актамских могильников показывает, что они также располагались в зоне заадырных и межадырных впадин, в боковых частях конусов выноса малых рек центральной части Южной Ферганы. Как видно, актамские могильники находились непосредственно в исконно земледельческой зоне, вблизи вышеупомянутых селений (Ауваль, Муян, Суфан и т.д.), где встречаются древние орошаемые почвы. Поэтому мы предполагаем, что актамцы являлись земледельцами, в хозяйственном укладе которых имело место и яйлажное скотоводство.

Исходя из вышеизложенного, предполагается, что не позднее IX-VIII веков до н.э. в южной части Ферганы и, в частности, в Маргилансайском оазисе, осваивается поливное земледелие. Сначала обрабатываются самые благоприятные участки,

которые находились вдоль р.Маргилансай.

Развитие культуры орошаемого земледелия приводит в IV-III веках до нашей эры к появлению урбанизированных поселений типа Сымтепе. К этому времени старгородская часть Маргилана в нижнем течении Маргилансая была занята под орошаемое земледелие, о чем свидетельствуют археолого-палеогеографические исследования, проведенные на этой территории.

В результате постепенного развития опыта и навыков ведения ирригационных работ, а также увеличения численности населения с приходом новых племен и интенсивного оседания кочевников-скотоводов, на рубеже нашей эры происходит бурный процесс освоения новых земель под орошаемое земледелие.

В этот период осваивается почти вся территория Ферганской долины, о чем свидетельствуют многочисленные памятники земледельческой культуры, распространенные по всей долине. Нашими исследованиями установлено, что именно в это время, в Южной Фергане на правом берегу Маргилансая в старгородской части Маргилана, на территории квартала Машъад создается крупное поселение урбанизированного характера площадью более 20 гектаров (городище Машъад), являвшееся центром земледельческого района (рис. 7).

В результате археолого-палеогеографических исследований выявлены особенности взаимодействия человека и природы в древний период. Древние земледельцы,

осваивая земли под орошаемое земледелие, создавали искусственные - антропогенные - ландшафты, отличающиеся от природных целым рядом качеств, в первую очередь, почвенно-экологическими условиями. При правильном использовании природных ландшафтов человек получал необходимые продукты сельского хозяйства. Вместе с искусственной ирригацией и мелиорацией земель увеличивалась мощность агроирригационных наносов, что является основным показателем высокого плодородия почв (превратившихся в антропогенные почвы). Ярким примером этого является трехтысячелетняя история орошаемого земледелия Маргилансайского оазиса.

Таким образом, интенсивное развитие орошаемого земледелия приводило к ускорению процесса урбанизации, вследствие чего экстенсивно расширялись границы распространения оседлоземледельческой культуры. Вместе с тем не позднее рубежа нашей эры происходят сравнительно большие качественные изменения – появляются урбанизированные центры – города Южной Ферганы эпохи античности (Маргилан, Кува). Позднее (по письменным источникам X-XI веков) они упоминаются как столичные города Ферганы.

В VII-VIII веках на территории Маргилана, в начале равнинного конуса, располагалась крепость Сурхтепе, вероятно, выполнявшая роль стратегической ставки, откуда представители власти регулировали воду Маргилансая.

Литература:

1. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье (итоги и перспективы) // СА, № 1. М., 1988.
2. Анарбаев А.А. Ферганский феномен урбанизации // Марказий Осиёда урбанизация пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари, 1995.
3. Анорбоев А.А. Қадимги ва ўрта асрларда Ахсикент // Ўзбекистон тарихида қадимги Фарғона. Тошкент, 2001.
4. Анарбаев А.А., Максудов Ф. К вопросу об определении возраста орошаемого земледелия // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. ТД международной конференции. Самарканд, 1995.
5. Анорбоев А.А. Ўзбекистон тарихида илк давлатчилик ва унинг ўрганилиш тарихидаги баъзи бир муоммалар // O'zbekiston tarixi журналы. Тошкент, 2004. № 4.
6. Андрианов Б.В. Древнее орошение системы Приаралья. М., 1970.
7. Андрианов Б.В. Из истории орошения в бассейне Аральского моря // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., Институт этнологии и антропологии, 1991.
8. Бабушкин Л.Н., Когай Н.А. Опыт физико-географического районирования Узбекской ССР // Научные труды ТашГУ (научный сборник), вып. 213. Ташкент, 1963.

9. Байпаков К., Грошев В.Г. Историческая динамика ирригации на Средней Сырдарье // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., Институт этнологии и антропологии, 1991.
10. Бартольд В.В. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914.
11. Беляев Г.К. Антропогенное воздействие на литосферу. Орджоникидзе, изд. Северо-Осетинского университета, 1981.
12. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Отв. ред. С.П. Толстов. М.-Л., вып. 2, 1950.
13. Вайнберг Б.И. Древняя история обводнения Присарыкамьшской дельты Амударьи в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., Институт этнологии и антропологии, 1991.
14. Генусов А.З., Горбунов Б.В., Кимберг Н.В. Почвенно-климатическое районирование Узбекистана в сельскохозяйственных целях. Ташкент 1960.
15. Генусов А.З., Горбунов Б.В., Кимберг Н.В. Классификация и диагностика почв Узбекистана // Труды Института почвоведения МСХ УзССР. Вып. 8, Ташкент, 1972.
16. Горбунова Н.Г. Кунгайский могильник // АСГЕ, № 3, 1961.
17. Горбунова Н.Г. К вопросу о датировке комплексов с шурабашатской керамикой в восточной Фергане // АСГЕ, № 18, 1977.
18. Горбунова Н.Г. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследований) // СА, № 3, М., 1977.
19. Горбунова Н.Г., Козенкова В.И. Симтепе – поселение в Фергане // АСГЕ, № 16, М., 1974.
20. Гулямов Я.Г. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве БФК // Труды института истории и археологии АН УзССР, вып. 4. Ташкент, 1951.
21. Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древних времен до наших дней. Ташкент, 1957.
22. Димо Н.А. Влияние искусственного орошения и повышенного естественного увлажнения на процессы почвообразования и перемещения солей в почвогрунтах Голодной степи Самаркандской области. Общество книгопечатников, 1911.
23. Добровольский В.В. География почв с основами почвоведения. М., 1968.
24. Дунин-Барковский Л.П. Физико-географические основы ирригации. М., 1976.
25. Дьяконов И.М., Якобсон В.А. “Номовые государства”, “территориальные царства”, “полисы” и “империи”. Проблемы типологии. ВДИ, № 2, М., 1982.
26. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. Отв.ред. В.М. Массон. МИА, № 118. М.-Л., 1962.
27. Заднепровский Ю.А. Чувствительная культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореферат дисс. д.и.н. М., 1978.
28. Заднепровский Ю.А. К истории расселения в первобытной истории Средней Азии // КСИА, № 161, М., 1981.
29. Заднепровский Ю.А. Динамика развития оседлоземледельческой культуры Ферганы // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., Институт этнологии и антропологии, 1991.
30. Каложный И.С. Мелиоративное районирование почв Центральной Ферганы // Соц. сельское хозяйство Узбекистана, 1956, № 12.
31. Кочубей М.И. Изменение запасов генезиса в почвах пустынной и полупустынной зон при богарном и орошаемом освоении // Почвоведение, М., 1982, № 8.
32. Кочубей М.И., Сушков С.П. Почвы Ферганской долины и их изменение под влиянием орошаемого земледелия // Проблемы использования земельно-водных ресурсов УзССР. Ташкент, 1969.
33. Куракова Л.И. Антропогенные ландшафты. М., 1976.
34. Куракова Л.И. Современные ландшафты и хозяйственная деятельность. М., 1983.
35. Латынин Б.А. Вопросы истории и ирригации древней Ферганы // КСИИМК, № 64, М., 1956.
36. Латынин Б.А. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 года // АСГЕ, № 3, М., 1961.
37. Латынин Б.А. Вопросы истории ирригации и орошаемого земледелия древней Ферганы. Обобщающий доклад по работам, представленным как диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Л., 1962.
38. Левина Л.М., Птичников А.В. Динамика ирригации и древних русел Кивандарьи в урочище Джетыасар (Восточное Приаралье) // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., Институт этнологии и антропологии, 1991.
39. Лисицина П.Т. История древнего орошаемого земледелия (по археологическим материалам юга Средней Азии и Ближнего Востока). Автореферат дисс. д.и.н. М., 1979.
40. Максудов А. Некоторые особенности лугово-оазисных почв Центральной Ферганы // Материалы Республиканской школы-семинара молодых ученых. Секция почвоведения и агрохимии. Ташкент, 1979.
41. Максудов Ф. Становление и этапы развития земледельческой культуры в Южной Фергане. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Самарканд, 2002, 220 с.
42. Милков Ф.Н. Человек и ландшафт. М., 1973.

43. Минашина Н.Г. Древнеорошаемые почвы Мургабского оазиса // Почвоведение, 1962, № 8.
44. Минашина Н.Г. Орошаемые почвы пустыни и их мелиорация. М., 1974.
45. Мухамеджанов А.Р. История орошения Бухарского оазиса. Отв. ред. Я.Г. Гулямов. Ташкент, 1978.
46. Мухамеджанов А.Р. Низовья Зеравшана и Кашкадарьи: историко-географическая ретроспектива // Аральский кризис (историко-географическая ретроспектива). М., Институт этнологии и антропологии, 1991.
47. Орлов М.А. Изменения почвообразовательных процессов пустынь Средней Азии под влиянием орошения // Хозяйственное освоение Средней Азии и Казахстана. Ташкент, САОГИЗ, 1934.
48. Панков М.А. Почвы Ферганской области // В кн.: Почвы Узбекской ССР, вып. 2. Ташкент, 1957.
49. Спришевский В.И. Раскопки Чустского поселения в 1956 году // СА, № 3.
50. Чемяков Я.Ф. Антропогенные и биогенные формы рельефа // Методическое руководство по геоморфологическим исследованиям. Л., 1972.
51. Шульц В.Л. и др. Гидрография Средней Азии. Ташкент, 1969.
52. Шведова О.П. Зоны мутности вод в горах Средней Азии // Почвоведение, 1980, № 3 №.
53. Fedele F.G. Sediments as Paleo-Land Segments: the excavation side of the study. Geoarchaeology. Earth Sciences and the Past. Edited by D.A. Davidson and M.L. Shackley. Duckworth, London, 1976.
54. Gorbunova N.G. The Culture of Ancient Fergana (VI century B.C. – VI century A.D.). BAR International Series, 281. Oxford, 1986.
55. Hulsewe A.F.P. China in Central Asia. Leiden, E.J. Brill, 1979.
56. Kohl Philip L. The Namazga Civilization: An Overview. Introduction to the book: The Bronze Age Civilization of Central Asia. M.E. Sharpe, Inc. Armonk, New York, 1981.
57. Lamberg-Karlovsky C.C. Afterward in the book: The Bronze Age Civilization of Central Asia. M.E. Sharpe, Inc. Armonk, New York, 1981.
58. Lamberg-Karlovsky C.C. Civilization, State of Tribe. Bactria and Margiana in the Bronze Age // The Review of Archaeology, 2003, volume 24, N 1.
59. Limbrey Susan. Soil Science and Archaeology. Academic Press. London, New York, San Francisco, 1975.
60. Renfrew Colin. Archaeology and the Sciences. Geoarchaeology, Earth Sciences and the Past. Edited by D.A. Davidson and M.L. Shackley, Duckworth, London, 1976.
61. Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Aris Publishers, Inc. Chicago MCML XXXV, 1985.

К. Абдуллаев

ПЕРСИДСКОЕ ПЛАТЬЕ АЛЕКСАНДРА

(к вопросу о культурном взаимодействии на эллинистическом Востоке)

Облачение Александра в персидское платье во время похода в далекую Азию не прошло мимо внимания ни одного из античных авторов. Это говорит о принципиальной важности события, оставившего глубокий след в сознании всех его сподвижников от генералов до простых солдат. Никто из них не остался равнодушным к «измене» Александра; реакция на нее была крайне негативной.

В этом событии высвечиваются два наиболее важных и интересных аспекта, анализу которых и посвящено данное сообщение. Первый аспект связан с многосложным процессом эллинизации Востока, природа которого не исчерпывается однозначными ответами, но требует всестороннего подхода. Являлся ли факт переодевания македонского царя преднамеренной акцией в ряду стратегических планов сближения культур Востока и Запада или он носит чисто личный характер - честолюбивый каприз великого, обожествленного уже при жизни человека. Из последнего положения вытекает и второй аспект, а именно эстетический - выбор Александром не просто чужеземного платья, а платья определенной формы, которая была близка вкусу царя и в то же время выделялась восточной роскошью.

В сознании македонян и греков облачение Александра в персидское платье, как об этом повествуют почти все источники, стало олицетворением предательства великого полководца. В глазах греко-македонян Александр не просто изменил греческим вкусам своих соотечественников, но предался покоренному им же самим народу. Насколько отражены в этом акте космополитические устремления Александра или же здесь следует видеть лишь попытку закрепить и упрочить свою власть на Востоке? Тем же целям служат и другие действия Александра, которые македонский царь настойчиво и последова-

тельно проводил в жизнь, как, например, одновременное бракосочетание его близких друзей и полководцев с местными знатными девушками (Сузы, 324 г.), а также обучение «варваров» греческой грамоте. Все это говорит о целенаправленных действиях, способствующих сближению греков с местным населением. Такая политика гарантировала также поддержку местной аристократии и способствовала усилению и укреплению империи Александра¹. Во всяком случае, привлечение к управлению сатрапиями, городами и крепостями представителей местной аристократии, правда, чаще на вторых ролях, (но иногда и на первых) свидетельствует о том, что Александр всячески пытался наладить контакты с местным населением. Назначая на главные посты представителей как с греческой стороны, так и местной, он осуществлял, таким образом, и систему взаимного контроля.

Для того, чтобы продолжить победоносное шествие, а впереди была еще загадочная и богатая Индия, необходимо было не только укрепить державу, но и полностью развязать себе руки, то есть стать окончательным деспотом, которому бы подчинялись беспрекословно все его под-

¹В реальной жизни программа Александра относительно основания полисов Аристотеля была далека от замыслов его учителя. Как убедительно доказывает Г.А. Кошеленко, при основании городов (Александрий на Востоке и особенно в Средней Азии) Александр делает вовсе не так, как учит Аристотель. Приведенные автором точки зрения двух ученых (E. von Ivanka, 1938; Weil, 1960, p.156) в полной и лаконичной форме выражают характер этого несоответствия. Напомним, что Иванка видит в «Александр» нечто вроде наставления македонскому монарху, который поступает не так, по мнению его учителя, как он должен поступать. По мнению А. Вейла, в этом труде философ возражал против политики смешения народностей, проводившейся Александром. (Кошеленко, 1972, с. 73).

данные. С этой точки зрения Александр как бы постепенно приучал своих свободных и равных приближенных к восточным устоям, тем более, что часть молодежи из его окружения была готова идти на такие условия, которых не могли принять ветераны.

Все изложенное выше высвечивает лишь один из аспектов этого многосложного процесса, можно было бы думать, что все эти имевшие место события связаны с главной, отмеченной еще античными авторами и современными исследователями, целью, а именно, сблизить греческую культуру с восточной. Подобная интерпретация исторических событий, хотя и не вызывает особых возражений, но представляется несколько односторонней.

Другая сторона вопроса связана, в первую очередь, с культом самого Александра. Культ царя на восточной почве, где традиция обожествления царей и его предков уходит в глубокую древность, приобретает особую силу и окраску. Сам дух Востока с его устоявшимся укладом общественной иерархии был настолько сильно пропитан деспотизмом, что попавший в эту среду Александр едва ли мог ему противостать. Таким образом, культ царя Александра в Азии настолько развился, что превратился с течением некоторого времени в культ восточного деспота².

Александр, готовый провозгласить себя сыном одного из верховных божеств древнего Египта - Амона, в душе уже ставит себя выше своего обожествленного «предка» - Геракла, который в иерархии других олимпийских богов считался божеством более низкого ранга.

Здесь прослеживается также стремление македонского царя сблизиться с местным жречеством, представлявшего значительную политическую силу. Такая политика была близка к политике ахеменидских царей (до Дария), также стремившихся получить поддержку жреческого сословия, объявляя себя поклонниками египет-

ских, иудейских, вавилонских и др. богов. Подобная веротерпимость способствовала осуществлению идеи мирового господства (Шофман, 1977). Однако трудно понять, по какой причине в самой Персии религиозная политика Александра выражается непоследовательно. Неприятие Александром персидской религии А.С. Шофман объясняет необычностью религиозной доктрины, ее дуалистическим характером, необычностью обрядов и ее этической стороной.

Могла ли смутить македонского царя, знакомого со многими религиозными ритуалами Древнего Востока, обрядовая сторона зороастрийской религии? Одно из сообщений Страбона со ссылкой на Онесекрита проливает некоторый свет на этот вопрос. «В прежние времена образ жизни и обычаи согдийцев и бактрийцев мало отличались от образа жизни кочевников, но все же обычаи бактрийцев были немного более цивилизованными; однако и о последних Онесекрит отзывается далеко не похвально. По его словам, людей, изнуренных старостью и болезнями, они бросали живым собакам, нарочно содержимым для этого, которых на своем родном языке они называли «могильщиками». Территория вне стен столицы бактрийцев имела чистый вид, тогда как большая часть пространства внутри стен была полна человеческих костей; Александр уничтожил этот обычай» (Страбон XI, XI, 3).

Таким образом, свое негативное отношение и неприятие религиозного обряда зороастрийского характера в самой Персии, запрещение некоторых из них на территории дальних сатрапий (Бактры) Александр должен был компенсировать другим способом. Это в какой-то мере выразилось тем вниманием и интересом, которые царь проявил к восточному костюму. Это был своего рода реверанс в сторону местной знати и его приближенных восточного происхождения.

В античных источниках, касающихся описания персов, исключительно редко говорится о характере их одеяния, упорно подчеркивается лишь его роскошь; исключение составляет разве только описание

²Следует отметить однако, что в странах Восточного Средиземноморья религиозная политика Александра носит явно антиперсидский характер. (Шофман, 1977, с. 113)

войска Дария, но здесь речь идет о военных, отчасти парадных одеяниях.

Грекам более импонирует «дикое благородство» скифов, их простота в укладе жизни, их «романтическая» для греков, достойная бедность (сказание об абиях). Есть отрывки касательно причесок скифов, и их манере одеваться. Гораздо реже комментируется костюм персов. Порой та маленькая информация, которая проскальзывает о некоторых элементах костюма, носит иронический характер, например, о головном уборе персов, напоминающем грекам петушиный гребень (Аристофан).

В античной лирике также проскальзывает негативное отношение к восточной роскоши:

«Ненавистна, мальчик, мне роскошь персов,

Не хочу венков, заплетенных лыком.

Перестань искать, где еще осталась поздняя роза» (Квинт Гораций Флакк, 1968 с. 389).

Более живо античные авторы откликнулись на персидский наряд Александра. Все те противоречия и путаница относительно того, во что же все-таки оделся их царь, красноречиво говорят об их безразличии к конкретному составу одеяния; ярко проявляется лишь болезненное восприятие его чужеродности. Единственное, в чем сходятся все источники - это то, что кандис и набедренную одежду - анаксириды Александр отверг.

Облачение в персидское платье было напрямую связано с введением другого шокирующего свободных греков обычая - проскинезиса. Преклонение перед живым царем на персидский манер было своего рода логическим продолжением в развитии культа царя. Проскинезис вызвал не только недовольство греко-македонян, но послужил причиной для организации заговора против царя. Во всяком случае, слова которые приводит Курций Руф от имени Гермояла - одного из организаторов заговора против царя, открывают причину этого недовольства «...мы решили убить тебя потому, что ты стал обращаться с нами не как со свободнорожденными, а как с рабами» (VIII, 7,1). Александр за время своих

походов в Азию полностью усваивает принципы восточного деспотизма, окружая себя самыми преданными ему людьми, которые относились терпимо и подострастно к любым выходкам своего царя.

В событии с персидским платьем есть еще одна незначительная на первый взгляд, но тем не менее, важная деталь. В сознании соотечественников Александра персидское платье, надетое на македонском царе, символизировало торжество персидских и азиатских вкусов и надругательство над греческой культурой.

Однако Александр не разделял этих взглядов, по всей видимости, отмахиваясь от них как от предрассудков. Политическая выгода в сочетании с широкими эстетическими понятиями оправдывала подобный шаг.

Выбор Александром определенного вида одежды, в частности, мантии, не был случайным. Парадное платье персов было воспринято ими от мидян еще во времена Кира Великого (Ксенофонт). Возможно, что к эллинистическому времени эта популярная в ахеменидском государстве форма одежды претерпела некоторые изменения, но конструкция его оставалась неизменной (Abdullaev, Badanova, 1998, P.189-218). Мидийское его происхождение было, кажется, забыто; оно уже воспринимается как персидское платье. Роскошные ткани, сложная и эффектная система драпировок, создающая впечатление величественности и монументальности, привлекли Александра как истинно царское одеяние.

Искусством драпировки мидийское (или мидо-персидское) платье могло соперничать с греческим. Греки были высочайшими мастерами в искусстве драпировки и именно это искусство было признаком утонченного вкуса и изящества. Мидийский костюм, судя по памятникам изобразительного искусства, имел, по всей видимости, несколько вариантов драпировки. Однако конструкция мидийского платья была гораздо более сложной и более разработанной, включающей такие сложные элементы, как например, клинья. Подобные детали для греческого костюма

не характерны.

Кажется, на это в какой-то мере указывает Плутарх (Плутарх «Об удаче и доблести Александра». I, 8), говоря о том, что «...Александр позаботился и о нарядах и предпочел носить не мидийскую одежду, а персидскую, которая была удобнее. При этом из наряда варваров он устранил все необычное и театральное, а именно тиару, кандий и анаксириды и, как сообщает Эратосфен, носил одеяние среднее между персидским и македонским. Как философу, ему было все равно, что носить, но как всеобщему правителю и любящему своих людей царю, уважением к одеяниям побежденных ему удалось приобрести их расположение и сделать так, чтобы они понастоящему полюбили македонян как наставников, вместо того чтобы возненавидеть их как врагов. Наоборот, глупо и бессмысленно было бы любить одноцветный плащ и презирать хитон с пурпурной каймой или, наоборот, отвергать первый и приходиться в упоение от второго...». Несмотря на некоторую путаницу в понятиях персидского и мидийского платья, здесь содержится конкретное указание, что кандис и анаксериды Александр не носил, стало быть, речь идет все же о том парадном платье, которое ранее считалось мидийским. (Abdullaev, Vadanova, 1998, P. 192)

Плутарх (Александр и Цезарь, XLV) рассказывает, что «из Гиркании Александр выступил с войсками в Парфию, и в этой стране, отдыхая от трудов, он впервые надел варварское платье, то ли потому, что умышленно подражал местным нравам, хорошо понимая, сколь подкупает все привычное и родное, то ли готовясь учредить поклонение собственной особе, он хотел таким способом постепенно приучить македонян к новым обычаям. Но все же он не пожелал облачаться полностью в мидийское платье, которое было слишком уж варварским и необычным, не надел ни шаровар, ни кандия, ни тиары, а выбрал такое одеяние, в котором удачно сочеталось кое-что от мидийского и кое-что от персидского: более скромное, чем первое, оно было пышнее второго. Сначала он на-

девал это платье только тогда, когда встречался с варварами или беседовал дома с друзьями, но позднее его можно было видеть в таком одеянии даже во время выездов и приемов. Зрелище это было тягостным для македонян, но, восхищаясь доблестью, которую он проявлял во всем остальном, они относились снисходительно к таким его слабостям, как любовь к наслаждениям и показному блеску».

Гермолай у Курция Руфа говорит, что «...все это мы могли сносить, пока ты не забыл о нас ради варваров и не надел на нас ярмо новых обычаев. Тебе нравятся персидские одежды и персидский образ жизни. Выходит, что мы хотели убить персидского царя, а не македонского» (VIII, 7,12). «Ты захотел, чтобы македонцы бросались перед тобой на колени и приветствовали тебя как бога...»(там же, VIII, 7,13).

Следует ли понимать под выражением «ярмо новых обычаев» насильственное насаждение или подневольное подчинение солдат другим местным обычаям? Во всяком случае, в заявлении Гермолая чувствуется негативное отношение не только к «персидским одеяниям», но и к персидскому образу жизни.

Вот как объясняет Плутарх неприятие греками обряда поклонения (Плутарх, Алекс. LIV): «Благодаря тому, что Каллисфен упорно, как подобает философу, боролся против обычая падать ниц перед царем и один осмеливался открыто говорить об обычае, вызывающем тайное возмущение у лучших и старейших из македонян, он избавил греков от большого позора, а Александра - от еще большего, но себе самому уготовил погибель, ибо казалось, что он не столько убедил царя, сколько принудил его отказаться от почестей благоговейного поклонения».

Все назревшее негодование и недовольство политикой Александра в отношении своих соотечественников и варваров выражено в пылком и откровенном ответе Клита во время ссоры с Александром на пиру в Маракандах. «...Македоняне оказались в таком положении, что вынуждены обращаться к персам, чтобы получить доступ к царю». Клит предлагает Александру

позволить высказывать свои мысли или же больше не приглашать на пир людей свободных, привыкших говорить откровенно, а жить среди варваров и рабов, которые будут поклоняться его персидскому поясу и белому хитону (Плут., там же).

По словам Плутарха, «старшие из присутствовавших при пении «песенок некоего Праниха или, по словам других писателей, Пиериона,- в которых высмеивались полководцы, недавно потерпевшие поражение от варваров» были возмущены и «сердились и бранили» автора, между тем как молодые люди, окружавшие царя, слушали с удовольствием и просили продолжать пение. Таким образом, здесь недвусмысленно выводится категория приближенных, слепо преданных царю и закрывающих глаза на столь изменившееся поведение царя.

Александр настолько вознесся, что, «отрекшись,- по словам Клита - от Филиппа, называет себя сыном Амона». Подобное же отношение молодежи к речам Александра находим у Курция Руфа (кн. VIII, 1. 27): «Молодые с удовольствием слушали подобные речи, которые были неприятны старикам главным образом из-за Филиппа, так как под его командованием они долго служили». После того, как Клит стал вспоминать дела Филиппа, превознося их выше Александровых, то «тут начался спор между молодыми и старыми». Итак, выясняется, что те новые черты, которые стали появляться в поведении Александра, нормально воспринимались молодым его окружением и с молчаливым осуждением - ветеранами.

Те строки из «Андромахи» Еврипида «Какой плохой обычай есть у эллинов...», которые приводит Клит и после которых (Плут. Алек. LI) падает замертво, пронзенный копьем, брошенным Александром, толкуется у Курция Руфа более прямо: «в этих стихах говорилось, что греки неправильно постановили писать на трофеях только имена царей, поскольку они присваивают славу, добытую чужой кровью» (VIII, 1, 28-29) Затянувшееся пребывание в далекой Азии становится настолько тягостным, что Александру приходится

идти на любые меры, чтобы хоть как-то удержать стабильность в армии. «В эту пору во всем лагере все стали возмущаться тем, что Александр оказался таким выродком по сравнению с отцом своим Филиппом, что даже отрекся от своей родины и перенял те самые персидские нравы, вследствие которых персы были побеждены. А чтобы не показалось, что только он опустился до порочной жизни тех, кто был побежден его оружием, Александр позволил также и своим воинам брать в жены тех пленных женщин, с которыми они были в связи, полагая, что у солдат будет меньше желания вернуться на родину, если в лагере они почувствуют некоторое подобие домашнего очага и семейной обстановки ...» (Юст. XII, 4, (1)Ч(3).

Плутарх оправдывает действия Александра, считая, что такими методами возможно сблизить народы. «А вот великого царя, который приручив, как животных, и склонив к себе неукротимые и враждующие народы, смягчил их и успокоил, усвоив привычную для них одежду и свойственные им обычаи, унял их уныние и умерил досаду, почему-то упрекают за то, что таким изменением внешнего вида он привлек на свою сторону Азию, ибо оружием он покорил только их тела, а души завоевал, переняв их одежду»

Арриан увлечение Александра персидским платьем связывает, некоторым образом, с казнью и наказанием Бесса (3) «тут Александр собрал совет из присутствующих и велел ввести Бесса. Он обвинил его в измене Дарию, приказал обрубить нос и кончики ушей, отвести его в Экбатану и там казнить перед толпой мидян и персов. (Квинт, 1968, с.389) Я не одобряю этого жестокого наказания и считаю варварским обычаем увечить человеческое тело; я знаю, что Александр увлекся мидийской и персидской роскошью и жизнью варварских царей, совершенно отличных от жизни подданных, и я порицаю его за то, что он, Гераклид родом, сменил родную македонскую одежду на мидийскую. Порицаю и за то, что он не постыдился вместо головного убора, который победитель носил издавна, надеть тюрбан побежденных пер-

сов». Судя по словам Арриана³, для греков подобное истязание было столь же новым и непривычным, как и смена одеяния (Кошеленко, 1972, с.78).

Известно ведь, что Александр, воображая себя в глубине души сыном Амона, а не Филиппа, потребовал, чтобы ему кланялись в землю: восхищаясь обычаями персов и мидян, он сменил одежду и переделал чин дворцового этикета. Тут не требовалось ни льстецов, толкавших его на этот путь, ни таких софистов, как Анаксарх или Агис, эпический поэт, аргиевнин.

В речи Каллисфена в полной мере высказывается суть преклонения перед божеством и героем, речь эта затрагивает некоторым образом не только сам обряд поклонения, но и религиозную практику греков и македонян, их священный ритуал и систему воздания почестей. Упрекая Александра в чрезмерном честолюбии, Каллисфен отмечает, что даже самому Гераклу при жизни его эллины не воздавали божественных почестей и стали чтить его как бога не сразу после смерти, а только потом, по приказу дельфийского бога. «Если же человеку, который рассуждает, в варварской стране,- продолжает Каллисфен,- приходится иметь и варварский образ мыслей, то, прошу тебя, Александр, вспомни об Элладе, ради которой предпринял ты весь этот поход, пожелав присоединить Азию к Элладе (Кошеленко, 1979) Подумай: вернувшись туда, ты и эллинов, свободнейших людей, заставишь кланяться тебе в землю ? или вообще почести тебе будут оказывать разные: эллины и македонцы будут чтить тебя, как человека, по эллинскому обычаю, и только

варвары по-варварски ?» (Кошеленко, 1972, с.78) О Кире, сыне Камбиза, рассказывают, что он был первым человеком, которому стали кланяться в землю, и с того времени персы и мидяне продолжают унижаться подобным образом (IV,11, (Кошеленко, 1972, с.78).

Удивительно, но все античные источники сходятся примерно на одном пространственно-временном промежутке, когда царь Александр надевает персидское платье - это либо после похода в Гирканию, когда он вступает в земли Парфии, либо это граница между этими двумя сатрапиями. Почему именно здесь, в Парфии, Александр решает надеть персидское платье? Случайность ли это или это в какой-то мере символизировало определенный этап в завоевании Азии?

Интересны слова по этому поводу, приведенные Диодором: «Теперь Александр решил, что намерения его осуществлены и власть непоколебима. Ему начала нравиться персидская изнеженность и роскошь азиатских царей. Сначала он завел во дворце жезлоносцев и поставил на эту должность уроженцев Азии, затем сделал своими телохранителями виднейших персов, в том числе Дариева брата, Оксафра. Затем он надел персидскую диадему, хитон беловатого цвета, персидский пояс и прочие принадлежности персидского костюма, кроме штанов и кандиса. Спутникам своим он дал багряные одежды, и на лошадей надел персидскую сбрую» (Диодор, кн. XVII, 77, (Квинт, 1968; Abdullaev, Badanova, 1998; Киропедия, VIII,III,1,3)). Пожалуй, Диодор наиболее близок к реальной картине, которую мы можем нарисовать априори. Если под хитоном подразумевается мидийское платье и пояс, который был элементом этого платья, как мы отмечали выше, то остальные атрибуты костюма вполне могли быть игнорированы Александром, на чем сходятся ряд авторов. Все эти обычаи, а также другие, по словам Диодора, Александр вводил очень постепенно, придерживаясь обычно прежних: он боялся раздражить македонцев, «но многих, которые упрекали его, ему удалось улестить дарами» (Диодор, XVII,

³Как отмечает Г.А. Кошеленко: «...в ранне-селевкидское время происходит решительный разрыв с традициями градостроительной политики Александра «Суть этого разрыва заключается в создании новых городов, но уже в форме полисов или ранее основанные города получают статус полиса. Вторая сторона этого разрыва связана с гражданским коллективом полисов, который формируется только из македонян и греков. По словам автора, - «селевкидский полис на Востоке сильно отличается от классического, но сохранение его как формы социальной организации греческого населения было в данной исторической обстановке неизбежным»

77, (Киропедия, VIII, III, 1,3⁴)).

Юстин в «Эпитоме» Помпея Трога сообщает, что Александр, будучи в Парфии, созывает своих воинов чтобы вдохновить их на дальнейшее покорение Азии ибо «все столь замечательные битвы не приведут ни к чему, если восточные варварские племена останутся неподчиненными» (XII, 3, (1), вскоре после этого события он покоряет Гирканию и мардов (Квинт, 1968). По Юстину (Помпей Трог), Александр стал носить персидскую одежду вскоре после встречи с царицей амазонок Салестрис (см. Фалестрида у Диодора (XVII,77,(1). После этого Александр стал носить одежду персидских царей и диадему, что не было принято ранее у македонских царей; Александр как будто заимствовал законы у тех, кого победил. Чтобы эта одежда, если он станет носить ее один, не стала от этого особенно ненавистной, он и друзьям своим приказал одеваться в длинные пурпурные одежды, расшитые золотом. Желая подражать персам в распушенности нравов, не менее, чем в одежде, он отобрал среди множества царских наложниц самых красивых и знатных по происхождению и проводил с ними ночи поочередно» (Юстин, XII, 3, (Кошеленко, 1972; 1979; Бернар, 1986, с.256).

Таким образом, чем дальше вглубь Азии проникает Александр, тем явственнее выступают противоречия в отношениях македонского царя со своими греко-македонскими подданными, с одной стороны и сложными отношениями сторонников политики Александра греко-македонян с местной знатью и внешним миром. В последующий период после крушения империи Александра Великого и передела ее между диадохами, когда Бактрия и Согдиана переходят в руки династии Селевкидов, эти взаимоотношения становятся более ясными и целенаправленными. Базовой идеей в эллинистической структуре государства греко-македонян становит-

ся полис (Кошеленко, 1979).

Выбранный нами аспект культурного контакта пришедших на землю Средней Азии греков с местной культурой показывает, насколько многосложными были процессы взаимовлияния. Ясно одно, что представление об эллинистической культуре как о гармонично переплетающейся мозаике традиций эллинистической Греции и культурных традиций далекой Азии является односторонней и упрощенной моделью. Процесс эллинизации восточных сатрапий державы Александра Великого на коротком начальном этапе носит преимущественно волевой характер. Здесь более всего высвечивается фигура самого Александра с его стремительными, порой неожиданными решениями, с его жесткой политикой примирения и адаптации двух этно-культурных комплексов.

Как показывают источники, в политике Александра и даже в его поведении наблюдается некоторое ужесточение. Эта негативная реакция, вызванная непримиримой борьбой и упорным сопротивлением местного населения с одной стороны и все возрастающим недовольством со стороны старых солдат Александра, желающих вернуться домой на родину, то приводила к психологическим срывам, а нередко и к трагическим последствиям для самого царя и его окружения; в то же время она стала причиной политических заговоров со стороны армии.

Процесс эллинизации через активную, колониальную политику более всего усиливается в селевкидскую эпоху, когда осваивается *terra incognita* и происходит не только географическое ознакомление, но и культурное освоение пространства. Носил ли процесс эллинизации односторонний характер или все это можно рассматривать как взаимное и равномерное явление? Было бы категоричным, на мой взгляд, полагать, что это процесс был равным по взаимодействию. Безусловно, об одностороннем культурном обмене двух этно-культурных общностей в силу даже объективных причин не может быть и речи. Однако нельзя не учитывать и некоторой греческой отчужденности (Кошеленко, 1972),

⁴Интересно отметить, что этот эпизод перекликается со сценой из «Киропедии» (как известно, Александр очень любил и уважал Кира как историческую личность), когда персидский царь одаривал своих друзей мидийскими платьями

которая вырисовывается в античных письменных источниках и которую трудно проследить в памятниках культуры и искусства. Одним из таких примеров могут послужить данные ономастики греческого города Айханум, который изучался на протяжении многих лет Французской археологической миссией (MDAFA) под руководством Поля Бернара. Из всех дошедших до нас имен граждан этого города только два имени имеют иранское происхождение - это должностные лица царской сокровищницы - (Оксуаз, Оксебоак) (Бернар, 1986).

хеологической миссией (MDAFA) под руководством Поля Бернара. Из всех дошедших до нас имен граждан этого города только два имени имеют иранское происхождение - это должностные лица царской сокровищницы - (Оксуаз, Оксебоак) (Бернар, 1986).

Литература

- Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизм эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. М., 1986, с. 256.
- Дандамаев М.А. Новые данные о религии в Персии на рубеже VI - V вв. до н.э. ВДИ, 1974, № 2, с. 30 .
- Квинт Гораций Флакк в сб : Античная лирика М., 1968 с. 389
- Киропедия, VIII, III, 1,3.
- Кошеленко Г.А.. Восстание греков в Бактрии и Согдиане. ВДИ, 1972, №1, с. 73.
- Кошеленко Г.А. . Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979
- Шофман А.С. Религиозная политика Александра Македонского. ВДИ, 1977, № 2, с. 113
- Abdullaev K., Badanova E. Bactrian dress in the Achaemenian Period. Mesopotamia. XXXIII, 1998. P. 189-218.
- E. von Ivanka. Die aristotelische Politik und die Stadtgrundungen Alexanders des Grossen. Zwei Studien zur antiken Geschichte, Budapest, 1938;
- Weil R.. Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique». Paris, 1960, p.156

МУЖСКОЙ КОСТЮМ БАКТРИИ ЭПОХИ АХЕМЕНИДОВ

Наиболее ранние изображения бактрийского костюма относятся к ахеменидскому времени, но, несмотря на высокий уровень культуры Бактрии того времени, археологические комплексы дают крайне скудный материал для изучения бактрийского костюма этого периода.

Это заставляет исследователей обращаться за информацией по этому вопросу к изобразительным традициям сопредельных стран, близких как территориально, так и в этнокультурном отношении, в частности, памятникам Ирана (Ghirshman, 1962, Godar A., 1965; Луконин, 1971). Богатый высокохудожественный материал дают рельефные композиции Персеполя, Суз и других городов, среди которых ценным и информативным источником по интересующему нас вопросу являются рельефы ападаны Персеполя, где в сцене приношения даров изображены представители различных этнических групп, входивших в состав обширной империи Ахеменидов (Schmidt, 1972; Уилбер, 1977). Дополнительную информацию дает также изучение персидского костюма: Бактрия, будучи сатрапией Ахеменидской державы и находясь в сфере ее влияния, в определенной мере впитала имперский стиль ее искусства.

М.В. Горелик, сопоставляя персепольские и сузианские рельефы с предметами, входящими в Амударьинский клад, разделяет костюм персов на два комплекса (Горелик, 1985). В первом отмечается длинная подпоясанная рубаха с узкими рукавами, кандис, кас и головной убор двух типов. Второй комплекс состоит из драпированной юбки и накидки, образующей крыловидные рукава, скроенной в виде круга и подоткнутой под юбку. Автор склоняется к мнению, что первый комплекс – мидийский, второй – персидский. Сообщения письменных источников, описывающих костюм персов как костюм первого комплекса, приводят М.В. Горелика к выводу, что оба комплекса являются персидскими, только первый входит в общеиранский комплекс, а второй нет (Горелик, 1985).

Не входя подробно в вопрос происхождения этой формы, заметим, что прототипы входящих в него элементов Б.Голдман находит в костюмах, изображенных на луристанских бронзовых изделиях (Goldman, 1974); мидяне, творчески осваивая доставшееся им наследие, отшлифовали форму этого костюма, доведя ее до того совершенства, которое поражает в рельефах Персеполя и Сузах. Этот костюм определял высокий социальный статус его обладателя; его отличала не только высокая стоимость, но и нефункциональность. У персов он стал официальной одеждой знати, и надевался, вероятно, лишь во время важных церемоний, так как значительно ограничивал свободу движений. В батальных или охотничьих сценах (царская охота была частью дворцового церемониала) царь изображался в этой же одежде, но накидка отброшена за плечи, а юбка заткнута за пояс (Уилбер, 1977).

Богатую информацию по интересующему нас вопросу дают материалы Амударьинского клада (Dalton, 1964). Хотя вопрос формирования и происхождения этого комплекса до сих пор является дискуссионным, местное происхождение входящих в него вотивных пластин доказывает находка двух золотых пластин в храме Окса на Тахти-Сангине, расположенного в 5-6 км от Тахти-Кувада, где был найден Амударьинский клад (Зеймаль Т., Зеймаль Е., 1962). Одна из них не имеет изображения и представляет собой заготовку для нанесения гравировки, вторая несет изображение человека, ведущего верблюда. Силуэт костюма совершенно аналогичен изображениям Амударьинского клада, а это еще более утверждает нас в мысли, что пластины не были привозными, а изготавливались на месте и изображены на них бак-

лика к выводу, что оба комплекса являются персидскими, только первый входит в общеиранский комплекс, а второй нет (Горелик, 1985).

трийцы, одетые в костюм местного типа.

Серебряная чаша и умбон щита, принадлежащие к тому же кладу, демонстрируют два иных комплекса костюмов всадников, явно принадлежащих к кочевническим этносам (Кузьмина, 1977). Если первый из них имеет общеиранскую, близкую к бактрийской основу, но дополнен очень мягкими высокими сапогами-чулками, даже, кажется, не приспособленными для хождения по земле, то второй, на умбоне, восходит к своеобразному в своей основе парфянскому комплексу, образец которого в более позднее время наглядно продемонстрирует статуя принца Шама (Curtis V., 1993), а на территории Бактрии – скульптура Халчаяна (Пугаченкова, 1966, 1971). Короткая запашная куртка, свойственная кочевническим сакским этносам, сочетается с широкими драпирующимися штанами. На вотивных пластинах Амударьинского клада такой формы одежды не встречается.

Обычно за образец бактрийского костюмного комплекса ахеменидского времени принимается одежда, изображенная на рельефах ападаны Персеполя, где в числе представителей покоренных народов, данников персидских царей проходит делегация, определяемая как бактрийская. Речь идет о персонажах пятнадцатой группы ападаны; идентификация этнической принадлежности персонажей осуществлена на основе изображений на гробницах Дария и Артаксеркса II в Накш-и-Рустаме, где представители различных народов запечатлены с указанием их этнической принадлежности. Однако костюм персонажей пятнадцатой группы, определенных как бактрийцы, не находит аналогий в комплексах, которые можно с большой долей уверенности считать бактрийскими.

Именно костюмы, запечатленные на вотивных пластинах, мы можем с большой долей уверенности считать изготовленными на территории Бактрии, в то время как часть остальных предметов клада могла быть изготовлена за ее пределами и попасть в Бактрию в качестве трофеев, импорта или другими путями.

Более характерен для Бактрии, по всей

видимости, костюм, запечатленный в скульптуре из Тахти-Сангина, так как алебастровая скульптура вряд ли могла попасть в Бактрию извне, а также близкий к нему по форме костюм вотивных пластин Амударьинского клада.

На Тахти-Сангине был найден фрагмент алебастровой скульптуры, представляющей мужскую торсу. Хотя И.Р. Пичикян датирует ее по аналогии с дальверзинской скульптурой «стоящего вельможи» рубежом нашей эры, однако он допускает и более раннюю дату. Его описание одеяния этого персонажа не совсем точно: «...одеяние - в виде длинного складчатого хитона, подпоясанного поясом, завязанным узлом со свисающими вниз двумя длинными концами, - местное, бактрийское» (Пичикян, 1991, стр. 196), но вывод о бактрийской принадлежности костюма совершенно верен. Эту одежду можно описать следующим образом: длина – значительно выше колен; в верхней части она плотно облегает фигуру, практически не образуя складок. Ниже пояса обрисовываются полукругом горизонтальные складки; низ одежды также очерчен полукругом. Такой вид примет прямая рубаха туникообразного покроя, если ее слегка присобрать на бедрах вдоль бокового шва. Руки фигуры утрачены, сохранилось лишь правое плечо и начало предплечья, на них не видно ни краев одежды, ни каких-либо складок. Пояс, завязанный по центру, свисает вниз почти до края одежды. Хотя о наличии рукава можно лишь догадываться, общий вид узкой облегающей одежды заставляет предположить, что рукав также был узким; сохранившийся фрагмент предплечья не противоречит этому предположению.

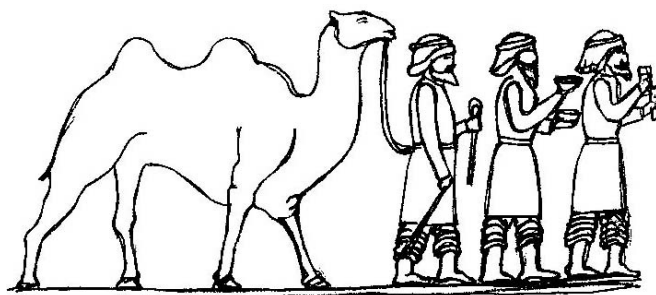

Рис. 1. Фрагмент рельефа ападаны Персеполя. Группа 15. («Бактрийцы»)

Из-под рубахи видны ноги, утраченные чуть выше колен. На сохранившейся части угадываются слабые рельефы, напоминающие мелкие редкие складочки. С большой долей вероятности можно предположить, что на персонаже надеты узкие длинные штаны.

Вотивные пластины демонстрируют две основные группы костюма. Первая включает разновидности так называемого персидского (мидийского) парадного платья, распространившегося вместе с ахеменидским дворцовым стилем на всей территории державы. Во вторую группу входят местные варианты костюма, состоявшего из нераспашного платья типа рубахи с опояской, длинную до колен или немного короче, прямого туникообразного покроя. Стан скроен без раскрашивания ткани с небольшим припуском на свободу облегания. По линии плеча нашита тесьма или ряд декоративных бляшек, возможно, здесь проходил плечевой шов. Примечательно, что и перед, и спинка состоят из трех частей – центральной и двух боковых, таким образом, весь стан сшит из узких полос ткани. Узкий прямой рукав, несомненно, имеет вшитую у подмышки ластовицу. Горловина проходит у основания шеи, так что следует искать дополнительный разрез, облегчавший прохождение головы при надевании. Такие разрезы, или не доведенные до конца швы, делались, скорее всего, на плечах. Так как почти все конструктивные швы и линии, включая линию пришива рукава и линию плеча, отделаны тесьмой, разрез не виден. На одной из вотивных пластин (№ 49)¹, более крупной и содержащей более подробное изображение мужской фигуры в профиль, на правом плече у горловины отчетливо видна пряжка, скрепляющая края разреза. Возможно, что эта деталь, как и вся одежда в целом была симметричной. Иногда боковой шов от талии до низа украшался декоративной полосой (№55). Эта рубаха, вероятно, была нательной оде-

¹Нумерация предметов Амударьинского клада дается по : Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-work. London, 1964.

ждой, совмещающая функции верхней и нижней одежды в теплое время года (Сухарева, 1979).

На нескольких пластинах мы видим изображение накинутого на плечи кандия (кандиса) (№68, 69, 76). Вдоль бортов он имеет довольно широкую декоративную оторочку, которая в одном случае заполнена косыми штрихами, в другом – мелкими прочеканенными кружками. Вполне возможно, что оторочка кандия могла быть меховой и изготавливаться из шкурки ягненка или какого-то другого меха.

Г. Майтдинова в своей работе (Майтдинова, 1992) отчасти затрагивает вопросы генезиса бактрийского костюма, повторяя выводы Горелика. При упоминании о кандисе автор отмечает, «что ношение этой одежды внакидку было привилегией знати – царей и жрецов». Однако, по сообщению Ксенофонта (Xen., Hell., II, 1.8) кандис носили накинутым на плечи все персы – от царя до последнего подданного; но в присутствии царя подданные обязаны были просовывать руки в его тесные рукава. Ксенофонт рассказывает о случае, когда персидский царь казнил двух знатных персов, нарушивших это правило. Можно предположить, что это поначалу могло диктоваться соображениями безопасности – под накинутым на плечи кандием легко спрятать оружие, однако, скорее всего, это была часть этикета, своего рода символический жест – ограничение свободы движения рук, как бы «связыва-

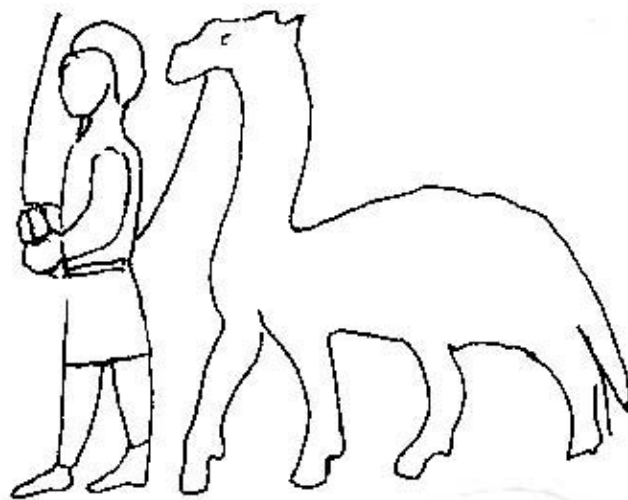

Рис.2. Вотивная золотая пластина из храма Окса в Тахти-Сангине.

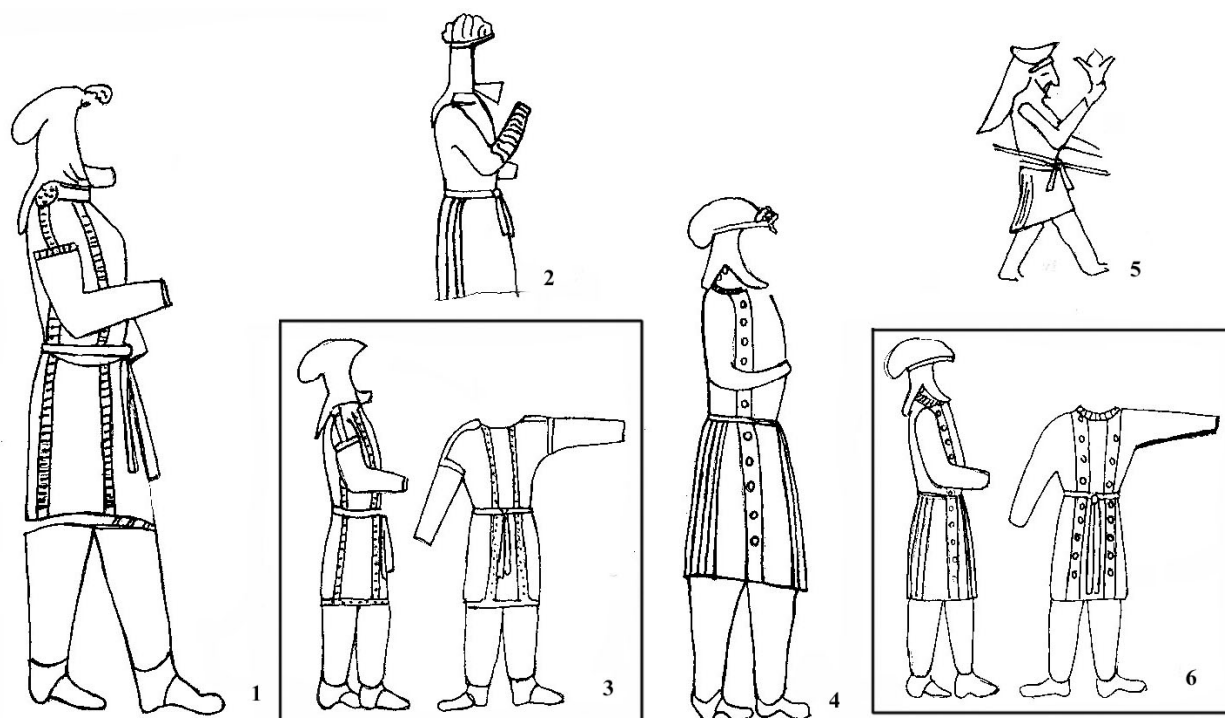

Таблица I. Вотивные пластины из Амударьинского клада: 1,3 - №49 (прорисовка и реконструкция костюма); 2 - № 52; 4,6 - №48 (прорисовка и реконструкция костюма; 5 - № 78

Таблица II. Вотивные пластины Амударьинского клада: 1 - №75; 2 - № 55; 3 - № 73; 4 - №179; 5 - № 68; 6 - № 69; 7 - № 77; 8 - № 71; 9 - № 64; 10 - № 66-67; 11 - № 85; 12 - № 61

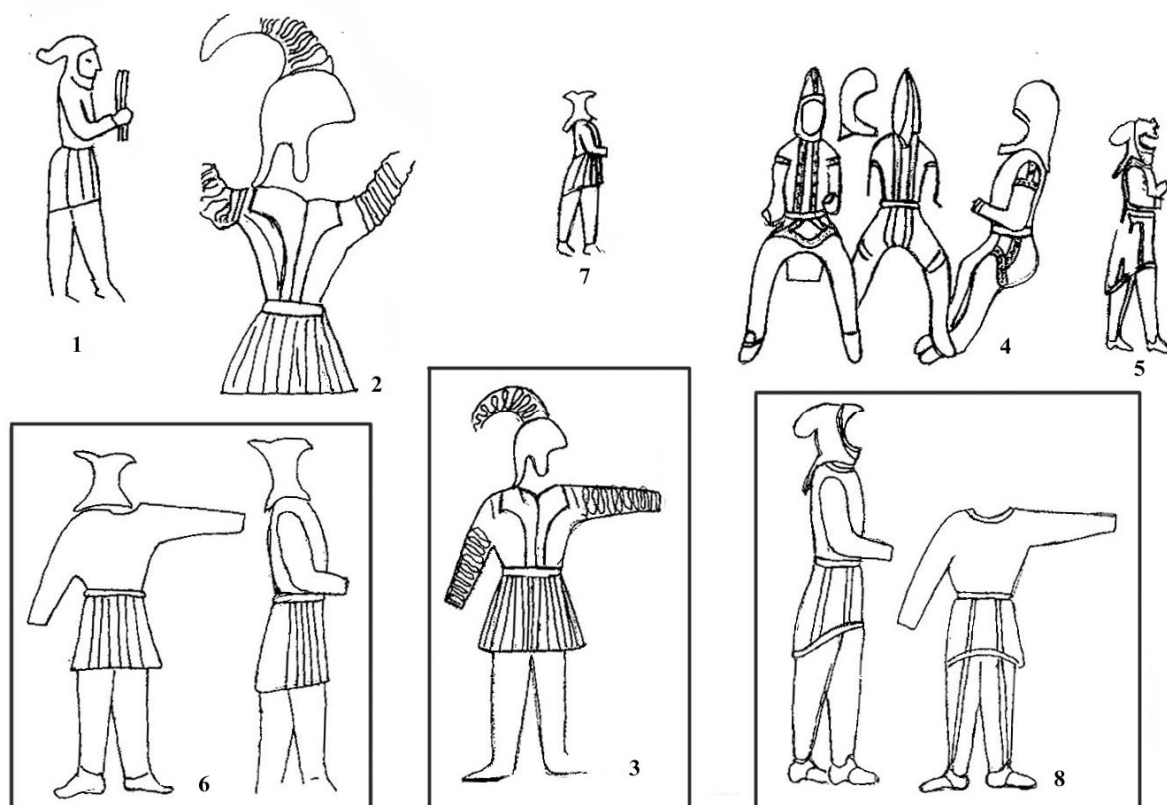

Таблица III. Вотивные пластины Амударьинского клада: 1 - №59; 2,3 – прорисовка и реконструкция доспеха; 5,8 - № 70 (прорисовка и реконструкция костюма) 6,7 - № 8 (прорисовка и реконструкция костюма); 4 – золотая статуэтка всадника

ние рук» могло означать покорность воле царя. Из-под платья видны зауженные книзу штаны, которые, судя по силуэту, в верхней части имели достаточную свободу для движений, однако не настолько большую, чтобы драпироваться в складки. На всех изображениях данного комплекса, за редкими исключениями, штаны показаны линейным контуром однотипной конфигурации без обозначения складок или других подробностей. Лишь на трех пластинах (№ 61, 66, 67, 85) контур заполнен перекрестной штриховкой, образующей ромбы.

Возможно, что узор образовывался посредством нашивания бляшек.

Наиболее распространенный головной убор – кирбасий, представлен в большом разнообразии вариантов, причем имеется комбинированная разновидность, сшитая из двух материалов – на тканевую основу убора наложена (нашита или привязана) в области темени деталь округлой формы, вырезанная из войлока (таб. I, рис. 5). Такой же войлочный диск, дополненный вой-

лочным задником, стал основой похожего на своеобразный шлем убора, запечатленного на таблице II, рис. 2, 5.

Изображение вышеописанного костюма с разной степенью условности многократно повторяется на золотых пластинах клада. Эту наиболее распространенную для данного комплекса схему можно принять за основную и выделить несколько ее разновидностей. Как уже говорилось, стан платья выполнялся без заметного раскрашивания ткани, т.е. она почти не расширялась книзу. Узкая одежда длиной почти до колен не подходила для некоторых видов деятельности, например, для верховой езды; появились варианты, более приспособленные для всадника. Так, пластина № 70 демонстрирует костюм, близкий к описанному, но с укороченным спереди подолом. Декоративная тесьма украшает конструктивные швы нижней части и подол платья, а также передние «стрелки» штанов. Свобода движений в нераспашной одежде могла достигаться не только укорачивани-

ем подола спереди. Вторым способом стало закладывание от талии складок или сборок. На некоторых изображениях четко видны складки, заложенные сзади (№№ 49, 52, 78), но есть изображение костюма со складками спереди в сочетании с укороченным подолом (№№ 80, и, возможно, 59). Это может означать одно из двух: либо предметы амударьинского клада донесли до нас отзвук творческих поисков бактрийских «модельеров» и костюм запечатлен в разные этапы его становления; либо, что более вероятно, одновременно бытовали оба варианта, различные по своему назначению. Если верно последнее, то логично предположить, что складки сзади делались на одежде всадника, спереди же складки могли выполняться на платье, предназначенном, например, для пешего воина.

Как же технологически выполнялось платье со складками? Та часть его, на которой заложены складки, была явно отрезной по линии талии, вторая сшивалась вышеописанным способом из трех продольных полос ткани, либо, если позволяла ширина ткани, кроилась из цельного куска. Но более древним, несомненно, является первоначальный вариант прямого платья – рубахи с одинаковым трех-частным членением переда и спинки. Эта форма представляет для нас наибольшую ценность тем, что зафиксирована в комплексе бактрийского происхождения. Видимо, этот крой возник в Бактрии в то время, когда в этом регионе еще не применялся широконавойный ткацкий станок. Узкая ширина полотна диктовала и форму костюма; вынужденные конструктивные швы центральной вставки могли декорироваться тесьмой, вышивкой или нашивными бляшками. Не следует, впрочем, полностью отменять предположение, что вертикальные полосы декора не отмечали конструктивные швы, а просто нашивались на цельную ткань, но даже и в этом случае такой способ декорировки восходит к вышеописанному, т.е. при исчезновении конструктивных швов происходит их имитация. Подобные процессы характерны не только для развития костюма; наглядно они про-

слеживаются в области архитектуры при замене деревянного зодчества каменным: первое, - а иногда и весьма долгое время – на новый материал переносятся не только приемы и навыки работы с деревом, но изображается сама конструкция.

В начальном периоде формирования этой формы одежды ширина ткани, идущей на ее изготовление, была очень узкая. Данная форма костюма была наиболее рациональной и могла выкраиваться практически без отходов ткани. Что касается парадных ахеменидских одежд, для изготовления которых требовалась ткань шириной не менее полутора метров, то они, по всей вероятности, ввозились в Бактрию в виде готовых форм, или, по крайней мере, изготавливались из импортных материалов.

Уже древний Египет и Греция со времен Гомера знали широконавойный ткацкий станок, позволявший производить материал шириной от 150 до 170 см (Ирмшер, 1989). Изображения вертикального ткацкого станка сохранились в греческой вазописи. Но ткань на таком станке было процессом трудоемким. Греческая женщина, для которой ткачество было одним из основных занятий, сидя за ткацким станком, обычно пользовалась услугами рабыни, которой приходилось постоянно обходить станок с разных сторон.

Ткать за узконавойным станком можно было сидя и без посторонней помощи, что, видимо, и практиковалось в это время в Бактрии. Можно объяснить это более простым уровнем технологии, но, если принять во внимание, что широконавойный станок отличается от узкого не принципиально иным способом формирования полотна, а, скорее, количественными характеристиками, то можно предположить, что некоторую роль в этом играет, возможно, и меньшее распространение рабского труда.

Возвращаясь к персонажам пятнадцатой группы ападаны Персеполя, мы можем констатировать, что их костюм не находит аналогий в бактрийских комплексах этого времени. «Бактрийцы», универсальную наплечную одежду которых дополняют далеко не столь распространенные

своеобразные широкие штаны, драпирующиеся в горизонтальные складки и ниспадающие поверх высоких сапог, как бы повисают в воздухе, не находя аналогий в своем регионе. В. Горелик, принявший за рабочую гипотезу то, что именно эта форма одежды является бактрийской, и не обнаружив ее на вотивных пластинах Амударьинского клада, приходит к выводу, что почти во всех случаях на них запечатлены «чисто персидские костюмы», а «представителей бактрийцев или какого-нибудь восточно-иранского народа здесь усмотреть невозможно, поскольку известные нам специфические признаки вовсе отсутствуют на пластинах клада» (Горелик, 1985)

Анализ костюма «бактрийской» делегации ападаны Персеполя и сопоставление его с локальными комплексами на территории Бактрии, в частности, с комплексом

Окса заставляет нас предположить, что это не бактрийцы; подлинными представителями бактрийской сатрапии, возможно, определены в изображениях Персеполя под другим именем. Располагая более обширным материалом, можно было бы предположить, под каким именно. По внешнему сходству возможно, что это может быть группа ареев или парфян. Если взять в качестве примера для сравнения памятники парфянского круга, правда, несколько более позднего времени, то можно увидеть, что форма широких штанов, ниспадающих горизонтальными складками в сочетании с высокими сапогами характерна именно для них. Мы считаем, что вопрос об определении этнической группы персонажей персепольских рельефов еще не закрыт и требует дальнейшего исследования.

Литература:

1. Абдуллаев К. Мужской костюм Бактрии предантичной поры // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н.э.-VIII в. н.э. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1986.
2. Горелик М.В. Скифский мужской костюм в системе комплекса одежды ираноязычных народов Бактрии // Тезисы докладов III Всесоюзной конференции «Искусство и археология Ирана его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. М., 1979.
3. Горелик М.В. К этнической идентификации персонажей, изображенных на предметах из Амударьинского клада // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
4. Ирмшер Й. Словарь античности. М., 1989.
5. Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. Основные этапы // История иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971.
6. Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977.
7. Майтдинова Г. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. Душанбе, 1992.
8. Пичилян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.
9. Пугаченкова Г.А. Халчаян. Ташкент, 1966.
10. Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
11. Сухарева О.А., Опыт анализа покровов традиционной «туникообразной» одежды в плане их истории и эволюции // Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
12. Уилбер Д. Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей. М., 1977.
13. Abdullaev K. Badanova E. Bactrian dress in the Achaemenid Period // Mesopotamia. XXXIII, 1998.
14. Curtis Sarkhosh Vesta. A Parthian Statuette from Susa and Bronze Statue from Shami // Iran, vol. XXXI 1993.
15. Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-work. 3rd edition. London, 1964.
16. Ghirshman R. Arte Persiana. Proto-iranici, Medi e Achemenidi. Milano, 1982.
17. Godar A. Umetnost Irana. Beograd, 1965.
18. Goldman B. Origin of the Persian robe. //Iranica Antiqua, Leiden, 1974
19. Schmidt E. Persepolis III. The Royal Tombs and other Monuments. Chicago, 1972.

Б.М. Абдуллаев

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ФОРТИФИКАЦИЯ ФЕРГАНЫ

(возникновение и этапы развития)

Проблема возникновения городской цивилизации и государственности всегда находилась в центре исследований и дискуссий. В течение тысячелетий этот процесс совершенствовался и усложнялся, включая в себя новые элементы и функции. Известно, что одним из основных факторов в развитии градостроительной культуры являлись оборонительные сооружения, которые также играли важную роль и в процессе урбанизации общества.

Начало масштабных исследований фортификационных сооружений на территории Узбекистана было положено с конца 40-х годов XX столетия в Хорезме (Толстов, 1948а, 1948б). На следующих этапах изучения оборонительных систем проводился углубленный анализ археологических материалов в историко-архитектурном плане (Пугаченкова, 1958; Кошеленко, 1963; Тургунов, 1968; Филанович, 1974; Массон, 1979). В это же время появился ряд обобщающих исследований по фортификации Средней Азии (Мухамедов, 1961; Сабилов, 1979; Frankfort, 1979). Целью этих обобщений являлась систематизация материалов и оценка уровня разработанности темы для разных этапов исследования (Сабилов, 1979. С. 20; Пугаченкова, 1983. С. 254).

Следует отметить, что эти обобщающие работы являлись, несомненно, важными в освещении проблем среднеазиатской фортификации, но в то же время в них просматривалась необходимость конкретного анализа формирования элементов оборонительных сооружений по историко-культурным регионам. Этот пробел постепенно заполнялся новыми исследованиями и обобщениями на региональных уровнях (Туребеков, 1981; Он же, 1990; Семенов, 1995; Рахманов, 1989; Ходжаниязов, 1981).

В этом отношении Ферганская долина остается малоизученной, хотя при архео-

логическом изучении этого региона каждый исследователь, так или иначе, затрагивал фортификацию как один из элементов археологического объекта (Латынин, 1935, 1961; Давидович, 1954; Заднепровский, 1962, 1972, 1976, 1978, 1995; Спришевский, 1958, 1963, 1972; Gorbunova, 1986; Горбунова, 1995).

Развитие ферганской фортификации имело несколько специфический характер, особенно в древности. В данной статье будут рассмотрены два этапа архаичного периода фортификации Ферганы, связанные с такими древнеземледельческими культурами, как чустская (XII-VII вв. до н.э.) и эйлатанская (VI-III вв. до н.э.).

Несомненно, каждый период имел свои внутренние этапы развития, которые, так или иначе, отражены и в структуре оборонительных сооружений, и в системе обороны. Такой же подход оправдывает себя и в интерпретации методов возведения оборонительных сооружений и применения строительных материалов.

Необходимо отметить, что все ферганские оборонительные сооружения исследуемого периода возводились, в основном, из глины и ее производных - гувалья, кирпич и пахса. Этот строительный материал в течение времени претерпел ряд изменений. Уже менялись способы их изготовления (от руки или в формах), для прочности в глину добавляли саман или каменные примеси, менялся стандарт и размер кирпичей и пахсовых блоков, но лёсс неизменно оставался основой для его изготовления. Вероятно, это обстоятельство привело к высказыванию отдельными авторами о «сакральности почвы - земли» и, служившим в качестве строительного материала (Сверчков, 1999. с.38-41).

Исследования исторической топографии оборонительных сооружений как Ферганы, так и Средней Азии в целом, показывает, что основным критерием в их

возникновении и развитии явилось длительное существование земледельческих поселений и их соседство с кочевыми племенами. Это соседство не всегда было мирным и иногда переходило во вражду племен, оканчивавшихся военными столкновениями. Все это подтверждают следующие факты:

а) оборонительные стены Дальверзина и Чуста возводились после определенного времени существования «открытого» поселения;

б) в культурных напластованиях у оборонительных стен этих городищ зафиксированы следы пожарищ в виде толстых зольных слоев и прокаленных до красного цвета стен;

в) оборонительные стены постоянно усиливались и в этом процессе зарождались новые элементы фортификации;

г) обнаружены различные виды вооружения, такие, как «остроугольные камни для метания из пращи» (более 35 тыс.), каменные булавы, бронзовые наконечники копий и стрел.

Анализ материала предшествующих исследователей и новые археологические раскопки на городище Дальверзин¹ подтверждают и дополняют мнение о самобытности начального этапа фортификации Ферганы. Основными критериями данного факта являются:

- планировка оборонительных сооружений была подчинена планографии жилищ (Дальверзин) и рельефу местности (Чуст);

- северная стена у цитадели Дальверзина возводилась без платформы, выкладка которой в последующем представляла собой лишь нивелирующий раствор глины толщиной 15-30 см;

- отсутствовали фланкирующие башни в Дальверзине, а в Чусте они компенсировались прямоугольными изгибами обводной стены.

Планировочно городище Дальверзин имело некоторое сходство с такими памятниками эпохи бронзы юга Туркменистана, как Намазга и Алтын-депе. Необходимо

¹Подробнее смотри в статье данного сборника Б.Х. Магбабаев, М.Х. Пардаев, Б.М. Абдуллаев. Новое об оборонительных стенах городища Дальверзин

отметить, что Дальверзин имел трехчастное деление и состоял из жилой части, загона для скота и цитадели, обозначенных соответственно Д-I, Д-II, Д-III². Известно, что первоначально дальверзинское поселение являлось открытым и по истечении определенного времени было обстроено мощными оборонительными стенами, которые имели «плановую» основу. Однако изучение накопленного материала позволяет предположить (для внешней оборонительной стены Д-I и внутренней крепостной стены Д-III), что первоначальной точкой отсчета для «плановой» обстройки городища стенами являлись внешние стены помещений больших домов. Такое можно наблюдать как на материалах восточной стены Д-I, так и южной стены Д-III (рис. 1). Это положение подтверждает мнение Ю.А. Заднепровского о разделении поселения на родовые кварталы (Заднепровский, 1969. С. 40).

Нам представляется, что со всех сторон мощной оборонительной стеной обстраивается родовой квартал на Д-III, а кварталы на основной жилой зоне были обстроены лишь по краю поселения, граница которого проходила по уровню линий внешних стен домов. Такая последовательность возведения оборонительных стен отмечена и в историко-культурных регионах Средней Азии с более ранними этапами развития: например, в поселениях Муллали (Хлопин, 1964. С. 83), Намазга-V (Массон, 1970. С. 418), а в некоторых местах обводную стену поселения Алтын-депе заменяла внешняя стена многокомнатного дома (Массон, 1967. С. 170). Планировка городища Дальверзин, также как и Алтын-депе, была подчинена планографии родовых кварталов, а отсюда наличие у нее неправильной трапециевидной формы (рис. 2).

Сравнительное сопоставление оборонительных сооружений чустской культуры с окружающими кочевыми андроновскими культурами и земледельческими культурами юга Средней Азии показало смежное положение в ее развитии (Заднепровский,

²В дальнейшем для определения частей городища будут использованы эти обозначения.

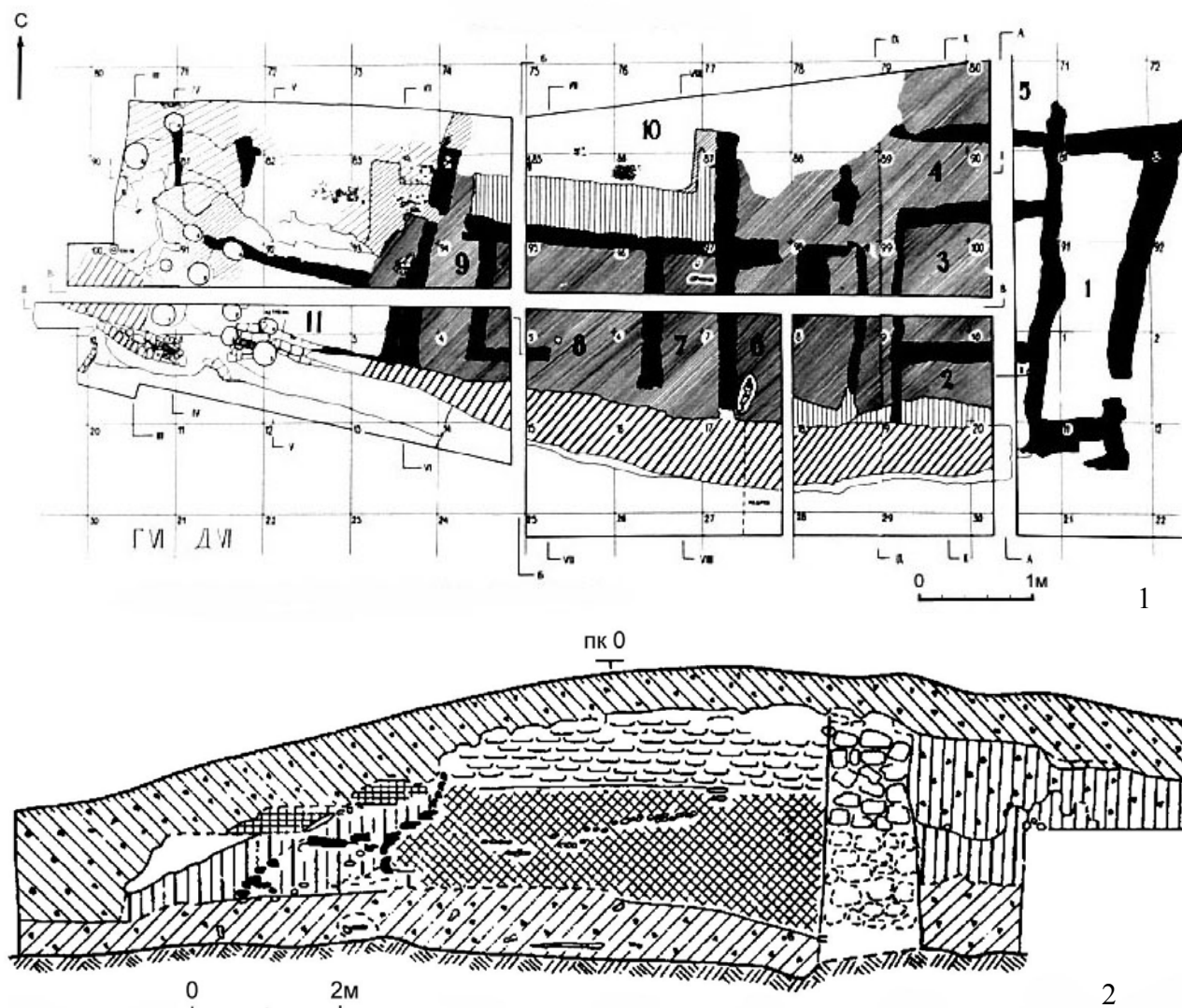

Рис. 1. Оборонительные стены Д-III (1) и Д-I (2) (по Ю.А. Заднепровскому)

1995. С. 21-22).

Поселения андроновской общности имели округлую форму и были окружены земляными, реже глинобитными стенами. Однако при некотором сходстве они отличались меньшими размерами, ограничивающимися площадью 1,5-3 га (Заднепровский, 1995. С. 22). В то же время в земледельческих районах юга Средней Азии, таких, как Маргиана и Бактрия, оборонительные стены городищ и монументальные сооружения возводились из пахсы и сырцового кирпича; они имели соответственно трапециевидную и прямоугольную планировку и усиливались также - контрфорсами и прямоугольными или округлыми башнями (Аскарлов, 1977; Аскарлов, Ширинов, 1993; Сарияниди, 1977). Таким образом, древние ферганцы, геогра-

фически располагаясь между кочевыми и земледельческими культурами, осваивали достижения фортификации своего времени и, обработав их, прокладывали самостоятельный путь развития техники строительства и системы обороны поселений.

Известно, что оборонительные стены Дальверзина и Чуста имели большую толщину - соответственно 4-6 м (восточная стена Д-I), 5-8 м (северная стена Д-I) и 3,7 м (дугообразная стена на Чусте, соответственно в первом и последнем этапе ее возведения). Подобное явление никак не вписывается в рамки широко распространенного мнения, что утолщение оборонительных стен связано с появлением осадной техники (Frankfort, 1979. 40-43 р). Нам представляется, что причиной этому служит географическое положение Ферганы,

Рис. 2. Дальверзин. Условное обозначение оборонительных стен по рельефу. (по Ю.А. Заднепровскому)

являющейся контактной зоной между кочевыми и земледельческими культурами.

Известно, что для земледельцев юга Средней Азии было характерно возведение оборонительных стен из пахсы и сырцового кирпича небольшой толщины, но более устойчивого к атмосферным осадкам, а для кочевников севера было характерно возведение вала из утрамбованной земли большой толщины, но малоустойчивого перед атмосферными осадками. Все это говорит, что носители чувской культуры, применяя эти достижения строительной техники, формировали свою традицию возведения (для больших или центральных городов) оборонительных стен большой толщины и с более высокой сопротивляемостью атмосферным влияниям.

Исследование оборонительных стен, ближайших к Фергане, земледельческих регионов Китая³ указывает на длительное сохранение здесь традиций возведения

оборонительных стен из утрамбованной земли, толщиной достигавших 10-14 м. Наиболее раннее упоминание о них отмечены для культуры Луншань - конец III - начало II тыс. до н.э. (Степугина, 1982. С. 140-168) и только к VIII в. н.э. впервые в Китае (г. Чаньань) оборонительная стена из утрамбованной земли была укреплена (облицована) сырцовым кирпичом и тесаным камнем (Крюков, Малявкин, Сафонов, 1984. С. 89). То, что в Фергане переход к более развитой технике строительного дела произошел быстрее, чем в Китае показывает, что несмотря на возможность самостоятельного развития каждого отдельно взятого региона, большую роль играет соседство с прогрессивными земледельческими культурами.

За период длительного существования чувской культуры, фортификационное дело прошло определенный эволюционный путь развития, проявившийся как в технике строительства оборонительных стен, так и в выявлении отдельных фортификационных элементов. Анализ фортификационных сооружений Дальверзина и

³В данном случае исключение составляет Синьзянь - Восточный Туркестан, который в то время имел свое самостоятельное от Китая развитие.

Чуста показал, что при возведении оборонительных стен в первом случае использовалась пахса, а во втором - сырцовый кирпич. На Дальверзине можно отметить начало формирования комбинированной кладки. Почти во всех оборонительных стенах в пахсе выявлено бессистемное и большое включение фрагментов и целых сырцовых кирпичей. В научной литературе широко распространено мнение, что включение сырцовых кирпичей сокращает и предотвращает растрескивание пахсовых стен на всю ее высоту (Нильсен, 1966. С. 218, 228). Однако некоторые современные этнографические наблюдения привели к мысли, что включение сырцового кирпича или гувая также ускоряют процесс обсыхания пахсы. А это, в свою очередь, ускоряет возведение стен в несколько раз, по сравнению с возведением пахсовой стены без включений сырца⁴. Нам представляется, что именно функция сырцового кирпича как ускорителя процесса высыхания пахсовой стены находилась в основе развития комбинированной кладки, которая достигла своего апогея в период средневековья и даже составляла часть декора оборонительных и монументальных стен (Хмельницкий, 2000. С. 34). Тем не менее, по материалам раскопок предшествовавших исследователей, южная часть восточной стены Д-I и основная часть стен Д-II были возведены из утрамбованного грунта в основании. Следовательно, дальверзинцы использовали утрамбованный грунт частично в ранний период и позже, в основном при ограждении загонов для скота, что, видимо, объяснялось сохранением традиций, перенятых у скотоводческих племен.

Формирование оборонительных стен чустской культуры планировочно переживало тот же процесс, что и культуры южного Туркменистана, такие, как Алтындепе и Намазга IV. Однако обводные стены Алтындепе, как правило, были относительно незначительной толщины (1,9 м) и усиливались башнями-контрфорсами (Ма-

ссон, 1981. С. 34), что было отмечено и на других памятниках как Гонур, Джаркутан. В то же время обводные стены Дальверзина имели значительно большую толщину (до 8 м), что делало ненужными «башни-контрфорсы». Хотя в Чусте обводная стена (за исключением дугообразной стены) имела небольшую толщину (1,5 м), но, как нам представляется, отсутствие башен-контрфорсов для большей устойчивости компенсировалась ее ломаным контуром с углами в 90-110°. Такая разница в толщине обводных стен чустского поселения является, вероятно, результатом его географического расположения с одной стороны и несет новую тенденцию развития оборонительных сооружений этой эпохи в Фергане - с другой.

Данная линия эволюционного развития фортификационного дела характеризуется следующими положениями. Если Дальверзин, являясь центром зарождения чустской культуры, имел большие экономические возможности и большие трудовые ресурсы, то Чуст, скорее всего, являлся периферийной «колонией», появившейся в период расцвета культуры, и имел, следовательно, скромные и довольно ограниченные возможности. Тем не менее, приграничное положение диктовало поселянам Чуста необходимость возведения надежных оборонительных сооружений. По этой причине в Чусте были использованы все стратегические возможности рельефа местности и четкое распределение мощи оборонительных сооружений в зависимости от степени уязвимости участков обороны.

Основной проход в поселение был огражден дугообразной стеной (с первоначальной толщиной до 3 м, которая позже была доведена до 7 м), где главные ворота были фланкированы мощным бастионом с казематами. Части же, менее подверженные к внезапному и прямому штурму, были обведены стеной толщиной до 1,5 м, но имевшую частые прямоугольные изломы линий, позволяющих вести как прямую, так и фланговую оборону.

Вопрос о появлении фланговой обороны в научной литературе изучен недоста-

⁴Такой способ возведения стен в Ферганской долине и, в частности, в селе Аим (Андижанская обл) используется также до настоящего времени.

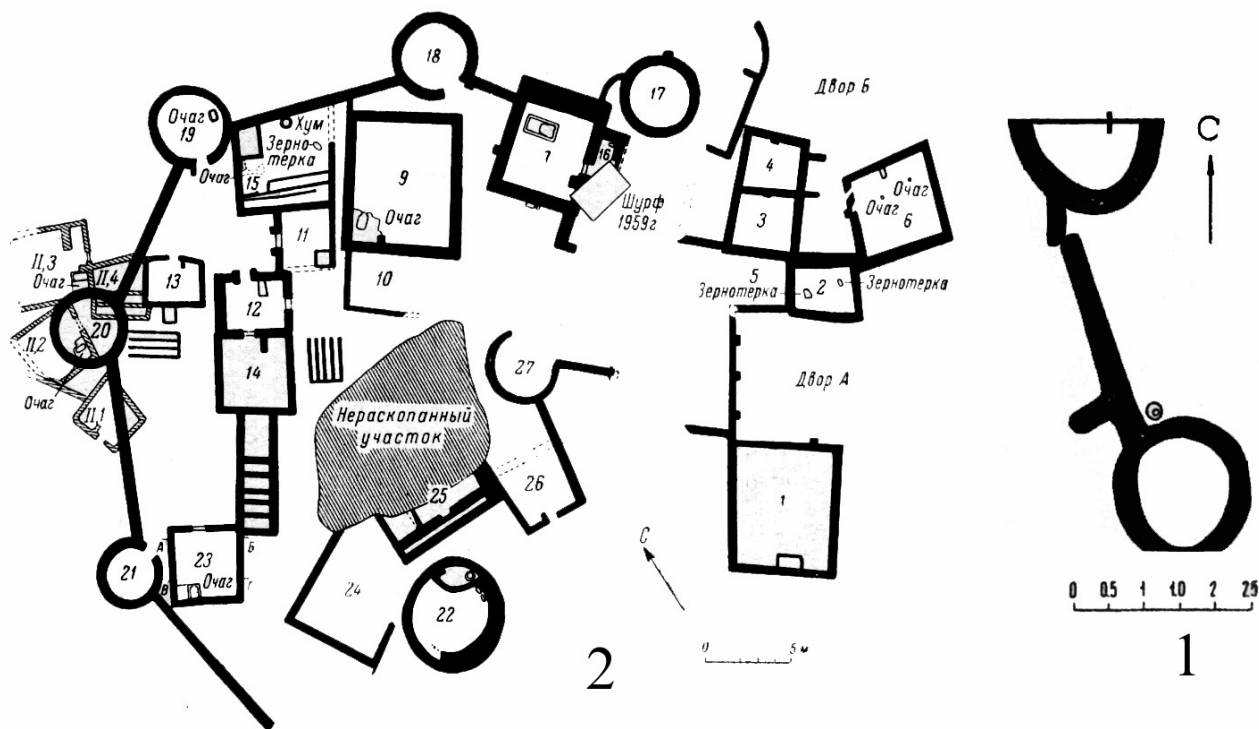

Рис. 3. Башнеобразные сооружения энеолита. 1-Анау, 2-Муллали. (по К.Курбансахатову и И. Масимову)

точно. Раннее появление башен в Средней Азии отмечено в IV тысячелетии до н.э. В период энеолита на юге Туркменистана возводились оборонительные стены толщиной 0,5-0,6 м с округлыми башнями⁵ (рис. 3), служившие как оборонительными, так и жилыми сооружениями (Хлопин, 1966; Кирчо, 1995). Однако, как нам представляется, вероятнее всего, эти башни выполняли роль своеобразного контрфорса и имели важное значение для стены с незначительной толщиной. Существует мнение, что они «никогда не были использованы по своему прямому назначению, поскольку раскопки поселений не обнаружили свидетельств их гибели в результате насилия» (Хлопин, 1966. С. 83). О причинах возникновения башен при исследованиях фортификации Алтындепе оговаривалось: «возможно, что именно строительная функция контрфорса составляла первоначально основу развития башен как фортификационного сооружения» (Массон, 1981. С. 31).

⁵Заметим, что подобные округлые сооружения были отмечены на северном холме Анау (рис. 3). См.: Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабат, 1987. С. 32, 36, 38.

В определенной мере эта интерпретация может быть дополнена данными наших исследований. Возведение обводной изогнутой оборонительной стены в Чусте увеличило возможности защитников, так как большие выступы (10-18 м) стены, образовавшиеся при строительстве ломаными линиями, обнаружили впоследствии преимущества флангового обстрела по штурмующим. Вероятно, именно эти практические наблюдения выявили важность фланговой обороны и перед южным крылом дугообразной стены была возведена ремонтная рубашка (увеличившая толщину до 7 м), внешняя сторона которой состояла из нескольких выступов (рис. 4).

Из вышеизложенного следует, что в Чусте древние фортификаторы перешли от более трудоемких методов, использованных на Дальверзине, к более экономичным способам возведения оборонительных сооружений. Такая последовательность эволюции древних оборонительных сооружений позволяет сделать следующие выводы:

На современном уровне изученности фортификации появление элементов, фланкирующих сооружение (выступ у

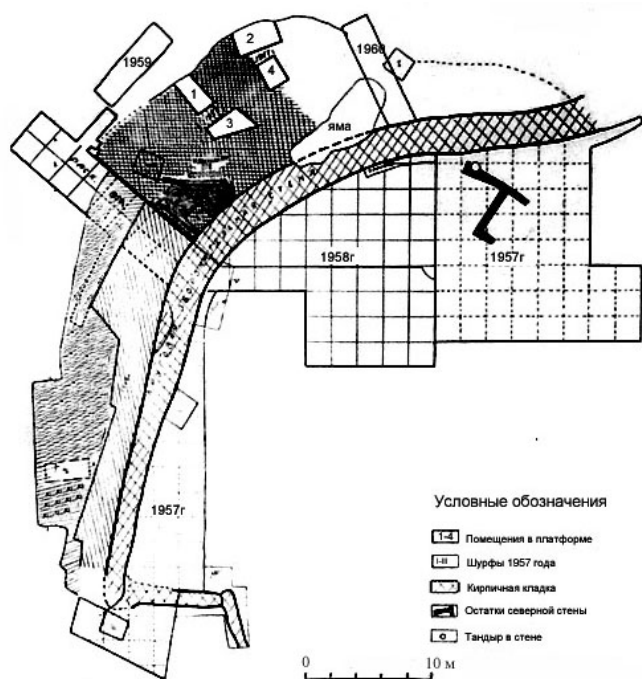

Рис. 4. Чуст. План дугообразной стены (по В.И. Спришевскому)

входа на северной стене Дальверзина, бастийон у главных ворот и изогнутая обводная стена Чуста) для Ферганы определяется эпохой поздней бронзы.

В основе возникновения фланкирующих башен в Фергане лежат изломы линий обводной стены Чуста, что сделало башни составной частью оборонительных стен уже с последующего эйлатанского периода.

Анализ оборонительных сооружений древнейших городов и поселений Ферганы выявил как общие, так и особенные черты, а также последовательность в их развитии. Отличительные черты и взаимосвязь в фортификации эпохи поздней бронзы и раннежелезного века представлена в следующем порядке:

Планировка Дальверзина была подчинена планиграфии жилых кварталов, а Чуста - рельефу местности. Отсюда неправильная (соответственно трапециевидная и изогнутая) форма их планировки, хотя в Чусте стены имели определенную четкость линий. Эйлатанцы же при строительстве исходили из определенного плана, не зависящего ни от рельефа местности, ни от планиграфии жилых кварталов, что выразилось в прямоугольной плани-

ровке городища (рис. 5).

На Эйлатане, в отличие от Дальверзина, отсутствует цитадель, что, возможно, было связано с изменениями в системе политического господства, где ведущую роль играли кочевые племена (Gorbunova, 1986, p. 258; Матбабаев, 2004. С. 30). В строительстве оборонительных стен дальверзинцы чаще использовали пахсу с включением сырцового кирпича, чустцы и эйлатанцы - в основном сырцовый кирпич, что говорит о наличии определенной последовательности в двух периодах древнейшей истории городской культуры Ферганы.

В обоих периодах использовались в основном кирпичи прямоугольной формы с клеймами. Однако дальверзинцы и чустцы использовали кирпичи с большим разбросом соотношения размеров, без примеси самана и с четкими гранями, хотя они изготавливались без формовки. В то же время эйлатанские кирпичи имели небольшой

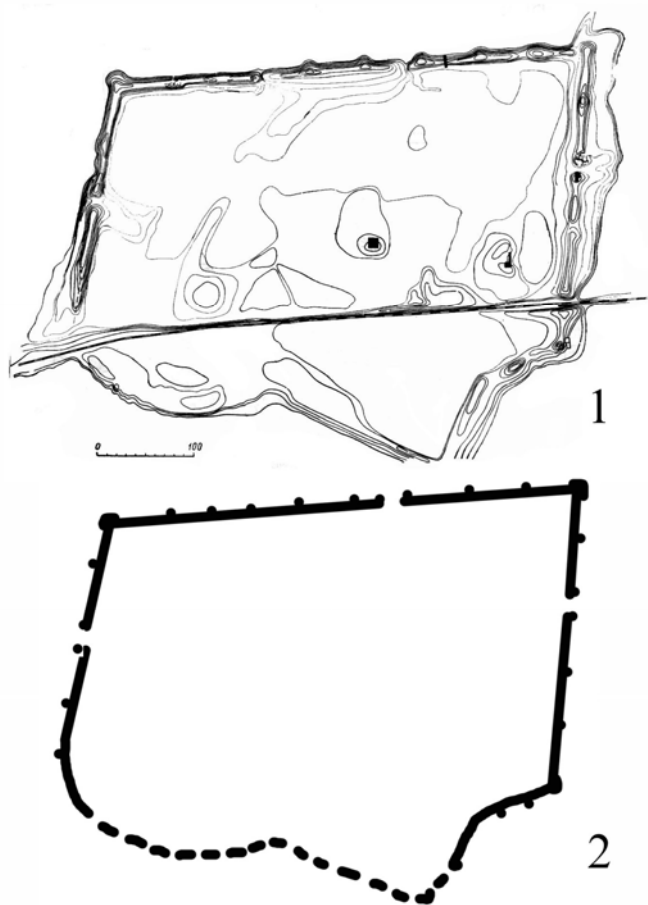

Рис. 5. Эйлатан. Внутреннее городище. 1-план, 2-вариант реконструкции (по Ю.А. Заднепровскому)

разброс размеров и изготавливались также без формовки, но с саманом и без четких граней с округлыми углами, что делало их больше похожими на сплюснутые гувалы.

Характерным для оборонительных стен Дальверзина и Эйлатана являлось возведение их с использованием двусторонних панцирных кладок и заполнения пространства между ними соответственно утрамбованным строительным мусором и кладкой из «второсортных строительных материалов» на толстом глиняном растворе.

Хорошо прослеживается процесс возникновения прямоугольных фланкирующих башен по линии Дальверзин - Чуст - Эйлатан: на Дальверзине выявлен лишь выступ, видимо, фланкировавший вход на северной оборонительной стене; с фасада изогнутая обводная стена Чуста представ-

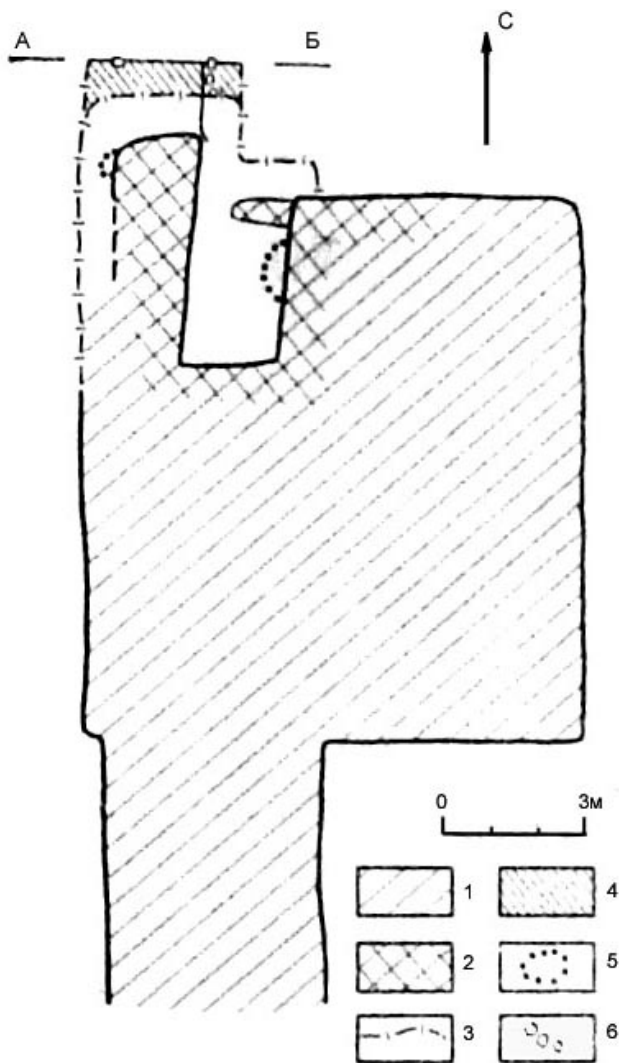

Рис. 6. Эйлатан. План башни с привратным помещением (по Т.Г. Оболдуевой)

ляет собой прототип межбашенного пространства (куртина), длиной в 31 м, фланкированного с двух сторон 10 и 18 метровыми прямоугольными выступами изгиба стены; на Эйлатане башни (размером 10,5x10 м) включены как неотъемлемая часть оборонительной стены, выстроенные регулярно на каждые 55-60 м и выступающие за линию стены на 4-5 м.

На Чусте имелось бастионообразное сооружение у предполагаемых главных ворот на дугообразной стене, а на Эйлатане ворота с двух сторон фланкировались прямоугольными башнями, в одной из которых выявлено привратное помещение (рис. 6).

Таким образом, древнейшая оборонительная система в Ферганской долине в эпоху поздней бронзы и раннежелезного века имела определенный путь эволюции, подготовивший благодатную почву для сложения всесторонне развитой фортификации в последующие периоды. Этот эволюционный путь фортификационного дела древней Ферганы подтверждает мнение Г.А. Пугаченковой о том, что на одной фазе эволюции разных народов рождаются схожие композиционные идеи (Pugatchenkova, 1982. С. 10). Следовательно, в формировании отдельных элементов фортификации, по крайней мере в его начальном этапе, ферганский историко-культурный регион прошел самостоятельный и самобытный путь развития. Из приведенных выше примеров следует, что периоды поздней бронзы и раннежелезного века являются двумя этапами единой эволюции в процессе формирования древнейшей фортификации Ферганы.

Расположение крупных городищ с мощными оборонительными стенами в центре (Дальверзин и Эйлатан) и укрепленных поселений на границе (Чуст и, возможно, Сым-тепе) распространения этих культур дает возможность предположить формирование в эти периоды начальной стадии общей системы обороны. Из-за малых масштабов памятников, где были проведены исследования оборонительных сооружений (Дальверзин, Чуст, Эйлатан), пока сложно судить о взаимодействии центра и

регионов в данной системе обороны. Тем не менее, видимо, именно на основе этой системы обороны было развито фортификационное дело античного периода, кото-

рое совпало со временем усиления импульсов в возникновении и развитии государственности в Фергане.

Литература

1. Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
2. Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Ташкент, 1993.
3. Горбунова Г.Н. Оборонительные сооружения на поселениях древней Ферганы // Марказий Осиёда урбанизация жараёнининг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари. Самарканд, 1995.
4. Давидович Е.А. Раскопки замка Калаи-боло // МИА, № 66, М., 1954.
5. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА, вып. 118, М., 1962.
6. Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Л., 1966.
7. Заднепровский Ю.А. Отчет о работе Андижанского отряда в 1969 г. // Архив ИА АН РУ Ф. 8., О. 1., Д. 64.
8. Заднепровский Ю.А. Историческая топография Дальверзина. // УСА, вып. 1, 1972а.
9. Заднепровский Ю.А. Укрепления чустских поселений и их место в истории первобытной фортификации Средней Азии // КСИА, вып. 147, М., 1976.
10. Заднепровский Ю.А. Развитие фортификации в Фергане (I тыс. до н.э. - сер. I тыс. н.э.). // Фортификация в древности и в средневековье. С-Пб., 1995.
11. Кирчо Л.Б. К вопросу о начале фортификации в южной Туркмении // Фортификация в древности и в средневековье. С-Пб., 1995.
12. Кошеленко Г.А. Парфянская фортификация // СА, № 2, М., 1963.
13. Крюков М.В., Малявин В.В., Софонов М. К. Город // Китайский этнос в средние века (VII-VIII вв.). М., 1984, 336 с. Курбансахатов К. Энеолит Анау. Ашхабад, 1987.
14. Латынин Б.А. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане // Известия ГАИМК, вып. 110 Археологические работы на новостройках, т. II, Л., 1935.
15. Латынин Б.А. Некоторые итоги работы Ферганской экспедиции 1934 г. // АСГЭ, 1961, вып. 3.
16. Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА, № 3, М., 1967.
17. Массон В.М. Раскопки на Алтын-депе // АО, 69, М., 1970.
18. Массон В.М. Фортификация Средней Азии в бронзовом веке // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
19. Матбабаев Б.Х. Древние города Ферганы (по археологическим материалам) // МНК Великий шелковый путь и Ферганская долина. Ташкент, 2004.
20. Мухаммедов Х.М. Қадимги мудофаа деворлари. Тошкент, 1961.
21. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии V - VIII вв. Ташкент, 1966.
1. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. // ТЮТАКЭ, № 6, М., 1958.
2. Пугаченкова Г.А. рец. на кн. Frankfort H.P. Les fortifications en Asie Centrale de l'age du bronze a L'epoque Kouchane. // СА, № 4, 1983.
3. Рахмонов Ш.А. Средневековая фортификация северного Тохаристана (V - начало XIII вв.) // Автореф. канд. дисс. Самарканд, 1989.
4. Сабиров К.С. Оборонительные сооружения древних поселений и городищ Средней Азии (VI тыс. до н. э. - IV в. н. э.) // Автореферат кандидатской диссертации. Ташкент, 1979.
5. Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
6. Сверчков Л. Реликтовые формы строительства в Средней Азии // Древний Карши, история культуры и градостроительства Средней Азии. Карши, 1999.
7. Семенов Г.Л. Согдийская фортификация. С-Пб., 1995.
8. Спришевский В.И. Раскопки Чустского поселения эпохи бронзы в 1957 году // Изв. АН УзССР, № 6, Ташкент, 1958.
9. Спришевский В.И. Чустское поселение // Автореф. канд. дисс. Л., 1963. 24 с.
10. Спришевский В.И. Оборонительные сооружения эпохи бронзы на территории Узбекистана. // СА, № 3, М., 1972.
11. Степугина Т.В. Первые государства Китая // История древнего мира. М., 1982. Т. 1.
12. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948а
13. Толстов С.П. По следам древних цивилизаций. М., 1948б.
14. Турбеков М.Т. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда // Автореф. дисс. канд.ист.наук. Ташкент, 1981.
15. Турбеков М.Т. Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда. Нукус, 1990.
16. Тургунов Б.Т. Приёмы фортификации античного Чаганиана // СА, № 1, М., 1968.

17. Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. М.-Л., 1964.
18. Хмельницкий С.Г. Между кушанами и арабами. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Берлин-Рига, 2000.
19. Хмельницкий С.Г. Кой-крылган-кала как источник сомнений // ИМКУ, вып. 34, Ташкент, 2004.
20. Хожаниязов Г. История развития фортификации античного Хорезма // СА, № 2, М., 1981.
21. Филанович М.И. Гауркала // Труды ЮТАКЭ, Вып. XV, М., 1974.
22. Шишкин И.Б. У стен великой Намазги. М., 1977.
23. Frankfort H.P. Les fortifications en Asie Centrale de l'age du bronze a L'epoque Kouchane // Travaux de L'URA - Paris, 1979, № 10.
24. Gorbunova N.G. The culture of Ancient Ferghana (VI century B.C. - VI century A.D.) // BAR International Series, 281, Oxford, 1986.
25. Pugatchenkova G.A. Caracteres de L'Architecture Antique de fortification dans la Region D'apres les Recherches les plus resentes // La fortifications et cea plase dans l'Histoire Politique Sociale et Culturelle du Mond Grec. Centre de Recherches Archeologiques du CNRS. 1982. T. 1.

М.Х. Исамиддинов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Исследователи древней истории и культуры Средней Азии знают академика А.А. Аскарова как крупного знатока земледельческой и скотоводческой культур эпохи бронзы и раннежелезного века. Благодаря его трудам на территории северной Бактрии стали известны древние цивилизации, приведшие к возникновению древнейших городов и государств. Теоретик и специалист по процессам урбанизации, в последние годы академик А.А.Аскараров занимается вопросами этногенеза и этнической истории узбекского народа (Аскараров, 1985; 2002; 2004), причем особое внимание уделяет проблемам этногенеза, т.е. наиболее ранним периодам этнической истории. В частности, опираясь на последние переводы китайских источников А. Ходжаевым (Хужаев, 2003), он удревяет появление тюркоязычных племен на широких просторах евразийских степей до II тысячелетия до н.э.

Племена, упомянутые в китайских исторических источниках А.А. Аскараров связывает с конкретным археологическим комплексом - с андроновской культурой (Аскараров, 2001, с.69-72). Хотелось бы высказать свою точку зрения по этому поводу.

В конце III - начале II тысячелетия до н.э. на огромных степных просторах широко распространяется медь и бронза. Почти одинаковые природные условия, единство скотоводческо-земледельческого хозяйства, одинаковый экономический уровень, тесные этнокультурные связи привели к возникновению на огромном пространстве единой по облику культуры «степной бронзы» (Марков, 1973). Конечно, это было самое общее определение культуры.

В процессе накопления материалов в пределах «степной бронзы» выделилась срубная и андроновская культура, причем андроновская культура охватывала терри-

тории Южного Урала, Казахстана и степные районы Средней Азии (Сальников, 1951, 1967; Итина, 1977). Название «Андроновская культура» происходит от могильника у деревни Андронovo, расположенной около г. Ачинска (Тугаринов, 1926, с. 153-158). Впервые наличие андроновской культуры отметил С.А. Теплоухов (Теплоухов, 1927, с.57-112; 1929а, с.41-62; 1929б; Аванесова, 1991, с.5-9).

Вот уже более 75 лет ученые ломают голову над проблемами андроновской культуры. До сих пор нет единого мнения о происхождении культуры, до сих пор не определены ее нижняя и верхняя дата, отсутствует единое мнение о наличии ее локальных вариантов. До недавнего времени было спорным само название «андоновская культура». Однако Э.А. Федорова-Давыдова предложила более расширенное и углубленное определение - «андоновская культурно-историческая общность» (Федорова-Давыдова, 1973, с.131-152; Аванесова, 1991, с.5; Кузьмина, 1975, с. 220). Это название более четко отражает суть этого явления. Все дело в том, что ареал распространения «андоновской культурно-исторической общности» фактически охватывает территории от реки Волги на западе до Енисея на востоке, от Уральских гор на севере, включая Казахстан и Среднюю Азию, до берегов Амударьи на юге.

Тщательное изучение «андоновской культурно-исторической общности» дало возможность выделить в пределах этой общности отдельные культуры. В частности, в Средней Азии были выделены тазабагыбская и кайракумская культуры (Толстов, 1948; Итина, 1967; Литвинский, 1962).

Кроме вышеотмеченных среднеазиатских культур, прослежено проникновение федоровских, алакульских племенных групп на территорию Средней Азии.

Почему в рамках андроновской куль-

турно-исторической общности возникают многочисленные культурные явления? Каковы причины возникновения относительно небольших локальных культур? Прежде всего, речь идет о первобытных культурах и о культуре раннежелезного века. Основной причиной сосредоточения тех или иных родственных племен в одном регионе стали географические и природные условия, обитания тех или иных племен.

Для любого скотоводческого населения должна была быть определенная территория с достаточным количеством травы для кормления скота. В пределах сосредоточения племен нужны были водные источники - река, речки, родники или колодцы; особенно важен был этот фактор в условиях Средней Азии. В районах, где существовали постоянные источники воды (речные оазисы) - там развивалось земледелие. В районах, приближенных к степным пространствам, развивалось скотоводство. В пограничных между оазисами и степными районами хозяйствах имелась доля как земледелия, так и животноводства. Но любое общество не может существовать, не имея связи с соседними племенами. Шел постоянный товарообмен, в первую очередь, на металлические изделия - орудия труда и оружие. Эти экономические связи существовали всегда, но основной костяк племенных групп был привязан к одной географической среде обитания и при стабильной ситуации всегда оставался в ее

пределах.

В сложении отдельных культур в системе андроновской культурно-исторической общности большую роль играли и передовые цивилизации того времени. Это зависело от того, на каком расстоянии от центров цивилизации находится та или иная «варварская периферия» и наличия путей сообщения, т.е. древних дорог, по которым осуществлялось движение.

Все вышеотмеченные причины являлись постоянно действующим фактором; все это и создавало те особенности в облике материальной культуры той или иной группы племен, которые отличают ее от других родственных культур (Итина, 1977, с.7).

По наблюдениям археологов, «могильники андроновской культурно-исторической общности, как правило, долговременны. На каждом последующем этапе развития андроновского общества люди продолжали хоронить на традиционных родовых кладбищах. При этом они сооружают могилы между уже существующими погребальными конструкциями, обычно не нарушая и не вторгаясь в них, или осваивают новые участки вокруг старого погребального поля» (Аванесова, 1991, с. 87).

По всей видимости, этнокультурный комплекс в древности складывался в условиях тесных связей между родственными племенами. В ареале распространения андроновской историко-культурной общности тесные связи между родственными племенами

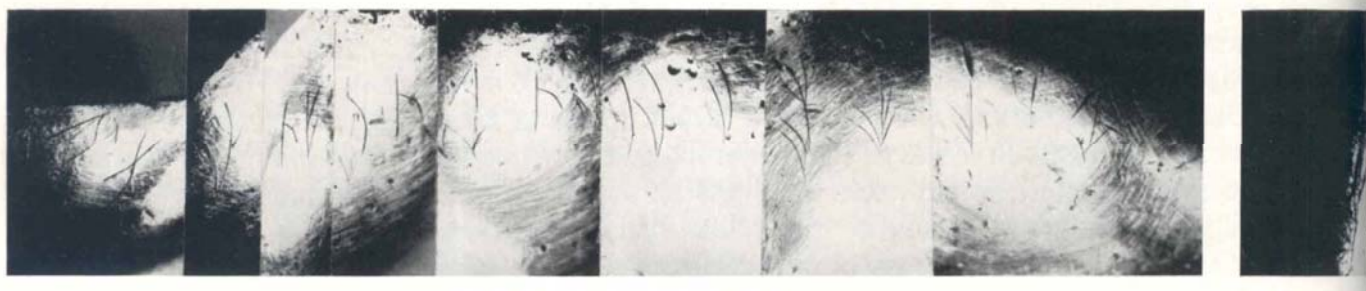

Рис. 1.

нами являются традиционными.

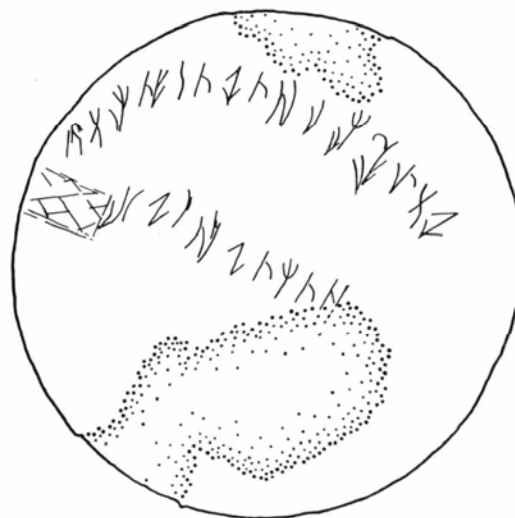
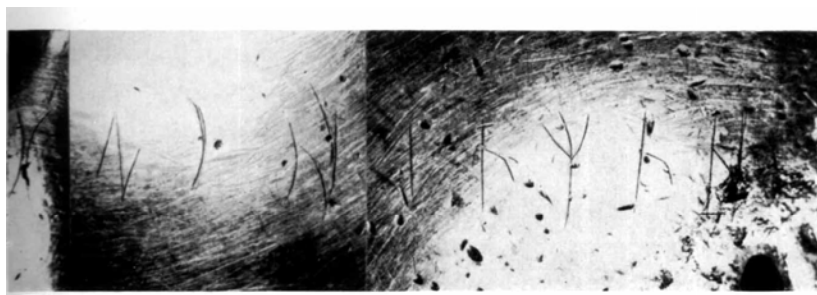
Что касается этнического происхождения этих племен, то в исторической науке утвердилась теория, что к рубежу II-I тысячелетия до н.э. племена, говорившие на индийских языках и диалектах, заселили долину Инда, а близкие, но уже отличавшиеся от них этносы, - Иранское нагорье и Среднеазиатское Междуречье. Что касается арийской проблемы, то следует отметить, что арийцы как для Ирана, так и для Средней Азии были пришельцами. Они обитали в степях нынешних России и Казахстана, в Южном Приуралье. Во время очередного периода засухи и опустынивания степной зоны арийцы, занимавшиеся оседлым скотоводством, в поисках новых пастбищ для своих стад крупного и мелкого рогатого скота были вынуждены расселяться как по всем усыхающим и опустынивающимся степям на восток и юго-восток, так и еще далее - в зону древнейших земледельцев Евразии. Тогда-то и произошло разделение индоиранцев на ушедших в Северную Индию индоариев и иранцев, обосновавшихся в Великой степи, Среднеазиатском междуречье и на Иранском плато (Ставиский, 2002, с.15). Как известно, древнейшие индоиранцы (арии) выделились из общего индоевропейского массива. Раньше они входили в ностратическую макросемью (Иллич-Свытыч, 1971; Алексеев, 1988, с. 334-337). По мнению антропологов, в настоящее

время имеются «достаточно многочисленные палеоантропологические свидетельства широкого расселения европеоидов на восток до Центральной Монголии (Алексеев, Гохман, 1984), но вместе с тем В.П. Алексеев считает, что «вопрос о возможности распространения европеоидной расы дальше на восток и в более раннее время остается открытым» (Алексеев, 1988, с.336).

По мнению лингвистов, ностратическая макросемья существовала до конца II тысячелетия до н.э.; в эту языковую семью входили как индоевропейские языки, так и уральские, алтайские и вообще значительная часть языков Старого Света (Иллич-Свытыч, 1971; Ставиский, 2002, с.22).

В отличие от индоевропейцев индоиранцы (арии) связываются определенными археологическими культурами и типами находок. В частности, сперва К.Ф. Смирнова, потом Е.Е. Кузьмина разработали схему, по которой с ариями связывали носителей андроновской культуры (Смирнов, Кузьмина, 1977). Точку зрения о принадлежности к индоиранским племенам носителей срубной и андроновской культур поддерживают многие исследователи (Толстов, 1948; Бернштам, 1957; Кузьмина, 1963; Смирнов, 1957).

Среди учёных только С.С. Черников считал, что носители андроновской культуры, скорее всего, относились к разноразличным этносам (Черников, 1960). Види-

мо, С.С. Черников был прав, так как представляется маловероятным, что на такой обширной территории существовал лишь один этнос. Я не могу утверждать, что все носители андроновской культуры были ираноязычными.

Андроновская культурно-историческая общность охватывала территорию западной части Уральских гор до западной Сибири и Алтая; надо полагать, что этнический состав населения этого региона не был однородным и многочисленные племена, проживавшие здесь вполне могли относиться к разноязычным этносам.

В преобладающем большинстве ученые считают, что саки Средней Азии и Казахстана являются прямыми потомками племен андроновской культуры. Кочевые племена евразийских степей с VII в. до н.э. составляли так называемое «скифо-сибирское культурное единство», и ареал распространения этих культур совпадает с ареалом распространения «андроновской культурно-исторической общности». В это культурное единство входили саки, массагеты и другие кочевые племена, которые упоминаются в античных источниках.

Переходные комплексы от андроновской культуры к сакским комплексам ярко представлены в Северном и Южном Тагискене. (Итина, 1992). В процессе раскопок в Северном и Южном Тагискене М.А. Итина получила очень четкую горизонтальную стратиграфию. Комплекс мавзолеев прямоугольной формы, построенных из прямоугольного кирпича в сочетании с деревянными конструкциями, был изучен в Северном Тагискене. В этих мавзолеях также были обнаружены керамические формы, аналогичные керамике амирабадских и федоровских этапов андроновской культуры. М.А. Итина датирует этот комплекс X-VIII вв. до н.э. (Итина, 1992, с.36) и относит его к андроновской культуре. Об этом свидетельствует обряд трупосожжения, погребения в оградах, а также сопроводительный материал: керамика, конусовидные серьги и т.д.

Несколько южнее комплекса, отделенные от нее ложбиной, были выявлены раннесакские курганы; еще южнее находилось

несколько поздних курганов, т.е. действительно была получена хорошая горизонтальная стратиграфия. Следует заметить, что сакские погребения Приаралья характеризуются наличием грунтовых могил, что ярко доказывает, что саки Приаралья являются прямыми потомками андроновцев. Кроме того, в Южном Тагискене в погребальных комплексах отмечено то же устройство, что и в эпоху бронзы в Северном Тагискене; вместе с тем было получено несколько керамических форм, относящихся к керамике земледельческих оазисов VII-V вв. до н.э. (цилиндро-конические кубки).

Самым устойчивым и мало изменяющимся во времени признаком этнической принадлежности считается погребальный обряд, вот почему интересным и перспективным представляется проведение сравнительного анализа с погребениями из сакских памятников.

В Южном Тагискене и Уйгараке погребальный обряд совершался как труположением, так и трупосожжением. В первом случае покойника помещали на камышовую подстилку вровень с древней дневной поверхностью, лежащим на спине, внутри легкой деревянной каркасной постройки, переплетенной прутьями и камышом. Этим способом хоронили наиболее почитаемых в обществе людей.

В погребениях раскопанных О.В. Обельченко на территории долины Зарафшана, выявлено несколько групп грунтовых могил. Могилы могли быть овальной и прямоугольной формы; с цилиндрическими углублениями по четырем углам; грунтовые могилы с захоронением в углублении, устроенном у западной стенки могильной ямы; с каменными перекрытиями. В этих же комплексах были обнаружены цилиндрические кубки, что характерно к середине I тысячелетия до н.э. (Обельченко, 1992, с.21).

Известны синхронные погребения на территории Южного Казахстана (недавние раскопки), близкие по обряду захоронения к согдийским.

Вместе с тем в юго-восточной части Казахстана в районе Семиречья были обнару-

жены «царские курганы». Сопроводительный инвентарь сакских погребений свидетельствует о высоком развитии ремесла и, в частности, ювелирного искусства. Строительные приемы и конструкции погребальных сооружений также сильно отличаются от согдийских и Приаральских. Особенно показательны приёмы строительства могил знати на примере Бесшатырских комплексов. Они сооружены из чередующихся слоёв камня и щебня с землей, сверху покрыты панцирем из нескольких слоёв крупных камней. Высота этих курганов доходила до 15 метров; они были окружены кольцами из камней с вертикально торчащими плитами-менгирами. Вначале, до строительства насыпи, сооружали имитацию жилища вождя из бревен тяньшаньской ели, доставленной более чем за 300 км. Так как саки по своей природе - скотоводческое население, они не знали сооружения настоящего сруба. На углах бревна просто прикладывались друг к другу, а для прочности стен подпирались снаружи вертикально врытыми столбами. В других могилах бревна соединялись по углам железными скобами. «Жилище» имело дверь высотой до 1,5 м и плоскую крышу в несколько слоёв бревен, покрытых сверху камышовыми циновками. Это сооружение до возведения над ним кургана долго стояло открытым и доступным для родственников покойного.

В центре кургана в грунте иногда вырывали сложную систему запутанных ходов, где саки обитали во время траура (Ставиский, 2002, с.67; Акишев, 1978). Как мы видим, эти погребения совершенно отличаются по конструкции от других погребений, расположенных в Приаралье, Согде, Фергане и на Памире. Вместе с тем в этом могильнике была обнаружена небольшая серебряная чаша, с нижней наружной стороны которой была нанесена надпись (рис. 1), указывающая на более высокий уровень социальной организации, чем представлялось до раскопок кургана Иссык (Акишев, 1978, с. 70-71).

Аналогии этим надписям А.С. Аманжолов ищет в рунических надписях. Вместе с тем известные специалисты по древним

надписям И.М. Дьяконов, В.А. Лившиц, С.Г. Кляшторный сделали вывод, что текст читается справа налево; из 25 (26) знаков выделили 16 или 17 знаков и отметили, что, по крайней мере, 8-9 знаков из них напоминают буквы арамейского алфавита (Акишев, 1972, с. 59-60). Вместе с тем К.А. Акишев приводит фотографии еще двух таких же надписей аналогичных Иссыкским. Это надпись на каменном сосуде, найденном в могильнике «Каратома» относящегося к IV-VI вв. н.э. К.А. Акишев отмечает семиреченско-сакское происхождение письма.

В последние годы в научный оборот введены еще два аналогичные письма. Одно из них было обнаружено на городище Айханум и датируется серединой II в. до н.э., на этом же городище была обнаружена и греческая надпись (рис. 2). Обе надписи датируются временем, когда Айханум был завоеван пришедшими сюда под натиском юэчжийских племен сакараваками

Рис. 2.

Итак, в одном регионе в течение продолжительного времени функционирует одинаковая система письма, письмо саков.

А. Аманжулов и А. Махмудов независимо друг от друга читали надпись на Исыкской чаше и оба прочитали слово «азук». Они считают, что письмо написано орхоно-енисейским вариантом рунического алфавита на древнетюркском, «алтайском» языке (Акишев, 1972, с.59; Аманжулов, 1971, с. 64-66).

Совершенно другую картину видим в захоронении саков Памира, где очень ярко отражена специфика погребального обряда. Встречаются в основном ямные захоронения от 0,5 до 1 м. В преобладающем большинстве погребенный укладывался в скорченном положении на правом или левом боку, очень редко на спине (Литвинский, 1972, с. 132-139). Как известно, захоронения в скорченном положении были широко распространены с древнейших времен в южных регионах. Особенно они были характерны для сапаллинской культуры северной Бактрии (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, табл. I-XXIV).

В Памирском же погребальном обряде была широко распространена мегалитическая традиция. Если А.Н. Бернштам обна-

руживал аналогии к этим традициям в северных регионах (Бернштам, 1952, с. 318), то Б.А. Литвинский находит аналогии на юге и юго-востоке. По его мнению, мегалиты больше распространены в Южной и в меньшей степени в Северной Индии. Они широко распространены на Цейлоне, в Ассаме, в Западной Бирме и других частях Тибета и т.д. (Литвинский, 1972, с. 135-139).

Итак, погребальный обряд памирцев существенно отличается от погребального обряда племен Приаралья и Юго-Восточного Казахстана.

Есть все основания считать, что саки являются прямыми потомками андроновских племен. Зарождение материальной культуры саков восходит к эпохе поздней бронзы. Археологические комплексы Средней Азии и Казахстана эпохи поздней бронзы показывают, что в разных регионах они приобретали свою специфику. Аналогичная картина наблюдается и по сакским комплексам. Это говорит о том, что этнический состав как андроновской культурно-исторической общности, так и скифо-сакского комплекса, был неоднородным.

Литература:

1. Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи поздней бронзы Азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991.
2. Алексеев В.П. Демографическая и этническая ситуация // История первобытного общества. Эпоха классового образования. М., 1988.
3. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. М., 1984.
4. Акишев К.А. Курган Исык. Искусство саков Казахстана. М., 1978.
5. Аманжулов А.С. Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты. «Вестник АН Каз. ССР» 1971, №12.
6. Аскарлов А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории населения Средней Азии (Материалы к этнической истории населения Средней Азии). Ташкент, 1985.
7. Аскарлов А.А. Ўзбеклар қандай келиб чиққан. Фан ва турмуш. №3,4. Тошкент, 1985.
8. Аскарлов А.А. Об исконной родине расселения древних тюрков. ИМКУ, вып. 32, Ташкент, 2001.
9. Аскарлов А.А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари. Ўзбекистон тарихи. Тошкент, 2002, №4.
10. Аскарлов А.А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий-методологик масалалари. Происхождение узбекского народа: научно-методологические подходы, этногенез и этническая история». Материалы республиканского научно-теоретического семинара. Ташкент, 2004.
11. Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
12. Бернштам А.Н. Спорные вопросы истории кочевых народов в древности. КСИЭ, XXVI. М., 1957.
13. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. М., 1971.
14. Итина М.А. О месте тазабагыбской культуры среди культур степной бронзы. СЭ, 1967, №2.
15. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тысячелетия до н.э.). М., 1977.
16. Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. М., 1977.

17. Итина М.А. Ранние саки Приуралья. Степная полоса Азиатской части СССР. М., 1992.
18. Кузьмина Е.Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М., 1963.
19. Кузьмина Е.Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники Древнейшей истории Евразии. М., 1975.
20. Литвинский Б.А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайраккумов // Древности Кайраккумов. Душанбе, 1962.
21. Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.
22. Марков Г.Е. Некоторые проблемы возникновения и ранних этапов кочевничества в Азии. М., 1973, №1.
23. Обельченко О.В. Культура античного Согда. По археологическим данным VII в. до н. э., VII в. н.э. М., 1992.
24. Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии. Т. III, вып. 2, 1927.
25. Теплоухов С.А. Древнеметаллические культуры Минусинского края. «Природа» №2, М., 1929а.
26. Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2, Л., 1929б.
27. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
28. Тугаринов А.Я. Андроновские могилы. Сибирская живая старина. Т. I, Иркутск, 1926.
29. Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья // МИА, №21, 1951.
30. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
31. Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА, №3, М., 1957.
32. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Ранние погребальные комплексы под Орском и проблема хронологического соотношения культуры эпохи бронзы Приуралья. Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.
33. Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.
34. Ставиский Б.Я., Яценко С.А. Искусство и культура древних иранцев. Великая степь, Иранское плато, Средняя и Центральная Азия. М., 2002.
35. Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.-Л., 1960.
36. Федорова-Давыдова Э.А. К проблеме андроновской культуры. ПАУС, М., 1973.
37. Хўжаев А. Қадимги Хитой манбаларидаги туркий халқларга оид айрим этнонимлар. «Ўзбекистон ўрта асрларда: тарих ва маданият. Тошкент, 2003.

М.М. Исҳоқов

МАРКАЗИЙ ОСИЁ ХАЛҚЛАРИНИНГ ҚАДИМ ВА ИЛК ЎРТА АСРЛАРДАГИ МАЪНАВИЙ ВА МАЪРИФИЙ ҲАЁТИ ҲАҚИДА АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

Турон – Туркистон ҳудуди илк инсоният шаклланган, умумбашарий аҳамият касб этган қадимий суғорма деҳқончилик маданияти пайдо бўлган ва ривожланган марказлардан биридир. Уйғониш даврида ўзи учун антик дунё маданияти меросини қайта кашф этган Европа учун антик давр бор-йўғи 2000 йиллик тарих эди. Айни шу мулоҳазадан келиб чиқсак, Туроннинг қадимий халқлари яратган буюк маданият ўзининг ибтидоий замонларга туташган илдизлари, минг йиллар давомидаги узлуксизлиги билан алоҳида диққатга сазовордир. Турон замин халқлари маънавий дунёси, диний тасаввурлари ҳақида ҳам шундай фикрларни айтиш мумкин, маҳаллий динлар билан бир қаторда дунёвий-динлар ҳам бу ерда фаолиятда бўлган, ривожланган. Хусусан, Будданинг дини келди, Монийнинг дини ёйилди, Исонинг хушхабар дини ҳам шарқона аждодларимиз назарига тушди. Аммо аждодларнинг асл дунёқарашини ифодалаган зардўштийлик халқларимиз маънавий дунёси асосларини белгилаб қолаверди. Ўзга диний қарашлар эса аҳолининг айрим гуруҳлари томонидан қабул қилиниб, ўз қавмлари, жамоаларидан четга чиқмади. Қадимий маънавий асосларимиз зардўштийлик билан боғлиқлиги шунчаки диний маъно билан чекланмайди. Гап шундаки, зардўштийлик тизимига аждодларимизнинг ибтидоий даврлардан бошлаб тўплаб келган эзгулик ва қабоҳат, чин ва ёлғон нур ва зулмат ўртасидаги кураш, эзгуликнинг ғалабаси ҳақидаги орзу умидлари бутун мифологик, ахлоқий-фалсафий тизим сифатида кириб жойлашган. Зардўшт узоқ ўтмишдан бошлаб йиғиб келинган ҳаётий тажрибаларнинг ибтидоси яратгувчи ёлғиз илоҳ, парвардигор эканини тушунтириб берди. Ўз даври учун бу ҳақиқатан инқилобий ҳодиса эди.

Ўлкамизда ислом дини VII аср охири VIII асрларда жорий этилди. Ислом ваҳдоният дини эди. Лекин унутмаслик керакки, аждодларимиз учун ваҳдоният тушунчаси исломдан аввалги даврларда ҳам бегона бўлмаган. Лекин зардўштийликда яратганнинг яққалиги ғояси мукамал тушунилмади. Ахурамазда ўзи яратган Митра, Ардвиги, Аши, Варахран, Тиштрия каби маъбудларга ҳам ибодат қилиш мумкинлигини айтиб, ширкка йўл очди. Исломда эса Оллоҳнинг ягоналиги мутлақ маънога эга. Ислом динининг бу хусусияти аждодларимиз учун ишончли бўлди. Натижада ислом дини ўлкамизда аста секин ўзига йўл топа борди. Афтидан, бу жараёнда зардўштийлик билан ислом ўртасидаги айрим ўхшашликлар катта таъсирга эга бўлган. Масалан, худонинг якка-ю ягоналиги. Бутун борлиқ якка ёлғиз худо томонидан яратилганлиги, фаришталар, жаннат (беҳишт, дўзах (даужваху), ғоялари ва ҳоказолар аввал зардўштий бўлганларнинг аста-секин исломни қабул қилишларига йўл очди. Зардўштийлик динига ўз вақтида халқнинг турли хил ишончлари, урф-одатлари сифатида кириб амал қилган кўплаб унсурлар ислом шароитида ҳам, асло унга зиён келтирмай, кундалик амалиётда сақланиб келди. Уларнинг зардўштийликка хос моҳияти аллақачон унутилган ва функционал маънода ислом руҳида қабул қилинадиган амалиёт унсурларига айланган.

Маълумки, Марказий Осиёнинг ғарбий қисмини ташкил этган Турон (Туркистон) ерларида қадимият ва илк ўрта асрларда тарихан бир неча катта-кичик этник ва маданий жиҳатдан ўзаро фарқли, лекин маънавий дунёси умумий ўлкалар вужудга келган. Булар Хоразм, Бактрия, Тохаристон, Парфия, Марғиёна, Суғд, Фарғона, Уструшона, Чоч, Исфижоб, Кобадийён, Чағаниён, Хутталйон, Бомийон, Шуғнон,

Читрол ва бошқалар эди. Тарихий ўтмишга назар ташланса, турли даврларда Марказий Осиёнинг турли ўлкаларида ўнлаб давлатлар пайдо бўлган, баъзан эса уларнинг ҳудудлари бутунлай ёки қисман улкан салтанатлар таркибига қамраб олинган. Шундай давлатлардан бири сифатида бизнинг ўлкамизда Еврооёсиё бўйлаб чўзилган сак-скиф дунёси эди. Жанубий Сибирь, Олтойдан Дунайга қадар ёйилган бу улкан тарихий маданий ва маънавий дунё ўз даврида Ашшур-Бобил ва Юнон, Мидия ҳамда илк Эрон Аҳмоний салтанатига юзма-юз тургани шубҳасиз. Лекин, сак-скиф дунёсининг давлатчилик тарихи масалаларини бутун Еврооёсиё бўйлаб яхлит ҳолда баҳолашга бир ёқлама ёндашиш назарий ҳатоларга олиб бориши мумкинлигини ҳисобга олиш лозимдир. Бундан қатъий назар, бир нарса аниқки, сак-скиф дунёси туркий дунё билан чамбарчас боғлиқ. Лекин, бу бирликни эътироф этиш ҳозиргача фанда шаклланган ҳинд европа назариясига зиддир. Сак-скиф дунёсининг туркий дунё билан боғлиқлигини тан олиш ҳинд-европа халқларининг илк макони, у билан боғлиқ турли миграция назариялари, ҳинду-арий умумийлиги, арий эрон ажралиши ва ҳинди эрон халқлари тарқалиши, ниҳоят, туркий халқларнинг аллақачон Сибирь, Олтой ва Марказий Осиёдан «кириб келиши» ҳақидаги сунъий тафсилотлардан кутқарган бўлур эди.

Тарихнинг сак-скиф дунёси масаласидан кейин ёзма ёдгорликларда акс этган «манбали» даври бошланади. Бу давр аҳомоний подшолигининг қоятош битикларида акс этган, кейинроқ юнон ва бошқа халқлар тарихнавислик анъаналарида қайта-қайта тилга олинади. Уларда аждодларимиз ҳаётининг этно-сиёсий аҳволи, маданий-маиший тарихи, маънавий дунёси ҳақидаги кўплаб маълумотларни топмоқ мумкин. Айни шу ёзув манбалари билан таъминланган давр бошида Аҳмонийлар салтанати туради (милоддан ав. 558-330 йиллар). Македониялик Искандар салтанати қисқа муддатда юнону-миср, ҳинду ўрта шарқни, шу жумладан бизнинг ўлкамизни ҳам бирлаштирди. Лекин, бу

салтанат мўрт бўлиб, тезда парчаланиб салавкийларга теккан қисми таркибига Парфия, Сўғд, Бохтар ерлари ҳам кирди.

Араб истилоси арафасида ўлкамизда сиёсий тарқоқлик ҳукмрон эди. Ўнлаб майда ҳокимликлар ўзаро низо ва талашларда эдилар. Булар ўртасида бирлашишга уринишлар (элчиликлар, иқтисодий муносабатлар) умумий тарқоқликни тугатиш учун етарли эмас эди. Жумладан, Сурхон – воҳасида Чағаниён номли давлат тузилмаси бор эди. Бухоро воҳасида Сўғднинг бир қисми бўлишига қарамай, бухорхудотлар томонидан бошқарилган ярим мустақил ҳокимлик бўлган. Кеш, Нахшаб воҳаларида ҳам бир қатор ярим мустақил мулклар мавжуд эди. Самарқанд воҳаси Сўғднинг марказий қисми, подшоҳликнинг пойтахти бўлиб, конфедератив муносабатларни мувофиқлаб турган. Тошкент воҳаси, Уструшона ўлкаси қабилар ҳам алоҳида сиёсий бирликлар бўлиб ўз маҳаллий ҳокимлари томонидан бошқарилган. Хусусан, Тошкент Турк ҳоконлигининг таянч мулкларидан бўлган. Унда ҳоконнинг ноиб сифатида давлат ишлари устидан тудун лавозимидаги шахс назорати амалга оширилган. Лекин Тошкентда ўз маҳаллий ҳокими (А-14 рақамли суғд ҳужжатида – Муғ тоғи архивидан – Чочинак хвабу деб кўрсатилган) бўлишига монелик қилмаган. Сўғднинг Панч вилоятидан 719 йили элчи бўлиб Чочга келган Фатуфарн ўз ҳокимига ёзган мактубида ҳоким, унинг ёрдамчиси ва турк ҳокони вакили тудун билан учрашгани ҳақида хабар беради. Ушбу тарихий ҳужжатда турк ҳокони билан, унинг Чоч яқинидаги қароргоҳида алоқа ўрнатишга бўлган интилиш етакчи маъно касб этгани алоҳида диққатга сазовордир.

Фарғона водийсида ҳам илк ўрта асрларда мустақил подшолик бўлгани маълум. Юқоридаги суғд ҳужжатида Фатуфарн «Фраганик ихшид» номига ёзилган мактубни Фраганик тутук (Турк ҳоконлигининг Фарғонадаги ҳарбий нозири) орқали жўнатгани ҳақида ёзади. Булардан кўринадики, қадимият асрлари ҳамда илк ўрта асрларда Турон ўлкаси Суғд, Чоч, Фарғона, Тоҳаристон, Марғиёна, Хоразм

ва бошқа худудий асосларда ўз ички конфедератив мулкларнинг уюшмалари сифатида ҳаёт кечирган. Бу ўлкаларда ўнлаб катта-кичик шаҳарлар ривож топган. Қишлоқ хўжалиги, ирригация, хунармандчилик ишлаб чиқариши юксак даражада ўсган. Шаҳар қуриш ва архитектуранинг ўзига хос шакллари юзага келган. Сарой, ибодатхоналар, шаҳар маҳаллалари, бозор расталарининг бир бутун тизими пайдо бўлган. Бадиий маданий ёдгорликларнинг жаҳон аҳамиятига молик юксак намуналари яратилган.

Турон ва Эроннинг қадимги ижтимоий маданий ва дин тарихига оид икки ўта муҳим хулоса бугунги кунда кўпчилик олимлар орасида ҳеч бир шубҳа уйғотмайди. Улардан биринчиси Авестога асос бўлган эпик, мифологик дунё ва тафаккур дунёсининг илк ватани айтилиши Туронзамин бўлиб, буларни яратишда ҳозирги Аму ва Сирдарё ҳавзаларида яшаб турган ўзбек, тожик, туркман ва бошқа халқларнинг ажодлари асосий ўрин тутди.

Авесто Турон ўлкаларида, хусусан, Хоразмдан бошлаб, то Аму ва Сирдарёларнинг ўрта оқимларигача ҳамда, жанубда тарихий Марғиёна (Марв воҳаси) худудларигача бўлган ерларда яшаган қадимий қабилаларнинг диний Дуне-қарашлари, мифологик тасаввурлари асосида турли даврларга оид қатламларни ўзида бирлаштирган. Аҳмонийлар даври арафасида эса бу диннинг асосий ғоялари бир тизим сифатида шаклланиб бўлган эди. Анъанавий диний қарашлар, бу масалада қабилалараро ихтилофлар кучли бўлгани туфайли Авестода ифода топган диний тизим ўзи туғилган юртда дастлаб муваффақият қозонмади. Натижада пайғамбар Зардуштнинг сарсонлик («Хижрат») даври бошланди. Ниҳоят, бу босқич Кави Виштасп томонидан Ахура Мазда динининг қабул қилиниши билан тугади. Шундай қилиб Зардушт пайғамбар диний ташвиқоти эрон ерларида ёйила бошлади. Янги динга қаршилик эса сўнмади. Зиддиятлар Зардуштнинг фожиали ҳалокати билан тугади. Ҳозир олимлар орасида тан олинаётган иккинчи ҳақиқат Зардуштийликнинг Эрон ўлкаларига Турондан кириб боргани маса-

ласидир. Аҳмонийлар Эрони давлат мафкураси, айниқса, салтанатнинг қонунийлигини асослаш учун Зардушт тарғиб қилган ягона худо Ахура Мазда ғояси жуда қўл келди. Энди Эрон аҳмонийлари, ҳоҳ Кир бўлсин, ҳоҳ – Доро «Менга Эрон Анэрон (Эрондан ташқари юртлар) устидан подшоликни Ахурамазда берди. Мен Ахура Мазданинг ҳоҳиш – иродаси билан подшо бўлдим...» дея ўзларини улуғлашади (Оранский, 1988). Шу билан баробар улар бирор ерда Зардушт ҳақида оғиз очишмайди. Зардуштнинг таълимоти қўл келди-ю, ўзига эътибор берилмади. Гап шунда эдики, Эрон салтанатини тузиш учун кураша туриб, пайғамбарга суянишдан кўра, ўзларини Ахура Мазда билан ердаги халқлар ўртасида воситачи қилиб кўрсатишни афзал билдилар. Бу каби улуғворлик даъвоси олдида Зардуштнинг пайғамбарлик мартабаси арзимас бўлиб туюлди.

Зардуштгача, яъни милоддан аввалги II минг йиллик охирларигача бўлган маданий анъаналарнинг халқ урф-одатлари, ривоятлар, эртақлар, асотирлар, турли худолар шаънига айтилган алқовлар каби кўри-нишлари ибтидоий тасаввурлардан бошлаб мураккаб мифологик ижод тизимларигача ва ниҳоят ўзига хос космогония манзаралари билан қоришган асотирий давлатчилик мафкураси шаклларида ривожланишда узлуксиз давом этди. Ниҳоят, Турон ўлкаларининг халқлари милоддан аввалги II минг йиллик ичида мана шундай улкан мафкуравий, ғоявий ахлоқий фалсафий, бадиий қурамани бир тизимга, тартибга келтирди. Бу каби тарихий зарурият Зардушт пайдо бўлиши билан, айниқса, Ахура Мазданинг ёлғиз эзгу яратувчи эканини ўз қавмларига хабар қилганидан кейин барча қирралари билан яққол кўзга ташланиб қолди.

Зардуштнинг Ахура Мазда ҳақидаги, Маздаясна дини ҳақидаги тарғиботи осонлик билан кечмади. Зардушт ўз ватани, қавмларини тарқ этишга мажбур бўлди. Зардуштийликнинг тақдири бошқа дунё динлари пайғамбарларига хос машаққатлар билан жуда ўхшашлиги ҳайротомуздир. У ҳам ўз ватанида қувғинга учради. Узоқ Сеистон юртида шаҳид бўлади. Ле-

кин Зардўшт ғоялари Ахура Маздадан вахийлар сифатида Турону Эрон замин ўлкалари бўйлаб ёйилди.

Зардўшт Готлари минглар ва ва миллионлар қалбига мухрланди. Сўзлар йиғилиб улуғ китоб – Авестога бирлашди. Зардўшт «Авесто» сўзини ишлатганмикин? Бу саволга жавоб бериш қийин. Бу сўз Авесто китобида етиб келган матнлар тилида қонун, қоида ўрнатилган, қарор топтирилган сингари оддий турдош маънолар қаторига тўғри келади. Лекин Зардўшт хабар қилган диннинг диний такбирлари, алқови бир вақтда Авесто сўзи шу муқаддас китобнинг атоқли номига айланди. Унинг матнлари эса бир неча аср давомида оғзаки ижро асосида авлоддан авлодга ўтиб келди. Уларнинг чин илоҳий эканлигини бир эмас, кўп марта шубҳа остига олинган бўлиши ҳам табиий. Шунда Зардўшт йўлини давом эттириб Ахура Мазда каломи учун курашганлар умумий турдош от билан зардўшт деб аталган даврлар ҳам бўлди. Шу маънода тарихда Зардўшт битта бўлмагандир, тарихларга кирган Заратушт эса уларнинг сўнггисидир деган фикрга беихтиёр қўшилгинг келади. Шуни ҳақ билсак, Берунийнинг «Зардўшт Авесто билан келди» деган сўзлари айни муддао эди. Чиндан ҳам Авесто илк бор олтин ҳарфлар билан 12 минг терига битилгани (орамий хати биланми ёки қадимги Мидия – Эрон миҳхатидами – бу ҳақда фанда ҳалигача аниқ бир фикр йўқ). Айни мана шу сўнгги Зардўшт даврига тўғри келган кўринади. Бу давр эса Эронда Аҳмонийлар сулоласи тахтга келиш арафасига, хусусан, VII-VI асрларга оид бўлиши керак.

Мил.авв. VI аср ўрталарида аҳмонийлар салтанатининг пайдо бўлиши, унинг шарқ ва ғарб мамлакатларига нисбатан босқинчилик юришлари оқибатида Марказий Осиёда яшаган кўплаб халқлар устидан Эроннинг сиёсий ҳукмронлиги юзага келади. Лекин шарқий сатрапликлар – Бактрия, Марғиёна, Суғд, Хоразм ва бошқалар аҳомонийларга тобе бўлгани билан ўзининг асл маданий-тарихий тараққиёт йўлидан оғмай ривожланаверади. Аксинча, Турон халқларидан аҳмонийлар Эроннинг асосий ғоявий, мафкуравий негизини

– Мазда эътиқодини ўзлаштирдилар. Нафақат ўзлаштирди, балки уни ўз мақсадлари йўлида Ахура Мазданинг сиёсий илоҳаси даражасига етказдилар. Олий илоҳий инстант билан пайғамбар воситачилиги функциясидан воз кечиб, Эрон подшолари динда ўзларини Ахурамазданинг иродаси сифатида рўёбга чиқарувчилар қилиб қўйиши даражасида трансформация қилдилар. Қолаверса, бу даврда шаклланган халқ оғзаки ижоди, асотирлар тизими (космогония, қаҳрамонлик афсоналари), диний анъаналар яратиб, улкан маданий-маънавий йўлни босиб ўтган эдилар. Илдизлари қадимий ва бақувват бўлгани учун бўлса керак, аҳмонийлар Эрони даври Турондаги маданий тарихий жараёнга туб ўзгаришлар кирита олмади. Бу ўлкалар тараққиёти тадрижийлигида жиддий узилиш рўй бермади.

Масаланинг бир жиҳати янада муҳимроқ. Бу ҳам бўлса Турон халқлари ибтидоий даврлардан бошлаб яратиб келган ва ниҳоят, бронза асри ҳамда илк темир даври бошларида илк давлатчилик асослари билан баробар мукамал силсилага, тизимга айлантирган улкан эпик мерос қандай қилиб барча эроний-забон халқларнинг умумий мулкига айланиб қолгани масаласидир. Бу ҳол юқорида таъкидланган Мазда илоҳасининг ғарбга томон ёйилиши жараёнини ҳам ўз ичига қамраб олганлигини таъкидлаш ҳам ўринлидир. Ғарбий ўлкаларда Маздачилик (Ахура Мазда дини) фақат аҳомонийлар даври билан боғлиқ ҳолда тарқалган деган фикр ҳам бугун янада чуқурроқ текширишни талаб қилади. Лекин маълум маънода аҳмонийлар даври бу жараёнда муҳим роль ўйнагани аниқ. Ҳатто, В.В.Бартольднинг фикрига кўра, зардўштийликнинг Турондан ғарбга ёйилиши Парфияда Аршакийлар ҳукмронлик қилган даврда мазмунан янада тўлишган ва тезлашган. Бизнингча бу фикр жуда ҳам асосли эмас. Чунки, Парфия подшолиги даври (мил.ав. 223 – мил.ав. 226 йилгача) Македониялик Александр истилолари ҳамда бутун бир эллинистик маданият яратилиб, қадимий Авестонинг унутила бошлаган подшолардан Валахш даврида Авесто тугал муваффақият қозона олмади.

Қолаверса, айна шу парфиёний аршакийлар салтанатининг сўнгги босқичларида ғарб ўлкаларида Зардуштийлик билан бир қаторда монийлик туғилди, христиан дини шаклланди ва ҳ. Демак, зардуштийлик (мазда) дини ва у билан боғлиқ анъаналарининг «интенсив ёйилиши ва мазмунан бойиш» даври деб парфиёнийлар даврини кўрсатиш у қадар тўғри эмас. Бу фикрга яна бир далил шуки, Сосонийлар Эрони даврида шу каби жараён кузатилади. Айниқса, 273-277 йилларда Ахура Мазда динининг давлат дини сифатида нуфузи учун кураш Монийнинг қатл этилиши, кейинги сосонийлар даврида бу курашнинг гоҳ кучайиб, гоҳ пасайиши, ниҳоят, Хисрав I даврида тугал бир тизим берилган. Авестонинг янгидан китобат қилиниши қабилар, бунинг яққол ифодаси эди. Шу масала бўйича В.В.Бартольднинг фикри ҳақиқатга яқин. У киши ёзадиларки, «Қадимги эроний халқлар мифологиясининг муштараклиги, уларда эпик ривоятлар ва афсоналарнинг азалий умумий деб баҳоланмаслиги керак. Ғарбий Эрон шарқий эроний халқлар эпоси билан аршакийлар давридагина танишган. Чунки айна шу вақтда шарқий ва ғарбий вилоятлар ўртасидаги алоқалар аҳмонийлар давридагига нисбатан зичроқ шакл олди. Каёнийлар ҳақидаги дoston туркумлари худди шу вақтда умумэрон эпосининг манбаига айланди» (Лившиц, 1971., с. 16).

Зардуштийликнинг Эрон дунёсининг ғарбига ёйилиши масаласида бир-бирига яқин, янги бир қатор фикрлар билдирилган. Буларнинг муҳим бирлаштурувчи нуқтаси шуки, барчасида ҳам Зардушт таълимоти, Авесто анъаналарининг илк ватани Турон замин экани тан олинади: «Зардуштийлик шарқий Эронда туғилган (анъанага айланган фикрга кўра – Бахтр юртида), кейинчалик Ғарбга тарқалган. Сўнгги босқичлардан бирида унинг марказларидан бири Мидия бўлди, мидия муғлари зардуштийлик ақидаларининг сакловчилари ва тарғиботчларига айланишди» (Основы иранского языкознания. 1979., С. 131).

Йирик тарихчи эроншунос олимлар М.А. Дандамаев, В.Г. Луконинларнинг ёзи-

шича, зардуштийлик Эроннинг жануби ғарбида жойлашган, кейинчалик аҳмонийлар сулоласининг бешиги бўлган Форс вилоятида милоддан аввалги VI аср охири – V аср бошларида илдиз ота бошлаган (Дандамаев, 1977., с.331).

Инглиз олимаси, зардуштийлик дини тарихи бўйича йирик, фундаментал тадқиқотлар муаллифи М.Бойс зардуштийлик аҳмонийлар салтанатининг давлат дини бўлганини эмас, балки Мидия подшоси Астиаг (мил.ав. 584-549) ҳам шу динга эътиқод қилганлар устидан ҳукмрон бўлганини (Boyse, 1982., p.13), қолаверса, айна шу муаллиф зардуштийлик динининг шаклланиши тарихини милоддан аввалги XIII-XII асрлардан кидириш кераклигини уқтиради (Boyse, 1985).

Этносферанинг популяция босқичида (Гумилев, 1989., с. 159), айниқса, бутун қадимият ва илк ўрта асрлар давомида Марказий Осиё ва Эроннинг этник жихатдан ўзаро яқин қабилла уюшмалари, хусусан туркий ва эроний тилли этнослари бир яхлит дунёқараш, умумий тафаккур тарзи, минг йиллар давомида пайдо қилинган урф-одатларнинг маънавий илдизлари атрофида ўзаро боғланиб кетган бир тизимига – турк-эрон супер этносига айланиш даврини босиб ўтди. Ушбу сеперэтноснинг тарихан мавжудлигини турли йўллар билан ҳисобга олмаслик, уни йўқка чиқаришга уринишларни рус тарихшунослиги бошлаб берган эди-ю, уни совет мустабид тизими даври тарихчилари ҳам давом эттиришди. Мақсад Марказий Осиёда туркий ва эроний этносларнинг маънавий бирлигини, азалдан бир суперэтник муҳитнинг икки тилда гапирувчи тармоқлари эканини хаспўшлаш эди. Чунки туркий забон ва эрон забон халқларининг бирлик туйғуси рус колониал бошқарувига қарши кучга айланиши мумкин эди. Ғоявий жихатдан уларни ажратиб ташлаш, қарама-қарши қўйиш эса мустамлакачиликнинг азалий қоидаси – «бўлиб ташла – ҳукмрон бўл!» - қоидасига мос келар эди. Шунинг учун бутун бир зардуштийлик дунёси билан боғлиқ урф-одатлар, ирим-сиримлар, маросимлар тизимига эга бўлган туркий халқларни ўз Ватани, ўз маконида келгин-

ди қилиб келинди. Ҳатто шундай фунда-ментал нашрлар ҳам юзага келдики, туркий эроний этносфера бўлган Марказий Осиё бир бошдан фақат эроний этнослар макони қилиб кўрсатилди. Бу эса бир томондан миллатчилик шовинистик руҳни кучайтирса, иккинчи томондан эса туркий халқлардан ҳақли равишда норозилик, гина-кудрат ҳиссини туғдирди. Бугун эса бу ҳаракатлардан сепилган уруғлар бўртиб қолиши мустақиллигини қўлга эндигина киритган бизнинг минтақа давлатлари учун қанчалик хавfli эканини, уларнинг ўзаро нафрат, миллий маҳдудлик ва миллий мақтанчоклик руҳига хизмат қилиб бутун борлиги ва маънавий дунёси бир бўлган биродар халқлар ўртасига раҳна солиши мумкин эканлигини асло унутмаслик лозим. Воҳаланки, холисона тарихий назар шуни кўрсатади: юқорида таърифланган суперэтнос тараккиётининг чизиғи мураккаб интеграция (уюшув) ва айни чоғда тил ва бошқа меъёрлар бўйича дифференция жараёнлари орқали ўтган. Лекин айрим олинган этногенетик юксалиш халқлар ва элатларни юзага келтирар экан, уларни шу муҳитнинг ўзиёқ ўзаро маданий ва маънавий жараёнлар орқали бирлаштира борган, синкретик ўзаро сингишган ижтимоий уюшув шаклига сола борган. Шундай қилиб турк-эроний суперэтноси қадим ва илк ўрта асрларда ижтимоий-маданий маънода ўзининг кўпгина кирралари ва ўлчамлари билан ягона жараён меваси бўлди. Бу тарихий, ижтимоий, маданий-маънавий ҳодиса жаҳон миқёсида феномен (ёлғиз) эмас. Масалан, дунё тарих илми «Шумер – Бобил» тарихий-маданий дунёсини, Миср билан боғлиқ супер этник маданий-тарихий жараённи, қолаверса ислом дунёси, буддавий дунё, христиан маданий-маънавий суперэтник ходисаларни аллақачон таърифлаб берган. Шу улкан тажриба асосида биз бугун ҳеч иккиланмай қадимий тарихимизда турк-эрон зардуштийлик дунёси сифатида шаклланган ва ҳозиргача ўз кучини йўқотмай урф-одатларимиз, тафаккур қатламларимизда ривожланиб келаётган турк-эрон суперэтник маданий дунёси ҳақидаги масалани қўйишга ҳақлимиз. Зеро, бу фикр-

нинг мақсади аслини унутишга қаратилган ҳаракатларга барҳам бериб, Марказий Осиёдаги ўзбек, тожик, туркман, қозоқ ва бошқа халқларнинг ўзаро ҳамжихатлиги, руҳан жипслашувига хизмат қилади.

Чиндан ҳам, тарихий-маданий жиҳатдан қадимги давр (бу тушунчага биз мил. ав. II минг йилликдан бошлаб милодий I минг йилликнинг биринчи ярмини киритамиз. Бу давр бронза асрнинг сўнгги, илк темир даври бошлари, илк давлатчилик асослари яратилган аҳмонийларгача даврларни, аҳмонийлар, Искандар босқинлари, эллинистик давр ва маҳаллий подшоликлар даври, кушонлар даври, сосонийлар даври ва Турон халқлари муносабатлари даври, эфталлар, хионлар, кидарлар даври кабиларни ўз ичига олади ҳамда, илк ўрта асрлар Марказий Осиё ва Эронда ягона ижтимоий маданий жараён ҳукм сурди. Бу жараён кўп жиҳатдан яқка маъноли эмас. Одатда турли диний жамоалар шаклланишига ҳам имконият бўлди. Масалан, будда дини, кушонлар даврида хатто давлат дини мақомигача кўтарилди, монийлик ёйилди ва ҳоказо. Лекин зардуштийлик суперэтник жараёни бутун маънавий мағзида, кундалик ҳаёт, турмуш удумларида сақланиб давом этаверди. Охири ислом даврида ҳам ана шу анъана давом этганлиги, урф-одатлар доирасида, тафаккур (ментал) қатламларида ўша қадимий элементлар ҳозиргача амал қилиб келаётгани бу фикрнинг исботидир. Демак, расмий эътиқод қобиғи ичида миллий анъанавий суперэтник менталитет унсурлари яшовчан омил бўлиб, ўзи жойлашган маънавий-диний дунёқараш тизимини муҳимлигига зид келмай яшашга қодир, деган хулоса чиқариш мумкин. Айни шу хусусият уч минг йилдан кўпроқ вақт ичида ягона этно-маданий муҳит яратишга, турк-суғд, сўнгра эса умумтуркий эроний суперэтносини, зардуштийлик маданий-маънавий дунёсини яратишга қодир бўлган.

Турон маданий-тарихий муҳитида юзага келган зардуштийлик энг аввало уни яратган хоразмликлар, парфияликлар, суғдлар, шаклар, марғиёналиклар, бохтарликлар, фарғоналиклар томонидан қабул қилинди. Албатта, бу жараён ҳам зиддиятлар

билан кечди. Ҳатто Мазда динининг илк хабарини етказган Зардушт ўз она юртини – Ардвиги (Амударё бўйларини) ташлаб Марвга, ундан Бахдига (Бахтрияга), у орқали Сеистонга ҳижрат қилишга мажбур бўлган ва ниҳоят, Сеистон ҳукмдори Кави Виштаспа ва унинг хотини малика Хаотасйалар Зардушт даъватига илк қулоқ солганлар бўлишган. Сўнграқ эса Ахура Мазданинг якка-ёлғиз яратувчи зот эканлиги ҳақидаги ғоя зардуштнинг ўз она юртида ҳам ҳақиқат деб қабул қилиниб, унинг қондалари аждодларимиз онгу шууридан мустаҳкам ўрин олди. Бу жараён орқали узок ўтмишда ота-боболаримиз илоҳнинг яккалиги каби ҳақиқатни илк бор англаб етганлар.

Албатта, зардуштийликнинг якка илоҳ ғояси мукамал бўла олмади. Курашлар жараёнида мурасасизликлар пайдо бўла борди. Иш шунгача етдики, Ахура Мазданинг ёлғизлиги тан олинмасдан олдин турли қабилалар сиғинган маъбуд ва малоика, фаришталарни ҳам Ахура Мазданинг ўзи яратган хилқатлар сифатида унга ёндаштирилди. Натижада Ахура Мазда иродасини бажарувчи амешаспенталар (ўлмас абадий руҳлар) – улар олтига вазифадор хилқат бўлиб, Ахура Мазданинг эзгуликни кўпайтириш, қабохатни йўқотиш йўлидаги моҳиятини турли ҳаётини вазиятларда инсоният ҳатти-ҳаракатларини тўғри йўлга солиш орқали рўёбга чиқара боради. Митра, Варахран, Ардвисура Анахита, Хвархшайтийа, Мах,Зам ва бошқа маъбудалар сифатида илоҳий аҳкомларнинг ҳалол ва сидқидилдан ижросини назорат қиладилар ёки Ахура Мазда ўрнатган тартибларни бузиш ниятида қилинган ҳаракатларни бартараф этадилар, қабих кучларни ҳамда дин йўлида аҳдидан қайтган мунофиқларни жазолайдилар, Зардуштга ва у орқали имонли одамларга ато этилган ёруғ дунёни зимистон ҳалокатли йўқлик дунёсининг ҳужум ва ружуларидан ҳимоя қиладилар. Шу таҳлитда тушунилган Зардуштийлик аста-секин Турон элларидаги барча қабилалар орасида нафақат эътироф, балки эътиқод топди. Ниҳоят, ислом дини, ёлғиз Аллоҳ динида бўлмоқлик, ширксиз ягона ҳақиқат бўлиб, мукамал дин сифа-

тида ўлкамизга кириб келганда аждодларимиз учун уни тушуниш ва қабул қилиш ғайритабиий бўлмади. Албатта, бу ҳам курашсиз кечмаган. Минг йиллар анъанасидан кечиш, покланган олий ҳақиқатга етиш Исломда Аллоҳни топиш анча мушкул бўлган. Лекин бунда аждодларимиз қадимий диний тафаккури қиёс қилиб танлаш, афзалини ажратиш имконини берган. Бунинг устига зардуштийлик намоз (исломда салот), имон шартлари ва бошқалардаги амалий тажрибалар ҳам асрий анъаналар сифатида қўл келган, исломлашувни осонлаштирган. Яна бир муҳим аломат: зардуштийликда маросимлар тили авесто тили бўлиб, ўзининг жуда қадимий қиёфаси туфайли унутилган уни фақат муғлар (қоҳинлар) тафсир қилиб тушунтириш одати бор эди. Оддий диндорлар маросимларда зардуштий дуо-ю такбирларни муғлар ижросига эргашиб, ёки уларга иқтидор қилиб адо этишар эди. Исломдаги маросимлар, дуо-ю такбирлар ижроси учун буюрилган тил ҳам бизнинг аждодларимиз учун дастлаб тушунарсиз араб тилида бўлгани учун, бу тилни билгувчилар томонидан, хусусан имом ва бошқа махсус жамоа бошлиғи вазифасидаги кишилар томонидан овоз чиқариб ижро этилган, қавмлар (жамоа) унга эргашиб, билса ўқиган, билмаса иқтидо қилиб ихлос билан маросимни адо этган. Ушбу ўхшашлик ҳам, афтидан ўлкамизда исломнинг ёйилишида муҳим аҳамият касб этган. Хуллас, зардуштийлик милоддан аввалги II минг йиллик ва I минг йиллик чегараларидан бошлаб аждодларимиз томонидан муайян ички боғлиқка эга бўлган яхлит тизим сифатида ўзлаштирилган. Илгариги ибтидоий эътиқодлар эндиликда маданий тизим билан алмашган. Зардушт ғоялари ижтимоий онгнинг, жамият ҳаётининг ҳамма жабҳаларига сингиб кетган. Кўп асрлар давомида ўлкамиздаги қавмлар, элатлар ва халқларнинг ижтимоий ўз-ўзини идора қилиши, турмуш усулларини шу ғоялар белгилаб, бошқариб турган. Бу жараён моҳиятида асрлар давомида шаклланган бой ва ранг-баранг мифологик (асотирий) тасаввурларнинг энг сара қаймоғи тўпланган. Унда мифологик талқин орқали юзага

келган ровий тарих ва чин маънодаги тарих излари акс этган, халқ оғзаки ижодининг кундалик маданий анъаналар ва турмуш тарзидаги кўринишлари ифода топган. Қолаверса, зардуштийлик ва унинг ҳолисона эзгулик йўлидаги ғоялари қавмларнинг ижтимоий ҳатти-ҳаракатларини, турмуш тарзларини, жамиятда шахснинг қадрият интилишларини, ахлоқий-маънавий қиёфасини, одоби, дидҳавас меъёрлари ва қоидаларини белгилаб берган ҳамда ҳаётнинг ҳар бир лаҳзасига сингиб кетган эди.

Зардуштийликнинг эзгуликка очик муносабати туфайли бўлса керак, у тарқалган муҳитларга кейинчалик кириб келган буддачиликми, монийликми, христианликми – хулласки, бошқа жами диний ақидалар тизимидаги ижтимоий эзгулик ғоясига хайрихоҳлик руҳи бўлган. Бу афтидан, зардуштийликнинг соф маънода ўз табиати, хусусиятига боғлиқ ҳолдир. Лекин зардуштийлик давлат дини даражасига эришиб, сиёсий мақомда турган вақтларда у ёки бу давлатнинг сиёсий мафкураси талаби билан бошқа диний таъсирларга қарши курашган ҳолатлар ҳам бўлган. Масалан, Сосонийлар даврида 274-277 йиллар орасида расмий зардуштийлик давлат дини мақоми учун Мағу пат Картир бошчилигида қаттиқ кураш бошлаб, бу ўртада каттагина нуфузга эга бўлган, ҳатто сосоний подшоларидан Шопур ибн Ардашир қабиларни ўзига ром этган монийчилик динига қарши қирғин уюштирган, Монийни эса қатлга етказгани маълум. Лекин, бундан қатъий назар, зардуштийлик суперэтник майдон – муҳити доирасида эзгуликка интилиш майли туфайли ўзга динлардаги эзгулик ғоялари баъзан шу динларнинг ташкилий жамоалари тузилиш орқали ёйилиш имконига эга бўлган. Бу жараён турмуш тарзи, ижтимоий ҳатти ҳаракатлар меъёри ва бошқа кўплаб суперэтник элементларни сақлаб қолган ҳолда исломгача ҳам, исломлашув ва исломий даврларда ҳам маънавият илдизларида бир-бирини тўлдириб, қувватлаб давом этиб келмоқда.

Зардуштийликнинг илк қоидаларига кўра ёзув ва унинг ёрдамида битилган матн мақбул нарса деб қаралмаган. Чунки, ҳар бир диндор ёки оддий мўъмин (ишонган

киши) Зардушт келтирган ҳақиқатларни қалбан ўзлаштириши, онгли идрок этиш ва ихлос билан тилда такрорлаши муҳимроқ ҳисобланган. Лекин, замонлар ўтиши билан Авестода тўпланган муқаддас сўз жонли тиллардан узоқлаша борган, уларни тушунарли қилиш учун, лоақал, уларни тўғри талаффуз этиш учун матнларда акс эттириш эҳтиёжи тобора зардушт дунёси реал маданий таъсир мевасидан фойдаланишга зарурият сезади. Аҳмонийлар даврида давлат бошқарув тизимининг расмий тили ва расмий ёзуви бўлиб хизмат қилган орамий тили ва ёзуви мавжудлиги қўл келгандек бўлди. Албатта орамий тили ва орамий ёзуви Авесто учун дастлаб илк бор китоб қилишда ишлатилган бўлса керак. Ҳар ҳолда Авесто Искандар Македониялик келгунига қадар ҳам китоб шаклида бор эди. Уни Искандар йўқ қилган, деган хабарлар ёзма манбаларда етиб келган. Қолаверса, Авестони ёзиб олиш учун ўша вақтда амалда бирор ёзув (орамийдан ташқари) бўлмагани аниқ. Эрон миҳхати эса ўзининг бўғинлаб ёзиш хусусияти туфайли Авестонинг фонетик мураккаб таркибини ифодалашга ожиз ва ўта вазмин эди. Аммо, таъкидлаш лозимки, Искандаргача ёзилган Авесто ҳақидаги хабарлар ўша китобнинг бирорта реал қолдиғи, ёки ишончли бирор изи билан тасдиқланмаган.

Бу ҳақдаги ёзма хабарлар эса китобдан китобга ўтиб етиб келган ҳолос. Чин маънодаги Авесто алифбоси, унинг воситасида Авесто китобати ҳақида қуйироқда махсус тўхтаймиз. Орамий тили аҳмонийлар салтанати хизматида қанча муддат амал қилмасин, равон тушунарли омма қабул қилган тил бўла олмаган. Ҳамма вақт орамийча матнлар таржима орқали, ёки матнга қараб туриб мазмунини резюме қилиш орқали амал қилган. Шу туфайли маҳаллий шароитда матнларда кўп ишлатиладиган сўзлар, ибора ва жумлалар учраганда уларнинг ўрнига маҳаллий тилдаги эквивалентларини қўйиб кетаверилган. Натижада луғавий маъно унутилиб, ўша сўзнинг график чизма кўриниши маҳаллий тилдаги эквивалентини талаффуз қилиш учун даракчи (игнал) вазифасини ўтаган.

Бу каби график колиплар маҳаллий қадимий ёзувларимизда (суғдий, хоразмий, бохтарий, парфёний) гетерограмма дейилади. Лотинча «ўзгача ёзиш» демакдир, яъни ёзувда шаклан тил сўзини айтишга ишорат беради. Бу гаплардан хулоса шуки, зардуштийлик суперэтноси доимо эроний ва туркий тиллардан фонетик ва грамматика табиати билан олис бўлган қадимги шомий-орамий тилига нисбатан ўзини бегона тутган. Унинг ёзувини эҳтиёжга мувофиқлаштиришга уриниш изларини эса тасаввур қилиш мумкиндир.

Қолаверса, юқоридаги каби гетерографик имконият ҳам чекланган эди. Чунки, асосан энг кўп ишлатиладиган сўзлар доирасидан кенгроққа чиқолмас эди. Ҳаёт эса муайян ёзув тизимига бўлган талабни тобора кучайтирди. Давлатчилик, сиёсат, хўжалик жадал муносабатлари, маънавий эҳтиёжлар – булар ҳаммаси ёзувни зарур қилиб қўйди. Шунда орамий ёзувида қўли кўниккан, кўзи пишган аждодларимиз ўзлари учун орамий ёзувини маҳаллий тилларга мослаштира бошладилар. Қатор трансформация, ҳарф-товуш функционал мослаштиришлардан сўнг маҳаллий ёзувлар келиб чиқа бошлади.

Эллинизм (Искандар ва ундан кейинги) даврида ҳам юнон тили давлат расмий тили бўлгани билан бу тилнинг анъанавий зардуштийлик суперэтник маданий дунёсига бевосита таъсири ҳақида гапириш қийин. Лекин бу тилнинг ёзма ифодаси остидаги алифбо эса ўз ишини қилди. Хусусан, Бахтар заминда юнон-бохтар маҳаллий ёзуви яратилди ва унинг маҳаллий тилдаги матнлари (Сурх, Котал, Айритом, Раватом, Раватак ва бошқалар) бизгача етиб келди. Аммо зардуштийлик дунёси билан дуч келган ғарб маданият ўчоқларининг ундан олган таъсирлари алоҳида ўрганиладиган масалаки, бунинг кўп қирралари ҳали тўла тушуниб етилмаган. Бунинг сабаби бугунги дунё динлари ақидалари нуқтаи назаридан очиқ эътироф этилмайди, дунёвий илк нуқтаи назаридан эса ҳали тугал ўрганиб, етарли баҳо берилган эмас. Шу йўлда ўзбек олимаси Ф.К. Сулаймонованинг, инглиз олимаси М. Бойснинг ишлари диққатга сазовор десак, хато бўлмас (Сулаймонова, 1997).

Марказий Осиё ерларини аҳмонийлар салтанати таркибига киритилиши, турли тарихий даврларда Туронда давлат тузилмаларининг тараққиёти халқаро савдо, маданий алоқалар, халқлар ўртасида мулоқот учун қулай шароитлар ярата борди. Жумладан, аҳмонийлар давридаги маданий алоқалар ҳақида академик Б.Ғ.Ғафуров бундай деган эди: «Турли халқларнинг моддий ва маънавий маданиятлари чатишиб, натижада аста-секин аҳмонийлар салтанати маданияти юзага келди. Бу эса кўп жиҳатдан илмий билимлар, санъат йўналишлари, диний эътиқод соҳалари билан боғлиқ эди. Бу маданиятга шубҳасиз кўп халқлар, жумладан Марказий Осиё халқлари ҳам ўз ҳиссаларини қўшганлар. Аҳмонийлар давлатида бохтарийлар, хоразмликлар, суғдлар, парфёнийлар, марғиёнлар сак қабилалари катта роль ўйнаганлар» (Ғафуров, 1972, с. 83).

Бу таъриф мазкур шаклда фақат аҳмонийлар давлати ўзагини, яъни, Ғарбий Эронни кўзда тутган. Лекин, албатта бу таъсир жараёнлари бир ёқлама бўлмаган. Ўз ўрнида Эрон орқали турли даражадаги ўзаро алоқалар чизиқлари Марказий Осиё халқларини Месопотомия, Олд Осиё каби қадимий маданият ўчоқлари билан боғламаслиги мумкин эмас эди. Алоқалар эса баъзан ҳарбий, баъзан савдо, баъзан маданий-маънавий доираларни қамраб олган. Шундай манзарани Б.Ғ.Ғафуров таърифлаб, «жумладан, - деб ёзади, - мил.авв. IV асрда парфиялик Аминасап Мисрда (Миср ўша вақтда аҳмонийларга қарам эди) ҳоким бўлиб турган; Доро I даврига оид Элефантина ороли (Қизил денгизда)дан топилган қадимги иброний тилли ҳужжатлардан бирида ёзилишича Хоразмдан борган Даргман исмли киши хонадон эгаси, (ижтимоий мажбуриятлар олган шахс – М.И) деб қайд этилган. Ниппур ўлкасида, (Мисрдаги – М.И.) Бобилнинг қатор шаҳарларида бобилликлар, мисрликлар, қарийлар, бохтарийлар, хоразмликлар бирга яшаб, бирга меҳнат қилишган» (Ғафуров, б. 104-105). Марказий Осиёдан чиққан катта-катта жамоалар қадимги форс подшоларининг, салавкий ҳукмдорларининг, юнон-бохтар, парфёний салтанатлари-

нинг ҳарбий тадбирларида иштирок этиб, Кичик Осиё, Миср, Юнонистон, Рим, Ҳиндистон каби ўлкаларда чўкишган ва ўтроқлашиб узоқ вақт этник бирлик асосидаги ёпиқ жамоалар сифатида катта шаҳарларда яшашган. Ўз навбатида Марказий Осиёда ҳам Фарбий ўлкалардан кўчиб келиб жойлашган аҳоли жамоалари тўп-тўп бўлиб яшарди. Масалан, мил.авв. V асрда Юнонистоннинг Милет шаҳридан Марказий Осиёга келиб туриб қолган юнонлар жамоаси бор эди. Шимолий Африкадан барка халқининг бир қисми Доро пайтида Бактрияга кўчирилгани маълум. Деярли барча йирик шаҳарларда, айниқса аҳмонийлар бошқарувининг биринчи босқичларида, аҳмонийлар маъмурияти учун зарур эронликлар ҳамда маҳкамавий орамийча ёзув ва тилини биладиган орамийлилар жамоаси яшаган. Юнон маъмурияти вакиллари Салавк ва унинг ворислари даврида, ҳамда Юнон-Бохтар давлати амал қилган кезларда (мил.авв. 250 йилдан то I аср иккинчи яримларигача) доимий яшашган ва маданий синкретизмнинг юзага келишида иштирок этганлар.

«Зардўштилик дунёси» кўшни этно-маданий ўчоқлар билан яқин ва кенг маданий алоқалар туфайли ўзи учун нафақат орамий ва юнон ёзувларини ўзлаштириш, балки ўзи билан замондош Олд Осиё, Миср, Яхудий, юнон-рим антик маданияти кабиларнинг асосий хусусиятларини ва мазмун моҳиятини ҳам ўрганиш йўллари очди. Энг муҳими шу бўлдики, турли эрон дунёси мазкур ўлкаларда милоддан авв. IV минг йиллик доирасида пайдо бўлиб, тадрижий равишда такомил топиб келган ёзув маданияти, айниқса матн тузиш ва китобат қилиш ишларининг асосларининг ўрганди. Айнан шу каби тамаддун (цивилизация) элементларини Шумер-Бобил, Аккад, Миср юнон-рим намуналарида кўриб, Марказий Осиё халқларининг дунёни ўзига хос тушуниш ва идрок этиш усуллари заминидан синтез қилиб қайтадан ишлади. Аждодларимиз ўзларига тегишли маданиятнинг таркибий усуллари, маданий мақомларини яратишлари учун муҳим шароит юзага келди. Синкретлаш, маънавий янги асосларда қайтадан такомиллаштириш

орқали беназир маданий анъаналари янада «миллийлашувга» борди, тагин ҳам ўзига хос, бетакрор қиёфага кирди. Айниқса, бу жараён ёзув маданиятига ва китобат ишига ҳам дахлдордир.

Мазкур мамлакатларда ўз замонаси учун юксак савиядаги китоб маданияти, китобат ишини жараён сифатида ташкил қилишнинг бой тажрибаси, жумладан, қўлёзма китоб кўпайтириш ишлари, китоб савдоси билан боғлиқ, маданий ҳодисалар ҳужжатлар архивлари китоб сақлаш ва ундан фойдаланишни ташкил этиш кабилар Марказий Осиё халқларида китобот иши пайдо бўлишига келгуси замонларда эса унинг такомил топиб баланд авж босқичларига эришувига таъсир кўрсатмай иложи йўқ эди. Бевосита Фарбий кўшнилари билан алоқалар, маданий муносабатлар, баъзан ҳарбий зиддиятлар ҳам, Эронга понасимон ёзувнинг кириб келишига (миҳхат сабаб бўлди). Бундан ташқари этиборга лойиқ, сиёсий, ҳарбий, тарихий ютуқларни акс эттирувчи воқеаномалар, йилномалар каби хотират ёзувлари анъанасини пайдо қилди. Мана шу каби матн тузиш анъаналари ота-боболаримиз сўз санъати, бадиий ижод жараёнининг, ёзма адабиётнинг ҳамда тарихнависликнинг илк қадамлари, деб баҳоланмоқда (албатта, Авестода бирлашган матнлар бундан мустасно). Ана шундай хотирот ёзувлари туркуми аҳмоний подшоларининг Бобил, Хамадон (қад, Эқбатан), Суза шаҳарларидаги хазиналарда сақланган олтин битик тахтачаларидир (Язбердиев, 1979, б.31-19).

Аҳомонийларнинг бу каби тарихий йилномалари орамий тилида орамий ёзуви билан битилгани ҳақида Геродот («Тарих» китобининг V жилди, 58-саҳифаси), Диодор (II китоб, 32-саҳифа, 4-банд), Фукидид (IV-китоб, 50-саҳифа, 2-банд), ва ниҳоят Библия китобининг Изро пораси 4,7 варақларида хабар берилган. Агар аҳомонийлар йилномалари илк насрий ҳикоявий асар намуналари деб қаралса, у ҳолда муаллифи Зардўшт эканлиги фанда аниқ тан олинган, ҳамда Авестонинг «Ясна» китоби таркибига кирган «Гоҳ»лар шарқий эроний тиллар вакиллари бўлган аждодларимизнинг илк шеърий ижодиёти намунасидир.

Аҳомонийларнинг сулолавий ҳужжат хазиналарида уларнинг ўзларигагина эмас, балки улар ўзларига тобе қилган Элам ва Мидия подшоликларига тегишли йилномалар ва ҳужжатлар ҳам сақланган (Дьяконов, 1957, б. 15-16). Жуда катта миқдорда китобларни аҳмоний лашкарлари мил.авв. V асрда Юнонистонда иккинчи истилочилик юриши вақтида олиб келишган. Бу маълумот милодий II аср Рим ёзувчиси Авл Гелийнинг «Аттика тунлари» номли китобда баён этилган. Унда, жумладан бундай ёзилади: «...Тирон Писистрат Афинада оммавий ўқиш учун китобларни намойиш қилди. Фойдали илмларни баён этган. Кейинроқ эса Афиналикларнинг ўзлари шу каби китобларни кўпайтириш ҳаракатига тушдилар. Лекин бу китобларнинг бирини Афинани босиб олган, Акрополдан бошқа ҳамма ёққа ўт қўйган. Ксеркс Форсга олиб кетди. Кўп йиллар ўтгач, бу китобларни Афинага «Ғолиб» тахаллусини олган. Славк қайтариб жўнатди» (Борухович, 1976, б. 134-135).

Аҳомонийлар салтанати тугагач, воқеаномалар ёзиш анъанаси Марказий Осиё давлат тузилмаларига ўтди. Шу билан бирга бу ўлкага подшо хазиналарида олтин ва кумуш ёмбилар, турли қимматбаҳо бойликлар билан бир қаторда ёзув-ҳужжатларни асраш одати ҳам кириб келди. Бу одат ёзма ёдгорликларни ва китобларни мустақил асрашга, кутубхоналар тутишга ўсиб ўтди. Аввало Мидия томонидан ўзлаштирилган Шумер-Бобил маданиятига хос ёзув ёдгорликларини, ҳужжатларни сақлаш одати бевосита қўшни минтақа — юнонча китоб сақлаш анъанаси билан Марказий Осиё ерларида ўзаро дуч келди ва бизнинг ўлкамизда янги босқичда давом этди. Масалан, Шарқий Бохтар юртида, Панж дарёси бўйида Александр замонида қурилган Ойхонум шаҳри харобаларида археологлар хокимлик саройи, ибодатхона, аслахона, маъмурий бинолар, жамоатчилик меъморий қолдиқлари, ҳазина ва хўжалик бинолари, ёшларга таълим-тарбия берилган гимназия ва бошқалар билан бир қаторда кутубхона биносини ҳам қазиб очдилар. У ердан драмматик асарнинг парчалари, папирус қолдиқлари-

да битилган фалсафий рисола (Аристу-нинг «Метафизика»сига ўхшаш диалог усулида ёзилган) кабилар топилди (Литвинский, 1989, б. 347-348).

Бу ўринда қадимги бохтар ва юнон маданиятларининг кўп олимлари томонидан архитектура қурилиш, анъаналарининг кўп соҳалари, танга зарб этиш ва ҳ.к.лар мисолида эътироф этилган синкретизми Марказий Осиё моддий маданиятининг кўп соҳаларида узоқ тараққиёт йўлининг мазмунини олдиндан белгилаб берди. Милоднинг III-IV асрлардан бошлаб китобат ишида ўрамлар билан бир қаторда дафтарларни бирлаштирувчи китоб-кодексига ўтилиши (масалан, моний китобларининг жилд муқовали варақли китоб экани) ва келажакда кодекс шаклининг етакчи ўринга ўтиб, китобат маданиятнинг асосий кўринишига айланиши каби узун йўл Ойхонумда қўрилган илк кутубхона намуналарининг давомида турса ажаб эмас.

Қадим замонлардаёқ китоб олди-сотди ашёсига айлана бориши билан боғлиқ китоб савдоси ҳодисалари ҳақида маълумотлар учратди. Масалан, Диодор (мил.аввал I аср) хабар беришича аҳмонийлар сулоласидан бир вакил Артаксеркс III даврида Эрондан ажраб кетган Миср устидан юриш қилинган. Шундан Мисрдан Артаксеркс Миср ибодатхоналаридан кўп миқдорда қадимий ёзма ҳужжатларни олиб кетган. Кейинроқ Артаксеркснинг саройида харам оғаларининг бошлиғи бўлиб турган Бағой исмли киши ўша китоб ва ҳужжатларни Миср қоҳинларига улкан маблағ эвазига сотган (Бартольд, 1973., б. 350).

Шундай қилиб 3 минг йил қаърида шакллана бошлаб, исломий даврга келиб расман сўнган, лекин тафаккур ва урф-одатлар, ирим чиримлар, кундалик турмуш манзараларида сақланиб келаётган зардўштийлик дунёси турку эроний суперэтник маданияти ўзидан Эрон салтанатига, ундан ўтиб Шом ўлкаларига, Фарбдан Юнон-Рим маданияти дунёсига тасъир кўрсата олди. Зардўштийликнинг Маздаясна ақидаси Ахура Мазда култи сифатида аҳмонийлар, аршакийлар ва сосонийлар учун Давлат Мафқураси бўлди. Шу билан

баробар зардуштийлик дунёси ўзини жахоннинг илғор маданий анъаналари учун очик тутди. Хатто, эзгулик ва инсонийлик олий ҳақиқат саналган бу дунё қараш ўзига диний тизимларнинг энг рационал хусусиятлари билан янада тўйинди, бойиб борди. Қавмларнинг бир қисми ўзига эзгу динларга кириб кетганда ҳам асл зардуштийлик удумларни турмуш, жамият муносабатлари доирасида сақлашда давом этди.

Бизнингча, Марказий Осиё халқлари этногенетик ва ижтимоий-маданий тараққиётининг қадимий ва илк ўрта асрларга типологик меъёрлари ва яхлит қиёфаси

умуман Турк-эроний суперэтносининг зардуштшунослик дунёси сифатида яшаш шаклларида иборат серқирра маданий жараёни бўлган. Бу маданиятни яратиш қабилавий, этник, тил тафовутларидан юқори турган ва шунинг оқибатида бугун маънавий-мафкуравий асослари умумий бўлган туркий ва эроний тилли халқлар Марказий Осиёда елкама-елка ҳаёт кечирмокда, ўз истиқболлари учун кураш олиб бормокдалар. Қадимий илдизларимиз ягоналиги туйғусини янада чуқурроқ тушуниш бу кураш жараёнида тарихан зарур ҳамкорлик муҳитини яратган бўлур эди.

Адабиётлар:

1. Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988.
2. Лившиц В.А. Предисловие // Бартольд В.В. Соч. Т.7. –М., 1971.
3. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. –М., 1979.
4. Дандамаев М.А. Ахменидское государство // История Ирана М., 1977.
5. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика древнего Ирана. –М., 1980.
6. Boyse M. History of Zoroastrianism. Vol. II / Leiden. 1982.
7. Бойс. М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1985 (пер. с английского И.М. Стеблин-Каменского).
8. Гумилев Л.Н. Письмо в редакцию журнала «Вопросы философии». 1989. №5.
9. Сулаймонова Ф.К. Шарқ ва Фарб. –Тошкент, 1997.
10. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Душанбе, 1989.
11. Язбердиев А. «Царские летописи» Ахеменидов. К вопросу возникновения книжного дела в Иране и Средней Азии. II. Известия АН Туркм. ССР. Серия общественных наук. Ашхабад, 1979. №6.
12. Дьяконов И.М. История Мидии. От древнейших времен до конца IV в. до н.э. Л., 1957.
13. Борухович В.Г. В мире античных свитков. –М., 1976.
14. Литвинский Б.А. Бобожон Гафурович и его труд // Гафуров Б.Г. Таджики. В двух книгах. Кн.2. –Душанбе, 1989.
15. Бартольд В.В. Хранение документов в государствах мусульманского Востока. Соч. Т.8. – М., 1973.

А. Ходжаев

О СВЕДЕНИЯХ ДРЕВНЕКИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ О ГОСУДАРСТВЕ ФЕРГАНА (ДАЙЮАНЬ)

Наиболее ранние сведения о Фергане встречаются в разделе «Повествование о Давани» сочинения дворцового историка Сыма Цяня (145-? до н.э.) Ши жи (Исторические записки)¹. В основе данного труда лежал доклад его современника, китайского посла Чжан Цяня (?-114 до н.э.), побывавшего в Фергане в 124-125 гг. до н.э. Этот доклад был представлен императору У-ди (140-87 гг. до н.э.) в 126 г. до н.э. К сожалению, данный документ не сохранился до наших дней. Однако его содержание нашло свое отражение как в трудах Сыма Цяня, так и в сочинениях многих других авторов более позднего времени, что позволяет прояснить некоторые детали общественной жизни древней Ферганы.

Сведения первого китайского посла на исторической территории сегодняшнего Узбекистана всегда привлекали и продолжают привлекать внимание как отечественных, так и зарубежных ученых. Однако краткость их изложения нередко становится причиной разночтений текста документа и появления спорных вопросов. К ряду таких вопросов можно отнести, например, дискуссии по определению исторической столицы древней Ферганы. До сих пор в отечественной литературе существует мнение, что упоминаемый в китайских письменных источниках город Эрши был столицей древней Ферганы (Анарбаев, Исламов, Матбабаев, 2001. С. 10-11; Абдухалик Абдурасул угли, 2002. С. 36-39), позже он был переименован в Гуйшань (Анарбаев, Исламов, Матбабаев, 2001. С. 12). Однако при изучении материалов оригинала о древней Фергане выяснилось, что Эрши не был ее столицей, а был известен

как город, где разводились быстроходные кони. Узбекский ученый А. Анарбаев локализует столицу древней Ферганы в Дальварзине (Анарбаев, 2004. С. 9-11).

С учетом данного обстоятельства автор настоящей статьи счел целесообразным еще раз вернуться к вопросу определения столицы древнего государства Ферганы и попытаться внести некоторые уточнения по этому поводу путем сопоставления текстов переводов на русский и уйгурский языки с текстом оригинала данного документа, пользуясь при этом исследованиями китайских ученых за последние 20 лет.

Для этого, как представляется, необходимо, прежде всего, определить степень достоверности утверждений о том, что город Эрши являлся столицей древнего государства Ферганы (Давань) (Боровкова, 1989, С. 136-137; Абдухахолик Абдурасул ўгли, 2000. С. 38 и др).

Согласно данным китайских источников, Эрши был местом, где ферганцы держали заинтересовавших китайского императора «быстрых коней» (позже этих животных называли *тяньма*, что означает «небесные кони»). Как отмечено, например, в «Давань цзюане», «люди, побывавшие [в Фергане] рассказывали Небесному сыну, о том, что быстрые кони были спрятаны в Эрши, [ферганцы] их никому не показывают». Услышав этот рассказ, Сын Неба проявил заинтересованность [к этим коням] и вручил храбrecу Чэ Лину и другим много золота и золотого коня, приказал просить у правителя Дайюаня предоставить ему в обмен на данные драгоценности коней, спрятанных в Эрши» (Ши жи. С. 1144 (1144)). Подобное сведение встречается также в сочинениях историков, живших в более позднее время. Таковую информацию можно встретить также в трудах современных китайских ученых (Сиюй Тунши, 1996. С. 52).

¹Сим Цянь. Ши жи (Исторические записки) // Эршиси ши (24 история) 1- книга. Далее Ши жи. Написание истории было начато Сим Янем, отцом Сима Цяня. После смерти отца (в 110 г. до н.э.) его дело продолжил Сим Цянь и закончил его в 91 г. до н.э.

В источнике отмечено, что «в Дайюане много хороших коней» (Ши жи. С. 1137 (1137)). Это дает основание полагать, что речь идет не об одном или нескольких конях. Ферганский правитель не мог прятать множество коней в столице или вокруг нее так как, во-первых, кони пасутся и разводятся на пастбищах, во-вторых, если держать их вблизи дворца, было бы трудно скрывать их от глаз китайских торговцев и лазутчиков, прибывавших в столицу государства Ферганы. Следовательно, Эрши был достаточно далеко расположен от резиденции ферганского правителя.

После неудачи миссии Чэн Лина ханьский император решил действовать по принципу «если не продашь за деньги, то отберу силой». В первом году Тайчу (104 г. до н.э.) (Ши жи. С. 1137 (1137)) для этой цели он решил отправить в Эрши военачальника Ли Гуанли с войсками в несколько тысяч человек. В этой связи ему было присвоено звание «Эрши цзянцзюнь», что означает в переводе «командующий войсками, направляемыми в Эрши». Присвоение такого звания и намерение ханьского императора отправить войска в Эрши, где спрятаны быстрые кони, не дают оснований считать, что это место было столицей древнего государства Ферганы. Кроме того, в «Давань цзюане» нет прямого указания, что Эрши являлся столицей государства Ферганы. Нет также информации о ведении военных действий в Эрши в ходе двух походов ханьских войск против государства Дайюань.

В 103 г. до н.э. направленные в Эрши ханьские войска, сломив сопротивление гордов Восточного Туркестана ценой больших потерь в живой силе, впервые прибыли в город Юйчэн. Как свидетельствует источник, в этот город добрались лишь несколько тысяч человек, измученных голодом и уставших. Тем не менее, ханьские войска начали штурмовать город Юйчэн. Но здесь они потерпели неудачу, более того, во время штурма города они понесли большие потери в живой силе. После этого ханский военачальник Ли Гуанли, посоветовавшись со своими помощниками, пришли к выводу, что нужно вер-

нуться обратно, пока не все погибли. Как отмечается в источнике, они, подумав, что «если штурм Юйчэн оказался столь сложным, то взять столицу вряд ли нам удастся, повели войска в обратный путь. Туда и обратно потратив 2 года, [они] вернулись в Дунхуан» (Ши жи. С. 1137 (1137)).

Согласно показаниям словарей древнекитайского языка иероглифы, с помощью которых был написан топоним Эрши, в древности произносились Рией-шией. Если учесть, что китайцы не могут произносить гласные и согласные звуки как о, р, н, л, ш, и т.д. то Рией-шией могло быть транскрипцией местного произношения Эйш, что очень близко к современному топониму Ош. Географически Ош расположен в горной местности, и он был подходящим местом для коневодства. Поэтому Ош более подходил бы для локализации Эрши.

Кроме того, Ош китайцы могли произносить Оуши или Оуси. Это можно наблюдать в более поздних источниках. Китайцы некоторых провинций произносили иероглиф «оу» как «э» или «эр» (Ханьюй дацзидянь, 1989, С. 3783). Возможно, во втором веке до нашей эры китайский посол Чжан Цянь произносил Оу как Эр, что является более привычным для китайцев древним иероглифом, обозначающим цифру 2.

Отсюда следует, что во время первого похода против древнего государства Ферганы ханьские войска штурмовали город Юйчэн, расположенный на востоке его владения, а до Эрши они не добрались. Следовательно, Эрши находился западнее города Юйчэн.

В оригинале топоним Юйчэн встречается многократно как название города древнего государства Ферганы. В переводе Н.Я. Бичурина этот топоним назван «Ю» (Бичурин, 1950, С. 163). При сопоставлении его перевода с текстом оригинала выяснилось, что, во-первых, использованный для написания топонима первый иероглиф на современном китайском языке читается «Юй», во-вторых, в переводе русского ученого пропущен второй иероглиф «чэн».

Имеющееся в тексте словосочетание «город Юйчэн» (Юйчэн чэнг), «правитель Юйчэн» (Юйчэн ван) (Ши жи. С. 1145 (1145) – 1146 (1146) показывает, что Юйчэн был городом. Используемые для его написания два иероглифа в древности произносились как «Йвэтсэнг». Первый иероглиф имеет значение: красивый, приятно пахучий, теплый, а второй – полный, целый, совершенствование, свершение и по написанию он отличается от иероглифа «чэн», обозначающего город.

Юйчэн находился на востоке Ферганского государства, что четко прослеживается в предложении «[Правитель Ферганы] отказался выполнить просьбу ханского посла. В гневе ханский посланник оскорбил [правителя Ферганы] и, вышвырнув сделанного из золота коня, ушел. Ферганская знать в гневе говорила: «Ханский посланник не считался с нами, его нужно [с начала] выпроводить, [затем] приказать задержать его в Юйчэне, расположенном на востоке их [владения]» (Ши жи. С. 1145 (1145).

Кроме того, как было отмечено выше, Ханская династия предписала своим войскам отправиться в Эрши для захвата быстрых коней, но ее войска, переходя границу древнего государства Ферганы, впервые прибыли в Юйчэн, дальше они не смогли пробиться. Данная информация также показывает, что Юйчэн был расположен на востоке владения этого государства.

В комментарии к переводу Н.Я. Бичурина отмечено «Город Ю (Юйчэн) лежал от Коканда на востоке; но точное местоположение не известно» (Бичурин, 1950, С. 162). В уйгурском переводе «Ши цзи» топоним Юйчэн переведен как «Узгенд» (Тарихи хотиралар, 1989. 510 бет). Данная идентификация заслуживает внимания. Не исключено, что в прошлом местное произношение топонима Узгенд было ближе к древнему чтению иероглифов Юйчэн. Однако для окончательного вывода необходимы археологические данные. Вероятно, что на месте сражения ханских войск в Юйчэне остались какие-то вещественные следы.

В «Давань цзюане» топоним Юань встречается как название столицы древнего государства Ферганы. Например, в оригинале не раз встречаются слова «Юаньчэнг» (город Юань), «Юаньванг» (правитель или хан Юаня), «Юаньван чэн» (столичный город Юань) и др. Кроме того, ханский император У-ди (140-86 гг. до н.э.), получив информацию о том, что в городе Юань нет колодцев и иных источников воды, население пьет воду из канала, введенного в город с реки, расположенной за его пределами, подумал, что столицу легче взять путем лишения ее питьевой воды, затем стать владельцем всех ферганских скакунов. Поэтому У-ди, отправляя свои войска численностью 60 тыс. человек в новый поход, предписал им овладеть городом Юань (Ши жи. С. 1144 (1144). Вместе с войсками он также отправил в Юань специалистов для перекрытия канала, введенного в город извне (Ши жи. С. 1145 (1145).

Уместно заметить, что в процессе рассказа о втором походе ханских войск против древнего государства Ферганы в «Давань цзюане» термин «Эрши цзянцзюнь» часто используется в сокращенном виде как «Эрши». Например, в тексте оригинала отмечается, что ханский император «отправив представителей 7 профессий Поднебесной, предписал им обеспечить Эрши продовольствием» (Ши жи. С. 1145 (1145).

«Когда в Эрши совершили второй поход, [его] войска были многочисленны. Поэтому по пути все малые государства боялись не давать им продовольствия» (Ши жи. С. 1145 (1145).

«Первоначально Эрши хотел отправиться в Юйчэн и взять этот город, однако, боясь возможности применения хитрости юаньцами, решил сначала лишить юаньцев питьевой воды, перекрыв идущий в город канал» (Ши жи. С. 1145 (1145).

«Часть ханских войск, направлявшаяся по северной дороге, подошла к городу Юйчэн чэн, но там она была разбита. Лишь несколько человек смогли бежать и добраться до Эрши. Эрши приказал начальнику продовольственного обеспече-

ния Шан Гуанчжи отправиться в Юйчэн и штурмовать [город]» (Ши жи. С. 1145 (1145)).

Однако нигде не отмечено, что во время второго похода ханьские войска совершили штурм города Эрши. Более того, в «Давань цзюаня» отмечено:

«... направляясь на запад войска, Ли Гунли прибыл в город Юань. В это время их численность была 30 тыс. человек. Юаньские воины оказали ханским войскам сопротивление. Стрельбой из лука ханьские войска показали свое превосходство. Юаньцы ушли в город и заперлись в нем» (Ши жи. С. 1145 (1145)).

Как показывает источник, город Юань был укреплен наружными и внутренними городскими стенами. Ханским войскам пришлось осаждать город и в течение более 40 дней совершать многократные штурмы. Лишь после этого им удалось разрушить внешние стены (Ши жи. С. 1145 (1145) и ворваться в город.

Из приведенных данных становится ясно, что во время второго похода ханьские войска прибыли прямо в столичный город Юань, а не в Эрши.

В трудах Н.Я.Бичурина топоним «Юань чэн» (город Юань) переведен как «Давань», «резиденция», «даваньская резиденция», «даваньцы» (Бичурин, 1950, С.165-166). Например, информацию «прибывшие в город Юань ханьские войска составили 30 тыс. человек. Юаньские войска дали ханским войскам встречный бой» (Ши жи. С. 1145 (1145)). Н.Я. Бичурин переводил как «китайских войск прибыло туда еще не более 30 000, как даваньцы выступили против них», «Юаньские знатные люди» - «Даваньские старейшины», (Бичурин, 1950, С. 165) «Хань напал на Юань за то, что хан Мугуа (древнее чтение Ме-коа, Меу-коа) спрятал породистых коней и убил ханьского посла» (Ши жи. С. 1145(1145)). - «Китай нанес им войну по той причине, что государь их Мугуа скрыл аргамаков и убил китайского посланника» (Бичурин, 1950, С. 165) и т.д.

Такой перевод не только является неточным, но и затрудняет определение того, что во время второго похода ханьские

войска штурмовали город Юань, который являлся столицей древнего государства Ферганы. В таком случае возникает вопрос – как назывался этот город на языке местных народов и где он находился.

В уйгурском переводе «Давань цзюаня» во всех указанных случаях топоним Юань переведен как «Фаргона шагри» (Тарихий хотиралар. 512 бет) (город Фергана), а Дайюань - Фергана. Однако китайские ученые не приводят доказательства идентификации «Юань чэн» с топонимом «город Фергана». Учитывая это, мы сочли возможным попытаться найти обоснование путем анализа древнего чтения иероглифа «юань» и его семантического значения.

Топоним «Давань» состоит из двух иероглифов и является их современным чтением. В древности первый иероглиф «да» читался «дай», «дат» а второй – «юань», «юнь», «юй». Как видно по чтениям иероглифов Давань или Дайюань трудно идентифицировать с топонимом Фергана. Однако анализ значения иероглифов наводит нас на новую мысль.

Наряду с многими другими значениями иероглиф «да» означает большой, великий, а «юань» - местность, окруженную горами или возвышенностью, подобно большой чаше (Ханьюй да зидянь. С. 922). По географическому расположению Ферганская долина окружена горами и похожа по форме на чашу. Географическая особенность Ферганской долины была замечена также китайскими путешественниками более позднего времени. Так, буддийский монах Сюань Цзан (602-664), ездивший в Индию через города Туркестана в 629-646 гг., писал в своем дневнике «Датанг сию цзи» («Записки о путешествии на Запад в период Великого Тана»), что окружность территории государства Ферганы «составляет более 1000 ли (около 500 км.) и все четыре стороны огружены горами» (Гу сисин цзи, 1987. С.71).

В древности Фергана могла произноситься как Паркан или Паркана. С.К. Караев, ссылаясь на труды В.А. Лившица, отметил, что некоторые европейские авторы пытались сопоставлять название «Фер-

гана» с «Париканой» (Геродот), но такое сопоставление не имело успеха (Караев, 1991, С. 90). По свидетельству М. Исхакова, на древнем согдийском языке «пар» означает стену или окружность, состоящую из возвышенностей. «Кон» означает место скопления, месторождения каких-либо природных богатств или просто богатую местность. В таком значении это слово сохранилось и в современном узбекском языке. По свидетельству Э.М. Мурзаева, в памирских языках (рушанском, язгулямском) есть слова «паргана», «баргана», которые означают местность или равнину, окруженную горами и имеющую вход с одной стороны (Мурзаев, 1982, С. 128). Следовательно, значение топонимов Юань и Паркон в целом совпадает. Паркон могло трансформироваться в начале в Паркана, а в последствии Фаргана. В этом случае, Юань может быть калькой (переводом) топонима Фарганы.

По-видимому, местное население называло свое государство также Ферганой. Тогда перед китайским послом стояла задача различить топонимы города Фергана и государства Фергана. По всей вероятности, он решил эту задачу путем добавления слова «дай» или «да» перед «Юань». В таком случае вполне объяснимо то, что, когда речь шла о государстве Ферганы, китайский посол использовал словосочетания Дай-Юань, т.е. Большая Фергана.

В дневнике указанного буддийского монаха Сюан Цзана, Фергана называется Пейхань, что является более приближенной транскрипцией местного произношения топонима. Используемые для написания этого топонима иероглифы в древности произносились, как Патцзянь (Pat-jan) (Мурзаев, 1982, С. 128), что несколько отдалается от местного произношения топонима. Это свидетельствует о том, что к середине VIII века произношение китайских иероглифов изменилось. В «Синь Тан шу» («Новая история династии Тан»), указано, что «Фаханна является древнее государство Дайюань, называлась также государство Нинюань², столица находилась в современной Фергане» (Гу сисин цзи. С.84). Уместно заметить, что место-

расположение средневекового города Ферганы вряд ли можно локализовать с современным городом Фергана, так как его основание относится к недавнему прошлому. Оно должно быть в другом месте.

Эти данные также свидетельствуют о том, что древнее государство Дайюань и его столица назывались одинаково – Фергана. Для китайцев такая практика была необычным явлением. Поэтому Чжан Цяню пришлось различить их, называя город Фергану - Юань, а государство Фергана – Дайюань.

При этом возникает вопрос - почему он не транскрибировал топоним «Фергана», а перевел его значение. Как представляется, для транскрипции топонима «Фергана» нужно было бы использовать несколько иероглифов, что являлся крайне сложной задачей для древних китайцев, которые по традиции привыкли писать имена своих городов и царств максимум двумя иероглифами. В этой связи можно полагать, что для краткости Чжан Цянь, видимо, счел возможным написать топоним Ферганы одним иероглифом, передающим его значение.

В «Хань шу», который был написан спустя около 200 лет после появления «Ши жи», древнее государство Фергана также названо Дайюань (Хань шу. 2- книга. С. 2372 (1164).

Однако в появившейся в середине VI века хронике «Вэй шу» данное государство названо «Лона го» (государство Лона). (Вэй шу. 8 - книга. С. 9701 (1319). Здесь уместно отметить, что в подготовке «Вэй шу» принимали участие историки некитайского происхождения. При написании этнонимов и топонимов они старались не переводить их значение, а транскрибировали их произношение китайскими иероглифами, не выходя из рамок соблюдаемых традиций. К тому же в этом источнике указано, что «государство Лона есть древнее государство Дайюань» (Вэй шу. 8 - книга. С. 9701 (1319). Хотя Лона (по древнему произношению Lak-na) не точная транскрипция топонима «Фергана», но все

²Нинюань в переводе означает «далекое спокойствие».

же она близка к его местному произношению. Использованные для ее транскрипции иероглифы не отражают значение топонима «Юань». В источниках, написанных после «Вэй шу», топоним Ферганы транскрибируется как Полона, Фаханна, произношение которых более близко звучит к местному произношению. Однако количество используемых для этой цели иероглифов уже вышло за рамки традиции. Очевидно, это было связано с прогрессом печатной технологии и изменением произношения иероглифов.

В китайских источниках, написанных после «Ши цзи», единодушно отмечается, что столицей государства Дайюаня, Лона, Полона является город Гуйшан (Древнее чтение Квэйсан). Ранее мы отмечали, что этот город можно идентифицировать с топонимом Куvasой (Государство Дайюань..., 2003. С. 6). А. Айтбаев считает, что более ранняя столица государства Ферганы является Эрши, а позже она была перемещена в Гуйшан (Абдухолик Абдурасул ўгли, 2000, С. 38). Первая часть его определения вызывает сомнения, вторая часть – имеет основание. Видимо, после разрушения китайцами городской стены древнего города Ферганы местные жители перенесли столицу в Куvasой.

Исходя из изложенного, можно заклю-

чить:

- Эрши не был столицей древнего государства Ферганы, именуемого в китайских источниках Дайюань (современное чтение Давань), а был местом разведения коней и находился в пастбищном районе Ферганской долины. Утверждение в том, что Эрши был столицей древней Ферганы (Дайюань, современное чтение Давань), является ошибочным.

- Во время первого военного похода ханьские войска не добрались в город Эрши, а вернулись после взятия города Юйчэн. Во время второго похода ханьские войска штурмовали город Фергана (Юаньчэн) и разрушили его. После этого столица древнего государства Ферганы была перенесена в Куvasой (Гуйшан, древнее чтение Квэйсан).

- В источниках нет указания на то, что во время обоих походов ханьские войска штурмовали город Эрши. Поэтому в случае проведения археологических раскопок на земле древнего города Ферганы и Юйчэн возможно, будет найдено оружие и другие предметы китайского происхождения.

- Эрши можно идентифицировать с топонимом Ош, а Юйчэнг - с Узгенд. Но для этого необходимо подтверждение археологическими данными.

Литература:

1. Анарбаев А. Қадимги ва ўрта асрларда Ахсиқон тарихида қадимги Фарҳона. Тошкент, 2001.
2. Абдухалиқ Абдурасул ўгли. Қадимги Фарғона тарихи (История древней Ферганы). Ташкент, 2002.
3. Анорбоев А. Ўзбекистонда илк давлатчилик ва унинг ўрганилиш тарихидаги баъзи бир муаммолар // Ўзбекистон тарихи. № 4. Тошкент, 2004.
4. Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в.н.э. М., 1989.
5. Ши жи. С. 1144 (1144), 1137 (1137), 1145 (1145) – 1146 (1146)
6. Сиюй Тунши (Общая история Западных стран). Чжэнчжоу, 1996.
7. Ханьюй дацзидянь (Большой иероглифический словарь китайского языка). В 7 томах. Пекин, 1989. Т. 6.
8. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.-Л., 1950. Т. 2.
9. Тарихий хотиралар (Исторические записки). Урумчи, 1989. 510 бет. Уйгурский перевод Ши цзи (на арабском алфавите).
10. Ханьюй да цидянь (Большой иероглифический словарь китайского языка). В 7 томах. Т. 2.
11. Гу синин цзи (Записки древних путешествий на Запад) Йинчюан, 1987.
12. Караев С.К. Топонимия Узбекистана. Ташкент, 1991.
13. Мурзаев Э.М. География о названиях. М., 1982.
14. Хань шу // Эршиси ши. 2- книга. С. 2372 (1164).
15. Вэй шу // Эршиси ши. 8 - книга. С. 9701 (1319).
16. Государство Дайюань (Ферганы) – сведения «Цзинь шу» («История династии Цзинь»). // Материалы по этнической истории народов Центральной Азии. Ташкент, 2003.

Абдухалик Абдурасул ўғли

«ИПАК МАМЛАКАТИ» ҲАҚИДА

Кўп ҳолларда қадимги «Ипак мамлакати» ҳақида гап кетганда ҳозир Хитой Халқ Республикаси (ХХР) тушунилади. Хитой манбаларида ҳам милоддан аввал хитойликлар ўзининг шимолий қўшнилари ипак матолар билан таъминлаганлиги тўғрисидаги маълумотлар кўп. Бироқ, ўзларини *ханзу* (хан миллати)миз деб номлайдиган, қадимда Хуангхэ (Сарик дарё)нинг жанубида истиқомат қилган хитойликларнинг ипак ишлаб чиқарганлиги тўғрисида аниқ маълумотлар йўқ. Хитой манбаларидаги ипак ишлаб чиқариш билан боғлиқ маълумотлар шимолда яшаган *рунг-дилар* ҳудудига тўғри келади. *Ханзулар* эса, уларнинг жанубида истиқомат қилган. Бинобарин қадимда *ханзулар* ипак ишлаб чиқарганми ёки йўқми деган саволнинг туғилиши табиий. Шу боис Ханзу давлати ипак мамлакати бўлганми, ё йўқ масаласи жиддий мунозараларга сабаб бўлиб келди. Бу масаланинг ечимини топиш учун қўйидаги баъзи таҳлилларга эътибор қаратамиз.

Тадқиқотчиларнинг кўпчилиги юнон манбаларидаги қадимда ипак ишлаб чиқаришни билган «*сер*» номли аҳолини хитойликларнинг қадимий аждодлари деб фараз қилишади. Шунинг учун улар *серларнинг* пойтахтини Хитойнинг қадимий пойтахтларидан бири Чангъан (Чанъ анъ) деб ҳам тасдиқлашади (Восточный Туркестан..., 1988, с. 446). Ва *серлар* мамлакати Серикани Хитой мамлакати деб ҳисоблашди. Натижада юнон манбаларидаги ипак мамлакати Серика Хитой давлати деб кўрсатилади. Мазкур таҳлилларнинг тўғрилигини аниқлашда кўп марта тилга олинган юнон маълумотларини қайта кўриб чиқишга, уни хитой манбаларидаги маълумотлар ва археология соҳасидаги буюк топилмаларга солиштиришга тўғри келади.

Серлар ҳақидаги юнон маълумотлари Испаниялик Помпоний Мела томонидан берилади. Унинг милодий 43 йил ёзилган-

лиги айтилган «Хорография ҳақида» ёки «Дунё аҳволлари ҳақида» асарида: «У жойда (Осиёда) биринчи халқ, шарқдан бошлаб, бизнинг билишимизча, *ҳиндлар*, *серлар* ва *скифлардир*. *Серлар* Осиёнинг шарқий қисмининг деярли ўртасида, *ҳиндлар* [*скифлар*] ён томонларида истиқомат қилади. Охирги иккаласи кенг ўлкада жойлашиб, улар нафақат [Эой] денгиз билан ўралиб туради, балки *ҳиндлар* жанубгача борган бўлиб унинг қабилалари бирин-кетин то Ҳинд денгизининг иссиқ иқлими натижасида бутунлай яшаш мумкин бўлмайдиган қирларигача яшайди» (Восточный Туркестан .. 1988., с. 1991.). «Ундан кейин, даҳшатлик ҳайвонлари билан хатарли чўллик бўлиб, у денгиз ёқасидаги Табис тоғигача боради. [Бу тоғдан] катта масофада Тавр юксалиб туради. Иккаласининг оралигида жуда ҳақиқатчи *серлар* яшайди. Улар ўзгача савдо услуги билан машхур. Бу савдо уларнинг иштирокисиз, ўзларининг молларини белгилаган жойга ташлаб кетгандан сўнг юритилади» (Восточный Туркистан..., 1988, б. 192.) деган маълумот берилади. Мазкур матнда шарқда учта этнос тилга олиниб, *скифлар* шимолда, *ҳиндилар* жанубида уларнинг ўртасида *серлар* яшаганлиги айтилади. *Серлар* Тобис- қароқурум (Кунлун) тоғи ва Тавр- Тангри тоғ ўртасидаги даҳшатлик ҳайвонлари билан машхур - Такламакон чўли атрофида яшайдиган халқ эканлиги кўрсатилади.

Оға Плиний (Плиний Старший) милодий 77 йили ёзган «ҳақиқий тарих» асарида: «Бу жойда (Серлаш яшайдиган жой) яшайдиганларнинг биринчиси *сер* деб номланади. Улар дарахтлардан жун ишлаб чиқариш билан танилган» (Восточный Туркестан... 1988, с. 192) деб айтилади. Албатта, дарахтдан ишлаб чиқарилган жун пахта эмас, тутдан олинган пилла бўлиши керак.

Милодий II асрда яшаган грек географи Дионисий Периегим ўзининг Милодий

125 йили ёзган «Периэгеса ойкумени» («Дунё периегеи») номли шеърий асарида: « Суғдий ери, унинг асосий ўрта қисмидан оқиб ўтган муқаддас Окс (Амударё) дарёси, Эмод (Помир балким Тангритоғи) тоғини орқага ташлаб, Касбига бориб қуйилади. Ундан кейин Яксарт (Сирдарё) бўйлаб камонли *саклар* яшайди. ҳеч бир камончи улардан устун тура олмайди. Чунки уларда нишонга теккиза олмаслик одати йўқ. Шунингдек *тўхарлар*, *фрунлар* ҳамда ёввойи халқлардан *серлар* [яшайди]. Улар буқаларни худди қўй каби қайтариб, хилват жойлардан хилма-хил гулларни йиғиб, ўтлоқзордаги гуллар рангида бўялган, ажойиб машхур кийимларни тайёрлашадики, булар билан ўргимчак меҳнати ҳам беллаша ола олмайди» (Восточный Туркистан..., 1988, б. 193) деб *серларнинг* Сирдарёдан анча олисда яшамаганлигини ва уларнинг қадимда ўтлоқ жойлардаги гуллардан яъни, пахтадан жуда чиройли матоларни тўқиганлигини ёзишади. ҳаммага маълум туркистонликлар жуда қадимдан пахта етиштиришни билган. Хитойликлар эса фақат XIII асрдан кейин пахта етиштиришни ўрганган. Демак, юнон манбаларида ипак ва пахта етиштирган *серлар* аниқ хитой этносига тааллуқли аҳоли бўлмаган.

Страбон (милод. авв. 64-23) Юноннинг рим давридаги энг яхши жуғрофий асар ёзганларнинг бири деб ҳисобланган (Бартольд, с. 247). Страбон «Жуғрофия» асарида: «Умуман Бактрия, Аполлодорнинг гапича, бутун Арианнинг кўрки ҳисобланиб, Бактрия подшоҳи ўз худудини *сер* ва *фрин* (*фрун*)ларгача етказди» (Баженов, 1940., с. 98) деб айтади. Демак, Аполлодор яшаган давр (милод.авв. II аср)да Бактрия энг кучайган давлат бўлиб, унинг худуди *серлар* яшаган жойгача борганлиги айтилади. Бактрия ва унинг чегаралари ҳақида милод.авв. II асрнинг иккинчи яримдан бошлаб Хитой манбаларида аниқ маълумот берилди бошлайди.

Марказий Осиёга келган Хитой элчиси Жанг Чян¹ (Милод. авв. х – 114 йил) шахсан ўз кўзи билан кўрган Бактрия ҳақида: «Бактрия Фарғонанинг жанубидан икки минг неча юз ли (Ошанин, 1984, б. 173) келадиган Амударёнинг жанубий қирғоғига тўғри келар экан. Халқи авлоддан авлод ўтрок турмуш кечириб, шаҳарларни бино қилиб келган экан. Урф-одатлар фарғоналикларга ўхшаб кетар экан. Катта ҳокими йўқ. Шаҳар кентларида кичик беклар бор, аскарлар ожиз, жангдан кўрқар экан. Аҳолиси савдога моҳир экан. *Даюйэжилар* ғарбга кўчган вақтида, Бактрияни мағлуб қилиб, ўзларига бўйсундирган экан. Бактриянинг аҳолиси кўп бўлиб, бир миллиондан ошар экан. Пойтахти Балих (Балих-Ланши Lan shi-Лань ши) бўлиб, бозорларида ҳар хил нарса сотилар экан. Жанубий шарқий ҳинд (Си Мачян, 1989., б. 522) билан туташар экан»,- деб маълумот беради (Си Мачян, б. 522). У яна Фарғона ҳақида берган маълумотида: «Фарғона Хан [сулоласи]дан ўн минг ли олисда бўлиб, *хўнларнинг* жанубий ғарбига, Хан хоқонлигининг айнан ғарбига тўғри келади... Шимолда Канғли, Ғарбда Даюэжи, жанубий Ғарбида Бактрия, шимолий шарқида Усун, шарқда Дандан ўйлик (Си Мачян, б. 519) Удун (Бангу, 1994., б. 888-889) бор экан» деб айтади (Си Мачян, б. 490). Мазкур хитой манбаларига асосланганда Аполлодор қайд этган Бактрияга қўшни *серлар* яшаган жойлар Фарғона ва унинг шарқидаги Шарқий Туркистон худудига тўғри келади. Бу жойлар Хитой сулоласи худудидан 10 минг ли (тахминан 5 минг км.) узоқда эканлиги таъкидланади.

Страбондан сал кейин ёзилган Хитой тарихчиси Бангунинг «Ханнома» асарида тахминан милод.авв. 160 йили Бактрия хонлиги даюэжилар томонидан босиб олинганлиги айтилиб: «Бактрия хонлигининг катта ҳукмдори йўқ. Шаҳарларни кичик хонлар бошқаради. Халқи кучсиз бўлиб урушдан кўрқганлигидан уларни *даюэжилар* кўчиб келиб бўйсундирди... Бактрия беш ёбғуликга бўлинди» (Бангу, б. 872-873) деган маълумот берилади. «Кейинги Ханнома»да даюэжилар Бак-

¹Жанг Чян (Чжан Цянь) Милод. Авв. 139 ва 119 йиллари икки марта Туркистонга элчи бўлиб келган. У Фарғона, Қанқай, Бактрия каби хонликларга элчи бўлиб борган.

трияни босиб олиб 100 йил утгандан сўнг Кушон (Гуй шуанг) ёбғулиги бешта ёбғуликни бирлаштирган ва тахминан милонинг бошларида Аршак (Анши, Парфия) билан Кобул (Гоуфу) хонликларини йўқ қилиб, Кушон энг кучли давлатга айланади (Фан Йе, Си Мабёв б. 536). Бунга қараганда милонинг бошларида яъни, Страбон яшаган даврдан сал олдин у айтган Бақтрияда кучли подшолик ташкил топади. Унинг шарқи Фарғона билан чегараланган. Страбондан 30-40 йилдан кейин яъни милоний 90 йили Кушон подшолиги Ёркент (Сакараул) хонлигига қилган хужуми мағлуб бўлган (Фан Йе, Си Мабёв б. 290). Демак, хитой манбасидаги маълумотга асосланганда, Страбон милонинг бошларида Фарғонанинг бир қисми ва Шарқий Туркистон аҳолисини Бақтрияга қўшни яшаган *сер* деб кўрсатган. Уларнинг давлатини «Ипак мамлакати - Серика» деб номлаган.

Серика ҳақидаги асосий маълумотни биз Птолемей асаридан биламиз. Милоний II асрда Птолемейнинг ёзишига кўра: «Сериканинг шимолида *антропофаги*, уларнинг пастида шу ном билан аталадиган тоғининг юқорисида *анниблар*, улар ва Авзакий тоғи ораллигида *сизиглар*, уларнинг пастида *дамн*, сўнгра Ойхорт дарёсигача *тиадлар* ва унинг пастида шу дарё номи билан аталадиган ойхортлар яшайди». (Восточный Туркестан... 1988, с. 195) Маълумотда тоғ ва дарёлар шу жойдаги аҳоли номи билан аталганлиги қайд этилади. Бунда *серларнинг* Ойхорт дарёсининг жанубида истиқомат қилганлиги айтилади. Агар Ойхорт дарё оқимининг Торим дарёсига мос келиши ҳисобга олинса, курум (Кунлун) (Тарихий Хамидий, 1986, б. 97) тоғи этакларида истиқомат қилган аҳоли Птолемей асарида *сер* деб номланган. Буни қўйдаги яна бир маълумот тасдиқлайди.

«Ундан кейин *аниблардан* шарқда *гарин* ва *рабанларнинг* пастида Ассирия вилояти, унга номдош тоғнинг тепа қисмида, унинг тагида Касий тоғларигача катта *иссидонлар*, улардан шарқда *фроанлар*, ундан кейин *фагурлар* шу номдаги тоғ шарқида, *иссидонларнинг* тагида *аспар-*

лар, ва яна уларнинг тагида *баитлар*, ва энг жанубда Эмод ва Сер тоғлари бўйлаб *оттарокоралар* [жойлашган]» (Восточный Туркестан..., 1988, с. 195) Бу маълумотда қадимда грек тарихчилари ўзларида шимолда ва шарқда яшаган *иссидонларнинг* жанубида Эмод ва Сер тоғларининг жойлашганлиги айтилади. Шу жойда қоракурум тоғи-Эмод, Курум (Кунлун) тоғи Сер тоғлари деб кўрсатилган. Птолемей баъзида *оттарокоралар* жойлашган мазкур икки тоғни Отторокора тоғи деб ҳам қайд қилган (Восточный Туркестан..., 1988, б. 194-195). Бунга қараганда антик юнон тарихчиларнинг айтиб кетган *серлар* истиқомат қилган жой Марказий Осиёнинг жанубий шарқи эканлиги аниқ кўрсатилган.

Шунингдек, Птолемей: «Серика ғарбда Имай тоғи томонида кўрсатилган чизик бўйича Скифия билан; шимолда худди шу Фулудан ўтувчи параллелдаги номаълум ер билан, шарқда охири 1800 (630) ва 1800 (350) узунламасидан ўтадиган номаълум ер билан, жанубда Ганга томонидаги яна шу 1730 (350) кенглама охиригача Ҳиндистоннинг қолган қисми билан, ва сўнгра қайд этилган номаълум ердаги пунктгача чўзиладиган [худди шу] чизик бўйича Синлар [вилояти] билан ўралган» (Восточный Туркестан..., 1988, б. 194.) деб берган маълумотида шимолда *скифлар* ва унинг жанубидаги *серларнинг* шарқий номаълум ер эканлигини алоҳида таъкидлайди. Яъни ҳозирги *хитойликлар* (*ханзулар*) яшаган жойлар грек географлари учун номаълум ер деб қайд этилган.

Птолемей асарлари билан жуда яхши тониш бўлган ва унинг асарини янгиликлар киргизиб тузатган ўрта аср алломаси Муҳаммад ал-Хоразимий (783-850) Серикани Синстон (Чинстон) деб аниқ белгилаб беради (Муҳаммад ибн ал-Хоразимий, 1983, б. 19). Мазкур Чинстон худудини Маҳмуд Қошғарий туркий халқлар маскани қўйи Чин (Маҳмуд Қошғарий, 1960., б. 423), Шараф аз-Замон Тоҳир ал-Марвазий эса Чинларнинг ичида энг каттаси ас-Син (Чин) давлати (Тахир ал-Марвази, 2003, с. 47) деб қайд этади. Мазкур «Чин» деб номланган худуд Маҳмуд Қошғарий ва Ал

-Марвазийда Ипак йўлининг Сучжоудан ғарбга йўналган иккинчи жанубий йўлида жойлашган. «Жанубий йўл» Сучжоудан Қошғаргача 70 кунлик йўл бўлган (Бартольд, 1964, с. 234). Уларнинг маълумотида «Чинстон» катта ҳудудни эгаллаган бўлиб, у юнон манбаларида «Ипак мамлакати»-Серика деб қайд этилган.

Туркистон қадимий «Ипак мамлакати» бўлганлигини ундан топилган археология ёдигарликлари тасдиқлайди. Хитой археологлари томонидан Туркистоннинг шарқий Шинжанг Уйғур Мухтор Ўлкасининг (ШУМЎ) Олғуй деган мавзейида қадимий ғабрларидан топилган чиройли каштали гул тикилган ипак матолар милод. авв. VIII-IV асрда тўғилганлиги тахмин этилади (Имин Турсун, 1988, с. 356). Албатта 3000 йил аввал каштали гул тикилган ипак мато ишлаб чиқарилгандан анча олдин оддий ипак матоларнинг ишлаб чиқарилганлиги аниқ. Буни қадимшунос олим академик Аҳмадали Асқаровнинг буюк кашфиёти тасдиқлаб беради.

Аҳмадали Асқаров олиб борган кўп йиллик археологик изланишлар оқибатида Ўзбекистоннинг жанубий Сурхондарё вилоятидаги Сополлитепа ёдгорлиги ва Жарқўтон мазорларини қазिश пайтида 3,5-4 минг йиллик тарихга эга ипак мато қолдиқлари топилган. Топилган кийим парчаларини Ўзбекистон фанлар академиясининг академиги М. Ҳожинава бошчилигидаги бир гуруҳ олимларнинг синчиклаб (ҳар бири алоҳида, ҳар-хил усулда) текшириши натижасида у табиий ипакдан тўғилганлиги аниқланади (Асқаров, 1977, с. 126). Мазкур ипак матоларни Аҳмадали Асқаров энг содда тўқимачилик дастгоҳларида тўқилганлигини урчуғ бошларнинг шу жойдан топилиши билан исботлади (Асқаров, 1973., с. 134).

Марказий Осиёда дастгоҳда мато тўғиш жуда қадимдан бошланганлиги маълум. Шарқий Туркистоннинг Лўбнур ўлкасидан топилган жасад эғнида дастгоҳда жундан тўғилган кўйлак кийгизилган. Жасаднинг ёши 6412 ± 117 йил деб белгиланганлиги (Абдуқаюм Хожа, 1995, б. 48, 136) сабабли дастгоҳда мато тўқиш 6,5 минг йил илгари ҳам мавжуд бўлган. Аҳмадали

Асқаров Ўзбекистон ҳудудидан топган ипак мато эса ханузгача дастгоҳда тўқилган ипак матолар ичида энг қадимгиси ҳисобланади. Унинг ёши 4000 йилни қамраб олади.

Демак, Марказий Осиёда ипак матоларнинг дастгоҳда тўқилиши бир неча таҳлилга сабаб бўлади. 1. Марказий Осиёда 4 минг йил илгари ипакнинг дастгоҳда тўғилиши, мазкур ҳудуднинг ўзида жуда қадимдан ипак етиштирилиб келинганлигини кўрсатади. Чунки ипак хом ашёси мазкур минтақада етиштирилганлигидан далолат беради.

2. Тўқимачилик дастгоҳларида тўғилган ипак матоларнинг топилиши шу пайтгача «Хитой ипак мамлакати» деган тассавурга тузатиш киритишни тақоза қилади. Сабаби 4 минг йил муқаддам хитой ипаги Ўзбекистон ҳудудига олиб келинганлиги тўғрисида хитой манбаси маълумот келтирмайди. Ёки шу даврда шарқ маданиятининг ғарбга бўлган таъсирини кўрсатадиган археология маълумотлар топилмаган. Унинг аксича ғарб маданиятининг шарқга тарқалганлигини кўрсатадиган яққол мисолларнинг бири Хитойнинг шимолида топилган Янгшау маданиятидир². Мазкур ёдгорликдан рангли сопол буюмлари топилганлиги сабабли у «Рангли сопол маданияти» деб ҳам номланган (Фан-Винлан, 1988, б. 9).

Шарқий Туркистонда топилган ҳар хил типдаги нарсаларни ўрганган олимлар, милод.авв. IV-III минг йил илгари чўл ва дашт атрофида вужудга келган маданиятнинг Марказий Осиё ва Шимолий Хитойда умумий бирлиги борлиги кўрсатилди (Восточный Туркестан... 1988., с. 132-133). Хитой олимлари тадқиқотида айнан шу маданият ШУМЎ, Гансу, Чингхай, Шанши ва Шимолий Ўрта Хитой текислигига тарқалган Янгшау маданиятида акс этади деб таъкидланади (Фан-Винлан, 1988, б. 4, 9).

Янгшау маданияти Туркистоннинг жанубидан Хитойнинг шимолига сурилиб

²Янгшау маданияти Хэнан ўлкасидаги (Хуангхэ дарёсининг ўрта оқимидаги) Мянчи ноҳиясининг Янгшау қишлоғидан топилган Янги тош даврига тўғри келадиган маданият.

борган маданият эканлиги тўғрисида япон олими Чангзи Хэжун «Нафис сопол идишларининг тўсатдан Хитойдан чиқиб қолганлиги одамни бироз хайрон қолдирмай қолмайди. Мен... солиштириб тадқиқ қилиш натижасида шундай хулосага келдимки, рангли сопол буюмлар Туркистондан шарқдаги Торим текислигига тарқалган. Сўнгра, тадрижий ҳолда Гансу, Хэнанларга тарқалган... Бундан ташқари мис ва темир курулларини ишлаб чиқариш усули ҳам эҳтимол узоқ замонлар ўтиши билан ғарбдан шарқга тарқалган бўлиши мумкинлигини» қайд этади (Чангзи Хэжун, 1988, б. 101-102).

Янгшау маданиятининг ғарбдан келганлигини тасдиқлайдиган яна бир асосий далил, Шарқий Туркистоннинг қош тошидан (нефритдан) ишланган буюмларнинг Хитойнинг шимолида катта миқдорда топилшидир (Чангзи Хэжун, 1988., б. 102). Олимлар катта миқдордаги қош тош буюмлари савдо муносабатлари асосида эмас, балки кўчманчилар томонидан олиб борилганлигини тахмин этишади (Восточный Туркестан..., 1988, с. 353). Иқлимнинг ўзгариши оқибатида туркистонликларнинг шарқ томонга сурилиши бир неча бор такрорланган. Натижада, кўчманчилар томонидан қош тоши курул ва буюм сифатида Хитойнинг шимолига олиб борилган. қош тоши Хитойнинг жануби ва шарқда кам бўлганлигидан олий совға-салом буюми тарзида Шйа хонлиги (тахминан мил.авв.2197-1818) даврида тилга олинган (Симо-Чян, 1989, б. 32). Демак, Янгшау маданияти даврида ғарбдан олиб келинган қош тоши 4000 йил илгари ишланиб, санъат буюми сифатида кадрланган.

Марказий Осиёликларнинг шарқга сурилганлигини кўчманчи чорвадорларнинг Хитойнинг шимолига борганлигидир. Рус олимлари Л.С.Васильев ва П.М.Кожинлар қандайдир бир халқ томонидан Хуангхэ водийсига дашт маданияти (отлиқ араваликлар) кириб келганлиги айтилади (Шер, 1980., б. 238). Д.В.Деопик отлиқ қўшинли кўчманчилар ҳаракати мил.авв.минггинчи йиллари Чангжианг (Кўк дарё)дан ўтиб то Жанубий Шарқий Хитойга борганлиги кўрсатилади (Деопик, 1979, с. 67). Улар

хитой манбаларида *ди-рунглар* деб аталган.

Қадимда одамларнинг ғарбдан шарқга силжиганлиги ҳақида хитой манбаларида ҳам ривоят сақланган. Шунинг учун машхур хитой тарихчиси Фан-Винлан ўзининг «Хитой тарихи» асарида ғарбдан (Гансунинг ғарбидан яъни, Марказий Осиёдан) келган Янди жамоаси дастлаб Ўрта текислик (Хуангхэ дарёсининг ўрта оқими)га келиб жойлашганлиги ва уларни шимолий ғарбдан келган Хуангди жамоаси Жануби Хитойга сурганлиги ёзилган (Фан-Винлан, 1988, б. 19-20). Хитой манбаларида Хуангди жамоаси келиб жойлашган Хуангхэ дарё водийсида қадимдан *ди-рунглар* истиқомат қилганлиги таъкидланади. Тахминан 4900 йил аввал яшаганлиги ривоят этиладиган подшоҳ Хуангдининг катта хотини Лузу пилла ишлаб чиқарганлиги айтилади (Фан-Винлан, б. 20).

Шуни алоҳида таъкидлаб айтиш зарурки, ипак ишлаб чиқарган Хуангдининг хотини *рунг-ди* (туркийлар) масканида яшаган шахс. Марказий Осиёдан кўчиб келган аҳолига мансуб Хуангдининг хотинининг дастлаб пилла тайёрлаш, унинг аслида бу ишни аввалдан билганлигини кўрсатади. Чунки кўчманчи чорвадор аҳолининг вакили бўлган Лузу пилла ишлаб чиқаришни ижод қилиши мумкин эмас, у кимдандир буни кўрган. Агар Хуангди жамоасининг ғарбдан келганлигини ҳисобга олсак, Лузу бу билимни Марказий Осиёликлардан кўрганлиги маълум бўлади. Ва у кўчиб келган жойда пилла етиштиришни жорий қилган. Мазкур таҳлил, хитой манбаларида ҳам 5000 йилдан аввал Марказий Осиёликлар ипак ишлаб чиқарганлиги ҳақида қиёсий маълумот сақланганлигини кўрсатади.

Демак, Марказий Осиёдан шарқга сурилиб борган *дилар* (турклар) Туркистоннинг қош тошини курул сифатида Шимолий Хитойга олиб борган. Туркманистоннинг рангли сопол ишлаш сирларини кўчиб борган ерларида жорий қилган. Улар отда ва аравада жанг қилишни билганлигидан хитой манбаларида *рунглар* яъни «жангчилар» деб аталган. Шунга ўхшаш

хитой манбасидаги ривоятлар қадимий Туркистон маданиятининг таъсири шарқга кенгайганлигини кўрсатади. Бунга асосланганда Аҳмадали Аскарар томонидан топилган ипак мато тўқиганларнинг ажодлари томонидан ипак ишлаш Шимолий Хитойда ҳам жорий этилган деб айтишга

асос бўлади. Яъни ипак ишлаб чиқариш Туркистонда ҳам кашф этилган. Айнан шу туркистонликларни бир қисмини юнон манбаларида *серлар* деб қайт қилинган. Уларнинг мамлакатини «**Ипак мамлакат-Серика**» деб атаганлиги маълум бўлади.

Адабиётлар:

1. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье М., 1988.
2. Бартольд В.В.. Сочинения, М., 1963, Т. IX.
3. Древние авторы о Средней Азии, (VI в. до н. э. – III в. н. э.). Хрестоматия. (Под редакцией Л.В. Баженова), Ташкент, 1940.
4. Сима Чян, Тарихий хотиралар, Урумчи, 1989.
5. Бангу. Ханнома.
6. Фан Йе, Си Мабёв. Кейинги Ханнома. 24 тарихдаги Ўрта Осиёга доир материаллар туплами-3. (Араб графикасидаги уйғур тилида), Урумчи. 1996.
7. Мухаммад ибн ал-Хоразмий. Танланган асарлар, Тошкент, 1983. Хасанов. О.Бўриев. Ал-Хоразмий географияси. Тошкент, 1983.
8. Махмуд Қошғарий. Девону луғотит турк, I Жилд, Тошкент, 1960.
9. Тахир ал-Марвази, «Таба'и ал-хайвон» («Природа животных») (перевод с арабского языка на русский язык Ш. Закиров).
10. Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент, 2003.
11. Бартольд. Сочинения. Т.2, Ч.2, 1964. С.67 асарида анча тўла маълумот берилган.
12. Имин Турсун. Торимдан томчи. Бежин, 1990.
13. Аскарар А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Юга Узбекистана. Тошкент, 1977.
14. Аскарар А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
15. Фан-Винлан, Жунгуо умумий тарихи, Урумчи, 1988, 1 китоб.
16. Чангзи Хезун . Ипак йўли ва Шарқ билан ғарб маданият алоқалари // Шинжанг ижтимоий фанлар тадқиқоти. Журнал, Урумчи, 1988, № 3.
17. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии, М., 1980.
18. Деопик Д.В. Всадническая культура в верховьях Янцзы и восточный вариант «звериного стиля» // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979.

В.Н. Ягодин, Г.Х. Ходжаниязов, В.А. Статов

ВНЕШНЯЯ СТЕНА ГОРОДИЩА КАЗАКЛЫ-ЯТКАН

В 1956 году археолого-топографическим отрядом Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в Берунийском районе Каракалпакской АССР было обнаружено большое городище, известное у местного населения под названием Казаклы-Яткан (Андрианов, 1969, с. 135). В 1982 и 1985 годы городище предварительно изучено археологами Института языка, литературы и истории КК ФАН УзССР, в результате чего памятник датирован IV-III вв. до н.э. Тогда же было установлено наличие такого археологического объекта, как «внешняя стена»

на», проходящая с северной стороны городища (Ходжаниязов, 1995, с. 111; Материалы..., 1986, с. 7-8, рис. 11, 4).

Детальное обследование и научное описание данного археологического объекта первоначально произведено в 1995 году Каракалпакско-австралийской археологической экспедиций (Ягодин, Хелмс, Ходжаниязов, 1996). В процессе инструментальной топографической съемки городища Казаклы-Яткан (Акшахан-кала) стену удалось нанести на план на протяжении 900 м и установить, что она продолжается и далее (рис. 1).

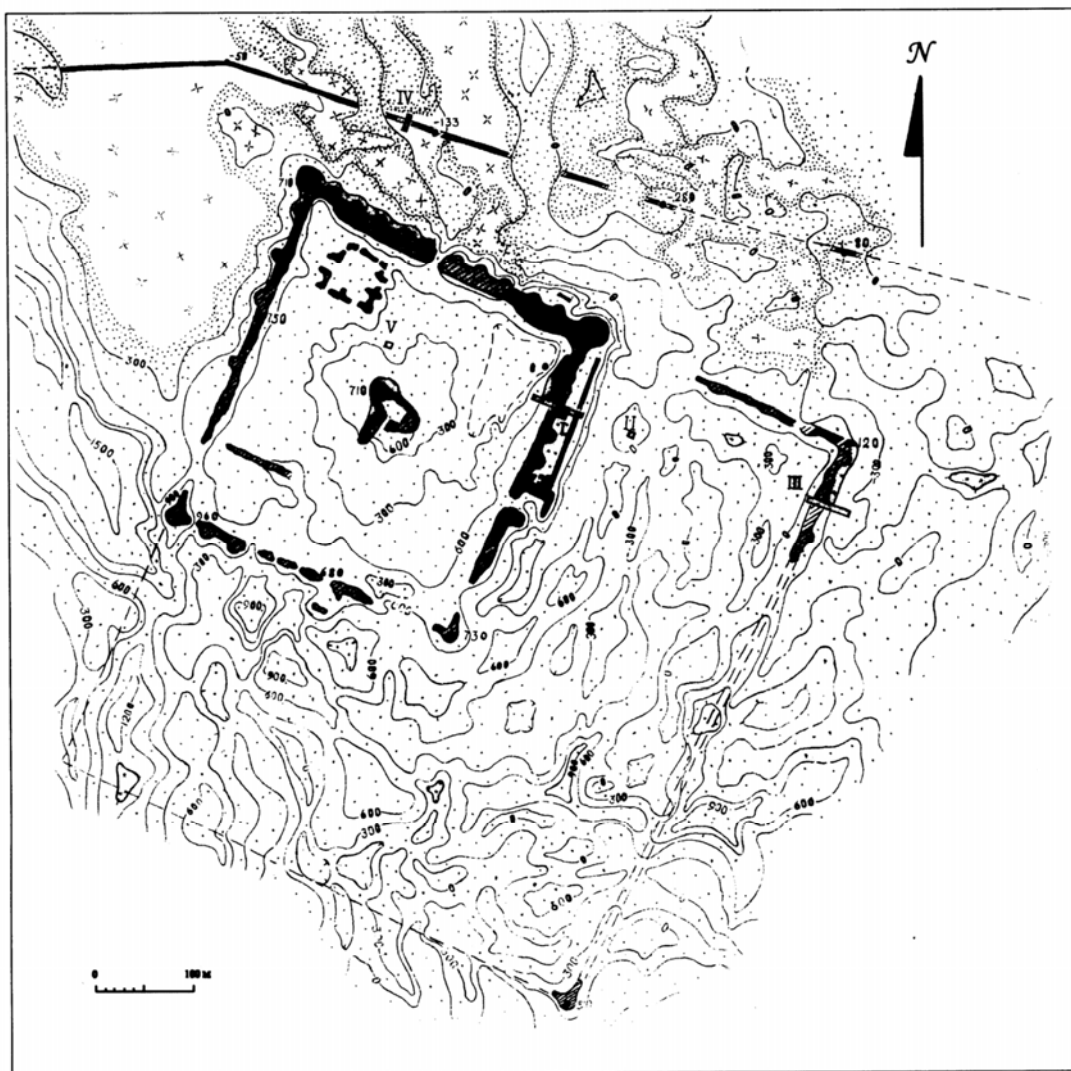

Рис. 1. Городище Казаклы-Яткан и внешняя стена (съемки 1995 года)

Кроме того, с целью изучения конструкции стены заложена траншея (раскоп IV, 1). В последующие годы в процессе продолжавшегося обследования окрестности городища Казаклы-Яткан выявлялись все новые и новые участки стены. В 2003 году при обследовании участка внешней стены к западу от СЗ угловой башни городища Казаклы-Яткан было установлено наличие бойниц в стене. В 2004 году заложена еще одна траншея (раскоп IV, 3). Помимо этого, в полевой сезон 2004 года для продолжения археологического изучения древнего Ташкырманского оазиса в целом и внешней стены Казаклы-Яткана в частности, были привлечены материалы космической съемки с использованием приборов глобального спутникового позиционирования (GPS) и обработки данных дистанционного зондирования (ДДЗ). Места выхода стены на дневную поверхность в межбарханных понижениях фиксировались с помощью GPS. Определенные географические координаты заносились в базу данных и накладывались на космоснимок и картографические материалы. Для

этой цели использовалось программное обеспечение фирмы ESRI (ArcView). Использование методов геоинформатики для картографирования пространственного положения древних сооружений позволило определить длину сохранившейся части, конфигурацию, некоторые конструктивные особенности и ориентировочную хронологию внешней стены.

Конфигурация. Значительная часть внешней стены на большом протяжении была перекрыта тяжелыми движущимися или полузакрепленными песками, создающими сложный рельеф, что существенно затрудняло понимание ее конфигурации и нанесение сохранившихся частей стены на план. Для решения этих вопросов были использованы космические съемки и система глобального позиционирования (GPS). С использованием цифровой модели местности и натурных данных удалось визуализировать пространственное положение данного археологического объекта. В итоге удалось дешифровать линию стены общей протяженностью более 3 км и нанести ее на космический снимок (рис. 2).

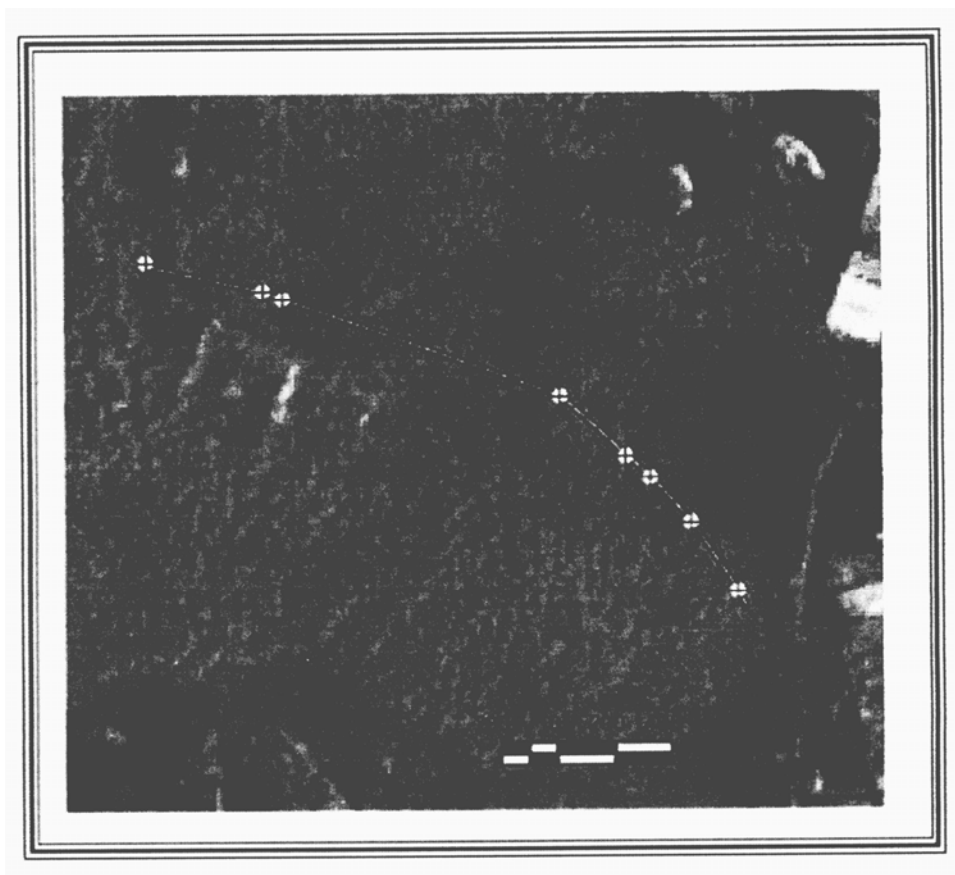

Рис. 2. Внешняя стена Казаклы-Яткана по данным 2004 года

Стена протянулась в виде низкого глинистого вала и была прослежена на значительном расстоянии к западу от городища Казаклы-Яткан и особенно к востоку от него на неосвоенных под современное земледелие участках. На местности стена почти почти полностью сnivelирована, почти на всем протяжении перекрыта тяжелыми песками и прослеживается только на отдельных участках. Местами она выделяется в рельефе очень четко, местами в рельефе почти не читается и выделяется только по цвету. Цвет стены более темный, чем цвет окружающей поверхности. В значительной части стена скрыта под перекрывающими ее движущимися или полужакрепленными растительностью барханами. На западе стена уходит под мощную барханную гряду, за которой начинаются освоенные земли, древние объекты на которых стерты в результате хозяйственной деятельности местного населения. От барханной гряды стена следует в широтном направлении и прослеживается на расстоянии до 600 м. Затем она сворачивает в направлении СЗ-ЮВ и следует по этой линии, на расстоянии около 200 м от северо-западной стены Казаклы-Яткана, на протяжении около 1750 м. Затем вновь сворачивает еще более к западу и следует в новом направлении на расстоянии более 900 м.

Конструкция. Информацию о конструктивных особенностях внешней стены Казаклы-Яткана удалось получить из изучения данных двух траншей (раскоп IV, 1; раскоп IV, 2), заложенных поперек стены и из материалов обследований стены по поверхности.

Раскоп IV, 1. Траншея шириной 200 см, длиной 600 см заложена поперек

внешней стены. Проведенные работы позволили установить, что стена сохранилась на очень небольшую высоту (до 30 см). Ее ширина составляет не менее 200 см. Стена была сложена из крупноформатного квадратного сырца с длиной стороны 42-43 см, толщиной 10-12 см из-за близости грунтовых вод сильно заплывшего и в значительной степени превратившегося в глинистую аморфную массу (рис. 3).

Стена лежит на комковатом глинистом слое мощностью до 75 см, с редкими включениями мелкоизмельченной красноглиняной станковой керамики. Слой может быть позиционирован как подвергшийся неоднократной земледельческой обработке, пахотный (агроирригационный) слой, в которой, вероятно, включались остатки древних сырцовых или пахсовых построек. Ниже находится стерильный глинистый слой и уровень грунтовых вод.

Имеющийся материал позволяет разделить вскрытые наслоения на три относительно-хронологических периода: 1- существование глинистой равнины с какими-то сырцовыми или пахсовыми постройками на ней; 2 – распашка равнины, запахивание развалин древних глиняных построек; 3 – строительство внешней стены на заброшенной пашне.

Раскоп IV, 3. Траншея длиной 10 м, шириной 1 м заложена в 300 м от западного конца стены (координаты: 41°49,946' с.ш., 60°42.864 в.д.) на участке, где стена хорошо выражена в рельефе.

Траншея выявила стену, сложенную из сырца, толщиной 10-12 см, остальные размеры не установлены. Вследствие близости грунтовых вод стена сырая и сильно засоленная, кирпич оплыл в однородную сырцовую массу, в которой лишь местами

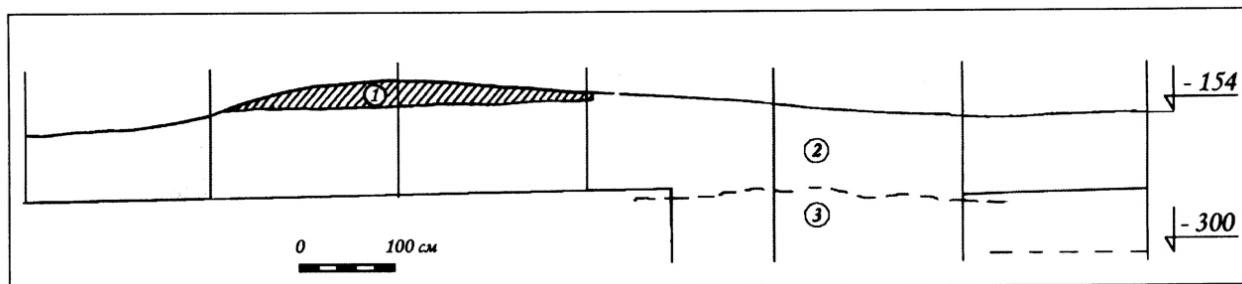

Рис. 3. Раскоп IV.1. Разрез

просматриваются межкирпичные швы. Можно предполагать, что толщина стены была не менее 3 м. Стена сохранилась на высоту 50-55 см. Стена была поставлена на слое насыпного, серого, мелкозернистого, слюдистого песка, мощностью до 20 см. Ниже залегает агроирригационный слой толщиной до 50 см (рис. 4).

Обследование по поверхности. На наиболее хорошо сохранившихся участках можно установить, что стена сложена из крупноформатного квадратного сырца с длиной стороны 42-43 см, толщиной 10-12 см.

В 10 м к западу от траншеи в раскопе IV, 3 по поверхности удалось установить наличие в стене бойниц. На участке стены

длиной 23 м зафиксировано 15 бойниц, расположенных на расстоянии от 1,8 до 2,3 м одна от другой. Сохранились лишь нижние части бойниц, обмеры которых позволили установить, что они были прямыми и имели ширину около 0,2 м и горизонтальное основание (рис. 5).

1. Песок серый, слюдистый, надувной. 2. Суглинок коричневый, мелкокомковатый, с редкими фрагментами керамики (агроирригационный слой). 3. Заплывшая сырцовая кладка. 4. Завал сырцовый. 5. Песок серый, слюдистый насыпной. 6. Глина стерильная. Пунктиром обозначен уровень грунтовых вод. Штрих-пунктиром обозначены границы произведенных раскопок.

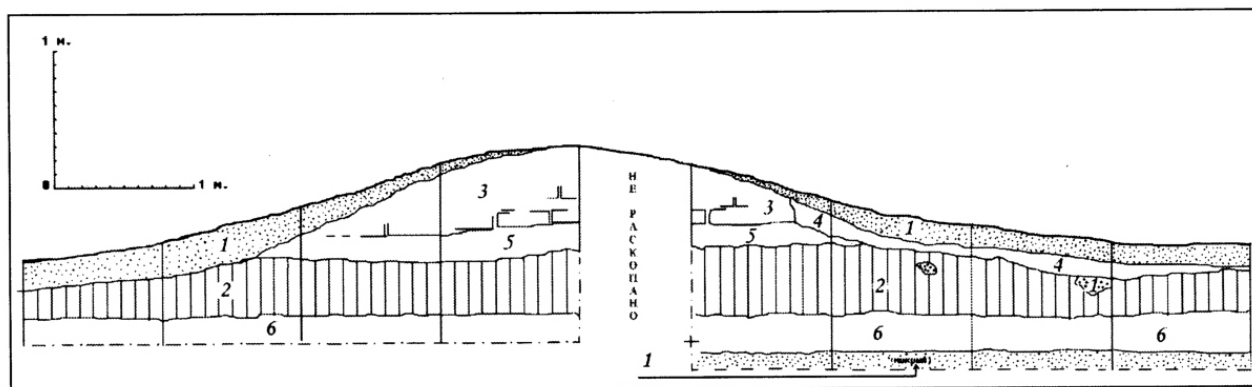

Рис. 4. Раскоп IV.3. Разрез

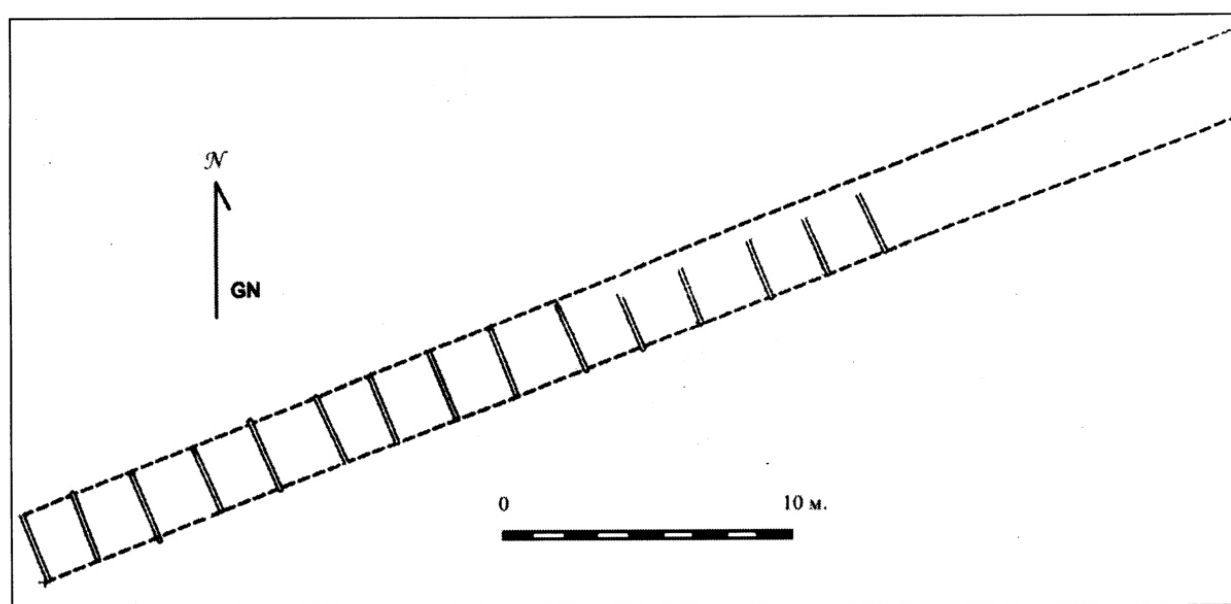

Рис. 5. Участок внешней стены с сохранившимися основаниями бойниц (съемка С.У. Хелмса)

Хронология. Выше мы уже отметили, что внешняя стена Казаклы-Яткана лежит на глинистом слое, комковатым по структуре, с редкими включениями мелкоизмельченной станковой керамики. Слой может быть определен как подвергшийся земледельческой обработке пахотный (агроирригационный) слой, в который, вероятно, включались остатки древних сырцовых или пахсовых построек. Подобный слой мог сформироваться при систематическом внесении компоста, в который включался не только навоз, но и остатки глинобитных построек. В практике земледельческого хозяйства каракалпаков XVIII-XIX вв. такой компост носил название «нанбар», он широко и в обязательном порядке использовался в земледелии.

Такого рода отложения обязаны своим происхождением исключительно хозяйственной деятельностью человека и широко распространены на аллювиальной равнине древних дельт Амударьи. Б.М. Георгиевский называет их «культурными отложениями» и подразделяет их на несколько типов:

1. «Культурно-ирригационные».
2. «Ирригационные» наносы.
3. «Культурно-городские» отложения.
4. Отложения древних кладбищ.
5. Искусственные насыпи.

По Б.М. Георгиевскому, «культурно-ирригационные» наносы образуются на орошаемых полях в результате смешивания ила, осаждающегося из поливных вод, с различным компостом, вносимым на поля. Эти отложения характеризуются отсутствием слоистости, комковатой структурой и содержанием разнообразных включений, являющихся продуктом деятельности человека (фрагменты керамики, стекла, шлаки, древесный уголь и т.д.) (Георгиевский, 1937, с. 168-169). Впоследствии для описания этих слоев утвердился термин «агроирригационные отложения». Б.М. Георгиевский полагает, что скорость нарастания «культурно-ирригационных» наносов на аллювиальных равнинах Нижней Амударьи составляет 1,5 мм в год (Георгиевский, 1937, с. 170). Максимальная мощность культурно-ирригационного

слоя, вскрытого на раскопках IV 01 и IV 03, составляет 75 см. Если в год нарастает 1,5 мм, то за 100 лет нарастает 15 см, а для образования слоя мощностью 75 см требуется 500 лет. Принимая во внимание, что Ташкырманский канал начал функционировать не позже V до н.э. мы можем предположить, что внешняя стена, построенная на агроирригационном слое, может быть датирована не ранее I-II вв. н.э.

Внешняя стена Казаклы-Яткана в системе древней фортификации Средней Азии. Внешняя стена Казаклы-Яткана для военной архитектуры древнего Хорезма представляет явление уникальное. Она ограничивает один из внутренних районов древнего Хорезма. Ни в одном другом районе древнего Хорезма ничего подобного обнаружено не было, несмотря на то, что его территория в археолого-топографическом отношении изучена достаточно полно. Уже один этот факт позволяет говорить об особой роли района, окруженной длинной стеной, позволяя предположить, что в данном случае мы имеем дело с одним из районов древнего Хорезма, вероятно, игравшим роль важнейшего политического, экономического и культурного центра.

Следует заметить, однако, что ранее была описана другая древне-хорезмийская «длинная стена» - так называемый «дэвкескенский вал», однако она представляла собой историко-архитектурное явление несколько иного плана, являясь пограничным сооружением прикрывавшим северо-западные рубежи земледельческого Хорезма со стороны воинственных скотоводческих племен, кочевавших по обширным просторам Арало-Каспия (Ягодин, Ходжаниязов, 1986).

Что касается районных или оазисных длинных стен, то аналогии им мы находим в ряде других историко-культурных областей древней Средней Азии.

В Бактрии аналогичное сооружение описано как стена Балхского оазиса. Исследователи смогли проследить ее на расстоянии до 60 км. Стена была прорезана стреловидными бойницами, расположенными группами по три бойницы: одна пря-

мая в центре группы и две косых по обе стороны. Стена сооружена из пахсовых блоков и местами сохранилась на высоту до 4 м, бойницы сооружены из кирпича-сырца размерами 41-42x41-42x11-12 см. По основанию толщина стены достигала 4 м. Стена датирована греко-бактрийским и кушанским периодами (Кругликова, 1974, с. 10-11). Стена окружала древний балхский оазис, являвшийся наиболее крупным и богатым среди прочих оазисов Бактрии и формировавшийся вокруг древней столицы Бактрии – города Бактры (Кругликова, Сарияниди, 1976, с. 15).

Другим примером древнего сооружения подобного рода является так называемая «стена Антиоха Сотера» в древней Маргиане. Сведения о ней сохранил Страбон, по словам которого в древней Маргиане известна равнина, которая «... была окружена песками. Удивленный плодородием (равнины) Антиох Сотер обвел (ее) стеной, имеющей в окружности 1500 стадий и основал город Антиохию...» (Страбон, «География», XI, 10). Исходя из различных оценок древнегреческого стадия, длина этой стены могла составлять от 236 до 250 км. В данном сообщении речь идет о Мервском оазисе, расположенном в дельте реки Мургаб и имеющем размеры по периметру около 250 км. Время постройки стены может быть определено первой половиной III в. до н.э., исходя из того, что Антиох I Сотер, второй представитель династии Селевкидов, представитель династии Селевкидов, правил в период 280-261 гг.

Археологические изыскания, проведенные в Мервском оазисе, подтвердили сведения источника. Были обнаружены отдельные участки этой стены на протяжении до 50 км, сохранившиеся в виде вала (Вяткин, 1949, с. 260, 268).

Можно упомянуть также оазисную стену вокруг древней Нисы. Она сохранилась отдельными участками и прослежена на расстоянии свыше 2,5 км. Стена сооружена из пахсы, внутренняя сторона ступенчатая. По основанию толщина стены достигала 5-8 м. Датировка очень нечеткая. Исследователи упоминают о находках в пах-

се и пахсовом оплыве керамики, датируемой первыми веками н.э. “парфяно-кушанским” временем (Давидович, 1949, с. 191-196).

Таким образом, все приведенные примеры показывают, что такого рода оазисные стены являлись, несомненно, оборонительными сооружениями, служившими для защиты определенной территории. Само выделение подобных территорий и наличие в их центре древних крупных городов свидетельствует об исключительно важном значении этих территорий, которые или являлись столичными районами, как это установлено в Бактрии, или районами нахождения крупнейших городских центров.

Заключение

Распространенный в древней Средней Азии феномен, описанный для различных историко-культурных областей под общим наименованием “длинные стены”, реально скрывает два разнохарактерных явления. Во-первых, это “длинные стены”, которые располагались на границах древних государств и являлись пограничными оборонительными линиями. За пределами Средней Азии наиболее известный пример такого рода сооружений - “Великая китайская стена”. В Средней Азии явлением того же порядка является более скромное по своим масштабам сооружение, известное под названием “Дэвкескенский вал”. Его особенностью и отличием является традиционное для древнего Хорезма использование особенностей рельефа при строительстве оборонительных сооружений. В качестве “стен” в данном случае использованы неприступные обрывы-чинки Устюрта, представляющие собой непреодолимую преграду на протяжении десятков километров.

Во-вторых, “длинные стены”, окружали целые древние оазисы где обычно находились города, являвшиеся столицами государств. Очевидно, именно такого рода оборонительным сооружением является внешняя стена Казаклы-Яткана.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что строительство внешней стены Казаклы-Яткана, если верна предло-

женная нами датировка, может быть поставлено в один ряд с введением в I в. н.э. так называемой “хорезмийской эры”, что исследователи связывают с приходом к власти новой династии, возрождением и укреплением в Южном Приаралье единого государства со строительством residen-

ции шахов Хорезма на Топрак-кале как символа обретения политической независимости (Топрак-кала, 1984, с. 287). Видимо в этот же период возрождается древняя столица Хорезма, а столичный округ обносится оборонительной стеной.

Литература:

1. Андрианов Б.В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
2. Вязигин С.А. Стена Антиоха Южно-Туркменистанской Археологической комплексной экспедиции. Том 1. Ашхабад, 1949.
3. Георгиевский Б.М. Южный Хорезм // Геология Узбекской ССР, том. II. М.-Л., 1937.
4. Давидович Е.А. Исследование вала к юго-востоку от Новой Нисы // Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Том 1. Ашхабад, 1949.
5. Кругликова И.Т. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). Часть 1. М., 1974.
6. Кругликова И.Т., Сарияниди В.И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции 1969-1973 гг. М., 1976.
7. Материалы к своду памятников истории и культуры Каракалпакии. Вып. 2. Нукус, 1986.
8. Ходжаниязов Г. К изучению античных памятников Ташкырманского оазиса. Тезисы докладов конференции “Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии”. Самарканд, 1985.
9. Ягодин В.Н., Хелмс С.У., Ходжаниязов Г.Х. О работах Ташкырманской международной археологической экспедиции в 1995 году // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Узбекистана, № 3. Нукус, 1996.
10. Ягодин В.Н., Ходжаниязов Г. Вал Дэвкескенский (к вопросу о функциях и хронологии) // Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, № 3. Нукус, 1986.

Б. Абдулгазиева

К ИЗУЧЕНИЮ ТИПОЛОГИИ «ДРЕВА ЖИЗНИ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Мотив «древа жизни» (в дальнейшем ДЖ) или «мирового дерева» своими корнями уходящего в глубокую древность, на Востоке известен с зарождения оседлоземледельческой культуры. Общеизвестно его символическое значение, связанное с темой плодородия, производящих сил природы.

Специальных работ о древе жизни Средней Азии нет, но имеются отдельные упоминания в статьях и монографиях, связанные с отдельными предметами с его изображением, найденными при археологических раскопках городищ, усадеб, погребальных сооружений и др.

В данной работе рассматриваются изображения древа жизни эпохи античности и раннего средневековья. Изображения ДЖ сохранились, в основном, на долговечных материалах: камень, керамика, металл, реже настенная живопись, но в эпоху раннего средневековья оно широко представлено также в орнаменте текстиля и, в особенности, на керамических оссуариях, в декоре архитектурных сооружений, торевтике.

Самое широкое распространение в Средней Азии изображение древа жизни имело в виде «елочного» орнамента – узколистных ветвей. Предпочтение этой форме орнамента, видимо, связано с тем, что этот декор несложен для воспроизведения и не требует особых специальных навыков для его оформления, и в то же время сохранял вложенную в него символику.

В нанесении орнамента на керамические изделия отмечаются два технических приема: роспись и прочерчивание острым инструментом по подсохшей поверхности еще до обжига.

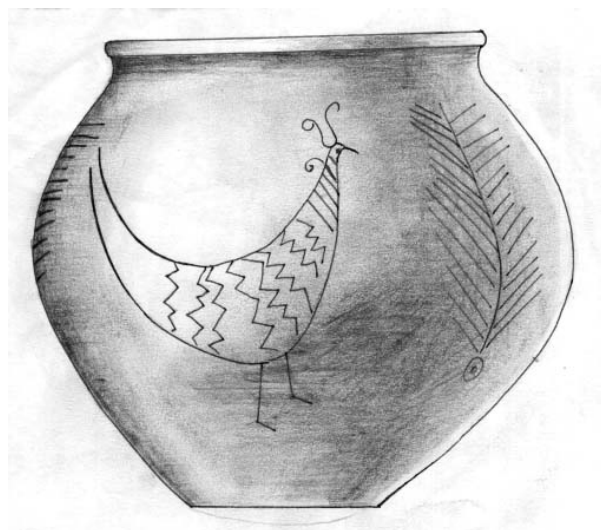
В Фергане в эпоху античности прочерченный орнамент отличается техникой исполнения от изделий других областей – орнамент процарапывался острым инструментом после обжига изделия по цветному

ангобу (красный, черный). Этот прием характерен для Ферганы.

Изображения древа жизни эпохи античности подразделяются на следующие типы:

I тип представлен в росписи храма городища Еркурган (недалеко от Карши). Древо изображено в сочетании с человеческими фигурами. На западной колонне, опоясывая ее, композиция строится из двух фигур адорантов, направляющихся к алтарю и чередующихся символами древа жизни и схематического изображения алтаря огня. Древо жизни повторено шесть раз, степень сохранности разная. На вертикальном стволе древа показана пара распахнутых крыльев, ветви дерева в виде головок орлов на длинных змеевидных шеях, возможно, нанесенных в 2-3 яруса. Эти символические фигуры: дерево, птица, гора типологически входят в круг аналогичных сюжетов, распространенных в сакской и сарматской среде, известных на царских или жреческих погребальных диадемах женщин (Сулейманов, 2000, с. 291).

II тип древа жизни представлен с изображениями птиц или животных. Этот тип представлен в орнаменте на горшке первых веков н.э., найденном во время строительства Большого Ферганского канала (рис. 1).

Стенки сосуда сферической формы, тулово украшено фигурками трех деревьев и трех павлинов или фазанов, шествующих вправо между деревьями. Фигурки все одинаковые. От вертикального ствола дерева в обе стороны вверх отходят узкие ветки, причем ветки неодинаковой длины – чем выше, тем они короче, так что дерево имеет пирамидальную форму. Птицы изображены с миниатюрной головкой с хохолком, длинный хвост плавно сужается кверху (Жуков, 1952, с. 55-56). Это изображение древа жизни, хотя по композиции и отличается от первого типа, но семантическое содержание близко ему.

Аналогичные по форме деревья представлены и в других поселениях Ферганы на керамической посуде: на банке из раскопок на городище Кургантепе (Андижанская область) в слое II-I вв. до н.э. (Абдулгазиева, 1986, с. 65-68, рис. 16). Другой сосуд – миска с вогнутым краем из округи городища Мингтепа (Мархамат) в 35 км южнее г. Андижана; на тулове миски из поселения гончаров III-V вв. н.э. Камолтепа (в 25 км западнее г. Андижана). Однако фрагментарность отмеченных изделий не позволяет судить о том, были ли на них изображения животных или птиц.

Изображение древа и оленя имеет печать из Кой-Крылган-калы, изготовленная из светло-серого мергелистого сланца в форме скарабеоида. На плоской ее стороне вырезано изображение оленя с ветвистыми рогами вправо (на оттиске влево), в профиль. С обеих сторон животного изображено по дереву, притом разной величины – растение перед животным меньшей длины. находка связана с периодом строительства здания (Кой-Крылган-кала, с. 216, 217, рис. 81. 2).

В керамике раннекангюйского периода Хорезма представлены и другие композиции с изображением древа жизни на разной посуде хозяйственного и парадного назначения. В нижних наслоениях Кой-Крылган-калы встречены редкие формы горшков, украшенных поясом расписного орнамента вдоль плечика. Среди них имеются и деревья, нарисованные широкой кисточкой красной краской (Кой-Крылган

-кала, табл. V, 27, 29). Вызывает интерес композиция на фрагменте одной фляги. Орнамент рельефный, изготовлен в одно-сторонней форме на плоской стороне изделия. На ветках дерева с левой стороны – продолговатые листья и почки, обращенные вниз, а с правой – округлые и направленные вверх (Кой-Крылган-кала, с. 201, рис. 75. 1). Исследователи склонны видеть в этом отголосок очень древней традиции, связанной с двойственной природой древа риваджа, произведшего первых людей – Машйа и Машьяна, как об этом сообщается в Бундахишине (Кой-Крылган-кала, с. 201).

Тип III. Елочный орнамент – узколист-ные ветви одинаковой длины. Встречаются на расписной керамике шурабашатской культуры Ферганы (IV-I вв. до н.э.), на керамике «болотных городищ» Хорезма. На сосудах «болотных городищ» древа жизни расположены в верхней части тулова сплошным рядом, примыкая друг к другу (Толстов, 1962, с. 198, рис. 116. 2). По мнению С.П. Толстова этот орнаментальный стиль ведет в древний и, главным образом, в раннесредневековый пласт культуры тюркских кочевников Монголии, Средней Азии и Южной Сибири (там же, с. 198).

Вариантом этого типа древа жизни является дерево с ветками, обращенными вниз, как это изображено на горшке из могильника Ашт I в западной Фергане. Горшок небольшой, в верхней половине изображены два дерева и вертикальные волнистые линии (Литвинский, 1978, табл. 9. 17).

Уникальной является роспись стен одного из залов нижнего горизонта «Большого дома» городища Алтын-асар в Хорезме. Роспись, по описанию С.П. Толстова, «в виде кружочков и гирлянд, нанесенных красным цветом по белому фону» (Толстов, 1962, с. 190, рис. 110). Мне представляется, что «гирлянды» – это сильно стилизованные изображения древа жизни и эта композиция имеет символическое значение и связана с религиозно-мифологическими представлениями жившего здесь населения.

Тип орнамента в виде узколистной ветки широко входил в элементы декора и кушанской керамики из Северной Бактрии. Орнамент наносился на стенки сосудов двумя способами: прочерченный острым ин-струментом (Завьялов, 1986, с. 39) и штампом. Штамп разной величины и формы. Сосуды с таким украшением в большом количестве найдены на городище Зартепе, Кампыртепе и др. Орнамент располагался на тулове сосудов по-разному: вертикальным сплошным рядом на плечике, под венчиком или на определенном расстоянии друг от друга; несколько рядов на тулове или горизонтально расположенный ряд вдоль бортика или в сочетании с другим декором (Альбаум, 1955, с. 211, 212, рис. 6; Цепова, 1999, с. 98).

Этот орнаментальный мотив своими корнями уходит в глубокую древность. В погребениях могильника эпохи бронзы Сапаллитепа в южном Узбекистане найдены каменные амулеты прямоугольной и круглой формы с аналогичным орнаментом (Аскарлов, 1977, табл. XLIV, 2; XLV, 2, 4, 5, 12, 17, 20, 21, 23).

Тип IV. Концентрически расположенное изображение древа жизни со звездой. Эта оригинальная композиция представлена на одной фляге из нижних наслоений Кой-Крылган-калы. Орнамент расположен по трем концентрическим кругам. В центральном малом круге 5 лучей, отходящих от кружочка; в следующем – шестиконечная звезда, и в крайнем, расположенном по периметру фляги, симметрично изображены восемь стилизованных деревьев. Привлекает внимание то, что все деревья обращены верхушками вверх. Исследователи усматривают в этом условное изображение священной рощи с передним и задним планами и центром, который можно истолковать как небесную сферу. Элементы орнамента – шестиконечная звезда, деревья, пять расходящихся лучей в центре звезды – по всей вероятности, символы плодоносящих сил природы: именно так эти понятия очень часто передавались на памятниках искусства Востока (Кой-Крылган-кала, с. 201, табл. II, 1, табл. XXXII, 7).

Тип V. От вертикального ствола дерева в обе стороны вверх отходят симметрично расположенные ветки, кончики которых закручены спиралью вниз. Этот тип также имеет широкое распространение. В частности, процарапанное изображение дерева украшает тулово красноангобированных банкообразных сосудов из поселений II-I вв. до н.э. из раскопок поселения Султанабад, поселения без названия в округе городища Султанабад (в 45 км восточнее Андижана). Тулово целого сосуда украшено пятью деревьями, притом спирали в 2-3 круга закручены. Фрагмент сосуда с аналогичным узором происходит из замка Гайраттепе, расположенного рядом с городищем Кургантепа (Андижанская обл.), речь идет о кружке II-III вв. н.э. (Козенкова, 1964).

Этот тип узора в Северной Бактрии получает широкое распространение в архитектурном керамическом декоре, в частности, на штампованных антефиксах. Привлекает внимание то, что спирали на концах веток дерева изображены двойко: на одних антефиксах закручены в наружную, на других – во внутреннюю сторону, причем оба варианта встречаются на одном и том же памятнике – Дальверзинтепа, Халчаяне, Культепе (Пугаченкова, 1973, с. 84, рис. 4).

Тип VI. Древо жизни со стоящими по обе стороны в геральдических позах животными, могут быть птицы и др. Этот традиционный мотив своими корнями уходит в искусство древнего Востока, связан также с темой плодородия и производящих сил природы. Этот тип представлен на фрагменте керамической фляги из Хумбузтепа (Южный Хорезм) и в нижних слоях Кой-Крылган-калы, где изображены две стоящие лани или газели по сторонам дерева (Мамбетуллаев, 1984, с. 30, 31; Кой-Крылган-кала, с. 202, 206, рис. 75. 2). Этот мотив был распространен в бактрийской и парфянской глиптике. На гемме из Северной Бактрии изображена пара козлов, лежащих по обе стороны от дерева (Пугаченкова, 1957, с. 145-146). Мотив этот оставался популярным и в эпоху сасанидов (там же, см. и сводку литературы по дан-

ному вопросу).

Тип VII. Антропоморфная статуэтка с изображением древа жизни. Этот тип встречен в позднекушанской коропластике в Северной Бактрии. Великие бактрийские богини изображались в этот период уже в местной одежде, например, статуэтка из Бараттепа (верхняя половина) в типично местном одеянии. Поверх платья на богине накидка с запахом справа налево, по обеим сторонам торса от пояса до плеч изображено по одному дереву в виде «ёлочного» орнамента. Общеизвестна связь богинь с животворящими силами природы, покровительством семье и домашнему очагу (Пугаченкова, 1973, с. 111-113). Статуэтки великих богинь античного Согда, Маргианы, Хорезма (в Фергане, Уструшане, Шаше терракотовые статуэтки не были развиты и до сих пор не найдено ни одного изображения богинь); богини зачастую изображались с плодом граната или другим плодом, с веточкой растения в руках (Мешкерис, 1989).

Наиболее широкое распространение изображения древа жизни в виде «ёлочного» орнамента получает в эпоху раннего средневековья. Оно не только на бытовой керамике, резьбе по дереву. Очень богатый материал в основном из погребальных памятников – это оссуарии. Наиболее широкое распространение в орнаментике оссуариев Согда. Орнамент становится более декоративным. Продолжают развиваться типы орнамента предыдущего периода. В это время отмечается сильное западное влияние, связанное с оживлением торгово-экономических и культурных связей по Великому шелковому пути, налаженных в период Тюркского каганата с Византией.

В зависимости от расположения деревьев, их взаимосвязи с другими изображениями, орнамент подразделяется на ряд типов:

I. Деревья в виде «ёлочного» орнамента расположены вертикально в один ряд на всю высоту изделия. Порой этот узор наносится небрежно, ветки смыкаются. Подобный орнамент имеется на оссуариях, обнаруженных по всей Средней Азии:

Таш-кентской области, Туркмении, Киргизии (в Сарыге, некрополе Тараза в Южном Казахстане, в Южном Согде в некрополе Еркургана и Севаза в Кашкадарьинской области, из округа городища Саильтепа в отрогах Нуратинских гор (Иваницкий, 1989, с. 58, рис. 1. 7,8. Здесь же см. сводку литературы по данному вопросу).

Очень характерное изображение древа жизни этого типа имеется на оссуарии № 2 (VII-VIII вв. н.э.) из могильника Мунчактепа в Папском районе Наманганской области в северной Фергане. «Ёлочный» орнамент в виде стройных деревьев покрывает оссуарий со всех сторон. Представляет интерес, что деревья начерчены в количестве 12 штук и расположены на определенном расстоянии друг от друга (Матбабаев, 1993, с. 44, 46).

Следует отметить, что «ёлочным» орнаментом были украшены и культовые предметы из Сукулукского городища в Киргизии. Здесь найден целый комплекс культовых предметов: крышки, светильники, зооморфные статуэтки. Фигурки животных массивны, грубо слеплены, порой так сильно стилизованы, что трудно опознать, кого они изображают, но тем не менее, все туловище животного покрыто прочерченным растительным орнаментом. У светильников орнаментом покрывались все три ножки. Все эти предметы связаны с зороастрийским ритуалом (Бернштам, 1950, с. 115-119, табл. LIV, LVI). Это являло собой часть своеобразного ритуала шаманистско-зороастрийского культа, имевшего в условиях Семиречья свои особенности, подобно тому, как Мавераннахрский зороастризм имел свои особенности по сравнению с зороастризмом Ирана (Бернштам, 1950, с. 115).

Тулово двух кувшинов из верхнего слоя Пенджикента расписано ветками граната с плодом (Беленицкий, 1958, рис. 28, 29). Из Пенджикента происходят и другие сосуды, в частности, кружки с ёлочным орнаментом. Одна украшена по бортику горизонтально расположенным вырезанным узором, а на щитке ручки еще одной кружки узор прочерчен (Бентович, 1964, с. 280, рис. 21. 4, 14; 22 б).

II. Древо жизни в виде «ёлочного» орнамента в сочетании с другим декором.

Наиболее разнообразные комбинации этого типа имеются на оссуариях Согда, в особенности Центрального. Здесь выделяется ряд вариантов.

1. Орнамент «ёлочный», заключен в арку разнообразной формы: вытянутая овальная, округлая, стилизованная в виде волнистых линий, треугольников. Широко представлены на оссуариях, найденных на Афрасиабе, Самарканде, Кафир-кале, Пайкенде (Павчинская, 1990, № 46, 63, 90, 153, 156, 162, 164, 165, 263).

2. Орнамент «ёлочный» с крестом, расположенным между арок, все фигуры одинаковой длины, имеются на оссуариях из Афрасиаба (там же, № 70).

3. Орнамент «ёлочный», чередуется с большими прорезными грибовидной формы отверстиями на оссуариях из Афрасиаба, Кафиркалы (там же, № 10, 14, 151, 167).

4. Орнаменты «ёлочные», разделены округлой розеткой с лучеобразно расходящимися от центра линиями, видимо, представляют собой тип колеса. Такой вариант изображен на оссуарии из Саильтепа (Иваницкий, 1989, с. 56, рис. 1, 6). Возможно, колесо здесь представляет собой символ удачи и счастья, которые связывались с ним по традиции на Востоке (Альбаум, 1955, с. 120), а также вечного движения в мире.

5. Ряд «ёлочного» орнамента в сочетании с антропоморфными головками, расположенными в верхнем орнаментальном поясе. Головки могут быть реалистичными, схематичными, в виде масок. По технике исполнения – прочерченные, штампованные, рельефные, наклепные. Этот вариант часто встречается в Согде. Привлекает внимание композиция узора на оссуарии № 1 из могильника Мунчактепа в Папском районе Наманганской области. Орнамент расположен между двумя поясами, поделенными волнистой линией и покрывает все стенки оссуария. Нижний пояс широкий, состоит из ряда ёлочного орнамента. Интересно то, что ветки на деревьях изображены не как обычно, а сви-

сающими вниз. Над сплошной полосой деревьев узкой лентой расположен ряд антропоморфных головок, изображенных схематично в виде треугольников (Матбабаев, 1990, с. 44). Этот вариант демонстрирует явное влияние Согда.

К этому варианту относится декор кружки из верхнего слоя Пенджикента. Ёлочный орнамент, произведенный оттисками одного и того же штампа овальной формы, широкой полосой опоясывает сосуд, а над ним на бортике кружки – штампованная наклепная антропоморфная головка в кругу из перлов (Бентович, 1964, рис. 21,1; 22,2).

6. Своеобразную группу составляют сосуды со сливами в виде головок животных в сочетании с деревом жизни. Такие сосуды известны из Кафиркалы, верхнего слоя Пенджикента. На крупном сосуде длинная ветка прочерчена вдоль плечика прямо от основания головы быка (Бентович, 1964, с. 282, 284-285, рис. 26). Авторы усматривают в образе быка на сосудах не только культово-магическое значение, но также и утилитарное назначение. Маленькие сосуды использовались как соски или поилки для детей, а большие – для хранения продуктов (там же, с. 285). Добавление же изображения древа жизни, видимо, по мнению древнего населения, должно было усилить магическое действие образа животного.

7. Дерево отделено вертикальной волнистой линией, как это имеет место на оссуарии из окрестностей городища Саильтепа (Иваницкий, 1989, с. 56, рис. 1. 8).

III. Древо жизни в виде пучка из трех веток ёлочного орнамента, веерообразно расходящихся от единого центра. Выделяются варианты в зависимости от наличия другого декора.

Основной орнамент расположен в ряд, занимая всю плоскость стенки изделия – оссуарий из Кафиркалы (Павчинская, 1990, № 157).

2. Основной орнамент чередуется с грибовидно вырезанными отверстиями, по высоте равным деревьям – оссуарий из Кафиркалы (там же, № 163).

На крышках оссуариев кустики из трех веток изображены наклоненными друг к

другу в зависимости от формы крышки, вершины их смыкаются, порой они заключены в арку (там же, № 75).

IV. Орнамент из трех веток в виде полукруга. Композиция построена так, что полукруглая дуга представляет собой две крайние ветки, плавно поднимающиеся вверх, а центральная вертикальная ветка отходит от середины дуги. Здесь выделяются три варианта.

1. Основной орнамент расположен в ряд, покрывая все тулово изделия – оссуарий из Афрасиаба (там же, № 12).

2. В центре стенки оссуария вертикальный «ёлочный» декор, а по сторонам от него основной узор – Кафиркала (там же, № 154).

Этот вариант представляет исключительный научный интерес тем, что аналогичный декор воспроизведен на оссуариях из зороастрийского кладбища в замке Сарыг в Киргизии. На оссуариях здесь орнаментировалась одна длинная сторона. Их отличие от афрасиабских и кафиркалинских в том, что декор воспроизведен в перевернутом виде, четко выявляя форму овальной арки (Бернштам, 1950, с. 30-32, табл. XIV, 4). Этот орнамент представляет собой дополнительное свидетельство о существовании согдийской колонии в Семиречье, доказанное уже другими авторами.

3. Между основными орнаментами расположен мальтийский крест – оссуарий из Кафиркалы (Павчинская, 1990, № 154).

V. Веточки разделенные деревом образуют крестовину - оссуарий из Чуйской долины (Бернштам, 1950, табл. XIV, 3).

VI. Спиралеобразно закрученные ветки. Этот вид орнамента продолжает свое существование с эпохи античности, в эпоху раннего средневековья получает свое дальнейшее развитие. Выделяются три варианта.

1. Спирально отогнутые от центрального стебля ветки. Такой орнамент известен на оссуариях из Саильтепа, на которых он располагался и вертикально и горизонтально, в последнем случае он огибал по периметру все тулово оссуария (Иваницкий, 1989, с.55, рис. 1. 3).

2. Отходящие от вертикального ствола дерева ветки круто закручены в спираль (3 оборота). Декор представлен на оссуарии из окрестностей городища Саильтепа (там же, с. 55, рис. 1.1).

3. От центрального стебля в обе стороны отходят симметрично изогнутые отростки, заканчивающиеся трилистником. Этот вариант изображен на резьбе по дереву украшавшей перекрытие типа «рузан» в замке Уртакурган VII-VIII вв. н.э. в Северном Таджикистане, и, как отмечают исследователи, этот мотив узора ранее нигде не встречался, но здесь он использовался часто (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, с. 18, 19, 63-64, 66, рис. 26, 31, 33).

VII. Антропоморфные изображения с древом жизни. На одном из оссуариев из Афрасиаба представлена рельефная мужская фигура, оттиснутая штампом, голова отбита, правая рука опущена на бедро, левая высоко поднята вверх (утрачена), на шее род гривны. Персонаж изображен до пояса обнаженным, грудь накрест перетянута ремнем. На нем короткая драпированная юбка, на плечи, видимо, накинут плащ. В аксессуарах одежды интерес представляет то, что от пояса свисает предмет, похожий на ветвь с короткими узкими листьями – как ёлочный орнамент. Одет в высокие сапоги (Павчинская, 1990, № 33).

В аналогичной позе изображена женская фигура в складчатой одежде на оссуарии VII-VIII вв. из кишлака Чанги в Ташкентской области. С левой стороны от нее древо жизни. Исследователи видят в данной фигуре богиню плодородия (Буряков, Богомолов, 1986).

Западное влияние.

Оно сказывается в сюжетах, в композиции, в широком использовании антропоморфных и зооморфных головок. В изображении древа жизни можно выделить конкретные породы деревьев: пальма, виноградная лоза, гранатовое дерево, по композиции выраженные в виде раскидистых ветвей пальмы. Влияние заметно в декоре на тканях, торевтике и других видах прикладного искусства. Здесь можно

выделить несколько типов.

1. Дерево жизни в виде пальмы с раскидистыми ветвями. Благодаря декоративности этот тип, видимо, пользовался большой популярностью. Он изображен на согдийских тканях занденечи. На первых этапах этот орнамент восходит к византийско-египетским прототипам, как на шелковой ткани из Нанси (Иерусалимская, 1972, с. 12, рис. 10. 1).

К этому же типу относится дерево жизни на чаше VII-VIII вв. из Лумбитепе (Андижанская обл.). Оно представлено налепом в виде виноградной лозы с двумя симметрично расходящимися ветвями, со стилизованными листьями и свисающими крупными гроздьями (рис. 2).

Аналогичная композиция встречается на оссуариях Афрасиаба и его окружи (Павчинская, 1990, с. 63). Но к лумбитепинскому декору более близок орнамент на оссуарии VII в. из Аламедина (недалеко

от Бишкека) – на территории бывших согдийских колоний (Бартольд, 1966, с. 257-259, рис. на с. 259).

Дальнейшее развитие этого орнамента происходит по линии геометризации и схематизации, как это видно на тканях из Санса, Дуньхуана, Ватикана; постепенно они приближаются к местной традиции (Иерусалимская, 1972, с. 14).

II. Сильно схематизированное изображение пальмы. Здесь можно выделить три варианта.

1. Изображение пальмы с пятью листьями в овальной арке, между арками наверху антропоморфная головка, выполненная оттиском штампа – голова мужская, эллинистического типа («Александр – Аполлон») с маленькой шапочкой на голове (Павчинская, 1990, № 109). Очень схематичная голова изображена, как было упомянуто выше, на оссуарии из Мунчактепа.

2. Пальма из трех листьев в сочетании со стрелой и птицами (по мнению Павчинской Л.В. – крест, хотя на фото четко видно схематическое изображение пальмы (№ 86). На фрагменте оссуария выше этого орнамента узкий пояс из четырех птиц с веерообразным хвостом (там же).

3. Аналогичное схематическое изображение пальмы из трех листьев на длинном стебле, но иной композиции. Деревья, расположенные в ряд, широким поясом украшают тулово кружки из верхнего слоя Пенджикента (Бентович, рис. 21, 20).

В заключение следует отметить, что изображение древа жизни широко использовалось в декоре разных видов памятников в Средней Азии в эпоху античности и раннего средневековья. В изображении его отмечается ряд типов и вариантов композиции. Широко использовался орнамент древа жизни в украшении оссуариев в эпоху раннего средневековья. В изображении древа жизни в эпоху раннего средневековья отмечается западное влияние.

Литература:

1. Абдулгазиева Б. Раскопки на городище Кургантепе // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.
2. Альбаум Л.И. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948-1949 гг.) // Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. 7. Ташкент, 1955.
3. Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
4. Бартольд В.В. Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В.В. Соч. том IV. М., 1966.

5. Беленицкий А.М. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951-1953 гг.) // МИА, № 66. М.-Л., 1958.
6. Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА № 124. М.-Л., 1964.
7. Бернштам А.Н. Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции // МИА, № 14. М.-Л., 1950.
8. Жуков В.Д. Отчет о работе второго отряда археологического надзора на трассе Большого Ферганского канала // Труды Института истории и археологии АН УзССР. Том 4. Ташкент 1952.
9. Завьялов В.А. Культура позднекушанского города // Городская среда Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н.э. – VIII в. н.э. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент, 1986.
10. Иваницкий И. Оссуарии из округа Саильтепа // ОНУ, 1989, № 6.
11. Иерусалимская А.А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
12. Козенкова В.И. Гайраттепе // Советская археология, 1964, № 3.
13. Кой-Крылган-кала – памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н.э. – IV в. н.э. М., 1967.
14. Литвинский Б.А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1978.
15. Мамбетуллаев М. Хумбузтепа – керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья, вып. 2. Ташкент, 1984.
16. Матбабаев Б.Х. Оссуарии Ферганы // ОНУ, 1993, № 2.
17. Мешкерис В.А. Согдийская терракота. Душанбе, 1989.
18. Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмузактепа. Душанбе, 1973.
19. Павчинская Л.В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология). Приложение к дисс. канд.ист. наук. Самарканд, 1990.
20. Пугаченкова Г.А. Материалы по восточной глиптике // Труды САГУ. Археология Средней Азии, вып. IV. Ташкент, 1957.
21. Пугаченкова Г.А. Новые данные по художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.
22. Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Ташкент, 2000.
23. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
24. Цепова О. Бактрийская декоративная керамика с Кампыр-тепа // Изучение культурного наследия Востока. С-Пб., 1999.
25. Буряков Ю.Ф., Богомоллов Г.И. К семантике изображений на оссуариях из кишлака Чанги // ИМКУ, вып. 20. Ташкент, 1986.

Г.И. Богомолов

РАЗВИТИЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЧАЧА

Погребальный обряд - это обязательная часть любой древней и современной культуры. Обычно под ним понимается сложный комплекс, состоящий из целого ряда последовательных традиционных ритуальных действий, которые отражали этническую и социальную дифференциацию общества, отдельные элементы хозяйства и быта, материальной культуры, несли информацию об идеологических представлениях. Верования Ташкентского оазиса (Чача) на пороге раннего средневековья, как и в других крупных культурно-экономических областях Средней Азии, представляли собой мозаику многочисленных местных и иноземных культов, среди которых, безусловно, преобладали локальные варианты маздеизма. Все это разнообразие религиозных представлений не могло не отразиться на погребальной практике населения оазиса. Основой для этих действий служили устойчивые анимистические представления. К сожалению, археологическая информация о погребальном обряде ограничена и охватывает лишь два его конечных аспекта – конструкцию погребальных сооружений и собственно характеристику захоронения (способ захоронения, ориентацию, позу, сопровождающий инвентарь и т.д.) (Литвинский, 1972, с.70). Но даже эти аспекты имеют важнейшее значение для получения самой разнообразной информации об этнических процессах, а также о материальной и духовной культуре древнего населения.

Конечно, как и другие явления культуры, погребальный обряд подвержен изменению как в силу внутренних причин, когда с течением времени происходит его дальнейшее развитие, усложнение; либо, наоборот, упрощение отдельных частей, так и в силу внешних воздействий (инноваций). И всё же погребальный обряд - это один из самых консервативных компонен-

тов культуры. Смена или заметные изменения в нем предполагают проникновение новых этнических масс, либо крупные, кардинальные изменения в общественной идеологии. Именно оба эти явления по данным исторических источников и археологии имели место в Чаче на грани III–IV вв. С одной стороны, это движение хионитов–эфталитов (Буряков, 1986, с.58–59), с другой – заметное усиление маздеиских верований. Последнее нашло отражение в именах местных правителей, путешественников, паломников, торговых агентов – выходцев из Чача, компонентом которых являлись имена авестийских божеств (Ваю, Арта, Язат и т.д.) усиление культа огня (по археологическим материалам), одним из индикаторов которого стало появление в жилищных комплексах домашних святилищ, связанных с почитанием огня, а в погребальной обрядности – появление и распространение обычая предварительного очищения костей.

Существенное влияние на изменение погребальной обрядности оказывал быстрый рост числа городов с характерной для них тенденцией – унификацией и упрощением погребальной обрядности. Все это создает почву для выработки новых типов погребальных сооружений и смены погребальных обычаев.

Для Ташкентского оазиса этого периода характерно, с одной стороны, сохранение курганных захоронений (большей частью в предгорной полосе и долине Ахангарана), с другой – практически повсеместный переход от катакомбных курганных захоронений к подземным склепам, местами к полуподземным и затем наземным склепам – наусам. В то же время (т.е. III–V вв. н.э.) в Чаче начинает практиковаться оссуарный обряд захоронения, широкое распространение которого падает на VI–VIII вв. н.э. История изучения курганных

погребений Ташкентского оазиса насчитывает уже более 100 лет. Впервые ими начал заниматься в 1884 г. Н.И. Веселовский, командированный в Среднюю Азию Археологической комиссией. В 1886 г. он подготовил реферат о среднеазиатских курганах, где разделил их на две основные категории – могильные и жилые. Он отмечал, что первые иногда концентрируются большими группами до 100 курганов и более и носят собирательное название Мингтепа (Мингтепа). Член ТКЛА Е.Т. Смирнов специально подчёркивал, что нигде нет такого большого количества курганов, как в Ташкентском оазисе. Однако вплоть до 30-х годов XX века их раскопки носили случайный характер. В 1928 году М.Е. Массон и Т. Миргиязов раскопали два курганных погребения в районе Ислахатарыка (Тойтепенское Мингтепе), причём один курган они датировали первыми веками нашей эры, второй – второй четвертью I тыс. н.э. (Масон, 1953, с.14–25; 1976, с. 26–51). В 1929–30 гг. А.А. Потаповым при участии М.В. Воеводского, В.Д. Жукова, Т.Г. Оболдуевой и И.Н. Луцкевич были вскрыты ряд курганов в Пскентском могильнике под Ташкентом, где были определены четыре территориальные зоны. Раскопки 14 курганов позволили выделить здесь 3 типа захоронений: катакомбный (8 курганов), склеповый (5 сооружений) и грунтовый (имеются в виду ямные погребения). Последний тип был представлен лишь двумя погребениями, и оба оказались поздними – XIII–XIV вв. (Потапов, с.3–4). Почти в то же время результаты маршрутного обследования Ташкентского оазиса позволили М.Е. Массону выделить 7 крупных курганных скоплений (Мингтепа): тойтепинское, пскентское, алимкентское, накпайское, карахтайское, акчайское и Мингтепа к северу–востоку от г. Буки (Масон, 1953, с.19), позже названное Мураталинским или Актамским могильником.

В 40–50 годы активно изучаются курганы в районе Янгиюля, станции Вревской и самого Ташкента (Тереножкин, 1940, с.30–36; Воронец, 1951, с. 43–46; Агзамходжаев, 1961, с.223 – 235, с. 240–245). В 1957–60 гг. исследуется Туябугузский мо-

гильник, где было вскрыто почти сто курганов и наусов (Агзамходжаев, 1962, с.71–79; 1966, с.5–7). Сходное содержание, устройство и обряд захоронения, было выявлено в тойтенском и пскентском могильниках (Буряков, 1968, с.131–136). Одновременно в долине Ахангарана были обнаружены полуподземные каменные склепы близ селения Апартак (Агзамходжаев, 1966, с.104–111). В 70–90 годы продолжено изучение курганов под Янгиюлем, Ангреном, Тойтепе, раскапываются курганы и наусы Актамского могильника (Дресвянская, 1983, с. 24–38), Буки и Кавардана (Алимов, 1979, с.52–58).

Таким образом, за этот период исследователям удалось накопить разнообразную и обильную информацию – сведения о конструкции погребальных сооружений, обильный вещественный материал - и перейти к вопросам анализа и выявления общих тенденций. Ю.Ф. Буряковым предпринята попытка системного анализа погребальных памятников Ташкентского оазиса (Буряков, 1982, с.52–57). Им было выделено 12 участков, где зафиксировано 45 датированных могильников. Использование массового материала из погребальных памятников в сочетании с разработанной методикой анализа позволило перейти и к палеодемографическим реконструкциям (Буряков, 1986, с. 50–67).

Однако из этого вовсе не следует, что многочисленные проблемы погребальной обрядности получили полное разрешение. Многие вопросы развития погребальной обрядности, сложения и эволюции погребальных сооружений остаются открытыми. На стадии лишь предварительного анализа остается вопрос о наличии особенностей в погребальной обрядности городского и сельского населения. Отчасти это объясняется недостаточной изученностью городских некрополей, хотя определенные материалы были собраны по могильникам Ташкента, (Древний Ташкент, 1973, с. 38; 13, с. 97–99), Кавардана (Алимов, 1983, с.201–203), Кульаты (Алимов, 1978, с.79–87) и Канки. На первый взгляд, они показывают, что различия незначительны. Прослеживаются общие тенденции в устройстве погреб-

бальных сооружений и в развитии погребальной обрядности в целом. Однако не все эти выявленные погребальные сооружения достоверно принадлежат городскому населению; они могли попасть в городскую округу сравнительно недавно. Следует учитывать и такой фактор, как быстрый рост городских пунктов на территории Чача на пороге раннего средневековья. Различные стороны жизнедеятельности и быта горожан принимали синтетический характер, нивелировались родоплеменные связи, что выразилось в неуклонной тенденции к унификации погребальной обрядности, в частности, в переходе от подкурганых захоронений к склепам. С другой стороны, некоторая консервативность сельского населения подпитывалась постоянной инфильтрацией кочевников и оседанием их на землю. Часть городских жителей тоже продолжала сохранять приверженность к старому погребальному обряду, характеризующемуся курганными захоронениями. Так, в окрестностях городища Канка зафиксированы 2 курганные группы. По поступившим отсюда материалам, могильник датируется III–V вв. н.э. Захоронения совершались в катакомбах, причем в одной камере находилось по нескольку скелетов. Погребенные лежали на спине, головой на северо-запад. Таким образом, большая часть собранного материала позволяет сделать вывод о преобладании в III–V вв. н.э. курганных захоронений. Независимо от того, в какой ландшафтной зоне - горной, предгорной или равнинной полосе располагались курганы, их устройство, конструктивные особенности, сопроводительный инвентарь обнаруживают большое типологическое сходство и теснейшую генетическую связь с курганами предшествующего периода (первых веков до н.э. – рубежа нашей эры). Обычно могильники вытянуты цепочкой или небольшой группой вдоль увалов либо береговой террасы саев и речек, образуя так называемые местным населением, «жетти тепе» (7 холмов), либо более крупные «юз тепе» (сто холмов) и «минг тепе» (тысяча холмов). В двух последних группах курганы располагаются бессистемно — то

скуученно, то растянутыми мелкими группами, иногда на довольно значительном расстоянии друг от друга. Практически для всех этих погребальных сооружений характерно наличие подземной части и наземной - курганной насыпи из лёсса. Курганные насыпи имели различную высоту и диаметр, который колебался от 8 до 60 м. Наиболее типично, когда подкурганное устройство состояло из дромоса и камеры, опущенной на глубину от 3 до 5 м, в редких случаях до 7 м. Дромос чаще всего оформлялся в виде 2–3 х широких ступенек или в виде узкой траншеи с пологим спуском. В последнем случае встречаются ещё варианты дромоса с внутренним уступом (суфой?) вдоль одной или обеих стен. Иногда входная часть дромоса находилась в нескольких метрах за пределами насыпи. Для Ташкентского оазиса одним из характерных хронологических индикаторов служит длина дромоса – курганам I–II вв. свойствен короткий дромос (до 2,5 м), тогда как для III–V вв. – длинный, причем иногда длина его достигла 14 м. Наиболее типично для Ташкентского оазиса, когда дромос строго ориентирован с юга на север. Встречается и обратная ориентация и небольшое склонение в западную сторону. Чаще всего дромос в плане имеет трапециевидную форму, т.к. нижний конец дромоса у входа в камеру на 1 м шире, чем в начале. Возможно, семантически форма дромоса восходит к деревянной лестнице, которая в практическом действии служила погребальными носилками, а в символическом плане изображала переход – спуск в другой мир. В этой связи любопытно, что даже сейчас деревянные погребальные носилки (табут) в Ташкентском оазисе имеют трапециевидную форму (Рис. 1).

В нижней части поперечной, короткой стены дромоса пробивался проход в катакомбу. Длина этого прохода от дромоса в катакомбу чаще всего составляла от 0,5 до 1,2 м, в исключительных случаях достигала 3,2 м (15, с.26). Обычно проход оформляется в виде полуциркульной арки, шириной 0,5–1 м и высотой –0,65–1 м. Наиболее часто проход закладывался камнями или гувалья на глиняном растворе, иногда

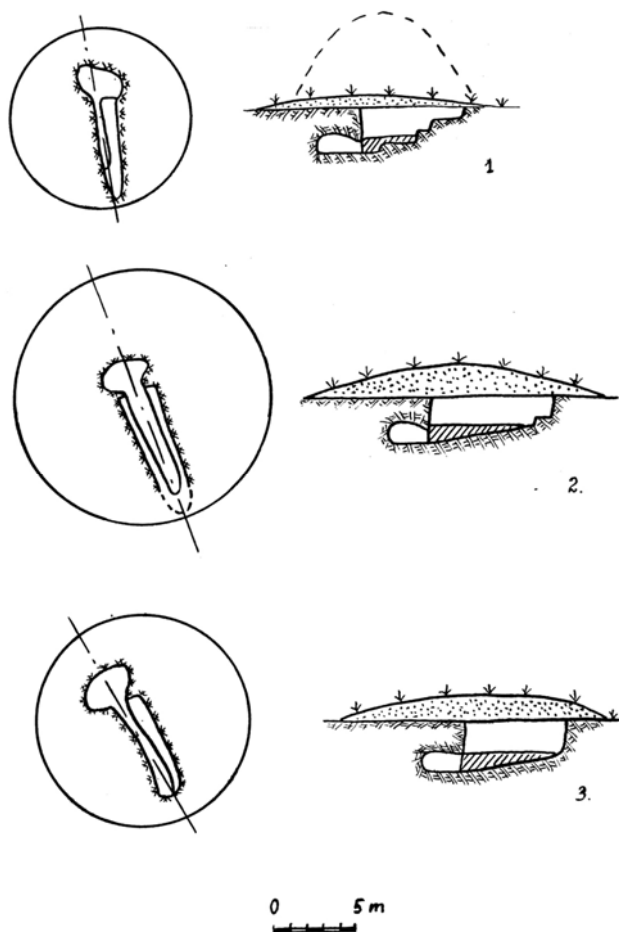

Рис. 1. Типы курганных погребений. Мураталинский могильник

эту закладку оштукатуривали саманной штукатуркой. Видимо, обычным явлением было, когда проход закупоривали пучками травы (верблюжьей колючки или полыни). Камера, как правило, устраивалась перпендикулярно линии дромоса, реже она находилась по одной линии с дромосом, как бы являясь его продолжением. Характерно и то, что погребальная камера воспринималась как центр кургана, и поэтому всегда находилась под средней частью насыпи, но всегда с некоторым смещением от реального центра. Погребальные камеры чаще всего имели овальную форму со сводчатым потолком. Хотя встречаются удлиненные камеры трапециевидной, прямоугольной или квадратной формы со скруглёнными углами. Размеры камер сильно варьируют в пределах даже одного могильника, длина – от 2,2 до 4,0 м, ширина – от 1,4 до 2,0 м. Для этого периода характерна и такая деталь – устройство дромоса и камеры

на одном уровне. В камере хоронили от одного до нескольких человек (Потапов, с.4; Дресвянская, 1983, с.26–28). Покойники чаще всего лежат на подстилке из хвороста веток или камыша. В одном случае подстилка была из розового песка (Агзамходжаев, 1966, с.6). В кургане № 10 Мураталинского могильника погребенный лежал на подстилке из узорчатой ткани. Покойников клали в одежде, с украшениями и инвентарем. Сопроводительный инвентарь чаще всего состоял из посуды: кувшины, фляги–мустахара, горшки, курильницы, реже помещали оружие (меч, кинжал и стрелы). Нередко погребения с оружием сопровождалась частью туши коня и конской упряжью (Дресвянская, 1983 с.27). В связи с этим некоторые исследователи выделяли даже особую Джунскую культуру (Оболдуев, 1948, с.101–102). Однако никаких различий ни в устройствах погребальных сооружений, ни в сопроводительном инвентаре, прежде всего в керамическом, нет. Вероятнее всего, это признаки не этнической принадлежности, а социальной дифференциации, отразивший разный общественный статус погребенных. Не исключено, что оружие служило здесь одним из индикаторов выдвигавшейся феодальной дружины.

Существует мнение о принадлежности курганных захоронений лишь кочевому населению. Однако работы на городище Кавардан (Древняя Кабарна) на территории современного Ташкента (Грицина, 1982 с.97–98), в районе городища Канка показывают, что курганные могильники могли быть оставлены как сельским, так и городским населением; вместе с тем с конца III–IV вв. н.э., то есть на пороге раннего средневековья ташкентские материалы позволяют говорить о появлении новой тенденции – постепенного отхода от традиционной погребальной практики, в результате чего начинается поиск новых оптимальных форм погребальных сооружений. Первым шагом в этом направлении стало появление подземных склепов с неоднократными захоронениями, генетически связанными с катакомбными сооружениями предшествующего периода или, по мнению не-

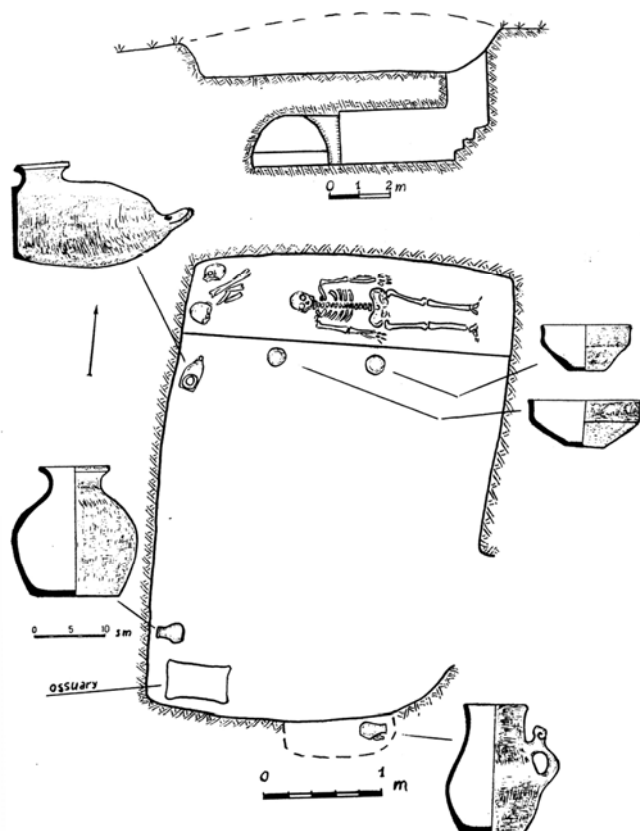

Рис. 2. Катакомбное погребение на Катармале. Ташкент

которых исследователей, являвшихся усложненными вариантами катакомб (Дресвянская, 1983, с.26).

Такая линия развития, на наш взгляд, кажется вполне приемлемой и способствовала переходу к строительству наземных склепов. Вероятно, курганные могильники в городской округе продолжали прежнюю традицию и отражали родоплеменные связи части городского населения, с тенденцией сохранить традицию хоронить своих умерших на родовых кладбищах. Но рост городского населения, его культуры, оседание кочевников и, видимо, укрепление сельской общины привело к появлению городских и сельских некрополей, к строительству первоначально подземных, затем наземных склепов. Захоронения в склепах отражали родовые или большесемейные связи, а некрополь в целом складывался по признаку территориально-соседской принадлежности. На наш взгляд, именно поэтому в V–VII вв. наземные склепы-наусы становятся ведущим типом погребальных сооружений. Они представ-

ляют собой круглые постройки из пахсы и сырцового кирпича с квадратной или прямоугольной камерой внутри. Диаметр склепов колеблется от 6 до 10 м, а размеры камеры в среднем становятся 3–3,5x2 м. Они имели сводчатое перекрытие и довольно часто низкие суфы по периметру вдоль стен. С юго-восточной или с южной стороны устраивался узкий входной коридор, имевший арочное перекрытие. Довольно часто его внешняя часть оформлялась в виде прямоугольной пристройки – выступа портала (рис. 3). Последние имеют аналогии в оформлении некоторых современных им Байрамалийских оссуариев. Вход замуровывали кладкой из сырцовых кирпичей. В то же время в этих однотипных сооружениях выделяются два способа захоронения: кучек костей и труположения с вытянутыми вдоль тела руками. Иногда перед новым захоронением кости скелета сбрасывались в проход, а на суфы клался новый труп. Любопытно наличие в ряде муратинских склепов остатков напольных кострищ в центре науса или в проходе.

В реконструкции внешнего вида наземных склепов среди исследователей нет единого мнения. Преобладает точка зрения, что они представляют собой небольшие купольные постройки с невысоким порталным входом (опорой этому суждению служат синхронные формы оссуариев из Мерва, вероятней всего, изображающих наусы, и конечно, обмеры сохранившихся построек) (Массон, 1976, с.101-103). Правда, другие исследователи, например Ю.Ф. Буряков, считали, что наусы не стояли открытыми. Наземная часть сооружения дополнительно засыпалась и приобретала форму кургана, в чём, по его мнению, сказалась трансформация погребальных сооружений племен, спускавшихся первой половине I тыс. н.э. с гор в долину Ахангарана (Буряков, 1968 с.136). По мнению Г.Я. Дресвянской, наусы стояли открытыми, лишь с замурованными входами. Форму курганов им придавала лишь задернованная поверхность оплывших от времени стен (Древний Ташкент, 1973, с.35). Однако материалы раскопок того же Мурата-

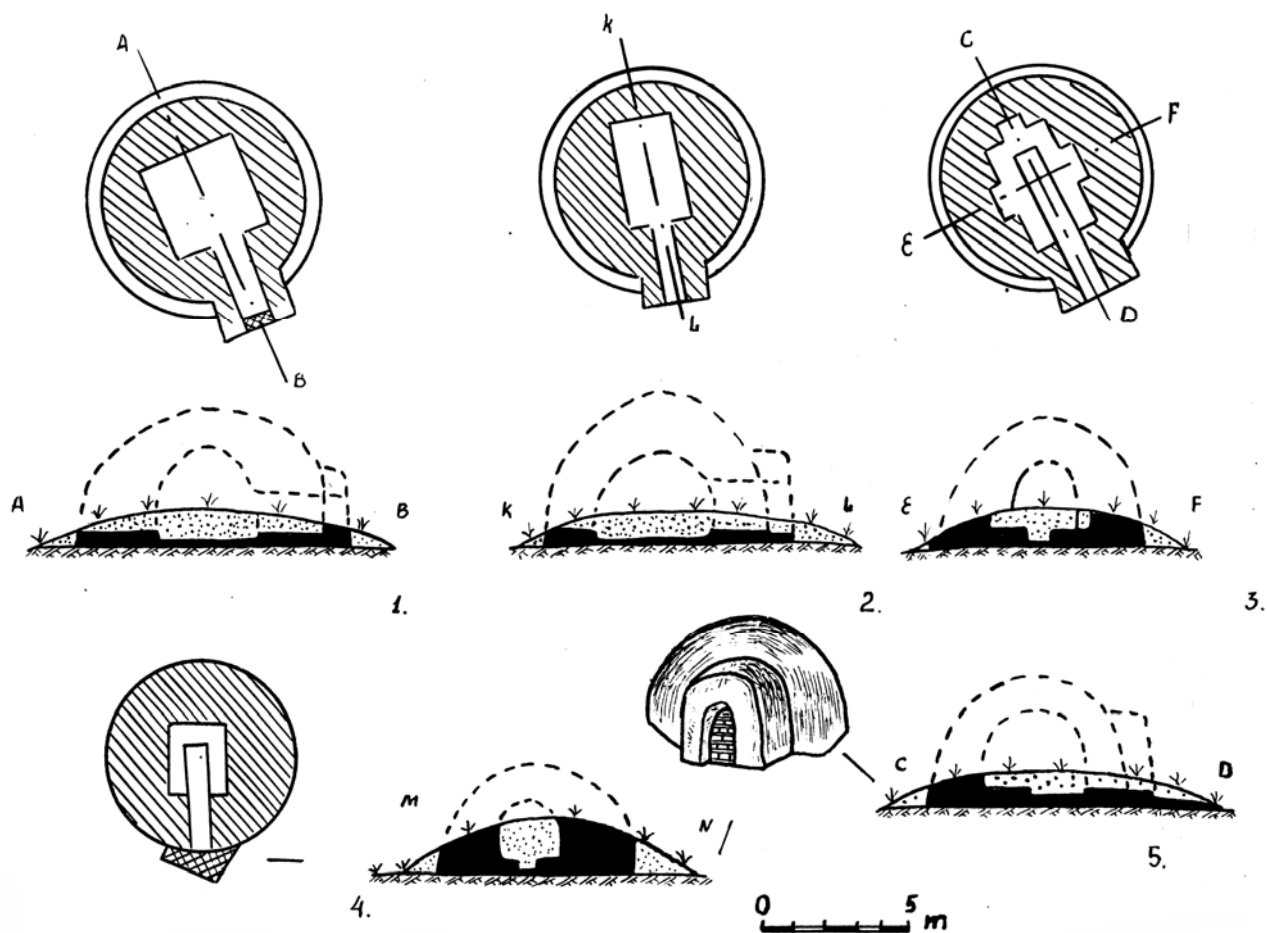

Рис. 3. Мураталинский могильник. Склепы - наусы

линского некрополя не позволяют высказаться столь категорично. Из вскрытых в 1979 году сооружений лишь у одного (Р. №17) наличие дополнительной насыпи вызывало сомнение. Во всех остальных случаях это было, безусловно, специальная подсыпка. Может быть, после того, как пахсово-кирпичная камера покрывалась сверху насыпью, на вершину кургана что-то устанавливалось – флаги или шесты с головами жертвенных животных. Косвенным отражением этого явления стал обычай оформления ручек – навершия крышек оссуариев в виде зооморфных головок, подобно оформлению навершия оссуариев в одном из наусов Мураталинского некрополя (Буряков, 1968 с.134), (Рис. 4, 1–2). В этой связи особую важность для понимания генезиса погребальных сооружений Чача приобретают сооружения, занимающие маргинальное положение, как в хронологическом отношении, так и в трансформации самого типа погребального комплекса. Процесс этот был не-

однороден и развивался в нескольких направлениях. Одно из них - это превращение подземной подкурганной камеры в склеп для неоднократных захоронений (Агзамходжаев, 1966, с.13; Грицина, 1982 с. 97, 99). Другой вариант постепенного выдвижения камеры на поверхность и превращения её в пахсовую или сырцовую постройку – наус. Показательна в этом плане группа подземных и полуподземных каменных склепов-наусов могильника Апартак, расположенного в предгорной зоне, северо-западнее современного города Ангрена. Они представляют собой прямоугольные или подквадратные сооружения с центральным помещением – погребальной камерой и входным коридором – дромосом. Причем строились они на склоне холма и для их возведения первоначально копались прямоугольные ямы с отвесными стенками размером 2,5х3–3,5 м и глубиной 2–3 м. Для входа на одном уровне с полом склепа выкапывали горизонтальную траншею длиной от 4,5 до 6 м

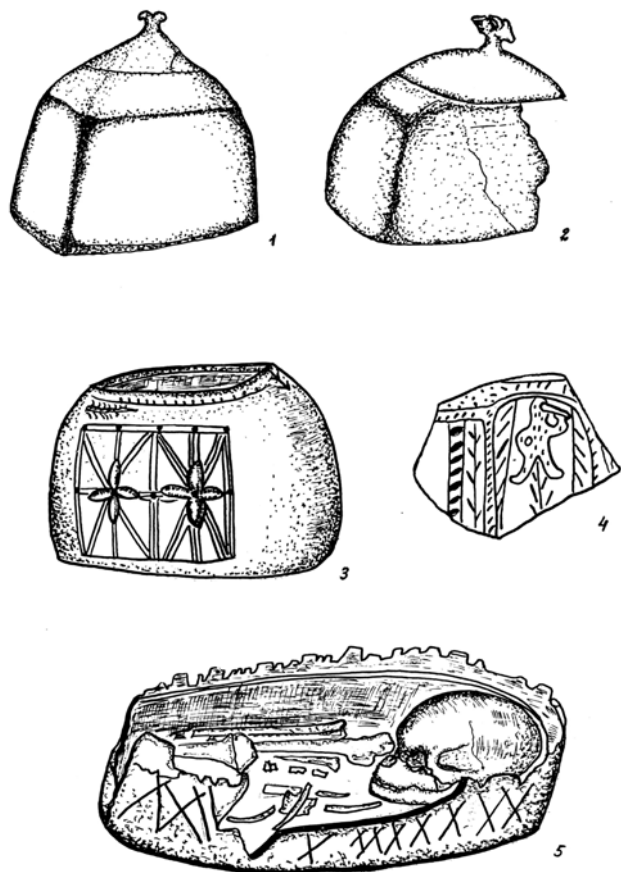

Рис. 4. Ташкентская область. Типы оссуариев

(Агзамходжаев, 1966, с.109). Размеры погребальной камеры слегка варьировали 2,25x2,5, 2,5x3 м. Стены сложены из крупных валунов и необработанных плиточных камней на глиняном растворе. Свод выводился путём напуска камней вовнутрь помещения; его начинали выводить на высоте 1,25–1,5 м. Сохранившаяся высота сооружений 2,5 м, но до разрушения, вероятно, было около 3 м. Вход находился в середине южной, реже юго-западной стены. Как и склеп, он был сложен из камней, пол выложен большими плитами с подсыпкой мелкого гравия. Длина дромоса колеблется от 3,5 до 6 м, высота 1–1,5, а ширина 0,6–0,7 м. Внутренняя поверхность стен склепа и дромоса была оштукатурена глиной с примесью крупного песка. На полу камеры совершались труположения головой в сторону входа. Здесь же найдены фрагменты и целые сосуды и оссуарии. В основном сопроводительный материал состоял из глиняных сосудов (3–7 шт. в каждом скле-

пе). Среди них значительное число кувшинов и кружек с зооморфными ручками. В одном из склепов (наус № 4) около входа было расчищено труположение, но в северо-западном углу стоял оссуарий с крышкой, обращенный ко входу орнаментированный стороной. Около оссуария были найдены 4 сосуда, бусы различной формы и медное кольцо (Агзамходжаев, 1966, с.106). Именно этот оссуарий послужил одним из опорных пунктов в датировке склепов V–IV вв. (Агзамходжаев, 1966, с.111). Возможно, это действительно определяет верхнюю границу бытования склепов. Однако наличие в комплексе сосудов с расписным орнаментом и с зооморфными ручками однозначно позволяет отнести их бытование к III–IV вв.

Возможно, к переходному типу, либо к своеобразным рудиментам катакомбных захоронений следует отнести юртообраз-

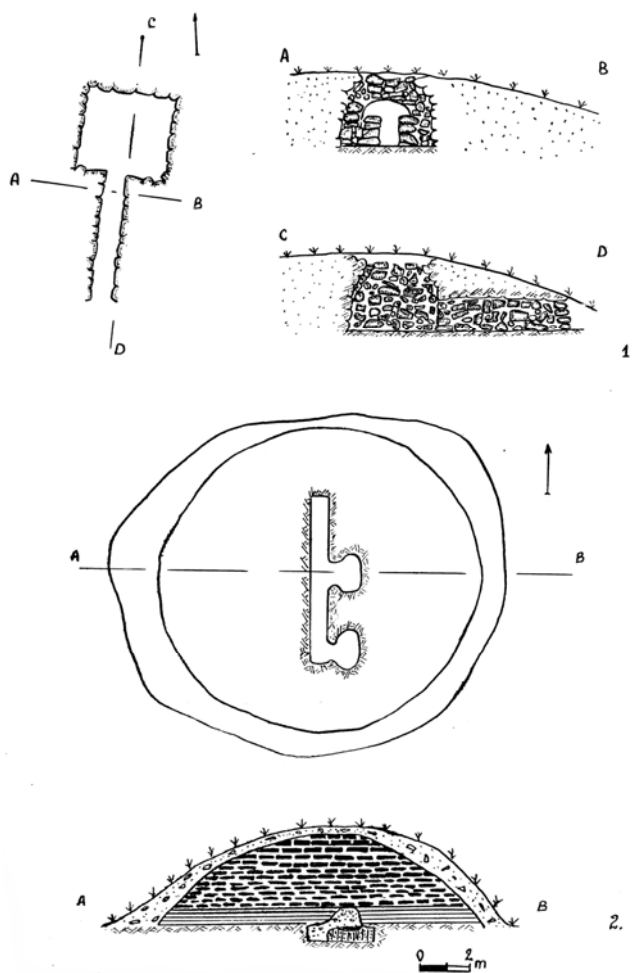

Рис. 5. Переходные типы. 1. Склепы Апартака. 2. Кавардан.

ные наземные сооружения из монолитной пахсово-кирпичной кладки Кавардана, которые перекрывали трупоположения в катакомбах. Могильные ямы, катакомбы мелкие ходы – траншеи явно несут следы изживания (рис. 5, 1–2).

Еще одним важным аспектом погребальной обрядности накануне раннего средневековья становится оссуарный обряд. Главная цель, т.е. предназначение оссуариев, также как и наусов – сохранить кости умершего для будущего возрождения. Причём наусы, видимо, являлись достаточно универсальным сооружением, в котором сочетались функции дахмы и оссуариев, т.е. одновременно он мог служить местом для выставления трупа и местом, где хранились кости умерших, тогда как оссуарий, по идее, представлял собой лишь конечный результат погребальных манипуляций с телом умершего. Размытость границ их использования в бытовой сфере отразилась и в религиозном обосновании терминов для их обозначения в письменных источниках. Например, дахма воспринимались то как место для выставления трупов, то, как место хранения уже очищенных костей. В последнем случае она сближается с понятием астодан. К.А. Иностранцев видел в нем специальное сооружение – костехранилище. По мнению Г. Хумбаха, это обведённая стенами постройка, куда складывались кости, после того, как ушёл в прошлое обычай выкладывать на открытой площадке очищенные кости (Литвинский, 1983, с.106). В то же время, М. Бойс считает название астодан техническим термином для обозначения оссуария, под которым должны были пониматься вместилища для окончательного помещения костей.

В позднем, но довольно в интересном источнике – Персидских Ривоятах (преданиях), представлявших собой переписку между иранскими и парсийскими дастурами по уточнению вопросов ритуальной и обрядовой практики, подразумевается, что астодан и оссуарий имеют одно значение. Там же говорится, что обычай помещать в него кости умершего пошёл от Джамшида, который первым сделал астодан для умер-

шего Тахмураза (The Persian ..., с.296). В этом плане ценно замечание комментатора Персидского Ривоята Б.Х. Дхабхара, что центральный колодец дахмы современных зороастрийцев называется астодан (The Persian ..., с.102).

В любом случае, технически астоданы – оссуарии предназначались для сохранения костей, а в символическом плане (имеется в виду сама их форма) они восходят к единой с погребальными сооружениями идее – изображению мировой горы, где размещалась не только ось мироздания с её трёхчленной структурой, но и мир богов и мир мёртвых. Безусловно, эта идея и её символические воплощения подвергались трансформации по мере изменения идеологических представлений, отмирания старых и утверждения новых. Не исключено, что первоначальный смысл подобных захоронений – помещение умершего к подножию символической мировой горы, где при повторении цикла, нового акта творения мира, его ждёт возрождение (или перевоплощение). Позже, уже под влиянием более развитых религиозных идей, разработки концепции о конечном «страшном» суде, конце мира, творении нового совершенного мира праведников, меняются представления о загробной жизни и воздаяния или наказания за земную жизнь.

Поэтому и наусы, и оссуарии несли одну идею – символизировали – Гарадману – «райскую обитель» душ праведников и богов на мировой горе Хара.

Следует отметить, что оссуарный обряд не был достоянием лишь городской культуры, он встречается и на памятниках, оставленных сельским населением. Как и в других регионах Средней Азии, оссуарии Чача помещались в камерах подземных и наземных склепов, иногда их хранили цепочками (небольшими группами) в земле. Иногда под оссуарные кладбища отводились заброшенные постройки или оплывающие остатки крепостных стен. Показательны в этом плане находки городища Ханабад на юго-восточной окраине Ташкента (Древний Ташкент, 1973, 34–36).

Кроме того, наряду с распространением оссуариев и наусов, появился еще один

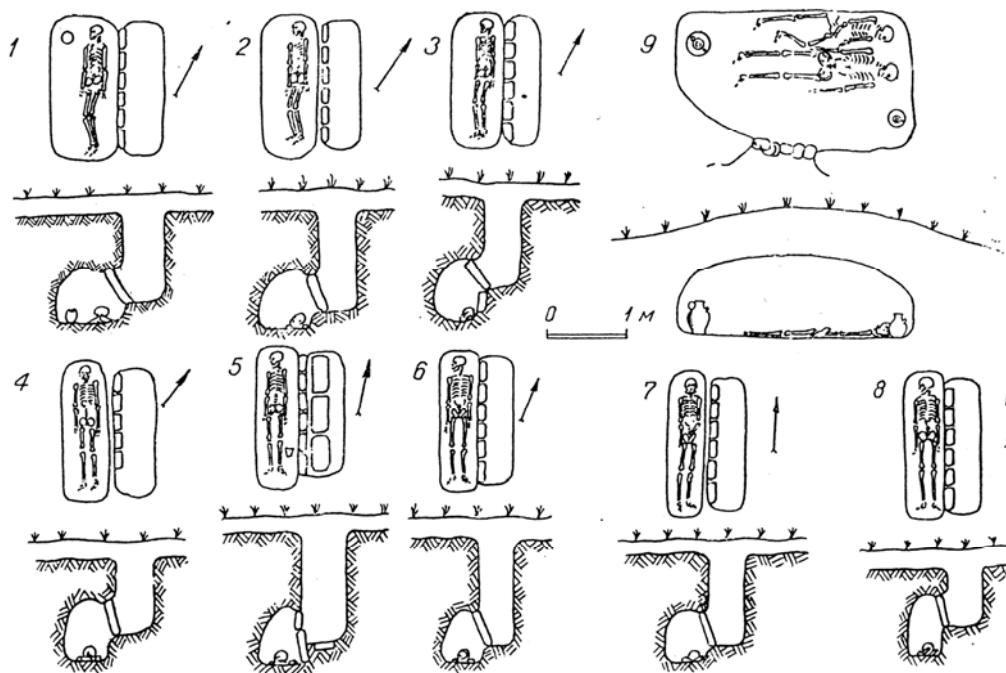

Рис. 6. Грунтовые погребения Кульаты.

тип захоронений в виде кучек очищенных костей в крепостной стене. Этот обряд также связан с обычаем выставления трупов. Так, на городище Канка в толще крепостной стены была обнаружена вырубленная в стене ниша шириной 0,35 м с помещенными в ней костями. На параллельно положенные кости ног были помещены несколько ребер, позвонков и длинные кости рук, завершал эту кучку положенный на бок череп. Мелкие кости и нижняя челюсть отсутствовали. Ниши с кучками костей обнаружены с внутренней стороны крепостной стены шахристанов II и III. В одном случае такая кучка костей оказалась под забутовкой платформы домовладения первой половины VII века в Шахристане III.

Таким образом, если в первые века нашей эры преобладающим типом погребения являлись трупоположения в катакомбных подкурганых сооружениях, то уже с III–IV вв. наблюдается появление подземных и полуподземных склепов с коллективными захоронениями, которые отразили одно из направлений в унификации погребального обряда. На ранних этапах эти сооружения сохраняли связь с исходным типом, во-первых, своим внешним видом, во-вторых, тем, что конструкции опускались под землю полностью или частично и

засыпались грунтом. Часть из них практически полностью повторяла устройство катакомбного кургана (Катартал), другие — хотя были сложены из камня и лишь наполовину опущены в грунт, повторяли их типологическое устройство — длинный пологий коридор-дромос и подпрямоугольную камеру со сводчатым верхом (Апартак).

Археологические материалы показывают, что этот процесс происходил довольно быстро и уже в IV–V вв. появляются наземные склепы, которые в VI–VIII вв. становятся ведущим типом погребальных сооружений. Как правило, они имели округлый внешний абрис, полусферическую или юртообразную форму и были сложены из пахсы и сырцового кирпича. Короткий входной коридор вел в глухую, небольшую подквадратную или прямоугольную камеру с суфами по периметру. Нередко в таких склепах сочетались трупоположения, оссуарные погребения и кучки костей. Любопытно в этой связи указание в Персидских Ривоятах, что «дахма должна быть круглая и (её) дверь должна быть помещена на стороне восходящего солнца, т.е. на востоке» (The Persian ..., с.103). Всё это точно соответствует наземным наусам. Возможно, в VI–VIII вв. в понятия «наус»

и «дахма» не вкладывался строго конкретный смысл. Понятие «дахма» воспринималось не только как обозначение конкретного типа погребального сооружения, регламентированного ритуальной практикой, но и как более широкое понятие – могильного сооружения, могилы. Показательно, что до сих пор называют дахмой суфу с погребениями на мазарах Бухары, Самарканда, Ташкента.

Как и в других регионах Средней Азии, в Чаче фиксируется резкое увеличение оссуарных захоронений в VI–VIII вв. Вместе с тем следует отметить, что вплоть до VII–VIII вв. н.э., часть городского населения продолжала хоронить в грунтовых могилах. Таковы подбойные прямоугольные в плане погребения кулятинского могиль-

ника (Алмалык). Подбой вытянут вдоль длинной западной стороны спускной ямы. Костяк – на спине или повернут на правый бок. Рядом помещен сопроводительный инвентарь из одного – двух сосудов. Подбой заложен по всей длине сырцовыми кирпичами, поставленными на ребро (Рис. 6).

Схожее устройство могил во всех деталях (подбой немного ниже дна спускной ямы, вдоль ее западной стены, костяк на правом боку, закладка из кирпича на ребро, кроме размеров кирпичей и наличия сопроводительного инвентаря) дает небольшое городское кладбище VIII – нач. IX вв. на крепостной стене шахристана III городища Канка.

Литература:

1. Агзамходжаев Т. Погребения IV–V вв. н.э. в Катарале // Научные работы и сообщения. Кн. III, Ташкент, 1961.
2. Агзамходжаев Т. Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской // ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.
3. Агзамходжаев Т. Подземные наусы около г. Ангрена // ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1966.
4. Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик–Ангренской долины I–VIII вв. н.э. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1966.
5. Алимов К.А. Памятники скотоводов Чача (курганы каунчинской культуры в окрестностях Кавардана) // Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979.
6. Алимов У., Алимов К. Погребальные сооружения Кавардана // ИМКУ, вып. 18, Ташкент, 1983.
7. Алимов У., Буряков Ю., Ходжайов Т. Новые материалы к этнической истории долины Ахангарана // ИМКУ, вып. 14. Ташкент, 1978.
8. Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы // Советская археология, №3. М., 1968.
9. Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековья // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
10. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
11. Воронец М.Э. Отчёт археологической экспедиции музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н.э. возле станции Вревской в 1947 г. // Труды музея истории народов Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1951.
12. Грицина А.А. Каунчинское погребение первых веков н.э. в Ташкенте // ИМКУ, вып. 17, Ташкент, 1982.
13. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
14. Дресвянская Г.Я. Типы захоронений курганного могильника у к. Актам (Пскентский район) // Материалы по археологии. Сб. науч. трудов ТашГУ, № 707, Ташкент, 1983.
15. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
16. Лыкошин Н.С. Очерк археологических изысканий в Туркестанском крае до учреждения Туркестанского кружка любителей археологии // Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896.
17. Массон М.Е. Ахангаран. Археолого–топографический очерк. Ташкент, 1953.
18. Массон М.Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент. 1976.
19. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V–VII вв.). Ташкент, 1966.
20. Оболдуева Т.Г. Курганы каунчинской и джунской культур Ташкентской области // КСИИМК, вып. 22. М.–Л., 1948.
21. Потапов А.А. Пскентский курганный могильник. Отчёт. Архив ГНПУ Министерства культуры РУз. (Т1143; Т1144 П–64).
22. Тереножкин А.И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале. // Изв. ФАН. УзССР, Ташкент, 1940, №9.
23. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи–Шах. Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
24. The Persian Rivayats of Hormazyar Framarz and others. Their version with introduction and notes by E.B.N Dhabhar. Bombay, K.B.Cama oriental institute. 1932.

Г. Бабаяров

ЧАЧ В ЭПОХУ ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

(по нумизматическим данным)

Монеты историко-культурной области Средней Азии в эпоху раннего средневековья являются ценным источником по политической, экономической и культурной истории региона, они значительно дополняют довольно скудные данные письменных памятников этого времени. Среди них большое значение имеют монеты Чача (территория современного Южного Казахстана и Ташкентский оазис Узбекистана), которые выделяются своим особым типом.

Изучению чачских монет посвящены мно-гочисленные научные труды, среди которых можно выделить работы М.Е. Массона, О.И. Смирновой, В.А. Лившица, Э.В. Ртвеладзе. База данных чачских монет постоянно пополняется новыми экземплярами, найденными как при археологических работах, так и случайными находками. Изучением этих новонайденных монет в настоящее время занимаются Э.В. Ртвеладзе, А.А. Мусакаева, Л.С. Баратова и другие исследователи. По монетным данным, Чач представлял собой конфедерацию княжеств, возглавляемых самостоятельными правителями.

Исходя из иконографии (портреты правителей, знаки, тамги и т. п.) и других показателей, исследователи считают, что большая часть монет Чача того периода была выпущена представителями тюркских династий края. По-этому эти монеты отнесены нумизматами к группе «Древнетюркские монеты Средней Азии».

Древнетюркские монеты Чача можно разделить на две основные группы: 1) без тюркских титулов (выделены по иконографическим особенностям оформления); 2) с тюркскими титулами, переданными согдийским письмом (Баратова, 2003; Бабаяров, 2004). Целью данного сообщения является классификация второй группы монет, найденных, в основном, на городищах Ташкентской области: Канка, Бенакет, Ку-

лактепе, Актепе, Кавардан, Киндыктепе и др.

Целью этой статьи является исследование раннесредневековых монет Чача на основе новых находок, с привлечением исследований вышеперечисленных ученых¹. В частности, с использованием монет, хранящихся в фонде НБУ (Национальный Банк Узбекистана) (100 coins from collection of the National Bank of Uzbekistan, 1997, 1999, 2000) и занявших место в отделе Нумизматики Галереи Искусств, открывшейся в Ташкенте в 2004 году, также опубликованных российскими коллекционерами на Интернет сайте (<http://www.sogdcoins.narod.ru> и <http://www.zeno.ru>) «Монеты Центральной Азии» серии чачских монет:

Группа 1. Монеты с титулом «каган»

Тип I. Монеты с квадратным отверстием.

1) Л.с. Вокруг квадратного отверстия, заключенного в узкую рамочку, надпись согдийским письмом $\beta\gamma\gamma \gamma' \gamma' n$ – «гос-подин /владыка/ каган». По краю узкий, чуть неровный по ширине ободок. О.с. Гладкая, без отличий. Д.: 20 мм, в.: ,64 г. (рис. 1, 1).

2) Л.с. В поле вокруг квадратного отверстия, заключенного в узкую рамочку, надпись согдийским письмом $\beta\gamma\gamma \gamma' \gamma' n rny$ - «деньга владыки кагана». По краю узкий ободок. О.с. Гладкая, без отличий. Д.: 13 мм, в: 0,60-1,30 г. (рис. 1, 2) (Баратова, 1998, с. 41-43).

Тип II. Монеты с парным изображением

Л.с. Погрудное изображение правителя и правительницы в фас. Левый персонаж (правитель) – с непокрытой головой. Пра-

¹При написании данной статьи были привлечены материалы к.и.н. Л. Баратовой, которая уже много лет ведет исследования по древним тюркским монетам.

вый (правительница) – в головном уборе с «зубчиком». О.с. Изображение знака-тамги на короткой дугообразной подставке, между ножками основания – свастика. Круговая надпись согдийским полукурсивом из одного слова: ... $\gamma\gamma'(n)$ «каган». Д.: 23 мм, В.: 2,1 г. (рис. 1, 3) (www.sogdcoins.narod.ru, No. Ch 19.).

Выделяются следующие типы: а) Вариант. Надпись $\gamma\gamma'n$ под свастикой (рис. 1, 4), б) без изображения свастики. Надпись по кругу: ... $[\gamma\gamma']\gamma'n$ (рис. 1, 5) (sogdcoins.narod.ru, No. Ch 18.), в) вокруг тамги согдийская надпись: ... $twwn \gamma\gamma'n$ –...Тон каган (чтение Э.В. Ртвеладзе; рис. 1, 6-8) (zeno.ru - Chach, Chanak; 100 coins, III, 2000, p. 34, No. 47), г) вокруг тамги согдийская надпись: $\delta\gamma\gamma\gamma \gamma\gamma'n$. - Шегуй? каган (чтение Э.В. Ртвеладзе; рис. 1, 9), д) вокруг тамги согдийская надпись: $l\gamma\gamma'n$ – Алп или Алпай? каган (чтение Э.В. Ртвеладзе; рис. 1, 10), е) отличающаяся от других типов тамга, вокруг нее согдийская легенда $twn \text{ср}uw \gamma\gamma'n \text{р}ny$ – «Тун джабгу каган пани» («деньга Тун джабгу кагана»). Д.: 17-18 мм, В.: 1,4 гр. (рис. 1, 11-12) (sogdcoins.narod.ru, No. Ch 22.; Камышев, 2002, с. 91, №19).

Тип III. Монета с изображениями всадника

Л.с. Изображение всадника вправо. **О.с.** Династийный знак-тамга в окружении согдийской легенды, которую мы предлагаем читать как $\text{ср}uw \gamma\gamma'n \text{р}ny$ – «джабгу каган пани» («деньга джабгу кагана»). Д.: 17 мм, В.: 1,4 г. (рис. 2, 1-2) (Rtveladze, 1997/98, p. 325, Pl. I, 8-9; 100 coins, 1999-2001, p. 33, No. 40; sogdcoins.narod.ru, No. Ch 25; zeno.ru – Chach, Kabarna; zeno.ru – Chach, Kabarna principality).

Примечание. Сейчас известно около 8 монет данного типа. Изучив и сравнив надписи на монетах, мы привели их в вышеследующем порядке.

Тип IV. Монета с изображением коня

Л.с. Изображения лошади вправо, над ней полумесяц с звездой, **О.с.** Династийный знак-тамга в окружении согдийской легенды, которую мы предлагаем читать как $twn \text{ср}uw \gamma\gamma'n \text{р}ny$ – «Тун джабгу каган пани» («деньга Тун джабгу кагана»). Д.:

17 мм, В.: 1,4 г. (рис. 2, 3-4) (zeno.ru - Chach, Sabarna domain; sogdcoins.narod.ru, No. Ch 27.).

Тип V. Монета с изображением сидящего правителя

Л.с. Сидящий прямо правитель со скрещенными ногами на коврике (трон?). Голова повернута вправо, слева полумесяц и звезда, **О.с.** Династийный знак-тамга в окружении согдийской легенды, чтение которой предлагается в форме как $twn[\text{н}] \text{ср}uw \gamma\gamma'n \text{р}ny$ – «Тун джабгу каган пани» («деньга Тун джабгу кагана»). Д.: 17-20 мм, В.: 1,7 г. (рис. 2, 5-6) (Rtveladze, 1997/98, p. 325, Pl. I, 10, p. 326, Pl. II, 7).

Тип VI. Монета с руническими надписями

Л.с. Лицо правителя с распущенными до плеч волосами и узкими глазами. Влево и вправо от него – руническая надпись. Поддается чтению только надпись вправо. На наш взгляд, эта надпись состоит из трех следующих букв: qgn , т. е. «каган». **О.с.** Тамга, характерная для монет Чача, схожая с тамгами на монетах с изображением всадника и титулами «...джабгу каган» и «.тегин чачинак». Выше тамги согдийская надпись из 8 букв: $\gamma'n'pn'$ – «хранитель семьи» (по М. Исхакову). Д.: 20 мм, В.: 2 г. (рис. 2, 7).

Тип VII. Монета с изображением двугорбого верблюда

Л.с. Изображение идущего влево двугорбого верблюда, **О.с.** В поле ромбовидная тамга, вокруг согдийская надпись ... $\gamma\gamma'n$ – «каган». Д.: 15 мм, В.: 1 г. (рис. 1, 8) (zeno.ru - Chach_Farnbag).

Группа 2. Монеты с титулом «тегин»

Тип I. Л.с. Вокруг квадратного отверстия надпись согдийском письмом $y'rtkyn \gamma w\beta w$ – «И/Ннчу Эртегин хвабу» («Правитель Инчу Эртегин»). **О.с.** согдийское слово prn – «фарн» («счастье, благодать»). Д.: 20 мм, В: 2 г. (рис. 2, 9).

Тип II. Л.с. Изображение головы правителя в три четверти вправо. Справа от головы изображение солярных символов – полумесяца и звезды над ним. **О.с.** Тамга в окружении согдийской легенды: $tk'yn$

Рис. 1

c'synk ywβw pny – «тегин чачинак хвабу пани» («Деньга Чачского правителя Тегина»). Д.: 19-20 мм. В.: 1,1- 1,3 г. (рис. 2, 10-11) (Zeymal, 1994, p. 260, Fig. 6, 23-24; 100 coins, III, 2000, p. 34, No. 48; sogdccoins.narod.ru, No. Ch 28-31).

Примечание. Имеются 10 типов, относящиеся 3-й группе (с разными изображениями головы правителя и формами тамг). Надписи на этой монете (рис. 1, 14) восстановлены сравнением с другими монетами данного типа.

Тип II. Л.с. Барс, идущий вправо с поднятой правой лапой, **О.с.** В центре вилообразная тамга характерная для Чача, над тамгой и под ней согдийская легенда из двух слов: *ywβw tk'yn* – «хвабу тегин» («правитель тегин»). Д.: 20 мм. В.: 2 г. (рис. 2, 12).

Группа 3. Монеты с титулом «тудун»

Тип I. Л.с. В поле изображение правителя вправо. **О.с.** Вилообразный знак-тамга, обращенный вверх, средняя часть его опирается на слегка расходящиеся створки. Вокруг знака надпись мелким согдийским полукурсивом из трех слов: *stcry tdown c'synk* – «Сатачари тудун Чачинак» («Чач-ский тудун Сатачари»). Д.: 20 мм, В.: 2.20 г. (рис. 2, 13) (Бобоёров, 2004, с. 40-43)

Тип II. Л.с. Вариант вилообразного знака влево, центральная часть которого опирается на основание, а створки чуть расходятся; кругом следы надписи: *βyy pny*. **О.с.** В поле посередине трехстрочная надпись согдийским поликурсивом: *ywβ tdown stter[y?]* – «правитель тудун Саттачари?» (по О.И. Смирновой) или *ywβ tdown k'nycwr?* – «правитель тудун Каничур?» (по Э.В. Ртвеладзе). Д.: 15-18 мм, В.: 1-1,5 г. (рис. 2, 14).

Примечание. Известны 4 типа такой монеты (с разной графикой легенды).

* * *

На основе исследования вышеприведенного нумизматического материала известно, что большая часть чачских монет отчеканена с тюркскими титулами. Как это можно объяснить?

Если мы обратимся к письменным источникам, относящимся к этому периоду, то становится понятной следующая социально-политическая ситуация:

До второй половины VI в. Чачская область входила в состав государства эфталитов и составляла один из его северо-восточных регионов. Именно к этому времени, т.е. к 552 г., окрестностях Алтайских гор возникает могущественный Тюркский каганат, который граничил с государством эфталитов. В 60-ых гг. VI в., когда Истеми ябгу (552-576), один из основателей Тюркского каганата, уничтожив эфталитов, завоевал Чач, Фергану, Уструшану, Хорезм, Бухару и области Согда (Самарканд, Пенджикент, Несеф, Кеш и др.), союзники каганата - сасанидские войска захватили другие территории, принадлежавшие эфталитам – Кабулистан, Забулистан и Тохаристан. Господство Тюркского каганата в Чаче началось с этого периода и продолжалось вплоть до второй четверти VIII века.

В изучаемое время Чач представлял собой отдельное владение, в состав которого, кроме нынешней Ташкентской области, входили города Исфиджаб (Сайрам), Нучекет (Чимкент), Тарбанд (совокупное название областей Шавгар и Отрар/Фараб) Тараз (Смагулов, Григорьев, 1996, с. 66). Если город Чач (городище Мингурюк) был экономическим и культурным центром, то Тарбанд представлял собой военно-политический центр области (Гоибов, 1989, с. 51).

При освещении событий начала VII в. в хрониках Бей-ши и Суй-шу повествуется о том, что правитель владения Ши прозывался Ши, а имя его было Нйе. Здесь же отмечается, что правители Ши были в раздоре с одним из правителей Тюркского Каганата Шегуйханом (Жиг каган, внук Тардуя; 611-618), и потерпели поражение, в результате чего Шегуйхан назначил здесь для правления Дэлэ Тяньчжи (Тегин Тяньчжи), который 609 году отправил посла в Китай (Бичурин, 1950, с. 272-273, 282). В хронике Тан-шу эти события приводятся немного иначе. То есть хотя и отмечается, что правителя именовали Ши,

его имя не приводится, а также то, что 605 году западные тюрки, убив здешнего правителя, назначили вместо него Дэлэ Фучжи (Тегин Фучжи) (Бичурин, 1950, с. 313; Chavannes, 1903, р. 141). Как видно, первоначально, когда Тюркский Каганат завоевал Среднеазиатское Междуречье и прилегающие территории, владетели Чача, как и другие владения, принадлежали Чжаову².

Из вышеприведенных трех китайских хроник вытекает, что в начале VII в. местная династия в Чаче была ликвидирована, а вместо нее установлено правление, имеющее непосредственную связь с каганатом. По мнению Ю.Ф. Бурякова, с этого времени власть в области переходит в руки наместника из рода Ашина, основавшего Тюркский каганат (Буряков, 2002, с. 12). Из первой части имени этого наместника Дэлэ Тяньчжи (или Дэлэ Фучжи) – Дэлэ (Тегин) видно, что он принадлежал к правящему дому каганата. Известно, что в Тюркском каганате царевичей называли «тегин».

Сведений о продолжительности времени правления Дэлэ Тяньчжи в Чаче не имеется. Согласно хронике Тан-шу, в 641 году каган Иби Дулу (Эл Бильге Тюрк) отправил тудуна Чача с войском против кагана Шаболо Шэху (Ишбара ябгу), и тудун, убив в бою последнего, берет власть в

свои руки (Бичурин, 1950, с. 287). Из этого следует, что в 640-х годах в Чаче правил владетель с титулом тудун, принимавший активное участие во внутренних делах каганата. С этой даты, то есть с 40-х годов VII в. вплоть до 40-х годов VIII в., правители Чача в хронике Тан-шу упоминаются с титулом тутунь (тудун). Например, кроме этого тудуна, в хронике встречаются имена еще трех правителей Чача: Ган тутунь (Тон тудун³; 658), Мохэду тутунь (Бахадур тудун; 713-740), Инай тутунь Кюеле (Инай тудун Кюлюг; 741) (Бичурин, 1950, с. 313-314; Chavannes, 1903, р. 140; Малявкин, 1989, с. 270; Смирнова, 1981, с. 431). Исходя из этих сведений, можно предположить, что с 640-х годов до 740-х годов Чачской областью правили правители с титулом тудун, происходящие из одной династии. Кстати, источники на других языках, относящиеся к этому периоду, также подтверждают, что правители области в это время имели титул тудуна. В согдийском документе с горы Муг А-14 титул правителя Чача приводится как *t¶wñ* «тудун» (Лившиц, 1962, с. 82-84). В арабо-персидских источниках правители Чача названы этим титулом. Например, в произведении Табари «Тарих ар-расул ва-л-мулук» встречается выражение «тудун малик аш-Шаш» (тудун правитель Чача) («История» ат-Табари), 1987, с. 268). Абу Рейхан Беруни в произведении «Асар ул-бакийа» отмечает, что титул царя Шаша – тудун (Абу Райхон Беруний, 1968, 129-б.). Кроме этого, наличие среди монет Чача периода VII-VIII вв. монет с надписью *t¶wñ* (тудун) подтверждает существование в области династии тудунов. Кроме того, на найденных в Пенджикенте и Канкатепе монетах с вилообразными знаками (рис. 2, 14), относящихся VII-VIII вв., существуют согдийские надписи, которые О.И. Смирнова рекомендует читать как *γwē tōwn stter[y?]* – хваб тудун Саттачари (Смирнова, 1981, с. 52-53, 391-393), а

²Чжаову - О доме Чжаову высказан ряд мнений. Г. Гибб рассматривает термин чжаову в качестве названия правившей Среднеазиатским Междуречьем династии, считая ее издревле иранизированной (Gibb, 1930, s. 7). Некоторые историки приравнивают чжаову к титулу ябгу, комментируя его как оставшееся от юэчжей слово (Смирнова, 1970, с. 30, 36). Большинство же историков, основываясь на чтении этого термина *t'nyd-tiu* в источниках периода дома Тан, усматривают в нем термин «Джамук» китайских и мусульманских источников, относящихся к знати Мавераннахра (Смирнова, 1963, с. 26; Golden, 1992, р. 189). По мнению З.В. Тогана, термин джамук по-тюркски звучит как Чамук или Чумак, в китайских хрониках он в форме чумугунь указывается в качестве главы рода, возглавлявшего пять Дулу Кёк тюрков (Togan, 1981, s. 51, 428). По словам Табари, джамуки принадлежали к тюркским азимам, т.е. тюркской знати («История» ат-Табари), 1987, с. 253). Следует отметить, что, несмотря на ряд существующих мнений о термине чжаову, до сих пор этот вопрос остается открытым.

³Ган тудун – имя этого правителя, по мнению А.Г. Малявкина, было тюркское Тон-тудун (Малявкин, 1989, с. 270). По Ю. Зуеву, настоящее его имя было Канг-тудун и было связано с названием государства Канг (Зуев, 2002, с. 101).

Рис. 2

Э. В. Ртвеладзе в виде *γwb tōwn k'nycwr?* - хваб тудун Каничур. Вместе с тем согдийская легенда на монете *stcry tōwn c'synk* ("тудун Чача Сатачари"), найденной нами в 2002 году (рис. 2, 13), относящаяся к периоду VII-VIII вв. в одном из городов-центров раннесредневекового Чача Канка-тепе (древний Харашкет) явно указывает на то, что в Чаче имелась также династия тудунов (Бобоёров, 2004, с. 40-43). Тот факт, что на сегодняшний день имеется ряд находок монет данного типа, полностью отрицает различные сомнения по поводу чекана монет со стороны чачских тудунов (Филанович, 1995, с. 109).

Видимо, начало правления династии тудунов в качестве наместников Тюркского Каганата в Чачской области связано с деятельностью Тун ябгу (Тон-шэху, младшего брата Шегуйхана; 619-630). В период правления Тун ябгу в западных частях Каганата произошли некоторые изменения. В китайских хрониках зафиксировано, что он перенес свою резиденцию в северный массив Ши-го (букв. «Государство Чач») Цянь-цюань (букв. «Тысяча ключей» - Мингбулак⁴), и после этого провел реформы в управлении всех западных окраин, дав правителям этих регионов титул сылифа (тюрк. эльтебер), а для контроля их действий и сбора налогов отправил туда тудунов (Бичурин, 1950, с. 283). Возможно, упоминание должностей тюркского тудуна и эльтебера в системе управления некоторых западных областей в составе Тюркского каганата, в частности, в Хазарском каганате, Тохаристане, Чаче и других связано с этими реформами. Как известно, титул тудуна в Тюркском каганате был одним из высших.

⁴Мингбулак – эта местность, упоминаемая в китайских источниках как Цянь-цюань “тысяча ключей” и в форме Бин-йу, которая является фонетически близкой к древнетюркскому названию Бинг-йул («тысяча ключей»), была расположена в 140-150 ли (70-75 км) к востоку от Тараза (Джамбула), по мнению ряда ученых в районе Мерке (Зуев, 2002, с. 269). Также в соседней с районом Мерке Таласской области (Кыргызстан) до сих пор имеется населенный пункт Мингбулак, расположенный в 80 км к востоку от жел. дор. станции Тараз (Энциклопедия, Таласская область. 1995, с. 37, 248).

Уместно упомянуть о существовании мнения, что в это время в Чаче, наряду с тудунами, имелась местная правящая династия, хотя этот факт еще недостаточно подтвержден. В.А. Лившиц на основании согдийского документа А-14 считает, что в области было двоевластие, то есть, с одной стороны, правительство тудуна, наместника китайской империи или Восточного Тюркского каганата с резиденцией в Тарбанде, с другой - местное правительство с резиденцией в самом Чаче (Ташкент) (Лившиц, 1962, с. 81-83). В следующих строках документа А-14, связанных с Чачем, речь идет только о тудуне: «(5) И, господин, я прибыл сюда к чачскому государю. И, господин, (6) я и письма вручил, и то, что следовало устно передать («которые на языке обращение (7) было»), я полностью, ничего не опуская («без остатка»), изложил – и (8) тудуну, и «помощнику» (Лившиц, 1962, с. 78-79). Комментируя эти строки, В.А. Лившиц приходит к выводу, что здесь говорится о двух лицах, то есть о правителе Чача и тудуне. То, что посол Диваштича Фатуфарн встретился с каждым из них (Лившиц, 1962, с. 82-83). С.Г. Кляшторный считает, что из содержания письма нельзя сделать такой вывод, наоборот, речь идет об одном лице; Фатуфарн назвал его сначала по положению («правитель Чача»), а затем по титулу («тудун»); если сравнить с Табари, то он также называет этого правителя «царем Шаша» и «тудуном» (Кляшторный, 1964, с. 160). Мы считаем, что в этом есть доля истины, так как в разных источниках по этому периоду тудун упоминается в качестве одного из правителей Чача.

Среди актуальных проблем истории денежного обращения Чача занимает место чеканка монет с титулом «тегин». Так, среди чачских монет VII-VIII вв. встречаются монеты с квадратным отверстием и согдийской надписью *γncw 'yrtkyn γwbw* – “Правитель Инчу Эр-тегин” (рис. 2, 9) и монеты с изображением на лицевой стороне головы правителя, на обратной стороне дугообразная тамга и вокруг нее согдийская легенда *tk'yn c'synk γwbw pny* – “Деньга Чачского правителя Теги-

на” (монета этого типа хорошей сохранности была приобретена нами у коллекционеров-нумизматов в мае 2005 г.; *рис. 2, 11*). Этот титул означал в центральном управлении Тюркского каганата царицей, и возможно, применялся по отношению к правителям Чача, ставленникам Тюркского каганата, происходившим из правящего рода Ашина. Надо упомянуть также то, что ошибочное чтение легенды на монетах этого типа было предложено В.А. Лившицем как «Чачинак хвабу Йазатпир», которое было признано и введено в научный оборот рядом исследователей (Исхаков, 2002, с. 57-59, пр. 4).

Кроме этого, заслуживают внимания монеты VII-VIII вв. с изображением на аверсе барса (хищника) и вилообразной тамги, характерных для Чача, с круговой надписью согдийским письмом вокруг нее (*рис. 2, 12*). Одной с первых эту надпись восстановила О. И. Смирнова в виде $\gamma\omega\beta\omega tr'\beta c, tr'\beta'$ или $tr'\eta\beta'$ ($tr'\eta\beta c$) и прочитала вторую часть надписи как Тарнавч, предполагая, что это название местности (Смирнова, 1963, с. 33). Однако в последующих исследованиях (1980-х годах) О.И. Смирнова отказалась от первоначального мнения и предложила новое чтение $tr\eta\beta'/n, tr'\beta'/n$ или $trny'$, но при этом утверждала, что при таком чтении слово не имеет смысла (Смирнова, 1981, 51). Но, несмотря на это, многие исследователи до сих пор в своих исследованиях относят эти монеты к чекану Тарнавча. Мы же, основываясь на палеографических особенностях и фактах, встречающихся на монетах этого типа, прочитали эту надпись как $\gamma\omega\beta\omega tk'yn$ «Правитель тегин» и считаем, что это монета относится к вышеупомянутым монетам типа $tk'yn c'synk \gamma\omega\beta\omega pny$ «Деньга правителя Чача Тегина» и $ynsw 'yrtkyn \gamma\omega\beta\omega$ «Правитель Инчу Эр-тегин».

То, что на монетах, относящихся к VII-VIII вв., встречается титул «тегин», свидетельствует о том, что в это время в Чачском оазисе была главенствующая династия правителей с титулом тегин. Известно, что один из правителей Западно-Тюркского Каганата Шегуй 605 году назначил наместником Чача Дэлэ Тяньчжи (Тегина Тяньчжи). Возможно, что с его

правления впервые началась чеканка монет Чача с титулом «тегин». По сведению китайских источников, правитель Чача тегин в 742-746 гг. отправил посла в Китай (Chavannes, 1903, p. 142, n. 1; Chavannes, 1904, pp. 67, 69-70, 74). Самое важное то, что в источниках Чачский правитель назван *Шу-го Вань Дэлэ (Тегин)* «Правитель Чачского государства Тегин» (Chavannes, 1903, p. 142, n. 1). Если обратить внимание на легенду чачских монет $tk'yn c'synk \gamma\omega\beta\omega...$ «...Чачский правитель Тегин», то в глаза бросается сходство этой легенды и фразы китайских источников «Правитель Чачского государства Тегин», свидетельствующее о том, что бывшая в употреблении в системе управления Чача согдийская фраза дана в китайских источниках в форме кальки. Эти сведения подтверждают возможность того, что данные Чачские монеты начали чеканиться именно со стороны правителя с титулом тегин, правящего 740-х годах. Может быть, монеты с титулом «тегин» чеканились со времени Тегина Тяньчжи (605-609) до 740-ых годов. Свидетельство этому - наличие различных типов изображений правителя на монетах (до 10 типов) и различное написание титула «тегин» на них ($tk'yn$ или $tkyn$).

Интересно то, что наряду с тегинном приблизительно в то же время упоминается в качестве второстепенного правителя Чача (в китайских источниках *Шу-го Фу-Ван*) Инай тутунь Кюеле (Инай Тудун Кюлюг), пославший в 741, 746 гг. посла в Китай (Chavannes, 1903, 142, n. 1; Chavannes, 1904, p. 76; Лившиц, 1962, с. 83). Заслуживает внимания и тот факт, что в китайских хрониках правитель Чача, пославший в 755 г. в Китай посла, также упоминается как *Шу-го Фу-Ван* «Второстепенный правитель Чачского государства» (Chavannes, 1904, p. 92). На основании этого можно сделать заключение, что в Чаче данной эпохи существовали две основные общечачские династии: главная тегинов и второстепенная тудунов. При этом надо учесть и тот факт, что в иерархической системе Тюркского каганата «тегин» стоит выше, чем «тудун». Возможно, это находит подтверждение в про-

изведении Табари «Тарих ар-расул ва-л-мулук», так как несколько раз встречается выражение «малик аш-Шаш» («правитель Чача») и только один раз «тудун малик аш-Шаш» («тудун правитель Чача»).

Исходя из этого возникает вопрос: не подтверждают ли встречающиеся в согдийском документе А-14 титулы «чачинак хвабу» («правитель Чача») и «тудун» то, что это были два разных лица? А также фраза «чачинак хвабу» не соответствует ли теги-ну?

Среди монет, найденных на территории Ташкентского оазиса, особое внимание заслуживают монеты с титулом «каган»: 1) с парным изображением (Av.), на реверсе с согдийским надписью *twwn γ'γ'n* – «Тон каган», *'puy γ'γ'n* – «каган» (рис. 1, 6-10)⁵ и *γ'γ'n* – «каган» (рис. 1, 3-5)⁶, отличающаяся от вышеупомянутых типов тамга, вокруг нее согдийская легенда *twn srw γ'γ'n pny* – «деньга Тун джабгу кагана» (рис. 1, 11-12), 2) с квадратным отверстием и с согдийской легендой *βyу γ'γ'n* – «господин каган», *βyу γ'γ'n pny* – «деньга владыки кагана» (рис. 1, 1-2), 3) с изображением двухгорбого верблюда (Av.), на реверсе согдийская надпись *γ'γ'n* – «каган» (рис. 1, 11)⁷, 4) с всадником (Av.), на реверсе легенда согдийским письмом *srw γ'γ'n pny* – «деньга джабгу кагана» (рис. 2, 1-2)⁸, 5) Изображения лошади вправо, над ней полумесяц с звездой (Av.), на реверсе тамга в окружении согдийской легенды *twn srw γ'γ'n pny* – «деньга Тун

джабгу кагана» (рис. 2, 3-4), 6) сидящий прямо правитель (Av.), на реверсе тамга в окружении согдийской легенды *tw[n] srw γ'γ'n pny* – «деньга Тун джабгу кагана» (рис. 2, 5-6)⁹ и другие. Видимо, выпуск монет с титулом «каган» был непосредственно связан с правителями Западно-Тюркского каганата.

По этому поводу можно сделать следующее заключение: 1. Монеты с титулом *γ'γ'n* «каган» чеканились со стороны чачских правителей, считавших себя в наместниками или вассалами Тюркского каганата на имя кагана, 2. Возможно, большую часть этих монет чеканили от своего имени правители Западно-Тюркского каганата, имевшие ставку на территории близлежащих к Чачу, в Семиречье и в местности Цянь-Цюань («Тысяча ключей»), на монетных дворах Чача. В частности, наличие монет с парным изображением и титулом «каган», а также «Деньга джабгу кагана» свидетельствуют о большой вероятности, что они были отчеканены со стороны Западно-Тюркских каганов. Об этом свидетельствуют такие факты, отраженные в китайских хрониках: Западно-Тюркский каган Чуло-хан (603-610) учредил в своем государстве два маленьких каганата, один из которых имел ставку на севере Ши-го (Чач) и управлял всеми владениями Ху (оседлые государства Средней Азии – Г.Б.) (Бичурин, 1950, с. 279; Tasagil, 2003, s. 89), и в том числе то, что Тун-ябгу каган (619-630) перенес ставку Западно-Тюркского каганата на территорию Чачского государства в местность Цянь-Цюань («Тысяча ключей»), а также учреждение в 650-ых годах одним из западно-тюркских правителей Ашиной Хэлу (Улуг) ставке в этой же местности (Бичурин, 1950, с. 289; Tasagil, 1999, s. 71). А также известно наличие города Джабгукет (букв. «город джабгу»), расположенного в двух фарсах от столицы Чача - Бинкета, который появился в эпоху каганата. По нашему мнению, постройка этого города – крепости связана с одним из западно-тюркских каганов. По мнению некоторых исследователей, Джабгукет/Ябгу-кет был зимней ставкой Тун ябгу кагана (Байтанаев, 2004,

⁵данную надпись прочел Э.В. Ртвеладзе

⁶Надписи на трех вариантах монет этого типа были прочитаны нами как *γ'γ'n* «каган». Легенда на варианте со свастикой (рис.1, 4) ранее была прочитана другими исследователями как *bdu'u/n n/r* (Rtveladze, 1997/98, p. 321).

⁷раннее чтение монеты этого типа по О.И. Смирновой *prn byu* «Фарн баг..» (Смирнова, 1981, с. 314, № 1374).

⁸Монеты этого типа считались аналогичными монетам с легендой, прочитанной В.А. Лившицом как *d'yk/bwrtw [M]R'y* – «государь Дайвурту» (Ртвеладзе, 2002, с. 250, Таб. XXV, 8-9). Но в последние годы найден ряд экземпляров монет с полностью сохранившейся легендой, что позволило нам прочесть ее как *srw γ'γ'n pny* («деньга джабгу кагана»).

⁹Легенды на монетах IV, V типа первой группы в данной статье, были прочтены автором совместно с Кубатиным А.В. (магистрант каф. Археологии Исторического факультета НУУз).

с. 67-70, пр. 25). Учитывая тот факт, что правители Западно-Тюркского каганата в отличие от правителей Центрального (Восточного) Каганата носили титул «шэху-кехань» («ябгу-каган») (Chavannes, 1903, p. 219; Кляшторный, 1985, с. 165), то принадлежность монет с легендой «Деньга джабгу кагана» западно-тюркским каганам находит свое значительное подтверждение. Среди находок имеется значительное число монет различных типов с легендой «Тун джабгу каган..», чекан которых, возможно, непосредственно связан с могущественным правителем Западно-Тюркского каганата Тун ябгу (619-630).

Чеканка этих монет с характерной для Чача тамгой и их многочисленные находки в Ташкентском оазисе свидетельствуют о том, что они были отчеканены на монетных дворах Чача и имели хождение на рынках оазиса.

Тудуны и другие правители Чача активно участвовали в политике Тюркского каганата. Как было рассмотрено выше, каган Иби Дулу (Эл Бильге Тюрк) в 640-х годах отправил тудуна Чача против Шаболо Шэху (Ишбара ябгу) кагана, тудун его победил, и власть перешла в руки Иби Дулу (Бичурин, 1950, с. 287; Tasagil, 1999, s. 67, 95). В 657 году один из правителей Западно-Тюркского каганата, потомок Истеми (пятое колено) Ашина Хэлу (Улуг) и его сын Шиюнь (или Хиюнь) после поражения от войск китайского полководца Су Дин-фана, ища защиты, решились обратиться к правителю Ши (Чач) Шу-жу шаду. Они прибыли в Чач, вошли в город Суду (Шутуркет?). Первоначально правитель города Инье Дагань хорошо принял их, но потом, задержав, отправил их к Шу-жу шаду¹⁰. В свою очередь, Шу-жу шад сдал их китайскому генералу Сы-йе, для того, чтобы он доставил их в столицу Китая (Бичурин, 1950, с. 292; Tasagil, 1999, s. 74, 97). В 738 году еще один правитель Чача Мохэду тутунь (Бахадур тудун) с одним из глав рода тюргешей Мохэ даганом (Бага тарханам) побеждает тюргешского кагана Тухосьянь Гу-чжо (Тухсан Кут-чор) (Бичурин, 1950, с. 299). В хронике Тан-шу сооб-

щается о том, что в 740 году Мохэду (Бахадур), убив кагана Ашина Хина, объявил себя ханом (Бичурин, 1950, с. 300). По мнению Грум-Гржимайло, правитель Ши (Чача) Мохэду тудун и Мохэду - одно лицо (Грум-Гржимайло, 1926, с.329). Но это мнение не нашло еще подтверждения. Из этих сведений становится ясно, что тудуны Чача активно вмешивались в дела Каганата.

Правление Тюркского каганата в Чачской области условно можно разделить на три этапа:

Завоевание области каганатом и управление этими землями посредством существующей вассальной династии Чжаову с 60-х годов VI века до начала VII века.

Смещение в 605 году представителя зависимой династии в Чаче одним из правителей западной части Тюркского каганата Шегуйханом (Жиг каган), захват им власти в области и назначение Тегина Тяньчжи правителем.

Правление в качестве второстепенных правителей Чачской области, связанных с каганатом, тюркских тудунов, выполнявших функции главы администрации и надзора за сбором налогов – с 640-х годов до середины VIII века.

Значит, судя по этим сведениям, Чачская область, в период Тюркского каганата в качестве его составной части, занимала важное место в его политической, экономической и культурной жизни. На основе рассмотренных выше письменных и нумизматических материалов можно подвести следующие итоги:

- вхождение Чачской области в течение около двух веков в состав Тюркского каганата, возникновение связанной с каганатом династии тюркских тегингов и тудунов и ее ведущее положение вплоть до середины VIII века, появление в некоторых частях области тюркских владений, что создало условия для увеличения существующей тюркской прослойки;

- то, что в это время в системе управления Чача встречаются титулы **шад**, **тегин**, **тудун**, **тархан** и другие титулы характерные для Тюркского каганата. Частое вмешательство правителей Чача в политиче-

¹⁰Шу-жу шад - у Бичурина Шунэу Ше.

скую жизнь каганата свидетельствует о близких политических и династийных связях оазиса с каганатом.

- на основании этих фактов можно утверждать, что в этот период какую-то часть населения Чачской области, наряду с чачцами (до сих пор неизвестно, к какой языковой группе относился их язык) составляли тюрки и согдийцы.

Оставляя подробный анализ проблемы чекана значительной части чачских монет с тюркским характером и тот факт, что часть монет выпущена с тюркскими титулами для дальнейшего исследования, мы приходим к следующим предположительным выводам:

- В период Тюркского каганата в чекане традиционных чачских монет происходят заметные изменения. Монеты эпоху Тюркского каганата резко отличаются по ряду особенностей от кангюйских монет (иконографические, палеографические особенности, титулатура и др.). Также в этот период в Чаче увеличивается количество типов монет, в сравнении с другими историко-культурными областями Средней Азии;

- также среди чачских монет с характерными для оазиса тамгами встречаются монеты, отчеканенные с титулом «тегин» и даже на некоторых имеется словосочетание «тегин чачинак» (чачский тегин), это, возможно, связано с назначением Шегуйханом лица с титулом тегин (Тегин Тяньчжи) в качестве наместника Чача. Большое внимание заслуживает тот факт, что в китайских летописях в качестве правителя Чача в 40-х годах VIII века упоминается

Тэлэ (тегин). На основании вышеупомянутых фактов можно сделать предположение о наличии здесь в этот период главенствующей династии с титулом «тегин»;

- ясно что, чеканка монет с титулом «хвабу тудун» (правитель тудун) и с словосочетанием «чачинак тудун» (чачский тудун) с характерной чачской тамгой связана с более чем вековым правлением тюркских правителей с титулом «тудун» в качестве второстепенных чачских правителей;

- то, что на монетах, отчеканенных с характерными для Чача тамгами, встречается титул «каган» и наличие их различных типов, наверное связано с правлением правителей Западно-Тюркского каганата. Во время правления каганов Чуло-хана (603-610), Шегуя (611-618), Туна ябгу (619-630) и Ашины Хэлу (Улуг: 651-657) усиление связей Чача с тогдашним центром каганата Семиречьем, и то, что в одно время ставка Западно-Тюркского кагана находилась на севере оазиса, возможно, привели к чеканке каганами монет с характерными для Чача тамгами. Возможно и то, что правители Чача, считая себя наместниками тюркских каганов, чеканили от их имен монеты;

- на основании многочисленных находок монет с титулами «каган», «джабгу каган» и др. на территории Чача (Ташкентского оазиса), можно сделать вывод, что именно Чач являлся одним из ранних центров по чекану монет и был непосредственно связан с Тюркским каганатом.

Литература

1. Абу Райхон Беруний. Танланган асарлар. I-жилд (арабчадан А. Расулев таржимаси), Ташкент, 1968.
2. Бабаяров Г. Тюркские титулы на монетах Чача 7-8 вв. // Humboldt Kolleg II, II International Conference "Historical Role of Alexander von Humboldt and his Expeditions in the Development of World, regional and National Sciences", October 14-16, 2004, Almaty, Kazakhstan.
3. Бабаяров Г. Чач в периоде Тюркского каганата // «Археология и история Центральной Азии». К 70-летию со дня рождения акад. АН РУз Ю.Ф. Бурякова, Самарканд, 2004.
4. Байтанаев Б.А. Вопросы локализации Нуджикета // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения - 15». Алматы, 2004.
5. Баратова Л.С. К исторической интерпретации титула «каган» на древнетюркских монетах Средней Азии конца VII – первой половины VIII вв. // Нумизматика Центральной Азии, вып. III, Ташкент, 1998.
6. Баратова Л. Монеты как исторический источник классификации древнетюркских монет Центральной Азии // Источники: История и перспективы изучения. Сб. Международной конференции, посвященной 2200-летию Кыргызской государственности. Бишкек, 2003.
7. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-II, М.-Л., 1950.

8. Бобоёров Г. Монета с титулами Тудун // Нумизматика Центральной Азии, вып. VII, Ташкент, 2004.
9. Буряков Ю. К истории раннесредневекового Чача // O'zbekiston tarixi, №3, 2002.
10. Гоибов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. Душанбе, 1989.
11. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II, Л., 1926.
12. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
13. «История» ат-Табари». Избранные отрывки (Перевод с арабского В.И. Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова). Ташкент, 1987
14. Исхаков М. К имени Йазатпир на Чачской монеты раннего средневековья//Востоковедения (ТГИВ), №2, Ташкент, 2002.
15. Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана. Бишкек, 2002
16. Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI-VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985.
17. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964
18. Лившиц В.А. Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М., 1962
19. Лившиц В.А., Ртвеладзе Э.В. О раннесредневековых чеканах Чача // У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
20. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследование. Новосибирск, 1989.
21. Мусакаева А. Монета с изображением всадника //Археологические исследования в Узбекистане – 2003 год, вып. 4, Ташкент, 2004.
22. Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Из домонгольской истории г. Туркестана // Известия Мин. – АН РК, Серия обществ. наук, №2, 1996
23. Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963
24. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
25. Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том 1, Ташкент, 2002
26. Филанович М.А. Еще раз о донесении «Фатуфарна» в связи с историей Ташкента // «Марказий Осиёда урбанистик жараёнларнинг пайдо бўлиши ва ривожланиш босқичлари» маърузалар матни. Самарканд, 1995.
27. Энциклопедия, Таласская область. Бишкек, 1995
28. 100 coins from collection of the National Bank of Uzbekistan. Catalogue of Antique and Medieval Coins of Central Asia, vol. I-IV, 1997, 1999, 2000
29. <http://www.sogdcoins.narod.ru>
30. <http://www.zeno.ru> - Oriental Coins Database – Sogdiana, Chach
31. Baratova L. Alttyrkische Mynzen Mittelasiens aus dem 6.-10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation//Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 31, Berlin, 1999, S. 219-292
32. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux. St.Pbg., 1903
33. Chavannes E. Notes additionelles sur les Tou-kie (Turcs) occidentoux //”T’oung Pao”, V, 1904
34. Gaybullah Babayar. Turk Kulturunun esas temelleri: Kokturklerde Para sistemi//Bilim ve Utopya, Istanbul, Subat 2005, sayi: 128.
35. Gibb H. Orta Asya'da Arap futuhati. Istanbul, 1930.
36. Peter B. Golden. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992.
37. Rtveldze E.V. Pre-Muslim Coins of Chach//Silk Road Art and Archaeology, 5, Kamakura 1997/98.
38. Tasagil A. Gok-Turkler. II, Ankara, 1999.
39. Tasagil A. Gok-Turkler. I, 2. Baski, Ankara, 2003.
40. Togan Z.V. Umumi Turk Tarihine Giris. Эстанбул, 1981.
41. Zeymal E.V. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries A.D.) // Bulletin of the Asia Institute. New series, vol. 8, Bloomfield hills, 1994.

Л.С. Баратова

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС (СОВРЕМЕННЫЙ УРОВЕНЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)

Наше сообщение посвящено достижениям и актуальным проблемам изучения тюркского монетного комплекса, входящего в хронологические и этнокультурные рамки древнетюркского времени (6–10 вв.) (Грач, 1966. С. 188-193). Изучение этих монет продолжается уже более ста лет, начиная с публикаций Э. Друэна, В. Мюллера и В.В. Радлова (Баратова, 1996. С. 77-82). Однако до настоящего времени не выработано общепринятой классификации, способствующей исследованию комплекса в широком нумизматическом контексте – хронологическом, территориальном и историческом.

Почти десять лет назад нами была предложена типология, включающая в себя три большие категории:

А – надчеканы на сасанидских драхмах и подражаниях им.

В – аниконографические монеты по типу китайских «кэш» с квадратным отверстием в центре монетного кружка с тюркскими титулами и именами в монетных надписях.

С – с различными изображениями предположительно тюркской принадлежности.

Внутри каждой категории выделяются классы, группы, типы и варианты. Не все ступени предложенной типологии могли быть заполнены на уровне изученности материала того времени. Так имеются уникальные монеты, требующие выделения новой группы, состоящей из единственного экземпляра, что противоречит самому значению слова «группа». Однако, предложенная типология была рассчитана на перспективу появления новых монетных находок, которые займут свое место в ней, не нарушая общей структуры (Баратова, 1995; Baratova 1999. S. 219-229).

Подобное обещающее исследование по монетам древних тюрков проводилось впервые и отражало уровень научных зна-

ний по этой теме. Дальнейшее изучение древнетюркских монет показало правомерность выделения всех обозначенных категорий, но, возможно, требуют уточнений и дополнений с учетом нового монетного материала.

В категорию **А** были включены группы надчеканов – согдийские надписи, передающие тюркские титулы $\gamma'\gamma'n$ - «каган» и $t\kappa y n$ - «тегин», наряду с другими проставленные на драхмы Пероза и Хосрова 1 и на монетах - подражаниях им (Баратова, 2001, С.53-56; Баратова, Лившиц, 2002. С.21-26). Драхмы Пероза с различными надчеканами или контрамарками (КМ) (короткими согдийскими и бактрийскими надписями, знаками-тамгами, изображениями) были выделены Р. Геблем в отдельную эмиссию 283, состоящую из двух подгрупп 283/в и 283/с, отличающихся между собой типом короны царя на монетах (Göbl, 1967, I. S.194-195, III. Taf.75-77. Большое количество монет Пероза в Северной Тохаристане связывается с победой эфталитов над ним, поэтому, замечал Р.Гебль, "по меньшей мере одна часть надчеканов должна принадлежать эфталитам. Другая часть принадлежит правителям, победившим эфталитов, в первую очередь западным тюркам. А также согдийцы, гунны (иранцы) южнее Гиндукуша, князья Бухары и другие, о которых мы еще ничего не знаем, могут быть представлены" (Göbl, 1967. I, S.193) в этих надчеканах. Надчеканов «каган» согдийским письмом известно ограниченное количество, по предположению Р.Гебля надчекан с подобным титулом, но переданный бактрийским языком - «ХОКО» - хакан, представлен в выделенный им КМ 84, а также как второе слово, составляющее надпись КМ 97 - "ZHГОМО ХОКО". Исследователь отнес их к западным тюркам (Göbl, 1967, II. S.147-148). Однако это чтение

подверглось критики со стороны Г. Гумбаха, который видел в надчекане не "ХОКО", а "ХОНО" - сокращенную форму от бактрийского слова "χοοδη" - "правитель". Этому же мнению придерживается В.А. Лившиц, считающий, что данная форма может быть закономерной позднебактрийской, появившейся, видимо, в 5 в. Э.В. Ртвеладзе, опубликовавший значительный материал из Чаганиана, выявил данный надчекан на монетах Пероза и на местных подражаниях по образцу монет Хосрова I (Ртвеладзе, 1987. С.307).

Монет 283 эмиссии, содержащие наряду с другими и надчекан - tkyn - титул «тегин» согдийским письмом (КМ 79, 82 и ее вариант - КМ 82а), насчитывается около 30 экземпляров, включая 5 из Государственного Эрмитажа, опубликованных Р. Геблем как надчекан с бактрийским словом (Göbl, 1967 II. S.146. IV, Taf. 13). Как отметили С.Г. Кляшторный и В.А. Лившиц, по типу письма надчеканы с тюркскими титулами наиболее близки к согдийской надписи из Бугута (Монголия) и могут быть датированы VI в. Надчеканы связаны с тюркским проникновением в районы, пограничные с Сасанидским Ираном, прежде всего на территории Тохаристана (Кляшторный, Лившиц, 1971. С. 136). Экземпляры с этими КМ из различных музейных собраний, аукционных каталогов и научных работ, пополнивших базу данных после публикации монументального труда Р. Гебля сведены нами в таблицу¹. Таблица наглядно демонстрирует, что основной ареал находок монет с данными надчеканами находится на территории южных районов Таджикистана, севера Афганистана и Сирии.

¹ Считаю своим долгом выразить благодарность коллегам за содействие и возможность поработать с коллекциями во время проводимого в рамках постдокторского научного гранта Фонда им. Адександра фон Гумбольдта: проф. Г. Гаубе и др. Л. Илиша (Восточный семинар и Центр изучения исламских монет университета г. Тюбингена), др. М. Алрама (Музей истории искусств, Вена), проф. В. Шайверту и др. М. Шинделу (Институт нумизматики и истории денег университета г. Вены), др. В. Куртис (Британский музей, Лондон).

К этой же категории принадлежит надчекан – тамга тюргешей. Драхма Пероза с этим надчеканом в сочетании с другими - короткими согдийскими надписями (КМ 82а и КМ 79) из коллекции Кабинета медалей в Париже была впервые опубликована Ф. Тиерри в 1999 году (Thierry, 1992. Pp. 331-332. Pl. 2, 11,12). Дальнейшие три драхмы Пероза с новым надчеканом в сочетании с другими были зафиксированы нами:

1. в центральной картотеке Нумизматического института университета г. Вены;
2. из одной частной американской коллекции, фотографии монет которой были любезно показаны мне хранителем нумизматического кабинета Музея истории искусств в Вене М. Алрамом;
3. из коллекции консула Мейера, выставленную на аукционную распродажу (Dr. Busso und Nachfolger. Auktion Katalog, 2000. № 5413) и приобретенные впоследствии Центром по изучению мусульманской нумизматики Тюбингенского университета в Германии. Таким образом, общее количество монет Пероза с новым надчеканом – 4 экз.

Время надчеканивания тамгой тюргешей возможно отнести к концу 7 – первой половине 8 века, так как аналогичная форма тамги, немного отличающаяся от классической тамги на тюркешских монетах, характерна для анэпиграфных монет с изображением льва из Отрарского оазиса.

Некоторыми исследователями предполагается, что надчеканы с тюркскими титулами на монеты Пероза проставлялись представителями династии т.н. «кабулшахов» в Тохаристане. Эта династия была выявлена Г. Гумбахом на основании бактрийских текстов из долины Точи (близ Пешавара), датированных концом 9 в.- 866 годом (Humbach, 1966. S.11-20). Тексты свидетельствуют о значительном арабском влиянии на горную страну между Кабулом - Газни и Мултаном еще до завоевания Кабула Якубом ибн Лафизом в 870 году, а также о долговременной кушанской традиции, продленной под тюркским влиянием, как можно видеть из титула или имени Тегин шаха, идентифицированным с основателем династии Барах-тегином или Бах-

Перечень монет с надчеканами “ткуп” (KM 78, 82, 82a)¹.

№	Тип монеты	Тип надчеканов и их положение на монете ²	Происхождение	Публикации
1	Пероз 283/в	KM 82a-1 ч.+KM79-11 ч.	FINT, коллекция консула С.Мейера	Dr.Busso und Nachf. № 5413 а
2	тот же	KM 82a—3ч. + KM 83—7ч. + KM79-9ч. + KM 78 ? -10 ч.	FINT 97-1-4	
3*	Пероз 283/с	KM82-8.+KM79-1ч.+т.т.-11ч.	FINT, коллекция консула С. Мейера	Dr.Busso und Nachf. № 5413в
4	Пероз 283/с	KM 82a – 9ч.	КНМ GR 2617.	
5	Пероз 283/в	KM82-8.30ч.+KM85-3ч.+KM 72-11ч.	частная американская коллекция	Фототека мюнцкабинета КНМ
6*	Пероз 283/в	KM79-6ч.+т.т*.-2 ч.	там же	там же
7*	Пероз 283/в	KM96 – 10ч+ т.т.- 6 ч.	BNF (?)	NZK (Париж57)
8*	Пероз 283/в	KM82a-1 ч.+KM79-11ч.+т.т.-6ч.	BNF-1965-394 из находок в окрестн. Кабула	F. Thierry 1999
9	Пероз 238/в	KM82 – 8 ч.+ KM79 –6.30 ч.	BNF-1971-79	F. Thierry 1999
10	Пероз 283/с	KM82-3ч.	BNF	NZK (Вена)
11	Пероз 283/с	KM82-3ч.,9ч.+KM79-3ч.+KM88-6ч.+KM83-8ч.+KM96-11ч.	BNF найдена в провинции Кабула в 1971г. (№85) ³	NZK (Вена)
12	Пероз 283/с	KM82a-3ч.+KM79-9ч.	там же (№83)	там же
13	Пероз 283/с	KM82-1ч.+KM 115-4 ч.	там же (№ 82)	там же
14	Пероз 283/с	KM82-3ч.+KM81(?) -1ч.+KM79-96ч.	там же, из окр. Кабула 1974 (№ 108).	там же
15	Пероз тип(?)	KM82a-3ч. + KM79-1 ч.	Берлин Государственный исторический музей	Simon 1978, 1
16	Пероз тип(?)	KM78-7ч.+KM83-10ч.	там же	там же (2)
17	Пероз тип(?)	KM82-7ч.+KM79 ⁴ -8.30ч.+KM78-3ч.+KM115-10ч.	там же	там же (5)
18	Пероз 283 (?)	KM78-11 ч.+KM79-3ч.	Британский музей (Лондон) 1994-5-6-1355	
19	Пероз 283/с	KM78-9ч.+KM82a-7ч.+KM79-3ч.+KM115-1ч.	Британский музей 19/3	
20	Пероз 283/с	KM82a(?) – 8ч.	Сев. Тохаристан	Zeimal' 1994, 3
21	Пероз 283/с	KM82-8ч.+KM79-10ч.+ KM89-2ч.	Сев. Тохаристан	там же, 4
22	Пероз 283/с	KM82a-10.30ч.+KM79- 6ч.	из клада Умм-Хажара (сев.-вост. Сирия). Национальный музей в Дамаске.	Faraaj Al-ϕUSH, 1972, Pl.II, 2.
23	Пероз 283/с	KM82a- 6ч.+KM82a-6ч.+KM79-11ч.	там же	там же, Pl.II,3.
24	Пероз 283/с	KM 82a(?) -7ч.+KM 89(?) – 2 ч.	коллекция Р.Сениора	Mitchiner 1978, N. 1451
25	Пероз 283/в	KM82a-10ч.+KM79-6ч + KM89-1ч	коллекция Mitchiner	Mitchiner 1978 N.1450
26	Пероз 282/в	KM82- 6.30ч.+KM79-4 ч.		D.Markov Katalog 1999, 272.

¹В список не вошли монеты с данным надчеканом, опубликованные Р. Геблем (1967), * отмечены монеты с новым KM - тамгой тюркешей.

²Расположение дано по ходу часовой стрелки.

³По всей видимости, найдены тогда же, что и монета № 6, опубликованная Ф. Тьерри.

⁴Проставлен сверху KM 82, что свидетельствует об относительной хронологии этих двух надчеканов: надчекан—согдийская надпись «Дешчи баги» проставлялась позднее надчекана с надписью «тегин».

ра-тегином / Врахи-тегином в монетной надписи на медных монетах, выпущенных в подражании драхм Хосрова 2 (591-628). Монеты содержат легенду санскритом имени или титула «Шри Вахи тигина» или «Шри врахи тегина». Наряду с санскритской легендой на аверсе имеется бактрийская легенда Шри пано, на реверсе – пехлевийская «тегин хорасан шах» с датой «хафт хафтат» – 77. По эре Ездигерда – это 709 г., год военного столкновения эфталитов Тархан Низака с Кутейбой ибн Муслимом. Г. Гумбах предложил отнести к династии кабулшахов следующие эмиссии (по Геблю, 1967): 206, 207, 208 с бактрийской легендой, оговаривая при этом, что титул "тегин" носили также уже первые эфталитские цари (Humbach, 1966. S. 59-60).

Р. Гебль, полемизируя с Г. Гумбахом, написал специальный раздел "Вопрос о западных тюрках" в своем фундаментальном труде, где отметил, что «нет оснований для причисления эм. 206, 208 и неизвестных в то время Эм. 207, 209 и 210 к западным тюркам, что ни в коей мере не умаляет того уважения и роли, которые тюрки играли в Средней Азии. Весь материал представляется нам в виде типологически связанных между собой эмиссий, что показывает непрерывность и преемственность чеканки местными правителями. Они сохраняли власть в своих владениях и ограничивались лишь посылкой дани тюркам, как нам известно из византийских источников. Основным критерием для отнесения этих серий к тюркам являлись титулы тегин и ябгу. Однако они не говорят ни о чем. Тегин означает принц, Ябгу вообще нельзя назвать тюркским, даже если он использовался тюрками в качестве титула. Строго следуя исторической методике нельзя, основываясь на титулах, судить об этнической принадлежности. Напротив, западные тюрки могут быть представлены в надчеканах. Но это было время военного сопротивления арабам в конце 7 в., далеко от пика тюркской власти и когда все князья Согды и Бактрии принимали участие в этой борьбе. Монеты не противоречат существованию западнотюркской власти в

Бактрии, но они не относятся к тюркским. Их собственный монетный чекан до сих пор не доказуем" (Göbl, 1967. II, 256-258).

Продолжая дискуссию об этнической принадлежности правителей Тохаристана, С.Г. Кляшторный заметил, что утверждение здесь верховного сюзеренитета западнотюркских каганов произошло при Тонябгу кагане (612-630 гг), передавшим власть над вновь завоеванными землями своему сыну Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе. Наряду с изменением титулатуры владетелей (среди них появились тегины, эльтеберы, тарканы, шады, тудуны), очевидно изменение этнического состава местного населения, заметной его частью тюрки становятся не только в Тохаристане (преимущественно карлуки), но и в Забулистане. Наследниками Тарду-шада стала династия ябгу Тохаристана из дома Ашина. На протяжении двух веков она сохраняла тюркские имена и титулы, присоединив к ним титулы прежних владетелей: ябгу Тохаристана Кутлуг (728 г.) именовался одновременно и царем эфталитов. В то же время царь Каписсы именовался "тегин шад", что как будто указывает на его родственные связи с тюркской династией (титул тегин в тюркское время носили только принадлежавшие к царскому роду). С.Г. Кляшторный обратил внимание также на близость легенды о происхождении кабулшахов с версиями древнетюркской генеалогической, и предложил этимологию имени легендарного основателя династии кабулшахов Барах-тегина, приведенного Ал-Беруни, как "лохматая/косматая собака", исходя из тюркского, что говорит о тюркском происхождении династии кабул-шахов (Кляшторный, 1980, с. 159-160).

Дальнейшее изучение в этом направлении были сделаны А. Никитиным, опубликовавшим ранее неизвестные типы медных монет «иранских гуннов» из Государственного исторического музея, основная часть которых происходит из собрания П.В. Зубова. Исследователь выделил 3 типа монет эфталитских и 2 типа монет тюркских правителей, не вошедших в классификацию Р. Гебля. Учитывая важ-

ность этих нововыделенных типов для темы нашей статьи, процитируем их описание: медная монета по типу драхм Хосрова II с изображением на л.с. бюста правителя вправо в крылатой короне, близкой к изображенной на монетах Эм. 246 и 255, слева по краю монетного поля бактрийская легенда CPI BOGO OAHBO (ОДНВО), аналогичная на монетах Эм. 244 и 246. Справа изображение сенмурва и среднеперсидская надпись: имя и титул p'gwl hwt'p - "пагул хутав", на о.с. - жертвенник с пламенем, по сторонам стоящие фигуры страж, слева среднеперсидским письмом слово uwky «один» - 1 год правления, справа ghwt' - место чеканки. Вторая монета медная, близкая по типу к эмиссиям 246 и 255. Л.с. бюст правителя в трехчетверном обороте вправо, крылатая корона с двумя полумесяцами, в которую вписаны изображения луны и солнца. Справа – изображение сенмурва. Слева среднеперсидская легенда GDH'pzw , традиционная формула, скопированная с сасанидских монет, справа в две строки p'gwl bg hwt'p имя правителя, такое же, как на предыдущей монете, и титул «баги худат». На о.с. – жертвенник с пламенем и двумя фронтально стоящими фигурами стражников, слева среднеперсидское слово 'rb' - "четыре" – год правления, справа – ghwt' - "рухата" – место чеканки, такое же, что и на предыдущей. По кругу бактрийская легенда в две строки, из которых читаются отдельные элементы титулатуры, дважды CPI , индийский ṣṭi - "счастливый", BAGO - "божественный", "хидев" – правитель, «ябгу Балхикано» - ябгу Балха или ябгу бактрийский, и последнее слово на второй строке KIPAO - «сделал». Близкие по типу монеты чеканились тюркскими правителями Забулистана в конце 7 – начале 8 века на выделенной Геблем эм. 246, представленной единственным экземпляром в Британском музее. Место чеканки монет 246 эмиссии - Забулистан, район современного Газни. Место чеканки монет из ГИМа - Арахосия, область к юго-западу от Забулистана, район современного Кандагара в Южном Афганистане. В сочинении Балами описывается поход

арабского наместника против правителя Забулистана в 700 году, при этом сообщается, что летняя резиденция находилась в Забулистане, а зимняя – в Ар-Руххадже – Арахосии. Чеканка монет от имени одного правителя производилась одновременно в обеих областях. Наличие близких по типу монет с обозначением монетных дворов Забулистана и Арахосии – подтверждение данных письменных источников о владениях младшей ветви тюркской династии (Никитин, 1986. С.82-88).

Таким образом, необходимо включение в древнетюркский нумизматический комплекс, как отдельной категории, и медных монет - подражаний сасанидским драхам, выпускавшимися местными владельцами Бактрии - Тохаристана. Тем более, что данная группа, на мой взгляд, может пополниться, благодаря исследованиям Г.Д. Давари, который критически переработал памятники бактрийского письма: наскальные надписи, рукописи, монеты и печати. В первую очередь это касается некоторых эмиссий, опубликованных Р. Геблем: монеты Эм. 244, имеющих на реверсе бактрийскую круговую легенду с титулом kagano – «каган» (Davary, 1982, S.205), Эм.245 – в надписи с титулом tadono tarxano , соответствующим титулу «тудун тархан», на реверсе, а также возможно, серию монет Эм. 206-207 с титулом или династическим именем tagino , или tigino в легенде Эм. 240, аналогичным титулу тюркских правителей. Как отмечено исследователем, тот же титул дважды встречается в надписях Эм. 208, в санскритской легенде – на аверсе, и в среднеперсидской – на реверсе (Davary, 1982, S.281-282.). Употребление этого титула на разных языках, включая и согдийский (в описанных выше надчеканах) в форме максимально приближенной к тюркской, как нам кажется, дает возможность отнести данные монеты к выпускам тюркских правителей на основании титулов, характерных для тюркской государственной иерархии. Это не противоречит данным письменных источников и контексту находок монет.

К следующей - аниконографической категории древнетюркского монетного

комплекса были отнесены монеты, выпущенные по образцу китайских с квадратным отверстием посередине, вокруг которых вписаны согдийские надписи: тюргешского круга – тухусские; тюргешские; монеты с тюркскими именами и титулами; монеты безымянных хаканов; протокараханидские с арабографическими надписями (Баратова 1995). Впоследствии были предложены и другие типологии, в основном, тюркских и тюргешских монет Семиречья и Присырдарьинского региона.

На основе статистического анализа находок тюргешских монет, найденных в Чуйской, Таласской долинах, и в Отрарском оазисе, С. Аитовой выделены комплексы Тараского и Краснореченского городищ, первое из которых являлось столицей тюргешских каганов, а второе – крупным торговым центром Невакетом. В нем же предполагается существование монетного двора (Аитова, 2000, С.125-130).

Ф. Тьерри предложил классификацию тюргешских монет, разделенных на две группы по отличию оборотной стороны. К первой группе отнесены три типа: I. тюргешские монеты; II. монеты с тамгой тюргешей и дополнительными руноподобными знаками; III. монеты с новым типом знака, в виде сдвоенной тюргешской тамги, опубликованным китайскими исследователями (Zhou et Ren. Pp. 8 - 12). Отметим, что данный двойной знак (?) мог образоваться в результате случайности или несовершенства процесса отливки монет – экземпляры со следами дуги нечетких очертаний с другой стороны от отверстия зафиксированы нами среди тюргешских монет из Ташкентского (городище Актепа Юнусабадское-1987) и Отрарского (Курук-тобе-1980, 1981; Бозук Актобе) оазисов, в Семиречье (Краснореченское городище-1978 и в частной коллекции в г. Бишкеке).

Вторая группа типологии состоит из типов с двусторонними надписями – на л.с. надпись согдийским письмом «баги тюргеш хакан пани», на шестом – та же надпись без первого слова «баги», на реверсе – прочтены и интерпретированы Ф. Тьерри немного по-иному, чем предлагалось ранее (Настич, 1989, С.114-118): на

IV типе – wγ'tmiš (Oğitmiş) γwβw; на V типе – wγtmγai (Oğitmişai) γwβw/ğubu; на VI типе – p'tmys (Pitmiş) γwβw/ğubu. Кроме классификации, в работе Ф. Тьерри подробно рассмотрены эпиграфика, тамговые знаки, археологический контекст находок, атрибуция и датировка монет (Thierry, 1999, P. 321- 349).

А. Камышев опубликовал значительный материал из Семиречья. В научный оборот введены новое чтение легенд на тюргешских монетах 8-9 вв. с дополнительными тамгами из находок в Таласской долине: на тюргешских монетах I типа (по Смирновой 1981) прочтена согдийская легенда (чтение В.А. Лившица) – xwtw wxswtwy pny – «деньга государя Вахшутава»; на монетах II типа (по Смирновой) наряду с традиционной для тюргешских монет легендой, выявлены монеты нового типа, легенды которых читаются как 'yn'l tkyn xwβw pny – «государя Инал-тегина фан». Опубликованы новый тип с двусторонними надписями: на л.с. "x'u yn'l 'nuy xwβw pny" – «государя Хай-Инала-Анира фан», на о.с. искаженная легенда «господин тюргешский каган» и неизвестная ранее тамга. В каталог вошли также монеты Арсланидов с согдийскими легендами и «протокараханидские» с куфическими короткими надписями. Хронологическая типология А. Камышева основана главным образом на изменении размеров монет, пересмотрена датировка «тухусских» монет. Они датированы не ранее тюргешских, как считалось предыдущими исследователями, а позднее – второй половиной 8 – 9 в. Отмечая степень влияния на монетное производство Семиречья Согда и Китая, автор отмечает доминирующее влияние последнего, особенно на весовой стандарт тюргешских монет. Работа содержит список монет, типологический конкорданс, результаты анализов монет. Зафиксирована интересная редкая монета с Краснореченского городища, с руноподобным знаком на обеих сторонах анэпиграфной монеты (№ 52) (Камышев, 2002, С.104). Нами установлено, что такая же монета известна из раскопок в Ктесифоне в Ираке и хранится в Берлине, в музее ис-

ламского искусства. Определена как согдийская по китайскому образцу и датируется публикатором второй половиной 7 века (Kögler, 1999, Fig.8).

Таким образом, изучение тюркешских монет достигло высокого уровня за счет публикаций, основанных на находках из археологических памятников. Однако классификация и хронологическая типология тюркешских монет в настоящее время довольно запутаны. Это вызвано, вероятно, большим количеством нового монетного материала, выявленного в последние годы на различных территориях - от Южного Казахстана (Отрарский оазис), Семиречья (Таласская и Чуйская долины), в Китае - и публикуется на разных языках. Необходимы совместные усилия для выработки критериев классификации типов тюркешских и круга тюркешских монет для установления их хронологии, атрибуции и значения для истории тюркских государств - Тюркешского, Карлукского, Уйгурского каганатов, возникших после арабского завоевания основной части Мавераннахра.

Категория С – монеты предположительно тюркской принадлежности. Это монеты практически всех среднеазиатских княжеств с различными изображениями (правителей, пары, животного и др.), надписями на бактрийском и согдийском языках и тамгами – территориально-родовыми знаками Ферганы, Чача, Согда, Уструшаны, Чаганиана. За последнее время количество монет пополнилось, так в Фергане (городище Кува, раскопки Г.Иванова) выявлены две древнетюркские монеты с изображением усатого правителя с длинными волосами и рунической надписью на лицевой стороне, которая читается как qǰn - "каган". На о.с. - тамга, согдийская надпись γ'п' рп' - "хранитель семьи" (чтение М.М. Исхакова) (Бобоеров, 2004, С. 30-32).

Особенно много тюркских монет выявлено за последние годы в Чаче. По сравнению с монетным комплексом восточных историко-культурных регионов – Ферганы и Семиречья – в Чаче в процентном соотношении преобладают монеты иконогра-

фического типа: с лицевыми изображениями и изображением всадника. Изучением их занимается Г. Бобоеров, который опубликовал монеты с различными тюркскими титулами в надписях (Babayar, 2005, 16-24).

Мы же остановимся на другом аспекте изучения данной категории - иконографии монет с парным изображением и византийским влиянием на их иконографию.

Среди археологических и нумизматических материалов раннесредневекового времени выделяется комплекс вещей, украшений византийского облика или появившихся в Средней Азии в результате византийского влияния. В нумизматическом материале – это проникновение в Центральную Азию медных и золотых византийских монет – солидов, распространение местных подражаний им, и появление т.н. брактеатов – тонких кружочков с односторонним оттиском этих монет. Изучение этих групп продолжается более полувека, начиная с работы М.Е. Массона (Массон, 1951, С. 93-102) и заканчивая последними исследованиями по этой теме (Raspopova, 1999, S. 453-460; Ртвеладзе, 2002, с. 269-277; Naumark, 2001). Как установлено А.Наймарком, обобщившим в своей диссертации все известные находки, в Средней Азии зарегистрировано: 12 оригинальных монет, 7 подражаний и 14 брактеатов-оттисков с определяемым прототипом, 9 имитаций и брактеатов по образцу византийских монет, а также 13 поздне-римских монет (Naumark, 2001, p.91-135). К этим данным мы можем добавить один золотой солид Феодосия II (408-450), найденный в зоне затопления Туябугузского водохранилища (из частной коллекции в Ташкенте), и одну золотую индикацию солида Юстиниана I (527-565), выявленную в Ферганском областном краеведческом музее (б/н) из сборов геологов в зоне строительства Андиганского водохранилища. Кружок имеет наверху припаянное гнездо (для камня?) и колечко для подвешивания, что свидетельствует об использовании монеты в качестве шейного украшения. Находки византийских солидов и их имитаций, и изредка - медных монет,

известны также в материалах Восточного Туркестана (Zeumal, 1996, S. 173-174) и Китая (Thierry et Morrisson, 1994, 109-145). По поводу их реального участия в денежном обращении продолжается дискуссия, в которой имеются два мнения: Е.В. Зеймаля о том, что византийские монеты являлись конфессионально-коммеморативными предметами для христиан, живших в Средней Азии, Восточном Туркестане и Китае и не участвовали в обращении (Zeumal, 1996, S. 174) и Э.В. Ртвеладзе о выполнении ими функций средства обращения (Ртвеладзе, 2002, с.273). Как бы то ни было, они сыграли определенную роль в сложение иконографии некоторых монетных типов, в частности, тюрко-византийских или тюрко-согдийских монет с парным изображением, выпускавшихся в различных областях Средней Азии в 6-7 вв.

Как показали предыдущие исследования, основным типобразующим признаком в типологии монет раннего средневековья является тамга – династийно-родовой или территориально-династийный знак на оборотной стороне монет. Монеты с парным изображением подразделяются по оформлению о.с. на следующие группы:

а) ферганская (?) (6-7 в.). На л.с. изображение пары в легком повороте друг к другу, лица с выраженными монголоидными чертами, правитель без головного убора с длинными распущенными до плеч волосами; правительница в «трехрогом» головном уборе, конец среднего «рога» длиннее боковых и загнут влево. О.с. в центре тамга в виде рунической монограммы «уш +й» (по Смирновой 1981) и надписью древнеферганским (?) письмом «ферганский государь Чиш (?)» (Лившиц, 1968. С. 230). Известны три экз. из фондов Самаркандского музея.

б) согдийская (7 в.) – изображение пары на л.с., на о.с. – тот же знак как на монетах предыдущей группы в окружении согдийской надписи, полностью не восстановленной «Господин..... хатун», второе слово читается по-разному: βcs` (Смирнова, 1981); или руwċ (Ахунбабаев, 1986.

с.79-97). Монеты происходят из Государственного Эрмитажа и раскопок на городищах Западного Согда – Афрасиаб и Пенджикент (всего около 20 экз. разной сохранности). О.И. Смирнова включала в эту группу также монеты предыдущей группы.

с) чаганианская (7-начало 8 в.) – трех типов: **первый** анэпиграфный с изображением пары, прическа правительницы в виде длинных волос, правитель в крылатом венце(?), наверху у обоих – полумесяцы с точками. На о.с. – тамга в виде ромба с отходящими от его углов противоположно загнутыми крючками. Находки монет известны из городищ Сурхандарьинской области Узбекистана – Халчаян, Якшибайтепе, Дальверзинтепа, Будрач, Кулялтепа, Тураханбайтепа, Савриджонтепа (Ртвеладзе, 2002, с.221-229).

Второй тип с изображением пары с коронами, украшенными полумесяцами с точками. На о.с. – ромбовидная тамга такая же как на первом типе, но с точкой внутри ромба, легенда курсивным бактрийским письмом, передающая, по мнению В.А. Лившица, имя собственное топ/урζадо; по мнению Э.В. Ртвеладзе – аη(о) оти γοαο или аη(о) оти γοδα/ο, передающая два имени собственные, соединенные союзом «и». Д.-19 мм, в.-0,8 г. Единственный известный экземпляр выявлен при раскопках склепа 4 могильника Биттепа. **Третий** тип имеет также изображение пары, отличие – наличие остроконечного головного убора у женского персонажа. Отличается и тамговый знак на о.с.: он той же ромбовидной формы, но внутренность заполнена двумя перпендикулярами, обращенными друг к другу длинной стороной. Вокруг – остатки надписи(?). Единственная монета найдена в Пенджикенте (Довутов, 1982, N 754).

Следующие группы монет локализируются по месту выпуска в различных уделах **Чача 7-начала 8 в.** и отличаются друг от друга как иконографическими особенностями, так и тамговыми знаками и содержанием согдийских надписей, передающих топонимы, титулы и имена правителей.

d – с вилообразной тамгой на о.с. От изображения пары на л.с. сохранилось лишь левое – с широкими скулами и прической в виде распущенных до плеч волос, переданных сплошным валиком, на о.с. – вилообразная тамга, вокруг согдийская легенда, от которой осталось лишь слово $\gamma\omega\beta\omega$ – «правитель. Место основных находок – городище Канка в Ташкентской области.

Е - различных типов, объединенных вариантами лирообразной тамги. Тип 1 имеет изображение пары, левый персонаж (правительница?) без головного убора, правый – в уборе с волнистыми «зубчиками» и одной «петлей». О.с. в поле тамга, между ножками основания которого – маленький свастикообразный знак, круговая надпись согдийским письмом, от которой сохранилось $\beta\gamma\upsilon'\check{\text{c}}/\text{np}/\text{k}$ (Ртвеладзе, 2002, с. 254). Монета лучшей сохранности из Интернетовского сайта позволила Г. Бобярову прочесть в надписи слово $\gamma'\gamma'n$. Он же отметил несколько вариантов, все содержат в надписи слово $\gamma'\gamma'n$ (Babayar, 2005. 18-19). Тип 2 имеет плохо сохранившееся изображение на л.с. пары, о.с. отличается вариантом лирообразного знака, «усики» его верхней части повернуты в одну и ту же сторону, остатки надписи. Тип 3: пара в легком повороте друг к другу; правое – мужское лицо - с острой бородкой, в «трехрогом» шлеме, средний «рог» которого выше боковых. На о.с. лирообразный знак, не попавший полностью на кружок, вокруг согдийская курсивная надпись $\text{pny}'\text{stnk nwskn}dw\ s$ – «деньга Астанака (правителя) Нуш/сканда» – чтение Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 2001, с. 266). Тип 4 имеет ту же тамгу, но с добавочным элементом в верхней части в виде полумесяца, вокруг надпись. Типы 5,6,7 имеют знак с завершением в виде короткой дуги, различаются головными уборами изображенных.

f- с тамгой в форме напоминающей «пифик» (города Фаранката ?). Единственный экземпляр с изображением пары, плохой сохранности, надпись не различима.

h- с тамгой Кабарны. На л.с. изобра-

жение правителя и правительницы в точечном ободке, правый персонаж – в головном уборе типа колпака (?), о.с. – в центре тамга Кабарны, курсивная согдийская легенда. Известно два экз.- один опубликован А. Камышевым из находок в Семиречье (Камышев, 2002, С. 9), второй - на интернетсайте (yandex.ru. «Монеты Чача» (ch22). В целом изображение близко к изображению пары на монетах группы **a**, где правый персонаж в «трехрогой» короне. Их сближает и еще одна особенность – в нижней части л.с. – как бы протянутые друг к другу две ладони. Таким образом, на данном уровне изучения древнетюркского монетного комплекса Средней Азии мы имеем фактологическую базу из 7 групп монет, выпуск которых надежно локализуется по месту их нахождения в Чаганиане, Западном Согде, Фергане(?) и в четырех уделах Чача: Бинкете, Нушканде, Фаранкате и Кабарне.

Как показал М.Е. Массон, монеты с парным изображением копировали византийские медные монеты Юстина II (565-578), который показан рядом с царицей Софьей. Именно к его двору около 568 г. прибыло посольство от среднеазиатских тюрок во главе с согдийским купцом Маниахом (Масон, 1951, с. 93-102).

Объективности ради отметим, что парные изображения известны для более раннего времени в искусстве Сасанидского Ирана, например на геммах-инталиях из Мерва, на которых изображены мужчина и женщина, и надпись аршакидским пехлеви «Артамыш, канаранг Мерва и Денаг, жена его» (Пугаченкова, 1963, с. 210).

Отличительной особенностью пары на византийско-тюркских монетах является изображение трехконечного убора правительницы. Подобный тип с выступами, лучами или отростками встречается с эпохи неолита до 9–10 вв. на обширных территориях расселения сибирских и центрально-азиатских народов. Наиболее близкие к монетным - изображения на каменных изваяниях Киргизии и Алтая начиная с 6 в. (Ахинжанов, 1978, с. 65-80); в мелкой коропластике из Южного Казахстана, на костяной накладке из средневе-

кового кургана Сутуу-Булак 1 (Тянь-Шань) (Табалдиев, Жолдошев, 2003, С. 136); а также на серебряном блюде 10 в., найденном в Кайгородке у Обдорска (Karamatov, Meshkeris, Vysgo, 1987, S.48, Abb.26). По мнению исследователей, изображенные - в основном - женщины или шаманы. Семантика трехрогого головного убора находит объяснение в религиозно-мифологических представлениях древних тюрков. На наиболее известном памятнике с персонажем в подобном уборе – Кадыргинском валуне - изображена древнетюркская богиня Умай, покровительница детей и воинов, богиня плодородия. Интересно в этом плане предположение Г.В. Длужневской (1978, С.272-278), сделанное на основе преданий южносибирских тюрков группы Меркит о том, что местопребыванием Умай считается Уч сүрү – трехвершинная гора Белуха в Горном Алтае – священная гора шаманов. Характерная трехрогая шапка символизирует Белуху, хозяйкой которой и была Умай. На монетах царственная пара, увенчанная божественными символами, выступает земной ипостасью Тенгри и Умай, двух верховных божеств, олицетворяющих мужское и женское начала. Прямое указание на это дают тексты рунического письма: «Тенгри (Небо) распоряжается всем происходящим в мире, он дает каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против кагана, решает государственные и военные дела, «приказывая» кагану. Так же как каган подобен по своему образу Тенгри, его супруга-царица подобна Умай» (Кляшторный, 1981, с. 117-138). Парные изображения кагана и хатун характерны также для скульптур, сопровождающих погребальные памятники Кюльтегина в Монголии, в Сарыг-Булуне и Кы-

зыл-Мажалыке в Туве (Новгородова, 1981, С. 207-212; Кызласов, 1969. Рис. 4, 6).

В древнетюркских текстах, кроме того имеются и указания на традиционную систему соправления «каган-катун», основанную на принципах братской семьи и равного в нем участия каганских Ашина и катунских аштаков (кит. Ашидэ) и шир. Попытки устранить катунскую фракцию от участия в управлении государством в Первом каганате в 581 г. и во Втором - в 691 г., приводили к смутам и гражданской войне внутри каганата (Зуев 2002. С. 168-169). Таким образом, появление царицы рядом с царем на среднеазиатских монетах могло быть отражением традиционно высокой роли катун в политической жизни тюркского общества. Постепенно с течением времени, семантическая нагрузка изображений на монетах теряется, так трехрогий убор на правителе (не на правительнице!) на одной из групп чачских монет представляет собой скорее боевой шлем, идентичный убору воина на серебряном блюде из Кулагиша (Ахинжанов, 1978. С.67-68), чем шаманскую шапку.

Примечательно, что парные изображения известны и на брактеатах с арабской надписью «бисмилла», происходящих из Сирии (ныне в Берлинском музее исламского искусства) и Индии (в одной из частных коллекций в Германии). Судя по палеографии надписи, датируются доктором Лутцом Илишем 7 веком.

Таким образом, приведенные данные о современном уровне исследований позволяют намного расширить границы древнетюркского нумизматического комплекса турриториально и показывают перспективу и направления дальнейшего изучения в этой области.

Литература:

1. Аитова С.М. Статистический анализ находок древнетюркских монет в Семиречье и Отрарском оазисе // Известия МН и НАН РК. Алматы, 2000, № 1 (224).
2. Ахинжанов С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в "трехрогих" головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.
3. Ахунбабаев Х. Новые находки согдийских монет из раскопок 1978-1981 гг. В центральной части Афрасиаба // ИМКУ. Вып.20. Самарканд, 1986.
4. Баратова Л.С. История изучения древнетюркских монет Средней Азии // ИМКУ. Вып. 27. Самарканд, 1996.
5. Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии VI-X вв. (типология, иконография, историческая интерпретация). АКД. Ташкент, 1995.

6. Баратова Л.С. О надчеканах на сасанидских монетах и подражаниях им в Тохаристане // *Termez city and its place in the world civilization*. Тезисы докладов конференции Термез 2500. Тошкент-Термиз, 2001.
7. Баратова Л.С., Лившиц В.А. О согдийских надчеканах на сасанидских монетах и подражаниях им // *Культурное наследие Средней Азии. Сборник статей, посвященный 85-летию НУУ им. Мирзо Улугбека и 60-летию кафедры археологии истфака*. Ташкент, 2002.
8. Бобоеров Г. Тюркские титулы на монетах Чача (VII-VIII вв.) Историческая роль Александра Гумбольдта и его экспедиции в развитии мировой, региональной и национальной науки. Материалы 2-ой международной конференции 14-16 октября 2004, Алматы.
9. Грач А.Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // *ТС 1966*. С. 188-193
10. Длужневская Г.В. Еще раз о «Кудыргинском валуне» (к вопросу об иконографии Умай у древних тюрков // *ТС 1974 (1978)*.
11. Довутов Д. Денежное обращение раннесредневекового Пенджикента (V-VIII вв.). Диссертация... канд. истор. наук. Машинопись. Ленинград, 1982.
12. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
13. Камышев А. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. История возникновения денежных отношений на территории Кыргызстана. Бишкек, 2002.
14. Кляшторный С.Г., Лившиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // *СНВ*. 1971. Вып. X.
15. Кляшторный С.Г. Версия древнетюркской генеалогической легенды у Ал-Бируни // *Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение*. М., 1980.
16. Кляшторный С.Г., Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // *ТС 1977 (1981)*. С. 117-138.
17. Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
18. Лившиц В.А. Письменность древней Ферганы // *НАА*. 1968, 6.
19. Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // *Труды САГУ новая серия XXIII, книга 4*, Ташкент, 1951.
20. Настич В.Н. Монетные находки с городища Красная Речка (1978-1983 гг.) // *Красная Речка и Бурана*. Фрунзе, 1989.
21. Никитин А.Б. Монеты "иранских гуннов" в собрании Государственного исторического музея // *Труды ГИМ*. Вып. 61. Новые нумизматические исследования. Нумизматический сборник. Часть девятая. М., 1986.
22. Новгородова Э.А. Памятники изобразительного искусства древнетюркского времени на территории МНР // *Тюркологический сборник 1977 (1981)*.
23. Пугаченкова Г.А. Мервские геммы-инталии // *Труды ЮТАКЭ*. Т. XII. Ашхабад, 1963.
24. Ртвеладзе Э.В. Новые нумизматические данные к истории взаимоотношений Северного Тохаристана и государств Востока в V-VIII вв.н.э. // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* Tomus XLI (2), Budapest, 1987
25. Ртвеладзе Э.В. Византийские монеты и индикации из Средней Азии // *Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана*. Том 1. Ташкент, 2002.
26. Ртвеладзе Э.В. Монеты Чаганиана с парным изображением // *Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана*. Том 1. Ташкент, 2002.
27. Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты области Чач // *Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана*. Том 1. Ташкент, 2002.
28. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.
29. Табалдиев К., Жолдошев Ч., Образцы изобразительной деятельности древнетюркских племен Тенир-Тоо // *К.Т.М.Ü.Yayinlari 38. Süreli Yayinlar Dizisi 10. Sayı 7*. 2003.
30. Babayar G. Türk kültürünün esas temelleri: Köktürklerde para sistemi - *Bilim ve Ütopya*. 2005. Sayı: 128. 16-24.
31. Baratova Larisa. *Altürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6.-10. Jh.n.Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation*. AMIT 31. Berlin, 1999.
32. Göbl R. *Dokumente zur Geschichte der iranischen Hunnen in Baktrien und Indien*. (IV Bände). Wiesbaden, 1967.
33. Humbach H. *Baktrische Sprachdenkmäler*. I Teil. Wiesbaden, 1966.
34. Davary G. Djelani. *Baktrisch. Ein Wörterbuch auf Grund der Inschriften, Handschriften, Münzen und Siegelsteine*. Heidelberg, 1982.
35. Karamatov F.M., Meshkeris V.A., Vysgo T.S. *Mittelasien // Musikgeschichte in Bildern 2*. Leipzig, 1987.
36. Kröger J., *Laden with Glass Goods. From Syria via Iraq and Iran to the Famen Temple in China 1999 // Coins art and Chronology*. Wien, 1999.
37. Naymark A., *Sogdiana, its christians and byzantium: A study of artistic and cultural connections in late antiquity and early middle ages*. Indiana University 2001 (машинопись докт. диссертации).
38. Raspopova V. *Gold coins and bracteates from Pendjikent // Coins, Art, and Chronology. Essays on the pre-islamic History of the Indo-Iranian Borderlands*. Wien, 1999.
39. Thierry F., *Sur les Monnaies des Türgesh // Coins Art and Chronology. Essays on the pre-islamic History of the Indo-Iranian Borderlands*. Wien 1999.
40. Thierry Francois et Cecile Morrison, *Sur les monnaies byzantines trouvees en Chine // RN, 6 serie, XXXVI*, 1994.

41. Zhou, Yanling et Ren, Shuanying. Dui Tuqishi Sute wen qian de tantao. ZGQB, I, 8 - 12.

Список сокращений

BNF	- Bibliothèque Nationale de France
FINT	- Forschungsstelle für islamische Numismatik (Tübingen)
KHM	- Kunsthistorisches Museum (Wien)
KM	- контрамарка (надчекан), номер по классификации Р. Гебля 1967.
NZK	- Numismatische Zentralkartei des Institut für Numismatik und Geldgeschichte der Universität Wien.
Michiner 1978	- The ancient and classical World 600 B.C.-A.D. 650. London 1978.
D.Markov 1999	- Dmitry Markov Coins and Medals. New York 1999.
Si	- Simon H. Sasanidische Münzen. Berlin 1978
T.т.	- тамга тюргешей.
Faraj Al-ϕUSH,1972	- Muhammad abu-L-Faraj AL-'USH. The silver hoard of Damaskus. Sasanid, Arab-Sasanian, Khuwarizmian and Umayyad Kept in the National museum of Damascus.Damas. Damascus 1972.
Zeimal' E.V.	- The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (5 th –8 th Centuries AD). // Bulletin of the Asia Institute. New series. Volume 8. Broomfield Hills, 1994. Pp. 245 – 269.

Т.И. Лебедева

ТИПОЛОГИЯ ПОГРЕБЕНИЙ Г. САМАРКАНДА И ЕГО ОКРУГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ VIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ X ВВ. Н.Э.

Типология погребений второй половины VIII-IX вв. н.э. для Самарканда до настоящего момента не была разработана в связи с тем, что погребений этого времени на городище Афрасиаб не было обнаружено. Захоронения второй половины VIII-IX вв. н.э. были вскрыты в 1938 г. И. А. Сухаревым в сельской округе г. Самарканда на городище Кафыркала, но не были опубликованы автором, погибшим во время Великой Отечественной войны. Все вскрытые погребения на момент раскопок не были датированы, а данные по археологическим исследованиям остались на стадии дневниковых записей. (Сухарев, 1938). И.А. Сухаревым были обнаружены так называемые ямные захоронения в щелевидных камерах с сопровождающим инвентарем и без него, а также подбойные захоронения с сопровождающим инвентарем. Эти погребения пришли на смену трупоположениям, совершавшимся в наусах Самаркандского Согда во второй четверти VIII в. н.э. (Лебедева, 2004). Наиболее близкие аналогии захоронения Кафыркалы в ямах с щелевидными камерами имеют в Хорезме на некрополях Миздахкана и Токкалы (Ягодин, Ходжайов, 1970; Бижанов, Мамбетуллаев, 1973; Гудкова, 1963, 1964), а также в Ферганской долине на некрополе Кувы в нижнем горизонте кладбища (Булатова, 1965). На некрополе древнего Миздахкана вскрыто и изучено 99 погребений этого типа. Погребения стратиграфически зажаты между более ранними и поздними типами погребений и датированы второй половиной VIII-X вв. н.э. Намогильных сооружений у погребений этого типа не обнаружено. Могильная яма обычно прямоугольная в плане, на дне ее по центральной продольной оси - щелевидная погребальная камера с обкладкой боковых стенок сырцовым кирпичом или без обкладки. Сверху камеры перекрывались кирпичом или блоками, уложенными плашмя или на ребро в виде двухскатной

крыши. Погребальная камера засыпки не имела, а могильная яма засыпалась песком. Покойники укладывались в щелевидную камеру в большинстве случаев на правый бок с вытянутыми или слегка согнутыми ногами, кисть левой руки в области таза. Небольшой процент составляли костяки, уложенные на правый бок или спину в вытянутом положении. Ориентация костяков на С-З-З и З, иногда Ю-Ю-В, лицом повернуты на Ю-Ю-З, Ю и Ю-Ю-В, очень редко отмечена ориентация лица вверх. Погребальный инвентарь в большинстве случаев отсутствует, но имеются единичные находки украшений (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 51-57, 98-99, 107-109, 127; Бижанов, Мамбетуллаев, 1973, с. 46-52). Токкалинские погребения в щелевидных камерах датируются IX-XI вв. н.э. (Гудкова, 1964, с.143-145), кувинские - VIII-IX вв. н.э. (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 107-108). Подобные погребения на некрополе Кафыркалы в 12 км к югу от Самарканда были вскрыты на трех холмах, образовавшихся после разрушения наусов. Погребения опущены как по центру, так и по краям холмов. Намогильных сооружений над погребениями не обнаружено. Возможно, над могильными ямами насыпался небольшой земляной холмик (рис. 1, 1). Всего на трех холмах было обнаружено 14 погребений, вскрыто - 10 (Сухарев, 1938, с. 21). Также как и миздахканские, кафыркалинские погребения в ямах с щелевидными камерами имели несколько вариантов перекрытия камер (рис. 1, 2-4). Кроме этого, наряду с погребениями в ямах с щелевидными камерами, здесь имелись захоронения в ямах с подбоями (рис. 1, 5,6), аналогичные подбойным погребениям первой пол. X в. на Афрасиабе (Брусенко, Бурякова, Филанович, 1975). В отличие от афрасиабских подбойных погребений, где уже наглядно просматриваются классические черты мусульманского обряда захоронения, в кафыркалинских подбоях жен-

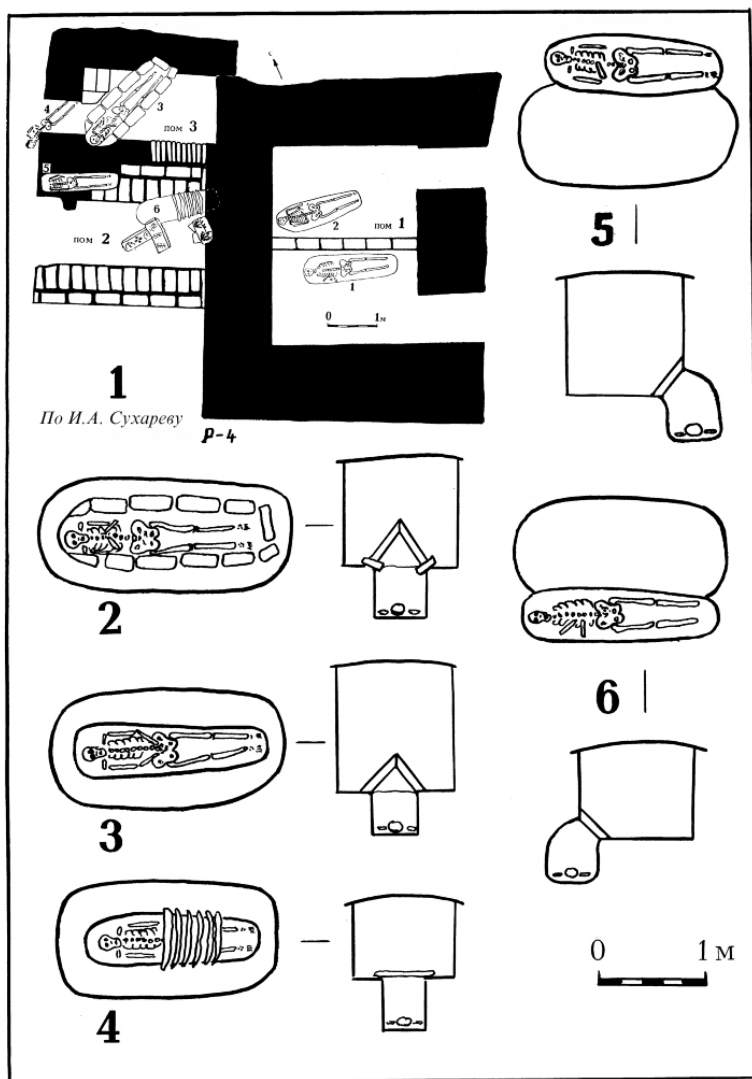

Рис. 1.

ские погребения совершались в одежде и имели набор украшений - серьги, бусы, подвески, браслеты, кольца и т.д. Мужские погребения безинвентарные. Несколько отличалась от классической и ориентация погребений: покойники укладывались головой на Ю-З или З, лицом вверх. Погребения в ямах с щелевидными погребальными камерами (рис. 1, 2-4) по аналогам из некрополя Миздахкана можно датировать второй половиной VIII-X вв. н.э. Подбойные захоронения, по разработкам автора раскопок, сосуществуют с погребениями в щелевидных камерах (Сухарев, 1938, с. 20) и, значит, одновременны с ними. Но, учитывая тот факт, что подбойные захоронения в г.Самарканде, совершенные по классическому мусульманскому обряду с безинвентарными тру-

поположениями головой на С-С-З, лицом на «кыблу» на Афрасиабе появляются в начале X в. и практикуются до середины X в. н.э., можно предположить, что кафыркалинские подбойные захоронения с инвентарем и несколько иной ориентацией костяков предшествуют афрасиабским и датируются вместе с ямными захоронениями в щелевидных камерах второй половины VIII-IX вв. н.э.

Погребения некрополя городища Кафыркала второй половины VIII-IX вв. н.э. (рис.1, 2-6) можно классифицировать следующим образом:

I тип. Захоронения в ямах с щелевидными погребальными камерами без надмогильников, которые имеют три вида перекрытий щелевидных камер:

двухскатное перекрытие из сырцовых кирпичей, установленных на обкладку камеры этим же кирпичом с напуском внутрь камеры (рис.1, 2);

двухскатное перекрытие из сырцовых кирпичей, установленных на края щелевидной камеры

(рис.1, 3);

плоское перекрытие арчовыми палками поперек камеры (рис. 1, 4).

II тип. Ямные погребения в подбоях, сделанных в нижней части впускной ямы по одной из ее длинных сторон (рис. 1, 5,6).

Могильные ямы обоих типов погребений имеют одинаковую овальную форму и, примерно одинаковые размеры. Размеры ям 2x1 м с небольшими отклонениями в меньшую или большую сторону. Глубина в большинстве случаев от 100 до 130 см. Глубина и ширина щелевидных камер и подбоев варьируют в пределах 40-55 см, длина - от 170-190 см. Для обкладки погребальных камер и их перекрытий, а также закладки подбоев использовался сырцовый кирпич одинаковых размеров от 37x22,5x7 см до 46x23x8 см. Для лучшей

стыковки кирпичей при двухскатном перекрытии над камерами и плотного прилегания к стенкам ямы при закладке подбоев края кирпичей делались с подрезкой. Двухскатные перекрытия делались несколько наклонно по длине камеры напуском. Заклад подбоев по длине отверстия также напуском, наклонно в сторону стенки ямы. Могильная яма засыпалась землей. Мужские погребения безинвентарные, женские в нательных украшениях (Сухарев 1938, с. 21-22).

Погребения I типа (рис. 1, 2,3,4; Р-3, Р-4)

Погребение в яме с щелевидной камерой вскрыто на Р-4 (рис. 1, 1, пом. 3, погр. 3). Погребенная женщина уложена на спину, головой на Ю-З, лицом вверх со слабым поворотом на Ю. Обе руки скрещены на груди, ноги вытянуты (рис. 1, 2). В месте расположения кистей рук найдены медное тонкое колечко круглого сечения и низка браслета из 6 бусин. Одна бусина ромбовидной формы из озолита, одна граненая шестиугольная и одна круглая из сердолика; одна бирюзовая и одна дисковидная из серо-коричневого агата с прожилками белой мастики в виде крестообразной фигуры. По краям щелевидной камеры уложен сырцовый кирпич, на который опирается двухскатное перекрытие из такого же кирпича (Сухарев 1938, с. 24, 56).

Погребение в яме с щелевидной камерой и двускатным перекрытием сырцовым кирпичом, установленным на ребро по краю камеры было вскрыто на Р-3. Это женское захоронение, рис. 1, 3 костяк на спине, головой на З, лицом вверх, небольшое отклонение на С. Обе руки в тазовой части, левая несколько выше правой. С обеих сторон черепа обнаружены медные серьги - с правой стороны со вставкой из темно-синего камня сердцевидной формы и двумя парами круглых жемчужин, слева серьга круглой формы с гнездом для камня, без жемчужин. На правой руке медный уплощенный браслет, на котором сохранились обрывки двух видов материи, вероятно, от рукава.

Снизу ткань более грубая, довольно редкого плетения, сверху - тоньше и плотнее (Сухарев 1938, с. 22-23, 64).

Погребение в яме с щелевидной камерой и плоским перекрытием из арched неровных палок диаметром 4-10 см, положенных поперек камеры, вскрыто на Р-4. (рис. 1, 1, пом. 2, погр. 6). Погребение сильно нарушено. Положение костяка не определено. Учитывая тот факт, что все вскрытые погребения имели трупоположения на спине, можно с большой долей уверенности предположить, что данная погребенная также была уложена на спину (рис. 1, 4). На краю погребальной камеры у северных концов истлевших арched палок найдено три агатовые бусины. Одна круглая, уплощенная, с насечками по ободу, черного цвета; две другие граненые, шестиугольные, розового цвета (Сухарев, 1938, с. 23, 24, 75).

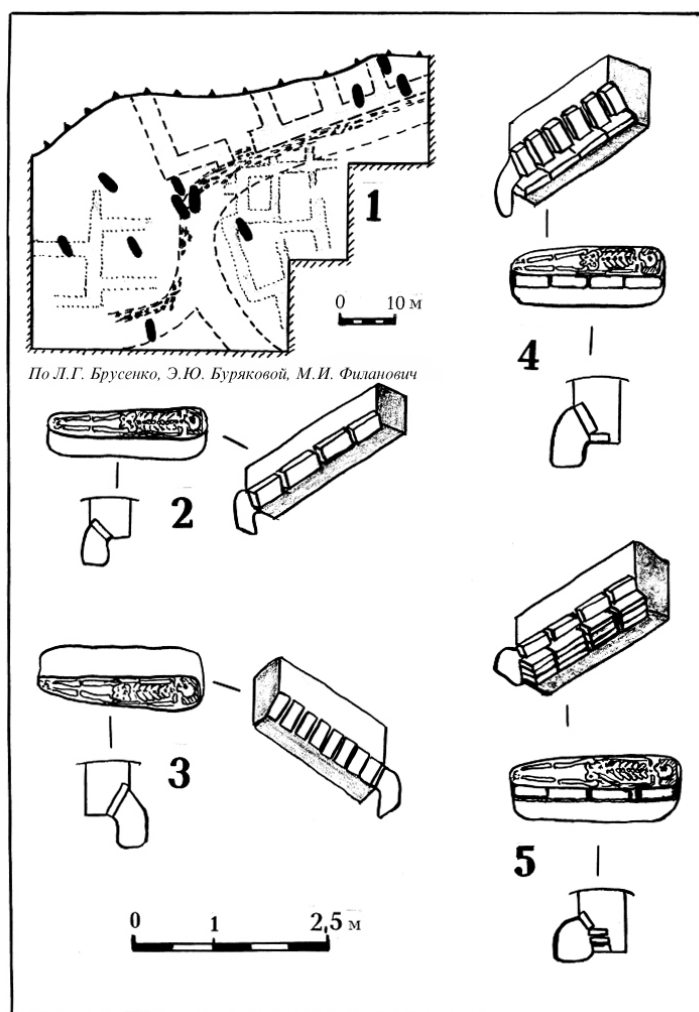

Рис. 2

Погребения II типа (Рис. 1, 5, 6; Р-3, Р-4)

Погребение в подбое, сделанном вдоль северной стенки овальной в плане ямы, обнаружено на Р-4 (рис. 1, 1, пом. 1, погр. 2). Женское захоронение на спине головой на З, лицом вверх, правая рука на груди, ноги вытянуты (рис. 1, 5). С правой стороны черепа золотая серьга в виде колечка с подвешенными к нему жемчужинами, медной подвеской в виде бусины и самоцветом овальной формы с одним уплощенным боком фиолетового цвета (аметист?). На большом пальце правой руки - серебряное кольцо с украшением из серебряных накладных проволочек. Обруч кольца спаян из трех серебряных проволок, две наружные из них - витые. На запястье правой руки браслет - низка бус. Бусины из самоцветов, серебряных и медных подвесок, есть кусочек коралла. Самоцветов 25. Это бусины из сердолика, красного и серо-коричневого агата с белыми прожилками, винного опала, озолита, бирюзы. Форма бусин различная. Есть круглые бусины, граненые округлые, дисковидные, удлиненные, пирамидальной формы с отверстиями сбоку, а также из сколов бирюзы неправильной формы. Серебряные подвески сердцевидной и листовидной формы с украшением из накладной проволочки, одна серебряная и одна медная подвески в виде шарика с ушком. Ещё одна медная бусина круглая (Сухарев 1938, с. 21, 23, 54, 55).

Аналогичное погребение вскрыто на раскопе № 3 (Р-3, погр. 2). Погребение мужское, костяк уложен на спину головой на З, лицом вверх. Правая рука на груди, левая в тазовой части. Ноги в вытянутом положении. Погребённый старческого возраста, без сопровождающего инвентаря (Сухарев, 1938, с. 21, 67).

Погребение в подбое, сделанном вдоль южной стенки овальной впускной ямы, вскрыто на Р-4 (рис. 1, 1, пом. 1, погр. 1). Погребение женское, костяк на спине, головой на З, лицом вверх. Кости рук потревожены и положение их не устанавливается. Ноги в вытянутом положении (рис. 1, 6). У черепа найдена медная серьга с темно-синим камнем и жемчужинами, укреплен-

ными проволокой. Возле костей рук найдены медное кольцо с плоским щитком и медный браслет почти круглого сечения (Сухарев 1938, с. 21, 23).

Погребение № 3 на Р-3 сделано в подбое с южной стороны вдоль стенки впускной ямы. Погребение мужское, на спине, головой на З, лицом вверх. Правая рука на груди, левая в области таза. Погребение безинвентарное. (Сухарев 1938, с. 67-68).

Прототипами хорезмийских и согдийских захоронений в овальных ямах с щелевидными камерами и перекрытием камер сырцовым кирпичом, появившихся в мусульманское время, были, вероятно, подобные погребения античного периода Бактрии-Тохаристана. На могильнике Тупхона было обнаружено два таких захоронения (№ 262 и № 275). Особенно близки они погребению Кафыркалы (рис. 1, 2). В них такая же узкая камера имеет по контуру обкладку с двухскатным перекрытием из сырцового кирпича. Труположения на спине в вытянутом положении с сопровождающим инвентарем. Один погребённый с монетой во рту. Не совпадает лишь ориентация костяков (С-С-З) и положение рук. Такую же конструкцию имели погребения могильника «Иттифок» и погребения в Бишкентском могильнике БМ-VI. Распространение их падает на рубеж нашей эры и кушанское время. На большинстве западно-парфянских некрополей такие погребальные сооружения имели более сложную форму и конструкцию. Упрощенный вариант склепов могильников Тупхона, «Иттифок» и могильника БМ - VI в Бишкентской долине наиболее близок погребальным склепам из Ктесифона. Считается, что идея помещения покойников в заглубленные кирпичные склепы была заимствована бактрийскими греками в Месопотамии, в Бактрии она привилась и трансформировалась (Литвинский, Седов 1984, с. 17-18, 21-22, 99, 135-136). Что касается кафыркалинского погребения в щелевидной камере с плоским перекрытием из арчовых палок, то аналогий на одновременных и более ранних могильниках оно пока не имеет и является, скорее всего, местной упрощенной разновидностью плоского перекрытия уз-

кой камеры подручным материалом. Не исключено, что на некрополе городище Кафыркала имелись погребения с плоским перекрытием щелевидных камер из сырцового кирпича, не попавшие в число исследованных.

Аналогии и первооснову подбойные кафыркалинские захоронения, бесспорно, находят в могильниках степных кочевых племен, оставивших курганные погребения на всей территории Средней Азии с древности и до средневековья. Подбойные захоронения в курганных могильниках составляли значительный процент от общего их числа. Ранние подбойные захоронения открыты в урочище Караша-2, датируются они VII-V вв. до н.э. Подбой сделаны вдоль северной стенки впускной ямы. Погребенные на спине, головой на С-З. Подобные подбой известны также в Семиречье до III в. н.э. (Максимова, 1969, с. 136-146; Горбунова, 1981, с. 95). На Устюрте найдены подбой IV в. до н.э. Подбой с западной стороны ямы, заклады из каменных плит, погребенные на спине головой на Ю (Ягодин, 1978, с. 83-87). В Хорезме ранние подбойные курганные захоронения раскопаны также в Присарыкамышской дельте р. Амударьи. Подбой с западной или восточной стороны, погребенные головой на С. Во II в. до н.э. здесь делают подбойные захоронения с южной ориентацией костяков. Подбойное захоронение античного времени раскопано также в одном из курганных памятников верхнего Узбоя (Вайнберг, 1959, с. 173, 174; Юсупов, 1975, с. 51). Для раннего средневековья Хорезм дает курганные захоронения с подбоями в юго-западной и западной стенке впускной ямы, покойные уложены головой на С-З и С (Юсупов, 1978, с. 128-138).

Захоронения подбойного типа с сопровождающим инвентарем в поздней античности и раннем средневековье дают курганные погребения вдоль Сырдарьи (Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968; Левина, 1971), а также курганные могильники и городские некрополи Ферганской долины. Это могильник Кара-Мойнок и могильники долины реки Исфа-

ры (Заднепровский, 1960; Литвинский, 1972), междуречья Исфары и Соха - могильники Карабулак, Тураташ, Карабель и Кокташ (Баруздин, 1961; Баруздин, Брыкина, 1962), Обишир (Кадыров, 1974), группа могильников бассейна рек Шахмардан-Исфайрамсай - Дамкуль, Хангиз I, Актам, Кокташ Вуадильский, Урюкзор (Горбунова, Гамбург, 1957; Гамбург, Горбунова, 1959; Козенкова, 1966; Горбунова, 1975). Основная масса погребений датируется II-IV вв. н.э., некоторые концом IV - началом V вв. н.э. (Хангиз I), III-VI вв. н.э. (Урюкзор) и позже - VII-VIII вв. н.э. (Кокташ у Вуадила). Городской могильник Мунчактепа датируется V-VIII вв. н.э. (Анарбаев, Матбабаев, 1990; Матбабаев, 1996, 1999). Расположение подбоев в ямах самое различное: с С, Ю, В и З. Дно погребальных камер ниже дна впускной ямы. Часть подбоев имеет ступеньки. Заклады подбоев большей частью из сырцовых кирпичей, иногда сделаны из камней и очень редко использованы деревянные заставки. Погребения одиночные и парные, покойники уложены на земле, песчаной или камышовой подстилке, в камышовых или деревянных гробах. Отмечены случаи укладки под голову подушек из веток и арчи. Погребенные в вытянутом положении на спине, головой на З, С, С-З, Ю, Ю-В, лицом вверх, на С-В, В, З. Преобладают труположения с вытянутыми руками и ногами, но отмечены случаи положения одной или обеих рук в области таза, иногда ноги перекрещены, встречаются погребения на боку. Погребения имеют довольно богатый сопровождающий инвентарь, особенно на городском кладбище Мунчактепа. Сопровождающий инвентарь, особенно керамика, тяготеет к каунчинской культуре и культуре Согда (Максимова, Мершиев, Вайнберг, Левина, 1968, с. 201-209; Левина 1971, с. 163-178; Заднепровский 1960, с. 103-112; Литвинский, 1972, с. 16-132; Баруздин, 1961, с. 43-87; Баруздин, Брыкина, 1962, с. 1-68; Кадыров, 1974, с. 67-70; Горбунова, Гамбург, 1957, с. 20; 35-44; Гамбург, Горбунова 1959, с. 18-19; Козенкова, 1966, с. 211-226; Горбунова, 1975, с. 29-32; Горбунова, Шигин

1979, с. 549; Горбунова 1981, с. 86, 90, 91; Анарбаев, Матбабаев, 1990, с. 44; Матбабаев, 1996, с. 65-67, 74; 1999, с. 124-126).

Значительное число курганных могильников вскрыто в древнем Кобадияне в Бишкентской долине. Впускные погребения этих могильников имели прямоугольную или овальную в плане форму. Подбой делались вдоль одной из длинных ее сторон (могильники Аруктау, Айртамский, Коккумский, БМ - IV, БМ - VII, Тулхарский, Бабашовский). Подбой были выше уровня пола впускной ямы, на его уровне или ниже пола. Закрывались сырцовым кирпичом или камнями. Впускные ямы засыпались землей, чистым лессом, песком, забивались камнями. Преобладали труположения на спине, изредка на боку. Ориентация костяков в основном по линии С-Ю с небольшими отклонениями в обе стороны, головой на С, С-С-З, реже С-С-В. Погребальный инвентарь скудный - 1-2 керамических сосуда, монета во рту или руке. Очень редки случаи наличия погребений с оружием (Литвинский, Седов, 1984, с. 106-115). Захоронения в подбойных могилах с кладом ниш сырцовыми кирпичами наклонно обнаружены на могильнике Тупхона. Они аналогичны курганным захоронениям Бишкентской долины (Литвинский, Седов, 1984, с. 43-44).

В Бухарской области курганное захоронение в могильной яме с подбоем датируется II-I вв. до н.э. - I в. н.э. Это подбойное погребение в Лявандакском могильнике, где покойные положены на спину в позе всадника. Один костяк головой на С, другой на Ю (Обельченко, 1961, с. 98). К первым векам н.э. относится курганное подбойное захоронение Кую-Мазарского могильника. Подбой сделан в западной стенке ямы и опущен ниже пола на 25 см. Костяк лежал на подстилке (сохранился коричневатый тлен) на спине в вытянутом положении, головой на Ю, с сопровождающим инвентарем. Подбой закрыт семью рядами крупных сырцовых кирпичей (Обельченко, 1957, с. 116). В курганах около селения Хазара подбойные захоронения, сделанные с западной стороны впускной ямы, имели ступенчатый вход и за-

клад из сырцового кирпича клинчатой формы (44x29x19x8 см) плашмя и наклонно к стене. Нижний ряд заклада лежал на полу подбоя. Одно из погребений в деревянном гробу, на спине в вытянутом положении, головой на С, с сопровождающим инвентарем. Погребения датируются I-III вв. н.э. (Обельченко, 1963, с. 60, 61, 65). Некоторые курганные погребения Бухарского оазиса подбойного типа имели заклады подбоев камышовыми фашинами и кусками гипса. В одной подбойной могиле кургана Кызылтепинского могильника найдена монета греко-бактрийского царя Гелиокла, которая и датирует погребение.

Наиболее близкие по территории труположения в ямах с подбоями найдены в Самаркандской области. По времени самые ранние III-II вв. н.э. - в Центральных Кызылкумах в курганной группе близ пос. Кулкудук Учкудукского района. Погребения с сопровождающим инвентарем, костяки на спине в вытянутом положении в основном головой на Ю или Ю-З (Маньлов, 1990, с. 49). Агалыкские курганы дали единственное подбойное захоронение с сопровождающим инвентарем. Оно считается сарматским и датируется II в. до н.э. - I в. н.э. Подбой сделан с восточной стороны впускной ямы на одном уровне с ее полом. Покойник уложен на подстилку из войлока в вытянутом положении на спине головой на Ю с сопровождающим инвентарем. Заклад подбоя из каменных плит (Обельченко, 1967, с. 181-187; 1972, с. 67, 70). Погребение подбойного типа из кургана Сирлибайтепе в Кошрабадском районе датируется I в. до н.э. - IV в. н.э. Подбой в северо-западной стенке входной ямы, крупный. Костяк на спине в позе всадника, головой на С-В, руки согнуты в локтях, кисти в области таза. Согнутые когда-то ноги в коленях распались в стороны. Погребение с сопровождающим инвентарем (Иваницкий, Иневаткина, 1988, с. 52, 58).

По сопровождающему инвентарю, особенно оружию, курганные захоронения подбойного типа Самаркандского и Бухарского Согда близки и синхронны погребениям Южного Приаралья и Нижнего По-

волжья, где обитали сарматские племена. Керамика дает формы джетыасаро-каунчинской культуры, а антропологический материал некоторых погребений близок к типам приаральских племен. (Обельченко, 1957, с.116; 1963, с.60-61; 1967; 1972; 1974, с.208; Иваницкий, Иневаткина, 1988, с.59).

Считается, что курганные могильники античного времени, в том числе и с подбойными захоронениями, оставленные на всей территории Средней Азии, принадлежат представителям сарматских племен, проникших сюда с севера. Подбойные захоронения курганных и городских могильников кушанского периода и раннего средневековья указывают на проникновение или влияние джетыасаро-каунчинских племен. Именно эти погребения можно считать ранними прототипами тех подбойных трупоположений с сопровождающим инвентарем, которые наблюдаются на некрополе городища Кафыркала близ г. Самарканда во второй половине VIII-IX вв. н.э. Пока единственной наиболее близкой единовременной аналогией кафыркалинским подбойным захоронениям является курганное подбойное захоронение в Хорезме в археологическом комплексе Аджибай. К западу от каравансарая и могильника обнаружены и обследованы несколько одиночных погребений, одно из которых имеет каменную кольцевую выкладку на поверхности, в которой видны две вертикально поставленные плиты, выходящие на поверхность из могильной ямы по ее узким сторонам. Подбой сделан вдоль южной стороны ямы и перекрыт наклонно тремя плитами. Скелет женский, на спине, головой на З, лицом на С. (Маньолов, 1978, с. 266-267). Автор находит данное погребение более близким к афрасиабским начала X в., но и не исключает их близость к щелевидным погребениям Миздахкана второй половины VIII-X вв. н.э. На настоящий момент можно утверждать, что наиболее близко это погребение подбойным погребениям городища Кафыркалы. На это указывает положение подбойной камеры вдоль южной стороны впускной ямы и ориентация костяка покойной головой на З. Афрасиабские же

подбойные захоронения первой половины X в. являются уже сформировавшимся мусульманскими погребениями с подбоями вдоль В и З сторон ямы с трупоположениями головой на С-З и лицом на «кыблу».

Обзор погребений Средней Азии второй половины VIII-IX вв. н.э. показывает, что наиболее полно изучены погребения этого времени в Хорезме, Фергане и Самаркандском Согде, здесь же разработана их типология (Сухарев, 1938; Гудкова, 1963, 1964; Булатова, 1965; Ягодин, Ходжайов, 1970; Бижанов, Мамбетуллаев, 1973), по которой основным типом погребений являлись ямные захоронения с щелевидной погребальной камерой и несколькими видами перекрытий камер. В Самарканде же и его окрестностях в погребальном обряде второй половины VIII-IX вв. н.э. использовали наряду с погребениями в щелевидных камерах подбойные захоронения, применяя, таким образом, тип погребального сооружения, характерного для кочевых племен Средней Азии.

Еще в 1938 г. И.А. Сухарев предположил, что погребения Кафыркалы в ямах с подбоями и щелевидными камерами являются мусульманскими. Раскопки на кладбищах Хорезма, Ферганы, Самаркандского Согда показали, что для второй половины VIII-IX вв. н.э. этот тип погребений являлся единственным, основным типом погребений для населения этих регионов Средней Азии. Исключение составляют погребения отдельных, обособленных небольших зороастрийских общин, не принявших ислам и совершавших погребения в хумах и других хозяйственных сосудах по зороастрийскому обряду (Григорьев, 1939). Если учесть тот факт, что к X в. н.э. практическое большинство населения Средней Азии приняло ислам и, как показывают археологические исследования, практиковало погребальный обряд захоронений в ямах с щелевидными камерами, можно предположить, что этот тип погребений для этого времени являлся мусульманским. Наличие сопровождающего инвентаря (преимущественно в женских погребениях), а также ориентация костяков

головой на З или ЮЗ (головой на «кыблу»?), говорит о том, что в это время, время интенсивной мусульманизации среднеазиатского населения, шел процесс выработки мусульманского обряда захоронения как в использовании того или иного типа погребального сооружения (яма с щелевидными погребальными камерами и различными видами их перекрытий, яма с подбоем вдоль одной из длинных ее сторон), так и обрядности труположения (ориентации костяков, положение лица, рук, ног использование или отказ от сопровождающего инвентаря и т.д.).

Погребения г. Самарканда первой половины X в. н.э. (рис. 2, 1-5)

В начале X в. н.э. на кладбище в северной части городища Афрасиаб появляются погребения в овальных грунтовых ямах с подбоями с ориентацией костяков головой на С или С-С-З, с лицом, повернутым на «кыблу», без сопровождающего инвентаря. Этот тип погребений просуществовал в г. Самарканде до середины X в. По всем признакам для Средней Азии он считается классическим мусульманским типом погребений. Все подбойные захоронения первой половины X в. на городище Афрасиаб однотипные и различаются только расположением подбоев с восточной или западной стороны, а также видом закладов подбойных камер (Брусенко, Бурякова, Филанович, 1975). Эти погребения можно классифицировать следующим образом:

I тип. (рис. 2, 2-5). Захоронения в яме с подбоем с восточной или западной стороны, без сопровождающего инвентаря с ориентацией костяка головой на С-З и лицом на «кыблу» с 4 видами закладки подбоев:

- заклад подбоя прямоугольным сырцовым кирпичом на длинное ребро с наклоном к стенке ямы (рис. 2, 2);
- заклад подбоя прямоугольным сырцовым кирпичом на короткое ребро с наклоном к стенке ямы (рис. 2, 3);
- заклад подбоя сырцовым кирпичом на короткое ребро с наклоном к стенке ямы, установленным на ряд кирпичей, уложенных плашмя по краю подбоя (рис. 2, 4);

- заклад подбоя сырцовым кирпичом на длинное ребро с наклоном к стенке ямы, установленным на стеночку из таких же кирпичей в один ряд по краю подбоя (рис. 2, 5).

Погребения этого типа вскрыты на севере Афрасиаба, в двух раскопах - № 6 и № 12. Кладбище имеет три яруса, отличающихся типами погребений и размерами использованного в них сырцового кирпича. Погребения первой половины X в. н.э. заполняют нижний ярус кладбища. Мощность слоя примерно 2,5 м (рис. 2, 1). Могильные ямы овальные в плане, длина их 1,7-2 м, ширина 0,4-0,5 м. Глубина впускных ям различная, в пределах мощности занимаемого слоя. Подбойные ниши делались глубиной 0,35 - 0,4 м в западной стенке впускной ямы. Подбои закрывались прямоугольным сырцовым кирпичом. Независимо от вида заклада, в наиболее ранних захоронениях использовался кирпич размером 47x25x8-9 см, который добывался, вероятно, из рядом расположенной северной оборонительной стены города. В более поздних могилах использовался сырцовый прямоугольной формы кирпич размером 42-43x21-22x7,5-8 см. Из такого кирпича были выстроены помещения городского квартала IX - нач. X вв. н.э. на участке, примыкающем к кладбищу с востока. Покойников укладывали в подбои в вытянутом положении на спине, головой на С-З, лицом на Ю-З, т.е. на «кыблу». Под голову укладывали фрагмент сырцового кирпича или булыжник. Погребения совершены без сопровождающего инвентаря (Брусенко, Бурякова, Филанович, 1975, с. 106-107, 111). Необходимо отметить, что могильные ямы подбойных погребений первой половины X в. н.э. на Афрасиабе в два раза уже, чем могильные ямы подбойных захоронений второй половины VIII-IX вв. н.э. на некрополе гор. Кафыркала и имеют четыре вида сырцовой закладки отверстий подбоев. На настоящий момент случаи использования афрасиабского типа погребений первой половины X в. в других регионах Средней Азии в это же время неизвестны. По имеющимся на данный момент архео-

логическим данным, в отличие от других регионов Средней Азии, где продолжали использоваться для погребений ямы с щелевидными камерами, а труположения имели различную ориентацию и сопровождающий инвентарь (Хорезм, Ферганская долина), Самарканд в начале X в. выработал классический мусульманский обряд погребения, получивший впоследствии

широкое распространение по всей Средней Азии - без сопровождающего инвентаря, с ориентацией костяков головой на С-З и лицом на «кыблу». При этом предпочтение было отдано погребальному сооружению среднеазиатских кочевников в виде впускной ямы с подбойной нишей.

Литература:

1. Анарбаев А.А., Матбабаев Б.Х. Мунчактепа - городской могильник в северной Фергане // ОНУ, № 10. Ташкент, 1990.
2. Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // Изв. ООИ АН Киргизской ССР, серия общ. наук, т.2, вып.3. Фрунзе, 1961.
3. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
4. Бижанов Е., Мамбетуллаев М. Раскопки некрополя Ток-кала в 1968 г. // Антропология и культура Кердера. Ташкент, 1973.
5. Брусенко Л.Г., Бурякова Э.Ю., Филанович М.И. К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба // «Афрасиаб», вып. IV. Ташкент, 1975.
6. Булатова В.А. Некрополь X-XI вв. в Куве // ИМКУ, вып. 6. Ташкент, 1965.
7. Вайнберг Б.И. Курганные могильники Северной Туркмении (Присарыкамышская дельта Амударьи) // Кочевники на границах Хорезма. М., 1959.
8. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953-1954 гг. // ИМКУ, вып. 1. Ташкент, 1959.
9. Горбунова Н.Г. Раскопки курганов в Ферганской области // Успехи Среднеазиатской археологии, вып. 3. Л., 1975.
10. Горбунова Н.Г. О типах ферганских погребальных памятников перв. пол. I тыс. н.э. // Археологический сборник, № 22. Л., 1981.
11. Горбунова Н.Г., Гамбург Б.З. Могильник Хангиз // Изв. ООИ АН Тадж. ССР, вып. 14. Душанбе, 1957.
12. Горбунова Н.Г., Шигин А.Е. Могильники и крепость у Хангиза // АО, 1978 г. Ташкент, 1979.
13. Григорьев Г.В. Зороастрийское костехранилище в к. Фринкент под г. Самаркандом // ВДИ, № 2. М., 1939.
14. Гудкова А.В. Некрополь городища Ток-кала // СЭ, № 6. М., 1963.
15. Гудкова А.В. Ток-кала. Ташкент, 1964.
16. Заднепровский Ю.А. Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960.
17. Иваницкий И.Д., Иневаткина О.Н. Раскопки кургана Сирлибайтепа // ИМКУ, вып. 22. Ташкент, 1988.
18. Кадыров Э. К хронологии могильника Обишир в Южной Фергане // ОНУ, № 1. Ташкент, 1974.
19. Козенкова В.И. Погребальные памятники Ферганы первых веков н.э. // СА, № 2. М., 1966.
20. Лебедева Т.И. К вопросу о мусульманских погребениях первой половины VIII в. (по материалам Самаркандского Согда) // Археология и история Центральной Азии. Самарканд, 2004.
21. Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи. М., 1971.
22. Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972.
23. Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. М., 1984.
24. Максимова А.Г. Подбойные захоронения сакского времени // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969.
25. Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
26. Манылов Ю.П. Средневековые хорезмийские памятники Восточного чинка // Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. Ташкент, 1978.
27. Манылов Ю.П. Раскопки Кулкудукской курганной группы в Центральном Кызылкумах // ИМКУ, вып. 29. Ташкент, 1990.
28. Матбабаев Б.Х. Одиночные погребения могильника Мунчактепа // ИМКУ, вып. 27. Самарканд, 1996.
29. Матбабаев Б.Х. Могильник Мунчактепа в северной Фергане // Российская археология, № 3. М., 1999.
30. Обельченко О.В. Курганные погребения первых веков н.э. и кенотафы Кую-Мазарского могильника // Тр. Среднеазиатского Государственного Университета им. В.И. Ленина. Археология Средней Азии, вып. IV. Ташкент, 1957.
31. Обельченко О.В. Лявандакский могильник // ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961.
32. Обельченко О.В. Курганы около селения Хазара // ИМКУ, вып. 4. Ташкент, 1963.
33. Обельченко О.В. Погребение сарматского типа под Самаркандом // СА, № 2. М., 1967.
34. Обельченко О.В. Агалыкские курганы // ИМКУ, вып. 9. Ташкент, 1972.

35. Обельченко О.В. Курганные могильники эпохи Кушан в бухарском оазисе // Центральная Азия в кушанскую эпоху. М., 1974.
36. Сухарев И.А. Отчет по раскопкам зороастрийских наусов городища Кафыр-кала // Архив ГМИКИУ, Д № 568. Самарканд, 1938.
37. Юсупов Х.Ю. Исследования курганных памятников вдоль верхнего Узбоя весной 1973 г. // Успехи Среднеазиатской археологии, вып. 3. Л., 1975.
38. Юсупов Х.Ю. Курганы Шасенемкыра // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
39. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
40. Ягодин В.Н. Сарматский курган на Устюрте // КСИА, вып. 154. М.-Л., 1978.

Ш.С. Камолиддин

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Накануне арабского завоевания основную часть населения Средней Азии составляли согдийцы, хорезмийцы и бактрийцы, а также тюрки, которым принадлежала политическая власть в Тюркском каганате. Тюрки были расселены по всей территории Средней Азии как в горных и степных районах, так и в городах и селениях. В эпоху раннего средневековья шел естественный процесс этнокультурного взаимосближения и ассимиляции этих народов¹, продолжавшийся около двух тысячелетий. Наиболее интенсивно этот процесс проходил со II в. до н.э.; но в эпоху раннего средневековья пришла его завершающая стадия. После продолжительного периода господства иноземных завоевателей Средняя Азия² вновь была включена в ареал распространения центрально-азиатских культур, и к эпохе раннего средневековья ирано-язычные народы Средней Азии уже в значительной степени были тюркизированы. В свою очередь, тюрки, проживавшие среди ирано-язычных народов, перенимали их религию, культуру и язык, и по своим внешним признакам мало чем от них отличались.

Арабское завоевание, несомненно, оказало влияние на этническую ситуацию в

Средней Азии и привело к некоторому сокращению местного, в т.ч. и тюрко-язычного населения в результате массового истребления³ (ат-Табари, 1987, с. 125-130; 165-170; Abu Djafar, 1964, h.1238-1239) и вынужденного переселения части местного населения за пределы Арабского халифата⁴ и заселения на их место вновь прибывших переселенцев и колонизаторов арабского и персидского происхождения⁵ (Смирнова, 1957, с.119-134). Если на западе арабские завоеватели строили для своих войск военные лагеря, которые впоследствии превратились в города, то на востоке они стали селиться в уже существовавших городах среди местного населения (Бартольд., 1971, с. 363). Известно, что арабские завоеватели проводили активную колонизаторскую политику и заставляли жителей крупных городов, таких как Бухара, Самарканд, Кеш, Насаф и др., освободить половину города для арабских переселенцев, а в остальной части половину каждого дома для нужд колонизаторов (История ат-Табари., с. 141-142). Средняя Азия, бывшая ранее частью Туркестана, т.е. Западного Тюркского каганата, теперь рассматривалась в качестве продолжения Хорасана и получила название *Ма вара' ан-нахр*, т.е. «то, что за рекой»⁶. По дан-

¹ Этот процесс сопровождался, с одной стороны, взаимными миграциями тюрков на юг, согдийцев и хорезмийцев – на север, северо-восток и северо-запад, а с другой стороны – смешанными браками не только на уровне высшей знати, но и в среде простого народа.

² Имеются в виду Ахеменидские персы (VI – V вв. до н.э.) и греко-македонцы Александра Великого (IV–III вв. до н.э.).

³ В 91/709–10 г. Кутайба ибн Муслим только за один день убил в Тохаристане 12 тысяч тюркских военнопленных. В 98/716–17 г. арабский военачальник Йазид ибн ал-Мухаллаб после завоевания области Джурджан в Хорасане перебил здесь за один день 14 тысяч, а по другим данным, 40 тысяч тюркских военнопленных. Завоевав Хорезм, Кутайба ибн Муслим убил там 4 тысячи, а по другим данным 400 тысяч военнопленных. Такими же массовыми убийствами военнопленных сопровождалось и походы арабов в другие области Средней Азии. Следует отметить, что все эти убийства совершались не во время военных действий, а уже после сдачи противника в плен, что свидетельствует о том, что они делали это намеренно.

⁴ В источниках есть многочисленные указания о том, что не только тюрки, но и часть согдийцев покидала свои земли и переселялась в Семиречье, Восточный Туркестан и Китай.

⁵ Завоевав города, арабы заключали с местными жителями унижительные для последних договоры, согласно которым, помимо выплаты чрезмерно высокой контрибуции, они должны были освободить для завоевателей половину города и предоставить арабским воинам половину каждого дома.

⁶ Об употреблении терминов «Мавераннахр» и «Туркестан» в средневековых источниках

ным некоторых источников, в доисламское время все области Мавераннахра входили в состав страны ас-Син, а Самарканд был ее главным городом. После принятия ислама жители ас-Сина, которые остались манихеями, переехали в центр своей страны, а в Самарканде остались следы их пребывания, а именно традиция изготовления бумаги прекрасного качества (Tahir Magvazi..., 1942, p. 6; Тахир ал-Марвази, 2003, с.47). Под «жителями страны ас-Син» в этом тексте подразумеваются не китайцы, а тюрки, исповедовавшие манихеизм.

Значительную часть войск арабских завоевателей и их администрации составляли так называемые клиенты (*маула*) из числа принявших ислам иранцев, которые часто выступали в роли посредников между арабами и местным населением. Арабско-персидские колонизаторы проводили активную политику иранизации местного населения (Бартольд, 1963, с. 121). Между согдийцами и западными персами установилось более тесное культурное общение, чем когда-либо раньше (Бартольд, 1971, с. 251) и страна согдийцев стала называться также «верхним Ираном» (Kitab al-Fihrist, p. 18) или «верхним Хорасаном» (ан-Наршахий, 120 б). Эти процессы нашли свое отражение в сочинении Наршахи, который отмечает, что «в правление Кутайбы ибн Муслима (правил в 86 – 96/705 715 гг.) все города Мавераннахра были поделены между арабами и персами» (ан-Наршахий. 120 б), а также в сочинении Махмуда Кашгари, согласно которому, «после того, как в городах Мавераннахра значительно возросло количество персов, они стали похожи на города «Аджама» (Махмуд Кошгарий., 1960-1963, 164 б.; Bosworth, 1963, p. 207). Эти сведения подтверждаются и данными топонимических исследований, согласно которым началом активного формирования западно-иранской (персидской) топонимии на территории Средней Азии был период арабского завоевания (Хромов, 1980, с. 136).

Кроме персидских клиентов (*маула*), в администрации арабов были и принявшие ислам хорасанские тюрки. Один из них,

Сулайман ибн Абу-с-Сари, клиент арабского племени *бану увафа* (at-Tabari, p. 1421, 1509), в 99/717-18 г. был, по одним данным, *'амилом*, т.е. ведал сбором налогов Самарканда (ан-Насафи., 1991, с. 105), а по другим данным, был *амиром*, т.е. наместником этого города (Крачковская, Крачковский, 1934, с. 52-90). В 104/722-23 г. он принимал участие в подавлении восстания под руководством Деваштича, а затем был назначен *амиром* Насафа и Кеша. В 110/728-29 г. он вновь был назначен заведующим по сбору налогов в Самарканде (at-Tabari, p. 1447-1448). В 726 г. он был отправлен во главе посольства в Китай к китайскому императору⁷ (Бичурин, 1950-1953, с.333). Предполагается, что он был старшим сыном доисламского тюркского царя Джурджана и Дехистана Султегина (Kamoliddin, 2003, p. 96-104), принявшего ислам в 98/716-17 г. при содействии арабского военачальника Йазид ибн ал-Мухаллаба (at-Tabari, p. 1320-1333).

После разрушения арабами города Балха в 90/709-10 г. военачальник Асад ибн 'Абд Аллах (ум. в 120/737-38 г.) поселил всех своих людей в город Барукан, расположенный на расстоянии двух фарсахов от Балха. С этого времени Барукан стал местом пребывания арабских войск и арабских наместников Балха и Тохаристана (at-Tabari, p. 1206, 1490). В 107/725-26 г., когда Асад ибн 'Абд Аллах был назначен наместником Хорасана, он восстановил город Балх на его прежнем месте и переселил сюда всех арабов из Барукана (at-Tabari, p. 1488). По мнению В.В. Бартольда, это был единственный в истории случай, когда завоеватели разрушили город и сами же его восстановили (Бартольд, 1963, с. 128). В «Истории Балха», написанной в XII в. на фарси, упоминаются названия 11 городских кварталов Балха, большинство из которых было построено в правление Асада ибн 'Абд Аллага. Некоторые из этих кварталов назывались именами арабских военачальников, которые, по-видимому, руководили строительством города, а затем были расселены здесь вместе со

⁷В китайских источниках он упоминается арабский посланник по имени Су-ли-мань (т.е. Сулайман)

своими воинами и семьями (Ахмедов., 1982, с. 18).

Впоследствии арабы, поселившиеся в городах, постепенно ассимилировались частично с персами, частично с местным населением, и уже в X в. в Средней Азии не было городов, в которых они составляли бы большинство населения (Бартольд., 1963а, с. 195). Лишь в некоторых селениях Согда и Тохаристана арабы еще некоторое время жили компактно и сохраняли свою этническую самобытность. Так, по данным арабских географов X в., арабы жили в селении Ведар в области Самарканда (al-Istakhri, 1967, р. 322, 349). Приблизительно на полпути между Насафом и Кешем в средние века находился город Наукад Курайш (al-Istakhri, р. 343), который, судя по его названию, был населен арабами из племени *курайш*. В области Джузджан находился рустак Андхуд, административным центром которого был город Уштурдж. Это был небольшой город, расположенный в пустыне, которому подчинялись 7 селений и поселения курдов, владевших стадами овец и верблюдов (al-Istakhri, р. 270). Согласно «Худуд ал-‘Алам», в степях Джузджана проживало около 20 тысяч арабов, которые имели многочисленные стада овец и верблюдов. У них был свой правитель, который назначался царем Джузджана и регулярно предоставлял ему дань. Эти арабы были самыми богатыми среди арабов Хорасана. В пустыне Джузджана упоминается также обширное, цветущее и богатое селение Хауш, в котором в летнее время жили арабы (Hudud al-Alam, 1970, р. 108). В конце X в. последний саманидский эмир Мунтасир, бежавший от Караханидов, на пути от Амударьи в Андхуд нашел на пастбищах и лугах большое число стад овец, которые он захватил и распределил между своими воинами (ал- Утби., 1988, с. 44). В XII в. в области Кувадийане в верховьях Амударьи проживало арабское племя *тамим*, члены которого были «очень умны и искусны в военном деле» (ас-Самани, 1981, с. 46), а в округе Хуст (Хост) в области Балха – арабское племя *ашраф* (ас-Самани, 1981, с. 208). В 10 фарсах от Балха в

средние века находился город Хулм, который назывался также «городом арабов». Здесь проживали арабские племена *азд*, *бакр*, *тамим* и *кайс* (ас-Самани, 1981, с. 164). Впоследствии и эти арабы постепенно ассимилировались с местным, главным образом, тюркским населением Средней Азии, хотя и сохранили во многих местах свои племенные названия (Бартольд. 1963 а, с. 196., Varfield, 1981, р. 82).

Активная колонизаторская политика проводилась арабами преимущественно в Согде и южной части Тохаристана. В результате этой политики к середине X в. новоперсидский язык вытеснил согдийский язык в Согде и бактрийский – в Тохаристане. Что касается других областей, например, Хорезма, то он остался в стороне от этих процессов, поэтому в конечном итоге там был завершен протекавший многие века естественный и ненасильственный процесс ассимиляции ираноязычных хорезмийцев, которые еще в XI в. продолжали говорить и писать на своем наречии⁸ (Фрейман, 1951; Бартольд, 1963, с.122, 193), с тюркоязычными хорезмийцами (Бартольд., 1963, с. 122), которые в XI в. имели свое самоназвание *кочат* (Махмуд Кошгарий, 338 б). Именно поэтому среди местного населения Хорезма уже в XII – начале XIII вв., так же как и в настоящее время, уже не было ираноязычных пластов⁹ (Бартольд, 1966, с. 244).

Арабско-персидских колонизаторов в Средней Азии привлекали, в первую очередь, ее богатые запасы драгоценных металлов – золота и серебра. На территории Средней Азии в средние века отмечается наличие множества богатых рудников золота и серебра, крупнейшие из которых находились в горах Панджхира, Ваххана,

⁸Сохранилось несколько документов на хорезмийско-иранском языке.

⁹Хотя известны отдельные памятники хорезмийской письменности XII–XIV вв. Однако эти надписи могли быть оставлены хорезмийскими тюрками, которые использовали хорезмийский язык в качестве письменного наряду с тюркским, который в начале XIII в. был государственным языком не только в империи хорезмшахов-Ануштегинидов, но также и в некоторых других странах, в которых господствовали тюрки (например в Египте).

Ферганы, Шаша и Илака, Буттама, Шелджи и Лобана. Самые богатые из этих рудников были те, которые находились вблизи страны *хырхызов*. В этих же горах добывали также железо, медь, медный купорос, олово, ртуть и другие металлы (al-Istakhri, p. 312-313, 327-328, 334). В X в. в Мавераннахре отмечается такое изобилие железных месторождений, что излишки добывавшегося железа составляли основную часть внешней торговли. Что касается рудников золота, серебра и ртути, то по обилию и богатству с ними не мог сравниться ни один рудник во всем исламском мире (Ibn Naukal, 1967, p. 464-465). Среди товаров, взимавшихся с этих областей в 211–212/826–828 гг. наместником Хорасана ‘Абд Аллахом ибн Тахиром упоминаются 1300 штук лопат¹⁰ (Фазылов, 1966, 1971, с. 629) и слитков железа в половинной доле (Ибн Хордадбех, 1986, с. 68).

Еще одним фактором, привлекавшим завоевателей в Среднюю Азию, были ее огромные людские ресурсы, что позволяло им вывозить оттуда дешевую рабочую силу, и в первую очередь, рабов. В тюркском обществе рабство существовало еще в эпоху Тюркского каганата, когда основным источником рабской силы были межплеменные войны. Главной целью ведения таких войн тюрками был именно захват рабов (*qul*), и особенно, рабынь (*kun*), которых затем использовали в домашнем хозяйстве. В рабство обычно уводили только женщин и девушек, мальчиков и юношей, а взрослых мужчин убивали (Кляшторный, 1983-1984, с. 168-170). Арабско-персидские завоеватели, напротив, больше ценили взрослых рабов-мужчин. Так, в 93/711 г. хорезмшах обязался предоставить Кутайбе ибн Муслиму, кроме денег и имущества, 10 тысяч, а по другим данным, 100 тысяч голов (*ra'c*) рабов (at-Tabari p. 1238, 1240). Согласно договору, заключенному в 94/712 г. в Самарканде между Кутайбой ибн Муслимом и царем Согда Гураком, последний должен

был предоставить ему 30 тысяч голов рабов, среди которых не должно быть ни детей, ни стариков¹¹ (Смирнова, 1963, с.208). В 104/722-23 г. жители Кеша, заключившие договор с Са‘идом ал-Хараши, обязались предоставить ему 10 тысяч рабов (at-Tabari, p. 1448). В 121/738-39 г. Наср ибн Саййар получил в Фергане 30 тысяч голов рабов (at-Tabari, p. 1691). Это было началом огромных поставок рабов Арабскому халифату, в результате чего институт рабства получил на Востоке широкое развитие (Большаков, с.424-449).

Значительная часть рабов поступала на невольничьи рынки по договорам с побежденной стороной и путем обращения в рабство военнопленных, а также за счет захвата людей в плен во время налетов и грабежей (Надирадзе, 1986, с.75-85). В последующие века области за Сырдарьей стали главными поставщиками рабов на невольничьи рынки Востока. Наиболее крупные невольничьи рынки средневековья были сосредоточены в Фергане и Исфиджабе (Hudud al-Alam, p. 115), куда поступали в основном рабы-тюрки, составлявшие основной контингент рабов в Средней Азии (ал-Истахри, с. 17., Массон, 1953, с.33-34). Крупные невольничьи рынки были и в других городах Средней Азии – Самарканде, Бухаре, Балхе и др. В средние века тюрки контролировали все северные торговые пути, связывавшие страны Европы с Востоком, в т.ч. реки Волгу, Дон, Днепр с выходом к Каспийскому и Черному морям. Через эти пути они доставляли на восток ценные меха и невольников из Руси и Булгарии, которые они брали в качестве дани у русских князей и болгар (Документы на половецком языке XVI в. с. 101). Взамен своих товаров они получали хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые ткани из Чача, Хорезма и Самарканда. Главным центром всей торговли мусульманского мира с Восточной Европой был Хорезм (Бартольд, 1963а, с. 240).

Значительная часть этих рабов экспор-

¹⁰Возможно, что под «лопатами» здесь имеются в виду *kuruk* – лопатка (совок) кузнеца, используемая для раскаленного железа.

¹¹Текст договора сохранился в сочинении Ибн ал-А‘сама ал-Куфи, у которого число рабов указана 3 тысячи. Цифра 30 тысяч приводится в сочинении ат-Табари. .

тировалась в центральные города Арабского халифата, где их содержали в специальных лагерях и перепродавали на невольничьих рынках. Использовали рабов в качестве военной силы и прислуги, но основная часть их использовалась в качестве черной рабочей силы в сельском хозяйстве, горнорудных промыслах и других тяжелых работах. Поэтому в договорах указывалось, что среди поставляемых рабов не должно быть «женщин, детей и стариков». Такое же положение наблюдалось в Средней Азии и в позднем средневековье, когда продажа людей в рабство была обычным делом и постоянным источником их поставки были военнопленные (Смирнова, 1963, с. 265, 270). В средние века, особенно после установления власти Сельджукидов в городах Ирана, Ирака и Сирии наряду рабами-мужчинами стали цениться и рабыни, которых использовали жившие там тюрки в своем домашнем хозяйстве. В персидских толковых словарях того времени особо отмечаются города Илик, Йагма, Фархар и область Хирхиз в Туркестане, в которых «много красавиц», «город красавиц» Тараз в стране Чин, страна Халлух, откуда «привозят много красавиц» (Баевский, 1980, с. 85-85, 88,89).

Все подданные Саманидских правителей составляли 3 различные группы: первую основную группу составляли *дикканы*, т.е. землевладельческая аристократия Хорасана и Мавераннахра, которую составляли знатные роды различного этнического происхождения, главным образом, иранцы и тюрки. К их числу относился и род Саманидов. Вторую группу составляли потомки арабских и персидских колонизаторов и эмигранты, обосновавшиеся, главным образом, в крупных городах Хорасана и Мавераннахра, таких как Мерв, Балх, Бухара и Самарканд. Третью наиболее значительную группу, составляли тюрки, как местные, так и привезенные в качестве рабов, которые со временем стали занимать ключевые должности в администрации Саманидов (Meisami, 2000, p.358). Тюрки присутствовали в Средней Азии не только в качестве наемников, рабов и тор-

говцев, но также и в качестве оседлых жителей и землевладельцев (Bosworth, p. 207).

Однако данные некоторых источников свидетельствуют о том, что после завоевания Средней Азии арабами тюрки не покинули своих земель и не ушли на восток, как предполагалось ранее, а наоборот, они умножились как по количеству, так и по своему влиянию в обществе (Frye, Sayili, 1945, p. 308-315; 1979, p. 312). В IX–X вв. основную часть городского и оседло-земледельческого населения Средней Азии, так же как и раньше, составляли тюрки, а также тюркизированные согдийцы, хорезмийцы и бактрийцы. Арабские географы ал-Истахри и Ибн Хаукал (X в.), отмечают, что жители Мавераннахра были очень привязаны к лошадям, т.е. они употребляли лошадиное мясо в большом количестве, но несмотря на это у них не ощущалось в нем нехватки, так как оно производилось у них в достаточном количестве. Кроме того, из страны *харлухов* и *гузов* привозили мулов, верблюдов, лошадей и овец в количествах, превышающих их потребности. У них также выращивается много овец и у них всегда в избытке и слишком много скота (Ibn Haukal, p. 464). В Фергане и Шаше даже простой подданный может иметь от 100 до 500, и даже до 520 лошадей, хотя он и не является султаном. Никто не выходит из города в пустыню так много, как они (Ibn Haukal, p. 468). Мясо было настолько дешевым, что за один дирхам можно было купить 4 мины чистого мяса, освобожденного от костей (Бартольд, 1963а, с.234). В начале VIII в. основным богатством Ферганы были верблюды, лошади, мулы и овцы (Бернштам, 1952, с. 193). Развитое скотоводство отмечается и в Хорезме, где овца ежегодно рождает по 6–7 ягнят, из которых оставляют только два, а остальных используют для выделки шкур особого сорта¹². Такое же изобилие отмечалось и в XV в., когда основным богатством населения Мавераннахра называются лошади и скот. Здесь производили из верблюжьей шерсти вели-

¹²Здесь, вероятно, имеется в виду сорт, известный в настоящее время как «каракуль».

колепные куртки, которые пользовались спросом во всех странах и вывозились на экспорт (Буриев, 1997, 75 б).

Центральная Азия была одним из регионов, где происходил процесс доместики лошади. В поселении Ботай эпохи энеолита на севере Казахстана найдены костные останки лошади *тарпан*, датированные концом IV – началом III тысячелетия до н.э. В I тысячелетии до н.э. конница составляла основу военной силы древних хуннов и поэтому основным их богатством были кони (Нестеров, 1990, с. 39, 103). В эпоху раннего средневековья кони составляли основной предмет экспорта почти всех тюркских племен¹³ (Зуев, 1960, с.93-140). Традиции коневодства сохранялись у тюрков и в последующие века вплоть до нашего времени. Происхождение многих кипчакских этнонимов связано с названиями пород и мастей лошадей¹⁴, что позволяет предполагать, что *кипчаки* в древности считали коня «священным животным» (тотемом) и поклонялись ему (Ахунов, 1987, с. 90-91). Так же как и в гидронимии (река – вода), первоначальные названия многих родов и племен в порядке мифологических представлений были связаны с различными образами племенных животных и, в первую очередь, тотемных (Логашова, 1978, с. 77). Поэтому многие родовые имена племен и народов Сибири, а также индейцев Америки восходят к тотемам (конь, волк, медведь, орел, змея и др.) (Никонов, 1970, с. 17). Согласно шаманской мифологии тюрко-монгольских народов, у каждого племени и рода был свой онгон, который олицетворял духов умерших предков тотемного (волк, медведь, конь и др.) и антропоморфного происхождения (Мифы народов мира, 1991, с.255-256).

¹³В китайских источниках перечисляются названия более 40 тюркских племен, которые поставляли коней различных пород в качестве даров китайскому двору.

¹⁴Например, Ала-байтал (Кобыла смешанной масти), Кара-байтал (Кобыла черной масти), Турт айгыр (Четыре жеребца), Саман атлы (Владелец вороного коня), Етти кашка (Семь пятен на лбу), Тури сари (Желтая лошадь), Кулан (Дикий конь), Конгур-ат (Гнедой конь) и др.

В Средней Азии крупным центром коневодства была Давань, т.е. Ферганская долина, где в древности разводились так называемые «небесные кони», получившие широкую известность в древнем Китае (Сыма Цзянь, с. 72; Кюннер, 1961, с.104,117,122,123,131; Малявкин, 1989, с. 51,57,58,78). У селения Араван в 25 км от Оша, недалеко от городища Мархамат, где локализуется древняя столица Давани город Эрши, найдены наскальные изображения этих «даваньских» лошадей, которые считались священными и почитались местным населением даже в средние века (Бернштам, с. 155-161). В VII в. такую же разновидность коней в большом количестве поставляло китайскому двору государство Кангюй (Зуев, с. 98). Среди многочисленных петроглифов с изображением коней, исследованных в долинах горного Алтая, имеются рисунки, натурой которым служили крупные высокопородистые боевые кони с выстриженными гривами (Кубарев, 2001, с.95-107), которые могут быть сопоставлены с породой «небесных коней» китайских источников. В курганах урочища Пазырык на Алтае, датирующихся V–IV вв. до н.э., было найдено 10 хорошо сохранившихся в мерзлоте конских трупов. Порода этих лошадей была определена как имеющая аналогию с породой ахалтекинских туркменских коней, которая была известна в Китае (Файзрахманов, 2000, с.33). Тюрки выделяли таких чистокровных верховых лошадей как особую породу и называли их *аргамаками* (Севортян, 1970, с. 32).

Еще одним центром коневодства был Хутталан, где чистокровные лошади разводились с древнейших времен и были основным предметом вывоза (Беленицкий, 1950, с.112). В средние века в Хутталане находился город *Рустак Бик*, тюркский владетель которого по имени Бик (*бек*) разводил чистокровных лошадей на берегу озера Назкул (Hudud al-Alam, p.119). Кони были основным предметом экспорта всего Тохаристана (Tha'alibi, 1968, p.137,145). В то же время согдийцы больше прославились в качестве торговцев, чем всадников (ал-Исфাহани, 1980, с.190).

Данные ал-Истахри и Ибн Хаукала позволяют с достаточным основанием предполагать, что IX–X вв. значительную часть местного населения Средней Азии составляли тюрки, занимавшиеся разведением лошадей и употреблявшие в большом количестве конину¹⁵. Автор XII в. также отмечает, что все тюрки едят конину, предпочитая ее баранине и говядине, и выращивают лошадей и буйволов для убоя (ал-Идриси, 2003, с.56,60). В источниках есть указание, что и в XIV в. основным продуктом питания жителей Хорезма и окружающих его степей была конина (Ибн Фадлаллах, 2003, с.102; Ибн Батута, 2003, с.128-129, 139, 141). Даже в Египте при мамлюках на мясо наряду с коровами и баранами стали забивать лошадей и научились изготавливать кумыс (ал-Холи, 1962, с.23).

Эти данные согласуются с данными других источников, согласно которым, в IX–X вв. тюрки, так же как и в эпоху Тюркского каганата, составляли значительную часть местного населения Средней Азии (Шониёзов, 2001, 74-102 бетлар; Гюль, 2002, с.97-99). Причем только часть их занималась животноводством, тогда как другая, более значительная их часть вела оседло-земледельческий образ жизни. Тюрки были горожанами и сельскими жителями всюду, за исключением тех мест, где природные условия вынуждали их к кочевой жизни (Frye, Sayili, 1943, p. 195). Это подтверждается также археологическими данными, полученными в результате раскопок поселений и городов в районах Семиречья, низовьях Сырдарьи и в зоне Приаралья (Босворт, 1981, с.21; Маликов, 2000, с.8-12, 13-17, 22). В этих же районах в эпоху раннего средневековья основу денежного обращения составляли древнетюркские монеты (Баратова, 1995, с.22).

Существует мнение, что в эпоху арабского завоевания этнографическая граница между иранцами и тюрками, культурная –

между оседлым и кочевым населением и политическая – между мусульманской империей и «областью неверных» приблизительно совпадали (Бартольд, 1963а, с.198). Однако, с этим мнением трудно согласиться по нескольким причинам. Во-первых, в арабских источниках первых веков ислама под названием «тюрк» подразумевались не только тюрко-язычные народы, но и другие немусульманские народы Центральной Азии, обитавшие за пределами Арабского халифата (Gibb, 1923, p.10; Мурзаев, 1962, с.122). Однако это не означает, что их не было на территориях, включенных в состав Арабского халифата (Frye, Sayili, p.315). После того как «неверные» тюрки принимали ислам, арабы уже не называли их «тюрками»¹⁶ (Ибн ал-Асир, 1883-1885, с.100), так как в исламе не придавалось значения расовым, языковым и национальным различиям (Frye, Sayili, p.310, 315). Если арабские завоеватели считали «тюрками» все племена и народы, входившие в состав Западного Тюркского каганата, в том числе и ираноязычных согдийцев, то в IX в. они уже стали различать в них отдельные племена (Ибн Хордадбех, с. 66). В X в. отмечается, что население городов Семиречья, таких как Тараз, Шалджи, Мирки, Навикат, Фарункат и др., составляли «мусульмане и тюрки» (Hudud al-Alam, p.119).

Во-вторых, не все тюрко-язычные народы назывались «тюрками». В китайских источниках *уйгуры*, *киргизы* и некоторые другие тюрко-язычные народы не причисляются к числу «тюрков» (Frye, Sayili, p.309). В XI в. Махмуд Кашгари делал различие между собственно *тюрками* и другими тюрко-язычными племенами и народами, такими как *огузы*, *кипчаки*, *карлуки* и др. (Махмуд Кашгарий, 374 бет). В «Та'рих-и Систан» отмечается различие между тюрками и *халаджамы* (Тарих-и Систан, 1974, с.215). Ибн ал-Асир также делал различие между тюрками и *огузами* (Ибн ал-Асир, Т.9, p.100), а также между

¹⁵В средние века конину употребляли не только кочевые тюрки, но также оседлоземледельческие и городские тюрки. Что касается персов, согдийцев и других иранских народов, то они, как известно, конину вообще никогда не употребляли.

¹⁶В арабских источниках делается четкое различие между *гузлами* и тюрками, под которыми подразумеваются принявшие ислам тюрки-огузы и так называемые «неверные» тюрки.

населением Туркестана и Мавераннахра, хотя и те и другие были тюрко-язычными (Ибн ал-Асир, Т.12, р.166).

Собственно термин «тюрк» первоначально относился лишь к правящему племени Первого Тюркского каганата, и лишь впоследствии получил этнополитическое значение и выступал как собирательное имя военного союза целого ряда племен и народов различного расового и этнического происхождения (Кононов, 1949, с.40-47; Гумилев, 1960, с.251), но родственных между собой по языку и по признаку единства политической власти (Благова, 1972, с.95). Если «тюрки» появились на исторической арене в начале VI в. н.э. или, в лучшем случае, в первых веках н.э.¹⁷, то история тюрко-язычных народов уходит вглубь тысячелетий и начинается с незапамятных времен. Предполагается, что тюрко-язычными были древние хунны, а также часть кушан, кидаритов, хионитов и эфталитов (Bosworth, 1963, p.205; Frye, Sayili, p.309,312,314-315). В качестве их потомков средневековые авторы рассматривали именно тюрков (al-Kwarizmi, 1895, p.119), которыми могли быть средневековые *халаджи*, проживавшие на тех же территориях, что и эфталиты (Frye, Sayili, p.315).

Племенные названия тюрков, так же как и сам термин «тюрк», использовались, главным образом, в отношении кочевых тюрков. Что касается тюрко-язычных народов Средней Азии, которые традиционно вели оседлоземледельческий и городской образ жизни и не имели племенного

деления, то их арабы и персы «тюрками» не считали, а называли по месту их жительства или происхождения – селения, города или области. Так же называли себя и сами тюркоязычные жители этих городов в Средней Азии и Восточном Туркестане, как в доисламское время (Отахўжаев, 2004, 108 бет), так и в средние века вплоть до самого последнего времени (Мурзаев, 1982, с. 39). В арабских источниках хорезмийцы, ферганцы и уструшанцы то отличаются от тюрков, то рассматриваются как их составляющая часть (at-Tabary, ser.I, p.2689, ser.II, p. 1195,1249, ser.III, p. 724, 1215; Macoudi, vol.7, p. 118,122,273,396). В средневековом Багдаде были отдельные кварталы, называвшиеся по этнической принадлежности их жителей: рабад хорезмийцев, рабад бухарцев, рабад мервцев и др. (ал-Хамадани, с. 19, 22, 24; Цкитишвили, 1986, с.80-82).

Местные оседлые тюрки Средней Азии жили в областях Хорасана и Мавераннахра во время арабского завоевания и оставались там после победы арабов (Frye, Sayili, p. 309, 315). Более того, в дальнейшем они играли ведущую роль не только в политической, но и общественной и культурной жизни региона на протяжении всего исламского периода, включая и период правления Саманидов, о чем свидетельствуют данные письменных источников (Tria opuscula..., 1903, p.29), а также многочисленные памятники культуры (Бартольд, 1971, с.432-433) и искусства того времени (Гюль, с.2-26).

Литература:

1. Абдувалиев. О происхождении некоторых конно-спортивных терминов в киргизском языке // Вопросы тюркского языкознания. Алма-Ата, 1985.
2. Абу Бакр Ахмад ибн Мухаммад ал-Хамадани, известный как Ибн ал-Факих. Факсимиле главы о Багдаде Мешхедской рукописи // Цкитишвили О.В. К истории города Багдада (Материалы к истории возникновения и развития феодального города на Ближнем Востоке). Тбилиси, 1968.

¹⁷Название *тюрк* было засвидетельствовано в среднеперсидском тексте III в. н.э., в котором среди правителей разных стран, прибывших ко двору сасанидского царя Шапура I (правил в 242–272 гг. н.э.) упоминается и «тюркский *хакан*» (Книга деяний. С. 83). Имеются также сведения, что тюрки упоминаются в сочинении Геродота (V в. до н.э.) в форме *уирсае*, а также в сочинениях древнеримских ученых I в. н.э. – географа Помпония Мела и энциклопедиста Плиния в форме *turcae*.

¹⁸В Средней Азии и Восточном Туркестане с VI в. вплоть до X в. были широко распространены скульптурные изображения диких зверей, животных и птиц (тигров, львов, газелей, горных козлов, лошадей, быков, верблюдов, баранов, павлинов), вырезанные из глины, гипса и дерева и выполненные реалистично в так называемом «зверином» стиле, весьма характерном для кочевых тюрков.

3. Абу Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий. Бухоро тарихи / Форс тилидан А.Расулев таржимаси, мухррир
4. Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. Ал-Ансаб // Изд. 'Абд ар-Рахмана ибн Йахйя ал-Му'аллими ал-Йамани. В 10 томах. Байрут, 1981. Т. 10.
5. Абу Хафс 'Умар ибн Мухаммад ан-Насафи. Китаб ал-канд фи зикр 'улама' Самарканд / Изд. Назар Мухаммада ал-Фарйаби. Мадина, 1991.
6. Абу-л-Фарадж аль-Исфахани. Книга песен. (Перевод с арабского А.Б. Халидова, Б.Я. Шидфар). М., 1980.
7. Ал-Идриси. Китаб нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак (Развлечение истомленного и странствование по областям [Вселенной]) (Перевод с арабского Ш. Закирова) // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент, 2003.
8. Амин ал-Холи. Связи между Египтом и Волгой в XIII – XIV вв. Сокращенный перевод с арабского. М., 1962.
9. Ат-Табари. Избранные отрывки / Перевод с арабского В.И. Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. Ташкент, 1987.
10. Ахмедов Б.А. История Балха (XVI – первая половина XVIII в.). Ташкент, 1982.
11. Ахунوف Н.О. Этнотопонимы – важный исторический источник // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV–XIX вв. Ташкент, 1987.
12. Баевский С.И. Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI–XV вв.) // Страны и народы Востока, вып. 22, книга 2. М., 1980.
13. Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии VI–X вв. (типология, иконография, историческая интерпретация). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1995. С. 22.
14. Бартольд В.В. Восточноиранский вопрос // Сочинения в 9 томах.. Т. 7. М., 1971.
15. Бартольд В.В. Иран. Исторический обзор // Сочинения в 9 томах. Т. 7. М., 1971.
16. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения в 9 томах. Т. 2. Часть 1. М., 1963.
17. Бартольд В.В. История Туркестана (конспект лекций) // Сочинения в 9 томах. Т. 2. Часть 1. М., 1963.
18. Бартольд В.В. Мусульманский мир // Сочинения в 9 томах. Т. 6. М., 1966.
19. Беленицкий А.М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н.э. // Труды СТАЭ. Т. 1. М.-Л., 1950.
20. Бернштам А.Н. Араванские наскальные изображения. .
21. Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // Вестник древней истории, 1952, № 1.
22. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В 3-х томах. М.-Л., 1950–1953. Т. 2.
23. Благова Г.Ф. Вариантные заимствования «тукор» - «тюрк» и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) // Тюркологический сборник, 1972.М.,1973.
24. Большаков О.Г. Рабство в странах халифата.
25. Босворт К.Э. Нашествия варваров: появление тюрков в мусульманском мире // Мусульманский мир 950 – 1150. М., 1981 (Материалы международного симпозиума по истории исламской цивилизации, Оксфорд, 1969).
26. Буриев. О. Темурийлар даври ёзма манбаларида Марказий Осиё (тарихий-географик лавхалар). Тошкент, 1997.
27. Гумилев Л.Н. Хунну. Средняя Азия в древние времена. М, 1960.
28. Гюль Э.Ф. Проблема этнокультурных взаимодействий в античном и средневековом искусстве Узбекистана. Диссертация на соискание доктора искусствоведения. Ташкент, 2002.
29. Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменеца-Подольской армянской общины) / Транскрипция, перевод, предисловие, введение, грамматический комментарий и глоссарий Т.И.Грунина. М., 1967.
30. Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств (Перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуй-яо) // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960.
31. Ибн ал-Асир Абу-л-Хасан 'Али ибн Мухаммад аш-Шайбани ал-Джазари. Ал-Камил фи-т-та'рих. В 12 томах. Миср, 1883 – 1885. Т. 9. С. 100; Т. 12.
32. Ибн Батута // Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские источники. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В.Г. Тизенгаузена. Составление, вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. М., 2003.
33. Ибн Фадлаллах ал-Омари // Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские источники. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды в переводах В.Г. Тизенгаузена. Составление, вводная статья и комментарии Р.П. Храпачевского. М., 2003.
34. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
35. Камолитдин Ш.С. К вопросу об употреблении географических названий «Мавераннахр» и «Туркестан» // O'zbekiston tarixi, 2002, 4-son.
36. Китаб масалик ал-мамалик ал-Истахри.

37. Кляшторный С.Г. Социальное содержание терминов *qul* «раб» и *kun* «рабыня» в древнетюркских рунических памятниках // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVIII годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Часть 1. Л., 1983–1984.
38. Кононов А.Н. Опыт анализа термина «тюрк» // Советская этнография, 1949, № 1.
39. Крачковская В.А., Крачковский И.Ю. Древнейший арабский документ из Средней Азии // Согдийский сборник. Л., 1934.
40. Кубарев В.Д. Сюжеты охоты и войны в древнетюркских петроглифах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии, 2001, № 4 (8).
41. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М. 1961.
42. Лившиц В.А. Новые памятники хорезмийской письменности и некоторые проблемы истории Хорезма // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. ТД I годичной научной сессии ЛО ИНА. М., 1965.
43. Логашова Дж. Б. Из топонимии Каспийского моря (О названии реки Атрек) // Ономастика Средней Азии. М., 1978.
44. Маликов А.М. Тюрки в среднеазиатском Междуречье в VI – VIII вв. (по археологическим и письменным источникам). Автореф. канд. ист. наук. Самарканд, 2000.
45. Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
46. Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.
47. Махмуд Кошгарий. Туркий сўзлар девони (Девону-лугод ит-турк) / Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М. Муталлибов. 3 томлик. Тошкент, 1960 – 1963. 1-жилд, 338, 374-бет; 3-жилд.
48. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. М., 1991. Т. 2.
49. Мурзаев Э.М. Топонимика Синьцзяна // Географические названия. М., 1962.
50. Мурзаев Э.М. География в названиях. М., 1982.
51. Наджип Э.Н. Исследования по истории тюркских языков XI – XIV вв. М., 1989.
52. Надирадзе Л.И. Вопрос о рабстве в халифате // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
53. Нестеров С.П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990.
54. Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М., 1970.
55. Отахўжаев А. Сугд ёзма ёдгорликлариди этносоциал ва этномаданий жараёнлар // Узбекистон этнологияси: янгича қарашлар ва назарий методологик ёндашувлар. Тошкент, 2004.
56. Севортян Э.В. Тюркские этимологии // Тюркологические исследования. Сборник статей, посвященный 80-летию академика К.К. Юдахина. Фрунзе, 1970.
57. Смирнова О.И. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. Договор арабского полководца Кутайбы с царем Согда Гуреком, заключенный в 712 г. // Советское востоковедение, 1957, № 2.
58. Смирнова О.И. Из истории Согда VII – VIII вв. М., 1963.
59. Сыма Цзянь. Исторические записки («Ши Цзи») / Перевод с китайского и комментарии Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. В 5 томах. М., 1972 – 1987. Т. 4.
60. Тарих-и Йамини ал-‘Утби / Перевод с персидского М.А.Салахетдиновой) // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X – XIX вв. Ташкент, 1988.
61. Та’рих-и Систан (История Систана) / Перевод, введение и комментарий Л.П. Смирновой. М., 1974.
62. Тахир ал-Марвази. Таба’и’ ал-хайаван (пер. с арабского Ш. Закирова) // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент, 2003.
63. Толстов С.П., Лившиц В.А. Датированные надписи на хорезмийских оссуариях с городища Ток-кала // Советская этнография, 1964, № 2.
64. Фазылов Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. В 2-х томах. Ташкент, 1966 (Т. 1), 1971 (Т. 2). Т. 1.
65. Файзрахманов Г. Древние тюрки Сибири и Центральной Азии. Казань, 2000.
66. Фрейман А.А. Хорезмийский язык. Материалы и исследования, 1. М.- Л., 1951.
67. Хромов А.Л. Некоторые особенности формирования топонимии Средней Азии в IX–XIII вв. // Ономастика Востока. М., 1980. С. 136.
68. Уринбоев А.. Тошкент, 1993.
69. Цкитишвили О.В. Раннесредневековый Багдад (По данным Машхадской рукописи труда Ибн ал-Факиха ал-Хамадани). Тбилиси, 1986.
70. Шониёзов К. Узбек халкининг шаклланиш жараёни. Тошкент, 2001.
71. Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, Annales, ed. M.J. de Goeje, I–III series, Lugduni-Batavorum, 1964, ser. I, p. 2689; ser. II, p. 1195, 1240, 1249, 1238 – 1239, 1320-1333, 1421, 1447-1448, 1509.; ser. III.
72. Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri, Viae regnorum, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 1. Lugduni-Batavorum, 1967.
73. Abu-l-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi, Opus geographicum, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 2, Lugduni-Batavorum, 1967.
74. Al-Kwarazmi, Mafatih al-‘ulum, ed. G.van Vloten, Leiden, 1895.

75. Barfield T.J. The Central Asian Arabs of Afghanistan. Pastoral Nomadism in Transition, Austin (Texas), 1981.
76. Bosworth C.E. The Ghaznavids, Their empire in Afghanistan and Eastern Iran (994-1040). Edinburgh, 1963.
77. Frye R.N., Sayili A.M. The Turks in Khorasan and Transoxiana at the time of the Arab conquest, in: *The Moslem World* XXXV, Hartford, 1945, p. 308 – 315, reprinted in: *Islamic Iran and Central Asia (7th – 12th centuries)*, London, 1979, XIII.
78. Frye R.N., Sayili A.M. Turks in the Middle East before the Seljuqs, in: *Journal of the American Oriental studies*, New-York – New-Haven, vol. 63, 1943.
79. Gibb H.A.R. The Arab Conquests in Central Asia, London, 1923, p. 10;
80. *Hudud al-'Alam*, the regions of the world, a persian geography, translated and explained by V. Minorsky. London, 1970.
81. Kamoliddin Sh. New Data on the Early Medieval History of Soghd, in: *International Journal of Central Asian Studies*. Volume 8. Seoul, 2003.
82. *Kitab al-Fihrist*, Mit anmerkungen hrsg. von G.Flugel / Band I–II. Leipzig. 1871, vol. 1.
83. Macoudi. *Les prairies d'or*, text et traduction C.Barbier de Meynard, t. I–IX, t. 2, Paris: Societe Asiatique, 1861 – 1877, vol. 7.
84. Meisami J.S. Why write history in Persian? Historical writing in the Samanid period, in: *Studies in honour of Clifford Edmund Bosworth*, vol. II. The Sultan's Turret: Studies in Persian and Turkish Culture (ed. by C.Hillenbrand), Leiden – Boston – Koln, 2000.
85. Sagol G. Harezmi Turkcesi ve Harezmi Turkcesi ile Basilan Esrleri, in: *Turkler*, 5, Ankara, 2002.
86. Shamsaddin Abu 'Abdallah Mohammad ibn Ahmad al-Moqaddasi, *Descriptio Imperii moslemici*, ed. M.J. de Goeje, BGA, pars 3. Lugduni-Batavorum, 1967.
87. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India, Arabic text (*circa* A.D. 1120) with an English translation and commentary by V.Minorsky, London, 1942.
88. *The Lata'if al-ma'arif of Tha'alibi*, translated with introduction and notes by C.E. Bosworth, Edinburgh, 1968.
89. *Tria opuscula auctore al-Djahiz (Fada'il al-Atrak)*, ed. G.van Vloten, Leiden, 1903.
90. Velidi Togan A.Z. *Umumi Turk Tarihine giris*, 1-cilt. En eski devirlerden 16 asra kadar, 3-baski, Istanbul, 1981.
91. Yuce N. Harezmi Turkcesi, in: *Turkler*, vol. 5, Ankara, 2002.

ЗОЛОТООРДЫНСКИЕ МОНЕТЫ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Хорезм – особо удаленная часть Улуса Джучи. В XIII-XV вв. здесь активно функционировал монетный двор. Джучидские монеты чеканились также на монетных дворах, располагавшихся в Южном Казахстане. Изучение монетного чекана и денежного обращения городов, располагавшихся на Нижней Сырдарье, не входит в задачу данной работы.

Имеются сведения о чеканке джучидских монет и в других среднеазиатских центрах – Кясе, Мерве, Балкане. Чекан джучидских монет в них не документирован в достаточной степени и вызывает сомнения.

Кяс (Кят) - древний хорезмийский город на Амударье, на месте г. Шаббаза в Каракалпакии. Этот крупнейший город правобережной части средневекового Хорезма, входил в состав улуса Чагатая, а во второй половине XIV в. периодически переходил во владение кунградских суфи (Маньлов, 1966, с. 50). Городище большей частью застроено. В настоящее время известна только одна джучидская монета 797 г.х., описанная еще Х.М. Френом (Fraehn, 1826, р. 653, 717). Х.М. Френ идентифицировал название монетного двора с Кятом. Упоминается чеканка монет Джучидами в этом городе и в ряде работ европейских нумизматов, со ссылкой на Х.М. Френа (Soret, 1858, р. 124; Krehl, 1856, р. 39; Codrington, 1904, р. 175).

Мерв в XIII-XIV вв. входил в состав державы Хулагуидов. Австрийский ориенталист Э. Цамбаур упоминает (без ссылок на источники) чекан джучидов в Мерве (Zambaur, 1968, s. 238). Возможно, мы имеем дело с ошибочной атрибуцией какой-то монеты (сам тип в публикации Э. Цамбаура не был приведен). Тем не менее, из письменных источников известно, что в 758 г.х. Джанибек захватил Хорасан (Тизенгаузен, 1884, с. 388, 447, 530).

Ф.Соре, а также О.Кодрингтон упоминают в списке монетных дворов Золотой

Орды Балкан, локализуемый ими рядом с Мервом (Soret, 1868, р. 98; Codrington, 1904, р. 138). Публикаций самих монет Балкана нам неизвестно. До появления подробной иллюстративной публикации джучидских монет этого города их существование будет вызывать сомнения. Возможно, чтение Балкан ошибочно. Вызывает интерес сходство слов «Балкан» и «Байлакан». Известны джучидские серебряные монеты с обозначением места чекана как Байлакан (Закавказье) (Капанадзе, 1955, с. 103.). Можно предполагать, что «Балкан» было прочитано ошибочно вместо «Байлакан».

В Средней Азии нумизматы XIX в. предположительно локализовали монетный двор Янги Шехр. Первая попытка локализации этого монетного двора принадлежит Х.М.Френу, предположительно отождествившим монетный двор со среднеазиатским Янгикентом (Fraehn, 1826, р. 652; Френ, 1832, с. 43). Многие исследователи приняли версию Х.М.Френа, однако в дальнейшем она была оставлена, т.к. монеты Янги Шехра вообще отсутствуют на территории Средней Азии.

Бик-Базар, джучидский монетный двор XV в., О.Кодрингтон локализовал в Средней Азии, совершенно не аргументируя свою точку зрения (Codrington, 1904, р. 142). Топография находок монет Бик-Базара также не позволяет локализовать его в Центральной Азии.

Город Термез, расположенный в Узбекистане, на правом берегу р.Сурхандарьи, в XIV в. входил в состав государства Джатаидов. В 741-742 гг.х. в Термезе чеканились обычные чагатаидские дирхемы (Федоров-Давыдов, 1963, с. 216, № 128а; Настич, 1999, с. 54-56). Однако в 1999 г. стала известна медная монета Джанибека 741 г.х., выбитая в этом городе (место чекана – Мадина ар-риджал (Город мужей) Термез) (Настич, 1999, с. 56). Только золотоордынский хан Джанибек имел титул

султана, а на монете присутствует указанный титул. Других монет этого города с именами Джучидов неизвестно.

Интерес в связи с этой монетой вызывает сообщение, сохранившееся в письменном источнике, о походе сына Узбека Тинибекка против Джагатаидов. При возвращении Тинибек был убит по приказу Джанибекка в Сарайчуке (Deweese, 1994, p. 134). Возможно, выпуск монет в Термезе в 741 г.х. был как-то связан с походом Тинибекка.

Более подробные сведения о монете Термеза с именем Джанибекка были опубликованы в монографии П.Н.Петрова (2003, с. 110). Предложена иная дата – 761 г.х. На наш взгляд, такая дата маловероятна. Заманчиво связать дату на монете с сообщением о походе Тинибекка против Чагатаидов.

Недавно стал известен и другой факт присутствия Джучидов в Термезе. В кладе, найденном в Термезе, присутствовала анонимная медная (посеребренная?) монета Термеза 618 или 628 г.х. На одном экземпляре надчекан в виде двух тамг (тамга дома Бату и S-образная надчеканка) (Петров, 2003, с. 109).

Таким образом, наблюдается некоторое влияние Джучидов в Термезе. Случайное ли это явление? Уже были справедливо высказаны сомнения «в принадлежности Термеза только чагатайскому юрту» (Петров, 2003, с. 109).

Хорезм – название одного из округов, входившего в состав Улуса Джучи. Столичный город округа – Ургенч (Куркандж, ал-Джурджанийя)(Большой Ургенч). Ни у кого из исследователей сейчас не вызывает сомнений локализация этого города на месте городища Куня-Ургенч (Ташаузская обл., Туркменистан). Слово “Ургенч” на монетах не встречается, очевидно, что чеканка осуществлялась только от имени округа. Вероятно, монеты чеканились на городище Куня-Ургенч, однако, нельзя исключать, что чеканка могла производиться и в других местах.

В 1965 г. Г.А. Федоров-Давыдов опубликовал детальное исследование, посвященное монетному чекану золотоордынского Хорезма. В этой работе собрано

большинство известных к тому времени типов золотоордынских монет. В 1979 и 1998 гг. исследователь опубликовал еще две статьи, в которых был описан ряд новых, неизвестных типов монет Хорезма. Некоторые монеты упоминаются кратко, без подробного описания, в различных публикациях. Сведения о них не приводятся в сводных работах по нумизматике золотоордынского Хорезма.

Большая самостоятельность Хорезма в денежном деле по сравнению с другими городами Золотой Орды (Федоров-Давыдов, 1965, с.179) обуславливала и большую самостоятельность монетного обращения.

Находки монет Золотой Орды на территории Центральной Азии характерны главным образом для территории Хорезма, однако встречаются и за его пределами. Монеты с именами Джучидских султанов выпускались также и в Южном Казахстане, однако, как было отмечено выше, рассмотрение денежного обращения на этой территории не входит в цель данной работы.

По нашим данным в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и Киргизстане было выявлено не менее 21 клада с джучидскими монетами (Киргизстан и Таджикистан – по два клада, Туркменистан и Узбекистан – по семь, точное место находки еще трех кладов неясно). Это небольшое количество кладов, если сравнивать денежное обращение в европейской части Золотой Орды и в Средней Азии. Так, только в Поволжье выявлено несколько сотен кладов с золотоордынскими монетами. Небольшое количество среднеазиатских кладов, содержащих джучидские монеты, может объясняться менее тщательной фиксацией монетных находок на территории региона.

Среди среднеазиатских кладов три содержали золотые монеты, два – золотые и серебряные, только серебряные монеты были в составе тринадцати кладов, в одном комплексе были представлены как медные, так и серебряные монеты, а три клада состояли исключительно из медных монет.

Наибольшее количество кладов (8) от-

носятся ко времени «великой замятни» (1360-1370-е гг.). Следующее место занимают клады, сокрытые при хане Токтамышше (1380-1390-е гг.) – 6 кладов. XV в. датируются три клада. Более редки комплексы, в которых младшая монета относится ко времени Токты (один клад), Узбека и Джанибека (два клада). Кладов с джучидскими монетами, сокрытых в Средней Азии в XIII в., мне неизвестно. Джучидские монеты были также встречены в одном значительно более позднем монетном комплексе.

Монеты XIII в. в кладах XIV в., как и в Поволжье, практически отсутствуют (имеются только редкие исключения). П.Н. Петров, детально рассмотрев клад времени Токты, пришел к заключению, что в Хорезме реформирование монетной системы было проведено в 706 г.х. (старое серебро при этом было запрещено) (Петров, 2003).

В Хорезме, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, происходила смена дотоктамышских монет монетами, чеканенными в 1380-е гг. Такой вывод был сделан на основании кладов из Куны-Ургенча (1980, 1989 гг.) (Федоров-Давыдов, 2003, с. 53). Но надо отметить, что в кладе из этих монет все же присутствуют монеты времени «великой замятни», а в двух кладах с джучидскими монетами, сокрытыми в конце XIV в. (Термезский клад 1928 г., клад из Таджикистана), имеются монеты более раннего времени (при этом в кладе из Термеза монет предшественников Токтамышша представлено много).

Г.А. Федоров-Давыдов указывал на отсутствие в джучидском Хорезме кладов XV в., предполагая, что «после поражения Едигея в Хорезме в 815 г.х. отчеканенные партии монет Шадибека и Пулада и других Джучидов были сразу сокрыты и частично вывезены из Хорезма» (Федоров-Давыдов, 2003, с. 58-59). Этот вывод, сделанный на основании одного клада из Таджикистана, нуждается в уточнении, т.к. недавно большой клад монет начала XV в. был встречен на территории Хорезма.

В кладах XV в. в очень небольшом количестве представлен чекан XIV в.

В Средней Азии встречаются весьма крупные клады с джучидскими монетами. Например, клад из Таджикистана (Ленинабад 1965 г.) содержал около 4000 экз. серебряных монет XV в., а клад, сокрытый в XV в., где-то на севере Туркменистана, содержал более 1000 экз. Интересно, что самые крупные среднеазиатские клады относятся к началу XV в. Редкость единичных монетных находок конца XIV – начала XV вв. и наличие кладов этого времени, иногда очень больших, сближает денежное обращение европейской части Золотой Орды и золотоордынского Хорезма. В это время денежное обращение в городах угасает, а крупные капиталы, связанные с торговой деятельностью, формируются активно.

В составе кладов с джучидскими монетами преобладает чекан Хорезма (девять комплексов). В нескольких кладах центры чеканки джучидских монет остались неясными. При преобладании монет хорезмской чеканки были встречены также монеты, чеканенные в европейской части Золотой Орды (Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джедид, Гюлистан, Хаджи-Тархан, Орда, Улус ал-Джедид). В кладах с джучидскими монетами имеются также и иноземные монеты. В обоих кладах из Киргизии джучидские монеты составляют небольшое число, а доминируют монеты Джагатаидов. В пяти кладах представлены как джучидские монеты, так и монеты Тимура и его преемников. Два клада особенно интересны по своему составу. В кладе из Термеза (1928 г.) имеются монеты четырех династий (Джучиды, Музаффариды, Желлаириды, Тимур). По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, Термезский клад в своей хорезмской части был накоплен в Хорезме в 1340-1380-е гг., а позднее к кладу, привезенному на юг, были присоединены монеты Желлаиридов и Музаффаридов (вероятно, владелец клада бежал в 788 г.х. из Хорезма от нашествия Тимура) (Федоров-Давыдов, 2003, с.44). Пестрый состав мест чекана монет демонстрирует и клад из Куны-Ургенча 1989 г., в котором, помимо джучидских монет, содержались золотые

монеты Хорезмшахов, Джелаиридов и Патанских султанов Дели.

Интересный клад был обнаружен случайно в 1931 г. близ Ташкента (среди следов мастерской фальшивомонетчика второй половины XIV в.). Выдающийся востоковед М.Е. Массон опубликовал материал, переданный авторами находки в Среднеазиатский музей истории. В кладе присутствовали инструменты для чеканки монет, детали весов, несколько монетных штемпелей и 150 фальшивых медных монет (с небольшой примесью серебряных). Из монет М.Е. Массоном были определены только 67 экземпляров. Часть монет оказалась джучидскими, чеканенными от имени Хорезма, Сарая, Сарая ал-Джедид, Сыгнака. Два монетных штемпеля были джучидскими: л.с. монеты Бердибека, о.с. монеты беледа Гюлистана 770 г.х. По мнению М.Е. Массона, «осторожность и чувство меры» заставили прибегнуть фальшивомонетчика к выпуску монет далеких джучидских городов. Интересно, что за образец для этих «воровских денег» брались известные типы пулов (например, Хайр Пулад: Сарай ал-Джедид 764 г.х.), а некоторые типы монет далеких от Ташкента городов мастер изобретал, вероятно, самостоятельно. Так, монет Гюлистана 770-х гг.х. в огромном комплексе находок золотоордынских монет не обнаружено, сам город в это время монет уже не чеканил, а в мастерской фальшивомонетчика был обнаружен штемпель для чеканки монет Гюлистана 770 г.х. К сожалению, комплекс был опубликован очень кратко, изображения найденных монет не были приведены, поэтому нельзя установить, насколько сильно отличаются типы фальшивых денег от их оригиналов (Массон, 1933а).

По данным Г.А. Федорова-Давыдова, хорезмские монеты обращались в течение длительного времени (например, пулы обращались еще в течение двух веков) (Федоров-Давыдов, 1958, с. 522). По сведениям М.Е. Массона, в Хиве «вплоть до последнего времени» использовались подражания золотым монетам Хорезма XIV в. (Массон, 1928, с. 280).

В кладе из Таш-Калы (1952 г.) в кладе медных монет XVII в. был пул Хорезма 772 г.х. (Федоров-Давыдов, 1963, с. 188, № 338). Вероятно, это случай повторного использования монет. В настоящее время сложно сказать, насколько широко использовались медные джучидские монеты в постордынское время. Известны также джучидские пулы Хорезма с поздними надчеканками. Редкость кладов с медными монетами, отсутствие данных о перечеканках и надчеканках пулов в золотоордынском Хорезме затрудняет решение вопроса о длительности использования пулов в XIV в. Клад из Миздахкана, выявленный при раскопках 1986 г., содержал пулы большого хронологического диапазона – от 708 до 775 г.х.

Автору публикации известно 37 мест на территории среднеазиатских республик, где были встречены отдельные находки джучидских монет. Как и в случае с кладами, большинство единичных находок приходится на территорию Хорезма. Джучидские монеты были встречены также в караван-сараях, расположенных на пути из Хорезма в Поволжье. Единичные находки зафиксированы также в Самарканде и в Термезе. На территории Киргизии отдельных находок джучидских монет пока не обнаружено.

Г.А. Федоров-Давыдов отмечал, что монеты Хорезма «проникали в сферу обращения монет Джагатаидов, составляя в нем незначительную долю» (Федоров-Давыдов, 2003, с. 62). Этот тезис нуждается в определенной корректировке. Например, среди новых находок монет в Таджикистане имеется целый ряд джучидских монет (встречены в десяти местах). Джучидские монеты по численности, как можно судить по предварительным данным, даже несколько доминируют над монетами Джагатаидов.

Хорезмские монеты доходили вплоть до Китая. В Харгасе (Синьцзян) в 1948 г. был найден клад, в котором содержались серебряные монеты Хорезма, чеканенные при Узбеке (Федоров-Давыдов, 1974, с. 179, № 129б).

Среди отдельных находок джучидских

монет в Средней Азии встречаются монеты, выпущенные в европейской части Золотой Орды. Так, в Косбулаке была встречена серебряная монета Токтамыша азакской чеканки. Практически не проникали в денежное обращение Хорема джучидские монеты, чеканенные в Южном Казахстане. Это позволяет согласиться с тезисом В.В. Бартольда, отмечавшего, что «в первой половине XIV в. Хорезм был даже теснее связан с бассейном Волги, чем с местностью по Сыр-Дарье». Монет Сыгнака на территории Хорезма пока не выявлено. Отдельные монеты с обозначением нижневолжских монетных дворов были найдены не менее чем на десяти среднеазиатских памятниках. В тех случаях, когда металл монеты зафиксирован – это пулы (только металл монет из Джанпык-Кала, Ярбекир-Кала и Шахриябза неясен). Почти все пулы нижневолжской чеканки выпущены с упоминанием Сарая ал-Джедида. Встречены также две медные монеты времени Узбека, с обозначением сарайского монетного двора. В большом комплексе из Шахерлика был встречен пул, чеканенный, очевидно, в Баз(р)джине.

Большинство монет нижневолжской чеканки приходится на 1350-е гг. (7 экз.), к 1330 гг. относится два экз., а к начальному периоду «великой замятни» (1360-е гг.) – три экз.

Монеты с обозначениями нижневолжских монетных дворов составляют небольшую долю в денежном обращении золотоордынского Хорезма. На протяжении всей истории Улуса Джучи Хорезм самостоятельно обеспечивал себя как медной, так и серебряной монетой.

Подавляющее большинство единичных находок хорезмских монет в Средней Азии составляют пулы. Несколько золотых монет было встречено в Шахерлике и на поселении возле Ак-Калы. Серебряные монеты Хорезма встречены отдельно на шести памятниках. Наибольшее количество серебряных монет приходится на небольшой монетный комплекс, происходящий с поселения возле Ак-Калы (8 экз.) (при этом в значительно большем комплексе из Шахерлика серебряных монет меньше). По

времени чекана серебряные монеты распределяются следующим образом: XIII в. (до правления Токты) – 2, Токта – 7, Узбек – 4, Джанибек – 4, Бердибек(?) – 2, Токтамыш – 1.

Денежное обращение среднеазиатских городов в XIII-XV вв. изучено мало. Материалы исследований Хорезмской экспедиции опубликованы не полностью. В Институте этнологии и антропологии РАН хранятся еще неопубликованные монетные находки из Хорезма.

На территории Хорезма только с поселения Шахерлик в научный оборот введен достаточно большой монетный комплекс золотоордынского времени. Более шестисот надежно датированных монет встречено при исследовании этого памятника. По времени монеты из Шахерлика распределяются так: Токта – 9, Узбек – 109, Джанибек – 202, 1360-1370-е гг. – 281, Токтамыш – 48.

К сожалению, с крупнейшего памятника золотоордынского Хорезма, центра монетной чеканки джучидских монет – Куния-Ургенча мы располагаем пока еще небольшим комплексом находок (в научный оборот введено небольшое количество монет из раскопок Хорезмской экспедиции в 1952 г.).

Известно, что монеты Джучидов были встречены при исследованиях Хазараспа и Джанпык-Кала. Однако они остаются неопубликованными. В Миздахкане с 1985 по 2000 г. было найдено более сотни джучидских монет, подробно также еще неопубликованных.

На пяти памятниках Хорезма обнаружены небольшие комплексы (по несколько десятков экз.). Сведения о времени чеканки монет приведены в таблице.

Резюмируя данные о топографии единичных находок джучидских монет в Средней Азии, надо заметить, что монеты 1360-1370-х гг. были встречены на 21 памятнике. Монеты времени Джанибека – на 16, а времени Узбека – на 11 поселениях и городищах. Далее встречаются монеты начала XIV в. (Токта) и конца XIV в. (Токтамыш) – по шесть мест находок.

ТОПОГРАФИЯ МОНЕТНЫХ НАХОДОК

КЛАДЫ

КИРГИЗИЯ

1. Краснореченское городище, 2003.

Случайно был найден клад серебряных монет, сокрытый в кувшине. Сохранились сведения о 20 экз. (все монеты имеют по

краям по два пробитых отверстия или напаянное ушко). Большинство монет клада – джагатаидские монеты первой половины XIV в. (Бухара, Самарканд, Шаш, Тараз, Бадахшан, Термез, Ош). В кладах присутствовали также две иноземные монеты: Джучиды: Хорезм 707 г.х. – 1; Хулагуиды: Абу Саид: город(?) г.(?) – 1. Определил П.Н. Петров (Вечерний Бишкек, 29 июля 2003 г.; <http://www.bullion.ru/news/?p=2058>)

2. Орлово, 1928. В ур. Куня-Тугай был найден клад из 700 серебряных джагатаидских и джучидских монет, чеканенных в 708-764 гг.х. Сохранились сведения о 658 экз.: Токта: Хорезм 708 г.х. – 1; Узбек: Хорезм 721 г.х. – 1, 725 г.х. – 1; Джанибек: Хорезм 744 г.х. – 1; Мюрид: Гюлистан 764 г.х. – 1; хан (?): Сарай ал-Джедид г.(?) – 1; Джагатаиды и шахи Бадахшана – 652 (Массон М.Е., 1933б, с. 13-15; 1957; Федоров-Давыдов, 1960, с. 153, № 129).

ТАДЖИКИСТАН

3. Ghuirat (окрестности Гиссара), до 1992. Клад из 119 золотоордынских дирхемов 1314-1384 гг (представлен чекан Токты, Узбека, Джанибека, Бердибека, Кульны, Токтамыш) (www.iles.umn.edu/faculty/bashiri/coinsfolder/coins.html).

4. Ходжент (Ленинабад), 1965. Клад серебряных джучидских монет (около 4000 экз.), в основном хана Пулада. Дирхемы чеканены в Хорезме. Хр.: ГМИИ им. А.С.Пушкина (Асавина, 1987, с. 32).

ТУРКМЕНИСТАН

5. Ур. Ат-Крылган (около Куня-Ургенча), 1957. Клад из золотых и серебряных джучидских монет. Золото: анонимные: Хорезм 765 г.х. – 1, 766 г.х. – 2, 767

г.х. – 1, 768 г.х. – 5, 771 г.х. – 4, 772 г.х. – 3, 773 г.х. – 2. Серебро: Токта: Сарай ал-Махруса 710 г.х. – 1; Хорезм 694 г.х. – 1, 706 г.х. – 1, 707 г.х. – 1, 694-709 гг.х. – 1; Узбек: Хорезм 717 г.х. – 1. 720 г.х. – 1, 721 г.х. – 1, 724 г.х. – 1, 727 г.х. – 2, 733 г.х. – 2, 714-739 гг.х. – 1; Джанибек: Хорезм 743 г.х. – 2, 744 г.х. – 5, 745 г.х. – 3, 742-746 гг.х. – 1; Бердибек: Хорезм 758 г.х. – 2, 758-760 гг.х. – 2; Кульна: Хорезм 760 г.х. – 2, 762 г.х. – 1; посмертный чекан Джанибека(?): город(?) г.(?) – 1; анонимные: Хорезм 769 г.х. – 1, 773 г.х. – 1; хан(?): Хорезм г.(?) – 1. Определил Г.А.Федоров-Давыдов. П.: ИЭ РАН (Федоров-Давыдов, 1960, с. 153, № 129а).

6. Куня-Ургенч, 1952. На городище Таш-Кала при раскопках Хорезмской экспедиции обнаружен клад медных монет XVII в. (в кладах содержалась анонимная монета Хорезма 772 г.х.) (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 188, № 338). По другой публикации в кладах были другие монеты XIV в. (но, возможно, это монеты из другого клада): Джанибек: Хорезм(?) 746 г.х. – 1, 748 или 749 г.х. – 1 (Федоров-Давыдов, 1965, с. 215).

7. Куня-Ургенч, 1980. Клад из 92 золотых и 63 серебряных монет. Золото: анонимные: Хорезм 767 г.х. – 1, 774 г.х. – 1; Патанские султаны Дели: Мухаммед Шах I (695-715 гг.х.) – 4; Мубарек (716-720 гг.х.) – 3; Туглук I (720-725 гг.х.) – 6; Мухаммед б. Туглук (725-752 гг.х.) – 4; Махмуд б. Мухаммед б. Туглук (752 г.х.) – 5; Фируз III (752-790 гг.х.) – 20; с именем халифа ал-Хакима II (701-740 гг.х.) – 4; с именем халифа Мустакфи I (740-744 гг.х.) – 25; Мамлюки Египта: Бахриты: Насир ад-Дин Хасан – 11; ал-Ашраф Насир ад-Дин Шабан II – 6; Джелаириды: Шейх-Увейс I – 2; неопределенные: 1 (хорезмшахи?). Серебро: Джучиды: Токтамыш: Сарай ал-Джедид 782 г.х. – 1, 782 г.х. по типу – 1, г.(?) – 1; анонимные: Хорезм 766 г.х. – 2, 773 г.х. по типу – 2, 778 г.х. – 1, 782 г.х. – 7, 786 г.х. – 6, 787 г.х. – 13, 788 г.х. – 9, 789 г.х. – 6, г.(?) – 14. Клад поступил в Ашхабадский краеведческий музей. Определил Т.Ходжаниязов (Федоров-Давыдов, 1998, с. 47-48; 2003, с. 102-103, № 1796).

8. Куня-Ургенч, 1989. Клад серебряных монет. Определено 13 экз. Токтамыш: Хорезм 786 г.х. – 2, 787 г.х. – 4, г.(?) – 4; хан (?): 3. Клад поступил в Ташкентский музей (Федоров-Давыдов, 2003, с. 103, № 179в).

9. Куня-Ургенч, до 1991. Клад серебряных монет. Точный состав неизвестен. Определено 812 монет 1330-1370-х гг. Определил Т. Ходжаниязов (Юсупов, 1991, с. 25).

10. Шахерлик, до 1998. При работах Хорезмской археологической экспедиции на городище был найден клад золотых монет Золотой Орды и Тимура, состоявший из 12 экз. Все динары чеканены в городе Хорезме. Состав: анонимные: 768 г.х. – 2, 774 г.х. – 1, 775 г.х. – 2, 777 г.х. – 2, 783 г.х. – 1, 785 г.х. – 2; Тимур и Суюргатмыш: 791 г.х. – 1, по типу 791 г.х. – 1, г.(?) – 1. Определил Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1998, с. 222-223).

11. Точное место находки неизвестно (северная часть Туркменистана), до 1997. Большой клад, содержащий более 1000 экз. серебряных монет (дирхемы, мири, танги) Джучидов и Тимуридов. Монеты поступили в частную коллекцию. В.Н. Настич осмотрел первоначально 282 экз. Состав: Джучиды (257 экз.): Дирхемы: Токтамыш: Хаджи-Тархан г.(?) – 1; Хорезм 783 г.х. – 1, 788 г.х. – 1, г.(?) – 1; Тимур-Кутлуг: Улус ал-Джедид по типу 800 г.х. – 1; Шадибек: Хаджи-Тархан 802 г.х. – 1, г.(?) – 1; Хорезм: 809 г.х. – 2, 810 г.х. – 2, 710 (вм. 810) г.х. – 1, г.(?) – 1; б.м. 802 г.х. – 1, г.(?) – 2; Пулад: Хаджи-Тархан 810 г.х. – 1; Хорезм 810 г.х. – 19 (в том числе с утраченными датами, но совпадающие по штемпелям и особенностям оформления с монетами, сохранившими даты), 811 г.х. – 48 (в том числе с утраченными датами), 812(?) г.х. – 1, 813 г.х. – 113 (в том числе с утраченными датами), 810-е гг.х. – 5, 710 или 71X (вместо 810 или 811) г.х. – 3, 81 (вместо 810) г.х. – 5, 803 (вместо 813) г.х. – 1, г.(?) – 35; б.м. г.(?) – 2; Тимур: Хорезм 813 г.х. – 4, 81X г.х. – 1, г.(?) – 2; Джелал ад-Дин: Хорезм 813 г.х. – 2; Тимуриды (25 экз.): Мири: Суюргатмыш и Тимур: Самарканд 782 или 788 г.х. – 1, 786 г.х. – 1; Махмуд и Тимур: Самарканд 791 г.х. – 2, 794 г.х. – 1, г.

(?) – 1; Хорезм 797 г.х. – 2, 79X г.х. – 1, 801 (?) г.х. – 1, г.(?) – 1; Мухаммед Джахангир и Халил-Султан: Самарканд 707 (вместо 807 или 808) г.х. – 1; Шахрух: Хорезм 816 г.х. – 4, 824 г.х. – 1; Танга: Шахрух: Самарканд г.(?) – 1; Хорезм 822 г.х. – 1, 825 г.х. – 2, г.(?) – 4 (Настич, 2000, с. 78-80). В 2001 г. удалось собрать сведения еще о 76 экз. джучидских дирхемов из этого клада: Шадибек: по типу Орду б.г. – 2; Пулад: Орду 810 г.х. – 1; Хорезм 810 г.х. – 4, 811 г.х. – 19, 812(?) г.х. – 1, 813 г.х. – 15, 810-е гг. х. – 8, 803 г.х. вм. 813 г.х. – 1, г.(?) – 12; Тимурхан: Хорезм 813 г.х. – 2, г.(?) – 1; Джелал ад-Дин: Хорезм 813 г.х. – 2, 815 г.х. – 3; хан (?): Хорезм 813 г.х. – 1, г.(?) – 2; эмитент (?): город (?) 810-е гг.х. – 1, г. (?) – 1. Определил В.Н. Настич (Настич, 2002, с. 90-92).

УЗБЕКИСТАН

12. Айата (Каракалпакия), 1981. На городище обнаружен клад из 20 серебряных монет золотоордынского периода, возвращенный в тряпицу. Все дирхемы чеканены в Хорезме. Состав: Токта: 709 г.х. – 1; анонимные: 712 г.х. – 1; Узбек: 717 г.х. – 1, 720 г.х. – 1, 727 г.х. – 1; Джанибек: 744 г.х. – 4, 745 г.х. – 1, 746 г.х. – 1, 748 г.х. – 1, 756 г.х. – 1, 758 г.х. – 1, г.(?) – 1; Бирдибек: 758 г.х. – 1, 760 г.х. – 3; Хызр: 762 г.х. – 1 (Сайпаков, 1990, с. 160-163).

13. Димишик Паян (Самаркандский у.), 1889. Клад из 32 серебряных монет Джучидов и Тимуридов 14-15 вв. П.: собрание А.Ф.Лихачева (Федоров-Давыдов, 1960, с. 178, № 244).

14. Миздахкан (Каракалпакия), 1986. При археологических раскопках М.Ш. Кдырниязова на городище был найден клад из 31 медной золотоордынской монеты и обрубка меди весом 2,7 г. (монетная заготовка(?) – АП). Состав клада: анонимные: Хорезм 708 г.х. – 3, 737 г.х. – 1, по типу 737 г.х. – 1; Хызр: Хорезм б.г. – 4; анонимные: Хорезм по типу 765 г.х. – 6, 767 – 2, по типу 767 г.х. – 1, 768 – 3, по типу 769 г.х. – 2, 775 – 7, г.(?) и по типу не определяется – 1. Определил Г.А. Федоров-Давыдов (Кдырниязов, 2002, с. 88; Федоров-Давыдов, 1998, с. 225).

15. Ташкент, 1931 г. Клад утвари фальшивомонетчика (инструменты для чеканки монет, детали весов, несколько монетных штемпелей) с фальшивыми медными и серебряными монетами (150 фальшивых медных (с небольшой примесью серебра) монет джучидских и тимуридских). Вероятно, весь комплекс следует датировать 1390 гг. Часть монет была определена М.Е. Массоном. Джанибек: Хорезм 750 г.х. – 3; Хайр-Пулад: Сарай ал-Джедид 764 г.х. – 3; анонимные: Сарай б.г. – 2 (цветочный орнамент), Сыгнак 780 г.х. – 3, б.г. – 5, Хорезм 765 г.х. – 1, 787 г.х. – 2, 784(9) г.х. – 2, г.(?) – 39; джагатаидские или тимуридские – 3. Два монетных штемпеля оказались джучидскими: 1) Бирдибек хан (л.с.); 2) белад Гюлистан 770 г.х. (о.с.) (Массон, 1933а, с. 23-24; Федоров-Давыдов, 1960, с. 188, № 339).

16. Термез, 1928. Клад серебряных монет в горшке. Определены 433 экз. (Джучиды, Музаффарида, Джелаирида, Тимур). Состав джучидской части клада: Ахмед: Хорезм 688(?) г.х. – 1; Токта: Хорезм 706 г.х. – 3, 707 г.х. – 3, г.(?) – 7; Узбек: Хорезм 716 г.х. – 2, 717 г.х. – 3, 718 г.х. – 1, 719 г.х. – 4, 720 г.х. – 3, 721 г.х. – 3, 722 г.х. – 1, 725 г.х. – 1, 730 г.х. – 2, 731 г.х. – 2, 733 г.х. – 11, 734 г.х. – 2, 735 г.х. – 1, г.(?) – 6; Джанибек: Хорезм 742 г.х. – 2, 743 г.х. – 16, 744 г.х. – 63, 745 г.х. – 16, 746 г.х. – 7, 747 г.х. – 5, 755 г.х. – 1, г.(?) – 9; Бердибек: Хорезм 758 г.х. – 1, 759 г.х. – 3, 760 г.х. – 21; Кульна: Хорезм 760 г.х. – 3, 761 г.х. – 6; Науруз: Хорезм 761 г.х. – 1; Хызр: Хорезм 762 г.х. – 1; анонимные: Хорезм 762 г.х. – 1, 773 г.х. – 1, 774 г.х. – 3, 777 г.х. – 2, г.(?) – 4; Токтамыш: Хорезм 781 г.х. – 1, 783 г.х. – 3, 784 г.х. – 9, 785 г.х. – 10, 786 г.х. – 35, 787 г.х. – 28, 788 г.х. – 1, 780-е гг.х. – 1, г.(?) – 14; неопределенные: 1. Атрибуции М.Е. Массона (Массон, 1929, с. 53-68; Федоров-Давыдов, 1960, с. 165-166, № 178).

17. Хива, 1924. Клад серебряных и медных монет. М.Е. Массоном осмотрено 4 экз. Медь: Узбек Хорезм 727 г.х. – 1; анонимные Хорезм 728 г.х. – 1, 732 г.х. – 1. Серебро: Хорезм 733 г.х. – 1 (Массон, 1928, с. 289, № 34).

18. Янги-Юль, до 1963. Клад серебряных джагатаидских монет с примесью джучидских монет. Состав джучидской части клада: Джанибек: Сарай ал-Джедид 743 г.х. – 1, 746-748 гг.х. – 1; Хорезм 746 г.х. – 1, 747 г.х. – 1, г.(?) – 1; Бердибек: Хорезм 759 г.х. – 1, 760 г.х. – 1; Науруз: Хорезм 761 г.х. – 1, г.(?) – 2; Хызр: Хорезм 762 г.х. – 1. Монеты поступили в Музей истории народов Узбекистана (Ташкент). Определения Т. Миргиязова (Федоров-Давыдов, 1963, с. 216, № 128а).

* * *

19. Точное место находки неизвестно (вероятно, Средняя Азия). Из Узбекистана в Москву было доставлено 30 золотых монет. Сохранились сведения о 16 экз. Все монеты чеканены в Хорезме. Анонимные 764 г.х. – 6, 768 г.х. – 2, 770 г.х. – 2, 775 г.х. – 4; Суюргатмыш и Тимур г.(?) – 2 (Федоров-Давыдов, 2003, с. 103, № 179 г).

20. Средняя Азия (точное место находки неизвестно), до 2003. Полный состав клада неизвестен. Клад содержал около 350 дирхемов. Сохранились сведения о следующих монетах (284 экз.): серебро: Хорезм: анонимные: бхх-е гг.х. – 1; Токта: 703 г.х. – 1; анонимные: 706 г.х. – 1; Токта: 706 г.х. – 86; Туван (?) (Дува?): 706 г.х. – 13; Токта: 707 г.х. – 54, 708 г.х. – 3, 709 г.х. – 7, г.(?) – 21; Узбек: 714 г.х. – 6, 715 или 717 г.х. – 2, 716 г.х. – 5, 717 г.х. – 23, 718 г.х. – 11, 719 г.х. – 18, 720 г.х. – 11, г.(?) – 6. На некоторых монетах клада имеются следы перечеканов (6 экз.: 706 г.х. – 5, 707 г.х. – 1). Определения П.Н. Петрова (Петров, 2003, с. 107-108, 113-121).

21. Место находки клада неизвестно (вероятно, Средняя Азия). 139 экз. золотых динаров Хорезма. Анонимные: 766 г.х. – 4, 767 г.х. – 12, 768 г.х. – 10, 769 г.х. – 12, 770 г.х. – 8, по типу 766-775 гг.х. – 2, 771 г.х. – 5, 772 г.х. – 15, 773 г.х. – 12, 774 г.х. – 43, 775 г.х. – 8, по типу 770-775 гг.х. – 1. Атрибуции С.А. Яниной (Федоров-Давыдов, 1965, с. 219; 1974, с. 179, № 135а; Янина, 1971, с. 25-76).

ЕДИНИЧНЫЕ НАХОДКИ - ТАДЖИКИСТАН

1. Dushanbe. Хорезмийский пул 1370 г.

2. **Kafirnihan.** 12 хорезмийских пулов 1350-1351 гг.

3. **Qahqaha Fort in the village of Shahrstan) (Urategpe region).** 2 хорезмийских пула XIV в.

4. **Maidan Sai.** Золотоордынская медная монета.

5. **Munk (ruins of the city of Munk in Khavaling).** Хорезмийский пул 1369-1370 гг. и 4 хорезмийских пула XIV в.

6. **Rigar.** Хорезмийский пул 1346-1347 гг.

7. **Vill. Simiganch (in the Kafirnihan).** Золотоордынский дирхем.

8. **Khujand.** Хорезмийский пул XIV в.

9. **Shirabad.** Хорезмийский пул XIV в.

10. **Yavan.** Хорезмийский пул XIV в.

ТУРКМЕНИСТАН

11. **Адак (Ак-Кала), 1966.** При археологических работах была найдена медная монета Золотой Орды, чеканенная в Хорезме: анонимный чекан времени Узбека 737 г.х. – 1. Определил Н.Н. Иванов (Иванов, 1998а, с. 83; 1998б, с. 11-12).

12. **Акча-Гелин (поселение в 1,5 км от крепости), 1966.** Сборы Хорезмской экспедиции Все монеты Золотой Орды чеканены в Хорезме. Медь: анонимный чекан времени Узбека: 737 г.х. – 5 (некоторые из них, возможно, являются подражаниями). Определил Н.Н.Иванов (Иванов, 1998б, с. 11).

13. **Поселение в 6 км восточнее крепости Адак (Ак-Кала), 1966.** Хорезмская экспедиция собрала подъемный нумизматический материал. Монеты Золотой Орды чеканены в Хорезме: золото: небольшой обренок (не определен) – 1; серебро: анонимные 686 г.х.–2, Токта 69(?) г.х.–1; Узбек 714 г.х.–1, 719 г.х.–1, 725 г.х.–1; Джанибек 744 г.х.–2; медь: анонимные (?) (или с именем Узбека): 714 г.х.–2, 716 г.х.–2, 719 г.х.–1, 720 г.х.–1, 720 (?) г.х.–1, г. (?) – 3; Узбек г. (?)–3; анонимные 737 г.х.–9; Джанибек 746 г.х.–4, г. (?)–3, 749 г.х.–1, 751 г.х.–2; Бирдибек 759 или 760 г.х.–1; Хызр б.г.–1; анонимные 764 или 766 г.х. – 2, 771 г.х.–1, 772 г.х.–1, 774 г.х.–1, 775 г.х.–3, 770(?) г.х.–1, 790 г.х.–1, 779 г.х.–2, б.г.–5, анэпиграфный пул–1, не определены–

5. Определил Н.Н. Иванов (Иванов, 1998а, с. 82; 1998б, с. 6-10).

14. **Даудан-Кала, 1958-1959.** При раскопках Хорезмской экспедиции найдены следующие монеты: серебро: Токта: Хорезм 707 г.х.–1; медь: анонимные: Сарай ал-Джедид 751 или 752 г.х.–1; Хорезм 766 г.х.–1, 767 г.х.–1 (Федоров-Давыдов, 1963, с. 213, № 610; 1965, с. 216).

15. **Дев-Кескен, 1949.** При раскопках Хорезмской экспедиции найден анонимный пул Хорезма 773 г.х. (Федоров-Давыдов, 1963, с. 212, № 596; 1965, с. 215).

16. **Куня-Уаз (окрестности городища), 1952, 1958, 1966.**

При работах Хорезмской экспедиции в 1952 и 1958 гг. были найдены медные джучидские монеты. Состав монетного комплекса в разных публикациях неодинаков.

1) Узбек: Хорезм 728 г.х.–1; Джанибек: Хорезм 746 г.х.–1, 750 г.х.–1, г.(?) – 7; Хызр: Хорезм г.(?)–3; анонимные: Хорезм 737 г.х.–9, 771 г.х.–1, 774 г.х.–3, г.(?)–2; Сарай ал-Джедид(?) г.(?)–1 (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 212, № 597);

2) Узбек: Хорезм 728 г.х.–2; Джанибек: Хорезм 746 г.х.–1, 750 г.х.–1, 756 г.х.–1, г. (?)–7; Науруз: Хорезм 761 г.х.–1; Хызр: Хорезм г.(?)–3; анонимные: Хорезм 737 г.х.–3, 76(6) г.х.–1, 771 г.х.–1, 774 г.х.–3, г. (?)–2; Сарай ал-Джедид г. (?) – 1; хан (?)–1 (Федоров-Давыдов, 1965, с. 215).

Хорезмская экспедиция (под руководством Е.Е. Неразик) в 1966 г. собрала подъемный нумизматический материал. Все монеты Золотой Орды чеканены в Хорезме. Медь: анонимный чекан времени Узбека г.(?) – 1, 737 г.х. – 1; Узбек г.(?) – 2; Джанибек г.(?) – 1; Бирдибек 759 или 760 г.х. – 1; Кульна 760 г.х. – 1. Определил Н.Н. Иванов (Иванов, 1998а, с. 83; 1998б, с. 9).

17. **Куня-Ургенч, 1952.** При раскопках Хорезмской экспедиции были найдены джучидские монеты. Состав монетного комплекса в разных публикациях неодинаков.

1) Медь: Узбек: Хорезм г.(?) - 1; Джанибек: Хорезм 746 г.х.–1, 748 г.х.–1, 754 г.х.–2, 756 г.х.–2; Бердибек: Хорезм 759

г.х.-2; анонимные: Хорезм 716 г.х.-1, 747 г.х.-1, 762 г.х.-1, 767 г.х.-1, 771 г.х.-1, г. (?)—12; джучидская с поздней надчеканкой XV-XVI вв. — 1 (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 212-213, № 598);

2) Серебро: неопределенные — 1; медь: анонимные: Хорезм 714 или 717 г.х.-1; Узбек: Хорезм 727(?) г.х.-1, 728 г.х.-1, 730-е гг.х.-1, (727-737 гг.х.)—4; анонимные: Сарай 731 г.х.-1; Хорезм (737 г.х.)—1; Джанибек: Хорезм 746 г.х.-1, (744, 746 гг.х.) — 1, 748 г.х. — 1, 749 г.х. — 2, 756 г.х. — 2, (751-756 гг.х.)—2; Бердибек: Хорезм 759 г.х.-1, (759-760 гг.х.)—1; Кульна: Хорезм (761 г.х.)—3; Хызр: Хорезм г.(?)—2; анонимные: Хорезм 764 или 766 г.х.-1, 767 г.х.-3, (774 г.х.)—1, 775 г.х.- 3, 784 г.х.-1, (787 г.х.)—1, 788 г.х.-1, г.(?)—6; хан (?): Сарай ал-Джедид г. (?)—1; анэпиграфные с лировидной тамгой—4; с позднейшей надчеканкой: Джанибек: город (?) 748 или 749 г.х. — 1 (Федоров-Давыдов Г.А., 1965, с. 215).

В неизвестное время на городище был найден анонимный пул 770 г.х. с изображением зверя. Определил Н.Н. Иванов (Иванов Н.Н., 1998б, с. 9).

18. Сангир, 1955. При работах Хорезмской экспедиции было найдено десять пулов Хорезма: Узбек 727 г.х.-1; анонимные: 760-780-е гг.х.-3, 777 г.х.-4, 788 г.х.-1, г.(?)—1 (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 213, № 600; 1965, с. 215).

19. Талайхан-Ата, 1952. При работах Хорезмской экспедиции в 1952 г. были найдены два пула Хорезма: Бердибек 759-760 гг.х.-1; анонимные: г.(?)—1 (Федоров-Давыдов Г.А., 1965, с. 215). По данным публикации 1963 г., в 1952 г. в Талайхан-Ата была обнаружена медная монета Джанибека, чеканенная в Хорезме (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 601, № 601). По данным статьи Г.А.Федорова-Давыдова 1963 г., пулы Бердибека и анонимный пул были найдены не в Талайхан-Ата, а в Чермен-Ябе (см. ниже).

20. Чермен-Яб, 1953. При работах Хорезмской экспедиции были найдены два пула Хорезма: Бердибек 759-760 гг.х.-1; анонимные: г.(?)—1 (Федоров-Давыдов Г.А., 1965, с. 215).

По данным публикации 1963 г., в 1953

г. в Чермен-Ябе была найдена только медная хорезмская монета Джанибека (Федоров-Давыдов Г.А., 1963, с. 213, № 602).

21. Шахерлик. При работах Хорезмской археологической экспедиции на городище в разное время были найдены следующие джучидские монеты: золото: Хорезм: анонимные: 775 г.х.-1; серебро: Хорезм: Токта 701 г.х.-1, 706 г.х.-1, г.(?) - 1; Джанибек 744 г.х.(?)—1; хан(?) г.(?)—1; Токтамыш г.(?)—1; медь: Хорезм: анонимные 708 г.х.-6, 714 г.х.-1, 710 или 715 г.х.-9, 718 г.х.-9, г.(?)—2; Узбек 727 г.х.-4, 728 г.х.-27, 732 г.х.-3, 733 г.х.-1, 735 г.х.-3, 737 г.х.-1, 730-е гг.х.-1, год не виден (по типу 727-737)—34; анонимные 737 г.х.-13, год не виден (по типу 737)—109, г.(?)—1; Джанибек 745 г.х.-1, 746 г.х.-21, год не виден (по типу 744 или 746)—13, 746 г.х.-11, 748 г.х.-11, год не виден (по типу 745-748)—11, 748 г.х.-6, 749 г.х.-43, 750 г.х.-13, 751 г.х.-8, год не виден (по типу 751)—8, 756 г.х.-12, 757 г.х.-1, 758 г.х.-1, год не виден (по типу 751, 756, 757)—20, год не виден (по типу 751-758)—7, 754 г.х.-5, год не виден (по типу 754)—7; Бердибек 759 г.х.-24, 760 г.х.-4, год не виден (по типу 759, 760)—4; Науруз 761 г.х.-4, год не виден (по типу 761)-6; Кульна 761 г.х.-12, год не виден (по типу 761) - 4; Хызр б.г. — 47; анонимные 764 г.х.-7, 766 г.х.-5, год не виден (по типу 764-766)—13, 765 г.х.-7, год не виден (по типу 765)—13, 767 г.х.-10, год не виден (по типу 767)—3, 769 г.х.-4, год не виден (по типу 769)—26, 771 г.х.-5, год не виден (по типу 771)—7, 772 г.х.-6, год не виден (по типу 772)—3, 776 г.х.-2, год не виден (по типу 772)—1, 774 г.х.-3, год не виден (по типу 774 г.х.)—4, 775 г.х.-30, 777 г.х.-10, 778 г.х. — 13, год не виден (по типу 777, 778)—1, 780 г.х.-2, год не виден (по типу 780)—1, 783 г.х.-1, 784 г.х.-1, год не виден (по типу 787)—1, год не виден (по типу 788)—3, 788 г.х.-5, год не виден (по типу 788)—8, 779 г.х.-1, год не виден (по типу 785) — 11, 787(?) г.х.-5, 780-е(?) гг.х.-3, 790(?) г.х. — 3, 724 г.х.-1, г.(?) — 60, б.г.—34; Токтамыш б.г.-1; Сарай: анонимные 737 г.х.-1; Сарай ал-Джедид: анонимные год не виден (по типу 750-е)—3, Хызр

762 г.х.-1, Кидьдибек 763 г.х.-1; Барджин (?) по типу 753 г.х.-1; город(?) 723 г.х.-1, г.(?)–1; анэпиграфные – 3; неопределенные – 106. Определил Г.А. Федоров-Давыдов (Федоров-Давыдов, 1979, с. 122-125; 1998, с. 218-222).

22. Шах-Сенем, 1952. При раскопках Хорезмской экспедиции были найдены три пула: анонимные: Хорезм 765 г.х. – 1; неопределенные конца XIV в. с надчеканкой XVI в. – 2 (Федоров-Давыдов, 1963, с. 213, № 603; 1965, с. 215).

23. Шемаха-Кала, 1948. При работах Хорезмской экспедиции был найден ряд монет Джучидов. Определены следующие: серебро: Токта: город(?) г.(?) – 1; медь: анонимные: Хорезм 714 г.х.-2, 717 г.х.-2, 714 или 717 г.х.-2; Узбек: Хорезм 728 г.х.-1, 727-737 гг.х.-3; анонимные: Хорезм 737 г.х.-3; Джанибек: Хорезм 746 г.х.-1, 744 или 746 г.х.-2, 749 г.х.-3, 750 г.х.-1, 751 или 756 г.х.-2, 754 г.х.-1, 759 г.х.-3; Науруз: Хорезм 761 г.х.-1; Кульна: Хорезм 761 г.х.-1; Хызр: Хорезм г.(?)–1; Сарай ал-Джедид г.(?)–1; анонимные: Хорезм 764 или 766 г.х.-1, 767 г.х.-1, 775 г.х.-2, 777-778 г.х.-2, 780 г.х.-1, 788 г.х.-1, г.(?) - 1 (Федоров-Давыдов, 1965, с. 215).

В более ранних публикациях нумизматического комплекса из Шемаха-Калы монеты менее точно атрибутированы (Вактурская, 1957, с. 188-191; Федоров-Давыдов, 1963, с. 213, № 604).

24. Ярбекир-Кала, 1958-1959, 1966.

При раскопках Хорезмской экспедиции в 1958-1959 гг. были найдены серебряные и медные джучидские монеты. В двух публикациях Г.А.Федорова-Давыдова состав монетного комплекса несколько различается.

1) Серебро: анонимные: с тамгой дома Бату – 1; Токта: Хорезм 707 г.х. – 1; Узбек: Хорезм г.(?)–1; медь: Узбек: Хорезм 723 г.х.-1, г.(?)–1; анонимные: Хорезм 737 г.х.-5; Джанибек: Хорезм 746 г.х.-7, 750 г.х.-1, 756 г.х.-5, г.(?) - 4; анонимные: Сарай ал-Джедид 751 г.х.-1; Джанибек(?): Хорезм г.(?)–1; Бердибек: Хорезм 759 г.х.-1; Науруз: Хорезм 761 г.х.-1; Хызр: Хорезм г.(?)–8; анонимные: Хорезм(?) 765 г.х.-2, 768 г.х.-2, 769 г.х.-3, 771 г.х.-4, 780

(?) г.х.-2, г.(?)–24 (Федоров-Давыдов, 1963, с. 213, № 608);

2) Серебро: Токта: Хорезм 694-701 гг.х.-1; Джанибек: Сарай ал-Джедид 747 г.х.-1; Бердибек: Хорезм 758 г.х.-1, 759-760 гг.х.-1; медь: анонимные: Хорезм 698 г.х.-5; Узбек: Хорезм 727 г.х.-1; Джанибек: Хорезм 744(?) г.х.-1, 749 г.х.-2, 750 г.х.-1, 751 г.х.-2, 751 или 756 г.х.-3, 754 г.х.-1, 757 г.х.-1; Бердибек: Хорезм 759 г.х.-1, 759-760 гг.х.-1; Науруз: Хорезм 761 г.х.-2; Хызр: Хорезм г.(?) – 4; анонимные: Хорезм 764 или 766 г.х.-3, 765 г.х.-3, 766 г.х.-3, 767 г.х.-2, 771 г.х.-2, г.(?)–3 (Федоров-Давыдов, 1965, с. 215-216).

Хорезмской экспедицией в 1966 г. был собран нумизматический материал в окрестностях городища. Все монеты медные, выпущены в Хорезме: анонимный чекан времени Узбека г.(?)–1; Джанибек г.(?)–1; Бердибек 759 г.х.-1; анонимный пул 769 г.х.-1. Определил Н.Н.Иванов (Иванов, 1998а, с. 83; 1998б, с. 11).

УЗБЕКИСТАН

25. Айата (Каракалпакия). В 1979 г. на городище была обнаружена медная монета Науруза (Хорезм 761 г.х.) (Сайпаков, 1990, с. 159).

26. Варахша. В 2001 г. найден пул Джучидов (Хорезм 767 г.х.) (Кочнев, 2002, с. 88).

27. Джанпык-кала (Каракапакия). На городище встречаются серебряные и медные джучидские монеты Узбека, Джанибека, Бердибека, Науруза, Хызра, анонимный чекан периода правления Кунградских Суфи (в том числе присутствуют монеты Узбека и Джанибека европейских центров Золотой Орды) (Доспанов, 1996, с.17-18; Кдырнязов, 1977,с.62; 1979,с.8).

При раскопках западной части городища в 1984 г. были найдены золотоордынские монеты. Самая ранняя – 737 г.х. (Узбек), самая поздняя – 772 г.х. (чекан Хорезма) (Алиакбарова, 1985, с. 454).

28-32) Караван-сарай Центрального Устюрта (в пределах Каракалпакии), 1975-1978. При археологических работах были найдены джучидские монеты:

а) **Ажигельды.** Медь: Джанибек: Хорезм 746 г.х. – 2, 747 г.х. – 1, 751-757-е гг.х. – 1; Бирдибек: Хорезм 759 г.х. – 1; Науруз: Хорезм 761 г.х. – 1; Хызр: Хорезм 761 г.х. – 1; анонимные: Сарай ал-Джедид 750-е гг.х. – 1; Хорезм XIV в. – 1; не определены – 1;

б) **Белеули.** Медь: Джанибек: Хорезм 756 г.х. – 1;

в) **Косбулак.** Серебро: Токтамыш: Азак г.(?) – 1; Медь: Узбек: Хорезм 727-737-е гг.х. – 1; Джанибек: Хорезм 746 г.х. – 1; анонимные: Хорезм 737 г.х. – 1, XIV в.–4, 750-е гг.х.–1; Сарай ал-Джедид 750-е гг.х.–1, XIV в.–1;

г) **Учкудук.** Медь: Кульна: Хорезм 761 г.х.–2; Науруз: Хорезм 761 г.х.–1;

д) **Чурук.** Медь: анонимные: Хорезм XIV в. – 1 (Манылов, Юсупов, 1982, с. 179).

33) Миздахкан (Каракалпакия), 1960-е. Монеты Джанибека и Бердибека (Кдырниязов, 1977, с. 62; 1979, с. 7-8). С 1985 по 2000 гг. на городище было найдено более 100 джучидских монет (Кдырниязов, 2002,

с. 88).

34) Самарканд, конец XIX в., 1922.

Найдены монеты султанов Токты и Джанибека. Более точные атрибуции неизвестны (Тр. I АС. Т. I, с. XV ***).

В коридоре, ведущем в склеп мавзолея Ходжи Ахмеда, в 1922 г. были найдены две монеты Хорезма XIV в. (Массон, 1928, с. 292, № 51).

35) Термез. До 1963 г. была найдена медная анонимная монета Хорезма 769 г.х. (Федоров-Давыдов, 1963, с. 213, № 606).

В публикации 1965 г. указывается, что монета относится не к 769, а к 789 г.х. (Федоров-Давыдов, 1965, с. 219).

36) Хазарасп. Среди нумизматических сборов преобладают монеты Золотой Орды (Кдырниязов, 1977, с. 62).

37) Шахриябз, 1982. Экспедицией Ташкентского университета обнаружена монета 1362-1363 гг., чеканенная в «Сарае Берке» (т.е. в Сарае ал-Джедид - АП) (Усманова, 1983, с. 483).

Литература

1. Алиакбарова А.А. Исследования на городище Джанпыккала // Археологические открытия 1984 г. М., 1985.
2. Асавина Н.М. Коллекция восточных монет ГМИИ им. Пушкина // Вторая всесоюзная нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 1987.
3. Вактурская Н.Н. О раскопках 1948 г. на средневековом городе Шемаха-Кала Туркменской ССР // Труды Хорезмской экспедиции. Т. I. М., 1957.
4. Доспанов О.Т. Городская культура правобережного Хорезма в эпоху средневековья (по материалам городища Джанпык-кала). Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Нукус, 1996.
5. Иванов Н.Н. Монетные сборы подъемного материала в маршруте Хорезмской экспедиции 1966 г. // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 1998а
6. Иванов Н.Н. Монетные сборы в археологическом маршруте Хорезмской экспедиции 1966 г. М., 1998б.
7. Капанадзе Д.Г. Грузинская нумизматика. М., 1955.
8. Кдырниязов М.-Ш. Изучение истории городов Хорезма XIII-XIV вв. // ВМУ. Серия история. № 6, 1977.
9. Кдырниязов М.-Ш. Города Хорезма золотоордынского времени в низовьях Амударьи. Автореф. Дисс. ... канд. истор. наук. Нукус, 1979.
10. Кдырниязов М.-Ш. Миздахкан – памятник золотоордынской эпохи // Поволжье и сопредельные территории в средние века. М., 2002.
11. Кочнев Б.Д. Новые находки мусульманских монет // Археологические исследования в Узбекистане – 2001 г. Ташкент, 2002.
12. Манылов Ю.П. К изучению городища Кят // Вестник Каракалпакского филиала АН Узбекской ССР. № 2 (24). Нукус, 1966.
13. Манылов Ю.П., Юсупов Н.Ю. Караван-сарай центрального Устюрта (в пределах Каракалпакской АССР) // СА. № 1. М., 1982.
14. Массон М.Е. Монетные находки в Средней Азии 1917-1927 гг. // Известия Среднеазиатского государственного университета. Вып. 3. Ташкент, 1928.
15. Массон М.Е. Монетный клад XIV в. из Термеза // Бюллетень Среднеазиатского государственного университета. Вып. 18. № 7. Ташкент, 1929.
16. Массон М.Е. Клад мастерской фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом // Материалы Узкомстариса. Вып. 4. Ташкент, 1933а.

17. Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за 1930-1931 гг. // Материалы Узкомстариаса. Вып. 5. Ташкент, 1933б.
18. Массон М.Е. Исторический этюд по нумизматике джагатаидов // Тр. Среднеазиатского государственного университета. Т. IV. Ташкент, 1957.
19. Настич В.Н. Неизданные монеты Средней Азии X-XIV вв. // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1999.
20. Настич В.Н. Клад серебряных монет первой четверти XV в. из Туркмении // Восьмая Всероссийская Нумизматическая конференция. М., 2000.
21. Настич В.Н. Новые данные о кладе серебряных монет первой четверти XV в. из Туркмении // Десятая Всероссийская Нумизматическая конференция. М., 2002.
22. Петров П.Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII-XIV вв. Нижний Новгород, 2003.
23. Сайпанов Б.С. Клад серебряных монет XIV в. из караван-сарая Айата // Археология Приаралья. Вып. IV. Ташкент, 1990.
24. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
25. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.-Л., 1941.
26. Усманова З.И. Раскопки в Шахрисябзе // Археологические открытия 1982 г. М., 1983.
27. Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки торгово-ремесленного квартала XV-XVII вв. на городище Таш-Кала в Ургенче // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М., 1958.
28. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // НЭ. Т. I. М., 1960.
29. Федоров-Давыдов Г.А. Находки джучидских монет // НЭ. Т. IV. М., 1963.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // НЭ. Т. V. М., 1965.
31. Федоров-Давыдов Г.А. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
32. Федоров-Давыдов Г.А. Монеты с городища Шахерлик // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
33. Федоров-Давыдов Г.А. Из истории денежного обращения средневекового Хорезма // Приаралье в древности и средневековье. К 60-летию Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1998.
34. Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 1998.
35. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.
36. Френ Х.М. Монеты ханов Улуса Джучиева, или Золотой Орды, с монетами разных иных мусульманских династий в прибавлении. СПб., 1832.
37. Юсупов Х. Святое место // Памятники Туркменистана. № 2/52. Ашхабад, 1991.
38. Янина С.А. Золотые анонимные монеты Хорезма 60-70 гг. XIV в. в собрании ГИМ // НС ГИМ. Ч. 4. Вып. 3. М., 1971.
39. Album S. A checklist of Islamic coins. Santa-Rosa. Second Edition, 1998.
40. Codrington O. A manual of Musulman numismatics. L., 1904.
41. DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles abd Conversation to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, Pennsylvania, 1994.
42. Fraehn Ch.M. Recensio numorum muhammedanorum. Petropoli. 1826.
43. Krehl L. De numus Muhammedanis in Numophylacio Regio Dresdensi Lipsiae, 1856.
44. Soret F. Elements de la numismatique musulmane. Bale-Geneva, 1868.
45. Zambaur E. Die Munzprägungen des Islams. Zeitlich und ortlich geordnet. Bd. I. Wiesbaden, 1968.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВМУ – Вестник Московского государственного университета. Москва.
 ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина. Москва.
 НС ГИМ – Нумизматический сборник Государственного Исторического музея. М.
 НЭ – Нумизматика и эпиграфика. М.
 СА – Советская археология. М.

М.И. Ниязова

ИНСТРУМЕНТЫ ЮВЕЛИРОВ БУХАРЫ

(ретроспективно-исторический метод для изучения ювелирного дела)

Инструменты ювелиров–заргаров позднесредневековой Бухары в значительной степени описаны в исследованиях ряда авторов. Они отмечали их несложность, но приспособленность для изготовления традиционных украшений, иногда очень сложных, в XIX – начале XX вв.

В фондах Бухарского Государственного архитектурно–художественного музея–заповедника в секторе металла хранятся коллекции инструментария бухарских ювелиров XIX – начала XX вв. Коллекция начала формироваться в 30–е годы XX века, когда благодаря усилиям сотрудников музея, в фонды поступили первые инструменты ремесленников Бухары. В 40–х годах коллекция значительно выросла: в фонды поступило собрание штампов–кальбков и другие виды инструментов. В 1986 и 2003 годах музей приобрел инструментарий знаменитых бухарских заргаров Кори Шарифа туксаба и мастера Мир Бахрома. В коллекции музея также хранятся инструменты ювелиров А. Джанаева, К. Миракова. Набор инструментов традиционный. Присутствуют предметы для плавки металлов: тигельки, пинцеты; весы для взвешивания металла, камней и готового ювелирного изделия; инструменты для обработки и нанесения орнамента на изделие: наковальни, стамески, ножницы, молотки, штампы. Ценность данных приобретений состоит в том, что они принадлежали одному мастеру и, следовательно, демонстрируют обычный состав инструментов ювелира.

В фондах Бухарского музея имеются также отдельные инструменты ювелиров, более раннего периода назначение которых определяется лишь с помощью материалов позднесредневековой коллекции. На немногочисленность выявленных при археологических работах ювелирных инструментов и трудности их идентификации указывают и авторы археологических

исследований (Jack Odgen, 1987, p. 415).

Инструменты для плавки металла.

Тигли – бута.

В мастерской VII–VIII вв. в Пенджикенте были найдены тигли из особой огнеупорной каолиновой глины (табл. I: 1). Стенки их были сильно прокалены и сохранили натёки и мелкие крупички металлических окислов и золота (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 82). В мастерской восточного ювелира из Рамаллаха X–XIII вв. были обнаружены два керамических тигля в виде стаканчика с округлым дном и оттянутым сливом (Hasson, 1987, p. 100), по форме абсолютно аналогичные поздним образцам XIX века из Бухары. Бухарский мастер использовал около 10 тиглей *бута* самых разнообразных размеров, высотой от 4,5 до 7 см (табл. I: 2). Они были изготовлены самим *заргаром*.

Пинцеты-чистак.

Ассортимент пинцетов *чистак* кустарного и заводского российского производства был богат у позднесредневекового ювелира. Они использовались для прихватывания тигелька с горячего горна или для мелких деталей украшений, например, зерни. Длина пинцетов от 8 до 16 см (табл. II: 6).

Форма-режа.

Железная форма для отливки металла была найдена в мастерской фальшивомонетчика XIV века из-под Ташкента. Она прямоугольная, невысокая, с полуцилиндрическим желобком. Ширина формы – 6,5 см, общая длина – 28 см, глубина желобка – 9 мм (табл. I: 4, 4а). *Режа* бухарского позднесредневекового ювелира выглядит аналогично: прямоугольная, невысокая, ручка-окончание раздвоено, концы загнуты или оформлены набалдашником. Желобок прямоугольный (табл. I: 3, 3а). Общая длина от 23,5 до 39 см, длина желобка 9–22 см.

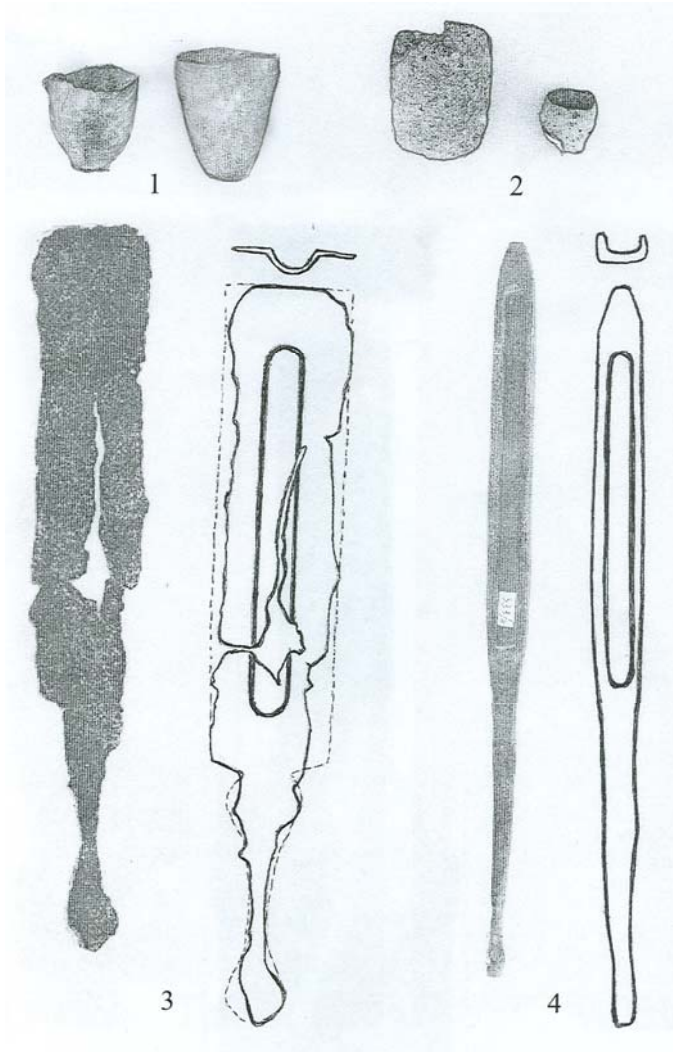

Таблица I. Инструменты ювелира. 1-Тигли VII-VIII вв. Пенджикент; 2-Образцы тиглей. XIX-начало XX вв. Бухара; 3-Форма для отливки металла. XIV в. Ташкент; 4-Форма для отливки металла. XIX-начало XX вв. Бухара.

Литейные формы.

В слоях X-XI вв. на территории купола Арка Бухары была найдена прямоугольная литейная форма из стеатита для изготовления тонких пластинчатых серег или бляшек круглой формы, которые могли служить деталями для различных украшений (табл. III: 4). Она четырехугольная с вписанным кругом, по краю которого циркульный орнамент. Комплект из двух трепещевидных створок с одной мраморной литейной формой X-XII вв. для отливки круглых тонких пластин был найден в шурфе у купола Токи Заргарон. Одна из створок более массивная, другая поменьше: 6,5x4,8-5,2x5,2x0,6-1 см; 6,8x4,4-5,8x1,4 см; диаметр формы — 3,8 см. В

нижней части створок имеются литниковые отверстия (табл. III: 9, 10). Каменные литейные формочки являются редкими находками при археологических раскопках. Несколько видов их было найдено в мастерской VII-VIII вв. в Пенджикенте (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 82).

Каменная литейная форма для отливки деталей браслетов происходит из коллекции Бенджамина Цуккера (табл. III: 1). Она имеет прямоугольную форму и сбоку ложбинку для поднятия готовой литой пластинки (Odgen, 1987, p. 416, p. 42b, fig. 3). В мастерской ювелира X-XIII вв. из Рамаллаха (Hasson, 1987, p. 100) среди прочего инструментария были найдены и различные по размерам и орнаменту литейные формы, отдельные из них двухсторонние. Они использовались для отливки миниатюрных плоских подвесок и щитков

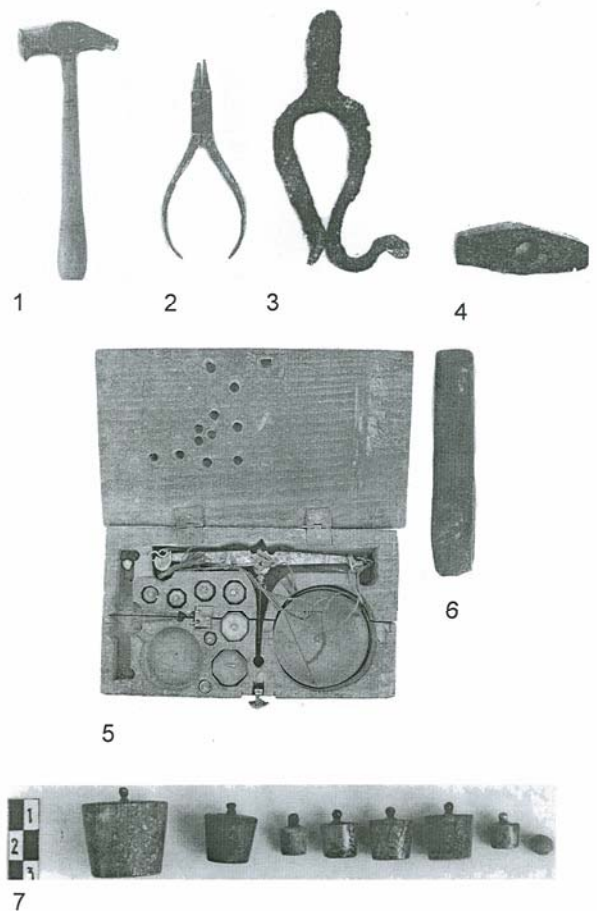

Таблица II. 1-Молоток. Бухара. XIX-нач. XX вв.; 2-Клещи. Бухара. XIX-нач. XX вв.; 3-Ножницы. Ташкент XIV в.; 4-Молоток. Ташкент. XIV в.; 5-Весы. Бухара. XIX-нач. XX вв.; 6-Пинцет. Бухара. XIX-нач. XX вв.; 7-набор гирь. Бухара. XIX-нач. XX вв.;

для перстней. На одной из форм вырезан круговой орнамент, сбоку имеется ложбинка для поднятия готовой металлической пластинки (Hasson, 1987, p. 104).

Весы-тарозу.

Непременная принадлежность средневекового ювелира - весы представлены бронзовыми чашечками и остатками металлических цепочек, с помощью которых они крепились (Hasson, 1987, табл. 5). Весы были необходимы ювелиру на протяжении всей работы над изделием. Набор гирь из мастерской VII – VIII вв. из Пенджикента круглой и других геометрических форм, на многих выгравирован циркулярный орнамент (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 82), который по аналогии с гирями XIX – начала XX вв. из Бухары обозначал вес гири (табл. II: 7). Инструменты фальшивомонетчика XIV века, жившего под Ташкентом, также дают образцы весов, использовавшихся ювелирами (Массон, 1933, с. 6, 7). Сохранились медные сферические чашечки от весов диаметром 5 см и 5,2 см при высоте в 1 см и 1,2 см. В каждой имеется по три отверстия для нитей, с помощью которых они подвешивались к коромыслу (Массон, 1933, с. 6, 7). В коллекции БГАХМЗ имеются весы бухарских загаров XIX – начала XX вв., позволяющие полностью восстановить облик весов более раннего периода. Все необходимое для взвешивания материалов: золота, серебра, камней, - мастер держал в деревянной шкатулке (табл. II: 5). Её украшали незамысловатым резным орнаментом с внешней и внутренней стороны. Внутри по основанию вырезалось ложе для весов (отдельно для плеч и чашечек) и гирь. Плечики для весов из металла, на них ниточками закрепляли миниатюрные чашечки. Гири бронзовые миниатюрных размеров (число их достигало 7 единиц) размещены раздельно, чеканными точками на них указана мера веса: 20, 10, 5, 4, 3, 2, 1 мискаль (мискаль равен 3,8 г) (табл. II: 7). В центральном углублении лежали также шесть горошин (нохуд), которые использовались как довески.

Инструменты для обработки и нанесения орнамента на изделие

Наковальни сангдон.

Мастер имел в своём распоряжении несколько наковален. Одна конической формы, нижний конец заострен и ограничен специальным валиком-выступом, верхняя рабочая часть квадратной формы с шестью ложбинками - образцами для проволоки датируется X-XII вв. и найдена в Рамаллахе (Odgen, 1987, p. 42b, fig.2). Другой вид *сангдона* высотой 6,5 см присутствует в наборе инструментов XIV века, полученных из под Ташкента. На Афрасиабе в мастерской ювелира также выявлена наковаленка (Шишкина, 1973, с. 147). Вышеупомянутые образцы наковален находят аналогии в инструментарии позднесредневекового мастера Бухары. Он имел также железные наковальни разных размеров. Острая нижняя часть их устанавливалась в земле для обеспечения устойчивости при работе. Одна из них крупного размера, служила для обработки массивных деталей изделия, другая – ввиду малых размеров и неустойчивости укреплена в железной банке с песком и использовалась для миниатюрных деталей украшений. Последняя имеет два боковых отростка: один круглой конической формы (наибольший диаметр – 16 мм), другой – конический четырехгранный. Подобные отростки использовались при изготовлении серег, колец, перстней и чем ближе к острию, тем меньше в диаметре получалось колечко. Наковальни имели высоту от 7 до 20 см.

Молотки - базган.

В наборе инструментария восточного ювелира X–XIII вв. из Рамаллаха (Hasson, 1987, p. 100) были найдены детали от разнообразных молотков, а на Афрасиабе - зубила и долота (Шишкина, 1973, с. 147). Большой железный граненый молоток имелся в инструментах фальшивомонетчика XIV века из-под Ташкента (табл. II: 4; Массон, 1933, с. 6, 7). Аналогичные образцы имеются также в инструментарии ювелира из позднесредневековой Бухары (табл. II: 1).

Ножницы - кайчи.

Ножницы для резки металла со специ-

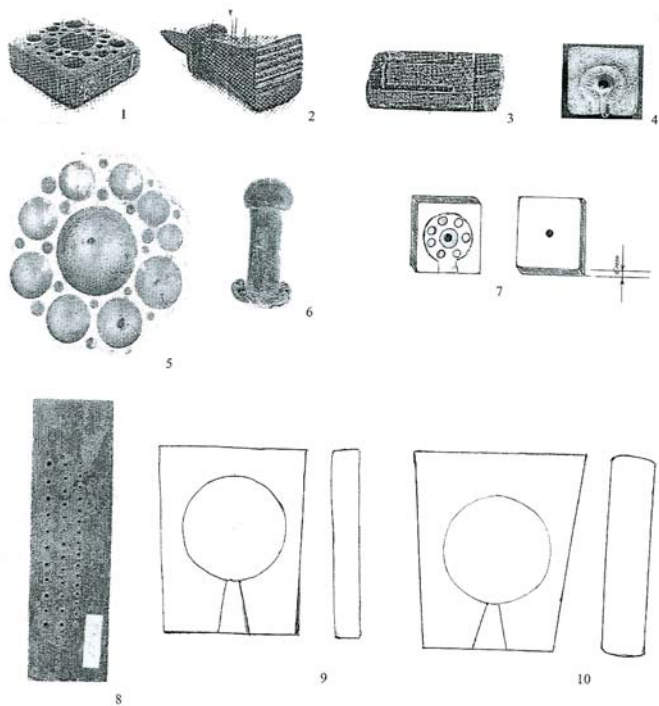

Таблица III. Инструменты ювелира. 1-Калыб-штамп. X-XI вв. Сирия.; 2-Наковальня для изготовления проволоки X-XI вв. Сирия.; 3-Форма для литья. X-XI вв.; 4-Форма для литья. X в. Бухара, Арк; 5, 7-Калыб-штамп для изготовления полушарий. XIX-начало XX вв. Бухара.; 6-Калыб. XIX-начало XX вв.; 8-Инструмент для изготовления проволоки. XIX-начало XX вв. Бухара. 9-10-Литейная форма. X-XI вв. Бухара.

альными кривыми ручками выглядят аналогично у мастера XIV века из-под Ташкента (табл. II: 3) и ювелира из Бухары XIX- начала XX века. Лезвия небольшой длины, ручки необычной формы: в начале сильно выгнутые наружу, они, смыкаясь, расходятся в разные стороны. Один конец загнут в обратном направлении, образуя полукольцо, другой – с легким загибом опущен вниз. На Афрасиабе были найдены ножницы для резки металла (Шишкина, 1973, с. 147).

Клещи-кыскыч.

Железные клещи XIV века из-под Ташкента имеют прямые ручки. Концы, предназначенные для захвата, заканчиваются плоскими губами. Ручки на концах загнуты наружу, для плотности упора инструмента в руке во время работы. Одна ручка короче другой. Аналогичные клещи присутствовали и в мастерской бухарского мастера, но имелись и другие формы данного инструмента (табл. II: 2).

Инструмент для вытягивания проволо-

ки – кирья.

Железная прямоугольная пластинка с отверстиями разных диаметров использовалась ювелиром XIV века из-под Ташкента (Массон, 1933, с.7) и бухарским ювелиром (табл. III: 2).

Штампы - калыбы.

Ювелиры использовали и многочисленные штампы – калыбы. Калыбы – металлические пластины различной формы и толщины. В центре пластин – негативно углубленные формы для тиснения различных деталей украшений. Тонкий металлический лист из золота, серебра или бронзы накладывали на калыб и с помощью мягкого свинца молоточком вбивали в форму, – весь рельефный узор оттискивался на листе, узор получался пластичным с мягкими округленными линиями моделировки (табл. IV: 1-5, 7-9). Готовую деталь украшения заполняли мастикой, придававшей весомость украшению и сохранявшей тончайший тисненный узор. Шесть тонких тисненных пластинок из бронзы разной степени сохранности были найдены на территории Бухары в слоях XI-XII вв. (табл. IV: 1-5). Три из них в форме многоугольника могли служить деталями для нагрудных украшений, другие три круглой формы – заготовками для блях. В центре многоугольных пластинок оттиснуты четырёхлепестковые цветы, вокруг кружочки. На круглых пластинках орнамент виден только на двух из них. Применение калыбов с орнаментом в виде шести или четырех лепесткового цветка, традиционно и для позднесредневековых штампов из Бухары (табл. IV: 6). На Афрасиабе были найдены сильно окисленные штампы-чеканы (Шишкина, 1973, с. 147). Образец бронзового калыба X века был найден во время раскопок в Истахре в Иране и хранится в коллекции Восточного Института в Чикаго. Калыб использовался для изготовления полушарий – деталей украшений и сохранил следы золота и серебра в углублениях. Аналогичный штамп происходит из коллекции Национальной библиотеки в Париже. Оба аналогичны калыбу, сделанному из бронзовой византийской гири и происходящему, очевидно, из Сирии (табл. III:

1). Он имел квадратную форму, по центру которой располагается наибольшее по диаметру углубление. По углам они среднего и меньших размеров (Odgen, 1987, p.415, p. 42b, fig.1) . Подобные *калыбы* имеют прямые аналогии в инструментарии позднесредневековых бухарских ювелиров, хранящихся в коллекции Бухарского музея: первый *калыб* более массивный, оба в виде круглой пластины и двухсторонние (табл. III:3). Они использовались для изготовления деталей украшений полусферической формы, таких, как тисненые пуговицы, пластинки, украшавшие тюбетейки, женские налобные повязки, серьги *кафаси*, наконечники украшений *туф*. Начиная с самого большого диаметра углубления, мастера переходили на меньший и получали деталь необходимого диаметра.

Употребление *калыбов* преимущественно было связано с техникой, определенной Л. Чвырь, одной из исследовательниц позднесредневековых украшений Бухары, «как мастика – фольга» (Чвырь, 1977, с. 16). Наличие и распространенность данной техники в исламском мире раннесредневекового периода подтверждается исследователем Ж. Одгеном (Odgen, 1987, p. 414, 416). Для XIX-начала XX техника тиснения или техника «мастика-фольга» также была широко распространена (Чвырь, 1977, с. 15-17; Фахретдинова, 1988, с.74-76; Ермакова, 1994, с. 10-11).

Наборы всевозможных металлических штампов – *калыбов* бухарских ювелиров XIX – начала XX вв. позволяют нам воссоздать картину работы мастеров-ювелиров более раннего времени. Процесс работы начинался с прорисовки облика украшения, в котором были учтены желания клиента и фантазии мастера. Затем ювелир выполнял эскизы рисунков для штампов – *калыбов* на бумаге и демонстрировал их клиенту. После того как клиент делал свой выбор, мастер изготавливал штампы сам или заказывал их. В архиве потомственного бухарского ювелира Г. Зиявутдинова (умер в 1986 г.) хранятся эскизы штампов, выполненных им собственноручно на бумаге (табл. IV:7-16). Их

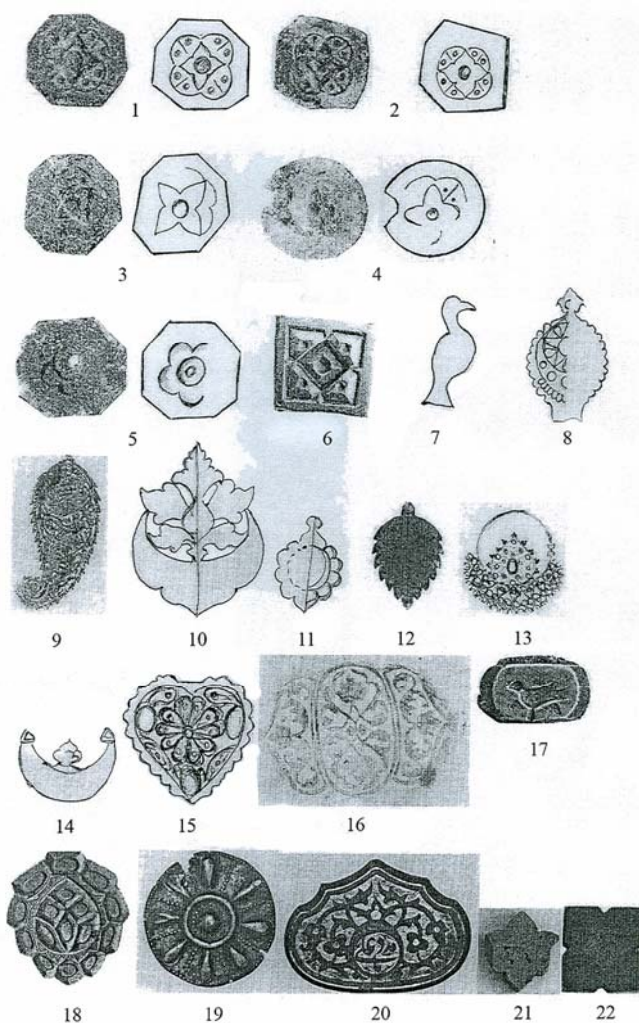

Таблица IV. Тисненые пластинки и штампы. Бухара X – начало XX вв.

можно разделить на шесть групп.

Эскизы для штампов головной булавки, известной в Бухаре как *сарсузан*. Обычно навершие данного украшения выполнялось в форме птички. На эскизах прорисовано миниатюрное изображение птички с четким изображением крыла и глаза. Именно эти места при тиснении образовывали гнезда для инкрустации (табл. IV:7).

Эскизы для разнообразных подвесок. Рисунок представляет подвеску, скомпонованную из бутона, пятиконечной звезды и полумесяца. Другой рисунок – это подвеска миндалевидной формы, покрытая тонким растительным узором (табл. IV:8, 9).

Эскизы для серег, известных как *як кирота*, *баргак* и *туркестанские* (табл. IV:11-14).

Эскизы для налобно-височного укра-

шения *мохи тилло* или *бибишак*. На рисунке представлена традиционная форма украшения: полумесяц с высоко загнутыми концами, между ними трилистник. Вероятно, это эскиз для штампа оборотной стороны украшения, так как мелкий растительный, тонко разработанный орнамент не характерен для лицевой стороны изделия (табл. IV:10).

Эскизы нагрудного украшения *тапиши дил*. Рисунок для центрального листовидного медальона скомпонован из сложных завитков (табл. IV:15).

Рисунок пряжки для мужского пояса *камар* (табл. IV:16).

В инструментарии Кори Шариф заргара присутствовало 75 колыбов-штампов для тиснения узора на украшении. В сохранившейся коллекции Кори Шариф заргара преобладают штампы для изготовления подвесок к различным украшениям. Орнамент «листика» разнообразный: «гладкие листики» или с обозначением прожилок, фигурными краями, вытянутой, миндалевидной формы в виде розеток и бутонов. Они использовались обычно для подвесок, прикреплявшихся к нижнему краю налобного женского украшения, известного как *синсила*, отсюда название этой группы калыбов *колиби синсила* и для серебряных пронизок детских браслетов *понча*, название калыбов *колиби понча*. Крупные штампы со сложным растительным орнаментом использовались для изготовления центральных медальонов, крепившихся к низкам коралловых бус и перемежавшихся

с такими же медальонами меньших размеров и составлявших нагрудное украшение, известное как *жевак* (табл. IV: 18). Медальоны, помимо покрытия сплошным тисненым орнаментом, инкрустировались камнями. Места их обозначены на штампах специальными углублениями. В данной группе присутствуют также *колиби сарсузан* штамп для изготовления навершия головной булавки (табл. IV: 17), *колиби гулисар* для золотых или серебряных пластин, нашивавшихся на женскую золотошвейную налобную повязку (табл. IV: 19), *колиби баргак* для квадратной формы пластин, составляющих женское налобное украшение *баргак* (табл. IV: 6), *колиби хафабанд* для пластин женского нашего украшения, плотно облегавшего шею, штампы этой группы отличаются большей оригинальностью в орнаментации и форме пластины (табл. IV: 21, 22), *колиби ангуштарин* для колец. Также имелись железные штампы для изготовления пластин, сплошь покрывавших парадные сбруи (Ниязова, 2001, с.131-132).

Аналогии форм инструментария ранних периодов с имеющимися инструментами XIX – начала XX века бухарских ювелиров демонстрируют стабильность форм и набора инструментов ювелиров на протяжении веков. Это объясняет, в определенной мере, сохранение своеобразия традиционного комплекса украшений Бухары на протяжении веков, в то время как украшения других регионов видоизменяются во времени.

Литература:

1. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
2. Ермакова Е.С. Ювелирные украшения г. Бухары конца XIX- начала XX века (проблема этнокультурных связей). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1994.
3. Массон М.Е. Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV века под Ташкентом. Материалы Узкомстари, выпуск 4, Ташкент 1933
4. Ниязова М.И. Техника «басма» (тиснение) в ювелирном искусстве позднесредневековой Бухары.// Зарафшон вохаси ва унинг тарихдаги урни. Узбекистон Республикаси мустакилликнинг 10 йиллигига багишланган илмий-назарий конференция материаллари. II. Самарканд. 2001. С. 131-132
5. Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988
6. Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. М., 1977
7. Шишкина Г.В. Городской квартал VIII–XI вв. на северо-западе Афрасиаба // Сб. Афрасиаб. Вып. II, Ташкент, 1973, с. 117–156.
8. Hasson, Rachel. Early Islamic Jewellery. Institute for Islamic Art: Jerusalem, 1987
9. Jack Odgen. Islamic goldsmithing techniques in the early medieval period // «The Benjamin Zucker collection». London, 1987.

А.А. Аширов

ЭТНОС МУАММОСИ АКАДЕМИК-ТАДҚИҚОТЧИ НИГОҲИДА ВА ЭТНОС-ЭТНИКЛИККА ОИД НАЗАРИЯЛАР ТАҲЛИЛИ

Инсоният биологик мавжудот, табиатнинг бир қисми бўлиши билан бирга кишилик жамиятидаги эволюцион тараққиёт натижасида ҳамда ижтимоий омилларнинг таъсири туфайли муайян ижтимоий гуруҳлар ва жамоаларга бўлинади.

Ер шаридаги турли ижтимоий-сиёсий жамоалар орасида ўзбек тилида *халқ*, илмий адабиётларда *этнос* деб юритилувчи кишилар жамоаси алоҳида ажралиб туради. Сўзимиз аввалида айтиб ўтиш жоизки «этнос» термини махсус адабиётларда пайдо бўлганига гарчи анча вақт бўлган бўлса-да, лекин алоҳида кишилар гуруҳини англатувчи ибора тарзида фақатгина охирги ўн йилликларда этногенез ва этник тарих, умуман этник жараёнларга қизиқишнинг кучайиши натижасидагина кенг истеъмол доирасига кирди. (Садохина, 2000. С. 78.) Шубҳасиз мазкур ибора бугунги кунда ижтимоий фанлар тизимида муносиб ўрнини топди, деб айтиш мумкин. Ҳозирда ушбу терминни нафақат этнологлар, балки файласуфлар, тарихчилар, сиёсатшунослар, социологлар, психологлар ва хатто иқтисодчилар ҳам доимий равишда қўлламоқда ва ўз навбатида мазкур муаммо билан боғлиқ турли-туман қарашларини баён қилмоқда. (Рыбаков, 2001. С. 5).

Этнос муаммоси доирасида, аниқроғи ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи мавзуси доирасида тадқиқотлар олиб борган муаллифлар орасида Республика-мизда ва дунё миқёсида таниқли олим, А.Асқаровнинг ўзига хос ўрни ва мавқеи бўлиб устоз бу соҳада ўзининг мустақил илмий концепциясига эга бўлган ва ўзига хос мактаб яратган олимдир. Шу боис биз куйида таниқли тарихчи А. Асқаровнинг этнос муаммоси, аниқроғи ўзбек халқи этногенези ва этник тарихига оид тадқиқотларини баҳоли кудрат таҳлил қилишга ҳамда хорижий мамлакатлардаги илмий мактаблар, концепциялар билан ўзаро тақ-

қослаган ҳолда мулоҳаза ва мунозара юритишга ҳаракат қилдик.

Аввало, шуни таъкидлаш керакки, А. Асқаров Ўзбекистон археологияси, тарихи ва умуман ижтимоий гуманитар фанлар ривожига улкан ҳисса қўшган забардаст олим бўлиб муаллифнинг сўнгги йиллардаги ассосий илмий фаолияти том маънода ўзбек халқи этногенези ва этник тарихи билан чамбарчас боғлиқдир. (Асқаров, 1985. С.3-14; Асқаров, 1985). Академик А. Асқаров ўзининг этногенез ва этник тарих муаммосига бағишланган тадқиқотларида биринчилардан бўлиб тарихий, археологик, этнографик ва антропологик манбаларга ҳамда адабиётларга асосланиб, ўзбекларнинг шаклланиш жараёнини бир неча босқичларга бўлиб тадқиқ қилади ва қатор назарий-методологик ҳамда илмий концептуал хулосаларни баён қилган (Асқаров, 1985. С. 10). Айниқса муаллиф кейинги йиллардаги тадқиқотларида этногенез ва этник тарих муаммоси юзасидан жиддий шуғулланиб этнос назариясига оид қатор илмий-назарий ҳамда методологик қарашларни илгари сурган. Жумладан, таниқли олимнинг ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг назарий ва илмий методологик асосларига оид муҳим муаммовий тадқиқоти 2002 йилда "O'zbekiston tarixi" журналида эълон қилинди. Мазкур тадқиқотда муаллиф «ҳар бир халқ тарихи унинг этногенези ва этник тарихи билан узвий боғлиқ. Этногенез ва этник тарих эса тарих фанининг бош масаласидир» деб таъкидлайди. Қолаверса этногенез ва этник тарих тушунчаларига илмий таъриф ҳамда тавсиф беради (Асқаров, 2002. 54-60 бб.) Академик олимимиз бошқа бир тадқиқотларида ҳақли тарзда таъкидлаганларидек, халқнинг этногенези ва этник ривожланишини ўрганишда этник белгилар ва этник омилларнинг таркиб топиш жараёнини кузатиб бориш этногенетик илмий тадқиқотларнинг тўғри йўналишда

эканлигини таъминлайди (Асқаров, 2004. 8 б.). Унинг фикрича, *этник омиллар* таркибини худудий бирлик, ижтимоий-иқтисодий хўжалик бирлиги, антропологик тип ва сиёсий уюшма бирлиги ташкил этади. *Этник белгиларга* эса тил бирлиги, этно-маданий бирлик, этник ном ва ўзликни англаш бирлиги киради (Асқаров, 2002. 56 б.). Ўз навбатида шуни ҳам таъкидлаб ўтиш керакки А. Асқаров кўрсатиб ўтган этник белгиларни таниқли элшунос олим К.Ш. Шониёзов *этник аломатлар* деб таҳлил қилади ва этник аломатларга юқорида зикр этилган - тил бирлиги, этно-маданий бирлик, этник ном ва ўзликни англаш бирлигидан ташқари худудий, иқтисодий бирлик, тарихий қисматнинг умумийлиги, этноснинг уюшқоқлигининг маълум бир давлат доирасида бўлиши, ўз этник номига (этнонимига эга бўлиши), дин умумийлиги каби қатор аломатларни киритади (Шониёзов, 2001. 86 б.). Лекин ҳар икки муаллиф ҳам этносни шаклланиш жараёнида мазкур аломатлар ёки белгиларни иштироки борасида умумий хулосаларга келади. Жумладан, ҳар икки муаллиф ҳам юқорида санаб ўтилган этник аломатлар алоҳида олинган қисқа даврда юз бермайди, ёки бир даврда муҳим роль ўйнамайди, балки узоқ давом этган этногенетик жараён давомида бирин-кетин шаклланиб боради. Қачонким, уларнинг асосий қисми таркиб топгач, элат халқ сифатида шаклланади-деб таъкидлайдилар (Асқаров, 2002. 54 б.; Шониёзов, 2001. 86 б.).

Умуман олганда академик А. Асқаровнинг этногенез ва этник тарих муаммоси доирасида бажарган тадқиқотлари асосан этнос назарияси асосига қурилган бўлиб муаллиф томонидан ўзбек халқининг келиб чиқиш ва шаклланиш тарихини ўрганишга оид кўплаб янги мулоҳазалар билдирилган. Жумладан, уларнинг орасида энг муҳимларидан бири муаллифнинг «ўзбек халқи этногенезининг бошланғич нуктаси бронза давридан бошланади»-деган мулоҳозасидир (Асқаров А. 2002. Б.9-10). Ушбу қараш орқали муаллиф ўзбек халқини этногенезининг бошланғич нуктасини бир неча юз йилга қадимий-

лаштирди деб айтиш мумкин. Умуман олганда, академик олимнинг мавзуга оид концептуал мулоҳазалари этногенез ва этник тарих соҳасидаги келгусидаги қарашларга назарий-методологик асос бўлади, деб айтиш мумкин.

Бундан ташқари айнан охириги йилларда академик А.Асқаров раҳбарлигида «*Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих*» мавзусидаги илмий семинарнинг ташкил этилганлиги муаллифнинг ушбу соҳага бўлган жиддий эътибори ва мазкур йўналишга илмий жамоатчилик орасида нақадар қизиқиш ортиб бораётганлигидан далолат беради.

А.Асқаров ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг назарий ва илмий методологик асосларига оид қизиқарли тадқиқоти якунида «ҳар бир халқнинг этногенез ва этник тарихини объектив ёритишликнинг асосида шу соҳада тарих тақозо этиб, ишлаб чиқилган илмий-методологик ишланма ётади. Ана шу илмий-методологик ишланма асосида ўзбек халқи этногенези ва этник тарихини яратиш замон талабидир» деган хулосага келади (Асқаров, 2004. 60 б.). Дарҳақиқат, ҳозирги кунда ҳар бир фан соҳасига қўйилаётган муҳим талаблардан бири бажарилаётган тадқиқотлар назарий ва илмий-методологик ишланмаларга асосланиши ва ўз навбатида мавжуд тарихий муаммолар ечимининг тўғрилиги, унинг илмий-методологик асоси билан боғлиқ лиқлигидадир. Биз, бу ўринда агар этнологияни рамзий тарзда улкан бир дарахт деб тасаввур қилсак, назарий-методологик тадқиқотлар унинг илдизини ташкил этади. Зеро, илдиз қанчалик бақувват, чуқур кетган бўлса, дарахт шунчалик барқ уриб яшнайдди. Шу боис, ҳозирги этнологик тадқиқотларни назарий-методологик қарашлар билан бойитиш ва фаннинг турли мавзулари доирасида бажарилаётган тадқиқотларга илмий асосли концепцияларни асос қилиб олмоқ зарур. Чунки назарий хулосаларсиз ёки тарихий далил исботларсиз муаммони тадқиқ этилиши салбий оқибатларга сабаб бўлиши ва миллий низоларни келтириб чиқариши мумкин.

Хўш, бу борада юртимизда соҳа доирасида олиб борилаётган тадқиқотлар, айниқ -са этнос муаммоси доирасида бажарилаётган илмий изланишлар хорижий мамлакатларда бажарилаётган тадқиқотлар билан нечоғлик ҳамоханлик ёки номуаносиблик касб этади?, нима учун бугунги кунда кўплаб мамлакатларда этнологиянинг тадқиқот объекти ва унинг тадқиқот усуллари ўзгармоқда?, дунёдаги ривожланган ва йирик илмий тадқиқот муассасаларида мазкур муаммо қандай талқин этилмоқда ва қандай янги назарий-методологик қарашлар яратилмоқда? -деган саволлар туғилиши табиийдир.

Албатта, этнос муаммосига оид замонавий тадқиқотчиларнинг қарашлари борасида батафсил тўхталиб ўтишдан аввал ҳозирги кундаги дунё фанида ҳозирда этнос назариясига алтернатив тарзда кўплаб қарашлар ва концепциялар мавжудлигини, АҚШ ва Европада олиб борилаётган этнологик тадқиқотларда этнос назарияси кескин танқид остига олинаётганлиги ёки баъзи назариётчилар ушбу назарияни буткул рад этишларини таъкидлаб ўтиш ўринлидир.

XX асрнинг 60-йилларига келиб ғарбдаги ижтимоий-гуманитар фанлар соҳасига, аниқроғи ижтимоий (маданий) антропологияга инглиз тилидан янги «*ethicitu*»-*эт-никлик* ибораси кириб келган. Аслида мазкур ибора фанда бирмунча олдинроқ пайдо бўлган (Warner, Lint, 1942, p.73). Лекин ўз даврида мазкур термин кенг илмий истеъмолга кирмаганлиги боис 1975 йили тадқиқотчи олимлар Н. Глейзер ва Д. Мойниханлар ўзларининг тадқиқотларида «этниклик»ни «янги тушунча» тарзида қўллаганлар (Glaser, Moynichan, 1975, p. 1).

Этниклик этник гуруҳнинг фаркли хусусияти, ўзликни англатувчи ўзига хос категория тарзида қўлланилса-да, лекин мутахассислар мазкур иборанинг асл мазмуни борасида ҳали ҳануз яқдил умумий хулосага келмаганлар (Чешко, 1994. С. 24-38; Колпаков, 1995; Тишков, 1997. С.3-13; Скворцов, 199; Заринов, 2002. С. 3-30; Рыбаков, 2002. С. 3-25). М. Бэнкснинг ёзишича, “кўп йиллар мобайнида “этниклик”

антропология ва социологиянинг асосий тушунчаларидан бири бўлган бўлсада, лекин фанда қўлланилишига кўра бошқа тушунчаларга қараганда маъно жиҳатдан бирмунча баҳсли тушунча ҳисобланган”. (Рыбаков С.Е. 2002. С.81.) Рус файласуфназарий-ётчи олими С.Е.Рыбаков таъкидлаганидек, «этнос»сиз «этниклик»ни ва ўз навбатида «этниклик»ни билмасдан туриб «этнос»ни изоҳлаш мушкул (Рыбаков, 2003. С.3). Умуман олганда этниклик аввало замонавий жамиятларнинг полиэтник хусусиятига қаратилган бўлиб, *этниклик* деганда ғарб олимлари этник гуруҳларнинг маданий хусусиятлари йиғиндисини тушунадилар. Этникликни тадқиқ қилишда норвегиялик олим Фредрик Бартнинг хизматларини алоҳида таъкидлаб ўтиш жоиз. У биринчилардан бўлиб этникликни кенг илмий асосда таҳлил қилишга ҳаркат қилган ва «этник гуруҳга тегишли бўлган тавсифни этник ҳудуд (чегара) ташқарисидаги маданий материал йиғиндисига киритиб бўлмайди. Этник гуруҳлар (ёки этнослар) аввало ушбу гуруҳ аъзоларининг ўзлари муҳим деб ҳисоблаган маданий хусусиятлар орқали аниқланади ва бу хусусиятлар ўз навбатида этник ўзликни англашда асос бўлади»-деб ёзган (Barth, 1969. P. 9-17). Н.Н. Миклуха-Маклай номли Этнология ва антропология институти директори В.И. Тишков этниклик муаммосини «анъанавий маданий типлар» классификацияси тарзида таҳлил қилинишига кескин қарши чиқади ва этникликни «маданий гибридлик» тарзида талқин қилади. Унинг фикрича, муаммони бундай тарзда ҳал қилиниши «инсонни этникликда эмас, балки инсондаги этникликни тадқиқ қилиш» имконини беради (Тишков, 2001. С. 233). Этникликни конструктивистик йўналишда тадқиқ қилувчи олимларнинг фикрича, этниклик-маданий характер мажмуасига асосланади, яъни қайсидир этник гуруҳ гарчи бошқа этник гуруҳлардан қондош-уруғчилик жиҳатдан фарқлансада, аммо этникликда қондош уруғчилик ёки бошқа объектив мезонлардан кўра маданий муносабатлар муҳим роль ўйнайди. Умуман олганда, *этниклик муайян этник гуруҳга мансуб маданий хусусиятлар*

мажмуи, яъни бошқачароқ тарзда айтадиган бўлсак *этниклик-бу маданий фарқларнинг ижтимоий уюшмаси шаклидир* (Тишков, 1997. С. 6).

Конструктивистик қараш тарафдори бўлган кўплаб тадқиқотчилар орасида «этникликни юзага келишида аввало «биз ва улар» деган ўзига хос иккилик муносабати бўлиши лозим. Агар бундай муносабат бўлмаса этниклик ҳам бўлмайди» деган қараш устивордир (Скворцов, 1997. С. 61).

Умуман олганда XX асрнинг сўнгги чорагидан бошлаб этнос, этниклик муаммоси доирасида тадқиқотлар олиб борган этнологлар, ижтимоий ва маданий антропологлар, файласуфлар, социологлар, психологлар, тарихчилар орасида икки йўналиш, яъни ўзига хос методологик мактаб ва қарашларига эга бўлган мустақил икки қарама-қарши **примордиалистик ва конструктивистик** оқим пайдо бўлган. Ушбу икки илмий мактаб орасида доимий ўзаро илмий баҳс бўлган.

Конструктивистик мактабнинг йирик намоёндаларидан бири бўлган америкалик антрополог Ж. Комарофф фикрича, "конструктивизм - бу назария эмас, балки сиёсий ва маданий ўзликни англаш инсоният фаолиятининг маҳсули эканлигини тасдиқловчи тавсиф бўлиб конструктивизм соясида кўплаб қарашлар яширинган. (Комарофф, 1997. С.41). Конструктивизм тўғрисида рус примордиалист - файласуфи С. Рыбаков жамиятда ҳеч қандай ягона конструктивистик назария мавжуд эмас ва умуман бу ўринда «назария» иборасини ишлатиш ҳақиқатга тўғри келмайди - деб ёзади. Унинг фикрича, ушбу йўналиш тарафдорлари ўзаро табиатан этникликни мавжуд эмаслиги тўғрисидаги умумий тезис атрофидагина бирлашади (Рыбаков, 2002. С. 28).

Примордиализм тарафдорларининг таъкидлашларича, этнос ёки этниклик табиатда ёки жамиятда объектив асосга эга бўлган аниқ мавжуд феномендир. Одатда конструктивистлар ўзларининг назарий-методологик қарашларидан ташқарида бўлган, ёки уларга қарама-қарши мулоҳазалар билдирган ҳар қандай қарашни примордиализмга киритади ва ўз навбатида

ўзларининг қарашларини замонавий фан инъикоси бўлган ягона илғор таълимот тарзида талқин қиладилар. Ўз навбатида ғарбдаги кўплаб тадқиқотчилар собиқ советлар даврида этнограф олимлар томонидан яратилган машҳур этнос назариясини гарчи моҳиятан примордиалистик қарашга тўлиқ равишда мос келмаслигига қарамай примордиалистик назарияга киритадилар.

Советлар даврида яратилган этнос назарияси номи билан машҳур бўлган концепция яхлит бир бутун тизимли қараш тарзда илк маротаба XX асрнинг 20-йилларида, аниқроғи, 1923 йилда Хитойнинг Шанхай вилоятида яшаган рус эмигранти С.М. Широкогоров томонидан баён этилган. Шунини алоҳида айтиш керакки айнан у фанга «этнос» тушунчасини олиб кирган тадқиқотчидир. С.М. Широкогоров 1923 йилда Шанхайда эълон қилган фундаментал асарида *«этнос бу бир тилда сўзлашувчи, келиб чиқиши бир эканлигини тан олувчи, урф-одатлар мажмуаси ҳамда умумий турмуш-тарзига эга бўлган кишилар гуруҳидир»* (Широкогоров, 1923. С.13) - деб ёзади.

Кейинчалик, С. Широкогоров ишларида этносга берилган таъриф П. Кушнер, С. Токарев, Н. Чебоксаров, В. Козлов тадқиқотларида маълум маънода такомиллаштирилган (Кушнер, 1949; Кушнер, 1951; Токарев, 1964; Чебоксаров, 1967; Козлов, 1969). Дарҳақиқат, юқорида номи зикр этилган муаллифларни маълум маънода собиқ советлар давридаги «этнос назарияси»ни ҳаммуалифлари деб айтиш мумкин. Лекин бу назария тараққиётида Ю. Бромлейнинг хизматлари катта бўлиб у томонидан ўтган асрнинг 80-йилларида этнос назарияси янада такомиллаштирилди ва материалистик фундаментдаги яхлит бир тизимли концепция даражасидаги назария кўринишига эга бўлди (Бромлей, 1983). Унинг ёзишича, *этнос аниқ бир ҳудуд, тил, келиб чиқиш, маданият умумийлиги, ўз-ўзини этник англаш ва ўз этник номи (этноними)га ҳамда ўзига хос турмуш тарзига эга бўлган кишилар гуруҳидир* (Бромлей, 1983. С. 58).

“Этнос” назарияси кейинчалик ғарб ва россиялик айрим тадқиқотчилар томони-

дан жиддий танқид остига олинди (Vrubaker, 1997; Элез, 2001; Tishkov, 1997. P. 1-23; Тишков, 2003). Жумладан, конструктивизм тарафдорларидан бири бўлган антрополог В.А. Тишков этнос назариясини асосий тақризчиларидан бири бўлиб, этнос билан боғлиқ назарий-методологик қарашларни ноъананавий усулда таҳлил этади ва кескин танқид остига олади (Тишков, 1996; Тишков, 2004). Таниқли антрополог олим тарихий-ижтимоий воқеликни инсоният тасаввури натижаси тарзида таҳлил этади ва этносни тарихчилар, социологлар, этнографлар, оммавий ахборат воситалари вакиллари томонидан яратилган сунъий ижтимоий тузилма деб таъкидлайди (Тишков, 2004. С. 31).

Ўз навбатида В.А. Тишков макон ва замон ҳамда бугунги кунда долзарб бўлиб турган терроризм, экстремизм, миллатчилик, сепаратизм, диаспоралар, кам сонли миллий гуруҳлар тушунчаларини “ижтимоий антропология” нуқтаи назаридан таҳлил қилади. Унинг фикрича, турлитуман маҳаллий қарама-қаршиликлар тарихий ва этник муаммолардан эмас, балки “замонавий муаммоларга оид ижтимоий макондаги замонавий иштирокчиларнинг замонавий ихтилофлари”дан пайдо бўлади ва ўз навбатида бу вазиятда миллий адоват ва агрессия сунъий тарзда атайлаб авж олдирилади. (Рыбаков, 2004. С.31.) Бизнингча, бундай кескин қараш советлар тузумидан кейинги собиқ иттифоқ олимлари орасида гарчи дастлабки янгича қараш бўлсада, лекин муаммонинг тўлиқ ечимини англатувчи мукамал жавоб эмас, балки бирмунча баҳсли, лекин эътиборга сазовар конструктивистик мулоҳазадир.

Конструктивистик қараш асосан ғарб (янада аниқроқ қилиб айтадиган бўлсак инглиз тилли мамлакатлар)даги социал антропологлар орасида кенг тарқалган бўлиб бу борада «плюралистик жамият» муаммосини ишлаб чиққан М. Смит ва Ф. Бартларнинг концепциялари жуда машхурдир. Ф. Барт этнологияда ўзига хос «коперникча ўзгариш» қилиб, «маданий фарқлар ижтимоий тузилма ва ўзаро ҳаракатлар натижасидир»-деб таъкидлайди. (Barth, 1969. P. 9-17). Унинг фикрича,

этник ўзликни англаш этникликнинг энг муҳим аломатларига кирмайди. Муаллиф этникликни аниқлашда этносга хос хусусиятлардан кўра унинг ҳозирги даврдаги фарқли ва гуруҳий чегарасига хос маданий тавсиф ҳал қилувчи аҳамият касб этади ва айнан мазкур хусусиятлар бир маданий жамоани иккинчисидан ажратиб туради-деб таъкидлайди (Barth, 1969).

Конструктивистик қараш тарафдорлари бўлган ғарблик ва россиялик тадқиқотчилар этнос ва миллатнинг тарихийлик принциплари асосида пайдо бўлганлигини буткул рад этадилар ва бугунги кундаги замонавий этнослар, жумладан, Ўрта Осиё миллатлари (миллий республикалар ҳам) узоқ муддатли ривожланиш натижасида эмас, балки совет ҳокимиятини маҳаллий раҳбарлар ва зиёлилар кўмагида сунъий равишда барпо бўлган деган ғояни илгари сурадилар. (Абашин, 2004. С.38-102; Абашин, 2004. С.83). Бизнингча, бундай қараш маълум маънода тарихий воқеликдан кўз юмишга, этно-миллий тарихдан воз кечишга қаратилган ва энг муҳими мавжуд назария ҳамда қарашларни нотўғри, ноўрин қўлланишидир.

Хулоса тарзида таъкидлаш лозимки, этнологияда, ижтимоий гуманитар фанлар тизимида ҳозирги кунга келиб этнос ва этниклик муаммоси доирасида юртимимиз ва хорижий мамлакатлардаги мутахасис олимлар томонидан қатор эътиборга сазовор қарашлар ва назариялар яратилган. Шубҳасиз мазкур муаммо доирасида А. Асқаров ва К. Шониёзов каби ўзбек олимларининг ҳам ўзига хос ўрни бор деб иккиланмай айтишимиз мумкин. Юқорида номи зикр этилган олимлар ўзбек халқининг этногенези ва этник тарихи муаммоси қатор йиллар давомида тадқиқ қилиш асносида ўзига хос мактаб яратган тадқиқотчилар ҳамдир. Бироқ мазкур муаммо доирасида йирик фундаментал тадқиқотлар бажарилиганига қарамай мутахасислар орасида этнос ва этниклик муаммосига оид ягона мукамал концепция мавжуд эмас. Бизнингча, яқин келажакда этникликка оид тадқиқотлар янада жадал баҳсли тарзда давом этади ва балки яқин келажакда ҳозирги мавжуд қарашлар асосида эт-

никликка оид янгича қарашларга асосланган мукамал назариялар яратилса ажаб Эмас.

Адабиётлар:

1. Абашин С.Н. Население Ферганской долины (к становлению этнографической номенклатуры в конце XIX - начале XX века) // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. - М., 2004.
2. Аскарлов А.А. Некоторые аспекты изучения этногенеза и этнической истории узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. - Ташкент, 1985.
3. Аскарлов А.А. Ўзбеклар қандай келиб чиққан // Фан ва турмуш. Тошкент, 1985. №3, 4.
4. Аскарлов А. Ўзбек халқи этногенез ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик асослари // O'zbekiston tarixi 2002. № 4.
5. Аскарлов А. Ўзбек халқи этногенези ва этник тарихининг баъзи бир назарий ва илмий методологик масалалари // «Ўзбек халқининг келиб чиқиши: илмий-методологик ёндашувлар, этногенетик ва этник тарих» мавзусидаги илмий семинар материаллари. - Тошкент, 2004.
6. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
7. Заринов И. Социум-этнос-этничность-нация-национализм // ЭО. 2002. № 1. М., 2002.
8. Колпаков Е.М. Этнос и этничность. ЭО. М., 1995.
9. Комаровф Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1994.
10. Кушнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 8. М., 1949.
11. Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы // Труды Института этнографии. Т.15. М., 1951.
12. Садохин А.П. Этнология. Учебник для высших учебных заведений. - М., 2000.
13. Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.
14. Тишков В.О. Нации и национализм. Свободная мысль. 1996. № 3.
15. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union. The Mind Aflame. London, 1997.
16. Тишков В.А. О феномене этничности // ЭО, М., 1997. № 3. С.3-13.
17. Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001.
18. Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003.
19. Токарев С.А. Проблемы типологии этнических общностей. (К методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. М., 1964. № 11.
20. Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологизации этнических общностей в трудах советских ученых // СЭ. М., 1967. №4.
21. Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО. 1994. №6.
22. Широкогоров С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Известия восточного факультета Дальневосточного университета. Вып. XVIII. Т. 1. Шанхай, 1923.
23. Шониёзов К. Ўзбек халқи шаклланиш жараёни. Тошкент, 2001.
24. Элез А. Критика этнологии. М., 2001.
25. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / Ed de F. Barth Bergen, Oslo, London, 1969.
26. Barth F. Introduction // Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organisation of Culture Difference / Ed de F. Barth Bergen, Oslo, London, 1969.
27. Brubaker R. 1997. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. Cambridge, 1997.
28. Glaser N., Moynichan D.P. 1975. Intiroduction//Ethpicity: Theory and Experience/Ed.bu N. Glaser, D.P.Moynichan. Cambrige,1975.
29. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union. The Mind Aflame. London, 1997.
30. Warner L. Lint P.S. The Status System of a Modern Community. New Haven, 1942.

М. Жўрақулов

ФИДОЙИ АРХЕОЛОГ ВА ЗУККО МУРАББИЙ (академик А. Асқаров таваллудининг 70 йиллиги муносабати билан)

Тошкент давлат педагогика университети нафақат Ўзбекистонда, балки Марказий Осиёда етакчи илмий, маърифий марказлардан ҳисобланади. Бу даргоҳни битирганлар орасида ўнлаб давлат ва жамоат арбоблари, ёзувчилар, шоирлар, академиклар, профессорлар бор, улар жамиятимиз ривожига муносиб ҳисса қўшганлар ва қўшиб келмоқдалар. Шундай алломалардан бири академик Аҳмадали Асқарович Асқаровдир.

А.Асқаров билан археология йўналишида ҳамкорликда фаолият юритилаётганимизга ҳам қарийб 45 йил бўлди. Бу инсон билан 1961 йили Санкт-Петербургда (Ленинград) танишганмиз. Шу йили мен аспирантурага кириб, уни ўташ учун Санкт-Петербургдаги собиқ Иттифок Фанлар академиясининг археология институтига йўлланма олган эдим. А.Асқаров эса шу институтда проф. М.П. Грязнов илмий раҳбарлигида аспирантуранинг охириги йилини ўтамоқда эди. Айни пайтга у акад. Я.Ф. Фуломов раҳбарлик қилган Мохандарё археология экспедицияси таркибида Зарафшон воҳасининг қуйи этакларида, хусусан, Қорақўл тумани худудларида дала тадқиқот ишлари олиб борар, энеолит ва бронза даврларига мансуб моддий-маданиятни ўрганар эди. Жумладан у бронза даврига доир Замонбобо қабристон мисолида Зарафшон воҳасида яшаган деҳқон-чорвадор қабилаларининг маданият тарихини ўрганари ва илмий кашфиёт сифатида фанга олиб киради. А. Асқаров ёқлаган номзодлик диссертациясининг асосий илмий манбаи ана шу ёдгорликлар бўлиб қолади. У билан баб-баравар Ў. Ислотов ҳам мезо-неолит даврига доир муҳим ёдгорликларни тадқиқ қилади. Ана шу манбалар негизида 1966 йилда Я.Г. Фуломов Ў. Ислотов, А. Асқаровлар ҳаммуаллифлигида Қуйи Зарафшон ҳавзаси ибтидоий маданият тарихи асари майдонга келади. Бу асар муҳимлиги

жиҳатидан ҳозиргача ўз илмий мавқеини сақлаб келмоқда.

Санкт-Петербургда ўқиб юрган йилларимда А. Асқаров билан тез-тез учрашиб, илм соҳасида суҳбатлашиб турардик. У менга археология фанининг ўзига хос хусусиятлари, уни пухта эгаллаш учун нафақат билим, шунингдек, сабр-тоқат ва бардош ҳам бўлиши лозимлиги ҳақида гапирарди. А. Асқаров ўша йиллардаёқ, проф. М.П. Грязнов раҳбарлигида Жанубий Туркманистондаги Жойитун неолит жамоалари маданият тарихини ўрганишдаги дала археологик қазишма ишларида қатнашиб, муайян тажриба тўплаган эди.

А. Асқаров ўша йилларда Санкт-Петербург шароитида жуда камтарин турмуш кечирарди. Унинг ота-онаси 8 фарзандни тарбиялаш билан банд эди. Уларнинг оила даромади ҳам ўзига яраша бўлиб, Аҳмадалини моддий жиҳатидан қўллаб-қувватлашга «орқадан мадад» йўқ эди. Шунга қарамасдан, у аспирантлик стипендиясини мақолаларининг нашр қилинишига, китоблар харид қилишга сарфлар эди.

А. Асқаров Тошкентдан моддий ва маънавий мададни ўша вақтдаги ЎзФА Президенти Ҳабиб Муҳаммедович Абдуллаев ва академик Яҳё Фуломович Фуломовдан олиб турган. Бу ҳақда Аҳмадали бизларга бу ажойиб инсонларнинг ибратли ҳаётлари ва кўрсатган беминнат ёрдамларини мамнуният билан сўзлаб берар эди. Айниқса, Тошкентда ижара уйда туриб, оилавий қийналиб юрган бир пайтда Ҳабиб Муҳаммедович унга уч хонали уй берганлиги ҳақидаги хурсандчилигини ниҳоятда тўлқинланиб гапириб берган.

Асосий мавзудан чекиниш бўлса-да, бир гапини айтишга тўғри келади. Археология фанида Зарафшон ҳавзасининг ўрта музофотларида кенг қўламда археологик тадқиқотлар олиб бориб, тош

даврига доир бир неча ёдгорликларни кашф қилган ва Ватанимизнинг жанубий сарҳадлари тарихи нақадар қадимий эканлигини исботлаб берган СамДУ доценти Д.Н.Левнинг хизматлари ҳам катта бўлган.

Давид Натанович Лев (1905-1969) аслида гомеллик бўлиб, таниқли археолог олим В. А.Городцовнинг шогирди эди. Д.Н.Лев бу олимнинг уюштирган илмий экспедицияларида иштирок қилган, археологик дала тадқиқот ишлари бўйича таълим олган ва малакавий касбини оширгандан сўнг Санкт-Петербургда антропология ва этнография марказий музейида, кейинчалик Моддий-маданият тарихи институтида ҳам илмий ходим бўлиб ишлаб юрган. Шу йиллар уруш бошланади ва у киши Самарқандга эвакуация қилинади. Самарқанддаги Ўзбекистон маданияти тарихи музейида ишлайди. 1944 йилда университет ректори Муса Мўминов уни университетига ишига таклиф қилади. У тарих факультетининг умумий тарих кафедрасида педагогик ва илмий фаолиятини бошлайди ҳамда умрининг охиригача шу кафедранинг бошқариб, ёш тарихчи мутахассислар тарбиялаш ишига ўзининг муносиб ҳиссасини қўшади.

Д.Н.Лев 1944 йили Зарафшон ҳавзасида биринчилардан бўлиб тош даври тарихини ўрганишга киришди. Дала экспедиция ишларини йўлга қўйди ва Зарафшон тоғининг шимолий-шарқий беткайларини ўрганди. Кейинчалик Омонқўтон, Такалिसой мустье даври ғор маконларини кашф қилиб, Жанубий Ўзбекистоннинг Тешиктош ғоридаги неандертал типидagi одамлар танҳо яшамаганлигини, бундан қарийб 80-40 минг йиллар аввал бундай жамоа гуруҳлари кенг музофотларда, жумладан, Зарафшон ҳавзаси минтақаларида ҳам мувозий яшаб, маданият яратиш келганлигини биринчилардан бўлиб исботлаб берди. Урушдан кейинги йилларда дала тадқиқот ишларини йўлга қўйиш анча мураккаб эди. Аммо Д.Н. Левнинг археологик изланишлари билан боғлиқ фаолиятини И.М. Мўминов, В.А. Шишкин, Я.Ф. Фуломовлар доим қўллаб-қувватлаб

турдилар.

А.Асқаров Д.Н.Левнинг фандаги хизматларини доим қадрлади. Д.Н.Лев билан у 1960 йили Самарқанд палеолит маконини қазиб ўрганиш вақтида танишган. Д.Н.Лев бу маконда тадқиқот ишларини 1958 йили ёз пайтларида бошлаган. А.Асқаров Я.Ф.Фуломов билан Самарқандга келиб, Д. Н.Лев фаолияти билан танишган эди. Мен ҳам ўша пайтларда Д.Н.Лев раҳбарлигида тадқиқотларда қатнашиб келардим. Шу йиллардан Д.Н.Лев ва А.Асқаров ўртасидаги илмий ҳамкорлик бошланди ва узок йиллар давом этди.

1964 йили Ургут тоғ этақларида жойлашган Мўминобод қишлоғи атрофида бронза даврига оид қабристоннинг топилиши фанда муҳим воқеа бўлди. Бу ишда А.Асқаров Д.Н.Левга илмий ҳамкорлик қилди.

Ўтган асрнинг 60-йилларида Самарқанд шаҳрининг 2500 йиллигини нишонлашга тайёрлик ишлари олиб борилиб, бу жараёнда унинг тарихи билан боғлиқ илмий тадқиқотлар ҳам бажарилди. Шулардан бири икки жилдан иборат Самарқанд тарихини яратиш ва нашрга тайёрлаш масаласи эди. Бу ишда Д.Н. Лев билан А. Асқаров жонбозлик кўрсатишиб, «Самарқанд худудида одамзод ҳаётининг энг қадимги излари» номли Самарқанд тарихининг биринчи жилди, биринчи бобини тайёрлаб бердилар. Бу маълумотлар орқали Самарқанднинг энг қўхна тарихи биринчи бор ёритиб берилди ва шу сабабли у ғоятда муҳим илмий аҳамиятга эга бўлди (Самарқанд тарихи, I том, 1971, б. 21-30).

Ўтган асрнинг 60-йилларида ЎзФА тизимида Археология институтининг очилиши ва уни Самарқанд шаҳрида ташкил қилиш масаласи кўтарилди. Бу масаланинг ижобий ҳал бўлишида академиянинг вице-президенти И.Мўминовнинг ҳиссаси катта бўлди. А.Асқаров бу масалада у билан ёнма-ён фаолият кўрсатиб, янги институтнинг илмий ишлар бўйича директор ўринбосари этиб тайинланди. Институт 1970 йили очилди ва ишга тушди. А.Асқаров институт

директори бўлиб фаолият бошлади. Бу илмий марказнинг атрофларини боғроғга айлантирди ва мутахассис ёш кадрлар билан таъминлаб, уни Марказий Осиёдаги йирик илмий марказлардан бирига айлантирди.

Археология институтини ташкил қилиш ва у бир маромда илмий фаолият олиб боришни таъминлаш дастлабки йилларда осон кечмади. Уни янги технология билан жиҳозлаш, илмий кутубхона захирасини ташкил қилиш, кенг кўламда дала тадқиқот ишларини йўлга қўйиш каби ишлар катта меҳнат талаб қиларди. А.Асқаров бу муаммоларни ўзининг қатъиятлилиги, зукко ташкиловчилиги туфайли ҳал қилди, институтни Республикамиздаги етакчи илмий марказлардан бирига айлантиришга эришди.

А.Асқаров зукко олим сифатида Самарқанд давлат университети, хусусан, унинг археология кафедраси билан мустақам алоқада бўлди. Бу ерда талаба ва тадқиқотчиларга махсус курслар бўйича маърузалар ўқиди, аспирантларга илмий раҳбарлик қилди, якуний давлат аттестацияси раёсати раислигини бажарди, Республика, халқаро миқсда илмий анжуманлар уюштиришда жонбозлик кўрсатди.

А.Асқаров билан 1960 йилларда дўстлашганмиз. Муносабатларимиз доимо пок ва беғараз бўлган. Самарқандда у билан тез-тез учрашиб турардик. Бу учрашувларда мамлакатимизда амалга оширилаётган туб ислохотлар ва у билан боғлиқ бўлган илм-фан ривожини ҳамда оилавий ҳаётдан суҳбатлар курардик. Ана шундай суҳбатлардан бирида А.Асқаров ўз туғилган жойи - Наманган вилояти Норин туманидаги Учтепа қишлоғининг ниҳоятда сўлимлиги, гўзаллиги ҳақида тўлқинланиб гапирганлигини эсламан. Ўшанда у менда ҳам шундай кечинмалар бўлиб турадим, деб сўраган эди. Мен ҳам саволга жавобан ўзим туғилиб ўтган Нурота туманидаги Боғажот қишлоғи ҳақида сўзлаб, бу қишлоқ чўлда содир бўлган бир дўнглик остидан сизиб чиқадиган чашма атрофида жойлашганлигини, йилнинг апрел-май ойларида бу атрофда гул ва қизғалдоқлар

очилиб, ниҳоятда гўзал гўшага айланиши, сўлим жойлиги, қадимда Бухородан йўл олган Буюк Ипак йўли карвонлари Нурота билан бизнинг Боғажот қишлоғи орқали ўтиб, чашма сувидан баҳраманд бўлганлиги туғрисида ҳикоя қилганман. Бу ҳақда 100 ёшга кирган бобом тарихий -этнографик йўсинда ҳикоялар қилиб берганлигини ҳам айтганман. Бу борада кўп гапиришга ҳожат бўлмади. Сабаби, А.Асқаровнинг ўзи гапни гапга улаб кетди. Самарқандда яшаб қолган ҳамқишлоғимиз уруш ва меҳнат фахрийси Тўйчи ака Жумаев билан бу қишлоқни кўрганлиги ва Нурота воҳасида археологик кузатув ишлари олиб борганлиги, бу қишлоқ атрофида жойлашган катта тепалик бир вақтлар воҳанинг йирик қишлоқ - кўрғони бўлиб, милодий VIII аср бошларида уни араб, XIII асрнинг бошларида эса мўғул -татар истилочилари вайрон қилганлигини гапириб, бу ҳодисаларнинг бўлиб ўтганлигидан гувоҳлик берувчи моддий ашёлар, хусусан, топилган сопол парчалар шундан далолат беради, -деди А. Асқаров.

Дарҳақиқат, Чингизхон лашкарлари 1220 йили Нуротада бир кун тунаб, Нурота воҳаси орқали Самарқандга кириб келганлиги манбаларда қайд этилган. А.Асқаровнинг бу дала кузатув ишларида маълум сабабларга кўра қатнаша олмаганлигидан, ўз она қишлоғимнинг тарихини археологик жиҳатдан жўяли ўрганмаганлигимдан ҳозиргача афсусланиб юраман. Аммо ўтган асрнинг 60-йилларида А.Асқаровнинг Қўшрабат туманига уюштирган дала археологик кузатув ишларида қатнашдим. А.Асқаров билан бирга Қўшрабат марказига келиб, сўнг унинг шимолий-шарқий музофотларида ястаниб, катта худудни эгаллаб ётган баланд тоғ сари йўл олганимиз эсимда. Бу баланд чўққилардан иборат тоғни маҳаллий аҳоли Бешбармоқ тоғи деб атайдилар. Тоғбағри билан бир неча сойларни кузатиб, антик ва ўрта асрларга тегишли қишлоқ - кўрғонларни, тоғ дараларида эса бир неча карст ғорларини ўргандик. Бироқ вақт озлиги

туфайли режалаштирган ишларни охиригача бажаришга улгурмадик. А.Асқаровнинг хулосасига кўра, Қўшработ тумани келажакда археологик тадқиқотларнинг истиқболли объектларидан бири бўлиб қолиши мумкин.

А.Асқаровнинг ўтган аср 60-йиллар охирларида олиб борган тадқиқот ишлари археология фанида йирик кашфиётлар ҳисобланиб, мутахассислар томонидан катта таҳсинга сазовор бўлди. Жумладан, шу йилларда Қадимги Бақтрия археологияси соҳасида кашфиётлар қилинди. Жанубий Ўзбекистон худудида Қадимги Шарқ цивилизациясининг янги ўчоғи - маркази очилди. Бронза даври Қадимги Шарқ цивилизациясининг Бақтрия марказини жаҳон илмий жамоатчилигига етказишда А. Асқаровнинг хизмати катта бўлди. Ўша пайтларда В.И.Сарианиди собиқ Совет-Афғон археологик экспедицияси таркибидан яқин 10 йил давомида Шимолий Афғонистонда кенг дала тадқиқот ишлари олиб бориб, 30 дан ортиқ бронза даври ёдгорликларини ўрганган эди.

А.Асқаров ҳам Қадимги Бақтрия бронза даври цивилизациясини ўрганиш ишини В.И.Сарианиди билан бир вақтнинг ўзида Жанубий Ўзбекистонда бошлади. У Сополлитепа, Жарқўтон, Бўстон каби йирик ёдгорликларда кенг археологик қазиш ишлари ўтказиб, Ўзбекистоннинг жанубий музофотлари мил. авв. II мингинчи йилликда Қадимги Шарқ цивилизацияси минтақасига тортилганлигини, Жанубий Ўзбекистон ерларида Шарқ илғор цивилизацияси сингари маданият мувозий ташкил топганлигини бой археологик манбалар асосида исботлаб беришга эришди. Шунингдек, Қадимги Бақтриянинг Сополлитепа ва Дашли тоифасидаги ёдгорликларида олиб борилган археологик илмий тадқиқот натижаларига кўра, бу ўлканинг бронза даври цивилизациясининг шаклланишида Қадимги Марғиёна деҳқон жамоаларининг таъсири бўлганлиги, аслида эса Марғиёна Бақтрия археологик мажмуасининг ягона негиз мағзида содир бўлганлиги каби муаммовий масалаларнинг оидинлаштирилишида

А.Асқаровнинг хизматлари катта бўлди.

А.Асқаровнинг кўп йиллик тадқиқотлари натижаларига кўра, мил. авв. II мингинчи йиллик давомида Намозгоҳ маданияти меросхўрларининг Шимолий Бақтрия ерларида қатор қишлоқлари қад кўтарганлиги маълум бўлди. Бақтрия ўлкасида бу даврда янги деҳқончилик микровоҳалари, воҳанинг бир неча кичик қишлоқларини ўз камровига олган йирик марказ қишлоқ - кўрғонлар ташкил топган бўлиб, ана шундай марказ қишлоқ-кўрғонлардан бири Сополлитепа эди.

1969-1974 йиллар давомида А.Асқаров олиб борган кенг археологик қазишмалар туфайли ёдгорлик тўлиқ ўрганилди. Бу ишни бажариш тадқиқотчидан кунт, бардош, сабр-тоқат ва энг муҳими, чуқур назарий билимни талаб қиларди. А.Асқаров ана шу талаб ва тамойилларга муносиб тадқиқотчи сифатида жаҳон мутахассислари орасида ўзини намоён қила билди (Асқаров А., 1973). Сополлитепа қишлоқ - кўрғони хилма-хил археологик манбаларга бойлиги ва бу ерда аждодларимиз яратган юксак маданиятнинг ўзига хослиги туфайли бу ёдгорлик «Сополли маданияти» номи билан тарих фанида ўзининг муносиб ўрнига эга бўлди.

Сополлитепа материалларини кенг кўламда ўрганишга эришган А.Асқаров қатор илмий хулосалар ва қимматли илмий асарлар яратди. Бу тадқиқотлар туфайли, аввало, Ўзбекистон худудида сунъий суғоришга асосланган ўтроқ деҳқончилик хўжалигининг келиб чиқиш тарихи минг йилга қадимийлашди. Ўзбекистоннинг қадимги ўлкаси бўлиб келган Шимолий Бақтрия музофотлари Қадимги Шарқ маданияти ёйилган минтақага кирганлиги асослаб берилди.

Шунингдек, илк шаҳарлар тарихи ҳақидаги тасаввурларимиз ҳам роса минг йилга қадимийлашди. Сополлитепа қишлоқ - кўрғони планлаштирилуви натижасида Ўрта Осиёда ва Эрон халқлари ўтмиш тарихининг нодир ёзма манбаи ҳисобланган «Авесто»да таърифланган қадимги шаҳарларнинг археологик исботи кўлга киритилди. Энг муҳими,

агар авваллари Турон замин хуудида илк шаҳарнинг пайдо бўлиши негизлари Эрон хуудларидан қидирилган бўлса, эндиликда А.Асқаров тадқиқотлари туфайли Ўзбекистон илк шаҳарларининг келиб чиқиш негизи, моддий ва маданий асоси мамлакатимизнинг жанубий минтақаси эканлиги исботланди.

Хуллас, Сополлитепа ёдгорлиги Ўзбекистон ва қўшни Тожикистон халқлари тарихига бой хазина бўлиб фанга кирди. Шунинг учун ҳам бу маконда олиб борилган тадқиқотларнинг якуни 1970 йилларнинг йирик илмий кашфиёти сифатида фан оламида муносиб жой эгаллади.

Шундай қилиб, А.Асқаров Сополли маданияти Қадимги Шарқ цивилизациясининг ажралмас қисми, унинг мил.авв. II минг йилликда Ўрта Амударё ҳавзасида, Қадимги Бактрия музофотида ташкил топган янги маркази эканлигини бой археологик манбалар асосида исботлаб берди.

А.Асқаров бу ютуқлар билан қаноатланган эмас. У Сурхондарёнинг Шеробод ва бошқа туманларида дала тадқиқот ишларини давом эттирди ва бронза даврига доир янги-янги ёдгорликларни топди ва фан учун ниҳоятда қизиқарли натижаларни қўлга киритди. Булар Жарқўтон ва Бўстон, Култепа ва Мўлолтепалар бўлиб, улар асосан, Сурхондарё вилоятининг Шеробод, Шўрчи минтақаларида жойлашгандир (Асқаров А., 1977).

Мамлакатимизнинг жанубий сарҳадларида жойлашган Жарқўтон илк шаҳар сифатида муҳим аҳамиятга эгадир. Бу баҳайбат йирик ёдгорликни қазиб ўрганишда А.Асқаров алоҳида ташаббус кўрсатди. Бундай мураккаб ва қийин ишларни бажаришда у олийгоҳлар талабаларининг дала археологик амалиётларидан унумли фойдаланар ва шу билан бир вақтда, ёшларда юрт тарихи ва унинг юксак маданияти ҳақида ватанпарварлик туйғуларини уйғотарди, уларга муайян таълим-тарбия сабоқларини сингдиради.

Академик А.Асқаров Ўрта Осиё, шунингдек Яқин Шарқ олимларининг археология соҳасида эришган ютуқлари билан

боғлиқ катта ҳажмдаги манбаларни ўрганиб чиқиши туфайли фанимизга муҳим илмий хулосалар берди. Бу хулосаларга кўра, бронза даврининг Намозгоҳ VI маданияти Қадимги Шарқ цивилизациясининг ажралмас қисми бўлиб, бу даврда протогород типдаги илк шаҳар маданияти ривожланишида давом этган. Ишлаб чиқариш жамоалари доирасида ижтимоий ва иқтисодий дифференция нисбатан секин бўлса-да, бу жараённинг узлуксиз давом этганлиги ҳам шу тарзда исботланди.

А.Асқаров Сополлитепа ва унга тегишли маданиятга мансуб ёдгорликларни қазишни тугаллагандан сўнг Б.Абдуллаев билан ҳамкорликда бронза даврининг сўнгги босқичларига доир Жарқўтонда қазишма ишларини олиб бориб, яна муҳим илмий хулосаларга эришди. Бу Жарқўтон ёдгорлиги бронза даврини бир неча босқичларга бўлиб ўрганиш имкониятини берди. Ёдгорлик Сополлитепада кузатилган уч даврга оид қурилиш босқичларининг хронологик даврий системасини ишлаб чиқишга туртки бўлди. Натижада, Сополлитепа материалларини икки хронологик босқичга бўлиб ўрганиш имконияти туғилди. Сополлитепанинг қуйи икки қурилиш босқичи асосан бир хил материалга эга эканлиги аниқланиб, унинг юқори қатлами, учинчи қурилиш босқичидаги археологик материалларда баъзи бир ўзгаришлар борлиги кузатилди. Сополлитепанинг юқори қатламига доир бу янги ўзгаришлар Жарқўтон ёдгорлигининг қуйи қатлами материаллари билан айнан ўхшашлиги аниқланди. Шунинг учун бу тадқиқотчи Сополлитепадаги иккита қуйи қатламни «Сополли» босқичи, унинг юқори қатламини эса «Жарқўтон» босқичи деб фанга киритди.

Шундай қилиб, А.Асқаровнинг тадқиқотлари туфайли Жанубий Ўзбекистоннинг бронза даврига оид ёдгорликларининг хронологик даврий тизими ишлаб чиқилди. Бу тадқиқот ниҳоятда муҳим аҳамиятга эга бўлиб, А.Асқаровнинг шу асосда яратган асарлари мамлакатимиз бронза даври маданият тараққиётининг

динамикаси калитини берди. Шунинг учун ҳам олимнинг яратган асарлари кўп йиллар ёш археолог олимларимиз тадқиқотлари учун муҳим илмий-методик қўлланма сифатида хизмат қилади.

Юқорида айтганимиздек, А. Асқаровнинг илмий тадқиқот соҳасида эришган йирик хизматларидан бири Жарқўтон илк шаҳрини ўрганиш билан боғлиқдир. А.Асқаров раҳбарлигида Жарқўтонда олиб борилган қазишма ишлар туфайли бу ёдгорликнинг эр. авв. II минг йилликнинг иккинчи ярмига мансуб йирик шаҳар марказларидан бири бўлганлиги, Жарқўтонда илк шаҳарга хос бўлган барча хислатлар - қалъа, шаҳристон, мудофаа девори, сарой, ибодатхона, кулолчилик марказлари борлиги аниқланди. Бу олим яратган муҳим хулосаларидан яна бири илк шаҳарлар асосан юқори ривожланган суғорма деҳқончилик негизидан келиб чиққан, ижтимоий иқтисодиётнинг маҳсули сифатида вужудга келганлиги ва ўз замонининг социал буюртмаси эканлигини асослаб беришда ҳам эди. «Илк шаҳарнинг туғилиши, синфий жамият ва давлатчилик маданиятининг шаклланиши диалектик уйғунликдаги жараён» деб хулоса беради А.Асқаров (Асқаров, Ширинов, 1993, б. 144).

Ўтган асрнинг иккинчи ярмида олиб борилган кенг кўламдаги археологик изланишлар натижасида Қадимги Шарқ цивилизациясининг буюк икки маркази - Шумер ва Ҳинд оралиғида худди шу каби яна бошқа шаҳар маданияти юқори ривожланган марказлар Сеистон, Белужистон, Хуросон, Марғиёна, ва Бактрия цивилизациялари борлиги аниқланди. Ушбу юртларда эр. авв. III мингинчи йиллик охири ва II мингинчи йилликларга тааллуқли бўлган ўнлаб илк шаҳарлар очиб ўрганилди. Ўрта Осиёда, жумладан, Ўзбекистоннинг жанубий сарҳадларида, Қадимги Шарқ цивилизацияси тизимида кирувчи илк шаҳар маданияти ўчоқлари мавжудлиги аниқланди. Шундай илк шаҳарлардан бири А.Асқаров иштирокида ўрганилган Жарқўтон бўлиб, у эр. авв. II минг йилликнинг иккинчи ярмига мансуб,

майдони 100 гектарга яқин йирик шаҳар эканлиги аниқланди (Асқаров, Абдуллаев, 1983).

А.Асқаровнинг Л.Альбаум билан ҳамкорликда кўп йиллик қазишмалар туфайли ўрганган Қадимги Кучуктепа илк шаҳри ва бу тадқиқотлар туфайли қўлга киритилган археологик манбалар Жанубий Ўзбекистон минтақаларида Жарқўтондан сўнгги даврларда ҳам шаҳарланиш маданиятининг узлуксиз ривожланишини кўрсатди. Бу ёдгорлик ҳақида яратилган асар муҳим илмий аҳамиятга моликдир (Асқаров, Альбаум, 1979).

А.Асқаров қарийб ярим аср археология соҳасида тинимсиз ва муваффақиятли тадқиқотлар олиб борди ва кўпгина муҳим ёдгорликларни ўрганиши туфайли бой амалий ва назарий тажриба орттирди. Бу борада унинг яна бир йирик хизмати - илк шаҳарлар ҳақидаги тушунча тамойилларини янги ёндашув асосда ишлаб чиққанлигидир (Асқаров, Ширинов, 1993, б. 10-24).

А.Асқаров шогирди Т.Ширинов билан биргаликда илк урбанизациянинг назарий муаммолари, шаҳар тушунчаси, унинг асосий элементлари, сон ва сифат жиҳатлари, унинг структура - морфологик ва функцияси сингари муаммовий масалаларнинг ечимини ишлаб чиқди. Ўрта Осиё илк шаҳарларининг ўзига хос хусусияти, шаҳарлашиш факторлари, хуллас, цивилизация тушунчасининг асосий тамойиллари ва шаҳар - давлатлар ҳамда Ўзбекистонда давлатчиликнинг ташкил топиш йўллари, босқичлари, шунингдек, давлатчилигимиз маданият тарихининг 3,5 минг йилдан кам эмаслигини бой археологик манбалар орқали асослаб беришга эришган забардаст, жасоратли, фидойи мутахассис эканлигини намоён қилди.

А.Асқаровнинг бу йўналишда яратган капитал асарлари шаҳарлашиш цивилизацияси тарихини ўрганишда мутахассислар учун ҳам назарий, ҳам амалий жиҳатлардан беминнат хизмат қилаверди.

Менинг тасаввуримда, у ҳеч қачон саяёз, энгил-елпи асарлар ёзишга қўл урма-

ган, яратган илмий ишлари доимо фаннинг глобал масалалари ечимига қаратилган ва давр талаби, ватанпарварлик, миллий ғурур ва ифтихор туйғуси билан суғорилган. Шунинг учун ҳам А.Асқаровнинг фаолияти ёш олимларимиз учун ҳамиша ибрат мактаби бўлиб хизмат қилаверади.

Ўзбекистон Фанлар академиясининг ҳақиқий аъзоси, Германия Археология институтининг мухбир аъзоси, Ўзбеки-

стонда хизмат кўрсатган фан арбоби, Беруний номидаги давлат мукофотининг совриндори, тарих фанлари доктори, профессор Аҳмадали Асқарович Асқаров таваллудининг 70 йиллиги муносабати билан бу забардаст олимни сидқидилдан табриқлаймиз. Бу мўътабар фидойи археолог олимга соғлиқ-саломатлик, узок умр тилаган ҳолда, илмий ишларида муваффақиятлар доимо ёр бўлишини истаб қоламиз.

Адабиётлар:

1. Фуломов Я.Ф., Исламов У.И., Асқаров А.А., Ибтидоий маданият ва Зарафшон этакларида суғориладиган деҳқончиликнинг вужудга келиши. Тошкент.
2. Самарқанд тарихи. II томлик. Том I., -Тошкент.
3. Асқаров А.. Сополлитепа - Тошкент, 1973
4. Асқаров А.. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
5. Асқаров А. Альбаум Л. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979.
6. Асқаров А. Абдуллаев Б. Джаркутан. Ташкент, 1983.
7. Асқаров А. Ширинов Т. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.

ЗАМЕТКИ

Б. Сайфуллаев

«ОБИ-РАХМАТ ОДАМИ» ҲАҚИДА АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

Замонавий типдаги одам, илмий тилда «хomo сапиенс сапиенс» (*homo sapiens sapiens*) деб аталади ва бу атама, лотинчадан олинган бўлиб, «ақлли одам» маъносини билдиради.

Ўтган асрнинг 80-йилларидан бошлаб мутахассислар замонавий типдаги одамни бундан 50-60 минг йиллар бурун пайдо бўлган, деб ҳисоблашардилар. Кейинчалик, Яқин Шарқдан топилган архаик хомо сапиенсларнинг тош индустрияси ва суяк қолдиқлари 100 минг йиллар билан саналанди (Fagand, 1981, p. 80-100).

Сўнгра Марказий Африкадаги Сахройи Кабирнинг жанубидан замонавий типдаги аёл кишининг суяк қолдиқлари топилди ва у 150 минг йиллар билан саналанди. Унинг митохондрияларини (АДН) ўрганиш ва уларни ҳозирги одамлар митохондриялари билан таққослаш натижасида барча одамлар жанубий Сахройи Кабирдан топилган ягона аёлдан, таркаганлиги ҳақида фикрлар билдирилди. Бу назария фанда «африкалик Ева» ёки «Нух кемаси» назарияси номлари билан машҳурдир (Grimaud-Herve, Serre, Vaxain, 2001, p. 127). Аммо бу қизиқарли гоё илмий жамоатчилик томонидан яқдиллик билан тан олинмади ва кўпгина палеоантропологлар унга танқидий кўз билан қарадилар. Умуман, ҳозирда замонавий одамнинг пайдо бўлиши масаласида фан олами иккита катта гоё тарафдорларига ажралган. Уларнинг бирлари юқорида қайд этилган «африкалик Ева» назарияси тарафдорлари бўлсалар, иккинчилари «Чилчирок» («Канделабр») ёки мултирегионал назариясини ёқлайдилар. Ушбу назарияга кўра замонавий типдаги одамлар турли континентларда бир вақтда пайдо бўлганлар. Ушбу фикр тарафдорлари Африка, Осиё, Яқин Шарқ ва Европа континентларидаги палеолит даври ёдгорликларининг давомийлигига асосландилар. Аммо, муаммо-

га қандай ёндашмайлик маълумотларнинг аксарияти замонавий типдаги илк одамнинг Африкада пайдо бўлганлигини тасдиқламоқда.

Яқин Шарқда замонавий типдаги одамлар бир неча ўн минг йиллар давомида неандерталлар билан бир вақтда яшаганлар. Бугунги кунда олимлар томонидан кўплаб тадқиқотлар олиб борилган бўлишига қарамадан, улар ўртасида қандай муносабатлар бўлганлиги номаълум бўлиб қолмоқда. Уларнинг тош индустрияси бирига жуда ўхшаш ва ҳар иккаласи ҳам мархумларни кўмганлар; агар манзилгоҳлардан одам суяк қолдиқлари топилмаса уларни бир-бирларидан ажратиш қийин.

Архаик формадаги хомо сапиенсларнинг қолдиқлари Яқин Шарқдаги Схул, Кафзех, Кебара каби ёдгорликлардан топилган ва 100-80 минг йиллар билан саналган. Уларнинг морфологик хarakterистикаси неандерталларга хос бўлган архаик элементлар билан бир қаторда замонавий тип белгиларига ҳам эга бўлган. Шунинг учун улар протокроманьонлар деб ҳисобланиб, эҳтимол, бундан 35 минг йиллар муқаддам Фарбий Европани забт этган замонавий типдаги одамларнинг (крманьонларнинг) аجدодлари бўлишган (Vandermeersch, 1981, p. 8).

100 минг йиллар муқаддам Евроосиё худудларини эгаллаган неандерталлар бундан 35 минг йиллар бурун тўсатдан изсиз ғойиб бўлдилар (Европада бундан 25 минг йиллар муқаддам яшаган айрим неандерталлардан ташқари). Неандерталларнинг бундай йўқолиб кетишлари ҳозирда жумбоқлигича қолмоқда ва буни тушунтиришга уринадиган қатор назариялар мавжуд ва уларнинг айримлари диққатга сазовордир. Бу назарияларни ўз хarakterига кўра иккига: «жанговор» ва «тинч» гоёларга ажратиш мумкин.

«Жанговор» назария вакиллари неан-

дерталлар хомо сапиенслар билан бўлиб ўтган урушлар оқибатида қирилиб кетганлар деган фикрни илгари сурадилар.

Ўтган асрнинг 60-йилларида «тинч» ғоялар фанда ҳукмронлик қилди. Уларда таъкидланишича, неандерталлар хомо сапиенслар билан чатишиб, генетик жиҳатдан сўрилиб кетганлар. Бошқа назарияларда: неандерталларнинг етарли даражада кўплаб табиий ўзгаришларга, жумладан, сўнгги музлик шароитларига мослаша олмаганликлари ҳақидаги фикрлар илгари сурилади. Аммо, ўзининг 100 минг йиллик ҳаёти давомида неандерталлар қатор музлик ва музлик оралиғи даврларидаги оғир иқлим шароитларини бошидан кечирганлар. Афтидан, неандерталлар иқлимнинг кескин ўзгаришларига дош бериш учун жисмоний ва интеллектуал жиҳатдан яхши қуролланган бўлишган. Яна бир назарияда айтилишича, неандерталлар хомо сапиенслар билан бўлиб ўтган экологик маконлар учун рақобатларга дош бера олмаганликлари оқибатида қирилиб кетганлар. Замоनावий типдаги одамлар ўзларининг юқори даражада ривожланган ақли, юксак даражада тараққий этган техникаси ва социал-иқтисодий ташкилоти билан неандерталларни сиқиб чиқариши мумкин бўлган (Gagnepain, 2001, p. 58). Ва ниҳоят, яна бир назарияда таъкидланишича, неандерталлар хомо сапиенслар томонидан келтирилган вирусли касалликлар оқибатида қирилиб кетишган (Coppens, Piquet, 2001).

Ушбу диққатга сазовор назарияларнинг биронтаси ҳам бугунги кунда археологик казишмалардан олинган маълумотлар билан тасдиқланмаган ва бу муаммолар мунозаралигича қолмоқда.

Оби-Раҳмат ғори Тошкент шаҳридан 100 км шимолий-шарқда жойлашган. Ёдгорлик 1970-йилларда Р.Ҳ. Сулаймонов томонидан ўрганилган (Сулеймонов, 1972, с. 172). 1998 йилдан бошлаб бу ерда Ўзбекистон ва Россия Фанлар академияларининг бирлашган экспедицияси илмий тадқиқот олиб бормоқда (Деревянко и др., 1998, 1999, 2001). Оби-Раҳматнинг мавжуд 22 та маданий қатламидан олинган минглаб тош буюмлар ўрта палеолит дав-

ридан сўнгги палеолитга ўтиш босқичи учун характерлидир. Бу индустрия Яқин Шарқдаги протокроманьонларнинг тошга ишлов бериш саноатига ўхшаб кетади. Натижада, Оби-Раҳматнинг тош индустрияси илк сўнгги палеолит даврига хос деб топилган ва унинг Яқин Шарқ ҳамда Олтой (Кара-бом) ёдгорликларига ўхшашлиги сабабли Яқин Шарқдан Ўрта Осиё орқали Олтойга қараб мазкур маданият соҳибларининг миграцияси содир бўлганлиги ҳақидаги қарашлар илгари сурилди. Ёдгорлик радиокарбон (40 минг йилдан зиёдрок) ва уран (80 минг йил) услублари билан саналанган.

2003 йил ғорнинг 16 маданий қатламидан қазилма одам қолдиқлари топилди, булар 10 ёшлардаги боланинг бир нечта тишлари ва бош чаноғи бўлақларидан иборат (Деревянко и др., 2003; Исламов, 2004, с. 86-87). Ушбу тишларни ўрганиш уларнинг хомо сапиенсларникига нисбатан анча йириклигини ва бу неандерталларга хос белги эканлигини кўрсатди. Бош чаноғи парчалари эса жуда юпқа бўлиб, бу замонавий одамга хос белгидир, аммо топилган индивиднинг ёш бола эканлигини назардан қочирмаслик лозим. Чунки ёш неандертал боланинг бош чаноғи ҳали юпқа бўлиши ҳам мумкин (Гланц, Виола, Чикишева, 2004, с. 77-92). Шундай қилиб, Оби-Раҳмат одами бугунги кунда на неандерталларга ва на замонавий типдаги одамларга хос деб тўлиқ ишонч билан айтиш мушкул.

Афтидан, замонавий типдаги одамларнинг архаик формалари Африкада пайдо бўлишиб, Яқин Шарқ орқали Евросиёга кириб келганлар ва ўн минглаб йиллар мобайнида эволюция жараёнини бошдан кечирганлар. Ғарбий Европа ҳудудлари эса ҳар жиҳатдан шаклланган замонавий одамлар томонидан забт этилган.

Оби-Раҳмат ғоридан олинган материаллар: тош индустрияси Яқин Шарқдаги архаик хомо сапиенсларникига жуда ўхшашлиги ва унда сўнгги палеолит учун хос бўлган тош буюмларнинг классик наъмуналари ҳамда амалий санъатга оид материаллар топилганлигини ҳисобга олсак, ёдгорлик кўпроқ архаик замонавий типдаги

одамлар маконига ўхшайди.

Оби-Раҳмат одамнинг топилиши Ўзбекистонни архаик замонавий одам таракқий қилган ва замонавий одам шаклланган ҳудудлардан бири эканлигини кўрсатади. Бундан ташқари, бу ҳудудлар замонавий одамларнинг тарқалишида бир томондан, шимолий ва шимоли-шарқий Осиёни, иккинчи томондан, шарқий ва гарбий Европани боғловчи транзит йўл вазифасини ҳам ўтаган.

Гарбий Европадаги илк замонавий типдаги одамлар маданияти - оринякнинг Шарқдан келиб чиққанлиги бугун ҳеч кимда шубҳа уйғотмайди. Адабиётларда ушбу маданиятнинг Марказий Осиёдан келиб чиққанлиги ҳақида ҳам фикрлар мавжуд: «Шарқий Сибирдан Хитойга, Ўрта Осиёдан Олтойга амалга оширилган миграцияларни кузатиш мумкин. Бундай кўчишлар замонавий типдаги одамларнинг айрим оқимлари учун ҳам хос бўлиб, улар эҳтимол, Европагача етиб келган бўлишлари мумкин. Бундай жараёнлар оқибатида ориняк маданияти Осиёда пай-

до бўлиб, бу ердан шимолий-шарқда Олтойгача, гарбда эса Европагача етиб келган бўлиши эҳтимолдан холи эмас» (Отт, Козловский, 2001, с. 59). Албатта, бундай глобал ғоялар, тасдиқловчи маълумотларнинг етарли эмаслиги сабабли кўплаб танқидларга учраши табиий (Вольпов, 2001, с. 63; Жобер, 2001, с. 69).

Маълумки, сўнги палеолит даврининг бошланиши бундан 35-40 минг йиллар муқаддам ҳар томонлама шаклланган замонавий типдаги одамларнинг ва ўзига хос маданий анъаналарнинг пайдо бўлиши билан характерланади. Сўнги мустье даври неандерталларининг ёки архаик хомо сапиенсларнинг сўнги палеолит даврига яқинлашган ёдгорликлари юқори палеолит даврини тўлиқ характерлаб бера олмайди. Шунинг учун, Оби-раҳмат ёдгорлигини даврий жиҳатдан «илк сўнги палеолит» эмас, балки ўрта палеолит даврининг охирларига хос архаик хомо сапиенсларнинг макони деб ҳисоблаш мақсадга мувофиқ бўлади.

Адабиётлар:

1. Farrand W.R., 1981. Chronology and paleoenvironments of Levantine Prehistoric Sites, in W Frey, H.P. Uermann, Beitrage zur Umweltgeschichte des Vorderen Orients, Wiesbaden, L. Reichert, p. 80-100. («Beihefte zum Tubingen Atlas des Vorderen Orients», 8).
2. Grimaud-Hervy Dominique, Serre Frederique, Bahain Jean-Jacques, 2001 – Histoires d' ancêtres, éditions Artcom, 127 p.
3. Vandermeersch B., 1981, Les hommes fossiles de Qafzeh (Israël), Paris, CNRS (« Cahiers de Paleontologie »), p. 8.
4. Gagnepain Jean, 2002. Préhistoire du Verdon (Alpes-de-haute-Provence et Var), Des origines a la conquête romaine. Aix-Provence, France.
5. Coppens Yves, 2001. L' Odysee de l'Espece. France televisions distribution, 3 edition.
6. Сулейманов Р.Х., 1972. Статистическое изучение культуры гота Оби-Рахмат. – Ташкент, 1972.
7. Деревянко А.П., Исламов У.И. и др., 1998. Исследования гота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1998 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН.
8. Деревянко А.П., Исламов У.И. и др., 1999. Исследования гота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН.
9. Деревянко А.П., Исламов У.И. и др., 2001. Ранний верхний палеолит Узбекистана: Индустрия гота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2-14) // Археология, этнография и антропология Евразии 4(8). Новосибирск.
10. Гланц М., Виола Б., Чикишева Ташкент, 2004. Новые останки гоминидов в готе Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат, изд-во ИАЭ СО РАН.
11. Отт М., Козловский Я.К., 2001. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии, в сборнике «Археология, этнография и антропология Евразии». Новосибирск, вып. 3 (7) 2001.
12. Вольпов, 2001. Комментарии к статье М. Отта и Я.К. Козловского, в сборнике «Археология, этнография и антропология Евразии». Новосибирск, вып. 3 (7) 2001.
13. Жобер Ж., 2001. Комментарии к статье М. Отта и Я.К. Козловского, в сборнике «Археология, этнография и антропология Евразии». Новосибирск, вып. 3 (7) 2001.
14. Исламов У.И., 2004. Сенсационные археологические находки в Узбекистане // Узбекистон тарихи. Тошкент, 2004, вып. 3,

15. Гланц М., Виола Б., Чикишева Ташкент, 2004. Новые останки гоминидов в гроте Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат, изд-во ИАЭ СО РАН, с. 77-92.
16. Отт М., Козловский Я.К., 2001. Переход от среднего к верхнему палеолиту в Северной Евразии, в сборнике «Археология, этнография и антропология Евразии», Новосибирск, выпуск 3 (7) 2001.
17. Вольпов, 2001. Комментарии к статье М. Отта и Я.К. Козловского // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, вып. 3 (7) 2001.
18. Жобер Ж., 2001. Комментарии к статье М. Отта и Я.К. Козловского // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, вып. 3 (7) 2001.

В.Д. Рузанов

О МЕТАЛЛЕ МОГИЛЬНИКА ВУАДИЛЬ ФЕРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В 1954 г. Б.З.Гамбург и Н.Г. Горбунова (1956) провели обследование 70 разновременных могильных сооружений и могильники Вуадиль, из которых 12 относятся к эпохе бронзы. В одном из ранних погребений найдены металлические изделия - это браслет из бус, сделанных из треугольной в сечении проволоки и несколько разомкнутых круглых серег, изготовленных из узкой, желобчатой пластинки. Вуадильский могильник исследователи отнесли к памятникам андроновских племен и впоследствии он был включен в выделенную Б.А. Литвинским (1956) кайраккумскую культуру.

Спустя половину столетия в 1999 г. был изучен химический состав 12 изделий металлической коллекции из этого памятника. Методом рентгеноспектроскопического анализа в лаборатории на кафедре археометаллургии в Техническом университете в г. Фрейберге в Германии были обследованы 4 серьги и 8 бусин. Исследования показали, что предметы были изготовлены из меди со сложным составом примесей (таблица I). В ней присутствуют олово, свинец, цинк, висмут, серебро, сурьма, мышьяк, никель, железо, кобальт и золото. Среди этих элементов кобальт и никель представлены в тысячных долях процента. Чуть выше содержание свинца, серебра, золота, висмута, сурьмы, железа и мышьяка, доля которых составляет сотые доли процента, редко достигая первых десятых долей процента. Правда, в одном случае фиксируется весьма высокая концентрация мышьяка (2,65%). Во всех изученных

изделиях олово представлено целыми процентами, что говорит о его преднамеренной добавке в медь. Поэтому все образцы были отнесены нами к оловянистым бронзам. Большая их часть - это низкооловянистые сплавы с содержанием олово от 1% до 3,7%. Два изделия можно отнести к среднеоловянистым (5,7% и 7,2%) и еще два предмета - к высокооловянистым (более 10%) бронзам.

В химическом плане вуадильский металл довольно однообразен. На это указывает статистический и сравнительный анализ результатов концентраций примесей. Большая часть вещей расчленяется на две химические группы, которые ранее нами были выделены в металлических материалах культур и памятников Средней Азии эпохи бронзы (Рузанов, 1982). Первая из них - группа ЧК ! (чаткало-кураминская) - распространена на территории Ферганы, Ташкентского оазиса и Сурхандарьинской области. Большая часть образцов этой группы концентрируется в памятниках кайраккумской культуры и на поселении Чуст в Ферганской долине. Исходным рудным источником для нее, скорее всего, служило месторождение медистых песчаников Варзык, расположенное недалеко от Чуста на северо-западе Ферганы. Вторая группа, с которой химически близка другая часть вуадильского металла - это химико-металлургическая группа ВЗ (верхнезеравшанская), выделенная в бронзах могильников Дашти-Кози и Муминабад, а также кайраккумской культуры. Ее рудный источник расположен в верховьях

р.Зерафшан. Три изделия вуадильской серии не нашли аналогий в известных ныне химических группах и поэтому они были отнесены к химически неопределенным, с неясным исходным рудным районом.

К вышесказанному добавим, что пять из восьми исследованных бус были изготовлены из одной и той же проволоки. Об этом свидетельствует химическая близость содержаний примесей, входящих в состав их сплавов.

Итак, анализ металла из могильника Вуадиль позволяет сделать следующий вывод. В металлообработке племен, оставивших этот памятник, ведущее место за-

нимали оловянистые бронзы. Большая часть вещей была изготовлена ферганскими кузнецами-литейщиками. Вместе с тем есть предметы, сделанные из импортного сырья, которое поступало на юг Ферганы из верхнего бассейна р.Зеравшан. Химическая типологическая близость металла Вуадиль с бронзами памятников в Кайраккумах указывает на их культурную общность, что подтверждает высказанный Б.А. Литвинским, тезис о существовании единой кайраккумской культуры в западной и южной зонах Ферганской долины в эпоху поздней бронзы.

Лаб. №	Cu	Sn	Pb	As	Sb	Ag	Ni	Bi	Au	Zn	Co	Fe
89	98,0	1,19	0,41	0,023	0,021	0,078	<0,01	<0,005	<0,01	<0,1	<0,005	<0,05
90	88,0	10,5	0,64	0,138	0,131	0,075	<0,01	0,116	<0,01	<0,1	<0,005	0,13
91	87,0	11,5	0,59	0,45	0,37	0,022	<0,01	0,042	0,04	<0,1	<0,005	0,18
92	96,0	2,33	0,7	0,143	0,089	0,024	<0,01	<0,005	<0,01	0,3	<0,005	0,33
93	92,0	7,2	0,22	0,33	<0,005	0,047	<0,01	0,034	<0,01	<0,1	0,007	<0,05
94	91,0	5,7	0,31	2,65	0,31	<0,005	<0,01	0,051	0,02	0,1	0,013	<0,05
95	96,0	3,5	<0,01	0,055	0,093	0,41	<0,01	0,058	0,01	<0,1	<0,005	<0,05
96	96,0	3,4	0,09	0,051	0,09	0,42	<0,01	0,069	<0,01	<0,1	<0,005	<0,05
97	96,0	3,4	0,1	0,056	0,097	0,47	<0,01	0,079	0,02	<0,1	<0,005	<0,05
98	95,0	3,4	0,06	0,054	0,076	0,41	<0,01	0,056	0,02	<0,1	<0,005	<0,05
99	95,0	3,6	0,1	0,064	0,09	0,41	<0,01	<0,005	<0,01	<0,1	<0,005	<0,05
100	95,0	3,7	<0,01	0,061	0,112	0,43	<0,01	0,059	0,02	<0,1	<0,005	<0,05

Примечание: Ап. 89,90,91,92 - серьга, ап. 93 - 100 - бушна: «<» - меньше.

Литература:

1. Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. Вып. 63. М., 1956.
2. Литвинский Б.А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Кайрак-Кумах / Материалы II Всесоюзного совещания археологов и этнографов Средней Азии. М.-Л., 1959.
3. Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа / Автореф. дисс. канд. ист. наук. МГУ. М., 1982.

А.А. Абдуразақов, Д.Н. Азизов

ҚАДИМГИ ЕРҚЎРҒОН ИБОДАТХОНАСИ УСТУНИДАГИ РАНГТАСВИРЛАРНИНГ ЯНГИ ТАҲЛИЛИ

1973 йили Ўзбекистон Фанлар академияси Археология институти қадимшунослари Қашқадарё вилоятида профессор Р.Х. Сулаймонов бошчилигида археологик қазув ишларини олиб борди. Натижада Қарши шаҳри яқинидаги Ерқўрғон ёдгорлигининг шарқий қисмида ибодатхона биноси очилди. Мутахассислар фикрича у тўрт юз йил фаолият кўрсатган (III-VI а.а) бўлиб, унинг қаърида бешта асосий қурилиш босқичлари мавжуд экан. Ибодатхона тўғри - тўртбурчак шаклида бўлиб, уни сатҳи 13,2 х 7,5 м² ни ташкил этган. Ибодатхона ичидаги тўртта деворларида 15 та тоқчалар мавжуд бўлиб, уларни ҳар бирини атроф майдонларида геометрик характерга эга бўлган рангтасвирлар чизилган (Р.Х. Сулейманов. 2002, с. 109).

Булардан ташқари ибодатхона шипи ва томини кўтаришга ёрдам берувчи иккита цилиндр шаклидаги устун қолдиқлари очилган бўлиб, уларда айниқса шарқий қисмидаги устунда турли ранг тасвирлар ва белгилар бор. Улар ҳақида жуда кўп мақолалар чоп этилган. Вақт ўтган сари бундай таҳлилий қарашлар кўпаймоқда (Маршак, 2001, с.120-122). Ушбу мақола шарқий устунни янгидан ўрганиб илгари кўринмаган янги чизмаларини ҳисобга олган ҳолда бадиий таҳлил қилишга бағишланган. Сўнгги йилларда рангли майдонлардаги қотирувчи кимёвий модда ва органик эритувчиларни таъсири анчагина камайганлиги ва учиб кетганлиги сабабли янги из ва деталлар яққол сезила бошланганлигини эътиборга олсак бундай ўрганишни нечоғлик зарур эканлигини кўриш мумкин.

Археологлар ибодатхонани очгандан сўнг таъмирловчи мутахассислар томонидан рангли тасвирлар қотирилиб деворлардан кўчирилган. Таъмирлаш ишлари охирига етказилиб, улар Самарқанддаги Ўзбекистон халқлари маданияти тарихи музейига топширилган ва ҳозир ҳам шу

ерда сақланиб келинмоқда (Абдуразақов и др. 1976, с.3-4).

Бу рангтасвир қолдиқлари ва белгиларни чуқур ўрганиш, уларни ҳақиқатдан ҳам диний характерга эга эканлигини кўрсатмоқда. Уларни чизиш ва яратиш услуби бошқа Ўрта Осиё монументал рангтасвир санъатидан анчагина фаркланиб туради. Бу фарқлар шундаки расм 2-3 хил минерал бўёқлардан фойдаланган ҳолда (қора, оқ ва кизил) пигментларни ҳар хил тусланишлари (оттенкалар) орқали юқори натижаларга эришилган.

Рангтасвирнинг яна бир ўзига хос жиҳати шундаки, бошқа жойлардаги деворий расмлар жуда майда ва нозик чизиклар билан бажарилган бўлса, бу ерда тасвир қалин, катта майдонларни бўяш ва рангли таг қатламга турли рангдаги чизмалар бериш орқали амалга оширилган. Оқ бўёқ сифатида сувоқ қатламини табиий рангидан фойдаланилган.

Ерқўрғондаги рангтасвирлар ўзини услуби ва бўёқлари билан Бактрия, Парфия ва Хоразм намуналарига анча яқин.

Бу устуннинг сақланиб қолган умумий баландлиги 143 см, периметри 280 см. ни ташкил қилади. Унинг тагидаги базасининг баландлиги 28-35 см, периметри 346 см. Устуннинг асоси пишиқ сопол гардиш - дисклар билан бошланиб (диаметри 80 см, қалинлиги 6-7 см), унинг устидан учбурчакли ғиштлар терилган, 8-10 қатордан кейин (шу диаметрда) яна айлана гардиш ётқизиблиб устидан учбурчакли ғишт терилган, унинг эн томони устуннинг периметрига мосланиб салгина айлана ҳолатига келтириб ётқизилган.

Учбурчак ғиштларни иккала узун томони 28 см, баландлиги 5-7 см атрофида. Ғиштларни териш учун ганч ва қумдан фойдаланилган. Ҳар бир терилган қаторга 9 тадан ғишт ётқизиблиб устунни асоси терилгандан сўнг устидан сомон сувоқ билан сувалган (уни қалинлиги 3-6 см), сўнг ус-

тидан ганч ва кум аралашмаси билан ишлов берилган (сувоқни қалинлиги 0,5-1,5 см атрофида).

Устуннинг умумий майдони юзига қизил оҳра билан тагранг берилган. Уни устидан 135 см баландликда айланасига рангтасвир ва турли белгилар чизиб чиқилган. Тасвирлар қора бўёқ чизмалар ёрдамида бажарилган ва чизикларни қалинлиги 1-2 мм бўлиб, ёруғ қизил фонда амалга оширилган. Профессор Р.Ҳ. Сулайманов фикрига қўра тасвирни туширишда ўткир нарса билан таг қатламга чизиб чиқилган ва сўнгра ранг берилган (Сулейманов, 2002, с.109).

Синчиклаб ўрганиб чиқилганда шарқий устунда қуйидаги композицияни кўриш мумкин: ибодатхонани сиғинадиган жойи - «меҳроб» томонига қаратилган қисмида иккита одам қиёфали силуэтлар мавжуд, уларнинг баландлиги турлича 40-50 см атрофида (Сулейманов, 2002, с.109).

Тасвирларни бажариш услуби - қизил фон берилиб қиёфалар туширилган жойига эса ҳеч қандай бўёқ берилмаган ва тагқатлам (ганч) ўзи қолдирилган, юз ва кийимларни аниқловчи чизиклар сақланмаган, балки, улар бўлмаган бўлиши мумкин.

Биринчи қиёфани бош қисми ярмигача сақланган, соч қисми қора бўёқда бўялган, иккинчисида бош қисми сақланмаган. Бу қиёфалар профилда тасвирланган бўлиб, 4 дан 3 қисмга бурилган ҳолда бошлар чапга қаратилган. Бутун устун периметри бўйлаб 5 та умумий шакли бир-бирига ўхшаш икки бошли қушсимон тасвирлар учрайди. Булардан биринчиси олдинги қиёфани ўнг томонига жойлашган, пастки қисми бўрттирилган дўнгсимон бўлиб, уни юзи балиқ терисига ўхшаш тангачасимон тасвирлардан иборат бўлиб, устида қуш қаанотига ўхшаш тасвир бор. Бу қанот худди парвоздан тушаётган қушникига ўхшайди. Иккала қанот ўртасидан калта бўйин чиқиб, уни устида ярим айланасимон чамбар бор. Унинг икки томонидан узун бўйинли қушлар калласи икки томонга қараб турибди. Чамбар ўртасидан юқорига калта бўйин давом эттирилган бўлиб, сал тепароқда айлана жойлаштирилган. Унинг устидан калта бўйин давом

этирилган. Бу ерларда чизиклар анча яхши кўринган бўлиб, бошқа тепа қисмида ҳеч нарса сақланмаган. Бу қиёфалардан сўнг кейинги белги тасвирлаган. Бу белги устунни умумий айланаси бўйлаб уч марта такрорланган. У белги икки қисмдан иборат бўлиб, тепа томонида узунчоқ горизонтал тўртбурчак шаклида (унинг томонлари 15x2x5 см атрофида) бўлиб, ундан тахминан 12 см пастда айлана шакли (диаметри 7 см) тасвирланган. Катта айлана ичида кичик айлана (диаметри 3 см атрофида) чизилган.

Кейинги тасвир юқорида кўрсатилган 5 та бир-бирига ўхшаш шаклларни қайтарган. Бу шакллар бир-бирига айрим деталлари билан фарқланиб умумий кўриниши ўзаро яқин. Айримларида чизмалар сақланиши билан бироз ажралиб турибди. Уларни ҳаммасида дўнгликни ички қисми балиқ тангачалари ва ўхшаш тасвирлар билан қопланган, унинг устидаги қанотлар ҳам ўзаро ўхшашдир. Қанотдан чиқаётган бўйинлар ҳам айримларида анча узунроқ ва чамбар ўрнига айланадан икки томонга қараб узун бўйинли иккита қуш каллалари чиққан ва бўйинлар бир-биридан пластик жиҳатдан анча фарқланади.

Кейинги тасвир иккита белгидан иборат бўлиб, иккаласи ҳам ёнма-ён жойлашган. Биринчи белгини патски қисми айланадан бошланиб, (айлана диаметри 4 см) ва ундан иккита параллел чизик орқали (баландлиги 12,5 см эни 1,5 см) тепага қараб вертикал тарзда чиққан. Бу стержендан иккала томонга қараб ёйсимон оёқлар чиққан, япалоқ шаклдаги учта юпқа гардишсимон айлана шаклида устма-уст тасвирланган.

Бундай япалоқ гардишсимон белгилар ўртасидан стержен яна тепага қараб (5,5 см) йўналтирилган. Бу стержен тепа қисмида ярим айланага туташтирилиб тасвирланган (айлана радиуси -2,8 см). Ярим айлана устига горизонтал квадрат шаклидаги тўғри-тўртбурчак (11x1,5 см) жойлаштирилган. Тўғритўртбурчакни чап томонини пастки қисмига кичик квадрат (2x2 см) жойлашган. Биринчи белгига яқинроқ жойда умумий кўриниши тамғага ўхшашроқ бўлган иккинчи белги мавжуд. Унинг

пастки қисми тўғри тўртбурчакдан иборат (15x3 см) бўлиб, ўртасидан вертикал стер-жен чиқазилган (15x1,5 см). Унинг тепа қисми айлана билан туташган (диаметри 5,5 см). Айлана устидан вертикал стер-жен давом эттирилиб (14,5x1,5 см) тепа қисмида тўртбурчак билан бирлаштирилган (15x2,5 см). Тўртбурчак устида гумбазсимон шакл (эни 2,8 см) пастдаги вертикал стер-жен давом эттирилган. Гумбазни тепа қисми сақланмаган, умумий чизмани чизиклари яхши сақланмаган.

Таҳлил қилинаётган бу устунларда бошқа айрим кичик белгилар ҳам бор. Улар жуда кам ва шу сабали улар устида тўхташни лозим топмадик. Энди устунда тасвирлаган лавҳалар ҳақидаги айрим фикрларга тўхтаб ўтмоқчимиз.

Р.Х. Сулаймонов ўз асарида устунлардаги тасвирлар ва белгилар ҳақида шундай фикр баён этган: «Тасвирлар дин пешвозлари (жрец) томонидан диний маросимларни ўтказаяётган вақти тасвирланган. Белгилар эса бир неча типларга бўлинади, иккита типи бир белгидан кейин такрорланган. Бундай ҳолат бир неча маротаба қайтарилган. Иккита типи қиёфаларга нисбатан қарама-қарши томонга жойлашиб бир нусхада ифодаланган. Биринчи иккита типда дунё таги ва унинг устида ҳаёт дарахти, дарахтада қушлар бўлиб, беш маротаба такрорланган. Айлана ва квадратлар тўрт маротаба такрорланиб, зардуштийлар меҳробини белгилайди» (Сулейманов, 2002, с. 109).

Бирламчи белгилардан бири тахминан меҳробни мураккаблаштирилган шакли деган фикр ҳам мавжуд. Тадқиқотчилардан яна бири -Б.Маршак шу устун ҳақидаги мақоласида шундай ёзган: «Устунда иккита аёл қиёфаси тасвирланган ва улар қўлида кўғирчоқларни ушлаб турибди. Уларнинг бирининг қўлида айлана гулчамбар (венок), иккинчисини қўлида мато тўқув урчуғи (веретено) ва булар мато тўқувчилар худоси бўлиб, улар қўлида одамларнинг ҳаёти, руҳи ва тақдири боғлиқ. Атрофидаги қора чизиклар билан чизилган белгилар қанотли тоғларга ўхшайди ва бу ҳақда Ҳиндистон поэзиясида маълумотлар бор» (Маршак., 2001, с. 120-122).

Бу Ерқўрғон ибодатхонасининг устунларидаги тасвир белгиларини таҳлил қилар эканмиз қўйидаги умумий хулосаларга тўхтаб ўтиш лозим. Устундаги тасвирларни иккита инсон қиёфасидан ташқари ўзаро 3 та қисмга бўлиш мумкин. Булардан биринчиси 5 маротаба қайтарилган, умумий кўриниши бир-бирига анча ўхшаш, фақатгина айрим деталлари билан фаркланадиган тасвирлардан иборат. Буларда кўпроқ тоғ чўққилари, қушлар ва уларни қанотлари қайд этилган. Иккинчиси 3 маротаба такрорланган ва бир-бирига ўхшаш айлана ва ясси горизонтал ҳолдаги тўртбурчакли квадрат белги. Учинчиси эса икки хил белги бўлиб, умуман бир-бирига ўхшамайдиган белгилардан иборат. Бу тасвирлардан биринчи бешта белги ҳақидаги қўйидаги фикрларни фараз қилиш мумкин.

Бизларгача етиб келган зардуштийларнинг муқаддас китоби бўлмиш «Авесто»га суяниб фикр юритсак, бу белгилар диний маъноларга эга бўлиб, айти шу бешталик зардуштийларнинг 5 кунни билан боғлиқ бўлса керак.

Тасвирлар ташқи кўриниши билан бир-бирига ўхшайди. Бу худди ҳар кун иккинчи кунга ўхшайдигандек. Яна бир ўхшаш томони тасвирлардаги дўнгликлар устидаги кўринишлардир. Уларда қанотлари билан тоғ орқасидан янги кун қуш каби учиб чиқаётгандек ва икки томонга қаратилган қуш каллалари кун давомида ўтадиган вақт кўрсаткичига ўхшайди. Бу ҳақида Асқар Маҳкам қўйидаги фикрларни билдирган: «Авесто»да айтилишича-Зардуштга мансуб дастлабки бешликлар Ахунавандгоҳни тўлиқ тасаввур қилиш учун «Андаргоҳ»га мурожат қилмоқ лозим. Андаргоҳ - уч юз олтмиш беш кундан қабиса йили қадимги Шарқ халқларида жамулжам беш кунлик алтаргоҳдан иборат бўлган. Ёхуд ўша давр ҳафталари ҳар бир кунини Зардўшгоҳларнинг алоҳида-алоҳида номлари билан атаган. Бундан келиб чиқадиган Зардўшларни бир ҳафтаси 5 кундан иборат бўлиб, ҳар кунни ўз номларига эга бўлган ва «Авесто»да ҳар бирига алоҳида гоҳлар-қўшиқлар ажратган. Булардан биринчиси «Ахунавандгоҳ» (Асқар Маҳкам, 2001 й).

Устундаги тасвирларни иккинчи типи-

даги белгилар кўринишидан бир-биридан унча фарқ қилмайди. Аммо бу ерда бу белги уч маротаба такрорланган. Фикримизча, бу учта бир-бирига жуда ўхшаш белгилар «Авесто»даги «Эзгу фикр, эзгу калом, эзгу амал» билан боғлиқ бўлса керак. Зардуштийлик ахлоқининг асосида шу учлик ётади. Ўша қадимги «Авесто» даврларида бундай ҳаммага таалуқли диний урф-одатларни белги ёки тасвирлар орқали белгилаш анча қулай бўлган. Устундаги тасвирларда кўриб турганимиздек ҳар бир бешталиқдан кейин ҳар кун бу учта амалга

риоя қилиши керак бўлган. Булардан ташқари охириги учинчи типдаги иккита белги бир-бирига ўхшамас кўринишга эга. Бу жуда сирли ва мураккаб белгиларга ўхшайди ва илгари ҳеч қаерда учрамаган.

Шундай қилиб, ушбу мақолада Ерқўрғон ибодатхонасида сақланиб қолган устундаги тасвирларни айрим қирралари кўриб чиқилди. Ўйлаймизки, келажакда бу тасвирлар билан боғлиқ ёки ўхшаш маълумотларни тўпланиши бу фикрларни аниқлашга хизмат қилади.

Адабиётлар:

1. Сулейманов Р.Х.. Древний Нахшеб. Ташкент, 2002.
2. Маршак Б.И. Самый ранний сюжет согдийской живописи. // Тўплам: Зарафшон воҳаси ва унинг тарихдаги ўрни». Ўзбекистон Республикасини 10 йиллигига бағишланган илмий-назарий анжуман материаллари. 2001 йил 18-19 май, I қисм, Самарқанд, 2001.
3. Абдуразаков А.А., Лебедева Т.И., Илхамов Ш.И., Рузанов В.Д. Реставрация колонны из Еркургана. Реферативный сборник «Реставрация, исследование и хранение музейных художественных ценностей». Вып. I, 1976.
4. Асқар Маҳкам. Авесто, Тошкент, 2001.

Ю.Ф. Буряков, М.А. Аскарлов

ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРОДУКТОВ ПЛАВКИ РУД ЦВЕТНЫХ И БЛАГОРОДНЫХ МЕТАЛЛОВ ИЛАКА

В древности и особенно в средневековую эпоху, когда в Среднеазиатском Междуречье выделилось несколько горнорудных провинций, специализирующихся на добыче благородных и цветных металлов, большую роль в добыче серебра и золота начинает играть Чач, особенно его южная область Илак.

Восточный географ Истахри, характеризуя Мавераннахр, описывает горы, которые, выходя из Хорасана в Мавераннахр, разветвляются, «проходя до внутренних пределов хырхызов. В этих горах от начала до конца рудники серебра и золота и самые богатые из них те, что близки к стране хырхызов, пока они не достигают Мавераннахра со стороны Ферганы и Шаша» (Истахри, 1973, с. 17).

Илак служил объектом исследования и как горнодобывающая область Средней Азии, и специально (Буряков, 1974, с. 5-

15). При систематическом исследовании в области выявлено около 60 крупных древних рудников и плавильных пунктов (Буряков, 1974, карта-схема, с. 13).

Наиболее значительные среди них сосредоточены на городищах Имлак (Тункет), Кульата (Туккет) и Мунчак тепа. В последние годы здесь были проведены специальные работы в шлаковых отвалах с целью изучения стратиграфии наслоений, структуры формирования, состава руд, технологии плавки.

Тункет – столица Илака - располагается на левом берегу р. Ахангаран в ее среднем течении в 12 км восточнее города Алмалык. Шлаковые отвалы имеются в цитадели, но в основном крупные отвалы сосредоточены в шахристане и рабаде. Туккет располагается на левом берегу р. Ахангаран на юго-западной окраине г. Алмалыка среди современных отвалов Алмалыкско-

го горнометаллургического комбината. Здесь выявлены три скопления шлаковых отвалов: один в шахристане и два – в рабаде.

Городище Мунчактепа выявлено на правом берегу р. Ахангаран в 9 км к северо-западу от Тункета. Здесь выявлена серия небольших отвалов и несколько более крупных. Раскопки на данном памятнике не проводились. По предварительному обследованию, получены материалы VIII-XIV вв. н.э., связанные на всех этапах с металлургическим производством. Судя по шлакам, наряду с цветными и благородными металлами здесь проходила и плавка железа. Наряду с данными пунктами по некоторым параметрам проведено предварительное исследование некоторых других шлакосодержащих пунктов Илака – Лашкерека, Чуянбулакская, Урюкли, Телиджилгакская, Кызатасая (Буряков, 1974, карта-схема, с. 13).

Были промерены и системно пронумерованы основные шесть отвалов в Тункете, три в Туккете и выделены основные скопления в других пунктах. Объемы их приведены в таблице 1.

Таблица 1 Объем шлаковых отвалов

№ №	Наименование и номера отвалов	м ³
1	Тункетские шлаки	
	Отвал № 1	1002,19
	Отвал № 2	704,9
	Отвал № 3	16130,3
	Отвал № 4	7627,3
	Отвал № 5	2294,5
2	Отвал № 6	2751,14
	Туккентский шлак	
	Отвал № 1	18210,1
	Отвал № 2	2841,3
3	Отвал № 3	1209,4
	Подземн.отвал	1141,3
3	Шлак Мунчактепе	
4	Отвал № 1	29345,1
4	Лашкерецкий шлак	0,6
5	Чуянбулаксайский шлак	1121,1
6	Урюклинский шлак	0,7
7	Шлак Ташджияганский	1291,3
8	Шлак Кызатаский	25,3

По нашим подсчетам, общее количество Тункетских медно-золотосодержащих шлаков составляет 152878,8 т. Из каждого отвала для физико-химических анализов отобрано по 100-200 кг, отбор пробы производили методом вычерпывания. Из каждой пробы брали среднюю навеску методом квартования.

Пробу дробили до 1-2 мм класса крупности и измельчали до 60-65% класса крупности 0,074 мм. Результаты ситового анализа шлаков приведены в таблице 2.

В отвалах Тункетских шлаков найдена руда весом почти в 5 кг медно-свинцово-цинкового состава. Эта руда содержала золото и серебро. Чтобы иметь точную картину содержания основных элементов, нами был проведен тщательный химический анализ проб шлаков и руды в целях выяснения общего спектра наличия минералов в партиях руд, использовавшихся в металлургических центрах средневекового Илака. Он представлен в таблице 3.

В целях выявления возможностей древних металлургов поддержания температурного режима была проведена плавка руды и шлаков, полученных в основных металлургических пунктах Илака. Результаты плавки шлаков и руды представлены в таблице 4.

Стратиграфические раскопки (шурф 4x4 м) были проведены в самом крупном шлаковом отвале Тункета – отвале № 3,

Таблица 2. Результаты ситового анализа

№№	Классы	Классы, выход			
		мм	гр	%	
I	1	Тункетский шлак	25	60	60,6
			20	26	26,2
			15	13	13,1
		Итого:		99	99,9
II	2	Туккетский шлак	15	29	46
			Итого:		100
II I	3	Мунчактепинский шлак	16	72	60
			10	22	25
			6,0	8	15
		Итого:		100	100

Таблица 3. Химический состав отобранных проб

№№	Наименование соединений	Содержание, %
1	Окись алюминия	12,3
2	Окись кремния	48,7
3	Окись кальция	1,23
4	Окись магния	2,08
5	Железо общее	7,08
6	Окись марганца	0,25
7	Сера	2,42
8	Окись титана	0,60
9	Свинец	2,60
10	Ртуть	1,20
11	Золото	1,2 г/г
12	Серебро	1,6 г/г
13	Медь	0,6

Таблица 4. Температура плавки руд и шлаков

№№	Наименование продуктов	Температура плавки °С
1	Руда Тункета	1200
2	Шлак Тункета	1282
3	Руда Туккета	1230
4	Шлак Туккета	1301
5	Руда Мунчактепа	1209
6	Шлак Мунчактепа	1988

доведенном до материка. Отвал имел мощность наслоений до 4,5 м. Конечно, таких четких слоев, как в культурных уровнях жилых комплексов здесь не прослеживаются. Тем не менее по невыразительным орнаментам сопровождающего керамического материала можно выделить три комплекса. Интересно, что в отвалах шлаков нижнего комплекса на глубине 4,2 м были расчищены засыпанные отвалами остатки раннего плавильного горна прямоугольной формы размером 1,2х0,8 м, к футеровке которого был приморожен слой медного шлака, оставшегося от последней плавки руды, в верхней части которого сохранился слой не расплавленной шихты с остатками

металлической меди с включением золота и серебра. Форма горна находит аналогии в металлургических печах Илака V-VI вв. н.э. К этому времени может быть отнесена и довольно невыразительная керамика: стенки лепной посуды с включением песка и довольно грубой формовкой сосудов. На глубине 3-3,5 м раскрыты слои VI-VII вв. н.э., а выше встречаются материалы IX-XII вв. н.э.

Результаты анализов шлаков, собранных на этих уровнях в отвале № 3, сделанные на важнейших минералах комплексов, которые могли быть основными объектами добычи, представлены в таблице 5.

Дополнительно были взяты на анализ по одному образцу из шлаковых отвалов с территории шахристана и рабада, относящиеся к верхним этапам жизни. Химический анализ Тункетских шлаков шахристана и рабада представлен в таблице 6.

Аналогичные стратиграфические раскопки крупного шлакового отвала Тункета показали, что мощность достигает высоты 2,5-3 м, причем нижний слой отвала связывается хронологически с этапом Каунчи II, т.е. с III-V вв. н.э. Затем этап раннего средневековья – 1,5-2,5 м и верхний с IX-XII вв. н.э.

Результаты химического анализа шлаков Тункета, взятые с различных уровней, также сведены в таблицу 7.

Были исследованы физико-химический состав руд и шлаков Мунчактепе. Фазовый состав был исследован спектральным анализом в лаборатории геологической партии Алмалыкского ГМК, а химический анализ был проведен в лаборатории рудника Каульди. В таблице 8 приведены результаты фазового состава анализов показывает, что в плавку шли полиметаллические руды, обогащенные, помимо свинца, который обычно уходил в шлаки (хотя и активно использовался на позднем этапе в изготовлении бытовой и архитектурной глазури), преимущественно благородными металлами и отчасти медным минералом.

Видимо, в плавку шли полиметаллические руды, содержавшие золото в пределах 10 г/т, иногда и больше, а серебра в пределах 1000 г/т, иногда и больше. При

Таблица 5. Результаты химических анализов Тункетских шлаков

№ №	Наименование продуктов	Содержание				
		Г/г		%		
		Золото	Серебро	Медь	Цинк	Свинец
1	На глубине 1 м	1,0	16	0,54	13	40,24
2	На глубине 2 м	1,0	72	0,52	12,2	40,0
3	На глубине 3 м	1,0	126	0,63	41,23	41,0
4	На глубине 4 м	1,86	2,2	1,83	12,2	41,0
5	На глубине 4,5 м	1,0	50	0,49	18,25	40,0

Таблица 6. Химический состав шлаков шахристана и рабада Тункета

№ №	Место откуда взята проба	Химические элементы			
		Г/г		%	
1	Шлак из шахристана	0,5	106,7	43,20	1,80
2	Шлак из рабада	0,4	58,9	42,60	1,27

Таблица 7. Химический состав Тункетских шлаков

№ №	Наименование продук- тов	Содержание				
		Г/г		%		
		Золото	Серебро	Медь	Цинк	Свинец
1	Шлак с верх. слоя	0,46	83,6	0,6	1,4	2,1
2	Шлак с глуб. 1 м	0,46	84,2	0,5	1,48	2,16
3	Шлак с глуб. 1,5 м	1,1	116,4	1,58	3,48	2,06
4	Шлак с глуб. 2,0	1,5	154,2	1,61	3,80	2,08
5	Шлак с глуб. 2,5	1,57	182,3	1,64	3,81	2,07
6	Шлак с глуб. 3,0	1,61	187,6	1,71	3,91	2,21

Таблица 8. Фазовый состав шлаков Мунчактепа

№№	Элементы	Пробы	
		Из рабада	Из шахристана
1	Медь	500	400
2	Свинец	250	600
3	Сурьма	200	100
4	Хром	2	-
5	Мышьяк	6	6
6	Азот	-	30
7	Кридий	02	-
8	Кобальт	2	110
9	Никель	3	4
10	Висмут	8	10
11	Титан	300	300
12	Марганец	20	40
13	Олово	2	02
14	Ванадий	3	5

последующем анализе состава шлаков можно проследить как совершенствовалась плавка. Если на раннем этапе плавки золота в шлаки могло уйти от 1 до 1,86 г/т, то в поздних этапах потери не превышали 1 г/т, а иногда сокращались до 0,4-0,5 г/т. Менее стабильны материалы по серебру. Но и здесь, если на режим уровни потери мог-

ли достигать 50-126 г/т, то в верхних слоях они могли сокращаться до 16 г/т, хотя и попадались пробросы в шлаки недоплавленной руды с высоким содержанием серебра.

Руда в центральные плавильные пункты Илака – столицу Тункет и специализированный металлургический центр владения

Тункет могла поступать из специализированных государственных рудников, которые, судя по характеру разработок, размещались в Лашкереке, отождествляемом нами с серебряным рудником Кухисимом и располагавшемся близ него крупном золотом руднике Кочбулак. Возможно, сюда подключались на некоторых этапах руды Кани Мансура. Выводы эти предварительные, но детальный анализ материковых

слоев сравнительно с изучением руд крупных рудных узлов позволит в перспективе более четко выделить не только рудные узлы, но и крупные металлургические центры средневекового Илака, где обнаруживались поступающие из крупных рудников партии руды благородных и цветных металлов.

Литература:

1. Истахри. Книга масалик ал маталин (Книга путей государств) цит. по Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. 1. М., 1973, с. 17.
2. Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974, с. 5-15, карта-схема с приложением перечня, с. 13.

Н.Ж. Сапаров

КЕРАМИЧЕСКАЯ МЫШЕЛОВКА ИЗ ПАЙКЕНДА

Городище Пайкенд находится в 60 км к юго-западу от Бухары. Памятник был впервые обследован членом Туркестанского кружка любителей археологии Л. А. Зиминим в 1913 году. (Зимин, 1913, с.31).

В настоящее время городище изучается совместной экспедицией стационарно. В 2002 году исследования продолжались на основных объектах раскопок прошлых лет: цитадели, Шахристанах I и II. (Раскопки в Пайкенде в 2002 г., с.3)

На шахристане I изучался квартал VII-XI вв. Раскопки велись с востока и юга от дома 1. Самые интересные находки были сделаны среди слоя периода пожара, на улицах конца VII - начала VIII вв. Там же был собран достаточно представительный комплекс раннесредневековой керамики. Наиболее интересной оказалась керамическая мышеловка, редко встречающаяся в раннесредневековых слоях (рис. 1).

Наиболее близкие аналогии находке встречены среди материалов Чача и в

Ферганской долине. Впервые подобный сосуд был найден весной 1962 г. Кувинским археологическим отрядом в жилом комплексе VII в., расположенного в 250-300 м к северу от Кувинского городища. Второй такой же сосуд обнаружен осенью 1962 г. Л.И. Альбаумом в Сурхандарьинской области, в культурном слое VII в. городища Караул-тепа, находящегося в 2 км к югу от железнодорожной станции Шурча (Мухамеджанов, 1965, с.110).

В Миздахкане, в слоях XII-XIII вв., так-

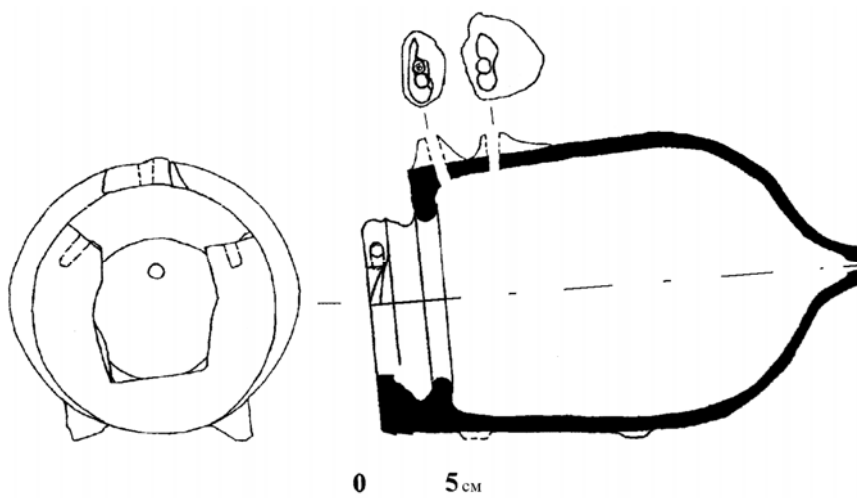

Рис. 1. Пайкенд. Шахристан I. Улица 4. А – вид спереди, Б – разрез

же была обнаружена сероглиняная керамическая мышеловка по форме аналогичная пайкендской, но худшей сохранности. Миздахканская мышеловка отличается от раннесредневековых образцов тонкостенностью и орнаментом (рис. 2). Хранится в Каракалпакском Государственном краеведческом музее (КП 7794, ИНВ. 103).

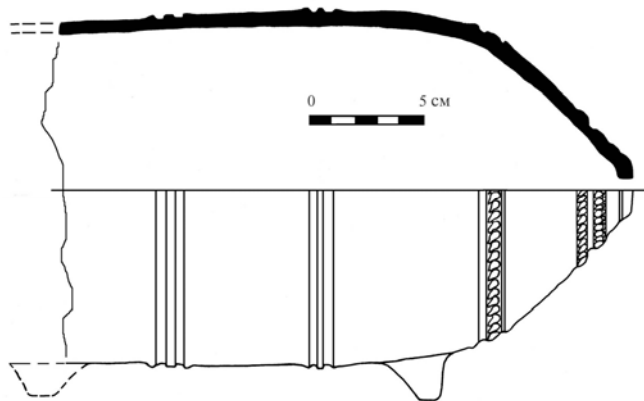

Рис. 2. Мышеловка. Миздахкан. XII-XIII вв.

Пайкендская керамическая мышеловка представляет собой цилиндр с коническим завершением, диаметром 14 и длиной 27 см коническая сторона заканчивается шишечкой со сквозным отверстием. На другой половине находится паз и прямоугольный вход со срезанной верхней частью, куда вставлялась заслонка.

Мышеловка имела четыре ножки. От известных образцов отличается наличием двух отверстий над входом, куда, возможно, вставлялись две палочки, поддерживающие заслонку в поднятом положении, и двух отверстий в верхней части, где остались следы от небольшой ручки. В них, вероятно, продевалась веревка, проходящая также через отверстие в задней конической части мышеловки.

Конструкция данного образца имеет довольно сложную форму. Для других целей, как, например, для ловли птиц или транспортировки мелких животных, она вряд ли предназначалась. А.Р. Мухамеджанов в своей статье также не исключает возможности их использования

как мышеловок (Мухамеджанов, 1965, с. 110.) (рис. 3).

По словам археолога К. Алимова, в молодости он наблюдал более простой способ поимки мышей. Так, в Ташкенте еще в 40-х годах прошлого века использовали мышеловку, состоящую из двух чаш, между которыми вставлена палочка с приманкой. Если мышь дергает приманку, то верхняя чаша падает и мышь оказывается запертой между двух чаш. Для того, чтобы вытащить мышь, верхнюю чашу вращают в одном направлении до тех пор, пока не появится хвост грызуна. Мышь извлекали из мышеловки, удерживая за хвост.

А вот как извлекали мышей из пайкендской мышеловки? Можно предположить, что мышеловку с пойманной мышью опускали в какой либо близлежащий водоем (речка, арык) или в большой сосуд и держали до тех пор, пока мышь не захлебнется.

Четыре ножки придавали мышеловке более устойчивое положение, а ручка использовалась для удобства перемещения с одного места на другое или для подвешивания.

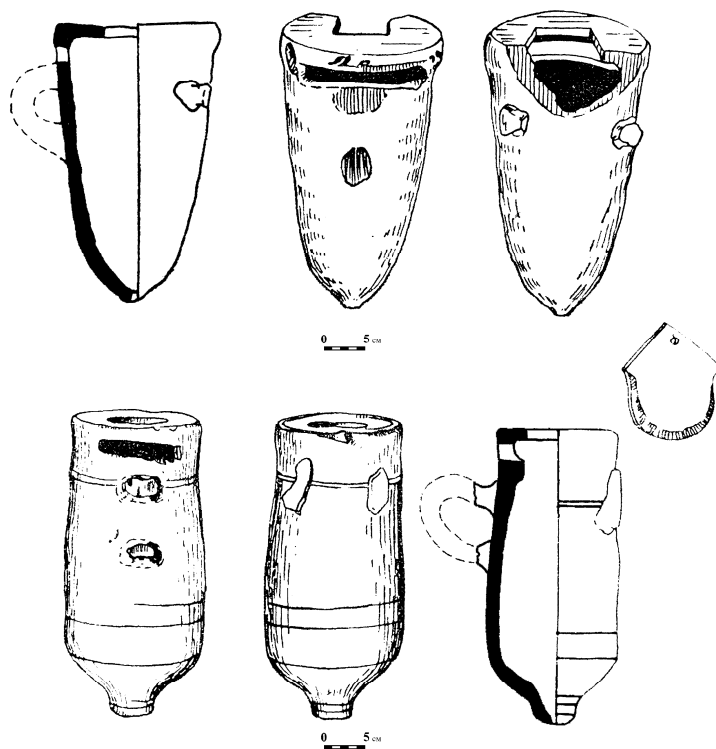

Рис. 3. Мышеловки (по А. Р. Мухамеджанову)

вания в то время, когда ее не использовали по назначению.

Такие мышеловки, возможно, могли использоваться и для ловли крыс. Размер входного отверстия не исключает их проникновение внутрь к приманке, находящейся в задней части. После того как заслонка захлопывалась, вырваться из кап-

кана было невозможно.

Производство данного типа мышеловок, видимо не получило широкого распространения из-за сложности конструкции. Исходя из этого, можно предположить их несколько большую себестоимость и, что этот тип мышеловок держали в состоятельных домах.

Литература

- 1) Зимин Л.А. Развалины старого Пайкенда // ПТКЛИА. Год 17. Ташкент, 1913.
- 2) Раскопки в Пайкенде в 2002 г. Материалы БАЭ. Вып. 4. СПб.
- 3) Мухамеджанов. А.Р. Водоизмерительные сосуды. // ИМКУ. Вып.6 Ташкент, 1965

СОДЕРЖАНИЕ

Анарбаев А.А. Аскарлов А.А. – выдающийся узбекский исследователь древнейшей истории Центральной Азии и организатор археологической науки в Узбекистане.	3
Аванесова Н.А. О культурной атрибуции колесного транспорта доисторической Бактрии (по материалам сапаллинской культуры)	7
K. Szymczak, M. Khudzhanazarov, F. Brunet. Some neolithic and early bronze age finds from Makhandaria region	26
Аскарлов А.А., Шайдуллаев Ш.Б. Бактриянинг бронза ва илк темир даври маданиятларининг хронологиясига доир янги маълумотлар	36
Рузанов В.Д. К вопросу о истоках металлообработки сапаллинской культуры Южного Узбекистана	48
Мустафокулов С.И. Антропологические исследования населения эпохи бронзы из Джаркутана.	54
Матбабаев Б.Х., Пардаев М.Х., Абдуллаев Б.А. Новое об оборонительных стенах городища Дальверзин (чустская культура).	59
Аскарлов А.А. Орилар муаммоси: янгича карашлар ва ёндашувлар	69
Аскарлов А.А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды	81
Эсанов М. Бронза даврида кадимги Бактрия ва Маргиена ахолисининг зоолатрик диний карашлари.	92
Анарбаев А.А., Исманов А.Дж., Максудов Ф.А. Древнеземледельческая культура Южной Ферганы и образование антропогенного ландшафта	98
Абдуллаев К. Персидское платье Александра (к вопросу о культурном взаимодействии на эллинистическом Востоке).	116
Баданова Е.И. Мужской костюм Бактрии эпохи Ахеменидов	124
Абдуллаев Б.М. Некоторые итоги изучения древней фортификации Ферганы (возникновение и этапы развития)	131
Исамиддинов М.Х. Некоторые вопросы этногенеза и этнической истории Средней Азии.	141
Исоков М. Марказий Осиё халкларининг кадим ва илк урта асрлардаги маънавий ва маърифий хаёти хакида айрим мулохазалар.	148
Ходжаев А. О сведениях древнейкитайских источников о государстве Фергана (Дайюнь)	160
<u>Абдухалик</u> Абдурасул угли. «Ипак мамлакати» хакида.	166
Ягодин В.Н., Ходжаниязов Г.Х., Статов В.А. Внешняя стена городища Казаклы-ятган	172
Абдулгазиева Б. К изучению типологии древа жизни в Средней Азии.	179
Богомолов Г.И. Развитие погребальных сооружений раннесредневекового Чача.	187
Бабаёров Г. Чач в период Тюркского каганата (по нумизматическим данным)	197
Баратова Л.С. Древнетюркский нумизматический комплекс.(современный уровень и перспективы изучения)	209

Лебедева Т.И. Типология погребений г.Самарканда и его округи второй половины VIII – первой половины X вв. н.э.	221
Камолиддин Ш.С. К вопросу об этнической ситуации в Средней Азии в IX-X вв.	231
Пачкалов А.В. Золотоордынские монеты на территории Средней Азии	242
Ниязова М. Инструменты ювелиров Бухары ретроспективно-исторический метод для изучения ювелирного дела	255
Аширов А.А. Этнос муаммоси академик-гадқиқотчи нигоҳида ва этнологиядаги замонавий назариялар таҳлили	261
Джуракулов М. Фидойи археолог ва зукко муроббий	267
Заметки	
Сайфуллаев Б. Обирахмат одами ҳақида айри мулохазалар	274
Рузанов В.Д. О металле могильника Вуадиль Ферганы эпохи бронзы.	277
Абдуразаков А.А, Азизов Д.Н. Қадимги Ёркурган ибодатхонаси устунидаги ранг-тасвирларнинг янги таҳлили	279
Буряков Ю.Ф., Аскарлов М.А. Физико-химические свойства продуктов плавки руд цветных и благородных металлов Илака.	282
Сапаров Н. Керамическая мышеловка из Пайкенда	286

ИСТОРИЯ УЗБЕКИСТАНА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Ответственный редактор А.А. Анарбаев

Редактор: М. Саидова

Технический редактор: Т.Х.Очилов

Корректоры: Е.И. Баданова, М.Х. Пардаев

Набор: М.В. Кондрикова, У. Вакилова

Издательство «ФАН» Академии наук Республики Узбекистан
700047. г. Ташкент, ул. Акад. Я. Гулямова, 70

ИБ № 122

*Издание осуществлено при поддержке узбекско-французской
археологической экспедиции*

Сдано в набор 9.08.2005 г. Подписано к печати 06.09.2005
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. лист. 31.5, Уч.изд.л. 31.75.
Бумага офисная. Тираж 500 экз. Заказ 116.

Отпечатано в Институте археологии АН РУз
703051, Самарканд, ул. акад. В. Абдуллаева, 3
Лицензия 18-0789